

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Анохин Ю.В., Пономарева В.В., Мырзалимов Р.М.</i> Участие органов прокурорского надзора в реализации политики коллективизации на территории Западной Сибири (кон. 1920 – нач. 1930-х гг.).....	5
<i>Винниченко О.Ю., Величко А.М., Мызников А.Е.</i> Формирование и развитие советской модели нотариата: историко-правовой анализ.....	12
<i>Гаврилов С.О., Величко А.М., Шулик Ю.С.</i> Договорные обязательства в гражданском законодательстве Псковской феодальной республики.....	18
<i>Ковалева В.В., Фатальникова Е.В.</i> Пределы правового регулирования в условиях технологических преобразований общества	24
<i>Лонская С.В., Пономарева В.В., Чернышев А.Е.</i> Экологическое законодательство Федеративной Республики Германии в кон. 1960-х – нач. 2000 гг.....	28
<i>Лукьянова М.Г.</i> Государственное планирование в сфере сохранения и укрепления российских духовно-нравственных ценностей с 1917 по 1942 гг.	35
<i>Савченко Д.А., Сорокин В.В., Мырзалимов Р.М.</i> Влияние европейского законодательства о нотариате на процесс формирования нотариального права Российской империи...	39
<i>Ягнешко М.В.</i> Формирование правовой модели приватизации в России в 1990–1991 гг.....	45
<i>Янкин Г.Н.</i> К вопросу о законодательстве ЕАЭС: историко-правовой аспект	51

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Богатырева М.Р.</i> Определение категории врачебной ошибки с позиции уголовного законодательства	58
<i>Бондаренко А.А.</i> Общественная палата Российской Федерации в системе выполнения властных функций.....	62
<i>Брыжова Е.М.</i> Добровольные обязательства в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках	66
<i>Загайнова Г.Г.</i> Частное определение в отношении судей: правовые основания, теория и практика.....	71
<i>Коровяковский Д.Г.</i> Правовое регулирование рекомендаций по формированию налоговой политики РФ в условиях санкций (в части таможенно-налогового регулирования внешнеэкономической деятельности).....	75
<i>Бондаренко А.А.</i> Формирование категории «нейроправа»: обобщение российского и международного опыта	82
<i>Коцюрко Е.П.</i> Особенности административно-правового регулирования высшего образования в условиях современного этапа трансформации	86
<i>Потапова Л.В.</i> К вопросу о внедрении информационных технологий в деятельность прокуратуры Российской Федерации.....	92

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Анджеевич**, д-р экон. наук, доц., Государственный университет по землеустройству; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джиджолья Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2023

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Брыжова Е.М.</i> Особенности структурных и поведенческих предписаний в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках	95
<i>Кудинов Д.А.</i> Правовое регулирование цифровой трансформации деятельности Госавтоинспекции	100
<i>Мустафина-Бредихина Д.М., Артымук В.А.</i> Правовая модель финансирования системы здравоохранения в США	104
<i>Кузякин Ю.П., Мухин А.И.</i> Цифровая трансформация таможенного контроля: состояние и перспективы	111
<i>Потапова Л.В.</i> К вопросу о некоторых особенностях юридической техники на примере актов прокурорского реагирования	118

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Джигоева Е.Г., Пискунова Н.И., Сазонова Т.В.</i> Актуальные вопросы возмещения вреда пациентам в условиях цифровизации медицины	121
<i>Дружков Н.А.</i> Доктрины «substantial performance» и «material breach» в англо-американском праве, сравнительно-правовой анализ	126
<i>Кузнецов Д.А.</i> Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с нарушением антимонопольного законодательства в арбитражном процессе	130
<i>Миროнова Л.Ю.</i> Повышение эффективности применения самозащиты в гражданском праве	134
<i>Нагдалян Д.А.</i> Взыскание неустойки и компенсации при несоблюдении условий корпоративного договора	139
<i>Пирсаидов С.Н.</i> Реализация института конкурсной способности в банкротном законодательстве	146
<i>Федоров А.М.</i> Понятие и правовая природа аккаунта в социальной сети	151
<i>Адаменко А.П., Пискунова Н.И., Целовальникова И.Ю.</i> Электронная форма сделки: проблемы теории и практики	156
<i>Эшпулатов Т.А.</i> Соотношение значения устава и корпоративного договора в гражданском праве	160
<i>Пожидаева Е.С.</i> Уступка права требования по денежным обязательствам, возникшим при осуществлении государственных (муниципальных) закупок	163
<i>Прошляков О.А.</i> Развитие института применения астрента в гражданском праве: на примере обособленных споров в делах о банкротстве	167
<i>Федоров А.М.</i> Договорные формы распоряжения исключительным правом на аккаунт в социальной сети	172
<i>Швец Л.В.</i> Антимонопольное регулирование координации экономической деятельности в государствах СНГ: сравнительно-правовой анализ	179
<i>Эшпулатов Т.А.</i> Правовая природа и особенности корпоративного договора с участием третьего лица	184

<i>Юхтанова А.С.</i> Критерии отнесения косметических услуг к лицензируемым видам деятельности	188
--	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Алекян Ж.С.</i> Ошибка – признак субъективной стороны состава преступлений?	193
<i>Александрова Л.А.</i> Нормы уголовного права, определяющие справедливость как итог правосудия	198
<i>Горбунов Т.Д.</i> Отражение института позитивной (проспективной) ответственности в уголовном законе	202
<i>Меженина Е.В.</i> Применение категорий «усмотрение», «совесть» и «профессиональное правосознание» при принятии решений судьями по уголовным делам	205
<i>Чулков И.А.</i> Проблемные вопросы доказывания обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	211
<i>Шкрабак В.А.</i> Проблемы сбора криминалистически значимой информации при производстве судебно-медицинской экспертизы скелетированных и мумифицированных трупов	215

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Мэн Гаочжэн, Ермакова Е.П.</i> Сравнительное исследование законодательства о юрисдикции по гражданским процессам, связанным с иностранными делами, между Китаем и Россией	219
<i>Киченина В.С.</i> Сравнительный анализ международных коммерческих арбитражей государств-участников ЕАЭС	225

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

<i>Архипов И.В.</i> Цифровое гражданское право: к вопросу о смене парадигмы	230
<i>Зеленова Д.А., Русс М.Д., Бородин В.А.</i> Международное сотрудничество в сфере противодействия химико-биологическому терроризму как средство охраны окружающей среды	236
<i>Сафин Т.И.</i> Вопросы привлечения к ответственности директора ООО за премиальные выплаты	242
<i>Давлетбаев А.А.</i> К вопросу об участии в налоговом мониторинге при соглашении и поощрении капиталовложений	248
<i>Долинин В.Н., Пермьяков М.В., Рачева Н.В.</i> Криминалистическая характеристика и классификация преступников при совершении серийных квартирных краж	251
<i>Малько А.В.</i> Юридическая аномия: общетеоретический анализ	257
<i>Иванов А.В.</i> Обратная легализация денежных средств	263

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Anokhin Yu.V., Ponomareva V.V., Myrzalimov R.M.</i> Participation of prosecutorial oversight bodies in the implementation of the collectivization policy on the territory of Western Siberia (late 1920s – early 1930s)	5
<i>Vinnichenko O. Yu., Velichko A.M., Myznikov A.E.</i> Formation and development of the Soviet model of notaries: historical and legal analysis)	12
<i>Gavrilov S.O., Velichko A.M., Shulik Ju.S.</i> Contractual obligations in the civil law of the Pskov feudal republic.....	18
<i>Kovaleva V.V., Fatalnikova E.V.</i> Limits of legal regulation in the conditions of technological transformations of society	24
<i>Lonskaya S.V., Ponomareva V.V., Chernyshev A.E.</i> Ecological law of the Federal Republic of Germany in the late 1960s – early 2000s.....	28
<i>Lukyanova M.G.</i> State planning in the field of preservation and strengthening of Russian spiritual and moral values from 1917 to 1942.....	35
<i>Savchenko D.A., Sorokin V.V., Myrzalimov R.M.</i> The influence of European legislation on notaries on the process of formation of the notarial law of the Russian Empire	39
<i>Yagneshko M.V.</i> Formation of the legal model of privatization in Russia in 1990–1991	45
<i>Yankin G.N.</i> On the issue of the EAEU legislation: historical and legal aspect	51

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Bogatyreva M.R.</i> Determination of the category of medical error from the standpoint of criminal law	58
<i>Bondarenko A.A.</i> The Public Chamber of the Russian Federation in the System of Power Functions.....	62
<i>Bryzhova E.M.</i> Voluntary commitments in cases of abuse of a dominant position in digital markets.....	66
<i>Zagaynova G.G.</i> Prejudicarian towards the judges: legal basis, theory and practice	71
<i>Korovyakovskiy D.G.</i> Legal regulation of recommendations on the formation of the tax policy of the Russian Federation in the context of sanctions (in terms of customs and tax regulation of foreign economic activity)	75
<i>Bondarenko A.A.</i> Formation of the category “neurolaw”: generalization of Russian and international experience	82
<i>Kotsyurko E.P.</i> Features of administrative and legal regulation of higher education in the conditions of the modern stage of transformation	86
<i>Potapova L.V.</i> Introduction of Information Technologies in the Activities of the Prosecutor’s Office of the Russian	92
<i>Bryzhova E.M.</i> Peculiarities of structural and behavioral remedies in cases of abuse of a dominant position in digital markets	95
<i>Kudinov D.A.</i> Legal regulation of the digital transformation of the activities of the State Traffic Inspectorate	100

<i>Mustafina-Bredikhina D.M., Artyuk V.A.</i> Legal model of financing the healthcare system in the USA.....	104
<i>Kuzyakin Yu.P., Mukhin A.I.</i> Digital transformation of customs control: status and prospects	111
<i>Potapova L.V.</i> To the question of some features of legal technique on the example of acts of prosecutorial response	118

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Dzhioeva E.G., Piskunova N.I., Sazonova T.V.</i> Actual issues of compensation for harm to patients in the context of digitalization of medicine	121
<i>Druzhkov N.A.</i> Doctrines “substantial performance” and “material breach” in common law, comparative legal analysis.....	126
<i>Kuznetsov D.A.</i> Procedural features of the consideration of disputes related to the violation of antimonopoly legislation in the arbitration process.....	130
<i>Mironova L. Yu.</i> Improving the effectiveness of self-defense in civil law.....	134
<i>Nagdalyan D.A.</i> Collection of forfeit and compensation in case of non-compliance with the terms of the corporate agreement.....	139
<i>Pirsaidov S.N.</i> Implementation of the Institute of Competitiveness in Bankruptcy Law	146
<i>Fedorov A.M.</i> The concept and legal nature of a social network account	151
<i>Adamenko A.P., Piskunova N.I., Tselovalnikova I. Yu.</i> Electronic form of the transaction: problems of theory and practice	156
<i>Eshpulatov T.A.</i> Correlation between the meaning of the charter and the corporate agreement in civil law	160
<i>Pozhidaeva E.S.</i> Assignment of the right to claim for monetary obligations arising from the implementation of state (municipal) purchases.....	163
<i>Proshlyakov O.A.</i> Evolvement of the institution of application of astrente in civil law: exemplified by separate disputes in bankruptcy cases	167
<i>Fedorov A.M.</i> Contractual forms of disposal of the exclusive right to an account in a social network.....	172
<i>Shvets L.V.</i> Antimonopoly regulation of the coordination of economic activity in the CIS countries: a comparative legal analysis	179
<i>Eshpulatov T.A.</i> Legal nature and features of a corporate agreement with the participation of a third party.....	184
<i>Yukhtanova A.S.</i> Criteria for attributing cosmetic services to licensed activities	188

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Alekyan Zh.S.</i> Error – a sign of the subjective side of the corpus delicti?	193
<i>Alexandrova L.A.</i> Norms of criminal law defining justice as the outcome of justice.....	198
<i>Gorbunov T.D.</i> Reflection of the institute of positive (prospective) responsibility in the criminal law	202

<i>Mezhenina E.V.</i> Application of the categories of “discretion”, “conscience” and “professional legal awareness” when making decisions by judges in criminal cases.....	205
<i>Chulkov I.A.</i> Problematic issues of proving the validity of choosing a measure of restraint in the form of detention.	211
<i>Shkrabak V.A.</i> Problems of collecting criminalistic significant information in the production of forensic medical examination of skeletonized and mummified corpses	215

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Meng Gaozheng, Ermakova E.P.</i> Comparative study of the legislation on jurisdiction in civil proceedings related to foreign affairs between China and Russia.....	219
<i>Kichenina V.S.</i> Comparative Analysis of International Commercial Arbitrations of the EAEU Member States	225

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Arkhipov I.V.</i> Digital Civil Law: on the issue of paradigm shift.....	230
<i>Zelenova D.A., Russ M.D., Borodina V.A.</i> International cooperation in the field of combating chemical and biological terrorism as a means of protecting the environment.....	236
<i>Safin T.I.</i> Issues of bringing to responsibility Director of LLC for bonus payments.....	242
<i>Davletbaev A.A.</i> To the question of participation in tax monitoring under the agreement and encouragement of investments	248
<i>Dolinin V.N., Permyakov M.V., Racheva N.V.</i> Criminalistic characteristics and classification of criminals in the commission of serial burglaries.....	251
<i>Malko A.V.</i> Legal anomie: general theoretical analysis	257
<i>Ivanov A.V.</i> Reverse money laundering	263

Участие органов прокурорского надзора в реализации политики коллективизации на территории Западной Сибири (кон. 1920 – нач. 1930-х гг.)

Анохин Юрий Васильевич,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет
E-mail: anohin1963@rambler.ru

Пономарева Валерия Владимировна,

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: valery_e378he@mail.ru

Мырзалимов Руслан Муратбекович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет
E-mail: Rrd231@rambler.ru

Статья посвящена проблемам организационно-правового развития системы прокурорского надзора и функциональной направленности деятельности региональной сибирской прокуратуры на этапе социально-экономической модернизации 1920–1930-х гг. Констатируется, что изменения в деятельности региональной прокуратуры были обусловлены радикальным усилением «вертикали власти», расширением полномочий общесоюзных властных институтов, вызванным постоянными процессами реформирования экономики и социальной сферы. Анализируя роль прокуратуры в реализации аграрной политики в России, авторы приходят к выводу о том, что ее не следует рассматривать в качестве объективного независимого арбитра: снисхождение и гуманизм судебной практики изначально рассматривались как нарушения принципов советского судопроизводства и фактическое содействие классовому врагу. Отмечается, что задачи прокурорского надзора и судебных органов в процессе коллективизации, не ограничивались одними лишь мерами по борьбе с кулачеством. Миссия прокуратуры заключалась и в преодолении всех негативных тенденций в процессе организационного строительства колхозов.

В то же время, форсирование темпов работы судебных и прокурорских органов не могло не отразиться в худшую сторону на качестве расследования. Подобная организация прокурорской деятельности не могла не приводить к усилению репрессивной политики в отношении крестьянства, усугубляя экономическую и социальную ситуацию, способствуя незаконию и соответственно протестным настроениям в крестьянской среде.

Ключевые слова: судебная система, прокуратура, органы прокурорского надзора, коллективизация, Западная Сибирь.

Организационно-правовое развитие системы прокурорского надзора, включая региональные учреждения прокуратуры, было обусловлено радикальным усилением «вертикали власти», расширением полномочий общесоюзных властных институтов, вызванным постоянными процессами реформирования экономики и социальной сферы [9, с. 101]. Перестройка аппарата органов советской юстиции с функциональной на производственно-территориальную привело к фактической ликвидации общего и судебного надзоров и появлению, наряду с промышленным, надзора кооперативного и сельскохозяйственного [7, с. 88]. Сложные социально-экономические процессы в сибирской деревне на этапе перехода от политики «военного коммунизма» к НЭПУ, сопряженные, с одной стороны, с имущественным расслоением крестьянства, а с другой, с оживлением предпринимательства, ростом товарооборота, увеличением количества гражданско-правовых сделок, потребовали от региональной прокуратуры более активной работы в сельской местности.

Этого требовали и отчетливо проявившиеся в середине 1920-х гг. тенденции бюрократизации местного партийного и государственного аппарата, влекущие за собой угрозу роста коррупционных настроений. В одном из выступлений председателя Кузнецкого окружного суда Ф.А. Друсеви́ча отмечалось: «Органы прокурорского надзора ведут огромнейшую и ответственнейшую работу в деревне в области вскрытия и пресечения административного произвола, взяточничества, кумовства разгильдяйства» [5, л. 92].

Важность работы в сельской местности определяли и сохранившиеся в условиях возрождения рыночной экономики прежние идеологические установки, определявшие политику содействия бедняцким и батрацким элементам крестьянства, рассматривавшихся властью в качестве социальной опоры режима в сельской местности, и меры по ограничению чрезмерных притязаний кулачества, а впоследствии, полному вытеснению кулачества из аграрного сектора экономики [6, с. 246]. Так, на совещании работников Сибирской краевой прокуратуры в сентябре 1927 г. отмечалось: «Учитывая рост экономики сельского хозяйства и усиливающийся товарооборот страны, наряду с ростом промышленности, создают неизбежно

в деревне всевозможного рода сделки экономического характера, заключаемые между более зажиточной частью деревни, с одной стороны, беднотой и батрачеством, с другой, при наличии развития этих экономических взаимоотношений, на прокуратуру возлагается весьма ответственной задачей – проводить надзор за выполнением законов советской власти с тем, чтобы не допускать их нарушения и тем самым искривления проводимой нашим законодательством политики направленной на защиту интересов батрачества и бедноты.

Т.о., роль прокуратуры в реализации аграрной политики в России мы, по-прежнему, можем определять в качестве «ока государева», стража законности, однако, на наш взгляд, не следует рассматривать ее в качестве объективного независимого арбитра.

В то же время, приуменьшать роль прокурорских органов в обеспечении законности в сельской местности и полностью сводить ее исключительно репрессий в отношении зажиточного крестьянства, с нашей точки зрения, недопустимо. Так, из 1254 жалоб по Сибирскому краю 1121 была удовлетворена. За 1926–1927 годы за незаконные действия против крестьянства, растраты и подлоги, превышение власти, работниками Сибирской краевой прокуратуры было возбуждено 2232 уголовных дел против местного чиновничьего аппарата (работников райисполкомов, сельсоветов, кооперации).

«Великий перелом» 1928–1929 г.г., начало коллективизационных преобразований и поворот к политике ликвидации кулачества как класса не могли не наложить свой отпечаток на специфику деятельности прокурорских органов. Согласимся с В.В. Коровиным: «... установка Коммунистической партии и Советской власти на дальнейшее обострение классово-борьбы в процессе социалистических преобразований, на борьбу с т.н. чуждыми элементами в конце 1920-х г.г., стала главной, определяющей в карательной политике советского государства» [8, с. 31].

Так, уже в конце 1927 г. лицам прокурорского надзора было предписано «обратить особо сугубое внимание на необходимость организации при РИКах столов по использованию и учету осужденных лиц к общественно-принудительным работам» [5, л. 48].

Отметим одно любопытное обстоятельство: в кампанию по раскулачиванию работники региональной прокуратуры включились еще до формальной постановки вопроса о ликвидации кулачества как класса. С нашей точки зрения, первые шаги в этом направлении были проделаны еще в январе 1928 г. Секретная инструкция зам. председателя Кузнецкого окружного суда И.С. Долматова и окружного прокурора Е.М. Лепендина, датированная 24.01.1928 г. требовала от судебных исполнителей округа при поступлении к ним судебных приказов по ссудам, исполнительных листов по различным взысканиям, приговоров по штрафам, по которым ответчиками и обвиняемыми являлись представители

кулачества – немедленно приступать к проведению описи и продажи имущества последних, игнорируя при этом ст. 260 действующего ГПК. При описи имущества для продажи предписывалось обращать особое внимание на зерновые продукты (рожь, пшеницу), в первую очередь включая их к продаже, с соблюдением ст. 271 ГПК. В инструкции указывалось на то, что на зерновые продукты не подлежали продаже с торгов, а в соответствии со ст. 300-а ГПК продавались исключительно хлебозаготовительным органам: кооперации, Селькредитам, Росторгам и по твердо установленным ценам. В случае недостачи для покрытия долга или штрафа зерновых культур следовала продажа остального имущества путем назначения торгов. Примечательно, что авторы инструкции указывали на то, что ее содержание не распространялось на представителей бедноты, а к середняцкому же хозяйству должно было применяться избирательно, лишь в исключительных случаях, при наличии злого уклонения от платежа, к самогонщикам, и «злостным держателям хлеба» [2, л. 8].

Документ этот, на наш взгляд, довольно примечателен. Во-первых, отметим правовой нигилизм блюстителей закона, своим решением отменяющим действие статьи ГК.

Во-вторых, обратим внимание на крайнюю расплывчатость формулировок (злостное уклонение от платежа, злостные держатели хлеба и т.д.), позволявшую наследователям, прокурорам и судьям действовать по своему усмотрению и создающую неограниченные возможности для произвола.

В-третьих, очевидно, что краевые чиновники прекрасно себе представляли будущее, уготованное кулакам. Не случайно в пункте о продаже имущества последних с торгов появилось уточнение «..при этом отнюдь не допуская продажи инвентаря, машин, плугов» [2, л. 8]: все это впоследствии составит материально-техническую базу коллективных хозяйств.

Справедливости ради следует отметить, что в самом начале реализации политики «ликвидации кулачества как класса» прокуратура еще пыталась «сохранить лицо», подвергая критике неоправданные репрессивные действия на местном уровне. Так, в дополнении к уже отмечавшимся выше секретным циркулярам Крайсуда, Крайпрокурора и Управления ОГПУ по Сибири от 19.01.1928 г. Окружной прокурор Кузнецкого округа обращал внимание участковых прокуроров на те ошибки, которые зачастую допускаются ими при привлечении к суду «злостных держателей хлеба» и спекулянтов.

По инициативе местных прокурорских работников к уголовной ответственности в порядке ст. 107 УК привлекаются крестьяне не кулаки, имеющие небольшие запасы хлеба (150–200 пудов) и не спекулирующие им, происходят конфискации помимо хлеба и другого имущества (надворные постройки, рабочий скот ит.д.) [2, л. 13].

Впрочем, данный документ, как и многие подобные директивы того периода оставляет двойственное впечатление.

С одной стороны, стремление защитить от репрессивной политики самую массовую категорию крестьянства позволяет сделать вывод, что и в период жесткой правовой политики периода форсированного социалистического строительства прокуратура не утратила окончательно свою правоохранительную функцию.

С другой стороны, требования Окружного прокурора прекратить выявление кулака путем «шаринья у него амбарах, а пользоваться другими источниками» [3, л. 43], с нашей точки зрения, означает ничто иное как поощрительство массового доносительства.

Упрек же прокурора в том, что «...директивы, данные в области тех или иных отступлений от формальных требований закона на местах иногда принимаются участковыми прокурорами как отрицание законности вообще», как нам представляется, находится за пределами здравого смысла, в принципе. Вряд ли следует ожидать от прокурорских работников, начальство которых едва ли не ежедневно требует не обращать внимание на ту, или иную норму, иного отношения к законности.

Содержание предписаний Кузнецкого Окружного прокурора отражало все противоречия рассматриваемого периода: любое изменение политической линии прослеживалось в характере его указаний. Так, в период временной либерализации социально-экономической политики в деревне после преодоления первого кризиса хлебозаготовок весной – летом 1928 г. и попытка «примирения» с крестьянством, в своем секретном письме от 05.03.1928 г., адресованном нарсудам Кузнецкого округа, Председатель Окружного суда и Окружной прокурор отмечали, что из обзора сводок и приговоров по ст. 107 УК видно, что директивы, данные как Сибкрайсудом, так и Окружным судом, в частности циркуляром от 19.01.1928 г. и рядом дополнительных распоряжений края и округа систематически не выполняются. Данные директивы достаточно ясно определяли круг лиц, подлежащих привлечению по ст. 107 и меры социального воздействия; при этом особо указывалось, что борьба идет исключительно за хлебный рынок и против кулака, и конфискации подлежат скрытые запасы хлеба, мяса и другого сырья, служащие предметом спекуляции и на недопустимость карательных мер против середняка [2, л. 13].

На деле, возмущались руководители правоохранительных структур округа, получилось обратное явление – не удар законом по спекулянту – держателю хлеба, не борьба за хлеб, а раскулачивание в чистом виде. Привлекаются крепкие многосемейные хозяйства (12–20 чел.), зачастую не имеющие большого количества хлеба, конфискуется весь хлеб без оставления необходимого семенного фонда, зерна для пропитание семьи и фуража. Привлекаются к ответственности «крестьяне – культурники» за покупку зерна высокого качества, конфискуется не только хлеб, но и крупный и мелкий скот, домашние вещи и т.д., что особенно может дискредитировать власть в глазах

широких масс крестьянства. Конфискуются наравне с хлебом сложные сельскохозяйственные машины – молотилки, косилки, жатки и т.д. Все это может создать в широких слоях крестьянства настроение о недопустимости держания сельскохозяйственных машин

Помимо всего указанного, из тех же приговоров и сводок, просмотренных Окружным судом достаточно устанавливается, что нарсуды в порядке ст. 23 УК по делам, связанным со ст. 60 УК назначают в виде дополнительной меры социальной защиты чрезмерно высокие штрафы, абсолютно в данном случае не оправданные. Отмечались случаи, когда за несвоевременную уплату 5–10 руб. ЕСХН или страховки, середнякам назначались дополнительные штрафы в размере 40–100 руб. По мнению нового председателя Окружного суда Клещюка, сменившего Друсевиича в 1928 г., и Окружного прокурора «такое огульное и необдуманное назначение штрафов несомненно дискредитирует суд в глазах населения».

Исходя из всего вышеизложенного, руководители правоохранительной системы округа предложили меры, которые, по их мнению, смогли бы восстановить утраченное доверие:

Во-первых, при рассмотрении дел, связанных со ст. 107 УК соблюдать указания Циркуляра Сибкрайсуда № 3/с-5/с от 19 января 1928 г., привлекая по этой статье лишь держателей больших запасов хлеба из числа кулаков, «как скупающих хлеб, так и не выпускающих своих хлебных запасов на рынок», не допуская при этом привлечения к ответственности середняков.

Во-вторых, прекратить конфискацию той части имущества обвиняемых, которая не являлась предметом спекуляции.

В третьих, при конфискации, оставлять осужденному зерно в количестве необходимого для пропитания и посевов.

В-четвертых, назначение в порядке ст. 23 УК дополнительных штрафов производить в строго определенных случаях и только в отношении злостных неплательщиков, сообразуясь с имущественным положением последних. Штрафы должны назначаться в размере 5–20 руб., и превышать только в исключительных случаях¹.

Справедливости ради следует отметить, что сам Краевой суд не всегда поспевал за быстро меняющейся социально-политической ситуации и предлагал Окружным судам и сотрудникам прокуратуры действовать по своему усмотрению. В своем письме на имя Председателя Щегловского окружного суда² в феврале 1930 г. Председатель Краевого Суда Сибири Г.Я. Мерэн отметил, что, несмотря на то, что Краевой суд в своих циркулярах и приказах дает директивы как «общепро-

¹ Последнее уточнение, на наш взгляд, полностью лишало смысла все сказанное выше [Прим. авторов].

² Ошибка в документе. В действительности Щегловского окружного суда никогда не существовало. Кузнецкий окружной суд (1925–1930 гг.) лишь располагался в г. Щегловск [Прим. авторов].

литического руководящего порядка», так и в виде конкретных указаний, они «отнюдь не могут посчитаться исчерпывающими по всем тем вопросам судебной политики и практики, которые возникают на месте в работе Окружного суда, Народных судов и прокуратуры» [4, л. 23].

Поэтому, по мнению Г.Я. Мерэна, каждый судебный работник и работник прокуратуры должны быть надлежащим образом подготовлены к самостоятельным решительным действиям, «в чем бы контрреволюционное выступление не проявлялось».

Начало осенью 1928 г. второго кризиса хлебозаготовок и усиление репрессивной политики привело к тому, что из предписаний руководителей органов прокурорского надзора, адресованным нижестоящим работникам прокуратуры окончательно исчезает правозащитная риторика. Так, в циркуляре Сибирского краевого суда и Краевого прокурора Сибири № 3/с 1/с от 27.12.1928 г., подписанном Зам. Председателя суда И.С. Бранецким и И.о. Краевого прокурора А.В. Куприяновым отмечалось, что «мероприятия партии и Советской власти, предпринятые для проведения в жизнь выдвинутого XV съездом партии лозунга о дальнейшем наступлении на кулачество, в частности проведенный «налоговый зажим»¹, усиление колхозного строительства, укрепление связи с беднячеством и средним классом усилившейся в связи с этим изоляции кулака, – встречает со стороны кулацкой части деревни всяческий отпор, который за последнее время выливается в формы активного, иногда в достаточной мере хорошо организованного противодействия проведенным мероприятиям и организацию террористических актов пробив советских, общественных и партийных работников деревни» [2, л. 72].

Данные обстоятельства, по мнению авторов циркуляра, приводят к тому, что «и борьба с преступлениями кулачества должна носить выраженный политический характер, решительного классового отпора против обнаглевшего классового врага».

Для обеспечения действенности этой борьбы, по мнению И.С. Бранецкого и А.В. Куприянова, необходимо было соблюсти два основных условия: оперативность следствия и судебного разбирательства и жесткость репрессивных санкций. С этой целью практические указания руководителей правоохранительной системы региона также не отличались особым либерализмом. Так, к расследованию преступлений кулаков необходимо было приступить не позднее, чем через 24 часа после их совершения. Само расследование по срокам не должно было превышать двух недель, осуществляться совместно с органами ОГПУ, обеспечивая выявление всех лиц, причастных к преступлению, и проводиться на месте совершения преступления, под руководством прокурора. Рассмотрение дела судом необходимо было обеспечить в течение двух недель после поступления дела в суд, при этом

¹ Так в тексте [Прим. авторов].

«судебная репрессия» должна была быть в одинаковой степени жесткой как в отношении непосредственных участников преступления, так и их вдохновителей.

Примечателен, с нашей точки зрения, и тот факт, что прокурорам прямо указывалось на необходимость немедленного опротестования вынесенных «неправильных и несоответственно мягких приговоров». Т.о., снисхождение и гуманизм судебной практики изначально рассматривались как нарушения принципов советского судопроизводства и фактическое содействие классовому врагу.

Особое внимание прокурорских работников в рассматриваемый период времени было обращено на обеспечение процесса хлебозаготовок.

На основании циркулярных распоряжений №№ 3/с – 5-с от 19.0.1928 г. и постановления Окртройки при Кузнецком Окрисполкоме в связи с проведением «ударной» хлебозаготовительной кампании и необходимостью принятия срочных мер в отношении кулацких элементов деревни, держателей хлеба, скупщиков, «агитаторов по взвинчиванию цен и не сдачу на хлебозаготовительные пункты хлеба» судьи и прокурорские работники объявлялись мобилизованными. Народным судьям и сотрудникам прокуратуры предлагалось:

- все дела, возникающие по ст. 105 и 107 УК рассматривать в «ударном порядке»; все иные назначенные дела должны были быть перенесены на другое время;
- дела, возбужденные в период проведения кампании 1928 г. по должностным преступлениям, предусмотренным ст. 111 УК в отношении председателей сельсоветов, членов сельсоветов и других лиц необходимо было рассматривать Нарсудами с последующей санкцией Окрсуда; для этого Нарсуды обязаны были извещать Окрсуд о поступивших делах с просьбой санкционирования таковых и, не дожидаясь его санкции, приступить к их рассмотрению;
- «ударным порядком» надлежало расследовать и рассматривать дела по налоговым преступлениям (ст.ст.60, 62 УК), причем повторность неплатежа должна была констатироваться и тогда, когда лицо не уплатило сельхозналог и страховые своевременно. Дело в этом случае должно возбуждаться по ч. 1. ст. 60 УК;
- при обжаловании вышеперечисленных дел день слушания должен был быть назначен также в самый кратчайший срок;
- при конфискации, в первую очередь, необходимо обеспечить первоочередное изъятие излишков;
- копии приговоров по делам, связанным со ст. 105 и 107 УК должны немедленно отправляться в Окрсуд [2, л. 5].

Окончательно роль и основные мероприятия практического участия органов прокурорского надзора в обеспечении процессов и раскулачивания были определены в феврале 1930 г. в Директивном письме Сибирского краевого суда и краевого Прокурора Сибири всем Окрсудам и окружным

прокурорам, утвержденном Пленумом Крайсуда от 05.02.1930, и подписанном Председателем Крайсуда Г.Я. Мерэном и ВРИО Краевого прокурора В.М. Бурмистровым.

Письмо констатировало, что в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 2.02.1930 г., намечающим ряд мероприятий, которые должны быть проведены в районах сплошной коллективизации для ликвидации кулачества, экспроприация средств производства кулаков и их выселение производится как общее правило, соответствующими органами власти в административном, а не судебном порядке. Данное обстоятельство, по мнению авторов письма, «еще более подчеркивает задачу судебных и прокурорских органов обрушиться всей силой судебной репрессии на кулаков в той, или иной мере и форме противодействующих проведению мероприятий партии и правительства».

Директивное письмо определяло и конкретные задачи в данной области:

1. Дальнейшая беспощадная борьба с помощью судебной репрессии со всеми прямыми контрреволюционными выступлениями кулака, террористическими актами против советских активистов, поджогами и уничтожением имущества, колхозов;
2. беспощадная борьба со всеми видами кулацкой агитации против колхозного строительства: агитации против вступления в колхоз, за убой скота и разбазаривание имущества перед вступлением в колхоз, за уменьшение посевной площади, за срыв исполнения агроминимума и проведения лесозаготовок;
3. борьба против всех остальных видов кулацкого сопротивления, в частности, против «политического хулиганства», т.е., хулиганских действий, имеющих своей целью срыв тех или иных мероприятий власти; они, по мнению авторов директивы, должны встретить со стороны судебного аппарата и прокуратуры «...самый решительный отпор в виде определения максимальных мер, предусмотренных 2 ч. 74 ст. УК, если это хулиганство не перерастает в активное выступление кулачества направленное к прямому срыву того или иного мероприятия власти. В этом последнем случае необходимо применять в зависимости от конкретных обстоятельств дела одну из статей о контрреволюционных преступлениях;
4. Наряду с принятием мер по борьбе с кулачеством, противодействующим партийно-государственному курсу, необходимо обеспечить противодействие случаям расхищения или разбазаривания экспроприированного у кулаков имущества должностными лицами, присвоения этого имущества или передачи его не по назначению» [1, л. 11].

По всем перечисленным преступлениям, «**перечень которых отнюдь не является исчерпывающим**» (!), судебные органы должны были обеспечить быстроту и суровость репрессии, ориентируясь при этом на общую политику ликвидации кула-

чества как класса. Суды, по требованию прокуратуры, должны были широко применять к кулакам конфискацию всего имущества и средств производства и ставить вопрос об их высылке и ссылке.

Отметим, что, судя по содержанию директивного письма, задачи прокурорского надзора и судебных органов в процессе коллективизации, не ограничивались одними лишь мерами по борьбе с кулачеством. Миссия прокуратуры заключалась и в преодолении всех негативных тенденций в процессе организационного строительства колхозов. Оно «...может тормозиться расхлябанностью, халатностью отдельных должностных лиц, неправильным разрешением споров имущественного порядка между членами колхозов, неправильной организацией труда и быта в колхозах и т.д» [1, л. 7].

Таким образом, упрощать деятельность прокуратуры в обеспечении законности в сельской местности, сводя ее исключительно к репрессиям в отношении зажиточного крестьянства, с нашей точки зрения, недопустимо. По мнению Г.Я. Мэрена и В.М. Бурмистрова, необходимо привлекать к ответственности должностных лиц, извращающих методы коллективизации путем вовлечения в колхозы бедняков и середняков мерами административного принуждения [10, с. 320]. Особо отметим тот факт, что данное указание было дано окружным прокурорам в феврале 1930 г., за месяц до публикации статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой, как принято утверждать, впервые обращалось внимание на подобные «перегибы» [11], а также статьи П.И. Стучки «Революции и революционная законность» [12], отмечавшего, что идея законности не противоречит социалистической революции, т.к. одним из орудий пролетарской диктатуры является закон [10, с. 320].

Примечательно, что периодически звучавшие призывы к сдержанности и строгому следованию закону касались не только процессов коллективизации и раскулачивания. Так, 17 февраля 1930 г. по распоряжению зам. Наркома юстиции П.И. Стучки председателям краевых и областных судов, краевым и областным прокурорам для сведения и распространения по округам была направлена телеграмма Председателя СНК РСФСР С.И. Сырцова, адресованная последним Председателям областных и краевых исполкомов Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов¹.

В телеграмме констатировался тот факт, что в последнее время получила распространение ошибочная и крайне вредная практика широких необоснованных обысков, незаконных изъятий имущества в городах, распространявшаяся не только на частных и нэпманов, но и ремесленников, служащих, и даже на отдельных рабочих. Содержание документа свидетельствует о причинах обеспокоенности центра.

Во-первых, речь идет о вполне прогнозируемых экономических осложнениях: попытки механически административными мерами вытеснить

¹ Сама телеграмма датирована 14.02.1930 г. [Прим. автора].

частника, в особенности в области торговли продовольственными товарами приводит к исчезновению с рынка продуктов, ликвидации крестьянского привоза, быстрому удорожанию продуктов.

Во-вторых, данные перегибы, по мнению столичных чиновников, «извращают идею революционной законности, создают «...тревожное настроение, укрепляют почву для враждебных советской власти, рабочему классу элементов, подрывают доверие местным органам власти, обезличивают их».

К такой же осторожности призывали участковых прокуроров, судей и народных следователей Кузнецкого округа в своем директивном письме от 01.07.1930 г. председатель Кузнецкого Окружного суда Шулепов и зам. окружного прокурора Веженков. Конституируя массовый убой скота, отказ отдельных крестьян и даже целых деревень сдавать законтрактованный у них скот, окружные руководители заявляли: «...Судебные дела должны возбуждаться исключительно против кулаков, «особенно чутко и с исключительной осторожностью необходимо подходить к середняку» и ни в коем случае не возбуждать возбуждения судебных дел против бедняков».

Тем не менее, часто звучащие в инструктивных письмах руководящих прокурорских работников призывы к осторожности и неукоснительному следованию закону, не должны вводить в заблуждение. Основное содержание инструкций не оставляло местным прокурорским работникам ни малейшей тени сомнения в необходимости применения чрезвычайных мер и их обоснованности. Так, в уже упоминавшемся инструктивном письме от 05.02.1930 г. содержалось требование о немедленной организации судебной-прокурорских бригад для выезда в те села, которые оказывают наиболее злостное сопротивление контрактации. В вопросе возбуждения судебных дел необходимо было учитывать следующие обстоятельства: с момента возбуждения дела до окончания его рассмотрения должно было пройти не более 1–3 суток; дело должно было рассматриваться на месте, в порядке показательного процесса и «...классовая линия должна быть четко выдержанной, а мера социальной защиты должна быть жесткой» [1, л. 13].

В целом, по мнению авторов письма, необходимо форсировать темпы работы судебных и прокурорских органов: «...надо добиться, что бы сроки прохождения всех без исключения дел исчислялись не месяцами и даже не неделями, а днями» [1, л. 10].

Последняя установка, с нашей точки зрения, имеет принципиальный характер. Безусловно, пропагандируемая штурмовщина объективно не могла не отразиться в худшую сторону на качестве расследования, выявлению в ходе расследования объективной истины. Подобная организация прокурорской деятельности не могла не приводить к усилению репрессивной политики в отношении крестьянства, усугубляя непростую экономическую и социальную ситуацию, способствуя безза-

конию и соответственно протестным настроениям в крестьянской среде.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-218. Оп.1. Д.25.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-218. Оп.1. Д.9.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-218. Оп.1. Д.19.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-218. Оп.1. Д.23.
5. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-40. Оп.1 Д.24.
6. История суда и правосудия в России. Т. 7. Судостроительство и судопроизводство периодов НЭПа и построения основ социализма (1921–1956 годы) / В.М. Сырых. – М., 2021. – 688 с.
7. Кодинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. 30–50-е годы XX века. – Куртамыш, 2008. – 589 с.
8. Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. – М.,1998. – 256 с.
9. Курицын В.М. История Отечественного государства и права. 1929–1945 гг. – М., 2016. – 407 с.
10. Максимова О.Д. Законотворчество в СССР в 1922–1936 гг. – М., 2014. – 400 с.
11. Сталин И.В. Головокружение от успехов // И.В. Сталин Сочинения. – Т. 12. – М.: 1949. – С. 191–199.
12. Стучка П.И. Революция и революционная законность // Советское государство и революция права. 1930. – С. 16–22.

PARTICIPATION OF PROSECUTORIAL OVERSIGHT BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE COLLECTIVIZATION POLICY ON THE TERRITORY OF WESTERN SIBERIA (LATE 1920S – EARLY 1930S)

Anokhin Yu.V., Ponomareva V.V., Myrzalimov R.M.
Altaj State University; Kemerovo State University

The article is devoted to the problems of organizational and legal development of the system of prosecutorial supervision and the functional orientation of the activities of the regional Siberian prosecutor's office at the stage of socio-economic modernization of the 1920s – 1930s. It is stated that the changes in the activities of the regional prosecutor's office were due to the radical strengthening of the «vertical of power», the expansion of the powers of all-Union government institutions, caused by the constant processes of reforming the economy and the social sphere. Analyzing the role of the prosecutor's office in the implementation of agrarian policy in Russia, the authors come to the conclusion that it should not be considered as an objective independent arbiter: the indulgence and humanism of judicial practice were initially seen as violations of the principles of Soviet legal proceedings and actual assistance to the class enemy. It is noted that the tasks of prosecutorial supervision and the judiciary in the process of collectivization were not limited to measures to combat the kulaks. The mission of the prosecutor's office was also to overcome all negative trends in the process of organizational building of collective farms. At the same time, the speeding up of the pace of work of the court and prosecutorial bodies could not but affect the quality of the investigation for the worse. Such an organization of prosecutorial activity could not but lead to an increase in the repressive policy against the peasantry, aggravating the economic and social situation, contributing to lawlessness and, accordingly, protest moods among the peasantry.

Keywords: court's system, prosecutor's office, prosecutor's supervision, collectivization, Western Siberia.

References

1. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). F. R-218. In.1. F.25.
2. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). F.R-218. In.1. F.9.
3. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). F.R-218. In.1. F.19.
4. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). F.R-218. In.1. F.23.
5. State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). F.R-40. In.1. F.24.
6. History of court and justice in Russia. T.7. Judiciary and legal proceedings of the periods of the NEP and building the foundations of socialism (1921–1956) / V.M. Syrykh. – M., 2021. – 688 p.
7. Kodintsev A. Ya. State policy in the field of justice in the USSR. 30–50s of the XX century. – Kurtamysh, 2008. – 589 p.
8. Korovin V.V. History of domestic security agencies. – M., 1998. – 256 p.
9. Kuritsyn V.M. History of domestic state and law. 1929–1945. – M., 2016. – 407 p.
10. Maksimova O.D. Legislation in the USSR in 1922–1936. – M., 2014. – 400 p.
11. Stalin I.V. Dizziness from success // I.V. Stalin. Works. – V. 12. – M.: 1949. – p. 191–199.
12. Stuchka P.I. Revolution and revolutionary legality // Soviet state and revolution of law. 1930. – p.16–22.

Формирование и развитие советской модели нотариата: историко-правовой анализ

Винниченко Олег Юрьевич,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: ole.vinnichenko@yandex.ru

Величко Алексей Михайлович,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: vizant63@yandex.ru

Мызников Александр Евгеньевич,

соискатель кафедры государственного и административного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: constlaw@kemsu.ru

В статье рассматриваются проблемы формирования и генезиса системы нотариальных органов в советский период отечественной государственности. Определяются основные этапы развития отечественного нотариата. Анализируются организационно-правовые особенности советской модели нотариата, нормативные основания и функциональная направленность деятельности нотариальных органов. Отмечается, что в послевоенный период законодательство о нотариате отличалось известной стабильностью, в этой части демонстрируя существенное отличие от процессов, происходящих в отраслевом законодательстве, что не лучшим образом отражалось на качестве нотариальной практики. Подробно рассматривается содержание законодательства о нотариате 1970–1980-х гг. Формулируется ввод о том, что история института советский нотариата на протяжении трех основных этапов его развития демонстрировала неразрывную взаимосвязь с основными процессами государственно-правового развития страны. Система нотариата проходила процесс институционализации постепенно, по мере роста и расширения гражданского оборота в стране, демонстрируя постепенное совершенствование правового регулирования нотариальной практики и на всех этапах своего организационно-правового развития и представляла собой систему государственных органов, задачами которой являлся контроль за законностью в сфере гражданского оборота, охрана государственной, колхозно-кооперативной и иных видов социалистической собственности, защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также профилактика правонарушений, осуществляемые посредством совершения предусмотренных законодательством нотариальных действий.

Ключевые слова: нотариат, нотариальные конторы, законодательство о нотариате, нотариальная практика.

Развитие системы нотариальных органов советского периода истории российской государственности представлял собой сложный и достаточно противоречивый процесс. Формирование отечественного законодательства о нотариате на союзном и республиканском уровнях включало в себя несколько последовательных этапов, каждый из которых характеризовался существенными особенностями, отличавшими его от предшествующего и последующего периодов, а зачастую прямо противоречащими прежним институциональным особенностям нотариата.

Первый этап развития советского нотариата, следует датировать периодом 1917 – сер. 1920-х гг. Его отправной точкой стали мероприятия, предпринятые пришедшим к власти в ходе Октябрьского переворота 1917 г. новым большевистским руководством в экономической (упразднение института частной собственности на основные средства производства, включая землю) и государственно-правовой (ликвидация прежней модели организации системы российской юстиции) сферах.

В стране были запрещены сделки с недвижимостью (Декрет СНК от 14 декабря 1917 г.), отменены дарение (Декрет СНК от 20 мая 1918 г.) и частная собственность на недвижимое имущество (Декрет СНК от 24 августа 1918 г.), что по существу свидетельствовало о ненужности нотариата. Постановлением СНК, опубликованным 16 сентября 1918 г., было прекращено действие Положения о нотариальной части.

Данная ситуация усугублялась реалиями гражданского противостояния, приведшими к фактическому свертыванию товарно-денежных отношений и ликвидации гражданского оборота.

Тем не менее, говорить о полном свертывании нотариальной практики на этапе «военного коммунизма» было бы упрощением. В ограниченном виде она продолжала существование, но при этом определить ведомственную принадлежность ее субъектов, равно как и их самостоятельность предельно сложно.

Реформирование нотариальных органов в 1918–1918 гг. чем то напоминало аналогичные мероприятия в судебной сфере, характеризовалось бессистемностью и известной хаотичностью. Так, в 1917–1918 гг. нотариальные функции были переданы соответствующим отделам местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возглавляемым «народными нотариусами». При этом никаких четких их должностных обязанностей, равно как и механизма их формирования не существовало. Летом 1918 г. по ини-

циативе Наркомата юстиции РСФСР, контролируемого до начала июля представителями партии «левых эсеров», был разработан проект Временного положения о нотариальных отделах, который содержал все необходимые нормативные предписания на сей счет, однако еще до его утверждения новый большевизированный состав НКЮ принял решение о расформировании всех нотариальных отделов¹. В результате зимой 1918/1919 гг. никаких специализированных нотариальных органов в стране просто не существовало. Функции последних были переданы различным отделам Советов (юридическим, коммунальным, социальным), исполкомам местных Советов, и, частично, народным судьям [5, с. 39].

Период тотального отрицания института нотариата закончился достаточно быстро. В конце февраля 1919 г. Наркомат юстиции отменяет свое прошлогоднее решение и предлагает идею создания нотариальных столов: в сельской местности они должны были создаваться при уездных народных судах, а в городах – при губотделах юстиции [13, с. 24].

Восстановление определенной организационной структуры нотариата, конечно, не означало возрождение существовавшего ранее института: нотариальные столы в своей деятельности были полностью не самостоятельны, более того, достаточно сложно определить и направления этой деятельности – они не были закреплены нормативно.

В результате нотариальная практика в 1919–1920 гг. сводилась в основном к удостоверению и заверению различного рода фактов (копий, подписей, и пр.) [3, с. 145].

Переход Советской власти к новой экономической политике (НЭП) вызвал в стране быстрый рост гражданского оборота, основанного на использовании рынка и денежных ресурсов, что объективно предопределило необходимость развития нотариата как гаранта законности совершаемых сделок и ряда других операций, производимых в сфере экономического оборота.

Так, в соответствии с Декретом СНК от 12 августа 1921 г. все действия, касающиеся засвидетельствования сделок и договоров, возлагались на нотариальные столы губернских и уездных бюро юстиций. Народный Комиссариат юстиции Циркуляром от 13 августа 1921 г. № 36 предусматривал засвидетельствование этими органами сделок и договоров, если они не противоречат советскому законодательству [11].

В этот период появилось значительное число нормативных актов, регулирующих отдельные гражданские правоотношения и указывающие на необходимость нотариального удостоверения сделок. К их числу, например, можно отнести Декрет СНК РСФСР от 8 августа 1921 г. «О предоставлении собственникам немуниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества»; Положение «О госу-

дарственных подрядах и поставках» от 30 сентября 1921 г.; Постановление президиума Моссовета от 14 декабря 1921 г. «О регистрации актов и документов по всякого рода сделкам». Практика показала, что нотариальные столы губернских отделов юстиции и уездных бюро юстиции при отсутствии надлежащего нотариального законодательства, подготовленных кадров не могли выполнять задачи, вставшие перед ними в сложный период НЭПа – необходимость государственного контроля над гражданским оборотом и прежде всего в части, затрагивающей сделки государственных органов с частнокапиталистическими элементами. Новые требования предопределили необходимость подготовки и принятия полноценного законодательного акта об организации и деятельности нотариата в Советском государстве. Народным комиссариатом юстиции был подготовлен проект Положения о нотариате.

Принятие нового узаконения прошло два основных этапа. На первом, его основные положения подверглись обсуждению участниками IV съезда деятелей советской юстиции РСФСР, состоявшегося в конце января 1922 г. На втором этапе, проект Положения о государственном нотариате РСФСР, с учетом высказанных замечаний, подвергся окончательной редактуре аппарата СНК РСФСР и был окончательно утвержден на заседании советского правительства 04.10.1922 г.²

В соответствии с Положением 1922 г. данный институт включался в систему советской юстиции в качестве ее самостоятельного звена. При этом задача формирования нотариальных органов и руководства их практической деятельностью была возложена на Наркомюст РСФСР и органы судебного управления. Первый утверждал и корректировал систему нотариальных контор, косвенно, посредством президиумов Советов народных судей, направляя их деятельность. Вторые, собственно сами президиумы народных судей, образовывали нотариальные архивы и отделения, на регулярной основе проводили проверки контор, верифицируя предоставляемые ими отчеты [12].

Подчиненность системы нотариальных контор органом судебного управления находит свое проявление и в непосредственном контроле Советов народных судей за качеством нотариальной практики. Жалобы на неправильные действия нотариусов, равно как и на их бездеятельность, направлялись непосредственно в президиум Совета. Принятые последним по результатам рассмотрения определения являлись окончательными и могли быть отменены только Наркомом юстиции, выступавшим в качестве надзорного органа.

В соответствии с узаконением 1922 г. система нотариата РСФСР включала в себя нотариальные конторы, создаваемые во всех без исключения городских населенных пунктах, а также в крупных селах, железнодорожных узлах, пристанях, при круп-

¹ Данное решение состоялось 09.12.1918 г. [Прим. авторов].

² В течение осени – зимы 1922 г. аналогичные узаконения были приняты во всех будущих союзных республиках – БССР, УССР, ЗСФСР [Прим. авторов].

ных центрах ярмарочной торговли. Определение мест расположения контор было отдано на откуп Исполкомов городских Советов, однако их решения должны были утверждаться Наркомом юстиции. Местности, в которых нотариальные конторы отсутствовали, были отнесены к сфере деятельности народных судей, наделавшихся правом совершения большинства нотариальных действий¹.

Каждую отдельно взятую нотариальную контору возглавлял назначенный Президиумом губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов государственный нотариус. Последний не мог заниматься иной профессиональной деятельностью ни в частных, ни в государственных структурах, иметь дополнительные источники дохода, за исключением государственного вознаграждения за свой труд.

Положение 1922 г. не содержит каких бы то ни было цензовых требований к кандидатам на эту должность. Чтобы занять свое кресло будущим нотариусам требовалось лишь подтвердить факт отсутствия их ограничений в избирательных правах и сдать специальный экзамен, программа которого составлялась НКЮ РСФСР.

Наконец, Положение о государственном нотариате РСФСР 1922 г. впервые нормативно закрепило компетенцию нотариальных органов. нотариата².

Активная кодификационная деятельность, осуществлявшаяся в реализации НЭПа в части гражданского и гражданско-процессуального законодательства, а также реформирование нормативных основ системы советской юстиции в соответствии с содержанием Положения о судеустройстве РСФСР 1922 г. объективно способствовало последующему обновлению законодательства о нотариате. Кроме того, завершение процессов строительства союзного государства формировало насущную потребность обеспечения единства основных организационно-правовых принципов построения нотариальных органов и функциональной направленности нотариальной практики на территории всех республик, входящих в состав Союза ССР.

Содержание мероприятий по практическому разрешению этих задач определили основное содержание второго этапа развития института советского нотариата, датированного периодом 2-й пол. 1920 – нач. 1970-х гг. Пилотным нормативным правовым актом, принятым на союзном уровне, регламентирующим построение и функционирование системы советского нотариата, стало совместное Постановление Центрального исполнительного комитета и Совнаркома СССР от 14 мая 1926 г.

¹ Кроме совершения актов и засвидетельствования договоров [Прим. авторов].

² К основным функциям нотариата были отнесены совершение всех актов, в отношении которых государством был установлен нотариальный порядок, засвидетельствование соглашений и договоров, заключаемых предприятиями и организациями, как между собой, так и с физическими лицами, установление бесспорных обстоятельств, засвидетельствование по желанию сторон сделок и договоров, не требующих нотариального совершения, выдача выписок и копий из нотариальных документов, совершение протеста векселей и т.д. [Прим. авторов].

«Об основных принципах организации государственного нотариата», принятое 14.05.1926 г. [9].

В соответствии с новым узаконением, система нотариальных контор, государственных учреждений, создаваемых в целях удостоверения сделок, а также совершения иных нотариальных действий, действовала в том порядке, который был установлен республиканским законодательством. Присутствовавшая еще в Положении 1922 г. норма, в соответствии с которой некоторые функции нотариальных органов могли быть делегированы исполнительным комитетам местных Советов, либо народным судам, также сохраняется с оговоркой, что она может применяться в строгом соответствии с законодательством союзной республики.

При этом, союзное узаконение, определяя перечень задач государственного нотариата на всей территории СССР, помимо проверки соответствия закону требуемых от нотариуса действий и представляемых документов, впервые относит защиту законных прав и интересов граждан. Задача нотариуса, по мнению законодателя, заключается в активном содействии, в первую очередь, лицам малограмотным и юридически неосведомленным [6, с. 38].

Свертывание НЭПа и переход к форсированным методам социалистического строительства не привели к существенным изменениям нормативных основ деятельности нотариата. По сути, 1930-е годы отмечены лишь принятием в июле 1930 г. новой редакции Положения, содержащей, в основном, чисто технические изменения³. Гораздо более серьезными изменениями отмечено законодательство о нотариате военного периода. Так, в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 15.04.1942 г. и Инструкцией Наркомюста от 15.09.1942 г. был расширен перечень субъектов нотариальных действий. Так, правом заверения доверенностей и завещаний комбатантов были наделены командиры воинских частей и начальники полевых госпиталей [10, с. 59].

В послевоенный период законодательство о нотариате отличается известной стабильностью, в этой части демонстрируя существенное отличие от процессов, происходящих в отраслевом законодательстве. 1950-е, и особенно 1960-е годы отмечены активной кодификационной деятельностью в сфере гражданского права и процесса. Существенные изменения происходят в трудовом, земельном, брачно-семейном праве. Данная политика правовой модернизации имела объективный характер и была обусловлена существенными изменениями, произошедшими в политическом устройстве государства, экономике, социально-культурной сфере.

Что же касается нотариата, то его функционирование по-прежнему осуществлялась на основе Постановления ЦИК и СНК СССР 1926 г., пусть и в новых редакциях. Речь идет о нормативном ак-

³ Такого же рода изменения вносились и двумя последующими редакциями от 31.12. 1947 г. и 30.09.1965 г. сентября 1965 г. [Прим. авторов].

те, многие нормы которого, де-факто, утратили силу. По мнению авторов сборника «Нотариат и суд в России: 150 лет вместе», в нем «...обнаружились пробелы, появилась необходимость в законодательном урегулировании ряда вопросов, выдвинутых нотариальной практикой» [8, с. 76].

В данной ситуации, когда союзное законодательство демонстрировало явную нерасторопность, деятельность нотариата регламентировалась, в первую очередь, республиканскими узаконениями. Новые редакции Положений о нотариате, принятые в 1964–1969 гг., демонстрировали большую оперативность республиканских законодателей. Тем не менее, с учетом принципов построения государственного нотариата, схожестями стоящих перед нотариальными органами республик задач, все новеллы законодательства о нотариате должны были быть единообразно регламентированы в союзном узаконении.

Результатом тщательной разработки нового союзного узаконения стало принятие в июле 1973 г. Верховным Советом СССР Закона «О государственном нотариате» [1].

Данный нормативный правовой акт, в ранге союзного Закона¹, впервые в истории советской модели нотариата, в ст. 1 четко определил целевую направленность и непосредственные задачи государственного нотариата, отнеся к последним охрану социалистической собственности, защиту прав и интересов предприятий, организаций и частных лиц, укрепление законности и правопорядка, а также, впервые, предупреждение правонарушений. Четкое определение задач нотариата, по нашему мнению, не являлось простым свидетельством улучшения качества законотворчества. Оно, безусловно, способствовало оптимизации всех видов нотариальной практики и укреплению научных основ функционирования института [4, с. 201].

В новом Законе нашел закрепление и дальнейшее развитие ряд важнейших демократических принципов организации и деятельности нотариальных органов в СССР. Одним из них является принцип законности, который выражается прежде всего в том, что государственные нотариусы и другие должностные лица, совершающие нотариальные действия, при выполнении своих функций обязаны строго руководствоваться законами и иными нормативными актами, регулирующими сферу их деятельности (ст. 6 Закона).

Особого внимания заслуживает еще один существенный принцип функционирования нотариата – обеспечение тайны совершенных нотариальных действий. Это правило Закон распространил не только на нотариусов и иных должностных лиц, выполняющих нотариальные функции, но также на всех лиц, которым стало известно о совершенных нотариальных действиях в связи с выполнением своих служебных обязанностей (ст. 7). Например, такой запрет относится к лицам, осуществляющим проверку деятельности нотариальных

¹ Соответствовавший ему Закон РСФСР был принят 02.08.1974 г. [Прим. авторов].

органов, к сотрудникам, работающим в органах нотариата и т.п. В связи с этим справки о произведенных нотариальных действиях могли выдаваться лишь гражданам и организациям, по поручению или в отношении которых совершались нотариальные действия, а также органам суда, прокуратуры, следствия, если эти сведения необходимы им для правильного разрешения уголовных либо гражданских дел. На практике надобность в получении сведений, связанных с производством нотариальных действий, возникала и у органов дознания. Новый Закон закрепил права этих органов получать необходимые сведения.

В Законе 1973 г. находит четкое нормативное закрепление и принцип федерализма. Несмотря на то, что нормы о равенстве наций были прописаны еще в союзных Конституциях 1924 и 1936 гг., в законодательстве о нотариате они нашли отражение впервые. В соответствии со ст. 9 языком нотариального делопроизводства в союзной и автономной республиках, национальном округе, либо автономной области был определен официальный язык судопроизводства. Тем самым законодатель еще раз подчеркнул общность отдельных принципиальных положений деятельности различных правоохранительных органов, в том числе и судебных.

Принятый закон должен был послужить основой и правовой базой для дальнейшего обновления и совершенствования всего нотариального законодательства как союзного, так и республиканского. Важные правила содержались в ст. 2, определяющей в общем виде пределы компетенции Союза ССР и союзных республик по изданию законодательных актов, регулирующих структуру и деятельность органов нотариата.

Опираясь на опыт, накопленный нотариальной практикой, Закон определил круг наиболее важных нотариальных действий, совершаемых государственными нотариальными конторами, расширяя в целом их полномочия (ст. 10). Многие нотариальные действия, которые ранее совершались лишь в отдельных республиках (протест векселей, удостоверение тождественности личности гражданина с изображением на фотоснимке и пр.) теперь должны были осуществляться всеми государственными нотариальными конторами страны.

Республиканские законы о государственном нотариате воспроизвели положения союзного закона, обеспечивающие единообразное решение основных вопросов; конкретизировали и развили многие правила закона СССР; регламентировали отношения, не предусмотренные союзным законом (например, подробно сформулировали нормы совершения каждого нотариального действия, поскольку Закон 1973 г. зафиксировал только базовые принципы реализации нотариальных действий).

Одна из институциональных особенностей советской модели нотариата была обусловлена желанием власти максимально приблизить законодательства всегда характеризовалось стремлением приблизить органы, исполняющие нотариальные функции к на-

селению. В результате, Закон 1973 г. подтвердил существовавшую с 1920-х гг. практику совершения нотариальных действий исполкомами Советов депутатов трудящихся в тех случаях, когда на территории отсутствовали нотариальные конторы (ст. 3).

Данное обстоятельство, на наш взгляд, следует оценить позитивно: для получения нотариальных услуг гражданам не приходилось претерпевать многочисленные неудобства в связи с необходимостью поездки в отдаленные от них географически нотариальные конторы.

Анализ законодательства о нотариате показывает, что оно все время развивалось по линии расширения объема нотариальных действий, исполняемых исполкомами местных Советов. Эта тенденция нашла отражение и в Законе СССР. Исполкомы местных Советов всех союзных республик получили право передавать заявления граждан и организаций другим гражданам и организациям [2, с. 121].

Однако пределы самостоятельности республиканского законодательства в этом вопросе не были безграничны. Во-первых, Закон прямо оговаривал недопустимость удостоверения исполкомами местных Советов некоторого вида сделок (договоров о предоставлении в бессрочное пользование земельных участков для строительства индивидуальных жилых домов, а также сделок, касающихся имущества, находящегося за границей, или прав, которые должны быть осуществлены за границей). Во-вторых, из сопоставления ч. 2 ст. 11 и ст. 10 Закона вытекает, что на исполкомы местных Советов не могло быть возложено совершение таких сложных нотариальных действий, как: выдача свидетельства в праве на наследство, о праве собственности на долю в общем имуществе супругов; свидетельствование верности перевода с одного языка на другой; удостоверение тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографической карточке; принятие в депозит денежных сумм и ценных бумаг; совершение протестов векселей и удостоверение неоплаты чеков. Для выполнения всех этих действий необходимы работники высокой юридической квалификации [7, с. 201].

Отметим, что реформированное в 1973–1974 гг. законодательство о нотариате действовало не только на этапе «перестройки», но и в первые годы постсоветского периода, вплоть до принятия 11.02.1993 г. «Основ законодательства о нотариате Российской Федерации», которое существенным образом реформировало организацию и деятельность нотариата в России.

Таким образом, история института советский нотариата на протяжении трех основных этапов его развития демонстрирует неразрывную взаимосвязь с основными процессами государственно-правового развития страны. Система нотариата проходила процесс институционализации постепенно, по мере роста и расширения гражданского оборота в стране, демонстрируя постепенное совершенствование правового регулирования нотариальной практики. Эта система, помимо специализированных нотариальных органов, включала в се-

бя и иные органы (исполкомы Советов, консульские учреждения и пр.), уполномоченные на совершение некоторых видов нотариальной практики.

Несмотря на это, на всех этапах своего организационно-правового развития нотариат неизменно представлял систему государственных органов, задачами которой являлся контроль за законностью в сфере гражданского оборота, охрана государственной, колхозно-кооперативной и иных видов социалистической собственности, защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также профилактика правонарушений, осуществляемые посредством совершения предусмотренных законодательством нотариальных действий.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 393.
2. Государственный нотариат. Комментарий к законодательству / под ред. Н.А. Осетрова. – М.: Юридическая литература, 1980. 200 с.
3. Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Немтушкина М.А., Северьянов М.Д. Нотариат Красноярского края: история и современность. – Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2018. – 288 с.
4. Исторические хроники российского нотариата / сост. Б.И. Лифшиц. – М.: Внешторгиздат, 2003. 445 с.
5. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – Т. 6. Судебное устройство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы): монография / В.М. Сырых. – М.: Норма, 2021. – 664 с.
6. Кодинцев А.Я., Ралько В.В. Советское государство и нотариат. 1920–1950-е годы. – М.: ФРПК, 2003. 112 с.
7. Нотариат в СССР / под ред. М.Г. Авдюкова. – М.: Изд-во МГУ, 1974. 167 с.
8. Нотариат и суд в России: 150 лет вместе / под. Ред. Е.А. Борисовой. – М.: ИД «Городец», 2017. – 320 с.
9. Свод Законов СССР. 1926. № 35. Ст. 252
10. Смыкалин А.С. Нотариат в СССР в годы Великой Отечественной войны // Нотариальный вестник. 2008. № 7. С. 57–63.
11. Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 60. Ст. 417.
12. Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 63. Ст. 807.
13. Юдельсон К.С. Советский нотариат. – М.: Госюриздат, 1950. 376 с.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET MODEL OF NOTARIES: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Vinnichenko O. Yu., Velichko A.M., Myznikov A.E.
Kemerovo State University

The article deals with the problems of the formation and genesis of the system of notarial bodies in the Soviet period of domestic

statehood. The main stages of development of the domestic notaries are determined. The organizational and legal features of the Soviet model of notaries, the normative bases and the functional orientation of the activities of notaries are analyzed. It is noted that in the post-war period, the legislation on notaries was distinguished by a certain stability, in this part demonstrating a significant difference from the processes taking place in sectoral legislation, which did not reflect in the best way on the quality of notarial practice. The content of the legislation on notaries in the 1970s – 1980s is considered in detail. An input is formulated that the history of the institute of the Soviet notaries during the three main stages of its development demonstrated an inextricable relationship with the main processes of the state and legal development of the country. The notarial system went through the process of institutionalization gradually, with the growth and expansion of civil circulation in the country, demonstrating the gradual improvement of the legal regulation of notarial practice and at all stages of its organizational and legal development, and was a system of state bodies, the tasks of which were to control the rule of law in the sphere of citizens. turnover, protection of state, collective-farm cooperative and other types of socialist property, protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities, as well as the prevention of offenses carried out through the commission of notarial actions provided for by law.

Keywords: notaries, notary offices, legislation on notaries, notarial practice.

References

1. Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1973. No. 30. Art. 393.
2. State notary. Commentary on legislation / ed. ON THE. Osetrov. – M.: Legal literature, 1980. 200 p.
3. Zhulaeva A.S., Karchaeva T.G., Nemtushkina M.A., Severyanov M.D. Notaries of the Krasnoyarsk Territory: history and modernity. – Krasnoyarsk: Publishing House "Class Plus", 2018. – 288 p.
4. Historical chronicles of the Russian notaries / comp. B.I. Lifshits. –M.: Vneshtorgizdat, 2003. 445 p.
5. History of court and justice in Russia: in 9 volumes / otv. ed. V.V. Ershov, V.M. Raw. – V. 6. Judiciary and legal proceedings of the RSFSR during the formation of Soviet power (1917–1920): monograph / V.M. Raw. – M.: Norma, 2021. – 664 p.
6. Kodintsev A. Ya., Ralko V.V. Soviet state and notaries. 1920–1950s. – M.: FRPK, 2003. 112 p.
7. Notaries in the USSR / ed. M.G. Avdyukov. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1974. 167 p.
8. Notary and court in Russia: 150 years together / under. Ed. E.A. Borisova. – M.: Publishing house "Gorodets", 2017. – 320 p.
9. Code of Laws of the USSR. 1926. No. 35. Art. 252
10. Smykalin A.S. Notaries in the USSR during the Great Patriotic War // Notarial Bulletin. 2008. No. 7. S. 57–63.
11. Collection of Laws of the RSFSR. 1921. No. 60. Art. 417.
12. Collection of Laws of the RSFSR. 1921. No. 63. Art. 807.
13. Yudelson K.S. Soviet notary. – M.: Gosjurizdat, 1950. 376 p.

Договорные обязательства в гражданском законодательстве Псковской феодальной республики

Гаврилов Станислав Олегович,

д.и.н., к.ю.н., профессор кафедры государственного и административного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: gavrosh66@mail.ru

Величко Алексей Михайлович,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: vizant63@yandex.ru

Шулик Юлия Сергеевна,

соискатель кафедры государственного и административного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: constlaw@kemsu.ru

Статья посвящена проблеме историко-правового анализа развития системы обязательственного права на территории северо-западных русских земель в XIV–XV вв. Осуществляется сравнительный анализ соответствующих норм древнерусского права и нормативных предписаний Псковской судной грамоты. Проводится детальная характеристика договорных отношений и отдельных видов договоров. Делается вывод о продолжении существования тенденция включения в систему договорных обязательств договоров, заключив которые лицо добровольно принимало решение о лишении себя личной свободы.

Утверждается, что заложенные Русской Правдой правила регулирования займа, получили свое развитие в псковском законодательстве. Особое внимание в статье уделяется изменениям в регулировании вопроса о взимании процентов по займу. Русская Правда позволяла требовать уплаты достаточно высокого процента за пользование суммой займа, но защищала заемщика, установив максимальный размер процента. Псковское законодательство допускало взимание процентов, но его размер не регламентировала.

В отношениях займа для ведения торговли акцент переместился со сторон договора, на цель займа – торговую ссуду. Её характеризовала безвозмездность предоставления денежных средств для ведения торговли.

Формулируется вывод о том, что в договоре личного найма законодатель защищал право работника на оплату труда. По мнению авторов, таким образом, в законодательстве начала формироваться позиция о необходимости защищать работника в трудовых отношениях, основанная на признании того, что работник является зависимой стороной в этих правоотношениях.

В контексте анализа развития обязательственного права в статье реконструируется структура псковского общества, определяются основные категории участников договорных отношений.

Ключевые слова: Псковская феодальная республика, Псковская судная грамота, обязательственное право, договорные правоотношения, договорные обязательства.

Период феодальной раздробленности Киевской Руси, начавшись в 30-е годы XII столетия, продлился до самого конца XV века. Внутригосударственная разобщенность привела к возникновению в княжествах отдельных законодательных центров. Примером местной кодификации и крупнейшим памятником права периода феодальной раздробленности является Псковская судная грамота (далее по тексту – ПСГ), сохранявшая статус источника русского права до принятия Соборного Уложения 1649 г. Локальное происхождение не помешало ПСГ стать наиболее полным и разносторонним сборником норм права Древней Руси.

Как отмечали дореволюционные исследователи, ПСГ «...очень трудна для объяснения: единственный доселе известный полный список ее страдает описками и недописками, местами перепутывает порядок слов; в языке его немало местных идиотизмов, терминов, не встречающихся в других древнерусских памятниках; предусматриваемые законом случаи нередко излагаются слишком сжато, только намеками, в свое время для всех ясными, но теперь малопонятными. За то трудность изучения вознаграждается интересом содержания» [6, с. 11].

В отличие от Русской Правды, сконцентрированной на юридических и социально-политических проблемах княжеского и боярского хозяйства, Псковская судная грамота дает представление о мире городских и сельских обывателей, о социально-экономическом развитии русского города. Помимо значения для истории Пскова XIV–XV вв. судная грамота имеет и общерусское значение: нормы, зафиксированные в ней, отмечаются много веков спустя в крестьянской среде самых разных районов Руси [11, с. 146].

Содержание Псковской судной грамоты свидетельствует о том, что в XIV–XV вв. обязательственные отношения широко распространились в обществе и стали неотъемлемой частью повседневной древнерусской жизни. При этом следует отметить, что хотя в данном нормативном правовом акте и отсутствовало систематизированное регулирование договорных обязательств, отдельные виды договоров и их содержание можно детерминировать на основе анализа содержания различных статей текста первоисточника.

Первым в тексте ПСГ среди договоров указывался **договор хранения**. Поскольку как таковой системы договорных обязательств юридическая техника составления законодательного акта того времени еще не применяет, сложно однозначно сделать вывод о том, занимал ли договор хра-

нения главенствующее место в этой системе или его первостепенное упоминание в акте обусловлено иным причинами. Вместе с тем, можно предположить, что период феодальной раздробленности и последствия нашествия ордынского ига, при которых была создана ПСГ, располагает к тому, что договор хранения был очень частой сделкой в гражданском обороте, и законодатель не случайно при составлении ПСГ в первую очередь закрепил регулирование договора хранения.

Уцелевшие от гибели и плена жители центральных княжеств покидали окультуренные места и спасались бегством в глухие малодоступные для татар лесные чащобы Верхнего Поволжья и далее на север. В таких условиях стихийной смены места жительства требовалось сохранять имеющиеся имущество.

Традиция передавать какую-либо ценность на сохранение существовала издревле и имела особое жизненное значение при всеобщем отсутствии внутренней безопасности [3, с. 605].

В ПСГ договор хранения приобретает черты обязательственных отношений. Согласно ст. 16–17 ПСГ договор хранения – «сблюденье» должен был заключаться путем оформления соответствующих записей. Однако в случае отъезда в чужую землю, пожара или разграбления народом его дома на хранение можно было отдать по устному договору. Для отдавшего на хранение в чрезвычайных обстоятельствах лица действовал сокращенный срок исковой давности, который составлял одну неделю после возвращения или прекращения пожара, нападения. Особый случай хранения указан в ст. 18 ПСГ, когда переходящий рабочий, нанимающийся в сельской местности, отдал на хранение и предъявил иск к хранителю. В указанных выше случаях хранения без письменного подробного оформления спор мог быть решен присягой хранителя, то есть он был в более защищаемом законом положении.

Вот это исключение в ПСГ из общего правила обязательной письменной формы договора хранения подчеркивает его значимость во времена, когда низшее население было вынуждено спасаться бегством из-за феодальной раздробленности и нашествия орды.

Судебной защите не подлежало требование лица, отдавшего на хранение имущество «по доскам, без точного обозначения», то есть без достаточно-го описания предмета (ст. 19 ПСГ).

Согласно ст. 14 ПСГ на хранение могли быть переданы деньги, или платья, или украшения, или какой-нибудь иная движимость.

Оформление монетарного договора поклажи по своей сути становилось совершением денежного вклада до востребования. Кредитная природа такой сделки проявлялась в возможности использовать переданные на хранение ценности как некое «кредита без времени», а также в обязательстве уплачивать проценты.

ПСГ заметно усложнила договор хранения, допуская к передаче на хранение деньги. Такой под-

ход к хранению снизил четкость его истинной правовой природы, но дал задел для оформления в будущем особых отношений по хранению денег.

Договор хранения (поклажи) в ПСГ являлся полноценным договором с установлением обязательств поклажедержателя, а не дружеской услугой, основанной на доверии, как в Русской правде. Требования ПСГ к письменной форме договора хранения совпадает с современным подходом.

В ст. 100 ПСГ упоминается **договор дарения**. Но описаны в этой норме не столько правоотношения дарения, сколько особый случай завещания. Когда даритель оформляет перед смертью грамоту в присутствии попа или сторонних людей о передаче чего-либо, в том числе недвижимости, своему племяннику, а после смерти дарителя получивший грамоту вправе пользоваться этим дарением. Как следует из статьи, дарение в этом случае выражается в том, что при жизни даритель (наследодатель) передает имущество в собственность племяннику. Но так как для полноценного завещания порядок нарушен, ПСГ делает специальную оговорку, что этот порядок в данном случае признается достаточным. Таким образом, ПСГ договор дарения упоминала, но не регулировала. В современном праве передача в дар права собственности является достаточным для его сохранения и после смерти дарителя.

Как следует из текста ПСГ **договор займа** регулируется не первым по тексту правового акта, тем не менее количество норм ему уделено значительное. Форма договора займа по ПСГ, так же как в РП, зависела от суммы. Займы до рубля, требовавшие минимального оформления, широко применялись в бытовых сделках. В этом случае разрешалось давать в долг деньги без залога или без формальной записи, подтверждать его «простой доской» (ст. 30 ПСГ).

Комментируя содержание данной статьи, Н.Л. Дювернуа заключил, что «на досках не было имени, а ими доказывалось только количество долга» [4, с. 235].

Долговые сделки с величиной займа до одного рубля получили значительное распространение на местном рынке, были доступны широким слоям населения и представляли собой потребительский кредит, использовавшийся для личных нужд [2, с. 132].

Заем больше рубля требовал обязательного оформления с залогом, в противном случае заемщик лишался судебной защиты (ст. 30 ПСГ). Согласно Русской Правде заем на незначительную сумму удостоверялся присягой займодавца, а на большую сумму – свидетелями, то есть письменной формы не предусматривалось.

Возвращение долга оформлялось платежной распиской, её копия сдавалась в городской архив (ст. 32 ПСГ).

Статья 31 ПСГ устанавливает интересное правило об эквивалентности при залоге. Так в случае если заемщик-ответчик отказывается от выплаты займа, но предоставлял вещь в залог, при

чем меньшей стоимостью, чем сумма займа, то заклад переходил в собственность займодавца, а ответчик освобождался от взыскания.

В таком случае залогодатель утрачивал право собственности на объект залога и освобождался от дальнейшей ответственности, прибегая к формуле «у тебе еси того не закладал, а у тебе еси не взимал ничего же».

Отрицание долга заемщиком и одновременное устранение возможности его взыскания со стороны кредитора по сути утверждали современный взгляд на залог как на достаточный эквивалент за занятые ценности [5, с. 286].

Из ст. 73 и ст. 74 ПСГ следует, что договор (запись) о займе мог предусматривать уплату процентов. При чем, если заемщик потребует со своего должника уплаты долга до истечения срока займа, то он лишается права взыскания процентов. Если же должник возвратит кредитору долг до истечения срока, то проценты взимаются по расчету времени. Защищала заемщика ПСГ тем, что займодавец не заявивший в суде при взыскании долга о процентах, лишался права их требовать. Ограничения размера процентов, как в Русской Правде, не было.

Денежный заем (ссуда), предоставленный под проценты («гостинец» в статьях 73, 74 Псковской Судной грамоты), позволяет предположить в займодавце профессионального ростовщика, которого знала еще Правда Русская. Ростовщичество исторически предшествовало появлению банковских структур, а самого ростовщика условно можно рассматривать как генетического предшественника банка.

Разграничивая законодательно **денежный и торговый займы**, Псковская Судная грамота устанавливает необходимость взимания «торговых денег» не просто на основании «досок», а с условием наличия при ней двух равносильных экземпляров «рядницы», т.е. официального удостоверительного документа (ст. 38).

Тесные торговые отношения Новгородского и Псковского княжеств с европейскими государствами способствовали развитию предпринимательской деятельности и обособлению лица от общины [9, с. 22].

Распространение принципа имущественной ответственности, увеличение личной экономической обособленности, потребности оборота выразились в ПСГ в развитом регулировании обеспечительных сделок, связанных с займом. Займ обеспечивался **закладом и поручительством**.

Поручительство давалась к займам до рубля (ст. 33 ПСГ). Заем больше рубля требовал обязательного оформления с закладом, в противном случае заемщик лишался судебной защиты (ст. 30 ПСГ). Соответственно поручительство или залог в силу закона применялись только раздельно.

Ст. 28 ПСГ запрещала признавать доски с закладом недействительными и предоставляла кредитору право самому принять присягу и получить свой долг или положить у креста заклад, предоста-

вив присягнуть и взять его ответчику. Более того, если заемщик дал заклад, но не дал доску с закладом, а потом утверждал, что займа не было, а вещь передавалась на хранение, в этом случае суду надлежало верить слову кредитора (ст. 29 ПСГ).

Таким образом, заклад (залог) по Псковской судной грамоте мог оформляться как устно (ст. 29 ПСГ), так и письменно (ст. 28 ПСГ). Также из указанных норм следует, что при залоге движимая вещь хранилась займодавца.

Когда объектом залога становилась земля, то, как правило, до погашения ссуды она попадала в распоряжение кредитора, который вместо процентов получал доход от ее эксплуатации [7, с. 122].

Статья 104 ПСГ говорит о примере, когда после смерти человека в суд предъявлено до пяти закладных на землю, воду, двор или кладовую. Из этой статьи можно выявить законодательно предусмотренную множественность залогов на одну вещь, но ПСГ еще не знает старшинства залога и предписывает удовлетворять требования из вырученной от продажи суммы пропорционально размеру требований. В целом из текста ПСГ следует, что залог мог быть осуществлен только к договору займа. И в совокупности можно сделать вывод, что залог оформлялся в тексте документа, фиксирующего основное обязательство.

В ст. 43 ПСГ указан термин «заложить весну», в смысле залога, заклада: заложить доход текущего года [14, с. 182].

В этой статье указано, что котечник (рыболов) может «заложить весну» или исполовник (то есть половину) добытого своим трудом улова государю. При этом при закладе весны предполагается передача улова в размере равном тому, что добыл такой же рыболов на этом участке.

Поручитель мог исполнить обязанность по выплате займа за должника, в противном случае истец имел право взыскать всю сумму долга с поручителя (ст. 32 ПСГ). Из чего можно сделать вывод о солидарной природе поручительства во времена ПСГ.

Что касается оформления поручительства, то прямого указания на это в ПСГ нет. Статья 31 ПСГ показывает, что против иска о взыскании денежной ссуды на основании «доски» ответчик может возразить, что не занимал.

При помощи «досок» происходило оформление договоров товарищества и поручительства, а также сделки поклажи. Иначе говоря, «доска» первоначально представляла собой всего лишь некую неформальную памятку, письменную фиксацию безымянного перечня долгов, необходимую для кредитора [2, с. 134].

То есть поручительство оформлялось с помощью записи кредитором, двустороннее оформление сделки не осуществлялось.

Обеспечение заемного обязательства поручительством или вещественным залогом представляет собой переходный этап в развитии института кредитования. Простейшие, непокрытые формы кредита, представленные обещанием платежа,

постепенно сменяются кредитом частично покрытым, выражением которого становится уже приказ платежа.

В ст. 54 и 66 ПСГ указаны два случая, когда поручительство возникало не в связи с заемными обязательствами. Если человек, у которого собственник опознал свое пропавшее имущество, представит в суд продавца этого имущества, он становится его поручителем. И в случае если оплата поездки осуществлялась имуществом, то такое имущество принималось только под поручительство стороннего человека, или же плативший должен был иным образом отвести от себя подозрения в воровстве. То есть по сути оба случая возникновения поручительства связаны со стремлением защитить кредитора от рисков получения в счет платежа краденной вещи.

Договор имущественного найма упоминается в ст. 103 ПСГ, согласно которой съемщик дома или части усадьбы может предъявлять иск к хозяину по домовому или какому-нибудь другому обязательству.

Договор изорничества близок по правовой природе к договору аренды, однако не равнозначен ей. Уникален в своем названии, однако обязательства близкие по содержанию было в обиходе до советского периода. Хотя не всегда эти обязательства были зафиксированы в законодательных актах.

Договору изорничества посвящены ст.ст. 42–44, 51 ПСГ. Из них следует, что по этому договору зависимому земледельцу (изорнику), огороднику или рыболову (котечник) господин передавал землю или часть озера, реки в пользование по назначению, а изорник должен был отдавать часть (четверть) урожая или улова в качестве платы за пользование. При этом в последующие периоды крестьяне, работавшие на помещика, исполщики, будут отдавать за пользование землей уже половину урожая. Всех перечисленных арендаторов будем называть для удобства изорниками.

Существует несколько точек зрения по определению места изорничества в системе гражданско-правовых договоров по ПСГ. Ю.В. Оспенников полагал, что «институт «изорничества» представлял собой, с одной стороны, договор имущественного найма, с другой – предполагал наличие отношений личного найма. Этот институт является примером характерного для права Северо-Западной Руси синкретического единства двух видов договоров» [10, с. 7].

М.Ф. Владимирский-Буданов признавал в некоторой степени самостоятельный характер договора изорничества, отмечая при этом, что «изорничество состоит из главного условия о найме земли...» [3, с. 580].

Расторгать договор изорничества и хозяину, и изорнику можно было только в день Филиппьева заговенья (14 ноября по строному стилю). Это обусловлено завершением сезона сбора урожая. При расторжении договора землевладелец имеет право требовать от изорника своей части урожая или улова, которая составляла половину или двойной

оброк (ст. 63 ПСГ), а не четверть урожая, как обычная плата. Это способствовало закреплению крестьян и ограничению их возможности перемещения, смены государя.

В.В. Момотов указывал: «Иногда, характеризуя договор имущественного найма, исследователи пытаются анализировать в связи с этим нормы Псковской судной грамоты, касающиеся института «изорничества», но это неправильно. Изорники принципиально отличались от наймитов. Наймит мог в любое время покинуть своего наймодателя, даже порой не выполнив своих обязательств, а «изорник» этого сделать не мог, будучи человеком зависимым» [8, с. 309].

Письменного договора изорничества и порядка его заключения ПСГ не предусматривала.

Смерть сторон договора изорничества по-разному влияла на его судьбу. Так, в случае смерти хозяина земли, договор не прекращался, все его права переходили к его наследникам. Смерть изорника являлась основанием прекращения договора [12, с. 62].

В договоре изорничества могли быть включены еще и заемные отношения, что называлось подмогой или покрутой. Она возникала, когда землевладелец давал деньги или орудия труда, или скот, или зерно для ведения хозяйства зависимым крестьянам. Для возврата покруты в случае смерти или бегства изорника хозяин мог продать оставшееся имущество. А если у него были наследники – то они выплачивали покруту хозяину (ст. 85–86 ПСГ). В если после продажи имущества долг не был погашен, беглый изорник должен был его отдать остаток долга, когда бы государь не отыскал его (ст. 76 ПСГ). То есть в случае выдачи покруты заем был обеспечен трудом заемщика или, иначе говоря, его свободой.

Таким образом, можно предположить, что на Руси в период феодальной раздробленности отношения аренды земельных участков получили свое оформление в виде договора изорничества, нормы о котором содержались в Псковской судной грамоте. Договор изорничества, по сути являлся договором имущественного найма, т.е. принадлежал к числу арендных договоров. Об этом свидетельствует наличие у него таких признаков, как срочный и возмездный характер [12, с. 62].

В ст. 102 ПСГ упоминаются правоотношения, возникшие в связи с **договором на обучение** мастером ученика. Из нормы следует, что мастер имел право претендовать на плату за обучение.

Договор купли-продажи упоминается в разных статьях ПСГ. В основном регулирование касается споров о праве на предмет договора. Так, если кто-то требовал возврата вещи у другого лица, а тот утверждал, что купил её на рынке, или в другом населенном пункте, то ответчику надлежит представить четыре-пять свидетелей или присягнуть, что вещь купленная, а не краденная (ст. 46, 47, 56 ПСГ).

Из норм ПСГ можно выявить, что продажа недвижимого имущества оформлялась письменно,

грамотой (ст. 10 ПСГ), а купля-продажа движимого имущества совершалась устно. В статье 13 ПСГ говорится о возможности выкупа отчужденной земли, при условии, что срок выкупа еще не истек. Современное право такой возможности не предусматривает.

Согласно ст. 114 ПСГ договор купли-продажи или **договор мены**, заключенный в пьяном виде мог быть отменен по заявлению одной из сторон, как неподходящий. Обе стороны в случае отмены договора должны были вернуть полученное по сделке.

В ст. 92 ПСГ упоминалось о взыскании денег, вложенных в совместное дело, что в общих чертах представлялось как разрешения споров между членами **товарищества** в процесс его ликвидации. Если соучастник товарищества, равно как и совладелец имущества, предъявлял к другому иск относительно доли прибыли и представлял доску, спор решался по желанию ответчика: хочет – пусть сам примет присягу, или положит у креста своему истцу (цену иска, предоставив ему присягнуть), или же пусть выходит с ним на судебный поединок. Это правило не распространялось на торговые товарищества между туземными и иноземными купцами.

Договор личного найма мог заключаться на срок или на факт выполнения объема работы (ст. 39 ПСГ). Работа наймита подлежала оплате даже если не было письменного договора.

В ст. 40 ПСГ заложены правила, защищающие работника. Так если работник «наймит дворной» решил в одностороннем порядке расторгнуть договор ранее окончания срока найма, то его труд оплачивается пропорционально отработанному времени. При этом предусмотрено право работника требовать с оплаты за пять, десять прошлых лет, есть они не были оплачены. Но срок исковой давности для таких требований составляет один год. Это соответствует действующим сейчас срокам, предусмотренным в ст. 392 ТК РФ – за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм. А правило о пропорциональной оплате при досрочном расторжении договора соответствует действующим сейчас правилам об оплате по договору возмездного оказания услуг (п. 3 ст. 781 ГК РФ).

Если же работа имела не срочный, а сделный характер, и работник (указано в ПСГ именно плотник) уходил, не завершив выполнение работы, но требовал оплаты, спор решался, в отсутствие договора, присягой хозяина (ст. 41 ПСГ).

Ссуда упоминается в ПСГ, однако описания не имеет. Этот термин употребляется как синоним займа. По мнению И.Е. Энгельмана «во Пскове заем обыкновенно заключался без процентов» и назывался «ссудой», «ссудным серебром» [14, с. 35].

Разновидностью займа была денежная ссуда (ст. 101), она не требовала залога, но должна была письменно оформляться с передачей копии

администрации. При ссуде могли устанавливаться проценты. В случае досрочного расторжения договора кредитор терял право на взимание процентов (ст. ст. 73, 74).

А.Л. Хорошкевич, отметив внимание составителей Псковской Судной грамоты к регламентации торгового займа, вводит понятие «торговая ссуда» для обозначения товарного кредита, который, в отличие от денежной ссуды, «видимо, не сопровождался взиманием процентов». В целом, по мнению этого учёного, многочисленность статей Грамоты, посвященных торговой ссуде, свидетельствует о расширении кредитной торговли, причем как в денежной, так и в товарной форме [13, с. 127].

Таким образом, во время действия ПСГ договор ссуды еще не оформился как отдельная правовая конструкция, упоминался в значении займа, но имел свою основную черту – безвозмездность.

В ПСГ большое внимание уделялось ответственности родственников. Государство не принимало на себя обязательств за должника. ПСГ старалась поддержать развитие взаимодействия землевладельцев и лиц, обрабатывающих земли и ресурсы на них. Псковская судная грамота стремилась заложить пути взаимодействия землевладельцев и лиц, обрабатывающих земли, займ и личный наем также не были обделены вниманием.

Подводя итог рассмотрения содержания ПСГ в части интересующей нас проблемы, отметим, что, несмотря на то, что Русская правда явно превосходила псковское узаконение по широте охвата имущественных отношений, Псковская судная грамота, развивая ее нормы, содержала целый ряд значимых новелл. Мы абсолютно солидарны с мнением Ю.Г. Алексеева, отмечавшего, что «...если Правда занята, главным образом, охраной привилегированных людей и их собственности... то Псковская Судная грамота уделяет большое внимание мелким сделкам свободных мелких землевладельцев. Основное отличие Грамоты от Правды – проникновение её законов вглубь этой среды рядовых непривилегированных свободных» [1, с. 90].

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. – Л., 1980. 243 с.
2. Валеров А.В. Формы кредитных сделок в северо-западной Руси XIV–XV вв. (по материалам Псковской Судной грамоты) // Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып 2. – С. 131–142.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д, 1995. – 639 с.
4. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. – СПб., 2004. – 283 с.
5. Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. – Юрьев, 1898. – 415 с.
6. Михайлов П.Е. Новые данные для комментария Псковской судной грамоты. – СПб., 1913. 11 с.

7. Михалевский Ф.И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т.1. Деньги в феодальном хозяйстве. – Л., 1948. – 264 с.
8. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М., 2003. – 415 с.
9. Никонов С. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. – СПб., 1895. – 216 с.
10. Оспенников Ю.В. Право государств Северо-Западной Руси в XII–XV вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Самара, 2010. – 49 с.
11. Патапчук И. В., Шпаковский Ю.Г. // Псковская судная грамота / Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 8. – С. 146–154.
12. Семенихина Е.С. К вопросу о становлении и развитии института аренды земли в отечественном праве // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1(39). – С. 58–64.
13. Хорошкевич А.Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. – М., 1977. № 2. – С. 125–140.
14. Энгельман И.Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной Грамоте. – СПб., 1855. – 182 с.

CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE CIVIL LAW OF THE PSKOV FEUDAL REPUBLIC

Gavrilov S.O., Velichko A.M., Shulik Ju.S.
Kemerovo State University

The article is devoted to the problem of historical and legal analysis of the development of the law of obligations system on the territory of the northwestern Russian lands in the 14th-15th centuries. A comparative analysis of the relevant norms of ancient law and the normative prescriptions of the «Pskov Court Charter» is carried out. A detailed description of contractual relations and certain types of contracts is carried out. It is concluded that there is a continued tendency to include contracts in the system of contractual obligations, by concluding which a person voluntarily made a decision to deprive himself of personal freedom.

It is argued that the rules for regulating the loan laid down by «Russkaya Pravda» have been developed in the Pskov legislation. Particular attention is paid to the changes in the regulation of the issue of charging interest on a loan. «Russkaya Pravda» allowed demanding the payment of a fairly high percentage for using the loan amount, but protected the borrower by setting the maximum amount of interest. Pskov legislation allowed the charge of loan interest, but did not regulate its size.

In the relationship of a loan for trade, the emphasis has shifted from the parties to the contract, to the purpose of the loan – a trade loan. It was characterized by the gratuitous provision of funds for trading. The conclusion is formulated that in the contract of personal employment, the legislator protected the right of the employee to pay. According to the authors, in this way, a position began to take shape in the legislation on the need to protect the employee in labor relations, based on the recognition that the employee is a dependent party in these legal relations.

In the context of the analysis of the development of the law of obligations, the article reconstructs the structure of the Pskov society, defines the main categories of participants in contractual relations.

Keywords: Pskov feudal republic, Pskov Court charter, law of obligations, contractual legal relations, contractual obligations.

References

1. Alekseev Yu.G. Pskov Court Charter and its time. The development of feudal relations in Rus' XIV–XV centuries. – L., 1980. 243 p.
2. Valerov A.V. Forms of credit transactions in northwestern Rus' in the XIV–XV centuries. (Based on the materials of the Pskov Court Charter) // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser 5. 2010. Issue 2. – P. 131–142.
3. Vladimirovsky-Budanov M.F. Overview of the history of Russian law. – Rostov n / D, 1995. – 639 p.
4. Duvernoy N.L. Sources of law and court in ancient Russia. Experiments on the history of Russian civil law. – St. Petersburg, 2004. – 283 p.
5. Kasso L.A. The concept of pledge in modern law. – Yuriev, 1898. – 415 p.
6. Mikhailov P.E. New data for the commentary of the Pskov judgment charter. – St. Petersburg, 1913. 11 p.
7. Mikhalevsky F.I. Essays on the history of money and monetary circulation. Т.1. Money in the feudal economy. – L., 1948. – 264 p.
8. Momotov V.V. Formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries. – М., 2003. – 415 p.
9. Nikonov S. Guarantee in its historical development under Russian law. – St. Petersburg, 1895. – 216 p.
10. Ospennikov Yu.V. Law of the states of North-Western Rus' in the XII–XV centuries: author. dis. ... Dr. jurid. Sciences. – Samara, 2010. – 49 p.
11. Patapchuk I. V., Shpakovsky Yu. G. // Pskov court charter / Bulletin of the University. O.E. Kutafina. 2018. No. 8. – P. 146–154.
12. Semенихина E.S. To the question of the formation and development of the institution of land lease in domestic law // Ленинградский юридический журнал. 2015. No. 1(39). – S. 58–64.
13. Khoroshkevich A.L. Credit in Russian domestic and Russian-Hanseatic trade of the XIV–XV centuries // History of the USSR. – М., 1977. No. 2. – P. 125–140.
14. Engelman I.E. Systematic presentation of civil laws contained in the Pskov Court Charter. – St. Petersburg, 1855. – 182 p.

Пределы правового регулирования в условиях технологических преобразований общества

Ковалева Виктория Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: v.v.kovaleva@list.ru

Фатальникова Елена Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: fatalnikova.otpd@mail.ru

Развитие современных технологий актуализируют проблему пределов правового регулирования. Стремительная цифровизация и связанные с этим новые технологические решения в различных сферах, таких как роботизация, биотехнологии детерминируют поиск оптимальных границ правового воздействия, в целях обеспечения эффективности правового регулирования. Целью настоящего исследования является определение пределов правового регулирования правоотношений, складывающихся в связи с развитием и распространением новых технологий. Теоретические основы. Методы. Основой настоящего исследования является диалектический, системный, функциональный, формально-юридический методы. Результаты исследования. Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что пределы правового регулирования определяются с инструментальных позиций как мера или граница правового воздействия, обусловленная объективными и субъективными факторами. Обсуждение и заключение. Право рассматривается и как социальное явление, и как юридическое, поэтому следует рассматривать юридические и социальные пределы правового регулирования. Юридические пределы дифференцируются на объективные и субъективные. Кроме того, юридические пределы разделяются на формальные и содержательные. Социальные и юридические пределы находятся в функциональной связи, так как регулирование возникающих отношений вследствие технологического развития зависят от субъекта правотворчества, но должны соответствовать уровню технологий.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, пределы правового регулирования, сфера правового регулирования, цифровизация права.

Введение

Технологические преобразования современного общества детерминируют необходимость определения пределов правового регулирования новых отношений, которые имеют специфические черты и особенности. Как справедливо отмечается в юридической литературе право выступает не только средством, обеспечивающим развитие и внедрение передовых технологий, инструментом регулирования новых социальных отношений, но и объектом воздействия как самих технологий, так и эффектов от их распространения [10, с. 88]. Безусловно, в современных условиях вопросы, связанные с правовым регулированием, актуализируются в контексте беспрецедентного технологического развития. Ввиду этого следует согласиться с выводом о том, что перед юридической наукой стоит значимая задача по выявлению сфер общественных отношений, правовую регламентацию которых можно улучшить, и формулированию конкретных предложений такого улучшения [1, с. 41].

Необходимо отметить, что решение вопроса об улучшении правового регулирования невозможно без определения его границ, так как всегда нужно помнить об оптимальном соотношении правового и неправового регулирования, особенно это востребовано в сфере биотехнологий, ввиду этого сформировался особый вид социального нормирования – биоэтика, который лишь частично может регулироваться правовыми нормами [9, с. 16]. Данный тезис актуализирует проблему соотношения права и морали, так как правовое регулирование, которое является гетерономным по своей природе, объективно не может решить вопросы, связанные с внутренним миром человека, его моральными установками. При этом в сфере развития биотехнологий, особенно репродуктивных существует много неоднозначных вопросов, ответы на которые возможны только при верном определении необходимого и оптимального регулятора отношений.

Решить существующие проблемы в сфере технологических новшеств можно только ответив на принципиальный вопрос о пределах правового регулирования, ввиду этого целью настоящего исследования является поиск ответов на вопросы о том, что такое пределы правового регулирования и какие пределы регулирования имеют место в отношениях, существующих и возникающих ввиду развития новых технологий.

Теоретические основы. Методы

Объектом настоящего исследования являются правоотношения, возникающие в результате развития

новых технологий. Предметом – пределы правового регулирования современных технологий. Для достижения цели работы, на основе диалектики, использовались такие общенаучные методы исследования, как логический, системно-структурный подход, функциональный и формально-юридический методы.

Результаты исследования

Для достижения целей настоящего исследования, прежде всего необходимо обратиться к анализу подходов к дефинированию пределов правового регулирования в современной юридической литературе.

К верному выводу пришла Е.А. Березина, согласно которому пределы правового регулирования зависят и от типа понимания права, и от вида правового регулирования [2, с. 48]. Автор приходит к выводу, что пределы правового регулирования представляют собой обусловленную наличием объективных и субъективных факторов меру допустимого, необходимого и достаточного воздействия права на общественные отношения, осуществляемого с помощью специальных юридических средств [2, с. 45].

В свою очередь Денисенко В.В., Донских А.А., Осина Д.М., подробно проанализировав исследуемую проблему, под пределами правового регулирования предлагают понимать объективные или субъективные границы правового регулирования, установленные в положениях законодательства и подзаконных актах, в соответствии с которыми осуществляется воздействие на общественные отношения, для удовлетворения субъектами своих потребностей или потребностей государства [4]. Полагаем, что авторы, делая акцент на том, что границы правового регулирования устанавливаются в законодательстве, рассматривают данное явление с позитивистских позиций, при этом следует отметить, что в этом случае речь идет в большей степени о субъективных границах правового регулирования. При этом хотелось бы отметить о формальных и содержательных пределах правового регулирования. Формальные пределы, как отмечается в юридической литературе [8, с. 122], это технический вопрос, который ограничивается традиционно выделяемыми пределами действия позитивного права: временного, пространственного и субъектного. Полагаем, что самый сложный вопрос в исследуемой нами проблеме – это определение содержательных пределов правового регулирования, т.е. решения вопроса о том, во-первых, какие отношения в определенной сфере стоит регулировать, а какие нет. Во-вторых, какие средства регулирования использовать. Относительно первого аспекта, выделенного нами при раскрытии содержательных пределов, свое видение представила Е.С. Зайцева, которая считает, что пределы правового регулирования включают в себя: пределы сферы правового регулирования и пределы предмета правового регулирования. При этом пределы сферы правового регулирования – это гра-

ницы, в рамках которых должно осуществляться правовое регулирование общественных отношений, а сфера правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации [7, с. 60]. Пределы правового регулирования по мнению Е.С. Зайцевой представляют собой границы, в которых осуществляется целенаправленное, организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств, обусловленное как объективными, так и субъективными факторами [6, с. 55]. Кроме того, автор пишет, что традиционно проблема пределов правового регулирования рассматривается в контексте правотворческой деятельности, однако, этим видом деятельности она не исчерпывается, и возникает в процессе правоприменения [7, с. 60]. Следует согласиться с автором, и при этом необходимо отметить, что пределы регулирования в правоприменительном процессе могут быть расширены или сужены посредством толкования, в данном случае мы говорим о толковании по объему. Безусловно, заслуживает отдельного исследования проблема пределов правового регулирования при пробелах в позитивном праве, полагаем, что в таком случае всегда происходит расширение пределов правового регулирования, так как отношения ранее не находились под воздействием права.

Представляет интерес точка зрения Н.А. Дмитрика, который пишет, что можно выделить две группы пределов правового регулирования: внутренние, обусловленные собственными характеристиками права, и внешние, обусловленные взаимодействием права с обществом [5]. Внутренний предел связан по мнению автора, с тем, что нормы права рассчитаны на многократное применение и упорядочивание на этой основе общественных отношений, объективным основанием для данного предела выступают законы математической статистики, связанные с распределением вероятностей, любая общая норма «накрывает» только часть вариантов, пусть и самую вероятную [5]. Второй предел правового регулирования связан с познаваемостью права, так как оно, прежде всего, информация, соответственно, его надо соотносить с когнитивными возможностями человека [5], при этом Н.А. Дмитрик приходит к выводу, что быстрому достижению правовым регулированием своего второго предела, способствует отсутствие обязательной для законодателя обратной связи, без которой, считает автор, право превращается в свою противоположность – в произвол [5]. Следует согласиться с автором, который выделяет первый – внутренний (объективный) предел, который обусловлен таким свойством права как нормативность – персонификация и распространенность на множество типичных ситуаций, просчитать, которые действительно до конца крайне сложная задача. Отсюда исследователи правового регулирования современных технологий – биотехнологий и роботехники, пишут о методологии «принципализма» [9], [11]

в регулировании, т.е. использование принципов, а не конкретных норм. Вместе с тем вызывает сомнения логика автора относительно второго предела, связанного с когнитивностью, во-первых, прежде всего, нужно помнить о презумпции знания закона, во-вторых, принятия закона, конечно, должно восприниматься населением, но рассматривать это вообще, и ставить в зависимость действие принятой нормы от когнитивных способностей человека, достаточно странно, особенно если мы говорим о действии таких законов, как Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ, Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ и других, требующих специальных знаний в определенной сфере. Кроме того, рассуждая об отсутствии обратной связи и произволе Н.А. Дмитрик, на наш взгляд пишет о легитимности власти и принимаемых ею законов, но рассматривать это как один из пределов правового регулирования не стоит, легитимность власти и право – это разные явления, которые связаны, но не совпадают. Право отличается от иных регуляторов тем, что независимо от отношения к правовым предписаниям, они должны быть исполнены. Норма не действует только тогда, когда она полностью «отторгается» населением и в таком случае право теряет свою сущность, так как ко всем меры ответственности не применишь, а исполнении или соблюдении нельзя проконтролировать. При этом субъекты правотворчества, конечно, могут принимать ошибочные решения, но, как правило, они тут же получают «обратную связь», в том числе в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Ввиду это полагаем, что следует рассматривать только внутренний предел, который, по нашему мнению, корректнее называть объективным, так как детерминирован самой природой права.

Анализ представленных точек зрения позволяет прийти к выводу о том, что в целом они совпадают, так как пределы правового регулирования определяются с инструментальных позиций как мера или граница правового воздействия, при этом авторы справедливо делают акцент на объективные или субъективные основания существования данных границ. При этом ученые рассуждают о содержательных, а не формальных пределах регулирования отношений, что имеет принципиальное значение для нашего исследования.

Далее следует попытаться дать ответ на вопрос об особенностях пределов правового регулирования отношений в высокотехнологичной среде. В данных целях приведем выводы исследователей в различных сферах, связанных с цифровизацией, с использованием биотехнологий.

Так, профессор Т.Я. Хабриева справедливо отмечает тот факт, что в условиях интенсивной циф-

ровизации происходит модификация сферы правового регулирования, которая становится мульти-содержательной, так как в ее пределах не просто возникают новые отношения, а существенно изменяется ее структура, изменяются сложившиеся связи. Далее автор верно отмечает сложность контроля за соблюдением правил в цифровой среде [10, с. 112–113]. Указанная сложность детерминирует затруднения в определении пределов правового регулирования, отсюда закономерным является принятие, например, Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ, действие которого направлено на определение в дальнейшем пределов регулирования отношений, связанных с цифровизацией.

Исследователи в области биотехнологий, в том числе репродукции человека, рассуждая о пределах правового регулирования пришли к выводу, что использование достижений в генетике, биомедицине могут быть серьезным вызовом для существования основных свобод и равенства будущих поколений, поэтому государству следует определить границы возможного вмешательства в сферу родительских прав для того, чтобы не допустить в будущем причинения вреда рожденным с помощью современных технологий детям [3, с. 214].

Обсуждение и заключение

Таким образом, на современном этапе развития юридической науки проблема пределов правового регулирования все еще требует своего решения, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, теоретико-познавательной позицией ученого, которая основана на определенном типе понимания права. Во-вторых, различной интерпретацией пределов правового регулирования в рамках одной и той же концепции понимания права, которая детерминирована сложной природой самого права. Ученые выделяют субъективные и объективные, внутренние и внешние пределы правового регулирования. На наш взгляд, так как право всегда рассматривается и как социальный феномен, и как юридическое явление, следует выделять, соответственно, и юридические и социальные пределы правового регулирования. Юридические пределы в свою очередь можно рассматривать как объективные, вследствие нормативности права, и как субъективные, которые определяет субъект правотворчества, при этом юридические пределы дифференцируются на формальные – временной, пространной и субъектный пределы действия; и содержательные, связанные с определением сферы и предмета правового регулирования, использования соответствующего правового инструментария. В свою очередь, социальные пределы, обусловлены конкретно-исторической обстановкой, ценностными основаниями данного общества. При этом социальные и юридические пределы находятся в функциональной связи, так как возникающие отношения

вследствие технологического развития, с одной стороны, зависят от субъекта правотворчества, с другой стороны, эти правотворческие решения должны соответствовать уровню технологий и ценностным установкам данного общества.

Литература

1. Бегишев И.Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники: монография. – Москва: Блок-Принт, 2022. – 320 с. С. 41.
2. Березина Е.А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 42–55. С. 48.
3. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальных моделей правового регулирования. – Москва: Проспект, 2022. – 216 с. С. 214.
4. Денисенко В.В., Донских А.А., Осина Д.М. Пределы правового регулирования: анализ современных концепций. URL: <https://naukaru.ru/storage/download/110484> (дата обращения: 02.08.2023).
5. Дмитрик Н.А. Пределы правового регулирования в цифровую эпоху // Информационное общество. 2018. № 3. С. 47–58. С. 50. URL: <http://www.infosoc.iis.ru> (дата обращения: 03.08.2023).
6. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект): монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 152 с. С. 55.
7. Зайцева Е.С. Установление пределов правового регулирования в правоприменении // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 59–70. С. 60.
8. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пешенцев, М.В. Залоило [и др.]; отв. ред. Н.Н. Черногор – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – 348 с. С. 122.
9. Право и биомедицина: монография / отв. ред. Ф.В. Цомартова. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 136 с. С. 16.
10. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор. – Москва: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. – 176 с. С. 88.
11. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомирова, С.Б. Нанба. – М.: Проспект, 2021. – С. 168.

LIMITS OF LEGAL REGULATION IN THE CONDITIONS OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF SOCIETY

Kovaleva V.V., Fatalnikova E.V.

North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Russian State University of Justice”

The development of modern technologies updates the problem of the limits of legal regulation. Rapid digitalization and related new technological solutions in various fields, such as robotization, biotechnology, determine the search for optimal boundaries of legal influence in order to ensure the effectiveness of legal regulation. The purpose of this study is to determine the limits of legal regulation of legal relations arising in connection with the development and dissemination of new technologies. Theoretical basis. Methods. The basis of this study is the dialectical, systemic, functional, formal-legal methods. Research results. The conducted research made it possible to come to the conclusion that the limits of legal regulation are determined from instrumental positions as a measure or limit of legal influence, due to objective and subjective factors. Discussion and conclusion. Law is considered both as a social phenomenon and as a legal one, therefore, the legal and social limits of legal regulation should be considered. Legal limits are differentiated into objective and subjective. In addition, legal limits are divided into formal and substantive. Social and legal limits are in a functional relationship, since the regulation of emerging relations as a result of technological development depends on the subject of lawmaking, but must correspond to the level of technology.

Key words: law, legal regulation, limits of legal regulation, scope of legal regulation, digitalization of law.

References

1. Begishev I.R. Criminal law regulation of robotics: monograph. – Moscow: Block-Print, 2022. – 320 p.
2. Berezina E.A. Limits of legal regulation of public relations: problems of understanding, classification and significance in the mechanism of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2020. V. 15. No. 4, pp. 42–55.
3. Bogdanova E.E., Belova D.A. Artificial reproduction of a person: the search for optimal models of legal regulation. – Moscow: Prospect, 2022. – 216 p.
4. Denisenko V.V., Donskikh A.A., Osina D.M. Limits of legal regulation: analysis of modern concepts. URL: <https://naukaru.ru/storage/download/110484> (date of access: 08/02/2023).
5. Dmitrik N.A. Limits of legal regulation in the digital era // Information society. 2018. No. 3, pp. 47–58. URL: <http://www.infosoc.iis.ru> (date of access: 03.08.2023).
6. Zaitseva E.S. Limits of legal regulation (general theoretical aspect): monograph. – Омск: Омск Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – 152 p.
7. Zaitseva E.S. Establishment of the limits of legal regulation in law enforcement // Journal of Russian Law. 2021. № 4. pp. 59–70.
8. General doctrine of the legal order: the ascent of the rule of law: monograph. T.1 / N.N. Chernogor, D.A. Peshentsev, M.V. Zaloilo [and others]; resp. ed. N.N. Chernogor – М.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2019. – 348 p.
9. Law and biomedicine: monograph / отв. ed. F.V. Tsomartov. – М.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. – 136 p.
10. Khabrieva T. Ya., Chernogor N.N. The future of law. The legacy of Academician V.S. Stepina and legal science / T. Ya. Khabrieva, N.N. Chernogor. – Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2020. – 176 p.
11. Legal concept of robotization: monograph / отв. ed. Yu.A. Tikhomirova, S.B. Nanba. – М.: Prospekt, 2021. – 240 p.

Экологическое законодательство Федеративной Республики Германии в кон. 1960-х – нач. 2000 гг.

Лонская Светлана Владимировна,

доктор юридических наук, профессор кафедры
международного права, Кемеровский государственный
университет
E-mail: swlon@mail.ru

Пономарева Валерия Владимировна,

доктор юридических наук, профессор кафедры
международного права, Кемеровский государственный
университет
E-mail: valery_e378he@mail.ru

Чернышев Андрей Евгеньевич,

аспирант кафедры государственного и административного
права, Кемеровский государственный университет
E-mail: ae-ch@mail.ru.

В статье рассматриваются проблемы формирования и развития системы охраны окружающей среды и экологического права Федеративной Республики Германии. Детерминируются семь основных этапов развития природоохранного законодательства. Определяются принципиальные особенности этих этапов, анализируются нормативные основания деятельности федеральных и земельных органов в сфере охраны окружающей среды, рассматривается перечень основных практических мероприятий в этой области. Развитие природоохранной сферы и экологического законодательства исследуется в контексте развития политической ситуации в Германии в период после окончания 2-й мировой войны, процессов развития всемирного экологического движения и формирования международного законодательства в области охраны окружающей среды.

Формулируется вывод о том, что активная реализация в ФРГ комплекса природоохранных мероприятий и дальнейшее развитие экологического законодательства, призванного гарантировать гражданам Германии их конституционного права на благоприятную окружающую среду, сдерживаются отсутствием федерального экологического кодекса. Разработка и принятие данного акта является главной стратегической задачей, требующей, согласования интересов федеральной властной элиты, земельных властей, бизнес-сообщества. При отсутствии доброй воли всех участников процесса современный прогресс в экологической сфере может смениться на разочарование в «зеленом проекте» и свертывание экологических программ, как это уже не раз происходило.

Ключевые слова: окружающая среда, природоохранная сфера, экологическое право, экологическая политика.

Большинство современных исследователей полагает, что, принятое в качестве образца европейского природоохранного законодательства, современное экологическое право Федеративной Республики Германии имеет более чем пятидесятилетнюю историю. В то же время, тщательное исследование процессов его институционализации свидетельствует о том, что термин «более» – более чем уместен. Как и в иных старых индустриальных странах (Великобритания, Нидерланды и пр.), в законодательстве отдельных германских земель появление первых норм в сфере защиты воздуха и воды от загрязнения датируются еще XIX столетием [14, с. 19]. Более того, в самом начале XX столетия, в 1906 г., на территории крупнейшей немецкой земли – Пруссии создается первое государственное агентство по охране природы среди немецких земель в 1906 году. Формулировка ст. 150 Веймарской конституции 1919 г., определившая охрану природы в качестве одной из главных целей государственной политики, была конкретизирована Законом о защите природы Рейха 1935 г., а вскоре после крушения нацистского режима, уже в 1957 г. в Западной Германии принимается Федеральный закон о воде.

Простое перечисление этих фактов свидетельствует о гораздо более длительной истории формирования экологического законодательства в Германии и **первом, достаточно продолжительном, этапе** его развития. Представление же о его «пятидесятилетней истории», по всей видимости, основано на двух обстоятельствах: оживленных дискуссиях на экологическую проблематику, происходивших в немецком обществе в период социальных потрясений кон. 1960-х – начала 1970-х гг. и постепенной институционализацией природоохранной политики в качестве особой программы, предусматривающей защиту важнейших экологических сред (воздух, вода, почва), происходившей в Германии, как и в других промышленно развитых странах, в течение 1970-х годов.

Безусловно, особую роль в формировании экологического законодательства ФРГ играет событие, произошедшее 22 апреля 1970 г. в Нью-Йорке. Известный американский политик и активист сенатор Гейлорд Нельсон создал группу из числа студентов под руководством Денниса Хайеса (студента Гарварда), которые впервые организовали проведение нового национального праздника – Дня Земли. Его участники предложили обычным рядовым американцам обратить внимание на экологические проблемы современности и попытаться совместными усилиями беречь зеленую планету.

Мировое общественное внимание, прикованной к студенческому движению в этот период способствовало быстрой популяризации идеи. Так, в США, участие в экологических мероприятиях в рамках «Дня Земли» приняло около 20 миллионов граждан, выразивших резкое недовольство растущим разрушением природы.

Рост экологического движения в Европе в кон. 1960 – нач. 1970-х гг. усиливался целым рядом объективных причин. Во-первых, интерес общества к проблеме охраны окружающей среды постоянно подогревался многочисленными экологическими катастрофами. Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х гг. средства массовой информации все чаще стали сообщать об экологических проблемах, систематическом разрушении экосферы и т.д., способствуя, тем самым, росту уровня экологического сознания населения. В-третьих, общая готовность европейского общества и политической сферы к реформам, к созданию новых инструментов и административных организаций для охраны окружающей среды, для защиты окружающей среды, оптимизм в отношении того, что государственные программы и его вмешательство могут привести к системным изменениям во всех сферах общественной жизни, были в это время настолько велики, что многие исследователи констатируют наличие феномена «эйфории планирования и реформ».

В результате, в Европе, начиная с 1970 г. само слово «экологический», равно как и другие термины с приставкой «эко», начинают превалировать в общественном лексиконе, обозначая одну из самых острых социальных тем. Для перевода американского термина «Защита окружающей среды» было введено в оборот слово «Umweltschutz» (защита окружающей среды), которое до этого времени не встречалось ни в одном словаре [9, с. 14]. Идея защиты окружающей среды, раскрученная средствами массовой информации, была у всех на устах, а внепарламентское экологическое движение превратилось в один из самых активных институтов гражданского общества.

Впрочем, буквально в течение нескольких месяцев это общественное движение трансформируется в одно из важнейших направлений государственного курса. Новое Федеральное правительство во главе с канцлером Вилли Брандтом и Вальтером Шеелем, которое пришло к власти в 1969 г., вводят в политическое и правовое поле новый термин «экологическая политика». В течение двух лет, 1970–1971 гг. были разработаны первые национальные природоохранные стратегии, амбициозностью своих целей значительно превосходившие решения Экологической конференции ООН, прошедшей в Стокгольме годом позднее.

С нашей точки зрения, этот, **второй**, этап формирования экологического законодательства ФРГ приходится на период 1969–1974 гг. и может быть обозначен как **этап становления государственной системы охраны окружающей среды** [13, с. 382].

На этом этапе, обозначаемом некоторыми исследователями, как «этап институционализации» [13, с. 441], либо как «эйфорическая фаза реформ» [3, с. 269] проводилась «...наступательная, и в значительной степени автономная экологическая политика, причем политическая инициатива программно-организационной трансформации охраны окружающей среды в самостоятельную область политики принадлежала Федеральному правительству СДПГ/СвДП [2, с. 118]. Этот этап характеризовался принципиально новой, всеобъемлющей, ориентированностью экологической политики, которая вышла за рамки предыдущих узаконенных по охране окружающей среды.

Следует особо отметить Программу неотложных действий федерального правительства от 25 сентября 1970 г., разработанную социально-либеральной коалицией, и «Экологическую программу» федерального правительства, утвержденную 21 сентября 1971 г., в которой были сформулированы стратегические цели, принципы и мероприятия экологической политики федерального правительства на последующие годы, определены контуры специализированного экологического законодательства в части инструментов, относящихся к нормотворческой компетенции федерального правительства. Поправка к Основному закону (Конституции ФРГ), принятая в 1972 году придала постановлениям федерального правительства в сферах охраны природы / управления ландшафтами, управления водными ресурсами, утилизации отходов, контроля за загрязнением воздуха, борьбы с шумом силу закона¹.

В соответствии с целевыми установками Экологической программы 1971 г. на протяжении данного периода были приняты Закон об отходах (AbfG) 1972 г., Федеральный закон о контроле за выбросами (BImSchG) 1974 г., Федеральный закон о лесе (BWaldG), 1975 г., Федеральный закон об охране природы (BNatSchG), 1976 г. Столь серьезное количество законодательных актов, принятых за относительно короткий период, заставляют нас усомниться в утверждении, что нормативная база современного экологического права Германии была окончательно сформирована лишь с принятием в 1980 г. Закона о химических веществах (ChemG). Представляется, что уже к сер. 1970-х гг. можно говорить о завершении формирования самостоятельной отрасли права, отвечающей всем международным стандартам.

Период 1969–1974 гг. отмечен также началом создания новых и реструктуризации старых административных подразделений, специализирующихся на вопросах охраны окружающей среды в систе-

¹ При этом в полном объеме была использована формулировка ст. 80 Конституции ФРГ, предусматривающая, что Федеральное правительство или федеральные министры могут быть законом уполномочены на издание правовых постановлений, причем содержание, цель и пределы уполномочия должны быть определены этим законом. В целом, период 1969–1974 гг. отмечен тенденцией расширения нормотворческих полномочий федерального правительства, в том числе, и в интересующей нас области [Прим. автора].

мах федеральной администрации и администрации земель.

Так, согласно Экологической программе 1971 г. были предусмотрены передача административных полномочий по управлению водными ресурсами, контролю за загрязнением воздуха и борьбе с шумом Федеральному министерству внутренних дел, а также создание, так называемого, Комитета кабинета министров по вопросам окружающей среды (создан в 1970 г.) и Консультативного совета по окружающей среде (создан в 1971 г.), а также Федерального агентства по окружающей среде (создано в 1974 г.). Отметим и то обстоятельство, что отсутствие в рассматриваемый период Федерального министерства охраны окружающей среды, не являлось существенным препятствием в развитии экологической сферы: его возможные нормотворческие полномочия реализовывались в деятельности нескольких министерств по охране окружающей среды созданных на уровне федеральных земель: последние, в течение нескольких лет разработали и утвердили целый ряд нормативных правовых актов природоохранной направленности.

В то же время, на протяжении всего рассматриваемого периода, конституционное законодательство Германии не было скорректировано в части закрепления заботы об окружающей среде в качестве одной из целей государственно-правового курса. По-прежнему не предпринималось никаких попыток к разработке общей концепции федерального экологического кодекса [15, с. 31].

Данные обстоятельства, наряду с целым рядом негативных экономических факторов, привели к **замедлению процессов экологизации государственной политики ФРГ на третьем этапе развития природоохранного законодательства (1975–1978 гг.)**.

После вступления в силу Закона о защите от вредного воздействия на окружающую среду, вызванного загрязнением воздуха, шумом, вибрациями и подобными процессами (BlmSchG) в 1974 г., ставшего пиком развития экологической политики, наметился постепенный спад усилий по реформированию этой сферы. Кризис поставок нефти в 1973–1974 гг. привел к значительным экономическим трудностям и росту безработицы в Германии в сер. 1970-х гг.

Такое развитие событий препятствовало дальнейшему формированию законодательства по охране окружающей среды, которое стало рассматриваться в качестве тормоза для дальнейшего экономического роста [8, с. 31]. Рецессия сер. 1970-х гг., по сути, на три года приостановила действие экологического законодательства. В период канцлерства Г. Шмидта, с 1975 по 1978 г. не было инициировано ни одного нового законодательного проекта в области охраны окружающей среды. Несмотря на первые демонстрации против атомных электростанций в 1975–1976 гг., безработица и проблемы внешнеполитической безопасности привлекали внимание немецкого общества гораз-

до в большей степени, чем экологические проблемы [9, с. 15].

Четвертый этап развития природоохранного законодательства, приходящийся на период 1978–1990 гг., можно определить в качестве этапа консолидации государственной охраны окружающей среды.

К завершению 1970-х гг. общественные споры о ядерной энергии, токсичных отходах, авариях нефтяных танкеров, загрязнении рек, химических авариях или вымирании лесов вновь ставят на повестку дня вопросы охраны окружающей среды. Движения гражданской инициативы, организационная сила которых значительно возросла с 1973 г., привлекли внимание общественности к экологическим проблемам. На волне этих настроений Партия зеленых в 1983 г. впервые получила представительство в Бундестаге. Благодаря поддержке ее фракции в нижней палате Федерального парламента, христианско-либеральное федеральное правительство Гельмута Коля, вопреки ожиданиям, начало проводить масштабную «политику чистого воздуха». При министре внутренних дел Фридрихе Циммерманне, представлявшим партию Христианско-социальный союз (CSU – Christlich-Soziale Union) были приняты меры по введению Постановления о крупных заводах по сжиганию топлива (1983 г.) [12], а также по регулированию выбросов выхлопных автомобильных газов, превратившие Германию в образец «политики чистого воздуха» в Европе.

Два фактора благоприятствовали этому стремлению к инновациям в экологической политике: во-первых, уже упоминавшийся, успех Партии зеленых на выборах на федеральном уровне (1983 г), убедивший германских политиков в востребованности экологических лозунгов в электоральном процессе. Во-вторых, продолжение процессов сокращения лесного фонда объективно способствовало инициированию неотложных мер по борьбе с загрязнением воздуха. На этом фоне смена федерального правительства создавало благоприятную возможность корректировки внутривнутриполитического курса, а первые решения нового правительства демонстрировали высокую степень способности к действию.

Серьезное воздействие на состояние природоохранного законодательства и продолжение государственно-правовой институционализации экологической сферы оказывали события, происходившие в сер. 1980-х гг. и связанные с техногенными катастрофами. Так, крупнейшая в истории химической промышленности авария, произошедшая 3 декабря 1984 г. в индийском Бхопале, привела к гибели 3 тыс. чел. и породила опасения по поводу возможных последствий аналогичной катастрофы в Германии. Эти опасения подтвердила крупнейшая ядерная катастрофа в Чернобыле 26 апреля 1986 г., а уже 1 ноября того же года сама Германия стала местом экологического бедствия: на складе базельской химической компании «Sandoz» вспыхнул пожар, в ходе которого сгоре-

ла 1351 т. сельскохозяйственных химикатов, в том числе токсичные инсектициды. После того, как большая часть воды для тушения влилась в Рейн, все живое было уничтожено на многие сотни километров. Массовая гибель тюленей, в которой автоматически и не всегда обоснованно обвиняли немецкую химическую промышленность, в этот период стала острой темой среди населения, гораздо более злободневной, чем безработица, здравоохранение, международная безопасность, преступность, терроризм или права человека [9, с. 16].

Природоохранное законодательство рассматриваемого периода характеризуют еще две принципиальные особенности.

Во-первых, проблемы экологической безопасности начинают интересовать и население Восточной Германии, заставляя правительственную элиту ГДР, на завершающем этапе ее существования, принимать соответствующие решения. Так, 18 мая 1989 г. в ГДР был принят Указ «Охрана и уход за флорой и фауной и природными богатствами». Безусловно, проблема угрозы биоразнообразию и необходимость охраны культивируемых видов была достаточно очевидна руководству ГДР и ранее, но это не находило отражения ни в практике охраны природы, ни в восточногерманском законодательстве. Указ 1989 г., ставший результатом работы инициативной группы Института ландшафтных исследований и охраны природы создал необходимые условия для разработки новой национальной стратегии охраны природы ГДР, стратегии, которую по объективным причинам не удалось реализовать, но многие идеи которой оказались востребованы в объединенной Германии [11].

Во-вторых, происходит значительное расширения содержания законодательного регулирования в сфере природоохранной политики. Во время пребывания на посту министра охраны окружающей среды Клауса Тёпфера (1987–1994 гг.) роль Германии как первопроходца в экологической политике была еще более расширена. Так, благодаря его деятельности, равно как и общей направленности политики правительства Г. Коля по защите климата, разрабатывавшиеся начиная с 1987 г. совместно с комиссией энкет¹ немецкого Бундестага климатические стандарты становятся стандартами, принятыми всем международным сообществом. Не имело мировых аналогов и установление льготного тарифа на электроэнергию из альтернативных источников (Stromeinspeisungsgesetz (StromEinspG)-1990) [6].

Пятый этап развития экологического законодательства, приходящийся на период между объединением Германии в 1990 году и федеральными выборами в ФРГ 1994 г.² немецкими исследовате-

¹ Enquete-Kommission – Комиссии Enquete – это надфракционные рабочие группы, созданные немецким Бундестагом или земельным парламентом для решения обширных и значительных фактических проблем, в которых необходимо взвесить различные правовые, экономические, социальные или этические аспекты [Прим. авторов].

² По поводу даты завершения данного периода существует и иная точка зрения. Ее сторонники утверждают, что «редина-

лами обозначается как «**фазой восстановления компетенции и рединамизации экологической политики**» [1, с. 208].

Думается, что такое определение вполне оправдано. Включение в текст Основного Закона ФРГ в 1994 г. новой формулировки § 20а, определившей охрану окружающей среды в качестве важнейшей государственной задачи, как нельзя лучше свидетельствует о восстановлении компетенции федеральных органов власти в этой сфере [10].

Свидетельством «рединамизации экологической политики» являются комплекс мероприятий рассматриваемого периода, а также новые узаконения в природоохранной сфере. Особого исследовательского внимания в этот период заслуживают концепции защиты Северного и Балтийского морей, расширение законодательства об экологической ответственности, залог за пластиковые бутылки для напитков, постановления о малых сжигательных установках и инцидентах на промышленных предприятиях, налоговое поощрение автомобилей с низким уровнем выбросов, увеличение налога на сточные воды, запрет на этилированный бензин, прекращение сжигания отходов в открытом море и сброса разбавленной кислоты в Северное море.

Новым направлением природоохранной политики стала борьба с отходами. Ее нормативные основания были заложены в «Постановлении об упаковке» (1991 г.)³ и Законе «О замкнутом цикле веществ и управлении отходами», принятом 6 октября 1994 г. [5].

Шестой этап, 1994–1998 гг. характеризуется временным «замораживанием» экологической повестки. По мнению многих исследователей, с формированием нового правительства после выборов в Бундестаг в 1994 году, в экологической политике Германии наметилась явная тенденция к откату назад [1, с. 208]. С нашей точки зрения, данный регресс был обусловлен не столько сменой министра охраны окружающей среды с Клауса Тёпфера на Ангелу Меркель, сколько тем, что после объединения Германии социальные и политические аспекты значительно усиливаются, в какой-то степени, в ущерб интересам охраны окружающей среды. Крах экономики Восточной Германии и экспоненциальный рост массовой безработицы оттеснили защиту окружающей среды – по крайней мере, в тех случаях, когда она рассма-

мизация» продолжалась лишь два года. Партия «Альянс 90/Зеленые» не смогла преодолеть пятипроцентный барьер на выборах в Бундестаг 2 декабря 1990 г., а с 1992 г. экологическая политика «...теряет значительный импульс» [Прим. авторов].

³ Целью Постановления об упаковке является предотвращение или повторное использование отходов от упаковки. Производители и дистрибьюторы, как правило, обязаны принимать упаковку обратно и перерабатывать ее. Постановление об упаковке предусматривает, что обязанность принимать упаковку обратно не распространяется на производителей и розничных торговцев, если они участвуют в системе сбора и восстановления упаковки. Для этого используется „Система Duale Deutschland GmbH“ (DSD) была основана для сбора, сортировки и переработки торговой упаковки. Зеленая точка – это лицензионный знак DSD [Прим. авторов].

тривалась как тормоз для инвестиций – на задворки государственной политики, и повлиять не смогли ни война в Персидском заливе с ее горящими нефтяными скважинами, ни экологические конференции в Рио-де-Жанейро, Берлине и Киото.

Единственным значимым нормативным актом рассматриваемого периода стал вступивший в силу в октябре 1996 г. Закон о циркулярной экономике и управлении отходами (Kreislaufwirtschafts- und Abfallgesetz)¹.

Красно-зеленое (по оценкам немецких политологов) правительство, пришедшее к власти осенью 1998 г., попыталось установить новые стандарты экологической политики, пусть и в довольно ограничительных рамочных условиях. Реформа экологического налога 1998 г. (Ökologische Steuerreform (ÖSR)) [4], принятие в рамках амбициозной программы по защите климата Закона о возобновляемых источниках энергии (EEG-Erneuerbare-Energien-Gesetz) [7], введение в 2000 г. предписанной на международном уровне официальной стратегии устойчивого развития ознаменовали начало нового, **седьмого этапа развития экологического законодательства и природоохранной сферы**, продолжающегося в ФРГ по сей день.

В 2002 г., после интенсивных «переговоров о консенсусе» с представителями электроэнергетической отрасли, германское экологическое законодательство зафиксировало принцип постепенного отказа от использования атомной энергии. При этом, именно энергетическая политика ФРГ демонстрировала приверженность правительства новым экологическим приоритетам. С принятием Закона о возобновляемых источниках энергии (2004 г.), поддержанного широким альянсом экологических и бизнес-ассоциаций, доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии должна быть увеличена до 12,5% к 2010 г. – в 2007 г. этот показатель уже был превышен и составил более 14%. Причиной стал бум альтернативной энергетики (ветер, биомасса, геотермальная энергия). Многие государства восприняли немецкий инструмент обязательных льготных тарифов на электроэнергию из возобновляемых источников энергии.

Красно-зеленое правительство также добилось успеха на втором фронте экологической политики в международном сравнении: «экологическая модернизация» промышленности, закреплённая в коалиционном соглашении 1998 г., достигла значительного прогресса. Эта стратегия рассчитана на инновации и занятость и дала эффект, который можно увидеть в таких показателях, как рост производительности энергии и материалов. Уже в 2005 г. инвестиции только в защиту климата со-

¹ Новый закон об отходах более настойчиво призывает избегать и экологически обоснованно перерабатывать отходы на всех этапах производства. Закон направлен на производство продукции, которая является как можно более малоотходной, ремонтпригодной или пригодной для вторичной переработки. Она должна была положить начало повороту в потреблении сырья и задать курс на вступление в циркулярную экономику в области утилизации отходов [Прим. авторов].

ставили около 5% валового внутреннего продукта. В 2003 году немецкая экологическая промышленность заняла лидирующие позиции на мировом рынке.

Впрочем, успехи правительства А. Меркель не следует и преувеличивать. Несколько красно-зеленых экологических проектов потерпели неудачу из-за сопротивления или были ослаблены. Так, принятию объявленного Экологического кодекса помешало сопротивление федеральных земель и особенно бизнес-сообщества.

Выборы в Бундестаг 18 сентября 2005 г. и формирование правительства новой, т.н., «большой коалиции» (ХДС/ХСС) под руководством все той же Ангелы Меркель, пришедшей к власти в ФРГ по результатам парламентских выборов 18.09.2005 г., впервые за всю послевоенную историю не повлияла на общую направленность и интенсивность экологической политики в ФРГ. И решение 2002 г. о постепенном отказе от ядерной энергии, и экологический налог, введенный в 1999 г., остались нетронутыми. Вступила в силу назревшая поправка к закону об авиационном шуме. Климатическая политика прежнего правительства, которая подверглась серьезной критике со стороны бизнес-ассоциаций, Федерации немецкой промышленности (BDI) и Ассоциация немецких промышленных и торговых палат (DINK) перед выборами 2005 года, также была сохранена, включая амбициозную цель по сокращению выбросов климатических газов на 40% к 2020 г.

Тем не менее, активная реализация в ФРГ комплекса природоохранных мероприятий и дальнейшего развитие экологического законодательства, призванного гарантировать гражданам Германии их конституционное право на благоприятную окружающую среду, до сегодняшнего дня сдерживаются основным сущностным препятствием – отсутствием федерального экологического кодекса. Полагаем, что его разработка и принятие является главной стратегической задачей, требующей, однако, не только последовательной позиции гражданского общества в данном вопросе, но и согласования интересов федеральной властной элиты, земельных властей, бизнес-сообщества. При отсутствии доброй воли всех участников процесса современный прогресс в экологической сфере может в очередной раз смениться на разочарование в «зеленом проекте» и свертывание экологических программ, как это уже не раз происходило в немецкой истории.

Литература

1. Вайднер, Хельмут, Йенике М. На подъеме и спаде пионера: баланс экологической политики эпохи Коля. – Висбаден, 1998. – 428 с.
2. Вольф Ф. Экологическая политика Германии. Бонн, 2002. – 307 с.
3. Вейсейс Б. Политика, промышленность и охрана окружающей среды в Федеративной Республике Германия: Консенсус и конфликт в поли-

- тическом поле 1960–1986 гг. // Стратегии консенсуса. 1989. № 1. С. 269–284.
4. Закон о введении реформы экологического налога, Бюллетень федеральных законов, часть II, № 14, издан в Бонне 29 марта 1999 года. [Электронный ресурс]: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl199s0378.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl199s0378.pdf%27%5D__1637333777410 (дата обращения: 17.04.2022)
  5. Закон о замкнутом цикле веществ и управлении отходами от 06 октября 1994, Федеральный вестник от 6 октября 1994 № 66 [Электронный ресурс]: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl194s2705.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl194s2705.pdf%27%5D__1654962051240 (дата обращения: 11.06.2022)
  6. Закон о подаче электроэнергии Бюллетень федеральных законов, часть I, № 5702, издан в Бонне 14 декабря 1990 года. [Электронный ресурс]: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=/%5B%40attr_id%3D%27bgbl190s2633b.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl190s2633b.pdf%27%5D__1650057735944 (дата обращения: 11.06.2022)
  7. Закон о приоритете возобновляемых источников энергии Бюллетень федеральных законов, часть II, № 13, издан в Бонне 31 марта 2000 [Электронный ресурс]: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl100s0305.pdf%27%5D__1637334014346 (дата обращения: 17.04.2022)
  8. Йенике М., Куниг Ф., Штицель М. Экологическая политика, политика, право и управление охраной окружающей среды в государстве и на предприятиях. 2-е издание. Бонн, 2003. – 611 с.
  9. Кёстерс В. Экологическая политика. Темы, проблемы, перспективы. 3-е изд., Мюнхен. 2004. – 322 с.
  10. Основной закон Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_20a.html (дата обращения: 17.04.2022)
  11. Петшоу, У.; Мейерхофф, Й.; Томасбергер, К. Экологический отчет ГДР. Равновесие разрушения. Затраты на восстановление. Стратегии экологической реконструкции. – Франкфурт-на-Майне, 1990. [Электронный ресурс]: https://www.ioew.de/uploads/tx_ukioewdb/IOEW_SR_036_Oekologischer_umbau_DDR.pdf (дата обращения: 17.04.2022)
  12. Тринадцатое постановление Федерального закона об иммиграционном контроле от 22 июня 1983 года [Электронный ресурс]: <https://www.umwelt-online.de/recht/luft/bimschg/vo/13bv83.htm> (дата обращения: 17.04.2022)
  13. Хакке Й. Экологическая политика: развитие нового поля политики // Политика в Федеративной Республике Германия. /под ред. К. фон Бейме. Бонн, 1990.
  14. Хюнемёрдер К.Ф. Ранняя история глобального экологического кризиса и формирование экологической политики Германии (1950–1973). Том 53. Бонн, 1985. 114 с.
  15. Шторм Петер-Христоф. Экологическое право. 11-е изд. – Берлин, 2019. – 536 с.

ECOLOGICAL LAW OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN THE LATE 1960S – EARLY 2000S.

Lonskaya S.V., Ponomareva V.V., Chernyshev A.E.
Kemerovo State University

The article deals with the problems of formation and development of the system of environmental protection and environmental law in the Federal Republic of Germany. Seven main stages in the development of environmental legislation are determined. The principal features of these stages are determined, the regulatory foundations for the activities of federal and land authorities in the field of environmental protection are analyzed, and a list of the main practical measures in this area is considered. The development of the environmental sphere and environmental legislation is studied in the context of the development of the political situation in Germany in the period after the end of the 2nd World War, the development of the global environmental movement and the formation of international legislation in the field of environmental protection.

The conclusion is formulated that the active implementation in Germany of a set of environmental measures and the further development of environmental legislation, designed to guarantee German citizens their constitutional right to a favorable environment, are constrained by the lack of a federal environmental code. The development and adoption of this act is the main strategic task that requires coordination of the interests of the federal power elite, land authorities, and the business community. In the absence of the good will of all participants in the process, modern progress in the environmental sphere can be replaced by disappointment in the “green project” and curtailment of environmental programs, as has happened more than once.

Keywords: environment, environmental protection, ecological law, ecological policy.

References

1. Weidner, Helmut, and Martin Jänicke. „Vom Aufstieg und Niedergang eines Vorreiters Eine umweltpolitische Bilanz der Ära Kohl.“ Bilanz der Ära Kohl. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, 1998. 428 p.
2. Wolff, Franziska. 2002. Deutsche Umweltpolitik. Hrsg. Deutscher Naturschutzring e.V. -Kurs ZukunftsPiloten, Bonn/Lüneburg. 307 p.
3. Wessels, Bernhard. 1989. Politik, Industrie und Umweltschutz in der Bundesrepublik: Konsens und Konflikt in einem Politikfeld 1960–1986. In Konfliktpotentiale und Konsensstrategien. Beiträge zur Politischen Soziologie der Bundesrepublik, Hrsg. Dietrich Herzog und Bernhard Wessels, S. 269–284. Opladen: WestdeutscherVerlag.
4. Gesetz zum Einstieg in die Ökologische Steuerreform, Bundesgesetzblatt Teil II, Nr.14, ausgegeben zu Bonn am 29. März 1999: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl199s0378.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl199s0378.pdf%27%5D__1637333777410
5. Gesetz zur Vermeidung, Verwertung und Beseitigung von Abfällen- Bundesgesetzblatt Teil I, Nr.66, ausgegeben zu Bonn am 06. Oktober 1994 // https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl194s2705.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgbl194s2705.pdf%27%5D__1654962051240

6. Stromeinspeisungs gesetz (StromEinspG)- Bundesgesetzblatt Teil I, Nr. 5702, ausgegeben zu Bonn am 14. Dezember 1990: [https://www.bgbl.de / xaver / bgbl start.xav?start= //*/%5B@attr_id=%27bgbl190s2633b. pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl190s2633b.pdf%27%5D__1650057735944](https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=/*/%5B@attr_id=%27bgbl190s2633b.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl190s2633b.pdf%27%5D__1650057735944)
7. Gesetz für den Vorrang Erneuerbarer Energien Bundesgesetzblatt Teil II, Nr.13, ausgegeben zu Bonn am 31. März 2000: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl100s0305.pdf%27%5D__1637334014346
8. Martin Jänicke / Philip Kunig / Michael Stitzel, Umweltpolitik, Politik, Recht und Management des Umweltschutzes in Staat und Unternehmen, 2. Aufl., Bonn, 2003. 611 p.
9. Kösters, Winfried. „Umweltpolitik.“ Themen, Probleme, Perspektiven, 3. Aufl., München 2004. 322 p.
10. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_20a.html (дата обращения: 17.04.2022)
11. Petschow, U.; Meyerhoff, J.; Thomasberger, C.: Umwelt report DDR. Bilanz der Zerstörung. Kosten der Sanierung. Strategien für den ökologischen Umbau. Frankfurt am Main 1990 https://www.ioew.de/uploads/tx_ukioewdb/IOEW_SR_036_Oekologischer_umbau_DDR.pdf
12. Dreizehnte Verordnung zur Durchführung des Bundes-Immissionsschutzgesetzes Vom 22. Juni 1983: <https://www.umwelt-online.de/recht/luft/bimschg/vo/13bv83.htm>
13. Hücke, Jochen. 1990. Umweltpolitik: Die Entwicklung eines neuen Politikfeldes. In Politik in der Bundesrepublik Deutschland, Hrsg. Klaus von Beyme und Manfred G. Schntidt. 582 p.
14. Kai F. Hünemörder. Die Frühgeschichte der globalen Umweltkrise und die Formierung der deutschen Umweltpolitik (1950–1973). Vol. 53, 2004. 114 p.
15. Peter-Christoph Storm, Umwelrecht, 11. Aufl. Berlin 2019. 536 p.

Государственное планирование в сфере сохранения и укрепления российских духовно-нравственных ценностей с 1917 по 1942 гг.

Лукьянова Мария Грантовна,

адвокат Адвокатской палаты г. Москвы

E-mail: Lukyanova-mg@mail.ru

В статье анализируются вопросы государственного планирования в сфере сохранения и укрепления российских духовно-нравственных ценностей в период с 1917 по 1942 гг. Цель исследования – изучение историко-правового опыта государственного планирования по формированию духовно-нравственных ценностей с 1917 по 1942 гг. Предметом исследования являются первые планы пятилетнего развития народного хозяйства. В работе применены формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы. На основе актов Советского государства были выявлены и рассмотрены предпосылки для быстрого повышения культурного уровня населения. За счёт «культурной революции» формировали духовно-нравственные ценности. Большое внимание уделялось перевоспитанию широких масс в духе строительства социализма и его защиты от всех врагов вне страны и внутри её. Проводилась политика по борьбе с антиподами коммунистической морали. Итогом исследования является вывод об отсутствии единой систематизации актов по воспитанию духовно-нравственных ценностей, а также отсутствие выделения их в отдельную от культуры категорию.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, РСФСР, нравственность, духовность, государственное планирование, стратегии развития, пятилетний план.

Составление краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных планов социально-экономического развития является не только важным институциональным преимуществом и опытом развития России, но и общепринятой международной практикой. Подготовка таких планов является важным средством усиления контроля, модернизации выбранного направления и выполнения количественных и /или качественных показателей.

Государственное планирование включает в себя предварительную разработку и реализацию основных направлений деятельности страны в целях достижения определённых целей и приоритетов социально-экономического развития. Такая политика гарантирует, что интересы государства в определённой области, например сохранения и укрепления российских духовно-нравственных ценностей, защищены и реализованы в установленных рамках через комплекс мероприятий.

Планирование всего народного хозяйства на уровне государства впервые было применено в Советской России, позднее – СССР [10]. Единый план позволял гармонично развивать все отрасли производства и сферы обслуживания, науку и культуру в соответствии с важнейшими социально-экономическими задачами того или иного периода [14]. Перед государством стояла цель в виде создания единой системы, обеспечивающей материальное и духовное развитие народа.

Можно выделить три вида планов, реализованных в Советской России:

- 1) краткосрочный – до года;
- 2) среднесрочный – от года до шести лет;
- 3) долгосрочный – на срок более 6 лет.

Это были планы-директивы, обязательные для руководящих органов и определяющие направление хозяйственного развития в будущем в масштабе всей страны [17, с. 326].

Согласно п. «к» ст. 49 Конституции РСФСР 1918 г. установление основ и общего плана всего народного хозяйства относилось к ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК). 22 февраля 1921 г. была создана Государственная общеплановая комиссия (Госплан РСФСР) при Совете труда и обороны (СТО) [5]. В 1923 г. был создан Госплан СССР [6].

Первая книжка контрольных цифр была сформирована Госпланом СССР на 1925/26 гг.. Годичное планирование являлось шагом по превращению сводки в народнохозяйственный план. Контрольные цифры вырабатывались на основе предварительных директив. Годовые планы связыва-

ли с задачами перспективных планов и освещали специфические особенности каждого года [12].

Для выполнения цели нашего исследования анализировались именно среднесрочные планы, имеющие наименование – пятилетки. Это связано с возможностью рассмотреть государственное планирование комплексно за определённый период времени.

Первый пятилетний план реализовывался с 1928 по 1932 годы как начальный этап индустриализации страны. Согласно Директиве по составлению пятилетнего плана народного хозяйства 1927 года [8, с. 274–293], большое внимание уделялось перевоспитанию широких масс в духе строительства социализма и его защиты от всех врагов вне страны и внутри её. Проводилась политика по борьбе с культурной отсталостью. По данным всеобщей переписи населения дореволюционной России неграмотные составляли 76% населения в возрасте 9 лет и старше [7, с. 271].

В директиве устанавливалось, что предпосылками для быстрого повышения культурного уровня населения будут:

1) жилищное строительство, введение в строй школ, техникумов, клубов, организация общественного питания, детских яслей, детских домов и общее благоустройство рабочих поселков, с целью удовлетворения материальных и культурных нужд рабочих масс;

2) развитие сети учреждений профессионального технического образования, в частности, школ фабрично-заводских ученичеств;

3) приспособление всего народного просвещения к потребностям социалистического строительства;

4) создание условий для проведения мероприятий по систематическому улучшению положения рабочей молодежи;

5) подготовка молодёжи в качестве новых кадров – сознательных строителей социализма;

5) развитие сельского хозяйства путём внедрения высоких технологичных и социальных форм хозяйствования;

6) распространение агрономических и технических знаний среди массы сельского населения;

7) сближение уровня жизни города и деревни;

8) развитие национальных культур народностей СССР;

9) интенсивная пропаганда борьбы:

- с непроизводительными тратами;
- с халатностью и небрежностью на рабочем месте;
- с неряшливым и нерадивым отношением к средствам производства;
- с неряшливым и нерадивым отношением к своему собственному труду;
- с отсталыми техническими формами хозяйства;
- с бюрократизмом государственного и хозяйственного аппарата;
- с отсталостью, рутинной, «хвостистскими на-строениями»;

- за переустройство быта;
- за культуру;
- за трудовую сознательность;
- за трудовую дисциплину (в том числе борьба с прогулами [1]);
- против пьянства;
- против неграмотности.

План культурного строительства было неотъемлемой частью общего плана социалистического строительства СССР. Стоит отметить, что понятие «культура» находит отражение не только в наличии нравственного сознания, но и воплощение в поведении моральных категорий. Духовность каждого человека зависит от того культурного поля, где формируются его духовные потребности и идеалы (образование, наука, коллектив и т.п.) [13]. Таким образом, первый пятилетний план стал базисом сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в стране. В него входило формирование и развитие таких ценностей, как труд, образование, культура, быт, профессионализм, ответственность и другие. Социально неодобряемыми убеждениями стали: хвостизм, неграмотность, пьянство и прочее.

Выполнение задач «культурной революции» стала обязанностью правительства СССР [2]. Создание и реализация мероприятий по обеспечению культурного подъема народных масс включала в себя [3]:

- оздоровление условий труда;
- расширение программы социального страхования;
- переход к обязательному всеобщему обучению детей;
- борьбу с неграмотностью;
- расширение школьной сети;
- развитие сети народных домов, клубов, яслей, учреждений по народному питанию, изб-читален и т.п.;
- развитие профессионально-технического и экономического образования;
- развитие научно-исследовательских институтов и научно-исследовательской работы;
- подготовка новых и переподготовка существующих технических кадров всех специальностей и квалификаций;
- привлечение лучших иностранных специалистов;
- развитие книжного дела на языках всех народов СССР;
- развитие кино, радио и прочих культурных мероприятий.

Только на 1929/30 гг. общий объём вложений СССР в социально-культурный сектор составлял 647 млн руб., из них в РСФСР – 418,2 млн руб. [11]. За годы первой пятилетки была ликвидирована неграмотность десятков миллионов рабочих и крестьян и осуществлён переход к всеобщему обязательному обучению.

В программу повышения культурного уровня рабочих и крестьян в период второй пятилетки (1933–1937 гг.) входили следующие задачи [4]:

- повышение государственных расходов на культурно-бытовое обслуживание рабочих с 4,3 млрд руб. до 9,3 млрд руб.;
- завершение ликвидации неграмотности и малограмотности населения. Планировалось увеличить рост числа учащихся до 36 млн против 24,2 млн человек в 1932 г.;
- широкое развитие массовой внешкольной работы / клубной сети в городе и в деревне до 10,9 тыс. против 6,8 тыс.; сети массовых библиотек до 25 тыс. против 15 тыс. в 1932 г.;
- увеличение затрат на здравоохранение, рабочий отдых и физкультуру с 5,4 млрд руб. в первой пятилетке до 19,6 млрд руб.;
- капитальные вложения в коммунальное, жилищное и культурное строительство за второе пятилетие установить в размере около 32 млрд руб., в том числе в просвещение – 3,1 млрд руб.

При выполнении второго пятилетнего плана должны обеспечиваться такие духовно-нравственные ценности, как профессионализм, дисциплина труда, ответственность и коллективизм.

Повышение уровня формирования духовно-нравственного развития с 1933 по 1939 гг. можно показать через следующие статистические данные: число учащихся в школах всех ступеней увеличилось с 23814 до 33965 тыс. чел.; библиотек с 40,3 до 70 тыс.; клубных учреждений с 61,1 до 95,6 тыс.; театров с 587 до 790; годовой тираж газет с 4984 до 7092 млн экз.; построено 20607 школ [16].

Начало третьей пятилетки (1938–1942 гг.) пришлось на серьёзные изменения в международной обстановке [15, с. 349] – начало Второй мировой войны. План, прежде всего, обеспечивал подъём тяжелой и оборонной индустрии. Однако, в то же самое время, ставились и такие социально-культурные задачи, как повышение культуры народа в целях расцвета новой, социалистической культуры [9, с. 50].

Третья пятилетка должна была обеспечить: удовлетворение нужд в культурном обслуживании населения; проведение мероприятий по поднятию культурно-технического уровня; увеличить количество учащихся как в школах, так и ВУЗах; повысить качество высшего образования; увеличить сети кинотеатров, клубов, библиотек, домов культуры и читален.

В 1941 году третья пятилетка была прервана в связи с необходимостью выполнения военно-хозяйственных нужд. Однако культурно-просветительская работа продолжала осуществляться, в том числе в целях создания обстановки «подлинно отеческого внимания» к раненым и больным бойцам и командирам [9, с. 245]. Осуществлялась политика по укреплению такой важной духовно-нравственной ценности, как патриотизм и защита Отечества. Для этого проводились лекции, доклады, концерты, кино, самодеятельность.

Отметим, что несмотря на невыполнение в полном объёме третьего пятилетнего плана, в годы Великой Отечественной Войны число детских садов, школ и других социально нужных учреждений, осуществлявших реализацию политики по формированию духовно-нравственных ценностей, восстанавливали [18].

Ни в одном из рассматриваемых директив напрямую не устанавливалась такая категория, как «духовно-нравственные ценности». Она реализовалась опосредованно, через сферу культуры, образования и воспитания. При этом можно увидеть зависимость приоритетов реализации плана по воспитанию той или иной ценности в зависимости от исторического отрезка времени.

За годы становления и развития Советского государства, духовно-нравственным ценностям уделялось огромное внимание. Государственные планы, являясь обязательными к исполнению, включали социально-культурную составляющую, обеспечивающую формирование, сохранение и укрепление таких ориентиров. В содержание планов всех трёх пятилеток входила деятельность государства по воспитанию и развитию личности в соответствии с требованиями модели «советского человека».

Литература

1. О мероприятиях по борьбе с прогулами: Постановление СНК СССР от 15.01.1927 // СЗ СС-СР. – 1927. – № 13. – ст. 134.
2. Отчёт правительства СССР: Постановление V съезда советов СССР от 25.05.1929 // СЗ СС-СР. – 1929. – № 26. – ст. 586.
3. О пятилетнем плане развития народного хозяйства: Постановление V съезда советов СС-СР от 28.05.1929 // СЗ СССР. – 1929. – № 26. – ст. 587.
4. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.): Резолюция XVII съезда ВКП(б), январь-февраль 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. – М.: Политиздат, 1967. – С. 442–462.
5. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.). Справочник (по материалам государственных архивов) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.08.2023).
6. Госплан СССР // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – URL: <https://bigenc.ru/c/gosplan-sssr-ae1b50> (дата обращения: 15.08.2023).
7. Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах: Стат. сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – Москва: Госстатиздат, 1957. – 370 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4 (1926–1929). – Москва: Политиздат, 1984. – 575 с.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7 (1938–1945). – Москва: Издательство политической литературы, 1985. – 575 с.
10. Курносков В.В. Как начиналось советское планирование / В.В. Курносков // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2010. – № 6 (66). – С. 113–117.
11. Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 год / Г.М. Кржижановский, С.Г. Струмилини, Э.И. Квиринг, Н.А. Ковалевский, М.И. Боголепов. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930. – 150 с.
12. Персии М. Пять лет контрольных цифр // Исторические материалы. – URL: https://istmat.org/files/uploads/40951/m.persic_pyat_let_kontrolnyh_cifr.pdf (дата обращения: 15.08.2023).
13. Пичко Н.С. Формирование духовно-нравственных ценностей личности в контексте культуры / Н.С. Пичко // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 17–2. – С. 102–110.
14. Планирование народного хозяйства // Большая советская энциклопедия. – URL: https://bse.slovaronline.com/29835-PLANIROVANIE_NARODNOGO_HOZYAYSTVA (дата обращения: 15.08.2023).
15. Советско-нацистские отношения, 1939–1941: Документы / Ред. Александр Глезер; Пер. с англ. Розы Гросс и Любы Брукс. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1983. – 352 с.
16. Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года. – URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_57.htm (дата обращения: 15.08.2023).
17. Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1953. – 400 с.
18. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб./Росстат. – М., 2015. – 190 с.

STATE PLANNING IN THE FIELD OF PRESERVATION AND STRENGTHENING OF RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES FROM 1917 TO 1942

Lukyanova M.G.

Chamber of Advocates of the city of Moscow

The article analyzes the issues of state planning in the field of preserving and strengthening Russian spiritual and moral values from 1917 to 1942. The purpose of the study is to study the historical and legal experience of state planning in the formation of spiritual and moral values from 1917 to 1942. The subject is the first three plans for the five-year development of the national economy. The paper uses formal legal, comparative legal and other methods. Based on the acts of the Soviet state, the prerequisites for a rapid increase in the cultural level of the population were identified and considered. Due to the “cultural revolution” spiritual and moral values were formed among the population. Much attention was paid to the re-ed-

ucation of the broad masses in the spirit of building socialism and defending it from all enemies outside and within the country. A policy was pursued to combat the antipodes of communist morality. The result of the study is the conclusion that there is no unified systematization of acts for the upbringing of spiritual and moral values, and that they are not singled out as a category separate from culture.

Keywords: spiritual and moral values, RSFSR, morality, spirituality, state planning, development strategies, five-year plan.

Referents

1. On measures to combat absenteeism: Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of 01/15/1927 // Legislation of the USSR. – 1927. – No. 13. – Art. 134.
2. Report of the government of the USSR: Decree of the V Congress of Soviets of the USSR of 05/25/1929 // Legislation of the USSR. – 1929. – No. 26. – Art. 586.
3. On the five-year plan for the development of the national economy: Decree of the V Congress of Soviets of the USSR of 05/28/1929 // Legislation of the USSR. – 1929. – No. 26. – Art. 587.
4. On the second five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1933–1937): Resolution of the XVII Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, January-February 1934 // Decisions of the party and government on economic issues. In 5 volumes: Stat. doc. for 50 years. T. 2. 1929–1940. – М.: Politizdat, 1967. – P. 442–462.
5. The highest bodies of state power and the central government of the RSFSR (1917–1967). Handbook (based on the materials of state archives) // Consultant Plus legal reference system (date of access: 15.08.2023).
6. Gosplan of the USSR // Scientific and educational portal “Great Russian Encyclopedia”. – URL: <https://bigenc.ru/c/gosplan-sssr-ae1b50> (date of access: 15.08.2023).
7. Achievements of Soviet power for forty years in numbers: Stat. collection / Center. stat. ex. under the Council of Ministers of the USSR. – Moscow: Gosstatizdat, 1957. – 370 p.
8. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. T. 4 (1926–1929). – Moscow: Politizdat, 1984. – 575 p.
9. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. T. 7 (1938–1945). – Moscow: Publishing house of political literature, 1985. – 575 p.
10. Kurnosov V.V. How Soviet planning began / V.V. Kurnosov // Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance. – 2010. – No. 6 (66). – P. 113–117.
11. The main problems of the control figures of the national economy of the USSR for 1929/30 / G.M. Krzhizhanovskiy, S.G. Strumilin, E.I. Kvirin, N.A. Kovalevskiy, M.I. Bogolepov. – Moscow; Leningrad: State. publishing house, 1930. – 150 p.
12. Persia M. Five years of control figures // Historical materials. – URL: https://istmat.org/files/uploads/40951/m.persic_pyat_let_kontrolnyh_cifr.pdf (date of access: 15.08.2023).
13. Pichko N.S. Formation of spiritual and moral values of the individual in the context of culture / N.S. Pichko // The system of values of modern society. – 2011. – No. 17–2. – P. 102–110.
14. Planning of the national economy // Great Soviet Encyclopedia. – URL: <https://bse.slovaronline.com> (date of access: 15.08.2023).
15. Soviet-Nazi Relations, 1939–1941: Documents / Ed. Alexander Glezer; Per. from English. Roza Gross and Luba Brooks. – Paris; New York: Third Wave, 1983. – 352 p.
16. Stalin I.V. Reporting report at the XVIII Party Congress on the work of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on March 10, 1939. – URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t14/t14_57.htm (date of access: 15.08.2023).
17. Stalin I.V. Works. T. 10. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1953. – 400 p.
18. The Great Patriotic War. Anniversary Statistical Collection: Stat. Sat/Rosstat. – М., 2015. – 190 p.

Влияние европейского законодательства о нотариате на процесс формирования нотариального права Российской империи

Савченко Дмитрий Александрович,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет
E-mail: kaftigip@law.asu.ru

Сорокин Виталий Викторович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Алтайский государственный университет
E-mail: kaftigip@law.asu.ru

Мырзалимов Руслан Муратбекович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет
E-mail: Rrd231@rambler.ru

Статья посвящена проблеме формирования отечественного законодательства о нотариате. Анализируется влияние на этот процесс нотариального права европейских государств. На основе детальной характеристики законов о нотариате, действовавших на протяжении XIX столетия в Австрии и Франции, подтверждается правомерность о том, что нормы австрийского и французского законодательства о нотариате можно рассматривать в качестве важных источников, использовавшихся при составлении Положения о нотариальной части 1866 г. Требования к кандидатам на должности нотариусов, подведомственность нотариальных контор Министерству юстиции и окружным судам, принципы корпоративного устройства, функциональная направленность нотариальной практики в России – все это свидетельствует о прямой рецепции норм европейского континентального нотариального законодательства.

В то же время, обосновывается суждение о недопустимости абсолютного отождествления российского нотариального права и его европейских аналогов. По мнению авторов, российскую модель нотариата отличает ряд существенных институциональных особенностей. Так, если во Франции и Австрии, нотариусы принадлежали к высшим должностным лицам Министерства юстиции, в России они оказались на одной из самых низких ступеней иерархической служебной лестницы судебной системы, будучи приравнены к помощникам секретарей окружного суда. Таким образом, укоренившийся в юридической литературе конца XIX столетия термин «пасынки Фемиды» в отношении нотариусов Российской империи был вполне оправдан.

Ключевые слова: нотариус, нотариальные конторы, нотариальное законодательство, австрийский нотариат, французский нотариат, Положение о нотариальной части.

Отправной точкой в процессе формирования отечественного нотариата стало принятие «Положения о нотариальной части» Российской империи, приобретшее силу закона 14 Апреля 1866 г. и введенное в действие во всех регионах империи, где к тому времени уже были открыты новые судебные учреждения, созданные на основании Судебных Уставов 1864 года, и впоследствии распространенного, с некоторыми лишь изменениями, на губернии Прибалтики (в 1889 г.) и Царства Польского (в 1875 г.) [10, с. 73].

Работы законодательной комиссии по организации публичной деятельности мест и лиц, которым поручалась столь специфичная судебно-экономическая функция, как совершение различных актов и сделок, велись очень энергично и серьезно. Результатом законодательной деятельности в этом направлении явились два проекта – 1863 г., подготовленный II отделением Императорской канцелярии под руководством барона М.А. Корфа, и проект 1866 г., проникнутый духом консерватизма, принципиально отличный от первого, причем составленный тем же учреждением, которое к тому времени возглавлял уже Н. Панин, именуемый современниками как «злейший враг нотариата» [12, с. 330]. Второй проект и был положен в основу первого российского узаконения о нотариате, впрочем, «российским» его можно считать лишь условно: из 187 статей Положения 129 были основаны на зарубежном законодательстве [8, с. 42]. Согласно устоявшемуся в историко-правовой науке мнению, в основу российского законодательства о нотариате были положены два нотариальных кодекса – Австрийское положение 1854 г. и «Loi sur l'organisation du notariat» Франции 1803 г. с его последующими редакциями.

Сказанное выше обуславливает необходимость тщательного изучения данных памятников права: речь, по сути, идет об исторических источниках формирования российского нотариального законодательства.

Современный французский нотариат, послуживший образцом для целой группы европейских государств (Бельгии, Великобритании, Италии и пр.) и большинства кантонов Швейцарии образовался во Франции в эпоху консульства 25 Ventose an XI. Естественно, в течение XIX столетия такое учреждение, как нотариат претерпевал серьезные изменения, что, однако не отражалось на интересах населения и государства.

Во 2-й пол XIX в. французский нотариат основывался на следующих принципах:

1. Нотариусы назначались президентом республики из числа лиц, имевших опыт работы в нотариальной конторе не менее 6 лет, получивших удостоверение в подготовленности к занятию должности, подтверждавшее, помимо этого, их нравственную благонадежность, и внесших залог в обеспечение своих будущих должностных действий. Размер залога определялся доходностью конторы.
2. Функции нотариусов как органов публичной деятельности были предельно широки: они совершали различные акты и договоры, которым частные лица «...должны или желали придать характер юридической достоверности и значение актов формальных», составляли описи имущества (*inventaire*), выдавали различного рода свидетельства, совершали публичные продажи и т.д. «В жизни гражданских правоотношений нотариус служит в начале и в конце как духовник в религиозной жизни, при рождении, вступлении в брак, при смерти, когда его призывают для объявления последней воли. Он стоит на стражеверяемых ему интересов и становится другом и судьей своих клиентов». Нотариальные акты имеют безусловную доказательную силу и исполняются без особого судебного решения.
3. Нотариусы несменяемы. Число их в департаментах и размещение их определяется правительством следующим образом: в городах с населением 100 тыс. жителей и более – на каждые 6 тыс. жителей определяется один нотариус, в местностях с меньшим числом населения – на каждый судебно-мировой округ – от 2-х до 5-ти нотариусов [1, ст. 31].
4. Место жительства нотариуса определяется правительством. За самовольную перемену местожительства он увольняется со службы [1, ст. 7]. Закон строго наказывает нотариуса за совершение нотариальных действий вне пределов своего района (в первый раз – воспреещение практики в течение 3-х месяцев, а во второй – увольнение со службы и возмещение убытков).
5. Нотариусы не могут быть судьями. Им, в принципе, было разрешено заниматься адвокатской деятельностью, однако, в силу правил нотариальной этики, такое совмещение на практике не было широко распространено. Кроме того, закон запрещал нотариусам заниматься частной торговлей, биржевыми, коммерческими, банковскими и иными финансовыми операциями, а также входить в администрацию акционерных компаний.

Для занятия должности нотариуса во Франции законодательно закреплялись следующие условия:

1. Французское гражданство и достижение 25-летнего возраста;
2. отбытие воинской повинности;
3. предоставление удостоверения о прохождении непрерывного шестилетнего стажа;

4. представление письменного удостоверения, подписанного мэром, подтверждавшего правоспособность кандидата и его высокие нравственные качества (*de sарacity et de morality*).

Надзор за нотариусами, помимо корпоративного дисциплинарного надзора со стороны совета нотариусов, принадлежал суду, который в известных, указанных в законе, случаях привлекал нотариуса к ответственности за проступки и служебные злоупотребления, назначая штрафы, отрешая от должности и взыскивая убытки, причиненные действиями нарушителя.

Ст. 1382 Гражданского Кодекса Франции определяла, что ответственность нотариуса могла быть двух видов – общая и специальная (служебная). Последняя, по своим последствиям подразделялась на ответственность за тяжелые проступки, относившиеся к тем случаям, когда он не предвидел и не предусмотрел того, что было очевидно всем, проявляя незнание законов и форм нотариально го производства, и ответственность, наступавшую за совершение незначительных оплошностей, порожденных неправильным толкованием закона.

В соответствии с «*Loi sur l'organisation du notariat*» во Франции создавались корпоративные учреждения нотариата – Советы нотариусов (*chambres de notaires*), члены которых выбирались нотариусами из своей среды на общих собраниях всех нотариусов округа (*assemblee generale*). На этих же собраниях решались и наиболее сложные вопросы нотариальной практики, причем более важные решения подлежали утверждению Министра юстиции. *Chambres de notaires* выдавали кандидатам в нотариусы свидетельства о правоспособности и нравственных их качествах. Преследуя сословные интересы нотариата, советы регулировали отношения нотариусов между собой, а также контролировали отношения между представителями корпорации и населением округа. Как уже отмечалось, им же принадлежала и дисциплинарная власть по отношению к членам корпорации (право вынесения замечаний, выговоров, лишения права голоса на собраниях, отстранения от участия в них на срок до 6-ти лет).

Согласно ст. 2 Указа от 4 января 1843 г. контролю совета подлежали не только профессиональные действия нотариусов, порочащие честь сословия, но и их частная жизнь, в том случае, если какие-то ее стороны не соответствовали званию нотариуса, компрометировали корпорацию и получили публичную огласку [6, с. 74].

В отличие от нотариального законодательства Германии и Австрии, требующего от кандидата в нотариусы, кроме специальных государственных экзаменов на должность, еще и юридического образования, одним из существенных требований *Loi sur l'organisation du notariat* являлась практическая подготовка кандидата под руководством действующего нотариуса. Это требование закона создало во Франции чрезвычайно специфичную профессиональную группу клерков (*clericus*), занимавшихся у нотариусов редактированием и составлени-

ем актов и исполнявших их обязанности на случай их временного отсутствия [1, ст. 37–39]. Старший из клерков именовался «Maitre clerc» (premier clerc, principal). Клерки не состояли на государственной службе, однако все они включались в официальные списки, а их внутренняя организация и порядок службы получили нормативное закрепление. По истечении определенного срока службы клерки получали право на занятие должности нотариуса.

Вознаграждение нотариусов определялось таксой. Добровольное соглашение допускалось лишь за такие нотариальные действия, такса за которые не была установлена нормативно: во Франции существовали достаточно детализированные нотариальные тарифы, установленные в 1807 и 1841 гг. В том случае, если законом такса не была установлена, а соглашения между контрагентами и нотариусом по какой-то причине не последовало, вопрос о размере вознаграждения разрешался председателем суда первой инстанции; при этом принимались во внимание природа акта, важность его содержания, сложности его составления и ответственность, лежащая на нотариусе за последствия.

Все вознаграждения, полученные нотариусом, подразделялись на:

Rescouvements – вознаграждение за нотариальные действия (honoraire), плата нотариусу за его услуги. Этот гонорар формировался из двух частей: honoraires proprement dits, т.е., вознаграждения за само совершение нотариального действия и les vacitions – вознаграждения за время, потраченное на составление документа.

Debourses – авансы и расходы, понесенные нотариусом при исполнении им служебных обязанностей; стороны были обязаны компенсировать все произведенные нотариусом по их делу расходы, в том числе, суточные, а также и путевые издержки (Frais de voyage et de nourriture).

Если вознаграждение зависело от суммы акта, то оно именовалось «honoraires proportionnelles» (пропорциональное); если же оно уплачивалось за каждое отдельное действие – его называли «honoraire fixe» (определенным).

Право нотариуса требовать вознаграждение от лиц и учреждений, в пользу которых было совершено какое либо нотариальное действие, могло обеспечиваться посредством взыскания судебным порядком в течение известного давностного срока. Ст. 851 Гражданского процессуального кодекса Франции 1806 г. («Code procedure civil») предоставляла нотариусу право не выдавать на руки контрагентам изготовленного им документа до тех пор, пока ему не будет выплачено вознаграждение.

Как отмечалось выше, вторым источником при составлении Положения о нотариальной части 1866 г. стало австрийское законодательство о нотариате. Речь идет, в первую очередь, о нотариальном положении, принятом в Австрийской империи 21 мая 1855 г. и Законе от 25 июля 1871 г., утвердившем новый порядок организации нотариата (Reichsgesetzblatt, № 75. Notariatsordnungen für Oesterreich). По мнению современников, построе-

ние нормативных основ австрийского нотариата было настолько совершенно, что могла бы послужить образцом для любого аналогичного национального института. Его достоинствами являлись цельность системы и внутренняя связь отдельных законоположений, точно и ясно определяющих права и обязанности нотариусов и лиц, пользующихся их услугами. Обширный организационный раздел, высокая юридическая техника составления и новые принципы, положенные в основание организации нотариата – все это являлось отличительными особенностями австрийского нотариального законодательства [4, с. 80].

Австрийские нотариусы, числясь на государственной службе и состоя в ведомстве и под контролем судов, составляли, в то же время и корпорацию с точно определенными внутренними отношениями. По мнению Л. Мандельштама, «...это не отторгнутое сословие, как у нас, не приставшее к чиновничеству и отставшее от коммерции, благодаря неопределенности его положения, созданного законом, а орган с видным и резко очерченным служебным и общественным положением» [5, с. 43].

Законом 1871 г. точно определяется круг деятельности нотариусов: они назначаются правительством и управомочиваются на публичное совершение различных юридических действий, порождающих права и обязанности, и разного рода засвидетельствования; на них также ложатся обязанности изготовления и передачи, по поручению сторон, третьим лицам документов или денег, либо внесение таковых в присутственные места [2, ст. 13].

От кандидата на должность нотариуса австрийское узаконение требовало:

1. принадлежности к какой-либо общине Австрийской империи;
2. достижения 24-летнего возраста, «безупречной жизни» и свободного распоряжения собственным имуществом;
3. окончания курса юридических наук и сдачи государственного экзамена;
4. успешной сдачи профессионального экзамена на должность нотариуса, адвоката или судьи;
5. наличия практического опыта в юридической сфере в течение 4-х лет¹;
6. владения языком, распространенным в той местности, в которую нотариус планировал получить назначение.

Нотариусам запрещалось заниматься адвокатской деятельностью, или состоять на государственной службе, за исключением бесплатных почетных общественных и государственных должностей. Кроме того, закон прямо запрещал им заниматься делами, несовместимыми с профессиональными представлениями о чести и достоинстве [7, с. 52].

В каждом округе суда первой инстанции действовали несколько нотариусов, количество ко-

¹ В том числе двух лет нотариальной практики. Еще в течение двух лет возможна была стажировка у адвоката, либо судьи и прокурора [Прим. авторов].

торых определялось Министром юстиции. Акты, совершенные нотариусом за пределами своего округа признавались недействительными. Правом ходатайства о необходимости увеличения или уменьшения количества нотариусов в округе, либо о перемещении их контор из одной местности в другую наделялись Советы нотариусов (Notariatskammer). Определялись на должность и увольнялись нотариусы решением Министра юстиции.

Порядок замещения нотариальных вакансий представлял следующую процедуру. Совет нотариусов, в округе которого открывалась вакансия, уведомлял об этом Министра юстиции и три раза публиковал в периодических изданиях соответствующие объявления, призывая к участию в конкурсе всех лиц, имеющих право к замещению этой должности. По истечении двух недель со дня последней публикации объявления, кандидаты предоставляли Совету все необходимые подтверждения. В свою очередь, Совет направлял сведения о кандидатах в суд 1-й инстанции. Суд, рассмотрев документы и сделав по ним свое заключение, отсылал их в высшая судебная инстанция (Oberlandsgericht), которая со своим заключением вносила представление на имя министра.

Все возможные случаи возникновения вакансий на место нотариуса были прямо обозначены в законе. К ним относились увольнение нотариуса решением Министра юстиции, переход нотариуса на должность адвоката, либо государственную службу, утрата австрийского подданства, либо права распоряжения собственным имуществом, не внесение залога на покрытие взыскания, отстранение от должности судебным решением, либо в порядке дисциплинарного взыскания, физическая либо психическая неспособность к дальнейшему исполнению своих функциональных обязанностей [2, ст. 19].

В обеспечение своих должностных действий и возмещения убытков, которые могли быть причинены нотариусом контрагентам, закон требовал, чтобы нотариус вносил определенный залог наличными деньгами или процентными бумагами, размер которого зависел от количества населения, проживающего в той местности, где находилась нотариальная контора¹. Следили за пополнением залога Советы нотариусов.

Отметим, что законодательство всех европейских государств требовало от нотариуса исполнения им своих служебных обязанностей по отношению к каждому, обратившемуся к нему правоспособному лицу, желающему совершить законный акт. Австрийское же законодательство разрешало нотариусу отказать сторонам в совершении акта, «...если у него явится основательное подозрение, что стороны совершают его для вида, фиктивно, или же в обход закона [2, ст. 34]. Помимо данного обстоятельства к числу особенностей австрийского нотариата следует отнести:

- отсутствие свидетелей при совершении актов; исключение допускалось, когда стороны сами

¹ От одной до восьми тысяч флоринов [Прим. авторов].

желали присутствия свидетелей по причине собственной неграмотности, либо при совершении «...акта последней воли»;

- совершение актов на том языке, который употреблялся в местности, где проживал нотариус;
- совершение нотариусом различных должностных действий в качестве чиновника судебного ведомства: совершение судебных разделов, судебной оценки по делам спорным и бесспорным, движимого и недвижимого имущества, установление юридического факта смерти с целью принятия мер к охране оставшегося после умершего имущества, и т.д.

В конторах нотариусов под их руководством занимались практическим изучением нотариального дела помощники нотариусов и кандидаты на нотариальную должность. Совет нотариусов обеспечивал их учет, составляя особые списки, которые ежегодно отсылались в Министерство юстиции. Совет нотариусов, внося кандидатов в списки, следил за их деятельностью, наблюдая за тем, чтобы кандидаты действительно занимались практикой в конторах нотариусов, к которым они были приписаны, а не числились при них номинально. По окончании стажа нотариус выдавал кандидату соответствующее удостоверение, подтвержденное визой председателя Совета нотариусов. Во время отсутствия нотариуса его должность временно замещалась старшим кандидатом, который принимал присягу и даже вносил залог, в том случае, если патрон, на чье место он заступал, заявлял, что он не отвечает своим залогом за неправильные действия кандидата.

В каждом округе суда находился нотариальный архив, в котором хранились дела, книги и печати умерших, уволенных либо и ушедших в отставку нотариусов. Во главе данного учреждения стоял директор, назначенный из числа заслуженных нотариусов и утверждаемый, по представлению Oberlandsgericht, Министром юстиции. При директоре состояло на службе несколько помощников и секретарь, также избираемые из среды нотариусов. Порядок устройства архива определялся Советом нотариусов и утверждался Министром юстиции.

Австрийские нотариусы каждого округа при суде первой инстанции образовывали коллегии, возглавляемые уже не раз упомянутым Советом нотариусов во главе (Notariatskammer), создаваемым при суде 1-й инстанции и состоявшим из председателя и 4–6 членов (в зависимости от количества нотариусов в коллегии)². К обязанностям коллегии относились образование Советов, выборы председателя Совета, его членов и кандидатов в члены³, решение вопросов о реорганизации коллегий, ревизия деятельности и отчетности Совета. В местностях, где Советы отсутствовали, их функции выполняли суды первой инстанции.

² Высший Совет нотариусов в Австрии состоял из 8 членов [Прим. авторов].

³ Коллегия избирала председателя и членов Совета на 3 года [Прим. авторов].

Советы нотариусов, созывавшиеся для обсуждения текущих вопросов не менее одного раза в месяц, прежде всего, были призваны «...охранять честь и достоинство сословия, защищать его интересы». Все их права и обязанности, чрезвычайно разнообразные и многочисленные, были четко определены в законе [2, ст. 124–155].

1. Совет наблюдает за деятельностью нотариусов и кандидатов в нотариусы. По каждому нотариусу заводится отдельное дело с обозначением дня его поступления на службу, его залога, дисциплинарных производств в отношении него и т.д.
2. Осуществляет дисциплинарное производство (суд чести) над нотариусами.
3. Разрешает споры, возникающие между членами корпорации, а также нотариусами и клиентами по размеру гонорара.
4. Утверждает решения о переводе кандидатов в нотариусы.
5. Принимает нотариальные залоговые и следит за их сохранностью.
6. Исполняет все распоряжения Министра юстиции по делам о нотариусах.
7. Созывает собрания коллегии.
8. Представляет корпорацию в отношениях с министерством.
9. Организует нотариальные канцелярии и архивы.
10. Разрешает отпуска нотариусам (на срок не больше 6-ти недель).
11. Применяет дисциплинарные взыскания в отношении нотариусов и кандидатов, виновных в нарушении правил, сопряженных с честью и достоинством сословия (замечания, предостережения, выговоры и порицания в письменной форме).
12. Представляет корпорацию в отношениях с различными лицами и учреждениями.

Надзор за деятельностью Советов нотариусов посредством постоянных ревизий самих нотариальных контор и нотариальных архивов осуществляли председатели судов 1-й инстанции и *Oberlandesgericht*. Право высшего надзора было предоставлено Министру юстиции, который в случае обнаружения существенных нарушений мог принять решение о закрытии Совета.

Право дисциплинарного суда в отношении нотариусов за нарушение ими законодательных предписаний, неисполнение служебных обязанностей, либо совершение проступков, умалявших честь и достоинство корпорации, принадлежало суду. Дисциплинарные наказания, налагаемые судом включали в себя письменные выговоры, штрафы, отстранение от исполнения обязанностей на срок до одного года, и, наконец, прекращение полномочий. Суд был обязан при этом обязательно ставить в известность о принятом решении Совет нотариусов, а в случае прекращения полномочий – Министра юстиции, и публиковать свое решение в прессе.

Каждое действие нотариуса, как и во Франции, было точно таксировано законом. Его размер определялся в зависимости от цены иска, характера нотариального действия, продолжительности затраченного времени, понесенных путевых расходов, включая при этом и канцелярское вознаграждение за изготовление различных бумаг, выписок и т.д.

При этом добровольное соглашение о гонораре, допускаемое законодательством Франции в некоторых случаях, в Австрии было полностью запрещено. Более того, австрийское законодательство предусматривало санкции в отношении нотариусов, получивших плату сверх установленной таксы – штраф в двойном размере от незаконно полученной суммы и безусловный возврат излишка клиенту. По всей видимости, законодатель исходил из того, что размер вознаграждения австрийских нотариусов вполне обеспечивал их безбедное существование, соответственно укрепляя и без того высокий социальный и профессиональный статус.

Все сказанное выше свидетельствует о правомерности утверждений о том, что нормы австрийского и французского законодательства о нотариате можно рассматривать в качестве важных источников, использовавшихся при составлении Положения о нотариальной части 1866 г. [11, с. 71] Требования к кандидатам на должности нотариусов, подведомственность нотариальных контор Министерству юстиции и окружным судам, принципы корпоративного устройства, функциональная направленность нотариальной практики в России – все это свидетельствует о прямой рецепции норм австрийского и французского нотариального законодательства.

В то же время, с нашей точки зрения, абсолютное отождествление российского нотариального права и его европейских аналогов недопустимо. Речь идет даже не о том, что любое национальное законодательство характеризуется некоторыми специфическими особенностями, не свойственными законодательству других государств¹. Мы имеем в виду гораздо более существенную специфику российской модели нотариата. В отличие от Франции и Австрии, где нотариусы принадлежали к высшим должностным лицам Министерства юстиции, в России они оказались на одной из самых низких ступеней иерархической служебной лестницы судебного мира. В ст. 17–18 Положения 1866 г. они сравнены с помощниками секретарей окружного суда [9]. Думается, в связи с этим, что укоренившийся в юридической литературе кон. XIX столетия термин «пасынки Фемиды» [3, с. 8] в отношении нотариусов Российской империи был вполне оправдан.

¹ К примеру, нельзя не упомянуть о странной и оригинальной особенности французского нотариата, свойственной одному только ему и совершенно не соответствующей публично-правовой сущности данного института. Речь идет о регламентированном законодательством Франции о праве продажи нотариальных контор лицам, удовлетворяющим законным требованиям, праве, которое принадлежало не только самому нотариусу, но и его законным наследникам [Прим. авторов].

Литература

1. Loi sur l'organisation du notariat [Электронный ресурс]: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006118859.html> (дата обращения: 17.08.2023)
2. Notariatsordnung [Электронный ресурс]: <https://www.jusline.at/gesetz/no.html> (дата обращения: 17.08.2023)
3. Барановский С. Пасынки Фемиды // Нотариальный вестник. 1903. № 2. С. 7–8.
4. Вазман И.С. Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 2 (4). С. 80–86.
5. Мандельштам Л.Б. Учреждение нотариата и его организация // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 4. С. 42–43.
6. Максимов В.Я. Практический курс нотариата с образцами, формами и законоположениями. – М., 1912. – 336 с.
7. Мизинцев Е.Н. Основы организации нотариата в Австрии // Нотариальный вестник. 2011. № 4. С. 49–63.
8. Олейнова А.Г. История становления законодательства о нотариате в России: дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2004. – 179 с.
9. Положение о нотариальной части. 1866 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLI. № 43186.
10. Фемелиди А.М. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 года. Пособие к изучению русского нотариального права. М., 2015. – 266 с.
11. Шаповалова Л.Л. Становление и развитие института нотариата в России (историко-правовой анализ): дис. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – 176 с.
12. Шахрай С. М., Красовский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. – М., 2014. – 536 с.

THE INFLUENCE OF EUROPEAN LEGISLATION ON NOTARIES ON THE PROCESS OF FORMATION OF THE NOTARIAL LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE

Savchenko D.A., Sorokin V.V., Myrzalimov R.M.
Altai State University

The article is devoted to the problem of the formation of domestic legislation on notaries. The influence of the notarial law of European states on this process is analyzed. Based on a detailed description of the laws on notaries that were in force throughout the 19th century in Austria and France, it is confirmed that the norms of Austrian and French legislation on notaries can be considered as important sources used in the preparation of the Regulations on the notarial part of 1866. Requirements for candidates for the positions of notaries, the jurisdiction of notary offices to the Ministry of Justice and district courts, the principles of corporate structure, the functional orientation of notarial practice in Russia – all this testifies to the direct reception of the norms of European continental notarial legislation. At the same time, the judgment about the inadmissibility of the absolute identification of Russian notarial law and its European counterparts is substantiated. According to the authors, the Russian notary model is distinguished by a number of essential institutional features. So, if in France and Austria, notaries belonged to the highest officials of the Ministry of Justice, in Russia they were at one of the lowest levels of the hierarchical service ladder of the court system, being equated with assistant secretaries of the district court. Thus, the term “stepsons of Themis”, which took root in the legal literature of the late 19th century, in relation to notaries of the Russian Empire, was fully justified.

KEYWORDS: NOTARY, NOTARY OFFICES, NOTARIAL LEGISLATION, AUSTRIAN NOTARY, FRENCH NOTARY, REGULATIONS ON THE NOTARIAL PART.

References

1. Law on the organization of notaries: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000006118859.html>
2. Notarial Regulations: <https://www.jusline.at/gesetz/no.html>
3. Baranovsky S. Stepsons of Themis // Notarial Bulletin. 1903. No. 2. S. 7–8.
4. Vazman I.S. From the history of the Russian notaries // Notary. 1997. No. 2 (4). pp. 80–86.
5. Mandelstam L.B. Institution of a notary and its organization // Journal of the Ministry of Justice. 1899. No. 4. pp. 42–43.
6. Maksimov V. Ya. A practical course of a notary with samples, forms and legal provisions. – M., 1912. – 336 p.
7. Mizintsev E.N. Fundamentals of the organization of the notaries in Austria // Notarial Bulletin. 2011. No. 4. S. 49–63.
8. Oleinova A.G. The history of the formation of legislation on notaries in Russia: dis. ...cand. legal nauk. – M., 2004. – 179 p.
9. Regulations on the notarial part. 1866 // Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. T. XLI. No. 43186.
10. Femelidi A.M. Russian notary. The history of the notary and the current notarial regulation April 14, 1866. A guide to the study of Russian notarial law. M., 2015. – 266 p.
11. Shapovalova L.L. Formation and development of the institution of notaries in Russia (historical and legal analysis): dis. ...cand. legal Sciences. – Stavropol, 2000. – 176 p.
12. Shakhrai S. M., Krasovsky K.P. The court is fast, right, merciful and equal for all. To the 150th anniversary of the Judicial Reform in Russia. – M., 2014. – 536 p.

Формирование правовой модели приватизации в России в 1990–1991 гг.

Ягнешко Михаил Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
юриспруденции Смоленского филиала Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: yagneshkom@gmail.com

Переход от командно-административной к рыночной системе хозяйствования в России в конце 80-х начале 90-х годов осуществлялся на основе модели «шоковой терапии», центральным звеном которой являлась приватизация. Специфика данного процесса в нашей стране определялась беспрецедентными масштабами реализации государственного имущества, отсутствием организационного и управленческого опыта проведения подобного рода реформ.

В статье анализируется динамика формирования приватизационного законодательства от первых попыток предпринятых еще в период нахождения России в составе СССР, до создания систематизированного правового обеспечения данного процесса к середине 1992 года. Как отмечает автор, нормативно-правовые акты, регулирующие изменение отношений собственности отражали все противоречия того времени – во взглядах на концепцию проведения реформ со стороны союзных и республиканских органов власти, различия в подходах к приватизации между законодательными и исполнительными органами власти внутри самой Российской Федерации, стремление различных ветвей власти поставить приватизацию под контроль и получить доступ к распределению государственного имущества, столкновение интересов различных социальных групп, непонимание населением сути приватизации,

Ключевые слова: приватизационное законодательство, разгосударствление, аренда, приватизация, личный лицевой счет.

В 1991 г. Российская Федерация становится самостоятельным государством с демократическим правительством во главе. Необходимостью на тот момент стало незамедлительное принятие принципиальных направлений экономических реформ. Существовало несколько возможных вариантов:

- возврат к жесткой командно-административной системе образца 30-х – 50-х годов, с директивным планированием производства, государственным распределением материальных ресурсов, жестким распределением доходов. Восстановление экономики централизованного типа неизбежно сопровождалось бы ликвидацией всех новых форм организации хозяйственной деятельности, политическим репрессиями;
- постепенные преобразования, проводимые в течение длительного периода времени. Возможный сценарий развития событий в данном случае предусматривал на первоначальном этапе снижение уровня жизни, гиперинфляцию, спад промышленного производства, деградацию отдельных регионов. Успешное осуществление указанного варианта реформ предусматривало существование политического режима, способного подавить недовольства различных слоев общества, ограничить политические свободы и тем самым обеспечить стабильность социально-экономических отношений;
- радикальная экономическая реформа, предполагающая создание в течение 1,5–2 лет основ рыночной экономики способной к саморазвитию и ориентированной на удовлетворение потребностей людей.

Российское правительство выбрало третий вариант. Избранная модель реформ предусматривала либерализацию цен, обеспечение открытости национальной экономики и конвертируемости денежной единицы, проведение ограничительной кредитно-денежной политики, включающей установление твердых лимитов на денежную эмиссию и государственные займы в центральном банке, ужесточение условий предоставления кредитов, ограничение роста заработной платы.

Но центральным звеном реформ стала приватизация, под которой понимают передачу права собственности на какое-либо имущество от государства в частные руки. Нужно отметить, что идея приватизации сформировалась еще в конце 80-начале 90 годов. В стране зрело понимание того, что переход к экономике постиндустриального типа основанной на внедрении достижений научно-технической революции, повышение уровня жизни граждан, без изменения отношений собственности невозможен.

В СССР принимались определенные попытки совершенствования хозяйственного механизма предполагавшие либерализацию хозяйственных отношений, от хозяйственного расчета до коллективного и арендного подряда, но видимых изменений они не приносили. Необходимость радикальных изменений привела к принятию закона «О собственности в РСФСР» в котором впервые появилось понятие «приватизация». Согласно статьи 25 закона, предприятия, имущественные комплексы, здания, сооружения и иное имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности может быть отчуждено в частную собственность граждан и юридических лиц.

Стремление поставить под контроль процесс реализации огромного объема государственного имущества обусловило принятие Верховным Советом РСФСР 21.11.1990 г. Закона РСФСР «О дополнительных полномочиях Местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям» N343–1, которым предусматривалось активное участие местных Советов народных депутатов РСФСР в предстоящем разгосударствлении и приватизации. На основании данного закона местные Советы народных депутатов получали право определять, какая собственность будет находиться в их ведении, образовывать при исполнительных органах власти органы по управлению муниципальной собственностью, разгосударствлению, приватизации, и другим вопросам перехода к рынку и наделять их в пределах своей компетенции необходимыми полномочиями, определять их структуру и штаты.

Представители законодательных органов власти хорошо осознавали, что многообразие социальных и экономических условий на территории страны должно обязательно учитываться при реализации государственной собственности, что нашло отражение в пункте 3.1, согласно которого Советы народных депутатов всех уровней имеют право устанавливать исходя их местных условий порядок разгосударствления и приватизации принадлежащего им имущества. Предполагалось активное участие в реформах Советов народных депутатов, трудовых коллективов предприятий и организаций, а также граждан через рассмотрение и реализацию их предложений об условиях, формах и методах разгосударствления и приватизации.

Чтобы не допустить бесконтрольности процесса изменения отношений собственности и его превращения в легальную кормушку для недобросовестных граждан, приватизация должна была начинаться с составления перечня предприятий, организаций, их оценки и инвентаризации. Стремление сохранить систему социального обслуживания населения привело к внесению в закон положения, согласно которого, Советы народных депутатов на местах могут вносить предложения в вышестоящие Советы, органы государственного управления, предприятия, учреждения и иные организации о передаче в муниципальную собственность объектов, относящихся к государственной собствен-

ности и имеющих особо важное значение для обеспечения коммунально-бытовых и социально-культурных нужд населения.

Принятие нормативных документов легализующих частную собственность и приватизацию, по сути, носивших концептуальный характер, а также бесконтрольность в условиях дестабилизации социально-экономических отношений в совокупности с отсутствием какого-либо опыта приватизации в РФ, привели к нерегулируемому переходу государственной собственности в частные руки в отдельных регионах страны. Поэтому следующим шагом на пути и изменения отношений собственности и придания данному процессу упорядоченного, социально и экономически обоснованного характера стал выход постановления ВС РСФСР от 25.04.91 N1104–1 «О мерах по подготовке процессов приватизации государственного и муниципального имущества на территории РСФСР». В преамбуле постановления отмечалось, что отсутствие законодательства регулирующего приватизацию придает ей неконтролируемый характер, дискредитирующий саму идею рыночной экономики. Кроме того, со стороны законодателей выражалась озабоченность нарушением принципов социальной справедливости, поскольку из процесса распределения государственной собственности фактически исключались работники непроизводственной сферы, правоохранительных органов, военнослужащие, учащаяся молодежь, пенсионеры, инвалиды.

Законодатели в рассматриваемый период времени имели довольно смутное представление о том, как должна происходить приватизация. Так, Верховный Совет РСФСР стремясь ускорить процесс разработки программы приватизации обязал правительство, исполнительные и законодательные органы на местах представить предложения по формированию Государственной программы приватизации на 1991 г. до 1 июня, выбрать объекты государственной собственности для передачи в частную собственность в первоочередном порядке. Однако совершенно непонятными оставались критерии которыми следовало руководствоваться при включении объектов государственной собственности в Государственную программу приватизации и программы приватизации на местах. Указывалось на необходимость адаптировать под приватизацию бухгалтерский учет, «с целью приведения его в соответствие с мировой практикой». Но на тот момент времени российский бухгалтерский учет был совершенно несопоставим с зарубежным. Приватизацию до принятия соответствующей нормативной базы следовало проводить исключительно посредством продажи государственного имущества на аукционах, что также было невыполнимо, поскольку отсутствовали даже основы нормативно-правового регулирования проведения аукционов, не говоря уже о практических навыках их проведения. Стремясь обеспечить права трудящихся законодатели закрепили приоритетное право трудовых коллективов привати-

зируемых предприятий на участие в проводимых аукционах.

Продолжение работы над формированием нормативно-правовой базы и созданием организационных предпосылок приватизации привело к принятию закона о приватизации. При этом, практически одновременно вступили в действие Закон СССР от 01.07.1991 N2278-1 «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий» и Закон РСФСР от 03.07.1991 N1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации». Данные документы выражали два принципиально различных подхода к приватизации.

Анализируя закон СССР следует отметить, что разгосударствление имеет принципиальное отличие от приватизации, поскольку предполагает не приобретение юридическими и физическими лицами объектов государственной собственности, а преобразование государственных предприятий, посредством выведения их из под государственного контроля и постепенную передачу прав собственности через аренду, выкуп пользователями арендуемого имущества, передачу собственности трудовым коллективам, кооперативным объединениям. В экономическом смысле это означает формирование многоукладной экономики, не обязательно основанной на приоритете частной собственности. Ожидалось, что основной организационной формой предприятий в измененной экономике станут коллективные предприятия, собственниками средств производства на которых будут члены трудового коллектива.

Как полагали в то время, трудовые коллективы будут лучшими собственниками, так как они непосредственно заинтересованы в сохранении и умножении созданной ими и принадлежащей им после приватизации собственности, повышении конкурентоспособности предприятия, что соответственно приведет к формированию, современной экономики основанной на сочетании принципов социальной справедливости и экономической эффективности.

Закон СССР предполагал преимущественное право на участие в приватизации трудовых коллективов, т.е. реализовывался принцип народной приватизации в соответствии с лозунгом «заводы рабочим, землю крестьянам». Эта идея проходит красной нитью через весь нормативный акт. Определяя ключевые принципы изменения отношений собственности законодатель выделил преимущественное право трудового коллектива предприятия на выбор формы и определение порядка разгосударствления и приватизации. Среди возможных субъектов данного процесса первыми опять же оказались члены трудовых коллективов. При этом собственность предлагалось распределять не по формальному признаку принадлежности граждан к тому или иному коллективу, а исходя из вклада работников в результаты деятельности предприятия. Преимущественное право приобретения акций и паев получали работники и пенси-

онеры проработавшие на предприятии не менее 7 лет. Трудовые коллективы наделялись правом первоочередной инициативы в проведении разгосударствления или приватизации государственных предприятий, посредством проведения тайного голосования на общем собрании. Нарушение преимущественного права трудового коллектива на присвоение государственного предприятия могло стать причиной в отказе в разгосударствления и приватизации (п. 3, ст. 4). Работники предприятий получали право на приобретение различных активов предприятий в рассрочку, по льготным ценам, безвозмездно, если степень износа имущества превышает 70 процентов.

Российский закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», принятый 3 июля 1991 года № 1531-1, введенный в действие Постановлением ВС РСФСР от 03.07.1991 «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», имел прикладной характер и был непосредственно нацелен на регулирование приватизации. Законом устанавливались функции органов государственной власти, наделенных правом осуществлять приватизацию, регламентировался порядок и способы проведения приватизации государственных и муниципальных предприятий.

Стремление соблюсти принцип социальной справедливости при распределении государственной собственности созданной трудом нескольких поколений советских граждан, обеспечить их права на участие в приватизации и снизить количество возможных злоупотреблений, привело к появлению в законе положения о создании именных приватизационных счетов, на которые государством должны были перечисляться денежные средства (приватизационные вклады) для участия граждан в приобретении государственной собственности. Порядок формирования и использования именных приватизационных счетов закреплялся в Законе РСФСР от 03.07.91 N1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР». На всех граждан страны независимо от их национальности, пола, вероисповедания, трудового стажа, размера доходов и времени проживания в РСФСР, согласно упомянутого закона, предполагалось открыть именные приватизационные счета (книжки). Государство, зачисляя деньги на именной приватизационный счет, выступало бы гарантом права приобретения для владельцев приватизационных вкладов доли государственных и муниципальных предприятий.

Согласно ст. 6 государство гарантировало владельцу приватизационного вклада его право приобретения на этот вклад государственных и муниципальных предприятий, а также принадлежащих государству или местным Советам народных депутатов долей (паев, акций) в капитале акционерных обществ и товариществ, иных объектов государственной и муниципальной собственности в соответствии с законодательством РСФСР о привати-

зации. С началом приватизации данный закон был «благополучно» забыт, а согласно Указа Президента РФ от 24.12.1993 N2288, отменен.

Помимо средств, предоставленных государством, граждане РСФСР могли использовать при приватизации личные сбережения и заемные средства. Чтобы избежать легализации незаконно полученных средств, согласно п. 3 ст. 11 Закона «О приватизации», покупатели государственной собственности в форме приватизируемых предприятий или долей (паев, акций) в капитале акционерного общества (товарищества) обязаны предъявить справку налоговой инспекции, если их вклад рублями превышает 10 тысяч рублей.

Законом закреплялись льготы работникам предприятий, получившим право приобретения акций своего предприятия на льготных условиях.

В зависимости от отрасли к которой относилось приватизируемое предприятие, стоимости основных фондов и численности работающих, органы приватизации могли использовать пять способов приватизации государственной собственности: продажа предприятия по конкурсу, на аукционе, продажа долей (акций) в капитале предприятия, выкуп арендованного имущества, преобразование предприятия в акционерное общество. В соответствии со статьей 3 Закона, цели, приоритеты и ограничения при проведении приватизации устанавливались Государственной программой приватизации.

Выход в свет указанных нормативных документов не сопровождался реальным началом приватизации в нашей стране. Поэтому, в конце 1991 года после распада Советского Союза, принимается ряд нормативных актов позволяющих как считали авторы реформ на деле «запустить» процесс изменения отношений собственности. Президент Российской Федерации Б. Ельцин 29 декабря 1991 года подписал Указ № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» которым утвердил Основные положения государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год и обязал органы государственного управления и местной администрации разработать программы приватизации.

Основные положения программы приватизации стали первым нормативным документом в котором конкретизировались положения Закона о приватизации. Данный нормативный акт был далек от совершенства, поскольку представлял собой первую попытку создания механизма приватизации в России.

Цели приватизации были определены достаточно осторожно, ей предписывался характер вспомогательного экономического инструмента содействия общему ходу радикальных экономических преобразований. Приватизация в 1992 году рассматривалась, наряду с другими мероприятиями в рамках принятой модели реформ, как средство экономической стабилизации (способствующее облегчению перехода к свободным ценам путем

ускоренной приватизации предприятий сферы торговли и сферы услуг, снижению нагрузки на расходную часть государственного бюджета за счет продажи нерентабельных предприятий и объектов). По замыслу разработчиков программы приватизации в 1992 г. предложенная методика приватизации должна была пройти апробацию, в ходе которой приватизационные органы могли приобрести необходимые навыки для запуска масштабного процесса в 1993–1994 гг. Обоснованно в числе целей фигурировало повышение экономической эффективности деятельности предприятий.

Все объекты государственной и муниципальной собственности разделялись на четыре группы. Первую группу составляли объекты, подлежащие обязательной приватизации. На первом этапе в 1–3 кварталах 1992 приватизации подлежали:

- предприятия оптовой и розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения;
- государственные сельскохозяйственные предприятия, осуществляющие первичную переработку сельскохозяйственной продукции, обслуживающих сельскохозяйственное производство (молоко-, масло-, сырзаводы, сельхозтехника, сельхозхимия и др.)
- законсервированные объекты и объекты незавершенного строительства.

Во второй половине 1992 г. обязательной приватизации подлежали автотранспортные и авторемонтные, строительные предприятия, небольшие предприятия пищевой и легкой промышленности.

Быстрая приватизация целых отраслей обуславливалась следующими обстоятельствами:

- переход в частные руки торговли, общественного питания, производственной инфраструктуры способствуют созданию «рыночной среды», своеобразной «культуры рынка»;
- медленная приватизация неизбежно сопровождается обострением социальных противоречий, как например в Великобритании, где в годовую забастовка шахтеров в 1984 г. «стоила стране столько крови и сокращения ВВП на 3,5%»; [3, с. 158]
- медленная приватизация вызывает длительное сосуществование двух секторов – государственного и частного. Как показал опыт СССР периода перестройки, подобный симбиоз создает условия для «перекачки» ресурсов из государственного сектора в частный, и связанных с этим злоупотреблений администрацией государственных предприятий [4, с. 181];
- государственные предприятия имеют дотации, налоговые льготы, что облегчает противостояние с негосударственными организациями;
- помимо экономических причин быстрое проведение приватизации позволит противостоять приватизации в пользу старых кадров. [3, с. 151]

Основные положения содержали прогноз получения средств, сумма которых должна была постепенно возрастать по мере увеличения числа прива-

тизируемых предприятий с 92 млрд руб. в 1992 г. до 350 млрд руб. в 1993 и 500 млрд руб. в 1994 г.

Создание широкого слоя собственников, придание приватизации «народного характера» сопровождалось закреплением за трудовыми коллективами целого ряда льгот. Работникам предприятий, преобразуемых в акционерные общества, предусматривалась безвозмездная передача именных привилегированных акций, составляющих до 25% величины уставного капитала и еще 10% со скидкой могли приобрести бывшие работники данного предприятия. При продаже государственных предприятий по конкурсу, трудовой коллектив, участвующий в торгах получал скидку с цены продажи в размере 30%.

Низкий уровень доходов населения, обесценивание средств накопленных в дореформенный период обусловили поиск механизма, позволяющего вовлечь в процесс приватизации широкие массы населения. Активизировать участие работников в приватизации предусматривалось посредством создания личных лицевого счетов. Предприятия получили право зачислять часть чистой прибыли (до 10%, но не более 10 минимальных оплат труда в расчете на одного работника), до 50% остатков фондов материального стимулирования, амортизационные отчисления, внереализационные доходы на персональные счета членов трудового коллектива с их последующим использованием на приобретение акций, долей, других объектов (ст. 6).

Согласно Основным положениям членам трудовых коллективов предоставлялся ряд льгот в виде единовременной безвозмездной передачи именных привилегированных акций в размере 25% уставного капитала, продажа работникам акций со скидкой, перечисление работникам не принимавшим участия в покупке предприятия части цены реализации и пр.

Были сформулированы требования к местным программам приватизации. Разработка программ в регионах РФ вменялась в обязанность комитетов по управлению имуществом на местах, программы вступали в действие после одобрения Советов народных депутатов. Региональные и муниципальные программы должны были формироваться на основании основных положений программы приватизации.

Для реализации принятых нормативных документов потребовалось разграничение собственности. Постановлением Верховного совета РФ от 27.12.1991 N3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», вся государственная собственность была разделена на несколько групп объектов, в частности относящихся исключительно к федеральной собственности, объекты федеральной собственности которые могут передаваться в собственность субъектов

Российской Федерации и объекты муниципальной собственности.

Указ президента РФ Бориса Ельцина «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» от 29 января 1992 года № 66, ввел в действие ряд нормативных актов, способствующих созданию конкретного механизма изменения отношений собственности. Так, указом устанавливался порядок выдачи, оформления и принятия к рассмотрению заявки на приватизацию трудовым коллективом, временные методические указания по оценке стоимости объектов приватизации, временное положение о преобразовании государственных и муниципальных предприятий в акционерные общества и ряд других.

Одновременно с формированием правового обеспечения приватизации, в ряде отраслей таких как бытовое обслуживание, розничная торговля, общественное питание, началась коммерциализация, предполагавшая адаптацию государственных предприятий к требованиям рыночной экономики. Сущность данного процесса состоит в том, предприятия, прошедшие коммерциализацию, оставаясь в государственной собственности функционируют в рыночной среде в условиях конкуренции с частными организациями – тем самым повышается степень их самостоятельности в принятии решений, государственные предприятия несут ответственность по результатам своей деятельности вплоть до банкротства, сокращается число занятых и объем дотаций.

Коммерциализация осуществлялась согласно Указа Президента РСФСР от 25 ноября 1991 г. N232 «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР», Указа Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. N240 «О коммерциализации деятельности предприятий бытового обслуживания населения в РСФСР».

Основной задачей коммерциализации, как следовало из Указов президента было создания условий для развития конкуренции в сфере торговли, общественного питания и улучшения обеспечения населения товарами народного потребления и услугами. Фактически коммерциализация помогала подготовить и ускорить последующую передачу предприятий сферы услуг в частные руки [2, с.9].

Коммерциализация, в частности предполагала разрушение существовавшей системы управления. Магазины, столовые, кафе, рестораны и другие структурные составляющие выделялись из состава государственных управлений торговли и общественного питания.

Прошедшие коммерциализацию предприятия, оставались в государственной собственности, сохраняли сложившуюся специализацию и обеспечивали выполнение всех ранее заключенных хозяйственных договоров, однако, они уже функционировали как самостоятельные хозяйственные единицы. Существовавшие ранее государственные ведомства по управлению торговлей и общественным питанием упразднились.

Таким образом в конце 1991 – начале 1992 года была сформирована нормативная база и организационные предпосылки позволявшие приступить к приватизации. Нормативно-правовое регулирование отражало противоречия того времени – от социализма еще не ушли, а капитализм еще не наступил. В советский период нашей истории главной действующей фигурой являлся человек труда. Вся собственность подлежащая приватизации была создана людьми трудившимися на заводах фабриках, стройках, колхозах. Соответственно, часть законодателей, чиновников, специалистов, при принятии решений о изменении отношений собственности пытались реализовать принципы социальной справедливости. Поэтому в определенных нормативных актах регулирующих приватизацию законодатели пытались закрепить первоочередное право людей труда на участие в распределении государственной собственности. Многие напротив, полагали, что распределение собственности между всеми членами общества бесперспективно, поскольку рядовые граждане в своем большинстве не имеют навыков предпринимательской деятельности поэтому не смогут быстро организовать производство и обеспечить высокую эффективность использования собственности, вызвала сомнение и возможность обеспечить социальную справедливость в процессе раздела морально и физически устаревшего имущественного комплекса. [1, с. 12].

Приватизация как новый для нашей страны процесс была еще непонятна не только простым гражданам, но и людям вырабатывающим экономическую политику и формирующими нормативную базу. Это нашло свое выражение в принятии «сырых» нормативных документов содержащих положения которые невозможно было реализовать на практике, не соответствующие экономическим и социально-политическим реалиям. Выработка действенных правовых инструментов осуществлялась методом проб и ошибок.

Уже на стадии подготовки к приватизации возник целый ряд противоречий между законодательной и исполнительной властью, связанный с выбором принципиальных подходов к изменению отношений собственности, методов, целей, что отражало все противоречия переходного периода 90-х годов.

Литература

1. Высоков В.В. Приватизация в России – путь: к богатству?... к банкротству?... // Ростов-на-Дону 1994. – 60с.
2. Иванов А.М. и др. Организационный этап приватизации в Смоленской области (конец 1991 – начало 1992 года) // Юридическая наука. – 2022. – № 11. – С. 9–16.
3. Пинскер Б. Приватизация и политика. В кн. От плана к рынку: Будущее постком. республик: [Материалы конф., 10–14 сент. 1990 г.] / Под ред. Л.И. Пияшевой, Дж.А. Дорна; [Предисл. Э. Крейна]. – М.: Catallaxy: Гнозис, 1993. – 336 с.
4. Тимофеева И.Ю. и др. Коррупция как следствие приватизации государственной власти // Социология. – 2021. – № 1. – С. 181–190.

FORMATION OF THE LEGAL MODEL OF PRIVATIZATION IN RUSSIA IN 1990–1991

Yagneshko M.V.

Smolensk Branch Russian Academy of National Economy and State service under the President of the Russian Federation

The transition from the command-administrative to the market system of management in Russia in the late 80s and early 90s was carried out on the basis of the “shock therapy” model, the central link of which was privatization. The specificity of this process in our country was determined by the unprecedented scale of the sale of state property, the lack of organizational and managerial experience in carrying out such reforms. The article analyzes the dynamics of the formation of privatization legislation from the first attempts made back in the period when Russia was part of the USSR, to the creation of a systematic legal support for this process by mid-1992. As the author notes, the legal acts regulating the change in property relations reflected all the contradictions of that time – in the views on the concept of reforms by the federal and republican authorities, differences in approaches to privatization between the legislative and executive authorities within the Russian Federation itself, the desire various branches of power to put privatization under control and gain access to the distribution of state property, clash of interests of various social groups, misunderstanding by the population of the essence of privatization.

Keywords: privatization legislation, denationalization, rent, authorities, labor collective, personal account.

References

1. Vysokov V.V. Privatization in Russia – the way: to wealth?... to bankruptcy?... // Rostov-on-Don 1994. – 60p.
2. Ivanov A.M., etc. The organizational stage of privatization in the Smolensk region (late 1991 – early 1992) // Legal Science. – 2022. – No. 11. – P. 9–16.
3. Pinsker B. Privatization and politics. In book. From Plan to Market: The Future of Postcom. Republics: [Proceedings of the Conf., 10–14 Sept. 1990] / Ed. L.I. Piyasheva, J.A. Dorn; [Foreword. E. Crane]. – M.: Catallaxy: Gnosis, 1993. – 336 p.
4. Timofeeva I. Yu. and others. Corruption as a consequence of the privatization of state power // Sociology. – 2021. – No. 1. – P. 181–190.

Янкин Георгий Николаевич,

стажер, НОУ ВО «Российская академия адвокатуры и нотариата»

E-mail: pobedanose@yandex.ru

В статье отражены результаты историко-правового анализа развития российского законодательства в сфере интеграции стран ЕАЭС. Автор обобщил характерные интеграционные особенности российского права, становления централизованной Руси, развития сословно-представительной и абсолютной монархии в русском государстве, становления абсолютной монархии Российской империи, советской эпохи.

На стадии становления абсолютной монархии Российской империи выделены: индивидуальный, суверенный, национальный характер Свода законов 1832 года; стремления власти к централизации с учетом национальных интересов, этноса, языка отдельных территорий; применение для объединения с Россией народов соседних территорий различных правовых условий государственного управления. В советскую эпоху отмечены: индивидуальный, суверенный, национальный характер формирования системы советского законодательства; эволюционный аспект некоторой преемственности в реализации царской политики объединения, интеграции соседних территорий с централизацией системы органов власти в рамках СССР; равноправный, добровольный аспект вхождения советских республик в СССР с установлением конституционно-правовой возможности выхода из союзного государства.

Это позволило сделать выводы: русское государство на всех стадиях исторического развития отличается ключевыми интеграционными признаками объединения соседствующих территорий с народами различного эпоса, религиозно-духовного развития и широкой поддержки внешних экономических связей на принципах равноправия, добровольности; эволюция российской государственности отличается стабильностью, преемственностью и совершенствованием интеграционных свойств на каждом этапе развития нашей страны.

Ключевые слова: эволюция российского законодательства, интеграционные свойства, ЕАЭС, этапы развития российского права, Договоры Киевской Руси, Русская правда, Судебник, Свод законов.

Важность современных исследований эволюции законодательства ЕАЭС связана с идеей т.н. «поворота на Восток» [1, с. 83], [2] как актуального вектора развития России. Поэтому особенно важным становится вопрос об историко-теоретических основах развития российской государственности в контексте процесса евразийской интеграции, который и повлек за собой возникновение ЕАЭС – одного из крупнейших межгосударственных образований на территории современной Евразии. Представляется необходимым исследовать фундаментальные нормативные правовые акты в истории государства российского, связанные с эволюцией представлений об интеграции государственно-правовых образований, отчасти отраженные в теории евразийства [3, с. 178], что впоследствии привело к формированию ЕАЭС.

В Древней Руси X века заметным было влияние на ее политико-правовое развитие прежде всего византийской культуры («наследницы» Древнего Рима) в связи с крещением Руси и принятием князем Владимиром православия – одной из важнейших основ византийской государственности (тогда духовенство являлось проводником византийского права и применяло его в церковном суде, а некоторые правовые акты Византии были переведены на славянский язык ещё до крещения Руси). Учитывая роль Византии в становлении российской государственности, стоит обратить внимание на анализ правовых памятников того времени – тексты международных договоров Киевской Руси с Христианской Византией 911 года (далее – Договор 911 года [4, с. 22]), 944 года (далее – Договор 944 года [4, с. 45]) и 974 года [4, с. 74], положения которых определяют международно-правовые истоки отечественного права, формирующиеся после победоносного похода в 907 году языческой в то время армии князя Олега на христианский Царьград. Других источников древнерусского международного права, как отмечают А.А. Агафонов [5, с. 11], А.Ю. Золотарев [6, с. 65], В.В. Момотов [7, с. 17] до современных исследователей не дошло.

Терминология договора Киевской Руси с Христианской Византией 911 года определяла первостепенное значение используемых сегодня слов. В частности, «род» отражал в договоре всех людей своего племени, родной стороны, народа русичей, без иноземцев; это понятие характеризовало правовые начала российской обособленности, суверенности и следования национальным традициям, обычаям. «Закон» предполагал древнерусский обычай, что также отражало ведущую роль в праве национальных традиций. «Любовь» означала согласие, бесконфликтное сосуществование людей, мирный договор; так в преамбуле первого догово-

ра 911 года обозначена его цель утвердить по вере и по закону «любовь, бывшую меж Хрестьяны и Русью» [4, с. 24]. Эта норма древнего международного русского права подчеркивает стремления русичей к мирному, бесконфликтному взаимодействию различных стран, народов.

Нормы ст. 13 Договора 911 года, ставшие основой для положений о наследстве (ст. 90–108) Русской правды [8], обеспечивают получение российскими или византийскими наследниками имущества умершего в Византии или Руси, запрещая присваивать местным властям такое имущество, что также противопоставляется западно-европейскому праву того времени [4, с. 22–45]. Указанные положения подтверждают стремления русских князей к справедливым и равноправным («зеркальным») межгосударственным отношениям.

Содержание обозначенных и других норм Договоров Киевской Руси с Христианской Византией 911, 944, 974 годов указывает на важность для русской стороны: сохранения единства и суверенности своего рода в рамках княжеских владений; следования своим традициям, обычаям, изначально называемым «законом»; обеспечения согласия, бесконфликтного сосуществования разных групп людей по справедливым, зеркальным и гуманным правилам международных отношений.

Указанные международные принципы развития русского христианского общества были отражены в первых документах канонического права Древней Руси, дошедших до нас.

В частности, в тексте «Слова о Законе и Благодати» Закон иудейский противопоставляется православленной благодати. Закон, данный волхвам, иудеям через Моисея, со временем стал преградой к смешению христиан и иудеев: «Крещение благодатное несло обиды от законнического обрезания; не принимала Иерусалимская Церковь необрезанного епископа, ибо иудеи обрезанные творили насилие с христианами... Так, иудеи Законом и тенью оправдывались, но не были спасены, христиане же Благодатью, Истиною не оправдываются, но спасаются... иудеи в жизни своей земному радуются, а христиане – сущему на Небесах.» [9]. При этом внутренняя связь Митрополита Иллариона с русской землёй, государством и народом не приветствует враждебность к представителям других религий и стран, но благословляет князя Владимира на мирное взаимодействие с соседними народами и их покорное приобщение в христианство [10, с. 51].

Следовательно, русская церковь изначально способствовала бесконфликтному сосуществованию в Древней Руси людей разных религий и национальностей, поддерживая мирное взаимодействие княжеской власти с народами сопредельных территорий и распространение добродетели православия для всех религий.

В дошедшем до нас первом своде правил Древней Руси, Русской Правде (XI в.н.э.), были соответствующие нормы о христианском, мирном характере взаимодействия княжеского люда с предста-

вителями других территорий, княжеств, государств [11, с. 8].

Русская правда стала первой кодификационной попыткой создания единого древнерусского правового пространства на еще разделенных в результате феодальной раздробленности княжествах. Это позволяет А.О. Иншаковой рассматривать данный кодификационный акт как пример правовой интеграции [12, с. 10], отвечающий задачам социально-экономической интеграции евразийских территорий. В целях сохранения единства Древнерусского государства, Ярослав Мудрый санкционировал и распространил на всю его территорию систему обычного права, возникшую в самом Киеве, сделав ее обязательной для всех его жителей, нивелировав тем самым различия в нормативном закреплении обычного права разных племен.

То есть, исходным правовым источником формирования на Древней Руси национального и международного права являются обычаи, традиции участников соответствующих правоотношений, отраженные в договорах Древней Руси с Византией 911, 944, 974 годов, что характерно и для союзного права ЕАЭС.

Переход к следующему периоду развития России в XIII–XV веках был осложнен процессом дезинтеграции древнерусского государства (феодальная раздробленность) и последующего впадения древнерусских княжеств в политическую и данническую зависимость от Монгольской империи (Золотоордынское иго). Русские восприняли некоторые элементы монгольской юриспруденции в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. Развитие формализованного права древнерусского государства происходило в форме типичных для древне европейских народов «варварских правд». Русская правда стала значимым нормативным актом, предопределившим дальнейший ход развития правовой системы и правовой культуры русского государства, лишь в 1497 г. получив полноценную замену себе в виде княжеского Судебника [13, с. 22].

Рассматривая содержание Русской правды краткой редакции (далее – Краткая правда [4, с. 77]) в соотношении с нормами Русской правды пространственной редакции (далее – Пространственная правда [4, с. 108]) в контексте формирования государственно-правовых образований на территории Евразии, стоит обратить внимание на положения ст. 1 Краткой правды и ст. 1 Пространственной правды, которые по логичному мнению С.В. Юшкова отражают динамику позитивного развития и в то же время стабильность архаичных обычаев. Нормы п. 1 ст. 1 определяют наказание за акт кровной мести с ограничением перечня родичей, которые могут понести только штраф в 40 гривен (взамен казни), за убийство по мотиву мести, если на стороне потерпевших отсутствуют мужчины, способные отомстить кровнику [4, с. 78]. Положения статьи 10, 11 Краткой правды (ст. 31, 32 Пространственной правды) определяют преференции колбягам и варягам (скандинавские этни-

ческие группы), поскольку они плохо знали русский язык и могли не найти свидетелей в свою сторону при возникновении драки с местным населением, что подчеркивает позитивное отношение княжеской власти к пришлым людям. Содержание ст. 55 Пространственной правды определяют порядок конкурсного производства торгов имущества должника: сперва удовлетворяются интересы купца-чужеземца, затем – интересы князя и других кредиторов с ограничением претензий от ростовщиков-заимодавцев [14, с. 46]. Такие правила подтверждают уважение князем иностранных купцов и справедливое негативное отношение к ростовщикам.

С учетом обозначенных особенностей Русской правды как первого кодифицированного правового источника можно обобщить исходный законодательно-исторический аспект становления государственно-правовых образований Древней Руси на территории Евразии, который характеризуется содержанием норм Русской правды христианского, мирного, правозащитного, антикоррупционного, внешнеторгового, справедливого характера.

В контексте формирования государственно-правовых образований на территории Евразии в период феодальной раздробленности можно выделить межгосударственные соглашения российских княжеств с граничащими странами. Положения таких соглашений указывают на историко-правовые основы отечественного и союзного евразийского права. Например, положения Правды (договора) Смоленска с Готским берегом и Ригю 1229 года (далее – Договор 1229 года [15, с. 18]) свидетельствуют о значительной внешнеторговой роли Смоленского княжества в период XII–XIV веков с активным взаимодействием русских княжеств с прибалтийскими народами в сферах культуры и экономики. От имени князя Мстислава Смоленского зимой 1229 года в Риге Договор 1229 года подписали послы сотский Пантелей и поп Еремей. Этот договор видоизменялся, но в основном сохранял свои правила в течение трех поколений смоленских князей [16, с. 386].

Условия ст. 1 Договора 1229 года определяют штраф за убийство холопа, который в 10 раз меньше за убийство свободного человека, что характеризует дисбаланс феодального права с привилегиями вольного люда. Нормы ст. 4–6 Договора 1229 года предусматривают гарантии неприкосновенности русским гостям (купцам) на Готланде и в Риге при совершения ими уголовных правонарушений, привилегии взаимного товарообмена, приоритет перед казной возмещения иноземному купцу ущерба от русского кредитора, что характеризует активную внешнеторговую поддержку русскими князьями своего и зарубежного купечества [17, с. 54].

Схожие сбалансированные и преференциальные нормы внешней торговли, взаимодействия русских князей с соседними странами обозначены в Договоре Новгорода с немецкими города-

ми и Готским берегом 1189–1199 годов [18, с. 23], в Договорных грамотах князя Ярослава Ярославича с Великим Новгородом 1264–1270 годов [19, с. 19] и др. документах эпохи феодальной раздробленности средневековой Руси.

Исходя из обозначенных тезисов о памятниках права того времени, можно систематизировать следующие характерные особенности русского права эпохи феодальной раздробленности средневековой Руси, влияющие на формирование евразийской государственности: торговый аспект поддержки русских и зарубежных купцов; дипломатический аспект обеспечения неприкосновенности руководства посольств; религиозно-гуманный аспект внесения в международные соглашения миротворческих норм с целью предотвращения насилия со стороны местного люда против власти сюзерена и обеспечения интеграционного развития православия.

Рассматривая нормы Судебника 1497 года как новаторского кодифицированного акта русского права, стоит отметить, что в Европе подобные документы появились позже. Первый германский законодательный свод «Каролина» издан в 1532 году, во Франции в 1533 году принят кодекс *Ordonnance criminelle* [20, с. 341].

Крепостной характер Судебника 1497 года закреплена ст. 57 о запрете ухода холопов от господина с выплатой надлежащих задолженностей кроме двух недель до и после Юрьева дня (26 ноября) [21, с. 218]. В этой связи стоит указать на социальную правозащитную направленность ст. 49 Судебника 1497 года, позволяющую представителям церкви, увечным, женщинам, детям и старикам при необходимости использовать наймитов для ордалии, а также ст. 56 о праве на свободу холопа, бежавшего из татарского плена, которое также было направлено на поддержку борьбы с Ордой и мероприятий городского строительства с помощью освобожденных пленников. Гуманный, бесконфликтный характер обозначен в ст. 53 Судебника, допускающей досудебное примирение сторон с получением судебного согласия на мировую. Вместе с этим, положения Судебника 1497 года только в одной статье упоминают отличительные права иноземцев: согласно ст. 58 иноземец мог дать клятву суду, поцеловав крест, что отражает приоритет решения этим актом организационно-правовых проблем внутреннего характера с продвижением церковных интересов [20, с. 341].

Особенности внешних сношений централизованного русского государства связаны с появлением в XV веке института «кормленных дьяков» – отраслевых чиновников и регулированием их деятельности предписаниями уставных грамот. В частности, первая из дошедших до нашего времени Белозерская таможенная грамота была издана в 1497 году [22, с. 48] и определяла исходные российские таможенные правовые механизмы: взимания различных таможенных сборов (тамги), от которой освобождались покупатели товара личного потребления и транзитные купцы; диффе-

ренциации таможенных сборов: сперва иногородцы платили повышенные пошлины по сравнению с местными, но с 1586 года, согласно Таможенной новгородской грамоте, иностранцы стали платить меньший размер тамги; таможенных преференций, которыми пользовались служилые люди и др. лица (грамотники) со специальными грамотами о льготах; и т.д. [20, с. 220].

С учетом представленных тезисов об указанных памятниках права, можно обобщить следующие характерные особенности российского права эпохи становления централизованной Руси, связанные с формированием евразийской государственности: новаторский характер Судебника 1497 года; многоотраслевая система государственного управления с регулированием внешней торговли таможенными грамотами, таможенными сборами, таможенных преференций грамотников.

В последующие периоды развития сословно-представительной и абсолютной монархии в русском государстве основным правовым источником стало Соборное уложение 1649 года, изданное в царствование Алексея Михайловича Романова (далее – Соборное уложение [23]). Относительно регламентации Соборным уложением российской торговой и внешней политики стоит указать на примерно равное число норм об иноземцах и торговцев. Правила регулирования действий иноземцев упоминаются в Соборном уложении 62 раза, предписания по действиям торговых людей – 63 раза. В частности, в ст. 1, 2 главы IX установлены льготные полномочия иноземцев на беспошлинный проезд по Руси, включающие: отказ от сбора пошлин (мыта, перевоза, мостовщины) от бояр, окольных, думных, ближних людей, стольников, стряпчих, дворян московских, дьяков, жильцов дворян, детей боярских, других служивых чинов и иноземцев; право иноземцев докладывать с челобитной и целованием креста о произволе мытчиков, перевозчиков, мостовщиков при взимании пошлин [24, с. 56].

Исходя из норм Соборного уложения 1649 года, можно систематизировать следующие характерные особенности российского права эпохи развития сословно-представительной и абсолютной монархии в русском государстве, влияющие на формирование евразийской государственности: политический аспект усиления классового противостояния эксплуатируемого многонационального народа России против купечества и крепостников с укреплением централизованной власти царя Алексея Михайловича; суверенный аспект установления общего для всех запрета на оборот табака с соблюдением иноземцами всех рангов этого запрета, включая запрет приобретения табака у проезжих литовцев.

Указанные интеграционные признаки объединения соседствующих территорий с народами различного эпоса, религиозно-духовного развития и широкой поддержки внешних экономических связей в русском государстве совершенствовались на следующих стадиях монархического и со-

ветского развития российской государственности. Интеграционные аспекты российского права отражены во многих разделах Свода законов [25], связанных с внешнеэкономической, торговой, политической и пр. видами государственной деятельности. В частности, первые 3 статьи части 1 тома 1 Свода законов определяют содержание базовых Государственных Законов: о едином, нераздельном «Государстве Российском»; об особом порядке управления Великим Княжеством Финляндским как «нераздельной части государства российского»; об общегосударственном статусе русского языка, обязательном в армии, флоте, государственных, общественных установлениях при употреблении местных наречий, языков в государственных, общественных установлениях согласно особым законам.

Содержание общего статуса российских губерний, установленное в ст. 1–4 Свода губернских учреждений тома 2 Свода законов отражает анализируемые свойства стремления России к интеграции евразийских территорий на основе определенной свободы волеизъявления соседских государств. Согласно предписаниям ст. 1–4 Свода губернских учреждений тома 2 Свода законов Российская империя в порядке управления разделялась на губернии, области и градоначальства. При этом по правилам Общего учреждения управлялись 49 губерний: Архангельская, Астраханская, Екатеринославская, Казанская, Киевская, Эстляндская и др. По условиям Особых учреждений управлялись: 9 губерний Царства Польского; Кавказский край; Туркестанский край и др.

С учетом представленных тезисов можно обобщить следующие характерные особенности российского права эпохи становления абсолютной монархии Российской империи, связанные с формированием евразийской государственности: индивидуальный, суверенный, национальный характер Свода законов 1832 года; стремления власти к централизации с учетом национальных интересов, этноса, языка отдельных территорий; применение для объединения с Россией народов соседних территорий различных правовых условий государственного управления.

Рассматривая правовые особенности советского периода российской государственности, стоит обратить внимание на продолжение после победы в революции 1917 года большевиками царской политики объединения, интеграции соседних территорий с централизацией системы органов власти в рамках СССР. Так в положениях первой Конституции СССР 1923 года [26], созданной с учетом практики реализации Конституции РСФСР 1918 года [27], на основе незыблемости Советской власти, условий Договора образования СССР от 1922 года, с учетом поправок, предложенных союзными республиками установлено объединение 4 советских республик (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР) в союзное государство СССР. Положения главы 2 этой Конституции определяли основы суверенных прав союзных советских республик, которые ограниче-

ны только конституционными нормами по предметам компетенции Союза. Вне рамок компетенции Союза каждая республика могла самостоятельно реализовать государственную власть при условии охраны Союзом суверенных прав советских союзных республик с помощью: сохранения за каждой советской республикой права на свободный выход из СССР; реализации права советских республик утверждать и вносить коррективы в свои конституции; запрета на изменение территорий советских республик без их соответствующего согласия.

Схожие правила свободной, равноправной политики объединения, интеграции соседних территорий с централизацией системы органов власти в рамках СССР были обозначены в последующих Конституциях СССР 1936 года [28] и 1977 года [29], с дублированием таких правил в нормах республиканских конституций (автономных советских республик).

Обобщение содержания представленных Конституций СССР 1923, 1936, 1977 годов позволяет обозначить характерные особенности российского права советской эпохи в контексте евразийской государственности: индивидуальный, суверенный, национальный характер формирования системы советского законодательства; эволюционный аспект некоторой преемственности в реализации царской политики объединения, интеграции соседних территорий с централизацией системы органов власти в рамках СССР; равноправный, добровольный аспект вхождения советских республик в СССР с установлением конституционно-правовой возможности выхода из союзного государства.

Анализ обозначенных выше особенностей эволюции российского законодательства периодов древне исторического, раннефеодального, монархического и советского развития русской государственности, характеризующих формирование евразийской государственности, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, русское государство на всех стадиях исторического развития отличается ключевыми интеграционными признаками объединения соседствующих территорий с народами различного эпоса, религиозно-духовного развития и широкой поддержки внешних экономических связей на принципах равноправия, добровольности.

Во-вторых, эволюция российской государственности отличается определенной стабильностью интеграционных свойств, их преемственностью и совершенствованием на каждом этапе развития нашей страны, что подтверждается обозначенными выше характерными особенностями каждого этапа эволюции российского права.

Литература

1. Ма Бо Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 2. С. 82–96.
2. Стафеева Е. 6 ключевых тезисов разворота на Восток, которые провозгласил Владимир Путин на острове Русский. [Электронный ресурс], URL: <https://life.ru/p/1522056> (дата обращения 22.07.2023).
3. Кроткова Н.В. Экспертный «круглый стол» «Идеи евразийства в российском праве: теоретико-философские основания и практика реализации» // Государство и право. 2023. № 1. С. 178–193.
4. Памятники русского права / под ред. [и с предисл.] С.В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1952–1961. 7 т. / Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. доц. А.А. Зимин. 1952. – XVI, 288 с.
5. Агафонов, А.В. Происхождение и источники древнерусского права: VI–XII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Агафонов, Андрей Викторович. Казань, 2006. 21 с.
6. Золотарёв А.Ю. К вопросу об источниках древнерусского права: понятие и типология // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. № 9 (11), 2021. С. 65–74.
7. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М: Зерцало-М, 2016. 416 с.
8. Русская правда (пространная редакция). Подготовка текста, перевод и комментарии М.Б. Свердлова. [Электронный ресурс], URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения 22.07.2023).
9. Иларион Киевский, свт. Слово о законе и благодати (Перевод А. Белицкой). [Электронный ресурс], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/ (дата обращения 22.07.2023).
10. Иларион. Слово о Законе и Благодати / сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина; реконстр. древне-рус. текста Л.П. Жуковской; коммент. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского. М., 1994. С. 51–53.
11. Миронов Е.М. К вопросу о правовом государстве как социальном, политическом и юридическом феномене // Вопросы экономики и права. 2015. № 80. С. 7–12.
12. Иншакова А.О. Русская правда, как первоисточник унифицированного гражданско-правового развития русского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 4 (29). С. 10.
13. Величко, А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб.: Изд-во Юридического института, 1999. 234 с.
14. Свердлов, М.Б. Новгород и начало древнерусского писаного права (к тысячелетию Правды Русской) / М.Б. Свердлов // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 83 (ч. 2). С. 46–50.
15. Смоленская Правда 1229 г. – «Торговый договор Смоленска с Ригию и Готским берегом,

- 1229 г.» // Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подг. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 18–52.
16. Петрухин П.В. О новом издании смоленских актов (рецензия на: Иванов, Кузнецов 2009) / Ред. Ф.Б. Успенский. Именослов. История языка. История культуры. (Труды Центра славяно-германских исследований). М., 2012. С. 386–398.
  17. Памятники русского права / под ред. [и с предисл.] С.В. Юшкова. Москва: Госюриздат, 1952–1961. 7 т. / Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. доц. А.А. Зимин. 1953. 444 с.
  18. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С.Н. Валка, М.-Л., 1949. 408 с.
  19. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Подготовил к печати Г.Е. Кочин, Л.-М., 1935. 190 с.
  20. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. 530 с.
  21. Осадчук Е.И. Судебник 1497 года как памятник русского феодального права. Общая характеристика // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 8, 2013. С. 218–222.
  22. Кистерев С.Н. Таможенные правила на Белозере в конце XV середине XVI в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 2, 2009. С. 48–53.
  23. Полное Собрание Законов Российской Империи, том 1. Соборное уложение 1649 года. 1830. Санкт-Петербург. [Электронный ресурс], URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Соборное_уложение_1649_года (дата обращения 22.07.2023).
  24. Федорова А.Н. Соборное уложение 1649 г. в системе источников права // Вестник Самарского юридического института. № 3 (14), 2014. С. 56–60.
  25. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах, 1906 года. [Электронный ресурс], URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?empire> (дата обращения 22.07.2023).
  26. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) // Систематическое собрание действующих законов СССР. Книга 1. М., 1926. (утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936).
  27. Конституция (Основной Закон) Р.С.Ф.С.Р. 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
  28. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06 декабря 1936 (утратила силу с принятием Конституции СССР 1977 года).

29. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977, ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617 (фактически утратила силу на территории РФ в связи с принятием Постановления ВС РФ от 12.12.1991 № 2014–1).

ON THE ISSUE OF THE EAEU LEGISLATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Yankin G.N.

Russian Academy of Advocacy and Notary

The article reflects the results of a historical and legal analysis of the development of Russian legislation in the field of integration of the EAEU countries. The author summarized the characteristic integration features of Russian law, the formation of centralized Rus', the development of a class-representative and absolute monarchy in the Russian state, the formation of an absolute monarchy of the Russian Empire, the Soviet era.

At the stage of formation of the absolute monarchy of the Russian Empire, the following are highlighted: the individual, sovereign, national character of the Code of Laws of 1832; the aspirations of the authorities to centralize, taking into account national interests, ethnicity, language of individual territories; the use of various legal conditions of public administration for unification with Russia of the peoples of neighboring territories. In the Soviet era, the following were noted: individual, sovereign, national character of the formation of the system of Soviet legislation; the evolutionary aspect of some continuity in the implementation of the tsarist policy of unification, integration of neighboring territories with the centralization of the system of authorities within the USSR; the equal, voluntary aspect of the entry of Soviet republics into the USSR with the establishment of the constitutional and legal possibility of withdrawal from the union state.

This allowed us to draw conclusions: the Russian state at all stages of historical development is distinguished by the key integration features of the unification of neighboring territories with peoples of various epics, religious and spiritual development and broad support for foreign economic relations on the principles of equality, voluntariness; the evolution of Russian statehood is characterized by stability, continuity and improvement of integration properties at each stage of the development of our country.

Keywords: evolution of Russian legislation, integration properties, EAEU, stages of development of Russian law, Treaties of Kievan Rus, Russkaya Pravda, Sudebnik, Code of Laws.

References

1. Ma Bo Strategy of Russia "Turn to the East": opportunities and challenges for interfacing with Chinese trans-regional projects // Comparative Politics. 2017. Vol. 8. No. 2. pp. 82–96.
2. Stafeeva E. 6 key theses of the turn to the East, which Vladimir Putin proclaimed on Russian Island. [Electronic resource], URL: <https://life.ru/p/1522056> (accessed 22.07.2023).
3. Krotkova N.V. Expert "round table" "Ideas of Eurasianism in Russian law: theoretical and philosophical foundations and practice of implementation" // State and Law. 2023. № 1. С. 178–193.
4. Monuments of Russian Law / ed. [and with a preface] S.V. Yushkov. Moscow: Gosyurizdat, 1952–1961. 7 t. / Monuments of the law of the Kievan state of the X–XII centuries. / Comp. assoc. A.A. Zimin. 1952. – XVI, 288 p.
5. Agafonov, A.V. The origin and sources of Ancient Russian law: VI–XII centuries: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01 / Agafonov, Andrey Viktorovich. Kazan, 2006. 21 p.
6. Zolotarev A. Yu. On the question of the sources of ancient Russian law: the concept and typology // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. No. 9 (11), 2021. pp. 65–74.
7. Momotov V.V. Formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 416 p.
8. Russian Truth (lengthy edition). Preparation of the text, translation and comments by M.B. Sverdlov. [Electronic resource], URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (accessed 22.07.2023).

9. Hilarion of Kiev, svt. The word about the law and grace (Translated by A. Belitskaya). [Electronic resource], URL: https://azbyka.ru/otechnik/Hilarion_Kievskij/slovo_o_zakone_i_blagodati/ (accessed 22.07.2023).
10. Hilarion. The Word about the Law and Grace / comp., intro. art., per. V. Ya. Deryagin; reconstruction of ancient Rus. text by L.P. Zhukovskaya; comment. V. Ya. Deryagin, A.K. Svetozarsky. M., 1994. pp. 51–53.
11. Mironov E.M. On the question of the rule of law as a social, political and legal phenomenon // Questions of Economics and Law.
12. Russian Russian Truth as the primary source of the unified civil-legal development of the Russian state. 2015. No. 80. pp. 7–12. Inshakova A.O. // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2015. No. 4 (29). p. 10.
13. Velichko, A.M. State ideals of Russia and the West. Parallels of legal cultures. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 1999. 234 p.
14. Sverdlov, M.B. Novgorod and the beginning of the Old Russian written law (to the millennium of the Russian Truth) / M.B. Sverdlov // Bulletin of the Novgorod State University. Yaroslav the Wise. 2014. No. 83 (part 2). pp. 46–50.
15. Smolenskaya Pravda 1229 – “The Trade agreement of Smolensk with Riga and the Gothic coast, 1229” // Smolensk charters of the XIII–XIV centuries / Subg. to the press by T.A. Sumnikova and V.V. Lopatin / Edited by R.I. Avanesov. M., 1963. pp. 18–52.
16. Petrukhin P.V. On the new edition of the Smolensk-Riga Acts (review of: Ivanov, Kuznetsov 2009) / Ed. F.B. Uspensky. The namesake. The history of the language. Cultural history. (Proceedings of the Center for Slavic-Germanic Studies). Moscow, 2012. pp. 386–398.
17. Monuments of Russian Law / ed. [and with a preface] S.V. Yushkov. Moscow: Gosyurizdat, 1952–1961. 7 t. / Monuments of the law of feudal-fragmented Russia of the XII–XV centuries / Comp. assoc. A.A. Zimin. 1953. 444 p.
18. Charters of Veliky Novgorod and Pskov, edited by S.N. Valka, M.-L., 1949. 408 p.
19. Historical monuments of Veliky Novgorod and Pskov. Prepared for publication by G.E. Kochin, L.-M., 1935. 190 p.
20. Monuments of Russian law. Russian Centralized state of the XIV–XV centuries. / edited by L.V. Cherepnin. M.: Gosyurizdat, 1955. 530 p
21. Osadchuk E.I. Sudebnik 1497 as a monument of Russian feudal law. General characteristics // Actual Problems of Humanities and Natural Sciences, No. 8, 2013. pp. 218–222.
22. Kisterev S.N. Customs rules on Beloozer in the late XV-mid XVI century. // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. No. 2, 2009. pp. 48–53.
23. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, volume 1. The Cathedral Code of 1649. 1830. Saint-Petersburg. [Electronic resource], URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Soborno_ulozhenie_1649_goda (date of appeal 22.07.2023).
24. Fedorova A.N. Sobornoe ulozhenie 1649 in the system of sources of law // Bulletin of the Samara Law Institute. No. 3 (14), 2014. pp. 56–60.
25. The Code of Laws of the Russian Empire. Edition in 16 volumes, 1906. [Electronic resource], URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?empire> (accessed 22.07.2023).
26. The Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the CEC of the USSR 06.07.1923) // Systematic Collection of current laws of the USSR. Book 1. M., 1926. (became invalid due to the adoption of the Constitution (Basic Law) of the USSR, approved. By the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR dated 05.12.1936).
27. Constitution (Basic Law) of the R.S.F.S.R. 1918 // SU RSFSR. 1918. No. 51. St. 582.
28. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR dated 05.12.1936) // News of the CEC of the USSR and the Central Executive Committee. No. 283. December 06, 1936 (became invalid with the adoption of the 1977 Constitution of the USSR).
29. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the Supreme Soviet of the USSR 07.10.1977, ed. from 14.03.1990) // Vedomosti of the Armed Forces of the USSR. 1977. No. 41. Article 617 (actually became invalid on the territory of the Russian Federation in connection with the adoption of the Resolution of the Armed Forces of the Russian Federation dated 12.12.1991 No. 2014–1).

Определение категории врачебной ошибки с позиции уголовного законодательства

Богатырева Марта Расуловна,

кандидат юридических наук, доцент ВАК, Юридический институт, Пятигорский государственный университет
E-mail: martabogatyreva@mail.ru

В статье анализируются понятие, сущность врачебной ошибки. Проводится разграничение между врачебной ошибкой и дефектом медицинской помощи. Отмечается, что врачебная ошибка представляет собой акт бездействия или действия, который имеет место при планировании или при исполнении и который способствует непреднамеренному результату. Формулируется вывод о том, что врачебные ошибки всегда зависят от наличия у врача добросовестного исполнения и могут быть непосредственно связаны с различными факторами, в том числе, с атипичным течением болезни. Системный анализ судебной практики показал, что под врачебной ошибкой понимают неправильно поставленные диагнозы и выбор методов лечения, которые в итоге причинили вред пациенту. На практике возникают различные трудности квалификации действий и бездействия врача, что затрудняет выявление признаков уголовно-наказуемого деяния, особая роль в рамках данной деятельности отводится судебно-медицинской экспертизе. По результатам проведенного исследования делается вывод, что врачебная ошибка ввиду отсутствия вины субъекта (его добросовестного заблуждения) не является уголовно наказуемым деянием, так как наказание врачей в этом случае вызовет отток специалистов из медицины.

Ключевые слова: врачебная ошибка, врач, медицинская помощь, вред, вина.

Проблема, непосредственно связанная с необходимостью минимизировать различного рода неблагоприятные последствия в здравоохранении, решается уже достаточно длительный период времени. Одновременно с этим, решение данной проблемы во многом осложняется тем, что в практической деятельности широкое распространение получили врачебные или, говоря иначе, медицинские ошибки. В связи с этим, в качестве цели представленного исследования можно назвать обобщение всех существующих подходов к определению понятия медицинской (врачебной) ошибки, анализ вопросов, непосредственно связанных с порядком их правильной квалификации, в том числе, по материалам судебной практики, равно как выявление существующих закономерностей при рассмотрении указанных категорий дел.

В последние годы наблюдается стабильный рост числа возбуждаемых уголовных дел в отношении медицинских работников. Подавляющее большинство уголовных дел о ненадлежащем оказании (неоказании) медицинской помощи возбуждаются по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 Уголовного кодекса РФ (далее-УК РФ) [1]. Чаще всего причинение смерти по неосторожности является результатом преступной небрежности.

Врачебные ошибки представляют собой важную проблему общественного здравоохранения и серьезную угрозу безопасности пациентов. Растущая осведомленность о частоте, причинах и последствиях ошибок в медицине усиливает необходимость улучшения нашего понимания проблемы и разработки эффективных решений и стратегий профилактики. Различия в номенклатуре без общепринятого определения врачебной ошибки препятствуют сбору данных и совместной работе по совершенствованию систем здравоохранения.

На практике возникают проблемы в рамках дефиниции понятия «врачебная ошибка». Например, интерес представляет точка зрения А.В. Саверского, так как данный автор определял врачебную ошибку в качестве неправильного действия, равно как бездействия в рамках оказания медицинской помощи, что образует собой дефект медицинской помощи. Автор акцентировал внимание на том, что данный дефект совершает врач при выполнении своих обязанностей на фоне его обоснованной уверенности в том, что его действия являются пра-

вильными, в том числе, когда из обстоятельств дела явно следует, что он не мог осознавать того, что действия его не являются правильными, не предвидел возможностей того, что наступят общественно опасные последствия и не желал наступления таковых [4, с. 183]. Из анализа данного определения явно следует, что в качестве основы для данного понятия выступает норма, которая содержится в ч. 1 ст. 28 УК РФ.

Врачебная ошибка также определяется [5, с. 302]:

как неспособность запланированного действия быть выполненным по назначению (ошибка исполнения) или использование неправильного плана для достижения цели (ошибка планирования);

как непреднамеренное действие (бездействие или совершение) или действие, которое не достигает предполагаемого результата.

Первое определение различает ошибки выполнения и ошибки в планировании, признавая, что умственные / субъективные и физические / технические сбои способствуют ошибкам. Однако оно пренебрегает ошибками упущения: что, если не было плана или действия? Второе определение признает, что как действия (акты совершения), так и бездействие (акты бездействия) способствуют врачебным ошибкам, но опускает преднамеренные действия, основанные на неправильных планах, за исключением случаев, когда действия, основанные на этих планах, приводят к непреднамеренным результатам.

Хотя планы действий не могут быть «завершены по назначению» или «достичь намеченных результатов», ошибки не обязательно объясняют все эти неудачи. Часто обстоятельства, не зависящие от врача, влияют на результаты лечения пациента. Например, рассмотрим пациента без известной истории аллергии, который испытывает аллергическую лекарственную реакцию при запуске нового лекарства. Результат непреднамеренный, но не убедительно приписывается врачебной ошибке. Предположение, что все непреднамеренные результаты могут быть отнесены к врачебной ошибке, не оправдано.

Представляется, что врачебная ошибка в данном аспекте представляет собой акт бездействия или действия, который имеет место при планировании или при исполнении и который весьма активно способствует непреднамеренному результату. Это определение включает в себя ключевые области причинно-следственной связи ошибок (действие и бездействие, планирование и исполнение) и включает ошибки процесса, которые могут привести к неблагоприятным исходам для пациента, но не обязательно приводят к ним. Учитывая это определение, медицинский работник имеет четкую дорожную карту, с помощью которой можно определить процесс как подверженный ошибкам и принять меры по их недопущению (исправлению).

Врачебные ошибки всегда зависят от наличия у врача именно добросовестного исполнения и могут быть непосредственно связаны с неправиль-

ными сведениями в области этиологии, патогенеза, распознавания и лечения некоторых болезней, особенно, когда они имеют атипичное течение. В других случаях ошибки могло бы и не произойти, если бы была лучшая квалификация врача и он смог бы использовать в конкретной ситуации свой опыт и знания.

Врачебная ошибка часто проявляется в неправильном диагнозе основной болезни и ее последствий. Причины ошибочной диагностики – это кратковременное наблюдение за больным, плохое использование данных анамнеза, лабораторного, компьютерного, инструментального исследования, редкость и атипичность течения болезни. Часть врачебной ошибки заключается в неправильно выбранных и плохо проведенных методах лечения (неправильно или поздно назначено лечение, неправильный выбор лекарств и тому подобное) [2, с. 128].

Опираясь на практику, сегодня под врачебной ошибкой понимают неправильно поставленный диагноз и выбор методов лечения, которые в итоге причинили вред пациенту. Таким образом, ключевыми характеристиками именно медицинской ошибки можно назвать наличие именно добросовестного заблуждения врача, а также наличие объективных причин для заблуждения этого рода. Как правило, в практической деятельности весьма активно используется понятие «дефекты медицинской помощи». Одновременно с этим, полагаем, что стоит разграничивать понятие «врачебная ошибка», которое означает невинное и неосторожное причинение вреда с понятием «дефект оказания медицинской помощи», который означает виновное ненадлежащее оказание лицом тех или иных медицинских услуг.

Наибольшая сложность при этом заключается в квалификации того или иного действия медицинского работника или их совокупности, в том числе, при

обоснованном риске как обстоятельстве, исключаящем преступность деяния, что является предметом судебно-медицинской экспертизы. В то же время, достаточно часто судебно-медицинская экспертиза испытывает существенные затруднения в установлении причинно-следственной связи между действием или бездействием медицинского работника и наступившим вредным последствием для здоровья пациента. Это связано с исходным состоянием здоровья пациента, характеризующегося предшествующими заболеваниями, особенностями организма и т.п.

Если во время взаимоотношений между медицинским работником и пациентом имел место случай, то вины медицинского работника нет, а указанное невинное причинение вреда в рамках медицинских манипуляций и является врачебной (медицинской) ошибкой. В отличие от нее, выявление дефекта медицинской помощи подразумевает определенную степень вины медицинского работника, а вина в данном случае будет выступать в качестве основного квалифицирующего признака.

Есть люди, которые утверждают, что небрежность не должна быть основанием для уголовной ответственности из-за того факта, что уголовные санкции должны применяться к людям за результат действий, которые они определили, или последствия, которые они предвидели как вероятный результат своей практики. Другие предлагают применять уголовные санкции к практикующим, которые были небрежны, на том основании, что обвиняемый мог действовать в соответствии с установленными стандартами поведения, но не сделал этого.

Сторонники криминализации халатности утверждают, на практической основе, что угроза уголовных санкций содержит потенциальные последствия, поскольку она способствует повышению стандартов работы. Небрежные действия профессиональных медицинских работников во время их практики являются частью состояния человеческой расы.

Система уголовного правосудия, а также широкая общественность сталкиваются с серьезной проблемой, касающейся того, как она должна рассматривать различные случаи смертельной врачебной ошибки. Уголовное право является важным регулирующим инструментом для использования против медицинских работников, которые грубо отходят от безопасной практики. Небольшое количество дел, а также небольшой процент обвинительных приговоров свидетельствуют о том, что уголовное законодательство имеет минимальное применение в этом секторе [3, с. 37].

Увеличение числа судебных преследований за смертельные врачебные ошибки за последние годы вызвало крайнюю озабоченность у медицинских работников и потребовало интеллектуального расследования. Критики судебного преследования медицинских работников за халатное поведение четко заявляют, что система уголовного правосудия должна наказывать только тех, кто намеренно совершает что-то неправильное.

Медицинские организации утверждают, что уголовное наказание медицинских работников за клинические ошибки создало бы рискованную модель, которая удерживала бы врачей от рассмотрения сложных случаев или даже проведения исследований в новых областях. Криминализация врачебных ошибок в дополнение к введению уголовных санкций, наконец, заставит профессионалов прекратить сообщать об ошибках и препятствовать сохранению профессии, предложение которой уже сокращается.

Сторонники судебного преследования за смертельные врачебные ошибки также утверждают, что нет никаких доказательств того, что опасность непрофессионального поведения удерживает врачей от небрежности. Они утверждают, что вместо этого страх судебного иска является очень веской причиной для принятия мер по предотвращению претензий.

Наличие непосредственной вины медицинского работника означает, что в данном случае будет

наступить уголовная ответственность в непосредственной зависимости от того, какова степень общественной опасности действий данного работника. Юридическая оценка дефекта медицинской помощи, которая имела крайне негативный исход, будет подразумевать решение нескольких задач, направленных на установление причин дефекта, характера и степени негативного исхода, причинной связи между дефектом и негативным исходом, вины исполнителя (медицинского работника), а также вида дефекта.

Однако на данный момент в России отсутствует целостная концепция квалификации медицинских инцидентов вообще и дефектов медицинской помощи в частности, они не систематизированы и не имеют легальных определений. Это затрудняет проведение правовой оценки врачебных ошибок.

Как показывает практика, основными причинами медицинских ошибок являются переоценка врачом собственных возможностей, недостаточная техническая оснащенность медицинской организации, несоблюдение клинических рекомендаций, плохое взаимодействие смежных специалистов, ненадлежащая организация лечебного процесса, особенно в ночное время, в выходные и праздничные дни при оказании экстренной медицинской помощи.

Определение причины соответственно зависит как от процесса, так и от результата. Человеческий фактор всегда будет проблемой, и признание таких факторов позволяет осуществлять стратегии улучшения, которые способствуют как системным изменениям, так и образованию. Тем не менее, обвинение или наказание лиц за ошибки, связанные с основными системными причинами, не изменят или не устранят эти причины, а также не предотвратят повторение ошибок.

По этой причине эксперты по безопасности пациентов должны быть сосредоточены не на виновниках отдельных ошибок, а на создании более безопасных систем здравоохранения, чтобы уменьшить вероятность ошибок и смягчить их последствия для пациентов, сотрудников и общества, когда они происходят. Выявление ошибок обязывают внести конструктивные изменения в оказание медицинской помощи.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что врачебная ошибка ввиду отсутствия вины субъекта (его добросовестного заблуждения) не является уголовно наказуемым деянием.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Аминев Р.И. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовые последствия / Р.И. Аминев // Вестник Академии Следственного комитета Россий-

ской Федерации. – 2020. – № 1(23). – С. 124–130.

3. Васильева Е.Ю. Врачебные ошибки в стоматологической клинике: взгляд изнутри / Е.Ю. Васильева // Стоматология для всех. – 2020. – № 3(92). – С. 36–41.
4. Саверский А.В. Права пациентов на бумаге и в жизни: книга. – М.: Эксмо, 2009. – 543 с.
5. Шимовонян К.Т. Проблема врачебных ошибок / К.Т. Шимовонян // Университетская наука. – 2022. – № 2(14). – С. 300–303.

DETERMINATION OF THE CATEGORY OF MEDICAL ERROR FROM THE STANDPOINT OF CRIMINAL LAW

Bogatyreva M.R.

Pyatigorsk State University

The article analyzes the concept, essence of medical error. A distinction is made between a medical error and a defect in medical care. It is noted that a medical error is an act of inaction or action that takes place during planning or execution and which contributes to an unintended result. The conclusion is formulated that medical errors always depend on the doctor's conscientious performance and can be directly related to various factors, including the atypical course of the disease. A systematic analysis of judicial practice has shown that a medical error is understood as an incorrect diagnosis

and choice of treatment methods, which ultimately caused harm to the patient. In practice, there are various difficulties in qualifying the actions and inaction of a doctor, which makes it difficult to identify signs of a criminally punishable act, a special role in this activity is given to forensic medical examination. Based on the results of the study, it is concluded that a medical error due to the lack of guilt of the subject (his conscientious error) is not a criminally punishable act, since the punishment of doctors in this case will cause an outflow of specialists from medicine.

Keywords: medical error, doctor, medical care, harm, guilt.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 08/04/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Aminev R.I. Medical error and its criminal legal consequences / R.I. Aminev // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2020. – No. 1 (23). – P. 124–130.
3. Vasilyeva E. Yu. Medical errors in the dental clinic: an inside view / E. Yu. Vasilyeva // Dentistry for all. – 2020. – No. 3 (92). – P. 36–41.
4. Saversky A.V. Patients' rights on paper and in life: a book. – М.: Eksmo, 2009. – 543 p.
5. Shimovonyan K.T. The problem of medical errors / K.T. Shimovonyan // University Science. – 2022. – No. 2(14). – P. 300–303.

Общественная палата Российской Федерации в системе выполнения властных функций

Бондаренко Александр Александрович,
магистр Московского государственного университета
E-mail: aleksbondarenko2012@yandex.ru

Общественная палата Российской Федерации является важным связующим звеном между государством и обществом, позволяющим согласовать интересы государства и общества, обеспечить общественный контроль над исполнением властных полномочий, содействовать реализации государственной политики. Как и любой сложный институт, Общественная палата не лишена некоторых недостатков и внутренних противоречий. Встанут вопросы о наиболее оптимальном порядке формирования общественной палаты, её политико-правовой сущности и предназначении. В исследовании автор пытается ответить на эти вопросы, предложить свои подходы к решению существующих проблем. Для решения указанных задач автором применяется широкий спектр методов, особое значение придаётся системному, функциональному и эволютивному методам, позволяющим рассмотреть Общественную палату как составную часть системы в её историческом развитии.

Ключевые слова: Общественная палата, общественные палаты, общественные объединения, гражданское общество, общественный контроль

Как следует из закона, Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации. При этом само определение Общественной палаты в законе не даёт, что является явным недостатком законодательной техники.

Порядок формирования Общественной палаты представляет собой совокупность различных процедур: отдельные процедуры предусмотрены для 40 кандидатур, определяемых Президентом, для 85 кандидатур, выдвигаемых общественными палатами субъектов, и для 43 членов Общественной палаты от общероссийских общественных объединений. Всего в Общественной палате, таким образом, насчитывается 168 членов. Такой порядок формирования Общественной палаты действовал не всегда [1, С. 503–519]; в изначальной редакции законы Общественная палата насчитывала 126 человек, поровну от Президента, общероссийских, региональных и межрегиональных общественных объединений. При этой системе формирования отсутствовали гарантии наличия своего представителя в Общественной палате у всех субъектов Российской Федерации. Общеизвестно, что десять субъектов Российской Федерации не были представлены ни в одном из 4-х созывов палаты. Более того, такой порядок формирования Общественной палаты противоречил цели, с которой она создавалась. В отличие от политических партий, религиозных объединений или общественных палат субъектов, Общественная палата призвана выступать от имени всего общества, обобщать общественное мнение и доносить его до органов власти. Это видно из формулировки закона, которая говорит о том, что Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов для решения наиболее важных вопросов в целом в Российской Федерации. Таким образом, отсутствие представителей от отдельных субъектов федерации, упомянутое выше, противоречило бы самой природе Общественной палаты, которая должна представлять всё общество. Остро стоял вопрос о том, по какому принципу включались в Общественную палату межрегиональные

общественные объединения, какие из них имели право быть представленными в Общественной палате Российской Федерации, а какие нет.

Однако и современная система формирования Общественной палаты несовершенна. Нетрудно заметить, что население удалено от процедуры формирования Общественной палаты. Ведущая роль в формировании Общественной палаты принадлежит Президенту, имеющему квоту в 40 кандидатур, рабочей группе из членов Общественной палаты и общественным палатам субъектов. Возможна ситуация зависимости членов Общественной палаты от предложивших их кандидатуры субъектов. Более того, при предусмотренных процедурах формирования Общественной палаты население фактически удалено от участия в избрании её членов. Можно предложить различные пути решения этих проблем: например, обязательное одобрение населением каждой из кандидатур в члены Общественной палаты, или введение квоты для прямого избрания населением. Можно было бы ввести дополнительную квоту на представление кандидатур для Государственной Думы, как органа народного представительства. Введение аналогичной квоты для Совета Федерации нецелесообразно, поскольку и так есть представители от общественных палат субъектов, то есть принцип федерализма и равноправие субъектов соблюдаются.

Интересен вопрос о политико-правовой природе Общественной палаты, её предназначении. Традиционно сами палаты именуют себя консультативно-совещательными органами. Представляется, что это не совсем справедливо. Полномочия Общественной палаты Российской Федерации выходят за пределы совещательных: так, она вправе проводить экспертизу проектов НПА, а её заключения подлежат обязательному рассмотрению государственными и муниципальными органами. Стоит заметить также, что в силу вышеупомянутых полномочий Общественную палату нельзя считать только лишь общественной структурой. Как замечает С.А. Авакьян [2, С. 503–519], в Общественной палате видны государственные начала, такие как назначение 40 человек указом Президента РФ или полномочия по экспертизе проектов НПА. Более того, предложения Общественной палаты Российской Федерации могут быть направлены на совершенствование государственной политики. С другой стороны, нельзя согласиться с мнением Ибрагимовой Г.Ш., что «многие факторы говорят о том, что перед нами очередной орган власти» [3, С. 34–35], хотя бы потому, что Общественная палата не обладает возможностью принудить к исполнению своих решений и не является юридическим лицом. Исходя из всего вышесказанного, Общественная палата является смешанной структурой, совмещающей в себе и государственные, и общественные начала, и обладающей широким спектром полномочий.

Уяснив вопрос о природе Общественной палаты, нужно рассмотреть вопрос о её предназначении. Общественную палату по праву можно на-

звать флагманом гражданского общества в России. Это обеспечивается за счёт того, что она представляет интересы всего общества, и имеет широкий круг полномочий для продвижения интересов общества. Но роль Общественной палаты не исчерпывается сбором и продвижением гражданских инициатив, она гораздо глубже: Общественная палата является уникальной площадкой для обсуждения проблем, имеющих общегосударственное значение, местом для общенационального диалога, позволяющему учесть интересы всех слоёв общества и трансформировать их в единое общественное мнение, инструментом обратной связи общества и государства. То есть, Общественная палата является, по меткому замечанию Т.В. Троицкой [4, С. 422–426], «консолидирующим гражданское общество институтом». Именно эти черты выделяют её из всех иных институтов гражданского общества.

Признавая за Общественной палатой важнейшую роль в консолидации гражданского общества, всё чаще раздаются голоса в поддержку расширения её полномочий. Так, С.А. Авакьян предлагает привлекать общественную палату к распределению ресурсов для поддержки некоммерческих организаций, а Т.Н. Михеева настаивает на координации деятельности региональных общественных палат со стороны Общественной палаты РФ, вплоть до финансирования общественных палат субъектов Федерации из федерального бюджета через Общественную палату Российской Федерации, что, по её мнению, не только уравнивает региональные палаты между собой, но и придаст им определённую самостоятельность [5, С. 11–13]. На взгляд автора исследования, подобная мера хоть и усилит влияние Общественной палаты, но может сделать иные общественные формирования зависимыми от Общественной палаты РФ, поставить их в подчинённое по отношению к Палате положение. Не нарушит ли подобная мера равенство общественных объединений перед законом, гарантированное 13 статьёй Конституции, не приведёт ли это к дискриминации (так, например, исследователь М.И. Иванова считает, что в поддержке тех или иных объединений может присутствовать позитивная дискриминация) [6, с 177]? Это те вопросы, которые следует решить, прежде чем расширять полномочия Общественной палаты. Представляется, что в определённых сферах расширение полномочий Общественной палаты можно только приветствовать, так, предлагаемое Общественной палате (и общественным палатам субъектов) право назначать наблюдателей на региональных и муниципальных выборах позволит повысить открытость и транспарентность выборов, обеспечить равенство всех кандидатов и повысить авторитет Общественной палаты как флагмана гражданского общества.

Другим частым предложением является придание Общественной палате статуса юридического лица (согласно текущей редакции закона, Общественная палата не является юридическим лицом).

Данное предложение должно придать Общественной палате большую самостоятельность и независимость от любых органов государственной власти и местного самоуправления [7, С. 50–54]. По мнению автора исследования, предпочтительнее сохранение у Общественной Палаты текущего статуса, поскольку придание Общественной палате статуса юрлица позволит приостанавливать её деятельность или даже ликвидировать Общественную палату как юридическое лицо, что, наоборот, может усилить зависимость Общественной палаты от государственной власти. Возможные преимущества, на взгляд автора исследования, не оправдывают рисков.

Звучат и иные предложения. По мнению С.С. Тахоевой, тенденцией дальнейшего повышения роли Общественной палаты Российской Федерации в системе гражданского общества может быть исключение участия Президента Российской Федерации в формировании состава Общественной палаты [8, С.180]. По её мнению, Общественная палата Российской Федерации может формироваться только путем делегирования в ее состав представителей общественных объединений. Представляется, что отношение к данному предложению зависит от концепции, которой придерживается конкретный исследователь – но стоит учитывать, что исключение Президента значительно уменьшит государственный элемент в общественно-государственной природе Общественной палаты, приблизит палату к «чистым» общественным институтам, изменив тем самым её правовую природу. Тем более, как верно замечает Ю.А. Гнусарева, зарождение и развитие Общественной палаты в её российском варианте тесно связано с главой государства, главным инициатором её создания [9, С. 24].

Подводя итоги работы, следует признать, что, несмотря на ряд обозначенных в работе проблем, Общественная палата РФ успешно функционирует. Ни одна сколь-либо значимая общественная инициатива не обходится без внимания и поддержки со стороны Общественной палаты [10, С. 32–35], а за годы её работы были рассмотрены десятки тысяч обращений граждан и их объединений. Общественная палата имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития, однако нетрудно заметить, что перспективы развития Общественной палаты будут во многом зависеть от политической воли законодателя. Вопрос состоит в том, пойдёт ли законодатель на ключевые изменения, решится ли приблизить Общественную палату к населению через изменение порядка её формирования, разделит ли Общественную палату дополнительными полномочиями, которые позволят ей отстаивать интересы граждан. Отдельного внимания законодателя заслуживает несовершенный механизм взаимодействия общественных палат субъектов с Общественной палатой Российской Федерации, который при должном внимании к себе даст мощный импульс дальнейшему развитию гражданского общества в России (интересные предложения,

касающиеся взаимодействия федеральной Общественной палаты и палат субъектов, выдвигаются в статье И.В. Лобанова «Правовое регулирование взаимодействия общественной палаты субъекта российской федерации с органами государственной власти и другими структурами») [11, С. 96–99]. Многое будет зависеть и от кадровой политики, потому что важнейшим двигателем Общественной палаты являются сами её члены.

Литература

1. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие в 2 т. / С.А. Авакьян – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 503–519.
2. Ибрагимов Г.Ш. Проблема правового регулирования организации и деятельности Общественной палаты РФ // Научные исследования. Право. – 2016. -№ 3 (4). С. 34–35.
3. Троицкая Т.В. Общественная палата в России: история создания и тенденции развития на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. С. 422–426.
4. Михеева Т.Н. Об актуальных тенденциях в правовом регулировании статуса общественной палаты Российской Федерации // Юридический мир. – 2013. -№ 5. С. 11–13.
5. Иванова М.И. Конституционный принцип равенства общественных объединений перед законом в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2010. – 177 с.
6. Тахоева С.С. Конституционно-правовой статус Общественной палаты Российской Федерации: вопросы теории и практики: диссертация ... кандидата юридических наук; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – Москва, 2009. – 180 с.
7. Гончаров В.В. Проблемы организации и деятельности Общественной палаты Российской Федерации // Новый Индекс. – 2010. – № 4. – С. 50–54.
8. Гнусарева Ю.А. Роль общественной палаты в процессах институционализации гражданского общества в современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук; [Место защиты: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т]. – Саратов, 2009. – 24 с.
9. Михеева Л. Ю.; беседовал Д. Олишевский // Российская Федерация сегодня. – 2020. – № 4. – С. 32–35.
10. Лобанов И.В. Правовое регулирование взаимодействия общественной палаты субъекта российской федерации с органами государственной власти и другими структурами // Известия Саратовского Университета. Новая Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. С. 96–99.

THE PUBLIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF POWER FUNCTIONS

Bondarenko A.A.

Moscow State University

The Civic Chamber of the Russian Federation is an important link between the state and society, which makes it possible to coordinate the interests of the state and society, ensure public control over the exercise of power, and promote the implementation of state policy. Like any complex institution, the Public Chamber is not without some shortcomings and internal contradictions. Questions arise about the most optimal procedure for the formation of a public chamber, its political and legal essence and purpose. In the study, the author tries to answer these questions, to offer his own approaches to solving existing problems. To solve these problems, the author uses a wide range of methods, attaching particular importance to systemic, functional and evolutionary methods, which allow us to consider the Public Chamber as an integral part of the system in its historical development.

Keywords: Public chamber, public chambers, public associations, civil society, public control.

References

1. Constitutional law of Russia. Training course: textbook in 2 volumes / S.A. Avakyan – 6th ed., revised. and additional – Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. S. 503–519.
2. Ibragimova G. Sh. The problem of legal regulation of the organization and activities of the Public Chamber of the Russian Federation // Scientific Research. Right. – 2016. – No. 3 (4). pp. 34–35.
3. Troitskaya T.V. The Public Chamber in Russia: the history of creation and development trends at the present stage // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Economics. Control. Right. 2019. S. 422–426.
4. Mikheeva T.N. On current trends in the legal regulation of the status of the Public Chamber of the Russian Federation // Legal World. – 2013. – No. 5. S. 11–13.
5. Ivanova M.I. The constitutional principle of equality of public associations before the law in the Russian Federation: dissertation ... candidate of legal sciences; [Place of protection: Sarat. state un-t im. N.G. Chernyshevsky]. – Saratov, 2010. – 177 p.
6. Takhoeva S.S. Constitutional and legal status of the Public Chamber of the Russian Federation: questions of theory and practice: dissertation ... candidate of legal sciences; [Place of protection: Ros. acad. justice]. – Moscow, 2009. – 180 p.
7. Goncharov VV Problems of organization and activities of the Public Chamber of the Russian Federation // New Index. – 2010. – No. 4. – S. 50–54.
8. Gнусарева Ю.А. The role of the public chamber in the processes of institutionalization of civil society in modern Russia: Abstract of the thesis. ... candidate of political sciences; [Place of protection: Sarat. state social economy university]. – Saratov, 2009. – 24 p.
9. Mikheeva L. Yu.; interviewed by D. Olishovsky // Russian Federation today. – 2020. – No. 4. – S. 32–35.
10. Lobanov I.V. Legal regulation of the interaction of the public chamber of the constituent entity of the Russian Federation with public authorities and other structures. Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Economy. Control. Right. 2015, pp. 96–99.

Добровольные обязательства в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках

Брыжова Елизавета Михайловна,

магистр, заместитель начальника отдела особо важных исследований Управления по борьбе с картелями ФАС России
E-mail: bryzhova@fas.gov.ru

Цель настоящего исследования состоит в разработке комплексной научной концепции и правовых подходов института добровольных обязательств при рассмотрении дел о злоупотреблении доминирующим положением хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на цифровых рынках, с точки зрения конкурентного права России и ряда иностранных правовых порядков.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, а именно: анализ, синтез, гипотеза, аналогия, а также частнонаучные методы: формально-юридический, историко-правовой, метод правового моделирования. Также с помощью сравнительно-правового метода были изучены подходы к внедрению института добровольных обязательств. По результатам изучения предложена концепция внедрения его в правоприменительную практику ФАС России. Предлагаемые выводы направлены на решение дискуссионных вопросов и придание правовой определенности правоприменительной практике.

Ключевые слова: добровольные обязательства, злоупотребление доминирующим положением, цифровые рынки, предписание, решение о нарушении антимонопольного законодательства.

Введение

В эпоху цифровой экономики конкуренция приобретает совершенно новую форму и содержание, появляются новые бизнес-модели, большинство рынков переходят на цифровые платформы. Данные явления порождают особые связи с правовым регулированием, поскольку процент потребления товаров и услуг через платформы все чаще превалирует над прямыми (офлайн) продажами. Формируются новые рынки и задачи, возникают новые практики, требующие уточнения антимонопольных требований, в том числе в части своевременного реагирования антимонопольных органов на нарушения на данных рынках.

Невозможно не отметить сложность и многогранность общественных отношений по защите и развитию конкуренции на товарных рынках, участниками которых выступают цифровые платформы, недостаточной теоретической проработанностью указанных вопросов и отсутствием единообразной правоприменительной практики.

Несмотря на высокую практическую значимость вопросов контроля и оперативности применения мер реагирования на незаконное поведение хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на цифровых рынках, на данный момент в Российской Федерации отсутствует законодательное регулирование института добровольных обязательств по делам о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках.

Так, несмотря на подписание Президентом Российской Федерации Федерального закона от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» [1], являющегося частью [2] «пятого антимонопольного пакета», который вводит новые правила, регулирующие деятельность хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность на цифровых рынках, данный вопрос в настоящее время не был рассмотрен на законодательном уровне.

В настоящей статье предложены направления по совершенствованию антимонопольного законодательства в контексте введения института принятия института добровольных обязательств по делам о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках, основанные на обобщении отечественной практики и зарубежного опыта.

Основная часть

Антимонопольные органы зарубежных стран обычно рассматривают дела о злоупотреблении доминирующим положением путем принятия решения

о нарушении антимонопольного законодательства, выразившегося в злоупотреблении доминирующим положением, или соглашением о принятии ответчиком на себя добровольных обязательств о (от англ. commitments). Это два инструмента, которые имеют различные последствия и приводят к различным результатам.

Решения о нарушении антимонопольного законодательства формально подтверждают существование злоупотребления, и, следовательно, они могут: включать предписание, требующее от ответчика прекращения совершения правонарушения, и дополнять его средствами правовой защиты: структурными, поведенческими или и теми, и другими, а также налагать административный штраф.

Соглашение о принятии ответчиком на себя добровольных обязательств, с другой стороны, не предполагает установление признаков нарушения антимонопольного законодательства, но вместе с тем означают окончание расследования в отношении ответчика, налагая в качестве обязательств действия, которые ответчик предложил для прекращения правонарушения и восстановления последствий, вызванных им.

Поскольку решения о нарушении антимонопольного законодательства подтверждают существование злоупотребления, они, как правило, включают подробный предметный, часто длительный, анализ нарушения, который охватывает как само поведение, так и его фактические или потенциальные антиконкурентные последствия. Объем таких решений в разных юрисдикциях различен, что отражает не только различные подходы к их составлению, но и, скорее всего, различные уровни сложности как юридического, так и экономического анализа, а также стандарты рассмотрения, устанавливаемые компетентными судами.

Опыт Европейского союза, например, показывает, что решения о нарушении антимонопольного законодательства, как правило, занимают намного больше времени, чем согласование добровольных обязательств ответчика. Это может быть вызвано, в частности, тем, что последнее может исключать или ограничивать необходимость и объем анализа состояния конкуренции.

За последние два десятилетия количество антимонопольных органов, которые ввели в свою практику институт добровольного принятия обязательств, значительно выросло. За исключением США, где первое добровольное обязательство по предписанию было принято Министерством юстиции в 1906 году, для большинства юрисдикций это относительно новый инструмент. Израиль ввел его в 2000 году, а Европейский союз получил право принимать обязательства в 2004 году с вступлением в силу Постановления 1/2003. Совсем недавно Япония ввела процедуру принятия обязательств в рамках Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ВТПП) в декабре 2018 года. Турция официально добавила данный механизм в июне 2020 года [9].

Решение о соответствии добровольных обязательств обычно остается на усмотрение антимонопольного органа. Однако некоторые юрисдикции определяют обстоятельства, при которых исключается возможность принятия добровольных обязательств. К ним относятся случаи, когда сам характер нарушения требует наложения штрафа (Европейский союз) [8], случаи серьезных злоупотреблений доминирующим положением (Франция, Великобритания) [6,7], рецидив (Япония) [5], следующие трудности в проверке соблюдения и эффективности обязательств, а также возможность дальнейшего ограничения конкуренции доминантом в результате принятия таких обязательств (Великобритания) [7].

Эмпирические данные о преимуществах принятия решений о добровольных обязательствах вместо полноценных решений на сегодняшний день либо отсутствуют, либо очень фрагментарны. Тем не менее, растущее использование таких решений антимонопольными органами позволяет предположить, что выгоды могут компенсировать затраты и потенциальные риски.

Распространение и популярность процедуры принятия добровольных обязательств обусловлены предполагаемой процессуальной эффективностью, использованием меньшего количества ресурсов и другими потенциальными преимуществами, которые выгодны как для антимонопольных органов, так и ответчиков.

В случае, если антимонопольный орган сочтет предложенные обязательства достаточными для устранения выявленных проблем, то необходимость проведения полноценного расследования отпадает, что позволяет антимонопольному органу использовать ресурсы для других расследований. Однако аргумент о том, что соглашения о добровольных обязательствах экономят ресурсы ведомств и хозяйствующих субъектов, поскольку требуют меньше времени, не всегда подтверждается на практике. Согласно сведениям ОЭСР, решения по добровольным обязательствам в Европейском союзе занимают в среднем на 15% больше времени, чем решения по нарушениям. Однако даже если бы средняя продолжительность решений по обязательствам и запретам была одинаковой, еще одно преимущество, которое дают добровольные обязательства, заключается в том, что они с меньшей вероятностью будут оспорены в суде [9].

Если соглашения по добровольным обязательствам не такие быстрые, как ожидалось изначально, их пригодность для разрешения антиконкурентных практик на быстроразвивающихся цифровых рынках также может быть поставлена под сомнение. Например, Палата лордов Великобритании еще в 2016 году указала на длительность переговоров по добровольным обязательствам как на потенциальное препятствие для их использования на цифровых рынках.

Возможно, наиболее привлекательной особенностью добровольных обязательств для бизнеса является то, что в случае их принятия антимоно-

польным органом они могут позволить хозяйствующим субъектам избежать административных штрафов, которые с годами становятся все более значительными. Однако такой вариант не всегда доступен. Например, в Австралии и Европейском союзе использование решений о добровольных обязательствах исключено в случаях, когда антимонопольные органы намерены наложить штраф. В юрисдикциях, где антимонопольные органы могут наложить штраф в дополнение к принятию добровольных обязательств, предложенных ответчиком, стимулы предлагать такие обязательства могут быть ослаблены или могут быть обусловлены в первую очередь другими соображениями.

Например, поскольку решения о принятии добровольных обязательств не содержат официального признания нарушения, они снижают риск частных гражданских последующих исков и косвенных убытков. Кроме того, если хозяйствующий субъект решит в будущем совершить такое же противоправное действие, как и то, которое было рассмотрено в решении о принятии добровольных обязательств, он не будет считаться рецидивистом, что обычно считается отягчающим обстоятельством при расчете штрафов.

В юрисдикциях, предусматривающих различные процедуры и условия для принятия решений о применении мер правовой защиты и заключения соглашений о добровольных обязательствах, возникает вопрос, должен ли антимонопольный орган быть свободен в переходе от одной процедуры к другой, и если да, то какое влияние это может оказать на правовую определенность и привлекательность спонтанно предлагаемых обязательств. Поскольку антимонопольные органы пользуются широкой свободой действий при принятии решения о согласовании или отклонении предложенных обязательств даже длительное сотрудничество, как, например, в случае с Google Search (Shopping) [4], может потерпеть неудачу.

Видится целесообразным ввести в действие нормы, которые бы разъясняли условия, при которых антимонопольный орган может вернуться от одной процедуры к другой. Такие правила не должны быть чрезмерно предписывающими. Скорее, они должны уравнивать необходимость обеспечения гибкости и минимальной степени правовой предсказуемости. Кроме того, важно обеспечить невозможность злоупотребления процедурой принятия добровольных обязательств хозяйствующими субъектами, чтобы избежать решений об установлении факта нарушения антимонопольного законодательства, антимонопольные органы могли бы рассматривать содействие таких лиц как смягчающее обстоятельство при расчете штрафа, если орган решит его наложить.

Еще одна проблема, связанная с соглашениями по добровольным обязательствам, заключается в том, что антимонопольные органы могут предпочесть их в тех случаях, когда доказать существование конкретной формы злоупотребления особенно сложно из-за материально-правовых препятствий,

установленных в предыдущих решениях ведомства или судов. Это может иметь место в случае нарушений, связанных с коллективным доминированием, монопольно высокими ценами или необоснованным отказом от заключения договора. Если доказывание некоторых форм нарушений действительно является более обременительным, существует риск того, что, столкнувшись с повышенными правовыми барьерами, антимонопольные органы могут принять недостаточные средства правовой защиты. Это, в свою очередь, может привести к смещению траектории развития антимонопольного законодательства, послужить неверным сигналом для рынка и подорвать позиции органов, тем самым снижая общую эффективность правоприменения в сфере конкуренции.

Вместе с тем важно отметить, что в российском антимонопольном законодательстве процедура добровольного принятия обязательств уже введена при согласовании сделок [3]. Возможность представления заявителем в антимонопольный орган мотивированных предложений по добровольному принятию обязательств рассматривается как условие для согласования действия или сделки, заявленных в ходатайстве.

В соответствии с практикой зарубежных антимонопольных органов видится необходимым ввести институт добровольного принятия обязательств и в процедуру рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства, в том числе по признакам злоупотребления доминирующим положением на цифровых рынках. Предлагается следующий механизм реализации данного института в российской практике.

Ответчик по делу о нарушении антимонопольного законодательства (по признакам нарушения части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции) вправе до оглашения комиссией ФАС России резолютивной части решения предоставить заявление о готовности принятия добровольных обязательств (могут представлять собой структурные и/или поведенческие).

Антимонопольный орган осуществляет регистрацию заявления и выдает заявителю расписку, подтверждающую факт подачи, принятия и регистрации указанного заявления, с указанием даты, времени, фамилии, имени, отчества (при наличии) и должности должностного лица антимонопольного органа, осуществившего регистрацию указанного заявления.

ФАС России обязана рассмотреть указанное заявление, для чего откладывает либо приостанавливает рассмотрение дела. Срок рассмотрения – 30 дней (возможно продление на 20 дней).

Комиссия ФАС России по своему усмотрению решает, целесообразно ли принимать обязательства, предложенные ответчиком, в отношении которого проводится расследование. Решение Комиссии о принятии обязательств должно основываться на ряде факторов и зависеть, в частности, от характера предполагаемого нарушения, характера обязательств и их способности быстро и эф-

эффективно решить проблемы конкуренции, а также от необходимости обеспечить сдерживание. При оценке предлагаемых обязательств Комиссия должна проверить в свете принципа пропорциональности, будут ли эти обязательства достаточными для решения выявленных проблем конкуренции. Она также будет принимать во внимание интересы третьих сторон. Обязательства должны включать меры, направленные на устранение нарушения и предотвращение его совершения в будущем.

Комиссия не принимает обязательства, которые не решают проблемы ограничения конкуренции. Обязательства должны быть недвусмысленными и самоисполнимыми.

Кроме того, ФАС России вправе запросить позицию заявителя (при наличии). Также может уточнять мнение участников рынка, потребителей, иных государственных органов. При отсутствии единогласия, а также по иным основаниям вопрос может быть вынесен на Президиум ФАС России.

Комиссия или ответчик, подавший заявление о готовности принятия дополнительных обязательств, могут в любой момент в ходе процедуры принятия обязательств принять решение о прекращении обсуждения в данной части. В этом случае Комиссия может продолжить рассмотрение дела.

В случае принятия Комиссией решения о соответствии предложенных ответчиком добровольных обязательств целям и задачам антимонопольного законодательства в данной части Комиссия обязана прекратить рассмотрение дела о нарушении антимонопольного законодательства без формирования выводов о наличии нарушения со стороны ответчика (без последующего привлечения к административной ответственности в виде наложения штрафа в связи с отсутствием состава правонарушения).

По результатам соглашения размещается на официальном сайте антимонопольного органа.

Мониторинг исполнения – ответчик берет на себя обязательство регулярно предоставлять отчет в антимонопольный орган.

Обжалование – только со стороны третьих лиц в порядке, применяемом для обжалования решений и предписаний.

Санкции за нарушение соглашения – административная ответственность, аналогичная ответственности за неисполнение предписаний.

Параллельно комиссия ФАС России может принять решение о возобновлении расследования, которое было закрыто в соответствии с решением об обязательствах, с целью принятия решения о возобновлении рассмотрения дела в связи с неисполнением принятых обязательств.

Кроме того, необходимо наделить антимонопольный орган правом на возобновление рассмотрения дела по запросу или по собственной инициативе, если произошло существенное изменение в любом из фактов, на которых было основано решение, если соответствующий хозяйствующий субъект действует вопреки своим обязательствам или если решение было основано на неполной,

неверной или вводящей в заблуждение информации, предоставленной лицами, участвующими в деле.

Текст обязательства может также содержать более конкретные положения о пересмотре.

Вывод

Таким образом, по результатам анализа зарубежной практики можно сделать вывод о том, что введение данного механизма позволит антимонопольному органу быстро и эффективно реагировать на ограничение конкуренции на рынках, предотвращая последствия таких действий в максимально сжатые сроки, что представляет особую актуальность для быстроразвивающихся цифровых рынков.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. (часть I). – Ст. 3434.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» от 10.07.2023 № 301-ФЗ // Российская газета. – 2023 г. – № 9096. – Ст. 10
3. Разъяснение ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.06.2021 № 3) // СПС «КонсультантПлюс».
4. CASE AT.39740 Google Search (Shopping) paragraphs 166–177 // URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/39740/39740_14996_3.pdf (дата обращения: 16.08.2023).
5. Commitment decisions in the japanese context // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)54/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)54/en/pdf) (дата обращения: 16.08.2023).
6. Commitment decisions in antitrust cases (Note by France) // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)33/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)33/en/pdf) (дата обращения: 16.08.2023).
7. Commitment decisions in antitrust cases (Note by the United Kingdom) // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)27/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)27/en/pdf) (дата обращения: 16.08.2023).
8. EU commitment decisions: what makes them so attractive? // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)53/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)53/en/pdf) (дата обращения: 16.08.2023).

9. Remedies and commitments in abuse cases // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2022\)5/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2022)5/en/pdf) (дата обращения: 16.08.2023).

VOLUNTARY COMMITMENTS IN CASES OF ABUSE OF A DOMINANT POSITION IN DIGITAL MARKETS

Bryzhova E.M.

Cartel Division of the FAS Russia

The purpose of this study is to develop a comprehensive scientific concept and legal approaches of the institute of voluntary obligations when considering cases of abuse of a dominant position by economic entities operating in digital markets from the point of view of competition law in Russia and a number of foreign legal systems. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition, namely: analysis, synthesis, hypothesis, analogy, as well as private scientific methods: formal legal, historical legal, legal modeling method. Also, with the help of the comparative legal method, approaches to the introduction of the institute of voluntary obligations were studied. Based on the results of the study, the concept of its introduction into the law enforcement practice of the FAS of Russia is proposed.

The proposed conclusions are aimed at solving controversial issues and giving legal certainty to law enforcement practice.

Keywords: voluntary obligations, abuse of dominant position, digital markets, prescription, decision on violation of antimonopoly legislation.

References

1. Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ “On Protection of Competition” (as amended on December 29, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. (Part I). – Art. 3434.
2. Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On Protection of Competition” dated July 10, 2023 No. 301-FZ,” Rossiyskaya Gazeta. – 2023 – No. 9096. – Art. 10
3. Clarification of the FAS Russia dated June 11, 2021 No. 19 “On the specifics of the implementation of state antimonopoly control over economic concentration” (approved by the protocol of the Presidium of the FAS Russia dated June 11, 2021 No. 3) // ConsultantPlus SPS.
4. CASE AT.39740 Google Search (Shopping) paragraphs 166–177 // URL: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/39740/39740_14996_3.pdf (date of access: 16.08.2023).
5. Commitment decisions in the japanese context // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)54/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)54/en/pdf) (date of access: 16.08.2023).
6. Commitment decisions in antitrust cases (Note by France) // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)33/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)33/en/pdf) (date of access: 16.08.2023).
7. Commitment decisions in antitrust cases (Note by the United Kingdom) // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)27/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)27/en/pdf) (date of access: 16.08.2023).
8. EU commitment decisions: what makes them so attractive? // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2016\)53/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2016)53/en/pdf) (date of access: 16.08.2023).
9. Remedies and commitments in abuse cases // Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2022\)5/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2022)5/en/pdf) (date of access: 16.08.2023).

Частное определение в отношении судей: правовые основания, теория и практика

Загайнова Гоар Грантовна,

к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: zagainovagoar@yandex.ru

В соответствии с действующим законодательством судьи могут реагировать на явные противозаконные действия сторон процесса вынесением частного определения в отношении виновных лиц и организаций. Исследуемый институт предусмотрен для всех видов судопроизводства, кроме конституционного. В том виде, в котором институт частных определений задумывался законодателем, он применяется не так активно. На практике большинство частных определений выносятся судами в отношении судей нижестоящих судов несмотря на то, что прямо закон не предусматривает такую возможность. Целью исследования является обоснование позиции о нецелесообразности такой практики. Задачами исследования являются анализ статистики вынесения частных определений в судебной практике. Для достижения задачи использован общенаучный метод – анализ литературы по проблеме исследования, обобщение, систематизация научных данных, а также данных статистики и судебной практики. Предлагается отказаться от практики вынесения частных определений в отношении судей нижестоящих судов как противоречащей принципам независимости и самостоятельности судей в Российской Федерации. При этом предусмотреть на законодательном уровне право только Верховного Суда выносить частное определение в отношении судей нижестоящих судов.

Ключевые слова: конституционный статус судьи, частное определение, правовое регулирование, независимость судьи, квалификация судьи, дисциплинарная ответственность судей.

Независимость судьи – это фундамент не только эффективного функционирования самой судебной власти, но всей государственной системы в целом.

От кого должен быть независим судья? По мнению Жуйкова В.М., заместителя Председателя Верховного Суда РФ в отставке, судья должен быть независим: от общества в целом; от отдельных сторон, участвующих в деле, которое находится на его рассмотрении; от влияния со стороны исполнительной и законодательной ветвей власти; от других судей [1 С. 122].

Способы обеспечения независимости судебной власти многообразны. Но в нашем исследовании хотелось бы уделить особое внимание последнему из пунктов, выделенных Жуйковым В.М. – независимости судьи от других судей. В этом вопросе есть много различных аспектов, но считаем необходимым остановиться на возможности судей вышестоящих судов «влиять» на судей нижестоящих посредством вынесения в отношении них частных определений.

Частные определения выносятся не только в отношении организаций и должностных лиц, допустивших нарушение закона, но и в отношении судей нижестоящих судов.

Вынесение частных определений возможно в рамках гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства. Однако только уголовно-процессуальным кодексом предусмотрена возможность выносить частные определения в отношении нижестоящих судов (часть 4 статьи 29 УПК РФ).

При этом правовых оснований для вынесения частных определений в отношении судей нижестоящих судов в рамках гражданского, административного и арбитражного судопроизводства, нет [2 С. 52].

В соответствии с пунктом 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.06.2021 № 16, суд апелляционной инстанции также вправе вынести частное определение, если установит, что судом первой инстанции не проводилась подготовка дела к судебному разбирательству или такая подготовка была проведена не в полном объеме либо были допущены другие нарушения, которые привели к неправильному рассмотрению дела или к нарушению сроков его рассмотрения (статья 226 ГПК РФ). Верховный Суд РФ указанным Постановлением подменяет собой законодателя, так как, напомним, что в ст. 226 ГПК РФ не предусмотрена возможность выносить частные определения одним судьёй (коллекцией судей) в отношении другого судьи. Это противоречит принципу единства ста-

туса судей в РФ и принципу независимости судей. Именно поэтому, на наш взгляд, частные определения должны выноситься в отношении органов публичной власти, юридических лиц и должностных лиц.

Однако есть некоторые сложности в анализе статистики принятия частных определений. Так, например, в «Табеле форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» отдельный раздел, содержащий информацию о частных определениях есть только в форме 6 – отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке (раздел 3) и в форме 8 – отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке (раздел 7). [6] Эти разделы содержат графы с указанием причин принятия частных определений. Среди причин выделена отдельная графа – нарушения закона, допущенные при рассмотрении дела судами.

В инструкции по ведению судебной статистики даются разъяснения, какие частные определения необходимо учитывать в указанной выше графе – не правильное оформление процессуальных документов судьей, не правильное составление протокола судебного заседания [7]. Таким образом, именно эта графа (графа 4 раздела 7 формы 8 или графа 4 раздела 3 формы 6) включает в себя информацию о количестве частных определений, вынесенных в отношении судей нижестоящих судов. В формах отчетности по гражданским и административным делам отдельный раздел, посвященный частным определениям отсутствует, а есть лишь графа об общем количестве частных определений без указания причин и адресатов их вынесения. Что, безусловно, затрудняет изучение практики реализации данного института. Таким образом, очевидно, что форма статистической отчетности зависит от правового регулирования. Уголовный процессуальный кодекс предусматривает возможность вынесения частных определений в отношении судей и соответственно таблицы учета статистических данных содержит соответствующую графу.

Анализируя статистические данные Судебного департамента за 2022 г., мы видим, что по уголовным делам апелляционной инстанцией вынесено 1196 частных определений (на всей территории РФ), из них 389 в графе 4 – частные определения о нарушении закона при рассмотрении дела судом. Таким образом 32% частных определений выносятся в отношении судей нижестоящих судов [4].

На наш взгляд, это много. Так как те нарушения, которые считаются основанием для принятия частного определения, согласно, хотя бы инструкции по ведению судебной статистики, являются нарушением процессуального законодательства

и могут быть основанием для отмены судебного акта, а не для вынесения частного определения в отношении судьи. Ведь в дальнейшем наличие частного определения может быть дополнительным аргументом не в пользу судьи при решении вопроса о привлечении его к дисциплинарной ответственности.

По данным Управления Судебного департамента в Краснодарском крае за 2019 год районными (городскими) судами Краснодарского края вынесено 70 частных определений по гражданским и административным делам [5]. Однако данные о том, какое количество из них вынесено в отношении судей, в общем доступе отсутствуют. Вместе с тем, это имеет принципиальное значение.

Частное определение может стать основанием для применения в отношении судьи каких-либо мер воздействия вплоть до досрочного прекращения полномочий [3]. Это дает основание полагать, что такое положение можно рассматривать как способ избавления от «неудобных» судей.

Надо признать, что в последнее время Верховный Суд Российской Федерации обратил свое внимание на злоупотребление таким инструментом влияния на судей как частное определение.

На сегодняшний день уже сформировалась практика обжалования частных определений, вынесенных как в отношении юридических лиц и органов публичной власти, так и в отношении судей. Так, например кассационным определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2023 № 75-КАД22–8-К3 было отменено частное определение Петрозаводского городского суда Республики Карелия, принятое в отношении должностных лиц Федеральной службы судебных приставов РФ.

Значимым, на наш взгляд, является Кассационное определение Верховного Суда РФ от 01.03.2023 № 18-КАД22–78-К4, которым отменено частное определение в отношении судьи Первомайского районного суда города Краснодара. Верховный Суд указал, что сам по себе факт отмены вышестоящим судом принятого судом первой инстанции решения, содержащего правовую позицию по заявленному административному иску, не предусмотрен законом в качестве основания для вынесения частного определения. При этом текст оспариваемого частного определения по содержанию повторяет апелляционное определение, которым принятое судьей первой инстанции решение признано незаконным. Таким образом, Верховный Суд признал парадоксальность ситуации, при которой судью фактически «наказывают» за то, что его судебный акт отменен вышестоящей инстанцией.

В силу пункта 2 статьи 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда

не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Таким образом, практика вынесения частного определения (постановления) судьями вышестоящих судов в отношении судей нижестоящих судов не отражает первоначальным замысел данного института – профилактика нарушений законодательства со стороны органов власти, организаций и должностных лиц. Такая практика не оказывает эффективного влияния на квалификацию судей. При этом использование частных определений в качестве рычага влияния на судью весьма вероятно. Реагировать на нарушение норм действующего законодательства судьями также необходимо, при этом важно установить конкретные, объективно оцениваемые критерии для вынесения частного определения в отношении судьи.

И если все-таки рассматривать институт частных определений в отношении судей как необходимый, то требуется его регулирование на законодательном уровне. Полагаем возможным предоставить право вынесения частных определений в отношении судей только Верховному Суду РФ, это поможет обеспечить беспристрастность и исключить злоупотребления со стороны судей вышестоящих судов на территории одного субъекта. Однако на сегодняшний день в общем доступе нет данных о количестве вынесенных Верховным Судом частных определений в отношении судей. Об этом можно судить только опираясь на частную практику. Так, например, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2019 по делу № 18-КГ19–97, 2–1791/2017 отменены судебные акты нижестоящих судов и ввиду беспрецедентного нарушения норм материального и процессуального права принято частное определение в отношении четырех судей Краснодарского краевого суда и одного судьи Прикубанского районного суда г. Краснодара, однако этой информации в карточке дела в системе ГАС «Правосудие» нет. Полагаем, что эта информация должна носить открытый характер, чтобы можно было анализировать деятельность Верховного Суда в этом направлении.

Самостоятельность и независимость судебной власти и судей являются основополагающими принципами для организации деятельности всей системы государственной власти. Только сильная и самостоятельная судебная власть может обеспечить реализацию одной из основных функций государства – обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Жуйков В.М. О некоторых проблемах принципа независимости судей // Закон. 2019. N10. С. 122–136.
2. Загайнова Г.Г. Практика вынесения судами частных определений (постановлений) в от-

ношении судей // Самостоятельность судебной власти: материалы Всероссийской научно-практической конференции (памяти Веры Ивановны Анишиной, д-ра юрид. наук, профессора) / сост. И.А. Алешкова, Ю.К. Макеева, Н.А. Марокко, О.Х. Молокаева. – Москва: РГУП, 2017. – 264 с. – ISBN 978–5–93916–627–0. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1195525> (дата обращения: 29.07.2023)

3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.05.2015 № АПЛ15–5Д; Решение Верховного Суда РФ от 05.11.2014 по делу № АКПИ14–1324; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.04.2015 № АПЛ15–2Д // СПС КонсультантПлюс
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения 28.07.2023)
5. Официальный сайт Управления Судебного департамента в Краснодарском крае [Электронный ресурс] // URL: <http://usd.krd.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=320> (дата обращения 15.06.2023)
6. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 № 65 в ред. от 18.05.2022 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости» // СПС Консультант Плюс
7. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.06.2021 № 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики» // СПС Консультант Плюс

PREJUDICARION TOWARDS THE JUDGES: LEGAL BASIS, THEORY AND PRACTICE

Zagaynova G.G.

Northern Caucasian branch of the “Russian state University of justice”

Prejudication practice nowadays differs from legal regulation. In accordance with the present legislation judges can react to obvious illegal actions of the parties of the proceeding by the prejudication in relation to liable persons and organizations. However, in practice most prejudications are issued by the courts towards judges of lower courts, although the law doesn't provide directly such possibility. The goal of the research is the grounding of the position about the unviability of such practice. The task of the research is the analysis of statistics of prejudications and judicial practice. To solve the task there was a general scientific method used – the analysis of literature on the research problem, generalization, systemizing the scientific data, as well as statistics and judicial practice data. The author suggests to refuse the given practice as the contradictory one to the principles of independence and self-dependence of judges in the Russian Federation, or to entrench the right, where only the Supreme Court is allowed to make prejudications towards the lower court judge on the legislative level.

Keywords: Constitutional status of the judge, prejudication, legal regulation, independence of the judge, competency of the judge, disciplinary liability of the judges.

References

1. Zhuikov V.M. Some problems of the principle of independence of judges // Law. 2019. N10. pp. 122–136.
2. Zagainova G.G. The practice of making private rulings (rulings) by courts in relation to judges//Independence of the judiciary: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (in memory of Vera Ivanovna Anishina, Dr. Yurid. sciences, professors) / comp. I.A. Aleshkova, Yu.K. Makeeva, N.A. Morocco, O.H. Molokaeva. – Moscow: RSUP, 2017. – 264 p. – ISBN978–5–93916–627–0. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1195525> (accessed: 07/29/2023)
3. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. APL15–5D dated 26.05.2015; Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.11.2014 in case No. AKPI14–1324; Appellate Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. APL15–2D dated 14.04.2015//SPS ConsultantPlus
4. The official website of the Judicial Department of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <http://usd.krd.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=320> (accessed 28.07.2023)
5. The official website of the Judicial Department in the Krasnodar Territory [Electronic resource] // URL: <http://usd.krd.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=320> (accessed 15.06.2023)
6. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.04.2017 N65 as amended. from 18.05.2022//SPS ConsultantPlus
7. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation No. 124 dated 06/25/2021 “On approval of the Instructions for maintaining judicial statistics” //SPS ConsultantPlus

Правовое регулирование рекомендаций по формированию налоговой политики РФ в условиях санкций (в части таможенно-налогового регулирования внешнеэкономической деятельности)

Коровяковский Денис Геннадьевич,

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор Департамента налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sirah13@mail.ru

Автор всесторонне рассматривает вопрос о том, какие рекомендации по формированию налоговой политики в Российской Федерации следует внедрить при оптимизации налогов в условиях санкций. Упор делается на таможенно-налоговое регулирование при внешнеэкономической деятельности. Внешнеэкономическая деятельность приносит государству большой объем доходов, как при импорте, так и при экспорте товаров. Однако на сегодняшний день внешнеэкономическая деятельность в Российской Федерации довольно нестабильна ввиду ведения в отношении нашего государства пакетов санкций со стороны США, стран Европейского Союза и иных недружественных государств. Автор подробно рассматривает вопросы того, как защититься от этого явления. Для этого государство может рассмотреть введение налоговых льгот на экспорт и налоговых преференций на производство товаров внутри страны. Таким образом, в условиях введения внешних санкций, эффективность бюджетно-налоговой политики России будет определяться комплексом факторов, о которых идет речь в данной статье. Также автор делает упор на необходимость находить баланс между уровнем налоговых доходов, эффективностью бюджетных расходов и реакцией бизнеса на налоговую политику. В итоге автор приходит к выводу о том, что формирование налоговой политики РФ в условиях экономических санкций требует комплексного подхода, учитывающего целый ряд факторов: снижение ставок НДС и акциза на импортируемые товары; осуществление перераспределительного эффекта путем введения льготных режимов таможенного оформления для отдельных категорий товаров; внедрение новых механизмов налогового контроля, которые помогут уменьшить утечку налоговых доходов при импорте товаров; проведение мониторинга изменений в мировой экономике и реакция на них с помощью гибкой налоговой политики. Данные факторы автор обосновывает в своей статье.

Ключевые слова. Таможенно-тарифное регулирование, налоговая политика, бюджетная политика, экономические санкции, импорт.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

В ситуации экономических санкций налоговая политика государства, в отношении которого введены санкции со стороны других государств, может быть использована для достижения различных целей, таких как:

- сокращение зависимости от импорта: государство может наложить высокие таможенные пошлины на импортируемые товары и услуги, чтобы сократить поток внешней торговли и уменьшить зависимость от импорта, и кроме этого, такая мера может помочь снизить валютный дефицит;
- поддержка внутренней экономики: государство может увеличить налоги на экспортные товары, чтобы простимулировать компании производить товары внутри страны и создавать новые рабочие места.
- поддержка национальных интересов: государство может наложить налоги на определенные товары и услуги, которые оно считает нежелательными или опасными, чтобы защитить своих граждан. Например, оно может налагать налоги на импорт определенных продуктов питания или товаров, которые не соответствуют его стандартам качества или безопасности.
- сбор дополнительных доходов: государство может увеличить налоги, чтобы собрать дополнительные доходы для снижения дефицита бюджета и поддержки важных государственных программ и проектов.

Представляется, что в условиях экономических санкций, формирование налоговой политики в области таможенного дела в РФ должно основываться на следующих рекомендациях:

1. оптимизация ценовых эффектов налогов: в области таможенного дела ценовые эффекты налогов могут быть связаны с таможенными пошлинами и налогами на импорт и экспорт.

В данном случае для снижения ценовых эффектов налогов Российская Федерация может рассмотреть в качестве инструмента снижение ставок таможенных пошлин на товары и услуги, которые находятся под санкциями, чтобы компенсировать потери от введенных ограничений и улучшить конкурентоспособность экспорта;

2. перераспределительные эффекты налогов: они могут быть связаны с изменением структуры импорта и экспорта.

Для уменьшения неравенства в распределении бюджета, государство может рассмотреть введение налоговых льгот на импорт и экспорт товаров,

которые производятся на территории РФ, чтобы поддержать отечественных производителей и компенсировать потери от санкций;

3. стимулирующие эффекты налогов: они могут быть связаны с созданием стимулов для компаний на увеличение экспорта и замещение импорта на отечественную продукцию.

Для этого государство может рассмотреть введение налоговых льгот на экспорт и налоговых преференций на производство товаров внутри страны.

В целом, для оптимизации ценовых, перераспределительных и стимулирующих эффектов налогов в области таможенного дела в условиях экономических санкций, Российская Федерация должна учитывать как экономические, так и социальные последствия налоговой политики в области ВЭД и стремиться к нахождению баланса между этими двумя аспектами.

В условиях введения внешних санкций, эффективность бюджетно-налоговой политики России будет определяться несколькими факторами:

1. уровень налоговых доходов: в условиях введения внешних санкций, уровень налоговых доходов может снизиться из-за сокращения объемов экспорта и уменьшения производства внутри страны, поэтому эффективность бюджетно-налоговой политики будет зависеть от того, насколько успешно правительство сможет компенсировать эти потери, например, путем повышения налоговых ставок на другие ви-

ды доходов или ужесточения налогового контроля;

2. степень эффективности бюджетных расходов: в условиях проведения введения санкций, правительство может столкнуться с повышенными затратами на оборону и безопасность, что может сказаться на бюджетных расходах. Ввиду этого, эффективность бюджетно-налоговой политики будет зависеть от того, насколько эффективно правительство будет использовать государственные ресурсы и управлять бюджетными расходами.

3. реакция бизнеса на налоговую политику. В условиях введения санкций, бизнес может столкнуться с дополнительными налоговыми бременами и регуляторными ограничениями. Эффективность бюджетно-налоговой политики будет зависеть от того, насколько правительство сможет сбалансировать свои налоговые цели с интересами бизнеса, учитывая экономическую и социальную стабильность.

Обращаясь к официальной статистике [1] Росстата, в 2021 г. внешнеторговый оборот России составил, по данным Банка России, 798,0 млрд долларов США (139,3% к 2020 г.), в том числе экспорт – 494,0 млрд долларов (148,2%), импорт – 303,9 млрд долларов (126,8%). Сальдо торгового баланса оставалось положительным, 190,1 млрд долларов США (в 2020 г. – положительное, 93,7 млрд долларов) (рис. 1).

Рис. 1

Для сравнения также рассмотрим статистику [2] 2022 года. В январе 2022 г. внешнеторговый оборот России составил, по данным Банка России, 70,7 млрд долларов США (159,3% к январю 2021 г.), в том числе экспорт – 45,9 млрд долларов (172,0%), импорт – 24,8 млрд долларов (140,1%). Сальдо торгового баланса оставалось положительным, 21,2 млрд долларов США (в январе 2021 г. – положительное, 9,0 млрд долларов) (рис. 2).

Из представленных данных следует, что в январе 2022 года внешнеторговый оборот России значительно вырос по сравнению с январем 2021 года – экспорт увеличился на 72%, а импорт на 40%. При этом торговый баланс оставался положитель-

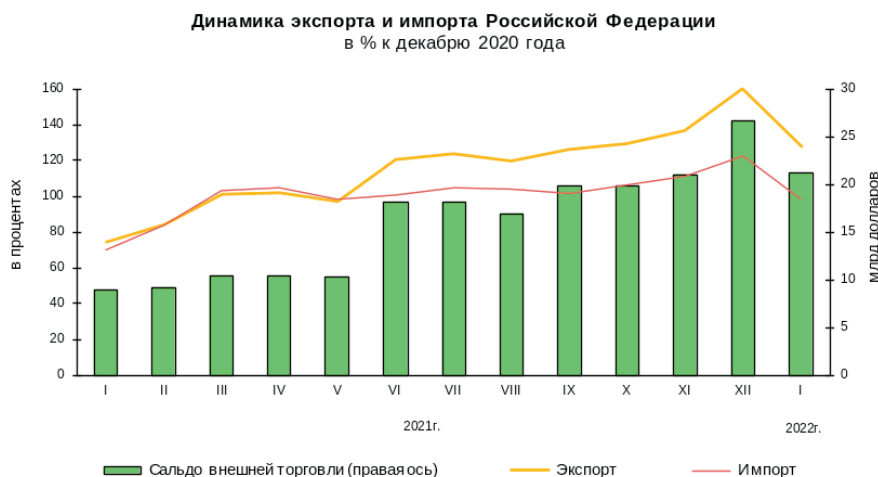
ным и вырос на 135% в годовом исчислении. Эти данные свидетельствуют о восстановлении экономики России после пандемии COVID-19, а также о повышении интереса и спроса на российские товары и услуги на мировых рынках.

Таможенные органы играют большую роль в пополнении бюджета государства. Д.И. Сафина указывает, что «одной из ключевых задач таможенных органов РФ является формирование доходной части федерального бюджета посредством взимания таможенных платежей» [3].

Стоит отметить, что значимую роль в бюджете играют доходы государства, получаемые в рамках внешнеэкономической деятельности – упла-

та таможенных налогов и пошлин. В 1 полугодии 2022 года было зафиксировано падение доходов России, которые не относятся к реализации нефти

и газа, а взимаются при импорте товаров – доходы от НДС на 1/5 часть, доходы от акциза на более, чем на 1/3 часть.

Рис. 2

Уменьшение объемов импорта и сокращение доходов от налогов, связанных с импортом, негативно сказывается на государственном бюджете Российской Федерации, так как эти доходы являются значительной частью общих доходов бюджета. Кроме того, сокращение импорта также может оказывать давление на внутренний рынок, так как сокращение предложения товаров может повлечь за собой повышение цен на них внутри страны.

Это является проблемным вопросом для государства и российского общества в целом. В данном случае, можно предположить, что эта проблема может быть решена путем принятия следующих мер:

1. разработка и внедрение новых мер по стимулированию внутреннего производства товаров, заменяющих импортные товары, что позволит увеличить объемы внутреннего производства и снизить зависимость от импорта и приведет к увеличению доходов от НДС и акциза на «внутренние» товары;
2. развитие экспортного потенциала России, что позволит компенсировать снижение доходов от импортных товаров, которое может быть достигнуто через увеличение объемов производства и расширение рынков сбыта (в частности, превалирование в качестве направления сбыта стран Азии и ЕАЭС);
3. диверсификация экономики и увеличение доли нефтегазовых доходов в бюджете: для этого необходимо развивать отрасли экономики, не связанные с нефтью и газом;
4. привлечение иностранных инвестиций для развития внутреннего производства и экспортного потенциала за счет новых партнеров;
5. оптимизация налоговой политики в целях стимулирования внутреннего производства и экспорта товаров. Это может быть реализовано путем снижения налоговых ставок на определенные виды товаров, увеличение налоговых вычетов для компаний, занимающихся производством товаров для экспорта

Таможенные пошлины и налог на добавленную стоимость, а также акцизы являются одним из инструментов таможенной политики государства. Они предназначены для регулирования импорта и экспорта товаров, а также для защиты отечественного производства от дешевого импорта. Рассмотрим ценовой, перераспределительный и стимулирующий эффекты налога.

Ценовой эффект «таможенных налогов»¹ и сборов заключается в том, что они могут повышать стоимость импортируемых товаров, что в свою очередь может увеличивать цены на рынке внутри страны. Если на товары наложены высокие таможенные платежи и налоги, то это может увеличить затраты на их производство и транспортировку, а следовательно, увеличить их розничную цену.

Однако, эффект «таможенных налогов» на цены на рынке может быть различным в зависимости от конкретного товара и его спроса на рынке. В случае, если на рынке предостаточное количество аналогичных товаров, то повышение цены на импортный товар может привести к сокращению спроса на него, что в свою очередь может снизить его цену на рынке. Однако, если на рынке нет аналогов, то цена на импортный товар может оставаться высокой, даже при наличии «таможенных налогов».

Также стоит учитывать, что «таможенные налоги» могут повлиять не только на цены на рынке, но и на объем импорта и экспорта товаров. Если на товар наложен высокий «таможенный налог», то это может снизить спрос на него, а также стимулировать развитие отечественного производства аналогичных товаров. С другой стороны, если на товар наложены низкие «таможенные налоги», то это может привести к увеличению импорта, что может повлиять на отечественное производство и занятость.

¹ «Таможенные налоги» – емкое определение, включающее в себя таможенные пошлины, НДС, акцизы и таможенные сборы.

Ценовой эффект НДС и акциза связан с тем, что при импорте товаров на территорию России, на цену товара начисляется НДС и акциз (при необходимости). Это приводит к увеличению цены на импортированные товары. Если национальная валюта (рубль) сильнее, чем валюта страны, из которой производится импорт, то эффект увеличения цены на импортированные товары будет еще более заметен.

С другой стороны, если национальная валюта (рубль) слабее, чем валюта страны, из которой производится импорт, то ценовой эффект НДС и акциза будет менее заметен, так как рубли будут дешевле по сравнению с валютой страны-экспортера.

Эффект НДС и акциза влияет на стоимость товаров на таможне и может повлиять на объем импорта. В условиях введенных против России санкций, государство может принимать меры для снижения цен на импортируемые товары, например, путем снижения ставок НДС и акциза или увеличения таможенных преференций для стран-партнеров, которые не участвуют в санкциях (в частности, страны ЕАЭС).

Перераспределительный эффект таможенных налогов относится к изменению распределения экономических ресурсов внутри страны и между странами, вызванных введением или изменением «таможенных налогов».

При введении «таможенных налогов» на импорт товаров стоимость импорта повышается, что может увеличить цену на такие товары для конечных потребителей в стране. Это может привести к снижению спроса на импортные товары, а в результате – к снижению объемов импорта. Таким образом, «таможенные налоги» могут оказать перераспределительный эффект, позволяющий стимулировать производство внутри страны и защищать отечественных производителей от конкуренции иностранных компаний. Таким образом, перераспределительный эффект «таможенных налогов» может иметь как положительные, так и отрицательные аспекты, и зависит от конкретной ситуации в экономике и обществе.

Перераспределительный эффект НДС и акциза в таможенном деле связан с тем, что эти налоги перераспределяют доходы между различными участниками рынка. Например, при ввозе товаров с высокими ставками акциза, государство получает больший доход от налогов, а производители этих товаров могут снижать цены, чтобы конкурировать на рынке с другими производителями.

С другой стороны, НДС при ввозе товаров также имеет перераспределительный эффект. Покупатели, покупающие товары из-за рубежа, обычно должны заплатить НДС в момент ввоза товаров в страну. При этом, если у них есть право на вычет НДС, они могут потом получить обратно оплаченный НДС при подаче налоговой декларации.

Таким образом, перераспределительный эффект НДС и акциза в таможенном деле может при-

водить к снижению конкурентоспособности отдельных товаров, а также к сокращению объемов их продаж на внутреннем рынке. Однако, при этом, государство получает дополнительные доходы от налогов, которые можно использовать для социальных и экономических программ.

В своем исследовании А.С. Беляев указывает, что «снижение тарифов на отдельные промежуточные товары для отдельных фирм является почти универсальной особенностью таможенной политики большинства стран. Это приводит к созданию двухуровневой тарифной системы: компании, имеющие преференции могут поставлять товары по более низким тарифам, с которыми сталкиваются другие субъекты ВЭД. Такое выборочное снижение тарифов для определенной группы потребителей позволяет правительству обеспечить перераспределение товарных потоков с меньшими искажениями, чем это было бы возможно при едином тарифе» [4].

Стимулирующий эффект «таможенных налогов» заключается в том, что они могут стимулировать производство и экспорт отечественных товаров и услуг, а также ограничивать импорт иностранных товаров и услуг. При повышении таможенных пошлин на импортируемые товары и услуги, их стоимость для потребителей увеличивается, что может привести к снижению спроса на эти товары и услуги, и увеличению спроса на аналогичные отечественные товары и услуги.

Таким образом, стимулирующий эффект «таможенных налогов» может быть использован государством для поддержки отечественного производства и увеличения экспорта товаров и услуг. Однако это также может привести к возникновению торговых войн и ограничению свободного международного торгового обмена.

В 2022 году Министерство финансов Российской Федерации опубликовало «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [5]. Безусловно, они были подготовлены с учетом экономической ситуации в стране.

Если говорить о таможенно-тарифном регулировании, то государство намерено поддерживать отечественных производителей и стимулировать инвестирование в проекты Российской Федерации.

В частности, министерство указывает, что политика в области таможенного дела будет либеральной – странам ЕАЭС будут предоставлены преференции в виде создания зон свободной торговли с Российской Федерацией. Экспорт будет направлен в сторону стран Азии.

Т.О. Алексеева отмечает, что «особую остроту проблема поддержания баланса доходов и расходов бюджетной системы приобретает в странах, где налоговые поступления находятся в сильной зависимости от экспорта сырьевых ресурсов и конъюнктуры на мировых рынках. Экономика России по-прежнему зависит от экспорта углеводородов. Сырье в нашей стране облагается вы-

возными таможенными пошлинами. За счет этих пошлин в РФ формируется больше половины федерального бюджета, тогда как в США и европейских странах федеральный бюджет формируется за счет налогов» [6].

В целях поддержки участников внешнеэкономической деятельности в сфере таможенного регулирования Решением Коллегии ЕЭК от 21.09.2021 г. «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении графитированных электродов, происхо-

дящих из Китайской народной республики и ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС» [7] предусматривается применение антидемпинговых мер для упрощения ввоза графитированных электродов, происходящих из КНР, на таможенную территорию ЕАЭС. Антидемпинговая пошлина применяется с 1 апреля 2022 года.

Кроме этого, Правительство приняло ряд новаций в сфере таможенного регулирования, направленных на стабилизацию экономики в области ВЭД (рис. 3).

Рис. 3

Необходимо отметить, что таможенные платежи в рамках налогового регулирования экономики государства обладают своими собственными инструментами. К ним прежде всего относятся: таможенный контроль, правила определения страны происхождения товара, таможенная процедура, состав плательщиков, объект налогообложения, возникновение и прекращение обязанности по уплате налога, маркирование акцизной и иной приравненной к ней продукции, санкции, льготы, ставки, таможенные преференции, коды ТН ВЭД, декларирование товаров, налоговые декларации, отсрочки и рассрочки платежа, база для исчисления, порядок исчисления, порядок и срок уплаты [8].

Эти инструменты могут способствовать оптимизации эффектов налогов во время введения санкций. Так, таможенные преференции – это особые условия, предоставляемые государством в отношении таможенной пошлины или налога на добавленную стоимость (НДС) при импорте товаров из определенных стран или регионов.

В период санкций, когда установлены ограничения на импорт определенных товаров из определенных стран, государство может предоставлять таможенные преференции для товаров, которые не подпадают под санкции. Это может быть сделано, чтобы способствовать импорту этих товаров, увеличить их доступность и снизить их стоимость для потребителей.

В условиях введенных против государства санкций в области таможенного дела необходимо принимать ряд мер, чтобы минимизировать негативные последствия и обеспечить более эффективное функционирование таможенной системы:

1. развитие международного сотрудничества: необходимо активизировать международное сотрудничество с партнерами, которые не вводят санкции против государства, чтобы расширить возможности для экспорта и импорта товаров;
2. диверсификация экономики: необходимо сосредоточить усилия на развитии отраслей экономики, которые не подвержены санкциям, что-

бы увеличить объемы экспорта и импорта товаров в рамках этих отраслей;

3. усиление контроля: в условиях ужесточения таможенного контроля необходимо усилить контроль за перемещением товаров через таможенную границу, чтобы предотвратить незаконный ввоз товаров, обеспечить соблюдение таможенного законодательства и защитить внутренний рынок страны;
4. улучшение таможенного законодательства: необходимо внести изменения в таможенное законодательство, чтобы обеспечить более эффективный контроль и борьбу с незаконным перемещением товаров через таможенную границу;
5. повышение эффективности работы таможенных органов: необходимо проводить регулярную аттестацию и обучение сотрудников таможенных органов, чтобы повысить их профессиональный уровень и эффективность работы.
6. поддержка экспортных компаний: государство должно оказывать поддержку экспортным компаниям, в том числе через финансирование проектов, обеспечивать им доступ к новым рынкам и инвестициям, а также содействовать повышению квалификации персонала;
7. увеличение прозрачности: важно повысить прозрачность таможенных процедур и сделать их более простыми и понятными для бизнеса, что способствует улучшению бизнес-климата и повышению доверия к таможенным органам. Дополнительно к уже перечисленным мерам, государство может также принимать следующие шаги:
  - развитие внутреннего производства: государство может поощрять производство товаров внутри страны, которые ранее импортировались, таким образом, уменьшив зависимость от импорта и увеличивая налоговые поступления от внутреннего производства;
  - расширение экспорта: санкции могут ограничивать импорт, но также могут предоставлять возможности для увеличения экспорта. Государство может поддерживать развитие экспорта, что позволит компенсировать убытки от сокращения импорта и увеличить валютные поступления в бюджет. Так, Г.М. Алимусаев указывает, что логистика – это инструмент для минимизации негативных последствий санкций [9]. Он утверждает, что логистические решения могут помочь компаниям обойти санкционные ограничения и улучшить свою позицию на рынке.
  - сотрудничество с другими странами. Вместо того, чтобы полагаться только на импорт из одной страны, государство может развивать торговые отношения с другими странами, которые не находятся под санкциями, уменьшая тем самым риски для экономики;
  - ужесточение контроля и борьба с контрабандой: в условиях санкций контрабанда может увеличиться. Государство должно принимать

меры по ужесточению контроля за таможенными процедурами и борьбе с контрабандой, таким образом увеличивая налоговые поступления.

- повышение качества таможенных услуг. Важно, чтобы таможенные службы были эффективными и прозрачными. Улучшение качества таможенных услуг поможет сократить время на таможенных процедурах, уменьшить вероятность задержек и снизить издержки для экспортеров и импортеров.

Формирование налоговой политики РФ в условиях экономических санкций требует комплексного подхода, учитывающего целый ряд факторов. Считаем обоснованным привести ряд рекомендаций по оптимизации ценовых, перераспределительных и стимулирующих эффектов налогов в таможенно-налоговом регулировании внешнеэкономической деятельности. К ним относятся:

1. снижение ставок НДС и акциза на импортируемые товары, чтобы снизить ценовой эффект и увеличить стимулирующий эффект. Это также может привести к увеличению объемов «чистого» импорта и уменьшению доли теневого импорта;
2. осуществление перераспределительного эффекта путем введения льготных режимов таможенного оформления для отдельных категорий товаров, например, для товаров, необходимых для осуществления экспорта или для тех, которые имеют стратегическое значение для развития отраслей экономики страны на сегодняшний день;
3. внедрение новых механизмов налогового контроля, которые помогут уменьшить утечку налоговых доходов при импорте товаров, таких как использование технологий и систем анализа данных для более точного определения стоимости импортированных товаров;
4. проведение мониторинга изменений в мировой экономике и реакция на них с помощью гибкой налоговой политики, направленной на поддержку национальной экономики в условиях экономических санкций.

Литература

1. О внешней торговле в 2022 году // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (дата обращения: 15.07.2023).
2. О внешней торговле в 2021 году // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/46_23-03-2022.html (дата обращения: 15.07.2023).
3. Сафина Д.И., Коновалова М.И. Динамика и структура поступлений таможенных платежей в федеральный бюджет Российской Федерации с момента вступления России в ВТО / Экономика России в XXI веке: сб. науч. трудов XI Межд. науч.-практ. конф. Томск: Томский политехн. ун-т, 2014. С. 262–267.
4. Беляев, А.С. Налоговое регулирование внешнеторговых операций в системе международ-

ных таможенных отношений / А.С. Беляев // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2022. – № 1(88). – С. 23–30.

5. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (утв. Минфином России) // <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).
6. Алексеева Т.О. Особенности таможенно-тарифного регулирования в условиях экономических санкций по отношению к России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 13 (295). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tamozhenno-tarifnogo-regulirovaniya-v-usloviyah-ekonomicheskikh-sanktsiy-po-otnosheniyu-k-rossii> (дата обращения: 15.07.2023).
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.09.2021 N129 (ред. от 07.12.2021, с изм. от 29.03.2022) «О применении антидемпинговой меры посредством введения антидемпинговой пошлины в отношении графитированных электродов, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» // <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.07.2023).
8. Гончаренко Любовь Ивановна, Сидорова Елена Юрьевна // Формы и инструменты таможенных платежей в системе инструментов налогового регулирования экономики // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-instrumenty-tamozhennyh-platezhey-v-sisteme-instrumentov-nalogovogo-regulirovaniya-ekonomiki> (дата обращения: 15.07.2023).
9. Алимусаев Г.М. Логистическая поддержка хозяйствования в условиях риска, экономических санкций и неопределенности среды / Г.М. Алимусаев // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2014. N4. С. 13–16.

LEGAL REGULATION OF RECOMMENDATIONS ON THE FORMATION OF THE TAX POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF SANCTIONS (IN TERMS OF CUSTOMS AND TAX REGULATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY)

Korovyakovskiy D.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The author comprehensively considers the question of what recommendations on the formation of tax policy in the Russian Federation should be implemented when optimizing taxes under sanctions. The emphasis is on customs and tax regulation in foreign economic activity. Foreign economic activity brings the state a large amount of income, both in the import and export of goods. However, to date, foreign economic activity in the Russian Federation is quite unstable due to the implementation of sanctions packages against our state

by the United States, European Union countries and other unfriendly states. The author examines in detail the issues of how to protect yourself from this phenomenon. To do this, the state may consider the introduction of tax incentives for exports and tax preferences for the production of goods within the country. Thus, in the context of the introduction of external sanctions, the effectiveness of Russia's fiscal policy will be determined by a set of factors discussed in this article. The author also emphasizes the need to find a balance between the level of tax revenues, the effectiveness of budget expenditures and the reaction of business to tax policy. As a result, the author comes to the conclusion that the formation of the tax policy of the Russian Federation in the conditions of economic sanctions requires a comprehensive approach that takes into account a number of factors: the reduction of VAT and excise rates on imported goods; implementation of the redistributive effect by introducing preferential customs clearance regimes for certain categories of goods; introduction of new tax control mechanisms that will help reduce the leakage of tax revenues when importing goods; monitoring changes in the global economy and responding to them with a flexible tax policy. The author substantiates these factors in his article.

Keywords: Customs and tariff regulation, tax policy, budget policy, economic sanctions, import.

References

1. On foreign trade in 2022 // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (date of access: 07/15/2023).
2. On foreign trade in 2021 // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/46_23-03-2022.html (date of access: 07/15/2023).
3. Safina D.I., Konovalova M.I. Dynamics and structure of receipts of customs payments to the federal budget of the Russian Federation since Russia's accession to the WTO / Economy of Russia in the XXI century: Sat. scientific Proceedings XI Int. scientific-practical. conf. Tomsk: Tomsk Polytechnic. un-t, 2014, pp. 262–267.
4. Belyaev, A.S. Tax regulation of foreign trade operations in the system of international customs relations / A.S. Belyaev // Bulletin of the North Caucasian Federal University. – 2022. – No. 1 (88). – S. 23–30.
5. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025 (approved by the Ministry of Finance of Russia) // <https://minfin.gov.ru/> (date of access: 07/15/2023).
6. Alekseeva T.O. Peculiarities of Customs and Tariff Regulation under the Conditions of Economic Sanctions Against Russia // Financial Analytics: Problems and Solutions. 2016. No. 13 (295). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tamozhenno-tarifnogo-regulirovaniya-v-usloviyah-ekonomicheskikh-sanktsiy-po-otnosheniyu-k-rossii> (Date of access: 07/15/2023).
7. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated September 21, 2021 N129 (as amended on December 7, 2021, as amended on March 29, 2022) “On the application of an anti-dumping measure through the introduction of an anti-dumping duty on graphite electrodes originating from the People's Republic of China and imported to the customs territory of the Eurasian Economic Union” // <http://www.eaeunion.org/> (date of access: 07/15/2023).
8. Goncharenko Lyubov Ivanovna, Sidorova Elena Yurievna // Forms and instruments of customs payments in the system of instruments of tax regulation of the economy // Economics. Taxes. Right. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-instrumenty-tamozhennyh-platezhey-v-sisteme-instrumentov-nalogovogo-regulirovaniya-ekonomiki> (date of access: 07/15/2023).
9. Alimusaev G.M. Logistical support of management in conditions of risk, economic sanctions and uncertainty of the environment / G.M. Alimusaev // RISK: Resources. Information. Supply. Competition. 2014. N4. S. 13–16.

Формирование категории «нейроправа»: обобщение российского и международного опыта

Бондаренко Александр Александрович,
магистр Московского государственного университета
E-mail: aleksbondarenko2012@yandex.ru

В статье рассматривается современная тенденция выделения новой категории прав человека – нейроправ, анализируются ранее предложенные попытки систематизации и классификации нейроправ, высказываются авторские суждения о целесообразности выделения данной категории, предлагаются собственные подходы к классификации нейроправ и пониманию их сущности. Поскольку распространение нейротехнологий постоянно ускоряется, постольку возрастает опасность злоупотреблений. Эти злоупотребления могут выражаться в незначительном изменении привычек человека, а могут полностью изменить его личность. Чтобы оградить общество от возможных злоупотреблений, одной из важных целей исследования автор видит вопрос о выработке системы гарантий и прав, предоставляемых индивидам с целью защитить их автономию, свободу воли и человеческую сущность, предлагает авторские решения. Другой целью автор ставит вопрос о интенсификации и унификации правового регулирования в сфере нейроправ, как единственного способа наиболее полно защитить права и свободы человека в условиях внедрения новых технологий в социальную жизнь. Для решения поставленных в исследовании задач применяется широкий спектр методов, включая сравнительный метод и кейс-метод, анализируются законодательства иностранных государств и научная доктрина.

Ключевые слова: нейроправа; нейротехнологии; классификация нейроправ; научно-техническая революция.

Для начала автор статьи хотел бы кратко осветить историю вопроса и основную терминологию. Так, под научно-технической революцией понимают качественное преобразование производительных сил, изменение в их динамике и структуре. На данный момент считается, что мир прошёл 3 основных научно-технических революции (аграрную, индустриальную, информационную) и находится на пороге четвёртой. Моментом начала четвёртой научно-технической революции общепринято считать 2011 год. Данный подход связан с Инициативой-2011, выдвинутой немецкими интеллектуалами. В инициативе предполагается, что введение киберфизических систем (то есть информационно-технологических систем, подразумевающих внедрение киберэлемента в физические сущности любого вида) в производственные процессы, а также биологические и социальные объекты, повысит конкурентоспособность экономики и качество жизни людей, а граница между биологическим и компьютерными мирами будет стёрта. Одним из основных направлений Инициативы-2011 является использование нейротехнологий, то есть применение высокочувствительных технологий, позволяющих воздействовать на процессы, происходящие в головном мозге, с целью их исправления или модификации (апгрейдинга). Однако Инициатива-2011 порождает множество правовых, этических и даже эстетических проблем. Многие государства с настороженностью относятся к данной инициативе.

Можно выделить 3 основных подхода к данной инициативе:

- 1) Полная легализация кибер-физических систем и нейротехнологий и разработка соответствующей нормативно-правовой базы.
- 2) Гибкое или смешанное регулирование, допускающее использование нейротехнологий, за исключением тех, что сопряжены с неоправданно высокими рисками.
- 3) Полный запрет использования соответствующих технологий и применение санкций за нарушение запрета.

Переходя к российскому опыту, следует с сожалением констатировать, что Россия не разработала достаточную правовую базу регулирования. Важнейшими актами, регулирующими соответствующие отношения, являются 490-ый указ Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 2019 года и «Концепция регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Лишь в одном субъекте – городе Москве – федеральным

законом введено особое экспериментальное регулирование использования нейротехнологий. В основном же регулирование происходит за счёт подзаконных актов, что не соответствует степени важности регулируемых отношений. Представляется, что российский законодатель может взять за образец французский опыт. Ключевую роль в появлении и развитии французского регулирования нейроправ сыграл аналитический доклад «Мозг и право: анализ возникновения нейроправ», подготовленный центром при Правительстве Франции. В дальнейшем во Франции будет разработан флагманский закон «О цифровой Республике» и дополнительно принята Хартия искусственного интеллекта и алгоритмов; более того, готовятся соответствующие изменения в тексте французской конституции. Правовое регулирование в данной ситуации не является чем-то вымышленным или ненужным, но оно является единственным способом защитить права и свободы человека в условиях интенсификации внедрения новых технологий в социальную жизнь.

Внедрение нейротехнологий является большим прорывом, который, тем не менее, таит в себе множество опасностей как для общества, так и для индивидов. Необходимо гарантировать, во-первых, что властные субъекты не станут произвольно вмешиваться в высшую психическую деятельность людей. Во-вторых, вмешательство в психические процессы человека возможно и на более низком уровне: нейротехнологии могут манипулировать привычками, решениями и поведением людей для покупки определённых товаров или для пользования определёнными услугами. Одним из важнейших инструментов для превенции подобных злоупотреблений является введение категории нейроправ как системы гарантий и прав, предоставляемых индивидам с целью защитить их автономию, свободу воли и саму человеческую сущность (в литературе существует и другое определение нейроправ – создание фундаментальных основ для защиты и сохранения свободного человеческого разума). Первую логически выверенную классификацию нейроправ предложили профессор факультета права Цюрихского Университета Роберто Андорно и его соавтор Марсело Иенко. [1]

Важнейшим правом в данной классификации является право человека на когнитивную свободу. Данное право имеет как позитивный, так и негативный аспект. Позитивный – это право на использование нейроинструментов, негативный – право отказаться от принудительного внедрения нейротехнологий. При этом возможность отказаться от принудительного внедрения нейротехнологий, как представляется автору исследования, может вытекать из уже закреплённого в Конституции права на охрану частной жизни.

От когнитивной свободы отличают право на психическую неприкосновенность. В чём состоит различие? Представляется, что право на психическую неприкосновенность является производным от права на когнитивную свободу, главная идея

данного права состоит в том, что никто не должен вторгаться в психику человека без санкции самого человека. Некоторые исследователи трактуют данное право ещё шире, и включают в него право на защиту от несанкционированного сбора данных о внутренних психических процессах человека. С правом на психическую неприкосновенность тесно связано другое право – право на психическую целостность: никто не должен злонамеренно изменять или удалять воспоминания человека, а также использовать процесс нейростимуляции в своекорыстных целях. Очень интересным правом является право на преемственность личности – предполагается, что человек имеет право воспринимать себя так же, как это было до применения в отношении него нейротехнологий. Сознание человека, его свойства и поведение не должны изменяться настолько, чтобы можно было говорить об исчезновении предыдущей личности. Автору исследования представляется, что это право стоит толковать расширительно, и право на преемственность личности должно защищать человека от любых значимых изменений в его предпочтениях или поведении.

Общепринятая тетралогическая модель нейроправ, предложенная Андорно и Иенко, на этом заканчивается. Однако в последнее время всё чаще звучат голоса в пользу закрепления новых нейроправ. Так, в статье, выпущенной в соавторстве Алтуг Озгун-Бурку Севен предлагается закрепить право на защиту от предвзятости нейротехнологий. [2] Уже сейчас некоторые алгоритмы предлагают женщинам вакансии с более низкой зарплатой, отдают предпочтение людям в зависимости от их цвета кожи или принадлежности к определённой нации. Следует согласиться с авторами, что пресечь подобное поведение алгоритмов на этапе проектирования проще, чем потом разбираться с последствиями. Представляется интересной идея авторов проводить для нейроалгоритмов «тест на беспристрастность» перед их выпуском в общий доступ. Наконец, нельзя не отметить право на равный доступ к нейротехнологиям – иное было бы дискриминацией, умаляло бы равенство граждан и возможность их свободного развития.

В литературе существует мнение, согласно которому не следует выделять отдельно категорию нейроправ, а все права, причисляемые к нейроправам, на самом деле охватываются свободой мысли (согласно другим авторам – свободой воли или слова). [3] Роберто Андорно убедительно опровергает данный довод, демонстрируя, что психические процессы должны защищаться ещё до их объективации и проявления вовне посредством речи, письма или поведения. Тем не менее, вопрос о природе нейроправ, об их принципиальной новизне или их производном характере от уже существующих прав, является дискуссионным и до настоящего момента. Хотя бесспорно, что нейроправа защищают социально значимые ценности, по ним отсутствует международный консенсус, и они не являются в достаточной мере определёнными. [4, с.607–621]

Если говорить о гарантиях, то наиболее важным аспектом здесь является защита от дискриминации, то есть предвзятого отношения на основе тех или иных признаков. Очевидно, что работники, использовавшие нейротехнологии, будут действовать эффективнее, чем другие работники. Потенциально подобная ситуация может привести к отказу работодателей принимать на работу сотрудников без нейромодификаций. Этот вопрос для права очень чувствителен и сложен, здесь нет и не может быть однозначного ответа. Так, если установить систему квотирования мест, дискриминации могут подвергнуться использовавшие нейротехнологии соискатели. Законодателю необходимо найти тонкий конституционно-правовой баланс между правами соискателей, использовавших нейротехнологии, и правами граждан, отказавшихся от их использования. Необходимо также гарантировать возмещение вреда, причинённого использованием нейротехнологий. Представляется, что нейротехнологии могут причинять вред сами или опосредованно, через изменение поведения человека. Степень вины будет разной, [5, с.623–641] и ответственность человека, применившего нейротехнологии, тоже должна быть разной, а в случае ошибки нейротехнологии представляется, что ответственность должен нести её разработчик и/или разработчик совместно с человеком, использовавшим данную технологию, в зависимости от ситуации. В этой связи уместно вспомнить недавний инцидент, произошедший с электромобилем «Тесла»: нейротехнология ошибочно реализовала функцию автопилота и спровоцировала аварию. В данном случае какой-либо вины эксплуатанта машины не усматривается.

Поскольку нейроправа, как и сами нейротехнологии, появились сравнительно недавно, судебная практика по данному вопросу довольно небогата. В основном она касается доступа граждан к нейротехнологиям, особенно нейровизуализации. В деле Бянковский против Банфилда, 2011, суд отказал заявителю в удовлетворении ходатайства о применении нейротехнологии QEEG (машинном анализе данных ЭЭГ и связанных поведенческих коррелятов), мотивировав это тем, что QEEG не отвечает порогу надёжности и всё ещё является новой наукой. Автор исследования хотел бы возразить судье Брэкену, рассматривавшему это дело: представляется, что судьёй Брэкеном, во-первых, было нарушено право на когнитивную свободу подсудимого, господина Бялковского, потому что сторона процесса, в том числе согласно современному американскому правовому регулированию, имеет право на использование и доступ к использованию нейроинструментов, одним из которых и является QEEG. Аргумент судьи о молодом возрасте науки также не выдерживает критики, поскольку от возраста научной отрасли никак не умаляется её практическая ценность.

Среди прочей интересной казуистики можно отметить исследование Оуэна «Обнаружение сознания в вегетативном состоянии».[6] Оуэн описывает

случай, как 23-летней женщине, находящейся в вегетативном состоянии, в течение полугода смеряли показатели мозговой активности. В частности, были запотоколированы процессы в средней и верхней височных извилинах, циклы сна и бодрствования. Странники концепции нейроправ расценили бы подобное как недопустимое нарушение когнитивной свободы, поскольку согласие пациентки на обработку её нейроданных не было получено. Представляется, что здесь встаёт вопрос о поиске баланса ценностей нейроправ и прав на охрану здоровья и получение медицинской помощи.

Подводя итоги работы, следует отметить, что человечество стоит на пороге новой научно-технической революции. Распространение нейротехнологий постоянно ускоряется, что, несмотря на известный положительный эффект, таит в себе опасность злоупотреблений нейротехнологиями. Это злоупотребление может выражаться в незначительном изменении привычек человека, а может полностью изменить его личность. Барьером от подобного рода злоупотреблений может стать категория нейроправ – системы гарантий и прав, предоставляемых индивидам с целью защитить их автономию, свободу воли и саму человеческую сущность. Однако, несмотря на серьёзные доктринальные исследования, пока не удалось выработать международный консенсус по поводу создания единого перечня нейроправ и понимания их правовой природы. Более того, в ряде стран соответствующее нормативное регулирование либо отсутствует, либо находится в зачаточном состоянии. Другим острым правовым вопросом является поиск конституционного-правового баланса между правами нейромодифицированных людей и людей, отказавшихся от использования данных технологий (в частности, в трудовой сфере). Поскольку количество используемых нейротехнологий растёт, эти вопросы надо начинать решать уже сейчас.

Литература

1. Alston P. (1984). Conjuring up new human rights: A proposal for quality control. *American Journal of International Law*. 1984. P. 607–621.
2. Burbon Diego, Burbon Luisa. A Critical Perspective on NeuroRights: Comments Regarding Ethics and Law. 2021. Available Online at <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2021.703121/full> (дата обращения: 19.08.2024).
3. Gaudet L.M., Marchant G.E. Under the Radar: Neuroimaging Evidence in the Criminal Courtroom // *Drake Law Review*. 2016. P. 623–641.
4. Ienca, M., and Andorno, R. A New Category of Human Rights: Neurorights. *Research in Progress* [Online]. 2017a. Available online at <http://blogs.biomedcentral.com/bmcblog/2017/04/26/new-category-human-rights-neurorights> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Ozgun Altug, Burku Seven. A new kind of Human Rights: Are We Aware of “Neurorights”?,

2021. Available Online at <https://iclg.com/briefing/17076-a-new-kind-of-human-rights-are-we-aware-of-neurorights-turkey> (дата обращения: 21.08.2024).

6. Owen; et al. (2006–09–08). “Detecting Awareness in the Vegetative State”. *Science*. 313 (5792): 1402. CiteSeerX 10.1.1.1022.2193. doi:10.1126/science.1130197. PMID16959998. S2CID54524352.
7. Bialkowski v. Banfield, BCCA 130, Vancouver CA039231, 2011.

FORMATION OF THE CATEGORY “NEUROLAW”: GENERALIZATION OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Bondarenko A.A.

Moscow State University

The article discusses the current trend of identifying a new category of human rights – neuro-rights, analyzes the previously proposed attempts to systematize and classify neuro-rights, expresses the author’s judgments on the advisability of distinguishing this category, and proposes their own approaches to the classification of neuro-rights and understanding their essence. As the spread of neurotechnologies is constantly accelerating, so is the danger of abuse. These abuses can be expressed in a slight change in a person’s habits, or they can completely change his personality. To protect society from possible abuses, one of the important goals of the study, the author sees the issue of developing a system of guarantees and rights granted to individuals in order to protect their autonomy, free will and human essence, offers author’s solutions. Another goal the author raises is the issue of intensification and unification of legal regulation in the field of neurolaw, as the only way to most fully pro-

tect human rights and freedoms in the context of the introduction of new technologies in social life. To solve the tasks set in the study, a wide range of methods is used, including the comparative method and the case method, the legislation of foreign countries and scientific doctrine are analyzed.

Keywords: neurolaw; neurotechnologies; classification of neurolaws; scientific and technological revolution.

References

1. Alston P. (1984). Conjuring up new human rights: A proposal for quality control. *American Journal of International Law*. 1984. P. 607–621.
2. Burbon Diego, Burbon Luisa. A Critical Perspective on NeuroRights: Comments Regarding Ethics and Law. 2021. Available Online at <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fn-hum.2021.703121/full> (date of the application: 15.02.2024).
3. Gaudet L.M., Marchant G.E. Under the Radar: Neuroimaging Evidence in the Criminal Courtroom // *Drake Law Review*. 2016. P. 623–641.
4. Ienca, M., and Andorno, R. A New Category of Human Rights: Neurorights. *Research in Progress* [Online]. 2017a. Available online at <http://blogs.biomedcentral.com/bmcblog/2017/04/26/new-category-human-rights-neurorights> (date of the application: 15.02.2024).
5. Ozgun Altug, Burku Seven. A new kind of Human Rights: Are We Aware of “Neurorights”?, 2021. Available Online at <https://iclg.com/briefing/17076-a-new-kind-of-human-rights-are-we-aware-of-neurorights-turkey> (date of the application: 15.02.2024).
6. Owen; et al. (2006–09–08). “Detecting Awareness in the Vegetative State”. *Science*. 313 (5792): 1402. CiteSeerX 10.1.1.1022.2193. doi:10.1126/science.1130197. PMID16959998. S2CID54524352.
7. Bialkowski v. Banfield, BCCA 130, Vancouver CA039231, 2011.

Особенности административно-правового регулирования высшего образования в условиях современного этапа трансформации

Коцюрко Елена Петровна,

доцент Центра образовательного инжиниринга ФГБОУ ВО
«Югорский государственный университет»
E-mail: E_Kotsyurko@ugrasu.ru

Предметом исследования является высшее образование как объект административно-правового регулирования. Обоснована научная позиция, что важнейшее значение высшего образования обуславливает особую роль нормативной регламентации системы высшего образования и осуществления регулирующего воздействия со стороны государства. При этом административно-правовое регулирование и комплекс административно-правовых средств, составляющих его механизм, выступают главным и наиболее эффективным управляющим воздействием государства в сфере высшего образования. В статье сформулированы и содержательно раскрыты ключевые особенности административно-правового регулирования высшего образования, предопределяющие специфику иных функций государственного управления, в частности организации и осуществления государственного контроля (надзора) системы высшего образования, что безусловно должно учитываться при выработке научно обоснованных рекомендаций по его совершенствованию в рамках реализации реформы контрольной (надзорной) деятельности в условиях трансформационных процессов в системе высшего образования.

Ключевые слова: право на образование, высшее образование, управляющее воздействие, особенности административно-правового регулирования, государственный контроль (надзор) в сфере высшего образования.

Образование в современном мире является важным условием развития общества и государства. В широком смысле оно рассматривается как социально-культурное благо, средство приобщения человека к знаниям и культуре, значимость которого в современном мире сравнима с неотъемлемыми естественными правами человека [9, с. 30]. Право на образование является одним из ключевых социально-экономических прав, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 A (III) от 10 декабря 1948 г.) и закрепленных в ст. 43 Конституции Российской Федерации.

Неоспоримая значимость образования предопределяет важность роли государства в совершении последовательных действий по созданию надлежащего механизма правового обеспечения реализации конституционного права граждан на образование в Российской Федерации и регулирования образовательных отношений, что стало предметом глубоко теоретического и научного осмысления в юридической науке [18]. При этом следует отметить, что в научном осмыслении модели правового регулирования отношений в сфере образования можно увидеть изменение парадигмы, обусловленной сменой государственно-политического устройства и социально-экономического строя государства в соответствующие периоды [18, с. 20–58]. Так в советский период отношения в сфере образования рассматривались исключительно как объект административно-правового регулирования, при этом регулируемые правоотношения характеризовались участием в них соответствующего органа государственного управления или другого носителя полномочий государственно-властного характера [12, с. 184]. В 90-е годы XX века развитие образования в условиях идеологических и законодательных новелл актуализировало вопрос об отраслевой принадлежности правоотношений в сфере образования и способствовало появлению научных позиций о «комплексной основе» правоотношений в сферах образования, регулируемых «сочетанием норм гражданского права и законодательства об образовании» [14, с. 82], о регулировании образования, получаемого за счет бюджетных средств, и платного образования нормами различных отраслей права [6, с. 220], а также рассмотрении образовательной деятельности исключительно в гражданско-правовом поле [10, с. 32–37]. В настоящее время большинство исследователей солидарны в утверждениях о неоднородности отношений в сфере образования [11, с. 133–134].

Признается, что объектом правового воздействия в сфере образования могут выступать образовательные и непосредственно связанные с ними правоотношения, а также научная, инновационная, финансово-хозяйственная и другие виды деятельности образовательных организаций. Многообразие и сложный характер отношений в сфере образования обуславливает необходимость их регулирования путем системного использования норм различных отраслей права.

Особое место в системе образования принадлежит высшему образованию. Обращает внимание разобщенность мнений по поводу сущности высшего образования в современных реалиях, главным образом в зависимости от специализации отрасли науки, ее рассматривающей [8], [15], [20]. Учитывая многообразие точек зрения, представляется обоснованной позиция С.М. Рукавишникова о необходимости междисциплинарного подхода к оценке сущности данной категории, а также предложенная ученым дефиниция высшего образования как сложного процесса воспитания и обучения, включающего в себя не только освоение необходимых для профессиональной реализации знаний, навыков и умений, но и приобщение к совокупности культурных, социальных, политических, философских ценностных установок [16, с. 93].

Современная государственная политика в сфере высшего образования базируется на непрерывном процессе реформирования системы образования. В настоящее время серьезный вызов к высшей школе обусловлен решением об отказе от Болонской системы образования, поскольку отказ от унификации элементов системы образования, гармонизации норм образовательного законодательства с требованиями Болонского процесса не умаляет значимость и актуальность процессов интеграции российской системы образования в единое мировое образовательное пространство, однако остро ставит вопрос о дальнейших правовых механизмах сохранения и развития собственной национальной образовательной системы высшего образования в рамках новой образовательной политики в контексте изменяющихся глобализационных процессов, отягченных многочисленными санкционными ограничениями.

Важнейшее значение высшего образования в условиях актуальных трансформационных процессов предопределяет особую значимость нормативной регламентации системы высшего образования и осуществления регулирующего воздействия со стороны государства. Разделяем позицию ученых, что на современном этапе развития образования государство выступает главным регулятором и решение основной задачи, касающейся настройки системы в целом, остается за публичным субъектом [17, с. 917]. Как обоснованно отмечает Д.Н. Бахрах, нет ни одной сферы жизни общества, в которой не участвовала бы государственная администрация, при этом в ряде сфер, в частности в сфере образования, ее роль, по мнению профессора, является решающей. В этой связи справед-

ливым представляется утверждение об отражении в административно-правовом регулировании образования сути деятельности государственной администрации, направленной на организацию нормальной жизни и развития общества [4, с. 33]. В связи с чем, несмотря на появление договорных, гражданско-правовых отношений в системе образования, теоретических обоснований обособления образовательного права, разделяем позицию известного ученого о сохранении значительной роли административно-правового регулирования в сфере образования. О серьезной роли государства в сфере образования, особенно высшего, неоднократно упоминается в научных трудах С.В. Барабановой [2, с. 23–121]. Ученый обоснованно утверждает, что многие общественно значимые задачи в образовании невозможно решить вне государственно-правового механизма и доказывает необходимость повышения эффективности управления высшим образованием и совершенствования форм и методов государственного воздействия при сохранении административно-правового контекста как «единственно верно отражающего суть отношений в сфере образования» [2, с. 6]. Представляется, что административно-правовое регулирование выступает главным и наиболее эффективно управляющим воздействием государства в сфере образования, предполагающим установление пределов допустимости и запретов в сфере высшего образования и направленным на обеспечение баланса публичных и частных интересов при реализации закрепленного в ст. 43 Конституции Российской Федерации права на образование. Специфика сферы высшего образования предопределила следующие особенности его административно-правового регулирования в условиях современного этапа его трансформации.

Во-первых, это неоднородность объекта административно-правового регулирования в сфере образования. Считаем обоснованными научные умозаключения М.А. Шатиной, что в качестве основного объекта административно-правового регулирования в сфере образования выступают государственно-управленческие отношения, в которых непосредственно реализуется публичный интерес [19, с. 214–215]. Ученый определяет специфические черты данных административно-правовых отношений, в том числе: наличие субъекта административной власти, выражающего публичный интерес, организационный характер, а также преимущественное разрешение споров между сторонами в административном порядке. К данным отношениям представляется необходимым отнести в первую очередь отношения между публичной администрацией и образовательными организациями по поводу управления образованием, а также управленческие отношения между субъектами публичной администрации.

Объектом регулирования административного права выступают правоотношения по закреплению специального правового статуса участников образовательных отношений, а также внутриорганиза-

ционные отношения (между образовательной организацией и обучающимся, между преподавателями и обучающимися), реализуемые в значительной степени на основе механизма саморегуляции, но базирующиеся на административно-правовых нормах [2, с. 215]. Так относимость дисциплинарных правоотношений, связанных с применением к обучающимся негативных санкций, к предмету административно-правового регулирования обстоятельно изложена в трудах Д.Н. Бахраха [5]. При этом полагаем целесообразным дополнение данного перечня дисциплинарными отношениями позитивного характера по применению к обучающимся различных материальных и нематериальных поощрений.

Особое место в административно-регулировании занимают отношения по управлению публичным имуществом. Специфика данных отношений и процессов, связанных с имущественным обеспечением выполнения государственных и муниципальных функций публичной администрацией, стали предметом научных исследований А.В. Винницкого, которому удалось научно обосновать развитие в рамках отрасли административного права сложного нормативного комплекса – административно-имущественного права [7]. Выводы ученого считаем справедливыми и для исследуемой сферы образования.

Также разделяем научную позицию о неправомерности в современных реалиях исключения из сферы административно-правового регулирования правоотношений, функционирующих на основе равенства сторон. К подобным «горизонтальным отношениям», в которых ни один из субъектов не имеет властных полномочий по отношению к другому, М.А. Штатина обоснованно относит правоотношения по подготовке и принятию совместного решения, административные договоры и соглашения, заключаемые органами управления образованием [19, с. 25]. Полагаем возможным дополнение данного перечня административными договорами между публичной администрацией и подведомственным ему образовательным учреждением, на практике получившим распространение применительно к регулированию вопросов финансирования выполнения государственного задания, выступая при этом, как справедливо подчеркивает А.А. Кирилловых, в качестве важного средства обеспечения партнерских отношений в рамках выполнения публичного задания в области образования [11, с. 115].

Во-вторых, широкий круг участников регулируемых отношений, поименованных в п. 31, 32 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), включающих непосредственно участников образовательных отношений (обучающихся, родителей (законных представителей), педагогических работников и их представителей, организации, осуществляющие образовательную деятельность), а также органы публичной власти, работодателей и их объединения.

Такое разнообразие участников формирует систему субъектов со специальными административно-правовыми статусами, центральное место среди которых отводится обучающемуся, являющемуся элементом, запускающим весь системный механизм [18, с. 190].

В-третьих, особый метод административно-правового регулирования. Безусловно, ведущим методом регулирования остается императивный метод, однако в сфере высшего образования в настоящее время он дополняется частноправовыми составляющими. Все многообразие методов административно-правового воздействия на сферу высшего образования включает в себя отношения инструменты прямого и косвенного характера, применяемые при осуществлении регулятивного воздействия на систему образования. К мерам прямого воздействия относятся централизованное регулирование образовательной деятельности, в частности управление федеральной собственностью, разрешительная функция и уведомительная деятельность. Обращает внимание выделение А.А. Кирилловых среди методов прямого (административного) воздействия методов стимулирующих, заключающихся в применении более мягких режимов государственного контроля (надзора) [11, с. 113]. К методам же косвенного воздействия могут быть отнесены присвоение статусов (например, «федеральный», «национальный исследовательский»), предоставление целевых грантов, повышенный объем финансирования государственного задания и другие.

Следующая ключевая особенность административно-правового регулирования сферы высшего образования обусловлена автономией образовательной организации. Данная категория стала предметом внимания значительного количества ученых административистов. При этом научные позиции достаточно идентичны в оценке автономии как «фундаментальной гарантии осуществления образовательной деятельности» [1, с. 878], «основополагающей категории для обеспечения эволюции системы образования» [2, с. 69]. В Законе об образовании автономия определена в качестве одного из принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования (пп. 9 п. 1 ст. 3). В научной литературе подчеркивается, что ограничение нормативно закрепленной самостоятельности дано не в форме запретов или предписаний, а в необходимости осуществления деятельности в соответствии с законодательством. Подобный подход по справедливому мнению ученых является более мягкой формой сдерживания автономизации университетов, хотя чреват различными толкованиями положений о соответствии действий образовательных организаций [1, с. 878]. В этой связи представляется, что сохранение баланса высокой степени свободы вузов и эффективного государственного контроля, достижение которого С.В. Барабанова именovala как оптимальный режим [3, с. 156], является важной задачей административно-правового регули-

рования в данной сфере, осуществление которого есть не что иное как установление пределов автономии.

В-пятых, это многосубъектность состава органов, оказывающих регулирующее воздействие в сфере высшего образования. К основным федеральным органам государственной власти, отвечающим за выработку государственной политики, собственно регулирование, координацию, контроль и надзор относятся Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки РФ) и Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. Однако системе высшего образования характерна различная подведомственность образовательных организаций. Абсолютным лидером среди федеральных органов исполнительной власти, безусловно, является Минобрнауки РФ, вместе с тем значительная часть образовательных организаций высшего образования относится к подведомственности Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства культуры РФ, Министерства здравоохранения. Проявления многосубъектности в рассматриваемых отношениях также выражается в наделении полномочиями неотраслевых федеральных органов власти по отдельным вопросам регулирования. В частности, по вопросам управления публичным имуществом кроме соответствующего ведомственного органа полномочия собственника осуществляет и Федеральное агентство по управлению государственным имуществом в пределах и порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Участие общественности в регулирующем воздействии в сфере образования предопределили особенность характера регулирования, в научной литературе обозначенного как государственно-общественный [2, с. 69]. Государственно-общественный характер управления в сфере образования предполагает постоянное участие в управляющем воздействии институтов гражданского общества, бизнеса и профессионального сообщества. В частности, типовые нормы об осуществлении деятельности во взаимодействии с общественными объединениями и иными организациями, о праве создания координационных, совещательных и экспертных органов, включены в положения соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Государственно-общественный характер носят процедуры, связанные с разработкой и внедрением ФГОС. Государственно-общественный характер проявляется при осуществлении целевого обучения. В этой связи представляется, что данная особенность безусловно должна быть учтена при выработке научно обоснованных рекомендаций по дальнейшему совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в сфере высшего образования.

В-седьмых, формирование и развитие цифровой образовательной среды, влекущее изменения в подходах к государственному регулированию образовательной деятельности. Одним из главных

вызовов современности стало развитие информационных технологий, в условиях которых принципиально меняется место и роль образования как основы формирования интеллектуального потенциала и инноваций, поэтому одной из ключевых тенденций современного этапа трансформации всей системы высшего образования, безусловно, является его цифровизация. В настоящее время формирование и внедрение цифровой образовательной среды красной нитью проходит через все стратегические и программные документы в сфере образования. Одним из основополагающих документов современного этапа трансформации выступает федеральный проект «Цифровая образовательная среда», принятый в рамках национального проекта «Образование», утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Данные обстоятельства свидетельствуют о значимости достижения цели цифровой модернизации в образовании как в некотором смысле «инновационного технологического этапа реализации конституционных гарантий права на образование» [13, с. 80–90].

Подводя итоги, полагаем, что административно-правовое регулирование и комплекс административно-правовых средств, составляющих его механизм, являются главным и наиболее эффективным управляющим воздействием государства в сфере образования. Рассмотренные ключевые особенности регулирования в условиях современного этапа трансформации предопределяют специфику иных функций государственного управления, в частности организации и осуществления государственного контроля (надзора) системы высшего образования, что безусловно должно учитываться при выработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию его административно-правового регулирования и правоприменительной практики в рамках реализации реформы контрольной (надзорной) деятельности в условиях трансформационных процессов в системе высшего образования.

Литература

1. Автономия университетов: необходимое условие развития российского высшего образования в условиях цифровизации / И.А. Васильев, Н.И. Дивеева, Е.А. Дмитрикова [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 877–902.
2. Барабанова С.В. Административно-правовое обеспечение конституционного права граждан на высшее профессиональное образование в Российской Федерации: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Барабанова С.В. – Москва, 2009. – 448 с.
3. Барабанова С.В. Правовое положение вузов в Российской Федерации: адм.-правовой аспект: диссертация ... кандидата юридиче-

- ских наук: 12.00.14 / Барабанова С.В. – Казань, 1996–156 с.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник / Бахрах Д.Н. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 624 с.
  5. Бахрах Д.Н. Особенности дисциплинарной ответственности как вида юридической ответственности // Современное право. – 2008. – № 10. – С. 40–41.
  6. Белозеров А.В. Понятие и содержание обязательства по возмездному оказанию образовательных услуг: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2000. – 220 с.
  7. Винницкий А.В. Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Винницкий А.В. – Екатеринбург, 2013. – 570 с.
  8. Калиничева С.А. Система высшего профессионального образования Российской Федерации как институт формирования политического сознания молодежи: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Калиничева С.А. – Владимир, 2004. – 18 с.
  9. Кальяк А. М. О праве на образование и правах человека // Право и образование. – 2020. – № 4. – С. 26–31.
  10. Кванина В.В. Правовая природа отношений. Студент. Бюджетник. Вуз // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 32–38.
  11. Кирилловых А.А. Высшее образование как объект государственного регулирования: административно-правовой аспект: монография. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 208 с.
  12. Козлов Ю.М. Административные правоотношения / Ю.М. Козлов. – Москва: Юрид. лит, 1976. – 184 с.
  13. Корнеев А.А. Конституционно-правовое изменение федерального проекта «цифровая образовательная среда» // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2021. – Т. 1, № 3(76). – С. 80–90.
  14. Куров С.В. Особенности гражданско-правового регулирования возмездного оказания образовательных услуг // Право и образование. – 2001. – № 6. – С. 76–86.
  15. Кучерова В.В. Формирование рынка образовательных услуг в условиях модернизации высшей школы: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Кучерова В.В. – Москва, 2015. – 20 с.
  16. Рукавишников С.М. Сфера высшего образования как объект государственного управления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 3(140). – С. 93–98.
  17. Соловьев, А. А., Суязов В.В. Организационно-правовые механизмы повышения эффективности государственных расходов на образование и науку // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 907–919.
  18. Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: теоретико-правовое исследование: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Спасская В.В. – Москва, 2007. – 486 с.
  19. Штатина М.А. Административно-правовые отношения в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2002. – № 2. – С. 17–27.
  20. Щербак Е.Н. Государственное управление в области высшего образования в условиях мирового образовательного рынка: концептуальные подходы и административно-правовое регулирование: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Щербак Е.Н. – Москва, 2011. – 405 с.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF HIGHER EDUCATION IN THE CONDITIONS OF THE MODERN STAGE OF TRANSFORMATION

Kotsyurko E.P.
Yugra State University

The subject of the study is higher education as an object of administrative and legal regulation. The scientific position is justified that the most important importance of higher education determines the special role of regulatory regulation of the higher education system and the implementation of regulatory influence on the part of the state. At the same time, administrative and legal regulation and the complex of administrative and legal means that make up its mechanism act as the main and most effective managing influence of the state in the field of higher education. The article formulates and meaningfully reveals the key features of the administrative and legal regulation of higher education, predetermining the specifics of other functions of public administration, in particular the organization and implementation of state control (supervision) of the higher education system, which should certainly be taken into account when developing scientifically based recommendations for its improvement in the framework of the implementation of the reform of control (supervisory) activities in the context of transformational processes in the higher education system.

Keywords: right to education, higher education, management impact, peculiarities of administrative and legal regulation, state control (supervision) in the field of higher education.

References

1. University autonomy: A prerequisite for the development of Russian higher education in the context of digitalization / I.A. Vasiliev, N.I. Diveeva, E.A. Dmitrikova [and others] // Bulletin of St. Petersburg University. Right. – 2020. – Т. 11, № 4. – P. 877–902.
2. Barabanova S.V. Administrative and legal support of the constitutional right of citizens to higher professional education in the Russian Federation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.14/ Barabanova S.V. – Moscow, 2009. – 448 p.
3. Barabanova S.V. Legal status of universities in the Russian Federation: administrative-legal aspect: dissertation... Candidate of Law: 12.00.14/ Barabanova S.V. – Kazan, 1996. – 156 p.
4. Bakhrahk D.N. Administrative law of Russia: textbook/ Bakhrahk D.N. – 6th ed., Rev. and additional – M.: Eksmo, 2011. – 624 p.
5. Bakhrahk D.N. Peculiarities of disciplinary responsibility as a type of legal responsibility//Modern law. – 2008. – № 10. – P. 40–41.
6. Belozero A.B. The concept and content of the obligation to provide educational services for compensation: dissertation... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. – Moscow, 2000. – 220 p.
7. Vinnitsky A.V. Public property: problems of formation of the administrative and legal doctrine: dis... Doctor of Law: 12.00.14/ Vinnitsky A.V. – Yekaterinburg, 2013. – 570 p.

8. Kalinicheva S.A. The system of higher professional education of the Russian Federation as an institute for the formation of political consciousness of youth: abstract dis... cand. polite. sciences: 23.00.02/Kalinicheva S.A. – Vladimir, 2004. – 18 p.
9. Kaljak A.M. On the right to education and human rights//Law and education. – 2020. – № 4. – P. 26–31.
10. Kvanina V.V. Legal nature of relations. Student. State employee. University//Law and education. – 2006. – № 4. – P. 32–38.
11. Kirillovykh A.A. Higher education as an object of state regulation: administrative and legal aspect: monograph. – M.: Yurlitinform, 2021. – 208 p.
12. Kozlov Yu.M. Administrative legal relations/Yu. M. Kozlov. – Moscow: Yurid. lit., 1976. – 184 p.
13. Korneev A.A. Constitutional and legal dimension of the federal project «Digital education environment» //Domestic and foreign pedagogy. – 2021. – T. 1, № 3 (76). – P. 80–90.
14. Kurov C.B. Features of civil law regulation of the paid provision of educational services//Law and education. – 2001. – № 6. – P. 76–86.
15. Kucherova V.V. The formation of the market for educational services in the context of the modernization of higher education: abstract dis... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05/ Kucherova V.V. – Moscow, 2015. – 20 p.
16. Rukavishnikov S.M. The sphere of higher education as an object of state administration // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2021. – № 3(140). – P. 93–98.
17. Soloviev, A. A., Suyazov V.V. Organizational and legal mechanisms for increasing the efficiency of public spending on education and science //Bulletin of St. Petersburg University. Right. – 2021. – T. 12, № 4. – P. 907–919.
18. Spasskaya V.V. Legal regulation of educational relations: theoretical and legal research: dissertation... Doctor of Law: 12.00.01/Spasskaya V.V. – Moscow, 2007. – 486 p.
19. Shtatina M.A. Administrative legal relations in education//Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Legal Sciences. – 2002. – № 2. – P. 17–27.
20. Shcherbak E.N. State administration in the field of higher education in the conditions of the world educational market: conceptual approaches and administrative and legal regulation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.14/ Shcherbak E.N. – Moscow, 2011. – 405 p.

К вопросу о внедрении информационных технологий в деятельность прокуратуры Российской Федерации

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Статья посвящена исследованию темы внедрения цифровых технологий в деятельность прокуратуры Российской Федерации, изучению процессов цифровой трансформации.

Подчеркивается, что в настоящее время активно идут процессы включения информационных технологий, информационно – цифровой среды в организацию и деятельность всей прокурорской системы Российской Федерации. Они направлены на встраивание вычислительной инфраструктуры в централизованную сеть, на объединение отдельных компонентов цифровой среды с локальными невзаимодействующими между собой прежде сегменты сети, для того, чтобы, прежде всего, исключить неоднократные вводы данных по причине разрозненности информационных систем.

Информационные технологии, существующие инструменты электронной подписи, позволяющие однозначно идентифицировать подписанта, создают необходимый базис для того, чтобы правовые средства применялись прокурорами именно в электронном виде, например, путем направления соответствующих электронных образцов (акта прокурорского реагирования) на официальных адрес электронной почты поднадзорного (проверяемого) объекта или передачи через использование информационной системы взаимодействия прокуратуры с органами исполнительной власти на федеральном уровне.

В процессе написания статьи автор приходит к выводу о том, что цифровые технологии должны стоять на страже обеспечения законности на всей территории государства, помогать защищать интересы общества, восстанавливать нарушенные права и свободы человека и гражданина, способствовать поддержанию и укреплению правопорядка в Российской Федерации как в целом, так и в каждом отдельно взятом ее регионе.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации; цифровизация, цифровая трансформация; цифровые технологии; эффективность деятельности прокуратуры.

Процессы цифровой трансформации внедряются в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации уже не первый год. Постепенно наращивая скорость, они оказывают существенное влияние на реализацию полномочий прокурорами во всех направлениях их работы. Цифровое пространство формируется быстрыми темпами, ставя перед собой цели упрощения работы, повышения ее эффективности и улучшения качественных характеристик.

Прокуратура Российской Федерации представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции[1].

Максимально эффективное выполнение возложенных на органы прокуратуры Российской Федерации обязанностей возможно при условии использования современных технологических достижений, в частности, в области цифровых инноваций.

Цифровизация прокуратуры Российской Федерации осуществляется постепенно, поэтапно и неизбежно сталкивается в рядом сложностей. Так, далеко не везде типовые прокурорские процедуры автоматизированы, что приводит к большому объему бумажной работы, дублированию данных в различных информационных системах.

В настоящее время активно идут процессы вовлечения информационных технологий, информационно – цифровой среды в организацию и деятельность всей прокурорской системы Российской Федерации; они направлены на встраивание вычислительной инфраструктуры в централизованную сеть, на объединение отдельных компонентов цифровой среды с локальными невзаимодействующими между собой прежде сегменты сети, для того, чтобы, прежде всего, исключить неоднократные вводы данных по причине разрозненности информационных систем.

Отсутствие формализованных процедур и сведений по проведенным прокурорским проверкам приводит к значительному увеличению их продолжительности, что особенно негативно влияет на эффективность работы по обращениям граждан, вынужденных ожидать разрешения своей проблемы достаточно длительное время.

Для обеспечения прокуратуры Российской Федерации современными цифровыми инструмента-

ми, предоставления единой точки доступа к реализованным в составе единого информационного пространства подсистемам и цифровым сервисам, осуществляющим автоматизацию надзорной и ненадзорной работы прокуратуры, цифровизацию выполнения отдельных действий в рамках осуществления полномочий, информации, необходимой для осуществления работы органами прокуратуры Российской Федерации, а также с целью повышения качества выполняемой работы и снижения повседневной нагрузки на оперативных сотрудников, крайне важно не приостанавливать, а, напротив, максимально наращивать темпы информационного прогресса, постепенно создавая целостное информационное пространство.

Кроме прочего, цифровая трансформация, применение автоматизированных систем способствуют формированию атмосферы общественного доверия, повышению открытости и доступности информации, связанной с деятельностью прокуратуры Российской Федерации на всех уровнях системы, что означает реализацию одного из важнейших руководящих положений организации и деятельности прокуратуры – принципа гласности.

Информационные технологии, существующие инструменты электронной подписи, позволяющие однозначно идентифицировать подписанта, создают необходимый базис для того, чтобы правовые средства применялись прокурорами именно в электронном виде, например, путем направления соответствующих электронных образцов (акта прокурорского реагирования) на официальных адрес электронной почты поднадзорного (проверяемого) объекта или передачи через использование информационной системы взаимодействия прокуратуры с органами исполнительной власти на федеральном уровне.

Вместе с тем, применение обозначенных технологий остро требует законодательного оформления. Восполнение пробелов правовой регламентации возможно различными способами, в частности, с помощью внесения соответствующих дополнений в текст Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Особое внимание при внедрении информационных технологий надлежит уделить вопросам информационной безопасности. Так, к примеру, в Генеральной прокуратуре Российской Федерации образованы ситуационные центры государственной системы обнаружения и предупреждения компьютерных атак, которые в онлайн – режиме осуществляют мониторинг событий информационной безопасности в органах прокуратуры Российской Федерации [3].

К сожалению, имеющиеся технические решения в ряде случаев опираются на разнообразные импортные технические и программные средства обеспечения, часто создающие реальную угрозу надежному функционированию информационных систем и ресурсов. Эта проблема весьма актуальна в современных политических и экономических условиях и требует немедленного разрешения.

Еще одним из вопросов, заслуживающих внимания в контексте затронутой темы, является качественное обучение сотрудников прокуратуры Российской Федерации работе в новых информационных реалиях.

Сегодня создан и действует портал дистанционного обучения и технической поддержки пользователей ГАС ПС, который требует расширения и совершенствования.

Проведенные отдельные исследования показали, что внедрение информационных технологий и их дальнейшее успешное использование не под силу всем прокурорским работникам даже при условии получения ими дополнительного образования. В данном случае речь идет (в подавляющем большинстве случаев) о возрастных сотрудниках, которые в силу ряда причин не способны быстро и полно освоить новые технологии.

Кроме прочего, в прокурорской среде иногда встречаются ситуации полного психологического неприятия и даже отторжения инноваций под предлогом их бесполезности и даже вреда уже налаженной работе органов прокуратуры Российской Федерации.

Неоспоримо, что процессы цифровизации и цифровой трансформации охватывают все большее количество сфер жизни общества и государства, эти процессы движутся по нарастающей. В качестве одного из последних примеров можно привести законодательное оформление использования на территории Российской Федерации цифрового рубля, что еще раз подчеркивает продолжающееся выстраивание цифрового пространства.

Ключевым фактором успеха реализации цифровой трансформации в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации являются человеческие ресурсы. Прокурорские работники обязаны принимать активное и непосредственное участие в решении задач по созданию цифровых инструментов, их реализации с целью формирования нового цифрового поля.

Таким образом, цифровые технологии, используемые в повседневной практике органами прокуратуры Российской Федерации должны стоять на страже обеспечения законности на всей территории государства, помогать защищать интересы общества, восстанавливать нарушенные права и свободы человека и гражданина, способствовать поддержанию и укреплению правопорядка в Российской Федерации как в целом, так и в каждом отдельно взятом ее регионе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.93 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года.
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202–1 //РГ, № 39, 18.02.1992.

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017, № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года».

INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN

Potapova L.V.

Ural State Law University

This article explores the introduction of digital technologies into the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, focusing on the study of digital transformation processes. It is emphasized that currently, there is an active process of integrating information technologies and the information and digital environment into the organization and activities of the entire prosecutorial system of the Russian Federation. The goal is to integrate the computing infrastructure into a centralized network and combine different components of the digital environment with local network segments that previously had no interaction. This integration aims to eliminate repeated data entry caused by information system fragmentation. Information technologies and existing electronic signature tools, which allow for unambiguous identification of the signatory, create a nec-

essary foundation for legal measures to be applied by prosecutors in electronic form. For example, prosecutors can send relevant electronic documents (such as responses or acts) to the official email address of the supervised object or transfer them through an information system for interaction between the prosecutor's office and executive authorities at the federal level. Through this article, the author concludes that digital technologies should protect the rule of law throughout the state, help safeguard society's interests, restore violated rights and freedoms of individuals, and maintain and strengthen law and order in the Russian Federation as a whole, as well as in each individual region.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation; digitalization; digital transformation; digital technologies; efficiency of the prosecutor's office.

References

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020.
2. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated January 17, 1992 No. 2202-1 //RG, No. 39, February 18, 1992.
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated September 14, 2017 No. 627 "On Approval of the Concept of Digital Transformation of Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation until 2025.

Особенности структурных и поведенческих предписаний в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках

Брыжова Елизавета Михайловна,

магистр, заместитель начальника отдела особо важных расследований Управления по борьбе с картелями ФАС России

E-mail: bryzhova@fas.gov.ru

Цель настоящего исследования состоит в изучении особенностей выдачи структурных и поведенческих предписаний по делам о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках, их преимущества и недостатки с точки зрения конкурентного права России и ряда иностранных правовых порядков.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, а именно: анализ, синтез, гипотеза, аналогия, а также частнонаучные методы: формально-юридический, историко-правовой, метод правового моделирования. Также с помощью сравнительно-правового метода была доказана необходимость расширения подходов к пониманию структурных и поведенческих условий при выдаче предписаний хозяйствующим субъектам, осуществляющим свою деятельность на цифровых рынках.

Предлагаемые выводы направлены на решение дискуссионных вопросов и придание правовой определённости правоприменительной практике.

Ключевые слова: структурные предписания, поведенческие предписания, злоупотребление доминирующим положением, цифровые рынки, пятый антимонопольный пакет.

Введение

Развитие практики отечественных и зарубежных антимонопольных органов, появление все более сложных кейсов по злоупотреблению доминирующим положением на цифровых рынках возвращает нас к переоценке значимости исходных правовых механизмов конкурентного права.

В данной статье предлагается к рассмотрению важнейший правовой механизм обязательных требований регулятора – предписания антимонопольного органа к хозяйствующим субъектам в различных его формах по делам о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках: о прекращении противоправного поведения, об изменении бизнес-практик на проконкурентные практики (в англ. behavioral remedies), а также в виде требований по демонаполизации в виде продажи активов, предоставления доступа к технологиям (в англ. structural remedies) и т.д.

Данный вопрос является особо актуальным в связи с активным развитием цифровых рынков, а также в связи с недавним принятием «пятого антимонопольного пакета» [4], который также частично направлен на регулирование данных рынков.

Основная часть

В первую очередь при рассмотрении данного правового механизма необходимо обратиться к действующему правовому регулированию предписаний в Российской Федерации. Так, в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган наделен полномочием выдавать обязательные для исполнения предписания хозяйствующим субъектам [3].

В соответствии со статьей 50 Закона о защите конкуренции по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства на основании решения по делу комиссия выдает предписание ответчику по делу [3].

Вместе с тем важно отметить комплексность подхода в российском законодательстве, направленного на исполнение предписаний антимонопольного органа. В статье 51 Закона о защите конкуренции указывается обязанность хозяйствующего субъекта исполнить предписание антимонопольного органа в установленный срок [3]. При этом ФАС России осуществляет контроль за исполнением выданных предписаний. Под исполнением предписания по делу о нарушении антимонопольного законодательства понимается только полное исполнение всех пунктов, указанных в нем. Частич-

ное исполнение приравнивается к неисполнению и является нарушением антимонопольного законодательства, влекущее привлечение к административной ответственности.

Так, в соответствии с частью 2.2 статьи 19.5 КоАП неисполнение предписания о прекращении злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке и совершении предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации действий, направленных на обеспечение конкуренции, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от шестнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей либо дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей [1].

Кроме того, российским законодательством предусмотрен порядок контроля за исполнением предписания даже после привлечения к административной ответственности за его неисполнение. В соответствии с частью 7 статьи 51 Закона о защите конкуренции комиссия в течение пяти рабочих дней с даты вынесения постановления о назначении административного наказания выносит определение об установлении новых сроков исполнения ранее выданного предписания [3].

Таким образом, в российском законодательстве разработано и действует достаточное количество нормативно-правовых механизмов, направленных на исполнение предписаний антимонопольного органа.

Вместе с тем в соответствии с «пятым антимонопольным пакетом» предлагается введение дополнительной нормы в КоАП, регламентирующей увеличение размера штрафа за повторное неисполнение предписания антимонопольного органа.

В рамках «пятого антимонопольного пакета» на основе инициативы ФАС России были внесены важные изменения в вышеупомянутую статью 19.5 КоАП. В соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [4], который вступает в силу с 01.09.2023, в статью 19.5 КоАП включена часть 2.8, в рамках которой усиливается ответственность за повторное неисполнение предписания антимонопольного органа в виде двукратного увеличения суммы ранее наложенного административного штрафа за неисполнение предписания антимонопольного органа.

Ожидается, принятие «пятого антимонопольного пакета» в данной части может положительно сказаться на статистике исполнения предписаний, в том числе цифровыми платформами.

Также актуальным вопросом является рассмотрение подходов к структурным и поведенческим условиям. Поскольку каждый тип имеет свои преимущества и недостатки споры о том, какие из них следует использовать и когда не прекращаются.

Структурные предписания требуют от компаний отчуждения, высвобождения или выделения определенных материальных или нематериальных ак-

тивов, которыми они владеют. Они имеют несколько важных преимуществ. Влияя на сам источник антиконкурентного поведения доминирующего хозяйствующего субъекта, они помогают устранить или, по крайней мере, уменьшить рыночную власть доминанта и создать условия, благоприятные для входа на рынок иных хозяйствующих субъектов и развития конкуренции. Они также относительно просты в разработке и применении, поскольку в силу своего одноразового характера не требуют обширного, затратного по времени и ресурсам мониторинга, столь характерного для поведенческих условий. Более того, компаниям трудно их обойти или избежать.

Несмотря на все вышеперечисленные преимущества структурные предписания также имеют свои минусы. Поскольку разделение непосредственно разрушает бизнес-модель компании, существует риск того, что оно может привести к уходу хозяйствующего субъекта с рынка. Это может, последовать, если компания потеряет экономию от масштаба или сферы деятельности, стимул к инновациям или потребует дублировать дорогостоящие и трудоемкие инвестиции. Структурные меры также могут оказаться неэффективными, если после разделения вновь созданные подразделения станут нежизнеспособными или не найдутся подходящие покупатели. Ввиду их необратимого характера, некоторые юрисдикции прямо указывают, что структурные предписания должны назначаться только в тех случаях, когда источник конкурентного вреда неразрывно связан со структурой компании.

В Европейском союзе это прямо признается в пункте 12 Постановления 1/2003 [5], в котором регламентировано, что изменение структуры предприятия в том виде, в котором она существовала до совершения нарушения, будет соразмерным только в том случае, если существует существенный риск длительного или повторного нарушения, вытекающего из самой структуры предприятия. Более того, как в пункте 12, так и в статье 7 Постановления предписывается, что структурные предписания могут быть применены только в том случае, если не существует столь же эффективного поведенческого предписания или если любое столь же эффективное поведенческое предписание будет более обременительным для соответствующего предприятия, чем структурное предписание [5].

При определенных обстоятельствах структурные предписания также могут быть дорогостоящими, сложными в администрировании и длительными.

Помимо вышеуказанных трудностей структурные условия также подвержены риску в виде несоответствия совершенному правонарушению, поскольку они изменяют права собственников компаний, которые часто имеют конституционную ценность. Однако структурные предписания, которые должны применяться только в тех случаях, когда вред конкуренции вытекает из самой структуры

компании, могут быть пропорциональными в случаях, связанных с вертикальной интеграцией, которая является источником способности и стимулов доминирующих компаний лишать своих конкурентов возможности конкурировать с помощью различных дискриминационных практик.

Опыт проведения разделения в рамках контроля за слияниями и в регулируемых секторах экономики по всему миру показывает, что решение о выдаче структурного предписания не является простым. Плюсы и минусы разделения зависят от параметров, которые могут сильно различаться между секторами, рынками и компаниями.

Учитывая все плюсы и минусы, неудивительно, что споры в доктрине о ценности и эффектах структурных условий далеки от разрешения. Кроме того, структурные условия в делах о злоупотреблении доминирующим положением не так широко применяются как в контроле за слияниями, и даже если они есть, то используются изредка и с крайней осторожностью.

Действительно, во многих юрисдикциях, предпочтение отдается структурным предписаниям при согласовании сделок и поведенческим предписаниям в делах о злоупотреблении доминирующим положением. Например, в Руководстве Минюста США о применении предписаний (2020 г.) [6] прямо признается, что поведенческие предписания уместны только в очень ограниченном перечне сделок о слияниях. Это объясняется тем, что их трудно разработать и обеспечить их применение, а также тем, что они по существу регулируют деятельность объединенной компании, подменяя централизованное принятие решений свободным рынком, чего следует избегать [7].

Кроме того, Управление по конкуренции и рынкам Великобритании (СМА) признает, что обстоятельства, при которых выдача поведенческих предписаний является правильной мерой контроля за слияниями, встречаются редко [7]. Предпочтение структурным предписаниям в делах о слияниях также весьма очевидно в Европейском союзе, где более 80% условных разрешений на слияние включали структурные предписания, в то время как поведенческие предписания выдавались редко [7].

В отличие от структурных предписаний, которые направлены на восстановление конкуренции путем изменения структуры бизнеса хозяйствующего субъекта-доминанта, поведенческие предписания изменяют то, как доминирующий субъект ведет свою деятельность. В зависимости от того, вовлекаются ли в реализацию поведенческих мер третьи стороны, например, другие участники рынка, или нет, поведенческие меры можно разделить на внутренние и внешние. Первые не затрагивают третьих лиц и относятся к внутреннему управлению и организации хозяйствующего субъекта. Например, от доминанта может потребоваться внедрение комплаенса или изменение положений, связанных с корпоративным управлением. Вторые, напротив, касаются взаимодействия хозяйствующего

субъекта с третьими сторонами и могут потребовать от доминанта, например, изменить или расторгнуть существующие контракты или изменить схемы ценообразования. Существуют также поведенческие предписания, которые касаются внутренней деятельности фирмы, но могут повлиять на третьих лиц или рынок в целом. В качестве примера можно привести предварительную установку собственного программного обеспечения доминантом.

Поскольку поведенческие предписания являются индивидуальными и позволяют антимонопольным органам формировать их в соответствии с потребностями конкретного дела, они могут иметь различные формы. Примеры поведенческих мер, которые были наложены в прошлых решениях о злоупотреблении доминирующим положением, включали в себя следующие обязательства:

- изменить или расторгнуть существующие контракты;
- отменить положения об эксклюзивности;
- вводить и соблюдать новые схемы ценообразования;
- внести изменения в положения о корпоративном управлении и др.

Хотя антимонопольный орган может принять решение о применении только одного поведенческого предписания, на практике к хозяйствующим субъектам, занимающим доминирующее положение, часто применяется комплекс дополнительных средств правовой защиты. Более того, поведенческие условия могут дополнять структурные условия с целью обеспечения эффективного применения последних.

В делах о злоупотреблении доминирующим положением российским антимонопольным органом поведенческие предписания применяются чаще, чем структурные. Однако, несмотря на их более частое применение, их эффективность часто ставится под сомнение. Это связано с тем, что в отличие от структурных, поведенческие предписания не устраняют способность и стимул хозяйствующего субъекта к злоупотреблению доминирующим положением, а значит, они не решают напрямую основную проблему злоупотребления рыночной властью доминантом.

Еще одно ограничение поведенческих предписаний заключается в том, что они часто заставляют хозяйствующих субъектов действовать против своих собственных интересов. Содействие конкуренции обычно не совпадает с целями хозяйствующих субъектов по максимизации прибыли. Это создает стимулы для фирм обходить или иным образом подрывать эффективность поведенческих мер. Следовательно, для повышения эффективности применения предписаний, направленных на восстановление конкуренции на рынках, пострадавших от злоупотребления доминирующим положением, целесообразно использовать более комплексный подход, то есть такой, при котором антимонопольные органы будут рассматривать па-

кет средств правовой защиты, разумно сочетающий структурные и поведенческие условия.

Вместе с тем в контексте рассмотрения вопроса о выдаче предписаний хозяйствующим субъектам, осуществляющим свою деятельность на цифровых рынках, актуальной проблемой остается вопрос о том, каким видом предписания будет являться положение о разработке каких-либо элементов инфраструктуры платформы (например, создание окна выбора).

Из Разъяснений ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» следует, что структурные условия предполагают изменение затрагиваемых товарных рынков (т.е. на изменение долей продавцов или покупателей на рынке путем отчуждения бизнес-активов участников сделки или их групп лиц третьим лицам, предоставление доступа к инфраструктуре, технологиям, отчуждение прав на результаты интеллектуальной деятельности и т.п.). Поведенческие условия предполагают предоставление недискриминационного доступа потребителям, осуществление экономически обоснованной ценовой политики, разработка внутренних документов (политик, процедур, типовых договоров) и т.п. [2].

Вместе с тем при анализе данных положений и соотношении их с цифровыми рынками данный подход видится узким и не предусматривающим особенности цифровых рынков. Исходя из логики разъяснений вышеприведенный пример о создании окна выбора должен относиться к поведенческим условиям. Однако, обращаясь к цифровой действительности и особенностям осуществления деятельности такими хозяйствующими субъектами хочется отметить, что данное предписание повлечет за собой доработку системы, ее структурные изменения. Кроме того, данные изменения повлекут за собой дополнительные денежные инвестиции. Следовательно, данное предписание по своей сути будет являться структурным.

Вывод

Таким образом, важно отметить необходимость расширения подходов к пониманию структурных и поведенческих условий при выдаче предписаний хозяйствующим субъектам, осуществляющим свою деятельность на цифровых рынках.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. (часть I). – Ст. 1.
2. Разъяснение ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.06.2021 № 3) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. (часть I). – Ст. 3434.
4. Федеральный закон от 04.08.2023 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальное опубликование правовых актов URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202308040009> (дата обращения: 16.08.2023).
5. Council regulation № 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003R0001&from=EN> (дата обращения: 16.08.2023).
6. Merger remedies manual 2020 // Official site of Antitrust Division U.S. Department of Justice URL: <https://www.justice.gov/atr/page/file/1312416/download> (дата обращения: 16.08.2023).
7. Remedies and commitments in abuse cases // Официальный сайт Организация экономического сотрудничества и развития URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2022\)5/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2022)5/en/pdf) (дата обращения: 16.08.2023).

PECULIARITIES OF STRUCTURAL AND BEHAVIORAL REMEDIES IN CASES OF ABUSE OF A DOMINANT POSITION IN DIGITAL MARKETS

Bryzhova E.M.

Cartel Division of the FAS Russia

The purpose of this study is to examine the peculiarities of issuing structural and behavioral remedies in cases of abuse of a dominant position in digital markets, their advantages and disadvantages from the perspective of competition law in Russia and a number of foreign jurisdictions.

The methodological basis of the study is formed by general scientific methods of cognition, namely: analysis, synthesis, hypothesis, analogy, as well as private-scientific methods: formal-legal, historical-legal, method of legal modeling. Also with the help of comparative-legal method the necessity of expanding approaches to understanding structural and behavioral remedies when issuing prescriptions to business entities operating on digital markets was proved.

The proposed conclusions are aimed at solving debatable issues and providing legal certainty to law enforcement practice.

Keywords: structural remedies, behavioral remedies, abuse of dominance, digital markets, the fifth antitrust package.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 29, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1. (Part I). – Art. 1.
2. Clarification of the FAS Russia dated June 11, 2021 No. 19 “On the specifics of the implementation of state antimonopoly control over economic concentration” (approved by the protocol of the Presidium of the FAS Russia dated June 11, 2021 No. 3) // ConsultantPlus SPS.
3. Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ “On Protection of Competition” (as amended on December 29, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. (Part I). – Art. 3434.
4. Federal Law No. 426-FZ of 04.08.2023 “On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation” // Official publication of legal acts URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202308040009> (date of access: 08/16/2023).

5. Council regulation No. 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003R0001&from=EN> (accessed 16.08.2023).
6. Merger remedies manual 2020 // Official site of Antitrust Division U.S. Department of Justice URL: <https://www.justice.gov/atr/page/file/1312416/download> (accessed 8/16/2023).
7. Remedies and commitments in abuse cases // Official website of the Organization for Economic Cooperation and Development URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2022\)5/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2022)5/en/pdf) (Accessed: 16.08. 2023).

Правовое регулирование цифровой трансформации деятельности Госавтоинспекции

Кудинов Дмитрий Андреевич,

инспектор по особым поручениям отделения дорожного надзора отдела надзора, Управление Госавтоинспекции УМВД России по Рязанской области
E-mail: dkudinov@mvd.ru

В статье представлен анализ организации служебной деятельности подразделений Госавтоинспекции Министерства внутренних дел Российской Федерации и проблемные вопросы ее цифровой трансформации.

В качестве динамично развивающегося процесса, повышающего эффективность деятельности, цифровая трансформация подразделения Госавтоинспекции рассматривается в трех направлениях: внутриорганизационный, внешне-организационный и оказание услуг. Рассматриваются возможности внедрения новых механизмов в работу подразделения, в целях обеспечения безопасности дорожного движения. Предлагаются внедрения современных механизмов учета и обработки информации, в целях повышения удобства обработки, хранения и анализа информации, а также повышения качества межведомственного взаимодействия. Предлагаются инструменты совершенствования систем видеонаблюдения и автоматической фиксации правонарушений, в целях предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений. Рассматривается вопрос создания сервиса диалога в режиме реального времени, для повышения качества предоставляемых услуг, а также своевременного реагирования на изменения в оперативной обстановке. Помимо вышеуказанного, прогнозируются проблемные вопросы и пути их решения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, Госавтоинспекция, безопасность дорожного движения, механизмы трансформации, инструменты цифровой трансформации, безопасность дорожного движения.

Стремительное развитие научно-технического прогресса привело к автоматизации подавляющего большинства привычных сфер жизнедеятельности человека [1, с. 196]. Заинтересованность в повышении количества, качества и социальной удовлетворенности предоставляемых государством услуг, борьба с коррупцией, а также внутриорганизационная цифровая трансформация управленческой деятельности государственных органов являются наиболее актуальными вопросами, исследование которых неизбежно способствует позитивному развитию всего государства, а также повышению качества жизни его граждан [2, с. 218]. Выступая в качестве национальной цели, цифровая трансформация государства с неизбежностью вынуждает изменяться и право за счет выработки новых юридических средств и инструментов регулирования общественных отношений, в том числе относящихся в целом к транспортной сфере [3, с. 346]. Уровень транспортной безопасности, как ежедневной массовой потребности, напрямую зависит от эффективности принимаемых для его обеспечения мер. Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из важнейших задач любого государства.

Цифровую трансформацию Госавтоинспекции, как динамично развивающийся процесс, необходимо рассматривать в трех направлениях. Во-первых, в качестве процесса, повышающего эффективность внутриорганизационной деятельности, инструментом которого может служить оптимизация электронных ресурсов.

В настоящий момент, отсутствует единая электронная система обеспечения деятельности Госавтоинспекции МВД России, в то время как деятельность ее подразделений реализуется с помощью ряда информационных систем. Выработка универсального подхода к разработке базы данных, в основе которого лежит соблюдение единообразия и баланса между проблемами технического и правового характера [4, с. 226] и является решением проблемы ее разработки. Федеральная информационная система Госавтоинспекции МВД России (ФИС ГИБДД-М), предназначенная для обеспечения деятельности Госавтоинспекции, а также взаимодействия ее подразделений, содержит в своей структуре ряд подсистем, обеспечивающих такие направления, как:

- совершение регистрационных действий с транспортными средствами;
- выдача и замена водительских удостоверений;
- учет административных правонарушений;
- учет изготовленной и распределенной продукции, сбор потребностей в спецпродукции, розыск спецпродукции;

– поиск сведений, в том числе регистрационных действий, ограничений, штрафов, транспортных средств и лиц в розыске.

Единая автоматизированная информационная система БДД (ЕАИС БДД) предназначена для учета, систематизации, обработки и хранения данных о дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), а также подготовки аналитической и официальной статистической информации.

Сервис «Паутина» предназначен для совершенствования деятельности по пресечению и раскрытию преступлений, предупреждению и пресечению административных правонарушений, выявлению похищенных или угнанных транспортных средств, транспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с места ДТП, а также автоматизации деятельности подразделений Госавтоинспекции по оформлению административных правонарушений, зафиксированных с применением средств автоматической фотовидеофиксации (ЦАФАП).

Единая автоматизированная информационная система технического осмотра транспортных средств предназначена для автоматизации процессов обработки сведений о результатах технического осмотра, полученных от их операторов.

Отсутствие единой электронной системы обеспечения деятельности Госавтоинспекции, с возможностью интеграции не только с другими подразделениями МВД России, но и другими ведомствами и подразделениями правительства, является важной проблемой на пути цифровой трансформации не только Госавтоинспекции и МВД РФ, но и Правительства РФ в целом, а ее внедрение – механизмом цифровой трансформации, позволяющим сократить время обработки информации, уменьшить количество ошибок в работе и исключить дублирование сбора, хранения и обработки информации, а также сократить количество ее утечек. При этом, недостаточную информационную культуру среди сотрудников Госавтоинспекции, которые могут не иметь достаточных знаний и навыков для работы с новой электронной системой, необходимо повысить в рамках специальных курсов или тренингов у действующих сотрудников и в рамках первоначальной подготовки у вновь поступающих на службу. Для обеспечения работы единой информационной системы, необходимо создать специальный отдел или центр, который будет заниматься разработкой и поддержкой единой системы, а также координацией работы Госавтоинспекций разных регионов. Для решения проблемы ограниченных бюджетных средств, необходимо привлекать инвестиции из частного сектора и использовать средства государственных программ и фондов. Установление партнерских отношений с частными компаниями, могут помочь в разработке и внедрении новых технологий и процессов.

Во-вторых, в качестве процесса, повышающего эффективность внешнеорганизационной деятельности, инструментами которого являются современные технические решения, способствующие

повышению уровня борьбы с преступностью, раскрытию преступлений, профилактике и пресечению административных правонарушений.

Совершенствование систем видеонаблюдения и распознавания номерных знаков, позволит оперативно выявлять и фиксировать правонарушения на дорогах. Оказывая весомый профилактический эффект, данный механизм позволит не только повысить культуру вождения среди участников дорожного движения, но и сократить количество ДТП, а также погибших и пострадавших в них лиц. В качестве меры борьбы с систематическими нарушениями правил дорожного движения недобросовестными водителями, передвигающимися с грязными либо нечитаемыми номерными знаками, необходимо проработать вопрос о нанесении QR-кода под переднее стекло транспортного средства, в зону не мешающую обзору водителя, который будет содержать информацию о транспортном средстве и его собственнике, а также будет легко считываться системами наблюдения. Вместе с тем, необходимо согласиться с Д.В. Климовой, которая, исследуя опыт профилактики дорожно-транспортных происшествий с использованием систем автоматической фиксации правонарушений, справедливо утверждает, что, комплексы фото- и видеofиксации нарушений ПДД не должны быть средством зарабатывания денег [5, с. 256–257], а должны применяться исключительно для и в целях обеспечения безопасности дорожного движения и профилактики ДТП.

Выход в онлайн-пространство является закономерным этапом развития публичного политического процесса [6, с. 169]. Создание открытых площадок для диалога между государством и общественностью для обсуждения проблем и поиска решений, посредством развития системы электронного общения с гражданами позволит быстро реагировать на обращения и улучшать качество обслуживания, а также своевременно и оперативно оказывать необходимую помощь, которая позволит не посягать на охраняемые законом ценности. В вопросах обеспечения безопасности дорожного движения реализация партнерской модели взаимоотношений Госавтоинспекции с общественностью является важным условием достижения стратегических задач, связанных с обеспечением рассматриваемой безопасности, сокращением количества погибших в автоавариях и необходимым условием, с одной стороны, развития гражданского общества, а с другой стороны, совершенствования правовой основы демократического государства [7, с. 171]. Доработка мобильного приложения, которое позволит авторизованным гражданам обращаться в МВД по любым вопросам и получать оперативные ответы, а также развитие системы электронной записи на прием к сотрудникам поспособствуют не только распределить нагрузки на сотрудников (наиболее важно в условиях недостаточного укомплектования подразделений и сохранения сроков рассмотрения обращений и заявлений), но и повысить скорость реагирования на происше-

ствия, а также избежать огромную бумажную работу в случаях банального консультирования и разъяснения. Механизм внедрения системы онлайн-чата на сайте Госавтоинспекции, и его интеграции с другими системами МВД, позволит гражданам задавать вопросы и получать ответы от сотрудников в режиме реального времени. Недостаточная готовность граждан к использованию онлайн-чата может привести к низкой эффективности работы данной системы, однако для повышения осведомленности граждан о новом электронном сервисе и его возможностях, необходимо проводить информационные кампании и обучающие программы, а также улучшить интерфейс и удобство его использования. Возрастет и требование МВД России к качеству взаимодействия сотрудников с гражданами [8, с. 26]. Задачи Госавтоинспекции, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, неразрывно связаны с применением информационных технологий [9, с. 152]. В современном обществе возникают все более широкие возможности получения информации и услуг дистанционно. Вопрос недостаточной квалификации сотрудников для работы с онлайн-чатом, которая может привести к низкому качеству обслуживания пользователей, стоит решать аналогично вопроса недостаточной информационной культуры среди сотрудников Госавтоинспекции.

Таким образом, после внедрения вышеуказанных механизмов цифровой трансформации в систему Госавтоинспекции, можно ожидать ускорения и улучшения процесса обработки данных, что позволит сократить время на выдачу документов и увеличить скорость реагирования оперативную обстановку. Создание единой информационной системы позволит более эффективно координировать работу Госавтоинспекции, обеспечивать более точную и полную информацию о состоянии дорожного движения, а улучшение качества обслуживания граждан благодаря новым электронным сервисам и возможности получения документов онлайн, повысить уровень удовлетворенности и доверия граждан ко всей системе МВД России.

И в-третьих, в качестве процесса повышающего эффективность и качество предоставляемых государственных услуг, инструментами которого являются решения, способствующие оперативному и безопасному способу как получения, так и оказания услуг. Однако одной из главных проблем цифровой трансформации Госавтоинспекции является необходимость изменения правового регулирования в соответствии с новыми технологиями и требованиями. Данный подход потребует изменения законодательства и разработки новых правил и процедур, новых законодательных актов, которые будут соответствовать новым технологиям и требованиям. Возникает необходимость внедрения новых методов управления и контроля, которые позволят эффективно использовать новые технологии и процессы. Административно-правовое регулирование деятельности Госавтоинспекции, как передового подразделения полиции,

нуждается в современной корректировке, отвечающей сегодняшнему запросу общества на безопасность и качество услуг. Кроме того, цифровая трансформация может привести к увеличению количества данных, которые необходимо обрабатывать и хранить, что может потребовать улучшения инфраструктуры для обработки большого объема информации и обеспечения безопасности данных, а также может потребовать значительных затрат на обучение и подготовку сотрудников для работы с новыми процессами и системами. Наконец, цифровая трансформация может вызвать определенные социальные и экономические последствия, например, увеличение безработицы из-за автоматизации процессов или изменение спроса на услуги Госавтоинспекции, которые приведут к разработке программ по социальной адаптации персонала и принятия мер по смягчению социальных последствий.

Внедрение современных технических разработок и устройств в социальную действительность оказывает не только положительное влияние на общество, но и подчеркивает его проблемы, связанные с обеспечением безопасности [11, с. 207], в том числе и дорожного движения, запрос на укрепление и развитие которого, ежедневно отражается в процессе жизнедеятельности общества.

Литература

1. Румянцев Н.В., Журавлев В.В. Административно-правовое регулирование участия высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 196–200.
2. Кудинов, Д.А. Цифровая трансформация документооборота по организации дорожного движения / Д.А. Кудинов // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции, Орёл, 20–21 апреля 2023 года / Редколлегия: Д.Л. Проказин [и др.]. – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. – С. 218–224.
3. Калюжный, Ю.Н. Современные вызовы и риски цифровой трансформации общественных отношений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / Ю.Н. Калюжный // Цифровая трансформация системы МВД России: Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / Под редакцией И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 346–353.
4. Ефремов, А.Ф. Проблемы разработки новых, единых баз данных в системе МВД России / А.Ф. Ефремов // Вопросы российского и меж-

дународного права. – 2020. – Т. 10, № 11–1. – С. 222–228.

5. Климова, Д.В. Иностраный и отечественный опыт профилактики дорожно-транспортных происшествий с использованием систем автоматической фиксации правонарушений / Д.В. Климова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 237–243.
6. Зимова, Н.С. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти / Н.С. Зимова, Е.В. Фомин, А.А. Смагина // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 159–171.
7. Калюжный, Ю.Н. Взаимодействие Госавтоинспекции МВД России с общественностью при реализации партнерской модели отношений по обеспечению безопасности дорожного движения / Ю.Н. Калюжный // Академическая мысль. – 2022. – № 4(21). – С. 168–171.
8. Танаева, З.Р. Развитие профессионального мастерства сотрудников полиции в условиях дополнительного профессионального образования / З.Р. Танаева, Д.В. Деккерт // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 4(53). – С. 18–29.
9. Матросова, Л.Д. Особенности внедрения современных информационных технологий в целях повышения эффективности деятельности Госавтоинспекции / Л.Д. Матросова // Проблемы права. – 2016. – № 4(58). – С. 150–152.
10. Кирюшин, И.И. Новая функциональная возможность официального сайта ГИБДД / И.И. Кирюшин // Государство и право в эпоху глобальных перемен: Материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 28–29 июня 2022 года / Под редакцией Д.Л. Проказина. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. – С. 480–481.
11. Калюжный, Ю.Н. Проблемные аспекты административно-правового регулирования использования электромеханических транспортных средств в Российской Федерации / Ю.Н. Калюжный // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2021. – № 1(4). – С. 207–212.

LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE

Kudinov D.A.

State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Ryazan region

The article presents an analysis of the organization of the official activities of the departments of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and problematic issues of its digital transformation.

As a dynamically developing process that increases the efficiency of activities, the digital transformation of the Traffic Police department is considered in three directions: intra-organizational, external-organizational and the provision of services. The possibilities of introducing new mechanisms into the work of the unit, in order to ensure road safety, are being considered. The introduction of modern mechanisms for accounting and processing information is proposed in order to improve the convenience of processing, storing and analyzing information, as well as improving the quality of interdepartmental interaction. Tools are offered to improve video surveillance systems and automatic recording of offenses, in order to prevent and suppress crimes and offenses. The issue of creating a dialog service in the mode is being considered

Keywords: digital transformation, traffic police, road safety, transformation mechanisms, digital transformation tools, road safety.

References

1. Rumyantsev N.V., Zhuravlev V.V. Administrative and legal regulation of the participation of highly automated vehicles in road traffic//Bulletin of Economic Security. 2020.No. 5. pp. 196–200.
2. Kudinov, D. A. Digital transformation of document flow in the organization of traffic / D.A. Kudinov // Management of road safety activities: state, problems, ways of improvement: Collection of materials of the XVII International Scientific and Practical Conference, Orel, April 20–21, 2023 / Editorial Board: D.L. Prokazin [et al.]. – Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, 2023. – pp. 218–224.
3. Kalyuzhny, Yu.N. Modern challenges and risks of digital transformation of public relations in the field of ensuring road safety / Yu.N. Kalyuzhny // Digital transformation of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: A collection of scientific articles based on the materials of the International Forum. In 2 parts, Moscow, October 20, 2022 / Edited by I.G. Chistoborodov. Volume Part 1. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – pp. 346–353.
4. Efremov, A.F. Problems of developing new, unified databases in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A.F. Efremov // Issues of Russian and International Law. – 2020. – Vol. 10, No. 11–1. – pp. 222–228.
5. Klimova, D.V. Foreign and domestic experience in the prevention of road accidents using automatic detection systems of offenses / D.V. Klimova // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2021. – Vol. 7, No. 2. – pp. 237–243.
6. Zimova, N.S. Social networks as a new channel of interaction between society and government / N.S. Zimova, E.V. Fomin, A.A. Smagina // Scientific result. Sociology and Management. – 2020. – Vol. 6, No. 2. – pp. 159–171.
7. Kalyuzhny, Yu.N. Interaction of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the public in the implementation of the partnership model of relations to ensure road safety / Yu.N. Kalyuzhny // Academic Thought. – 2022. – № 4(21). – Pp. 168–171.
8. Tanaeva, Z.R. Development of professional skills of police officers in conditions of additional professional education / Z.R. Tanaeva, D.V. Dekkert // Scientific support of the system of advanced training of personnel. – 2022. – № 4(53). – Pp. 18–29.
9. Matrosova, L.D. Features of the introduction of modern information technologies in order to improve the efficiency of the State Traffic Inspectorate / L.D. Matrosova // Problems of law. – 2016. – № 4(58). – Pp. 150–152.
10. Kiryushin, I.I. New functionality of the official website of the traffic police / I.I. Kiryushin // State and law in the era of global change: Materials of the international scientific and practical conference, Barnaul, June 28–29, 2022 / Edited by D.L. Prokazin. – Barnaul: Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education “Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, 2022. – pp. 480–481.
11. Kalyuzhny, Yu.N. Problematic aspects of administrative and legal regulation of the use of electromechanical vehicles in the Russian Federation / Yu.N. Kalyuzhny // Management of road safety activities: state, problems, ways of improvement. – 2021. – № 1(4). – Pp. 207–212.

Мустафина-Бредихина Диана Мядхатовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
E-mail: diana-mus@yandex.ru

Артымук Владимир Анатольевич,

соискатель кафедры административного и финансового права, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
E-mail: adv-artymuk@mail.ru

Важность развития системы здравоохранения для социальной защищенности населения определяется выбором модели, которая обеспечивает эффективное использование ресурсов и качественную медицинскую помощь. В США отсутствует единая государственная система медицинского страхования, здравоохранение финансируется частным сектором. Несмотря на сложные процессы, которые происходили в системе здравоохранения США в последние годы, глобально реформа Obamacare не привела к радикальным изменениям в структуре системы здравоохранения США. Прямое участие государства в предоставлении услуг здравоохранения в США ограничено наиболее уязвимыми социальными группами, при этом до настоящего время большая часть населения остается незастрахованной. В США высокие цены на медицинские услуги, ограниченный доступ к медицинской помощи для малоимущих и проблемы с контролем доступности экстренной помощи. Это связано с отсутствием законодательства о медицинских накопительных счетах, предоставляемых работодателями, и противодействием страховых компаний.

В США, несмотря на проведенные реформы здравоохранения и большие затраты, система все еще недоступна и неэффективна для большинства из-за проблем правового регулирования финансирования.

Ключевые слова: финансирование, система здравоохранения, США, правовое регулирование, система здравоохранения, Medicare, Medicaid, Obamacare, медицинские накопительные счета.

Значимым фактором, определяющим социальную защищенность населения любой страны, является развитие системы здравоохранения, которое, в свою очередь, зависит от финансирования. Эффективность последнего зависит от: источников предоставления финансовых средств и [Galstyan, 2021, с.44]. В связи с чем, определение модели здравоохранения в любой стране мира имеет принципиальное значение для обеспечения эффективного использования ресурсов и оказания качественной медицинской помощи [8, с.51]. Внутренняя государственная политика и уровень общественного и финансового состояния страны – это то, что определяет организацию системы здравоохранения [5, с. 60]. Формы собственности, способы финансирования и механизмы стимулирования медицинских работников, способы контроля качества медицинской помощи – это те параметры, на основании которых можно различать системы здравоохранения.

Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) полагают, что системы здравоохранения делятся на следующие три типа: система Бевериджа или Семашко; система Бисмарка; частная, негосударственная (или рыночная) система здравоохранения [5, с. 62].

Представим указанные типы в виде таблицы 1.

Таблица 1

	Модель Семашко-Бевериджа	Модель Бисмарка	Частная модель
Источник финансирования	Государственный бюджет	Частные страховые компании и фонды при государственной поддержке	Потребитель
Доля расходов от ВВП	От восьми до одиннадцати процентов	От девяти до тринадцати процентов	-
Платят ли потребители за услуги	Бесплатно	Большая часть услуг – платная, используется сооплата	Все услуги – платные
Управление	Централизованное	Децентрализованное	Рынок услуг определяет потребности. Управление отсутствует

	Модель Семашко-Бевеиджа	Модель Бисмарка	Частная модель
Кто оказывает услуги	Государственные медицинские организации	Учреждения с разными формами собственности. Преобладание частных медицинских организаций некоммерческой направленности	Частные компании
Страны	Испания (1986), Греция (1983), Италия (1980), Португалия (1979), Дания (1973), Ирландия (1971), Великобритания (1948)	Нидерланды, Австрия, Бельгия, Швейцария, Франция, Германия, Япония, Канада	Израиль, Южная Корея, США, латиноамериканские страны
Источник информации	[17, с. 10], [5, с.62]	[4, с. 10], [17, с. 12]	[4, с. 12]

Таким образом, международный опыт свидетельствует о том, что финансирование системы здравоохранения и, соответственно контроль за этим, определяется выбором модели системы здравоохранения и различается в странах мира. Указанный выбор, в свою очередь, позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся ресурсы и оказывать медицинскую помощь качественного характера.

Система здравоохранения США является самой дорогой системой в мире. Финансирование программ Medicare и Medicaid – причина, в силу которой расходы на здравоохранение увеличиваются в течение последних тридцати лет (порядка 1,2 триллионов долларов США в год) [Дудник, 2016, с. 64]. Обе программы были приняты в 1965 г. и явились большим прорывом в здравоохранении США [23; 24]. Большое финансирование – причина, в силу которой здравоохранение Америки демонстрирует характер инновационности, что также связано с большим количеством научных исследований, технологий и широким выбором лекарственных средств. Существует мнение, согласно которому появление медицинской помощи с использованием высоких технологий связано со свободным рынком в США. Система медицинских накопительных счетов также представляет собой специфически американскую концепцию, успешно внедряющуюся на сегодняшний день в азиатских странах [10, с. 100].

Представим некоторые медицинские программы США в виде таблицы 2.

Таблица 2

	Medicaid [10, с. 101]	The Children's Health Insurance Program	Medicare [24]	Veterans Health Care Program/Tricare	Добровольное медицинское страхование [22]
Кто имеет право на участие	население с низким доходом, беременные женщины, инвалиды	Нуждающиеся дети	Граждане США старше 65 лет/молодые люди (с определенными проблемами)	Военнослужащие/ветераны боевых действий	Работники, не обладающие корпоративной страховкой
Количество людей	65 млн.		42 млн.	4,5 млн.	156 млн.
Источник финансирования	Правительство штатов		Налог с зарплаты, из выплат пособий (по соцобеспечению)	Департамент по делам ветеранов	Работодатель

Судьбоносное значение для системы здравоохранения США сыграл закон, принятый в 2010 г. «О защите пациентов и доступном здравоохранении». «Обамакэр» (Obamacare) [20], по мнению многих исследователей, явился главным достижением президента Б. Обамы во внутренней политике США. Указанный Закон получил статус легитимного 23.03.2010, а полная его реализация имела место 01.01.2014 [18, с. 130].

Закон, состоял из 10 отдельных законодательных разделов и преследовал несколько основных целей: добиться почти всеобщего охвата населения за счет совместной ответственности правительства, отдельных лиц и работодателей; сде-

лать медицинское страхование более качественным и доступным; сократить расходы и повысить подотчетность системы здравоохранения разнообразному контингенту пациентов; расширить доступ к первичной медико-санитарной помощи; инвестировать в общественное здравоохранение с помощью расширения направления профилактических мероприятий [18, с. 131–132]. В настоящее время общепризнано, что именно с принятием этого закона впервые в истории США большинство населения страны получили право на доступную медицинскую помощь [9, с. 67]. Однако этот закон одновременно вызвал неоднозначную бурную реакцию в американском обществе [11, с. 3].

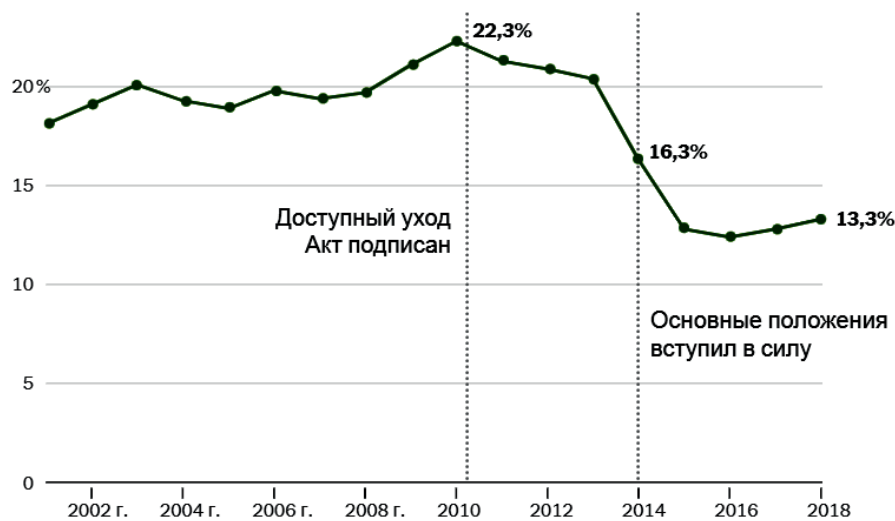
Проблема заключалась в следующем: Закон минимально учитывал особые потребности детей, обладающих инвалидностью (CYSHCN). В силу того, что указанная подгруппа детей является многочисленной (порядка 13–18% от общего детского населения США), предоставление им медицинского страхования могло сделать медицинские услуги значительно более доступными. Поэтому этот закон оказал потенциальное влияние и на этот большой сегмент детского населения [15, с. 207].

Кроме того, Закон устанавливал ранее отсутствовавшие основные средства правовой защиты: почти всеобщая гарантия доступа к доступному медицинскому страхованию от рождения до выхода на пенсию. Планировалось, что охват медицинской страховкой составит около 94% населения США [19, с. 80–81].

Негативными сторонами Закона являлись: были увеличены расходы на систему здравоохранения

из-за роста потребления медицинских услуг в рамках профилактического обслуживания и тестирования, рост налогов, слишком большой контроль над решением личности о своем здоровье [13, с. 11]. Караник и его коллеги выделили следующие отрицательные стороны закона: сложность для рядовых американских граждан; ранее незастрахованные лица получили большую часть преимуществ; повышение налогового бремени ударило, в первую очередь, по бизнесу и состоятельному населению США; прогнозировалось увеличение фактических расходов на медицину в будущем [6, с. 52]. Впоследствии в 2011 году Апелляционный суд города Атланта постановил, что всеобщее медицинское страхование, осуществляющееся в обязательном порядке, вступает в противоречие с Конституцией США [12, с. 7].

Данный Закон уменьшил количество незастрахованных взрослых американцев, что подтверждается следующими данными [26] (рис. 1).

Включает лиц в возрасте от 18 до 64 лет, не имевших страховки на момент обследования. • Источник: Национальное интервью по вопросам здоровья | Элла Кёзе

Рис. 1. Доля незастрахованных после вступления в силу закона ACA

Результаты внедрения ACA: увеличение охвата медицинской помощью при недостаточном снижении расходов на здравоохранение, улучшение уровня здоровья и продолжительности жизни, увеличение доходов страховых компаний [11, с. 14].

Однако самой большой проблемой этого закона являлись франшизы. Эта проблема перевесила опасения по поводу наличия достаточного количества врачей и даже цены страховых взносов. Проведенные опросы продемонстрировали, что несмотря на благодарность за душевное спокойствие вследствие обладания медицинской страховкой, многие люди не могут позволить себе обратиться к врачу. До настоящего времени предпринимаются попытки принять новый закон (инициатива республиканцев) или видоизменить старый [13, с. 15].

Таким образом, американская реформа не смогла радикально изменить структурную составляющую здравоохранения США [14, с. 172]. Усиление требований к страховым компаниям и работодателям – единственная причина, в силу которой Закон смог регулировать часть провалов рынка медицинских услуг [14, с. 173–174].

В настоящее время финансирование системы здравоохранения США осуществляется, по данным Дудника В.Ю. и соавт (2014) на 40% за счет частного страхования, на 20% – за счет личных средств. Программы для пожилых и малоимущих в общей структуре финансирования составляют около 40% [5, с. 64]. Согласно сведениям, предоставленным Е.В. Соколовым, частные и государственные организации представляют собой основные источники медицинского финансирования (55% приходится на бюджет государства). При этом порядка 45% приходится на ДМС и личные финансовые средства граждан США [10, с. 108].

Частные американские страховые фирмы контролируют медицинские финансовые расходы. При этом расходы распределяются ассиметрично: на половину американцев тратится порядка трех процентов всех финансовых средств, в то время как на пять процентов американцев тратится фактически половина всех финансовых средств [10, с. 109].

Несмотря на то, что самые большие инвестиции в США осуществляются именно в сферу здраво-

охранения, следует отметить следующее. То, насколько платежеспособными являются пациенты, оказывает влияние на степень доступности медицинских услуг. В частности, пожилые и малоимущие граждане США не могут претендовать на программы, положенные им по закону. Цены на лекарства и медицинские услуги не регулируются в должной степени. Формирование цены зависит от соглашения, заключенного между гражданином, страховой компанией и организацией, предоставляющей медицинские услуги [5, с. 64].

В США невмешательство государства в свободный рынок финансирования здравоохранения и отсутствие контроля рынка предоставления медицинских услуг и лекарств, с одной стороны, способствует развитию конкуренции медицинских центров и высокой инновационности здравоохранения на всех уровнях, а с другой стороны – ее высокой стоимости [6, с. 56].

По мнению Караника и соавт (2013), закон ACA облегчил положение дел, поскольку основные положения закона состояли в обязательном медицинском страховании всех граждан, регулировании страховых взносов и рынка страховых полисов, государственном контроле цен на медицинские услуги. До реформы страхование людей с тяжелыми хроническими заболеваниями было затруднено и многие из них были лишены возможности получения медицинской помощи [6, с. 57].

За период 2010–2019 годов законодательство инвестировало почти 1 триллион долларов США, направленных на то, чтобы реализовать закон ACA и сделать медицинское страхование в США доступным [18, с. 133].

Однако до настоящего времени вопрос о медицинском страховании продолжает сохраняться одним из наиболее острых в американской политике. И это вполне объяснимо, если учесть, что здравоохранение – это шестая часть всей экономики США, в 2021 году США потратили на здравоохранение 17,8% валового внутреннего продукта (23 трлн долл.), что почти вдвое больше, чем в сопоставимых странах с высоким уровнем доходов [27].

В США после принятия в 2003 году Закона о совершенствовании и модернизации медицинского обслуживания и об отпускаемых по рецепту лекарственных средствах (Medicare Prescription Drug, Improvement, and Modernization Act – MMA) стало возможным широкое использование медицинских сберегательных счетов. В настоящее время в США существует три основных типа медицинских сберегательных счетов: Health Savings Account (HSA), Medical Savings Account (MSA) и Flexible Spending Account (FSA). Для людей с планами высоких вычетов при страховании – HSA. Эти счета предназначаются для оплаты расходов, которые не покрываются страховкой. Индивид полностью распоряжается этими средствами, которые не облагаются подоходным налогом, а оставшиеся средства переносятся на будущие периоды. MSA – медицинские сберегательные счета (MCA) для самозанятых лиц. Они также и не облагаются налогами при расходе-

вании на оплату определенного перечня медицинских услуг. FSA – накопительные счета, которые могут быть открыты лицами моложе 65 лет, должны быть использованы в пределах установленного периода и позволяют отложить часть средств до вычета налогов для оплаты определенных медицинских услуг, которые входят в перечень, установленный службой внутреннего налогообложения [2, с. 11–12].

Однако существуют исследования, которые продемонстрировали неэффективность медицинских накопительных счетов для решения проблем американского здравоохранения. С одной стороны, существует реальная опасность дробления страхового рынка, что приведет к увеличению числа незастрахованных. С другой стороны, не доказано, что МСС могут стимулировать работодателей, более того, ряд экспертов вообще считают концепцию МСС возвратом в прошлое к плате за услугу и высоким соплатежам [2, с. 24].

В действительности необеспеченным группам населения, как правило, требуется больше медицинских расходов, чем более обеспеченным, поэтому любые МСС приведут к снижению качества медицинского обслуживания по сравнению с государственной системой здравоохранения, поскольку МСА разрушают социальное равенство в системе здравоохранения, оказывая влияние как на общие принципы страхования, так и на горизонтальное перераспределение средств [2, с. 122].

Для США МСА означают прямую противоположность управляемому здравоохранению: неконтролируемое и нерациональное потребление медицинских услуг на основе индивидуальных решений. Однако определенные слои населения в США поддерживают МСС как желанную альтернативу управляемому здравоохранению, которая позволяет сохранить автономность частных практик [2, с. 128].

В настоящее время основными недостатками системы здравоохранения в США при абсолютных затратах 9536\$ на душу населения в год остаются следующие проблемы: практически 50 млн американцев остается незастрахованными, происходит постоянный рост цен на медицинские услуги, отсутствует доступность медицинской помощи для малоимущих слоев населения при переизбытке высокотехнологичного дорогостоящего оборудования и ограниченном контроле доступности дорогостоящей экстренной помощи [25].

В 2021 году, по данным Агентства Bloomberg News, США заняли ниже 50-го места в мире по эффективности системы здравоохранения. Ожидаемая продолжительность жизни в США, составляющая примерно 79 лет, была выше более чем в 25 странах мира [21].

В этом же году, по данным исследования *Mirror, Mirror 2021 – Reflecting Poorly*, проведенного Фондом Содружества, которое оценивало эффективность систем здравоохранения 11 развитых стран, США заняли последнее место после таких стран, как Норвегия, Нидерланды, Австралия, Соединен-

ное Королевство, Германия, Новая Зеландия, Швеция, Франция, Швейцария и Канада [25].

При этом ожидаемая продолжительность жизни в США остается ниже номинала, несмотря на то, что США тратят на здравоохранение вторую по величине сумму на душу населения – 9536 долларов [27].

По данным Schwartz LM и соавт (2019), в последнее десятилетие в США, несмотря на значительный рост расходов на маркетинг лекарственных препаратов, контроль за этим процессом продолжает оставаться ограниченным [19, с. 96].

Так, по мнению Соколова Е.В. и соавт. (2019) у США, имеется существенное отставание от других стран, таких, как Сингапур (охвачено практически все население) и Китай (около 300 млн пользователей), что обусловлено, с одной стороны, отсутствием в США закона об обязательном перечислении средств на медицинские накопительные счета (МНС) работодателями и мощным давлением страховых компаний, которые при введении МНС лишатся значимой части своих доходов [10, с. 108].

В США до настоящего времени с большими проблемами реализуется концепция ВОЗ о всеобщем охвате медицинской помощью (концепция всеобщего доступа к медицинским услугам), и многие годы было развито направление, связанное с расовой дискриминацией и неравенством в доступе к медицинской помощи, получило развитие в США [7, с. 64].

Пандемия COVID-19 проявила слабые звенья здравоохранения США – его «социальную недостаточность» вследствие исторически накопившихся проблем, связанных с дискриминацией неплатежеспособных слоёв населения. Несмотря на очевидную необходимость дальнейшего реформирования системы здравоохранения и, вопреки проявившимся недостаткам, частная система американского здравоохранения продолжает своё существование, но уже с учётом более значительного вовлечения государства в её функционирование в ожидании очередной выборной кампании [13, с. 64].

Таким образом, в настоящее время медицинская услуга в США продолжает рассматриваться как товар, и, несмотря на большую затратность здравоохранения в США, оно не является высокоэффективным, что обусловлено, во многом, недостаточным вовлечением государства в его функционирование и проблемами правового регулирования вопросов финансирования системы здравоохранения.

Литература

1. Аканов А.А. Политика охраны здоровья населения в Казахстане: Опыт разработки, реализации национальных программ здравоохранения и перспективы на 2010–2015 годы. – Астана, 2006. – 243 с.
2. Анализ зарубежного опыта использования медицинских сберегательных счетов и возможности их применения в Российской Федера-

ции / В.С. Назаров, К.М. Дэвис, Н.М. Сисигина. – Москва: Издательство Дело, 2015. – 136 с. – ISBN978–5–7749–1071–7.

3. Ваттаниян Ф.Е., Ранецкая С.В. Финансирование здравоохранения в зарубежных странах. Здравоохранения. – 2005. – № 3. – С. 49–55
4. Вятровска А. Система здравоохранения в Польше // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2013. – № 1. – С. 9–19 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-zdravooohraneniya-v-polshe>
5. Дудник В.Ю. Модели развития системы здравоохранения: мировой опыт (обзор литературы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 3–1. – С. 60–64; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8671> (дата обращения: 11.06.2023).
6. Караник В.С., Дзядзько А.М., Масюк М.Ю., Новик И.И. Реформа здравоохранения США (закон «о защите пациентов и доступности медицинской помощи»): взгляд белорусских специалистов // Медицинские новости. – 2014. – № 9 (240). – С. 52–57.
7. Неравенство в сфере здравоохранения [Электронный ресурс]: аналитический доклад / А.В. Быков, М.Д. Красильникова, О.Ф. Понкратова, Н.В. Ракута, С.В. Шишкин; под ред. С.В. Шишкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. Социально-экономическое неравенство в России: состояние, динамика, ключевые проблемы. 78с. – ISBN978–5–7598–2633–0 (e-book).
8. Омельяновский В. В., Максимова Л.В., Татарinov А.П. Ключевые параметры систем здравоохранения // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. – 2014. – № 2. С. 51–57.
9. Салимов В.А. Реформа здравоохранения в США в период президентства Б. Обамы глазами российских ученых // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 67–70.
10. Соколов Е. В., Гречкин Д.А. Система финансирования здравоохранения США // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 5. – № 12. – С. 100–108.
11. Шведова Н.А. Здравоохранение в США: уроки пандемии COVID-19 // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2022. – № 11. – С. 64–80. – DOI 10.31857/S2686673022110050.
12. Шведова Н. А. «Трампарк» против «Обамакэр»: первый раунд? // Россия и Америка в XXI веке. – 2017. – № 2. – С. 7.
13. Шведова Н.А. Реформа здравоохранения в США: споры не утихают // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 7(535). – С. 3–16.
14. Щеголев П.Е. Процессы трансформации системы здравоохранения в России и США сквозь призму организационной культуры доверия: сравнительный анализ // Известия СПбГЭУ. 2018. № 3 (111). С.172–177.

15. Feldman HM, Buysse CA, Hubner LM, Huffman LC, Loe IM. Patient Protection and Affordable Care Act of 2010 and children and youth with special health care needs// J DevBehav-Pediatr. 2015 Apr;36(3):207–17. doi: 10.1097/DBP.000000000000151. PMID: 25793891; PMCID: PMC4387205.
16. Galstyan H., Badadyan G. Global trends in current and state health care financing in upper-middle-income countries // Amberd Bulletin. – 2021. – No. 6(13). – P. 44–51. – DOI 10.52174/2579–2989_2021_6_44.
17. Giyasov S.A. Analysis of world practice of financing and organizing health care systems // Бенефициар. – 2019. – No. 50. – P. 8–16.
18. Rosenbaum S. The Patient Protection and Affordable Care Act: implications for public health policy and practice. Public Health Rep. 2011 Jan-Feb;126(1):130–5. doi: 10.1177/003335491112600118. PMID: 21337939; PMCID: PMC3001814.
19. Schwartz LM, Woloshin S. Medical Marketing in the United States, 1997–2016. JAMA. 2019 Jan 1;321(1):80–96. doi: 10.1001/jama.2018.19320. PMID: 30620375.
20. About the Affordable Care Act. <https://www.hhs.gov/healthcare/about-the-aca/index.html>. (дата обращения: 24.06.2023).
21. Bloomberg's Most Efficient Health Care 2020 ranking. <https://www.bloomberg.com/graphics/in-fographics/most-efficient-health-care-around-the-world.html>. (дата обращения: 24.06.2023).
22. Health Insurance Coverage of the Total Population // Kaiser Family Foundation. URL: <https://www.kff.org/other/state-indicator/total-population/?currentTimeframe=0&selectedRows=%7B%22states%22:%7B%22all%22:%7B%7D%7D,%22wrapups%22:%7B%22unitedstates%22:%7B%7D%7D%7D&sortModel=%7B%22collid%22:%22Location%22,%22sort%22:%22asc%22%7D>. (дата обращения: 24.06.2023).
23. Medicaid & CHIP coverage. <https://www.healthcare.gov/medicaid-chip/getting-medicaid-chip>. (дата обращения: 24.06.2023).
24. Medicare and the Marketplace. <https://www.healthcare.gov/medicare>. (дата обращения: 24.06.2023).
25. Mirror, Mirror 2021: Reflecting Poorly | Commonwealth Fund. <https://www.commonwealthfund.org/publications/fund-reports/2021/aug/mirror-mirror-2021-reflecting-poorly>. (дата обращения: 24.06.2023).
26. National health interview survey. <https://www.cdc.gov/nchs/nhis/index.htm>. (дата обращения: 24.06.2023).
27. WHO. Global expenditure on health: public spending on the rise? [Internet]. Geneva: World Health Organization; 2021 [cited 2022 Nov 8]. Available from: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/350560>. (дата обращения: 24.06.2023).

LEGAL MODEL OF FINANCING THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE USA

Mustafina-Bredikhina D.M., Artyuk V.A.

Peoples' Friendship University of Russia

The development and model of a country's healthcare system determine social security and efficient use of resources. In the US, there is no unified public health insurance system, and healthcare is financed privately. Despite recent reforms, notably the Obamacare reform, the structure of the US healthcare system has not seen significant changes. The government's involvement is limited to vulnerable social groups, leaving a majority of the population uninsured. Rising medical prices, lack of access for the poor, overutilization of expensive equipment, and limited control over emergency care contribute to ongoing issues. Lack of mandatory employer contributions to medical savings accounts and opposition from insurance companies further complicate the system. Overall, the US healthcare system remains inaccessible and ineffective for many, primarily due to legal regulations concerning financing.

Keywords: financing, healthcare system, USA, legal regulation, healthcare system, Medicare, Medicaid, Obamacare, medical savings accounts.

References

1. Akanov A.A. (2006) Public health policy in Kazakhstan: Experience in the development, implementation of national health programs and prospects for 2010–2015. Astana. 243 p. (in Russian).
2. Analysis of foreign experience in the use of medical savings accounts and the possibility of their application in the Russian Federation (2015). V.S. Nazarov, K.M. Davis, N.M. Sisigina. Moscow: Delo Publishing House. 136p. ISBN978–5–7749–1071–7. (in Russian).
3. Vattanyan F.E., Ranetskaya S.V. (2005) Health financing in foreign countries. Zdravoohranenie. № 3. P. 49–55 (in Russian).
4. Wiatrowska A. (2013). The healthcare system in Poland. Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. № 1. P. 9–19. (in Russian).
5. Dudnik V. Yu. (2016). Health system development models: world experience (literature review). Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. № 3–1. P. 60–64 (in Russian).
6. Karanik V.S., Dzyadzko A.M., Masyuk M.Yu., Novik I.I. (2014) US Healthcare Reform (Patient Protection and Access to Medical Care Act): Belarusian Experts' Perspective. Medicinskie novosti. № 9 (240). P. 52–57 (in Russian).
7. Inequality in healthcare [Electronic resource]: analytical report (2021) A.V. Bykov, M.D. Krasilnikova, O.F. Ponkratova, N.V. Rakuta, S.V. Shishkin; ed. S.V. Shishkin; National research University Higher School of Economics. M.: NRU HSE, 2021. 78p. Electron. text. Dan. Socio-economic inequality in Russia: state, dynamics, key problems. ISBN978–5–7598–2633–0 (e-book) (in Russian).
8. Omelyanovsky V. V., Maksimova L.V., Tatarinov A.P. (2014). Key parameters of health systems. Farmakoeconomika. Sovremennaya farmakoeconomika i farmakoepidemiologiya. № 2. P. 51–57. (in Russian).
9. Salimov V.A. (2018). Health care reform in the United States during the presidency of B. Obama through the eyes of Russian scientists. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. № 1. P. 67–70. (in Russian).
10. Sokolov E. V., Grechkin D.A. (2019). US healthcare financing system. Economics and management: problems, solutions. T. 5, № 12. P. 100–108 (in Russian).
11. Shvedova H. A. (2022). Health care in the United States: the lessons of the COVID-19 pandemic. SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2022. № 11. P. 64–80. DOI 10.31857/S2686673022110050. (in Russian).
12. Shvedova N.A. (2017) "Trumpcar" vs. "Obamacher": the first round? Russia and Rossiya i Amerika v XXI veke. 2017. No. 2. P. 7 (in Russian).
13. Shvedova N.A. (2014). Health care reform in the US: the controversy continues. SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. № 7(535). P. 3–16
14. Shchegolev P.E. (2018). The processes of transformation of the healthcare system in Russia and the United States through the

- prism of an organizational culture of trust: a comparative analysis. *Izvestiya SPbGEU*. № 3 (111). P. 172–177. (in Russian).
15. Feldman HM, Buysse CA, Hubner LM, Huffman LC, Loe IM. (2015) Patient Protection and Affordable Care Act of 2010 and children and youth with special health care needs *J Dev Behav Pediatr*. Apr;36(3):207–17. doi: 10.1097/DBP.000000000000151. PMID: 25793891; PMCID: PMC4387205.
  16. Galstyan H., Badadyan G. (2021). Global trends in current and state health care financing in upper-middle-income countries. *Amberd Bulletin*. No. 6(13). P. 44–51. DOI 10.52174/2579–2989_2021_6_44.
  17. Giyasov S. A. (2019). Analysis of world practice of financing and organizing health care systems. *Beneficiar*. No. 50. P. 8–16.
  18. Rosenbaum S. (2011). The Patient Protection and Affordable Care Act: implications for public health policy and practice. *Public Health Rep*. Jan-Feb;126(1):130–5. doi: 10.1177/003335491112600118. PMID: 21337939; PMCID: PMC3001814.
  19. Schwartz LM, Woloshin S. (2019). Medical Marketing in the United States, 1997–2016. *JAMA*. Jan 1;321(1):80–96. doi: 10.1001/jama.2018.19320. PMID: 30620375.
  20. About the Affordable Care Act. <https://www.hhs.gov/healthcare/about-the-aca/index.html>. (date of access: 24.06.2023).
  21. Bloomberg's Most Efficient Health Care 2020 ranking. <https://www.bloomberg.com/graphics/infographics/most-efficient-health-care-around-the-world.html>. (date of access: 24.06.2023).
  22. Health Insurance Coverage of the Total Population // Kaiser Family Foundation. URL: <https://www.kff.org/other/state-indicator/total-population/?currentTimeframe=0&selectedRows=%7B%22states%22:%7B%22all%22:%7B%7D%7D,%22wra-pups%22:%7B%22unitedstates%22:%7B%7D%7D%7D&sort-Model=%7B%22colld%22:%22Location%22,%22sort%22:%22asc%22%7D>. (date of access: 24.06.2023).
  23. Medicaid & CHIP coverage. <https://www.healthcare.gov/medicaid-chip/getting-medicaid-chip>. (date of access: 24.06.2023).
  24. Medicare and the Marketplace. <https://www.healthcare.gov/medicare>.
  25. Mirror, Mirror 2021: Reflecting Poorly | Commonwealth Fund. <https://www.commonwealthfund.org/publications/fund-reports/2021/aug/mirror-mirror-2021-reflecting-poorly>. (date of access: 24.06.2023).
  26. National health interview survey. <https://www.cdc.gov/nchs/nhis/index.htm>. (date of access: 24.06.2023).
  27. WHO. Global expenditure on health: public spending on the rise? [Internet]. Geneva: World Health Organization; 2021 [cited 2022 Nov 8]. Available from: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/350560>. (date of access: 24.06.2023).

Кузякин Юрий Петрович,

доктор юридических наук, профессор Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kuziakin49@mail.ru

Мухин Алексей Игоревич,

Студент магистратуры, ВШГА, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: mlesha333@gmail.com

В современных условиях глобальных трансформационных преобразований, Российская Федерация встала на путь цифровизации, о чем свидетельствует принятие в 2018 г. Национального проекта «Цифровая экономика» на период с 2019 по 2024 годы, с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере. Распоряжением Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р принята «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года», в которой предусмотрено применение цифровых технологий в различных таможенных сферах, включая таможенный контроль. Отсутствие четких и доступных информационных источников, сервисов, платформ, приложений или порталов по цифровым технологиям в таможенном контроле тормозит скорость внедрения инноваций в таможенное дело. В свою очередь, это не позволяет таможенным структурам интегрироваться в региональные и мировые системы, что затрудняет их выход на международные экономические площадки. Эти и другие текущие проблемы обуславливают необходимость исследования процессов развития цифровых технологий в сфере таможенного контроля.

Материалы и методы научного исследования. Материалами исследования является действующее нормативно-правовые акты в исследуемой сфере. В данной работе использовались различные методы научного познания, в том числе: исторический, сравнительно-правовой, анализ, синтез, логический, индукции, дедукции и другие.

Обсуждение результатов. Вопросы организации деятельности по применению цифровых технологий в таможенном контроле. Необходимо выработка и обоснование различных информационных платформ, алгоритмов, технологий, ресурсов при проведении таможенного контроля.

Заключения (выводы). В целях совершенствования развития использования цифровых технологий в таможенном контроле необходимо введение более современных и автоматизированных систем, таких как системы идентификации и отслеживания грузов, аналитические и информационные системы, а также использование искусственного интеллекта и больших данных для улучшения качества и эффективности таможенных процедур.

Ключевые слова: таможенное дело, цифровизация, глобальные преобразования, таможенный контроль, таможенная служба.

Использование цифровых технологий в различных социально экономических сферах выступают важным инструментом решения различных ключевых проблем многих государств. Одной из которых выступает их эффективное внешнеэкономическое сотрудничество. Повышение уровня такого сотрудничества во многом определяется оперативностью и качеством таможенного контроля экспортных и импортных операций с помощью использования информационных систем и ресурсов, применение которых позволяют обрабатывать большие объемы информации, автоматизировать процессы таможенного контроля и обеспечивать взаимодействие между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности.

Одним из примеров применения ИИС в таможенном деле является система распознавания голоса и лиц. Эта технология используется для идентификации водителей, пассажиров и персонала транспортных средств на таможенном контроле, что позволяет исключить возможность мошенничества и подделки документов. Также ИИС позволяют быстро и точно идентифицировать грузы, транспортные средства и контейнеры на основе их визуального образа.

Кроме того, ИИС могут использоваться для управления контейнерными терминалами, что позволяет автоматизировать процессы работы с контейнерами, сократить время на их обработку и уменьшить количество ошибок при выполнении таможенных процедур.

Некоторые ИИС также могут использоваться для прогнозирования рисков и обеспечения безопасности на таможенном контроле. Эти системы могут анализировать данные о грузах, персонале, транспортных средствах и других факторах, чтобы определить потенциальные угрозы и предотвратить возможные инциденты.

По данным «дорожной карты» развития «сквозных» цифровых технологий «Нейротехнологии и искусственный интеллект», фактическая доля России на мировом рынке искусственного интеллекта составила 0,2% в 2018 г., но должна увеличиться до 1,7% к 2024 г. «Сквозные» цифровые технологии – это передовые научно-технические отрасли, наиболее сильно влияющие на развитие экономики. «Сквозные» цифровые технологии – это «большие данные», новые производственные технологии, промышленный интернет, искусственный интеллект, технологии беспроводной связи, компоненты робототехники и сенсорика, квантовые технологии, системы распределенного реестра, технологии виртуальной и дополненной реальности. В 2018 г. российский рынок решений в сфере искусственного интеллекта составил 2,1

млрд руб., к 2024 г. он должен увеличиться до 160,1 млрд руб.

Одним из основных источников информации при таможенном контроле являются декларации на товары, которые подаются участниками внешнеэкономической деятельности. Для обработки этой информации в России применяются различные информационные системы, такие как «Интеграция.Таможня», «Меркурий» и т.д.

Декларация на товар является основным документом, который сопровождает товары на всем пути их перемещения через границу, и содержит информацию о товаре, его стоимости, происхождении, количестве и т.д. Эта информация необходима для таможенного оформления и определения размера таможенных платежей, а также для контроля за выполнением режима таможенного склада или таможенной процедуры. Рассмотрим самые известные из них.

Так, «Интеграция.Таможня» – это комплексная информационная система, которая автоматизирует все процессы таможенной службы, начиная с подачи декларации на товары и заканчивая выдачей таможенного документа на основании результатов таможенного контроля. Данная система позволяет участникам внешнеэкономической деятельности подавать декларации на товары в электронном виде и получать результаты таможенной проверки также в электронном виде. Система также предоставляет возможность для онлайн-консультаций и запросов уточнения информации. Таким образом, участники внешнеэкономической деятельности могут значительно сократить время на подготовку документов и процедуры таможенной очистки.

Система «Меркурий» позволяет участникам внешнеэкономической деятельности обмениваться электронными документами с таможенными органами, включая декларации на товары. Это существенно ускоряет процесс таможенной очистки и сокращает время на оформление документов. Кроме того, система «Меркурий» предоставляет возможность для онлайн-консультаций и запросов уточнения информации, что также способствует более эффективному взаимодействию между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами.

Однако необходимо отметить, что система «Меркурий» не лишена недостатков. Один из них – это отсутствие единой платформы для обмена электронными документами. В настоящее время участники внешнеэкономической деятельности могут использовать несколько различных платформ для обмена документами с таможенными органами, что усложняет процедуру обмена и может привести к ошибкам при оформлении документов.

Тем не менее, система «Меркурий» продолжает развиваться и совершенствоваться. В настоящее время она позволяет не только обмениваться документами с таможенными органами, но и проводить онлайн-аукционы на право заключения договоров на поставку товаров для государственных нужд,

а также предоставляет возможность для онлайн-оплаты таможенных платежей.

«Регламент» – это информационная система таможенной службы, которая была разработана для автоматизированного управления таможенными процедурами и контролем за их соблюдением. Она является одной из наиболее важных информационных систем в таможенной сфере, поскольку обеспечивает эффективность и прозрачность процессов таможенного контроля, а также предотвращает нарушения законодательства в этой сфере.

Общие интересы вызывает применение аналитических систем и технологий машинного обучения для автоматического анализа данных и выявления нарушений при таможенном контроле. Например, система «Умная таможня», разработанная компанией IBM, позволяет автоматически анализировать данные и выявлять нарушения законодательства в режиме реального времени. Эта технология уже используется в России, что также повысило эффективность таможенного контроля.

В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) была разработана информационная система «Транзит», предназначенная для мониторинга грузов при транспортировке через территорию стран-участников. Система позволяет участникам внешнеэкономической деятельности отслеживать перемещение грузов на каждом этапе транзита и получать информацию о состоянии их грузов в режиме реального времени. «Транзит» обеспечивает эффективный контроль за перемещением грузов и предотвращает возможные нарушения правил перевозки.

Однако несмотря на преимущества системы «Транзит», в ее внедрении могут возникнуть определенные трудности, связанные с необходимостью соответствия требованиям системы и совершенствованием ее функционала. Таким образом, система «Транзит» является важным инструментом в организации таможенного контроля и упрощении процесса перемещения грузов между странами-участниками ЕАЭС.

Кроме того, ЕАЭС ведет работу над созданием «Единого окна», которое объединит несколько информационных систем и ресурсов для упрощения процесса внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля.

Так заключено соглашение о взаимодействии таможенных органов государств – участников ЕАЭС по борьбе с нарушениями интеллектуальной собственности. Сотрудничество таможенных органов государств – участников ЕАЭС осуществляется в рамках проекта «Таможенный интеллектуальный анализ».

Очевидно, что использование информационных систем и ресурсов в организации таможенного контроля позволяет значительно ускорить и упростить процесс таможенного оформления, а также повысить безопасность перемещения товаров через таможенную границу. Однако, необходимо учитывать особенности каждой системы и ресурса,

чтобы обеспечить их эффективное использование в таможенном контроле.

Кроме того, в России функционируют такие информационные ресурсы, как Федеральная таможенная служба «ФТС» России, Государственная информационная система «Единое окно», которые также являются важными инструментами для организации таможенного контроля.

Одной из таких систем является «Единое окно» – автоматизированная система, разработанная Федеральной таможенной службой для организации электронного взаимодействия между участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами. «Единое окно» позволяет получить различную информацию по товару и операциям с ним, включая стоимость, налоговые платежи, происхождение товара и т.д.

Помимо системы «Единое окно», действуют и другие информационные ресурсы, которые могут быть использованы в таможенном контроле. Например, в России действует единый реестр таможенных брокеров, который позволяет быстро найти подходящего брокера для оформления груза и его последующей таможенной очистки.

Единый реестр таможенных брокеров (далее – ЕРТБ) был создан с целью повышения эффективности и прозрачности таможенных процедур. Это база данных, в которой содержится информация о квалификации, сертификации и деятельности таможенных брокеров.

ЕРТБ позволяет быстро находить подходящего таможенного брокера для оформления груза и его последующей таможенной очистки. Благодаря ЕРТБ, таможенные органы могут быстро проверить информацию о брокере, узнать его квалификацию и опыт работы, а также убедиться в том, что он имеет необходимые сертификаты и разрешения на осуществление таможенных операций.

Одним из преимуществ ЕРТБ является сокращение времени на оформление документов и ускорение процесса таможенной очистки груза. Теперь таможенные органы могут быстро и легко найти подходящего брокера для оформления груза, что сокращает время на подготовку документов и процедуры таможенной очистки. Это также снижает риски ошибок и нарушений при проведении таможенных операций.

Кроме того, ЕРТБ позволяет сделать таможенные процедуры более прозрачными и доступными для всех участников таможенного процесса. Также реестр обеспечивает контроль за деятельностью таможенных брокеров и предотвращает незаконную деятельность в этой сфере.

Однако необходимо отметить, что не все брокеры включены в ЕРТБ. Для того, чтобы быть включенным в реестр, брокер должен пройти процедуру сертификации и соответствовать определенным требованиям. Это может привести к тому, что некоторые квалифицированные и опытные таможенные брокеры могут не быть включены в ЕРТБ, что создает некоторые неудобства в работе с ними.

Один из примеров сотрудничества таможенных органов России и ЕАЭС – это создание единой информационной системы таможенного контроля (ЕИС ТК). Это позволяет упростить и ускорить процессы таможенного контроля при перемещении товаров между государствами-членами ЕАЭС. Система обеспечивает обмен информацией между таможенными органами и другими участниками ВЭД, а также автоматизирует процессы контроля за перемещаемыми товарами.

Кроме того, на сайте Таможенной службы России указано, что сотрудничество с таможенными органами ЕАЭС проявляется и в совместном проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на предотвращение контрабанды и незаконного перемещения товаров через границу. В рамках такого сотрудничества проводятся операции по обмену информацией, обучению и подготовке специалистов, а также проведению совместных таможенных проверок.

Кроме того, примерами успешной реализации информационных систем и ресурсов в таможенной сфере являются система «Электронная таможня». Однако, для дальнейшего совершенствования и улучшения работы в таможенной сфере, необходимо продолжать работу над их развитием и совершенствованием, а также обеспечивать более широкий доступ к ним для таможенных органов и участников таможенного процесса. Только тогда информационные системы и ресурсы смогут эффективно справляться со всеми задачами, стоящими перед ними, и обеспечить более эффективную и прозрачную таможенную деятельность.

На основании вышесказанного целесообразно отметить, что наличие современных информационных технологий и систем является важным условием для эффективного и быстрого таможенного контроля. Оптимизация таможенного контроля на основе использования информационных ресурсов включает в себя автоматизацию таможенных процедур, электронную обработку документов, мониторинг грузов и другие инструменты.

Использование информационных ресурсов может значительно ускорить процессы таможенного контроля и снизить риски нарушений законодательства, так как обработка информации происходит автоматически и быстро.

В настоящее время использование цифровых платформ в таможенном контроле является одним из ключевых направлений развития таможенных служб во всем мире. Однако каждый вид цифровых платформ имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при их применении в таможенном контроле.

В 2030 году Федеральная таможенная служба должна прийти к следующему: Максимальная автоматизация всех рабочих процессов. Сегодня автоматизировано 25% рабочих процессов, к 2024 году стоит задача автоматизировать 50%, а к 2030 году – 100%. Например, уже автоматизированы регистрация и выпуск деклараций, а также категорирование. Помимо этого, сейчас создают-

ся условия для полного перехода на электронный документооборот таможенных органов, участников внешнеэкономической деятельности, министерств и ведомств, банковского сектора при уплате таможенных пошлин, налогов и иных сборов.

Существует несколько отдельных видов цифровых платформ, которые могут быть использованы в таможенном контроле.

Одной из таких платформ является «Таможенный Цифровой Рынок» (Customs Digital Market, CDM), который был разработан Мировой таможенной организацией (МТО) для того, чтобы обеспечить электронную коммуникацию между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности. Система CDM представляет собой набор программных приложений, обеспечивающих работу в режиме реального времени, что позволяет ускорить процессы таможенного контроля и снизить возможность ошибок при оформлении документов. Кроме того, CDM также предлагает решения для обеспечения безопасности и контроля за перемещением товаров через таможенную границу.

Одним из главных элементов системы CDM является единый цифровой портал, который позволяет участникам внешнеэкономической деятельности взаимодействовать с таможенными органами на различных этапах процесса таможенного контроля. Этот портал также обеспечивает доступ к цифровым сервисам и инструментам, предоставляемым МТО и ее партнерами.

В России платформа «Таможенный Цифровой Рынок» начала использоваться в 2020 году. Как отмечается в исследовании «Анализ использования технологий цифровизации в таможенном деле в Российской Федерации», внедрение системы CDM позволило сократить время оформления таможенных деклараций и снизить вероятность ошибок при их заполнении. Кроме того, использование CDM позволило повысить прозрачность процессов таможенного контроля и обеспечить эффективное взаимодействие между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности.

В странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) также проводится работа по внедрению цифровых технологий в таможенном контроле с использованием платформы CDM. В частности, с 2019 года в ЕАЭС началась работа по созданию единой информационной системы «Одно окно», которая позволила участникам внешнеэкономической деятельности подавать заявления и документы в электронном виде, включая таможенные декларации. Кроме того, в рамках ЕАЭС проводятся работы по разработке единой таможенной стратегии на период до 2025 года с учетом применения цифровых технологий.

Важным элементом развития инновационной деятельности ФТС стало применение технологий электронных платежей по средствам мобильного приложения и известных платежных систем. В результате чего сумма таможенных платежей с 522

млрд руб. возросла до 860 млрд руб. в 2021 г. Доступная, и «дружелюбная» пользователю телекоммуникационная инфраструктура взаимодействия с таможенными органами на данный момент активно формируется.

Переход к цифровой экономике не только влияет на экономические показатели развития страны, но также приводит к изменениям в структуре различных секторов экономики. Исследования Евразийской экономической комиссии, работающей в составе Евразийского экономического союза (ЕАЭС), указывают на то, что вопросы связанные с цифровизацией также затронут рынок труда. Кроме того, эти исследования демонстрируют, что внедрение различных цифровых решений будет иметь большой синергетический эффект при совместных усилиях стран-членов ЕАЭС, чем при реализации индивидуальных национальных планов развития. Вопросы трудоустройства населения могут быть решены благодаря увеличению проникновения фиксированного широкополосного доступа в среднем по Союзу до 30% к 2025 году. Это может привести к созданию от 2 до 4 миллионов новых рабочих мест, из которых 1 миллион может быть связан с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). При этом предполагается, что производительность труда увеличится на 1,73% к 2025 году. Хотя оптимизация и автоматизация производства, а также повышение эффективности труда могут вытеснить определенные группы работников из экономики, в целом развитие цифровой экономики будет оказывать положительное влияние на рынок труда.

Устранение существующих нормативно-правовых барьеров в отношениях между государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере услуг может привести к росту ВВП на 46,5 миллиардов долларов США на уровне Союза. Эффект от цифровизации государственных закупок на региональном уровне оценивается в 16,3 миллиардов долларов США. Внедрение услуг «открытого правительства» может позволить сэкономить 3,6 миллиарда долларов США, а использование трансграничных электронных услуг может привести к экономии еще 0,5 миллиарда долларов США.

На сайте ЕАЭС указано, что в рамках сотрудничества между таможенными органами государств-членов ЕАЭС проводятся общие мероприятия по противодействию контрабанде и незаконному перемещению товаров через границу. Кроме того, проводятся совместные исследования и анализ рисков в области таможенного контроля, а также обмен опытом и информацией в сфере таможенной деятельности. Примером служит совместное проведение контрольных мероприятий на границе России и Казахстана в рамках ЕАЭС.

Таким образом, платформа «Таможенный Цифровой Рынок» является важным инструментом внедрения цифровых технологий в таможенном контроле не только в России, но и в странах ЕАЭС в целом. Однако, необходимо учитывать, что

успешное внедрение цифровых платформ требует не только разработки и реализации соответствующих технологических решений, но и обеспечения обучения и поддержки пользователей, а также проведения соответствующей правовой работы.

В рамках ЕАЭС создана система рискованного анализа (CPA), которая позволяет сократить количество физических проверок товаров на таможне. Таможенные органы России активно участвуют в работе над совершенствованием CPA.

В странах членов ЕАЭС также существуют различные информационные системы и ресурсы, используемые в таможенном контроле. Например, Казахстан использует систему «Электронный таможенный терминал», которая позволяет автоматизировать процессы таможенного контроля, включая регистрацию и контроль перемещения товаров, расчет и уплату таможенных платежей, а также предоставление консультаций участникам внешнеэкономической деятельности. Беларусь в свою очередь использует информационную систему «Таможенник», которая также позволяет автоматизировать процессы таможенного контроля, включая подачу деклараций на товары и получение результатов таможенного контроля в электронном виде.

Еще одной платформой, применяемой в таможенном контроле, является «Одно окно» (Single Window), которая позволяет участникам внешнеэкономической деятельности подавать заявления и получать различные разрешения и лицензии, необходимые для перемещения товаров через таможенную границу, в одном месте. При этом, вся информация о документах и перевозках хранится в единой базе данных, что упрощает контроль за перемещением товаров и снижает время на оформление необходимых документов.

В России система «Одно окно» была внедрена в 2010 году для упрощения процедур таможенного контроля и ускорения оформления документов для участников внешнеэкономической деятельности. Согласно данным Минэкономразвития России, к 2019 году более 70% заявлений и деклараций на товары были поданы через систему «Одно окно». Однако, несмотря на положительные результаты, некоторые эксперты отмечают, что система все еще не лишена недостатков и требует доработки, особенно в части улучшения качества данных, передаваемых между участниками процесса.

На сегодняшний день возможности автоматизации информационно-аналитического обеспечения таможенных операций как в отношении всех товарных партий, так и безрисковых поставок ограничены. Об этом свидетельствуют данные о реализации автоматического выпуска.

Согласно отчету Всемирной таможенной организации (WCO), в ряде стран, таких как Грузия, Сингапур, Тайланд и Корея, система «Одно окно» уже успешно внедрена и показала значительное сокращение времени на прохождение таможенных процедур и снижение затрат на транзакции.

Использование платформы «Одно окно» в международном таможенном контроле имеет долгую

историю и было успешно применено во многих странах. Например, в 2005 году Корея внедрила систему «Одно окно» для сокращения времени на оформление таможенных процедур и упрощения процесса экспорта и импорта. В 2017 году Грузия запустила свою версию «Одно окно», что привело к ускорению таможенного оформления и повышению прозрачности процесса.

Еще одним видом платформы является «Таможенный блокчейн» (Customs Blockchain), который использует технологию блокчейн для обеспечения прозрачности и безопасности в процессе таможенного контроля. Технология блокчейн позволяет создавать надежные электронные записи, которые невозможно подделать, что обеспечивает дополнительную защиту при таможенном контроле. Кроме того, блокчейн также позволяет повысить эффективность процессов таможенного контроля и ускорить процессы таможенной очистки.

Одной из особенностей применения таможенного блокчейна является возможность создания цепочки блоков, в которых содержится информация о каждом этапе перемещения товаров – от отправки до получения. Таким образом, таможенные органы могут получить полную и достоверную информацию о перемещении товаров и процессах, связанных с этим, в режиме реального времени.

Одним из главных преимуществ использования таможенного блокчейна является возможность сокращения времени, затрачиваемого на процессы таможенного контроля. Благодаря использованию этой технологии таможенные органы могут быстро и эффективно проводить проверки и анализировать информацию о перемещении товаров, что существенно сокращает время, необходимое для прохождения таможенного контроля.

Кроме того, таможенный блокчейн также обеспечивает большую степень безопасности и защиты данных. Благодаря применению технологии блокчейн информация о перемещении товаров сохраняется в зашифрованном виде в каждом блоке цепочки. Это позволяет исключить возможность вмешательства третьих лиц и обеспечить полную защиту данных в процессе перемещения товаров через границы.

Однако, применение таможенного блокчейна также может иметь свои ограничения и недостатки. Одной из основных проблем является высокая стоимость внедрения и поддержки технологии блокчейн. Кроме того, необходимость постоянного мониторинга и обновления цепочки блоков может также стать проблемой для таможенных органов.

Тем не менее, с учетом растущего интереса к использованию цифровых технологий в таможенном контроле, таможенный блокчейн может стать одним из важных инструментов в области таможенного контроля, который позволит обеспечить эффективность и безопасность перемещения товаров через границы.

Кроме того, использование технологии блокчейн в таможенном контроле позволяет повысить прозрачность и эффективность процессов тамо-

женного декларирования и ускорить процесс выпуска товаров. Например, благодаря использованию блокчейн-технологии в рамках пилотного проекта в России удалось сократить срок выпуска товаров на границе на 90% – с 4 часов до 25 минут.

Однако, внедрение технологии блокчейн в таможенный контроль также имеет свои трудности и ограничения. Одной из основных проблем является необходимость единого стандарта для оформления блокчейн-транзакций. В настоящее время еще не разработаны единые стандарты для использования блокчейн-технологии в таможенном деле, что затрудняет ее применение.

Также необходимо учитывать возможность возникновения технических сбоев при использовании блокчейн-технологии. В случае, если возникнут проблемы с работой системы, это может привести к задержкам в выпуске товаров и нанести ущерб бизнесу. Поэтому при внедрении блокчейн-технологии в таможенном контроле необходимо предусмотреть механизмы резервного копирования и защиты от взломов.

Тем не менее, технология блокчейн все больше применяется в таможенном контроле по всему миру, и ее применение представляется перспективным. Она позволяет повысить эффективность и прозрачность процессов, ускорить выпуск товаров и уменьшить количество ошибок при оформлении документов. Кроме того, использование блокчейн-технологии в таможенном контроле также может снизить возможности коррупции и нелегальных операций в этой сфере.

Кроме того, на сегодняшний день существует потребность в унификации национальной законодательной базы в сфере таможенного дела к международным стандартам, совершенствовании технологического, институционального и инфраструктурного направления реформирования таможенных органов государства и активизации процессов диджитализации таможенной политики РФ.

Таким образом, анализ показал, что применение цифровых технологий в таможенном контроле является необходимым и перспективным направлением развития данной сферы. Тем не менее для максимального эффекта необходимо учитывать особенности и ограничения каждой конкретной технологии и платформы, а также уделять должное внимание обучению и подготовке персонала таможенных органов.

Проведенное исследование применения цифровых технологий в таможенном контроле позволяет сформулировать и обосновать ряд выводов и предложений:

1. Административно-правовое регулирование таможенного контроля призвано, с одной стороны, обеспечить максимальное соответствие применяемым механизмам таможенного контроля для обеспечения интересов государства, и, с другой стороны, создавать адекватную административную инфраструктуру для бизнеса на основе цифровых технологий, способствующих реализации принципов открытости, законности и равенства, что поло-

жительно сказывается на деловой климат и репутацию государства.

2. Общие границы РФ и стран-членов ЕАЭС означают, что отношения между сторонами должны устанавливаться в сфере трансграничного сотрудничества. Основа таможенной политики – нормативно-правовая база, которая призвана регулировать вопросы установления таможенных тарифов, и пошлин и обеспечение таможенного регуляторного сотрудничества.

3. В результате проведенного исследования выделены три направления: информационные системы и информационные ресурсы, отдельные виды цифровых платформ и перспективы использования зарубежного опыта применения цифровых технологий в таможенном контроле РФ.

Исследование таких систем, как «Интеграция. Таможня», «ТрансЭлектрон» и др., которые применяются в России для обработки информации в декларациях на товары, показало, что использование информационных систем и ресурсов в таможенном контроле является необходимым и улучшает эффективность процесса, однако, для полной оптимизации требуется дополнительное развитие и совершенствование существующих систем.

4. Изучение опыта применения платформы «Таможенный Цифровой Рынок» (Customs Digital Market, CDM), разработанной Мировой таможенной организацией показало, что применение таких цифровых платформ может улучшить процессы таможенного контроля и обеспечить более высокий уровень безопасности перемещения товаров через границу. В то же время для того, чтобы эффективно использовать эти платформы, требуется соответствующий уровень технической подготовки и интеграции.

5. Среди основных проблем цифровой трансформации таможенного контроля выделяются: сложности адаптации к изменяющимся технологиям и требованиям рынка, проблемы защиты информации и коррупционной составляющей при прохождении пограничного и таможенного оформления.

В практической плоскости наблюдаются проблемы сбалансированности и защиты таможенного пространства при упрощенной процедуре пересечения таможенной границы и либерализации условий торговли. Таможенная политика является единственным реальным направлением влияния государства как на внешние тенденции развития, так и на внутренние.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023).

3. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза / Международный договор от 11 апреля 2017 г.
4. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года.

DIGITAL TRANSFORMATION OF CUSTOMS CONTROL: STATUS AND PROSPECTS

Kuzyakin Yu.P., Mukhin A.I.

Lomonosov Moscow State University

In the current conditions of global transformational changes, the Russian Federation has also embarked on the path of digitalization, as evidenced by the adoption in 2018. The National Project "Digital Economy" for the period from 2019 to 2024, in order to solve the task of ensuring the accelerated introduction of digital technologies in the economy and social sphere. In addition, the Russian Government's Order No. 1388-r of 23.05.2020 adopted the "Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030", which provides for the application of digital technologies in various customs areas, including customs control. The lack of clear and accessible information sources, services, platforms, applications or portals on digital technologies in customs control hinders the speed of innovation in customs. In turn, this prevents customs structures from integrating into regional and global systems, making it difficult for them to enter international economic arenas. These and other current problems make it necessary to study the development of digital technologies in the field of customs control.

Materials and methods of scientific research. The materials of the study are the current legal regulation of legislation in the field under study. Various methods of scientific knowledge were used in this work, including: historical, comparative-legal, analysis, synthesis, logical, induction, deduction and others.

Discussion of the results. Issues of organizing activities on the application of digital technologies in customs control.

It is necessary to develop and justify various information platforms, algorithms, technologies, resources in carrying out customs control. *Conclusions (findings).* In order to improve the development of the use of digital technologies in customs control, it is necessary to introduce more modern and automated systems such as cargo identification and tracking systems, analytical and information systems, and the use of artificial intelligence and big data to improve the quality and efficiency of customs procedures.

Keywords: customs, digitalization, global transformation, customs control, customs service.

References

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020).
2. "Treaty on the Eurasian Economic Union" (Signed in Astana on May 29, 2014) (as amended on March 24, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on April 3, 2023).
3. Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union / International Treaty of April 11, 2017
4. Strategy for the development of the customs service of the Russian Federation until 2030.

К вопросу о некоторых особенностях юридической техники на примере актов прокурорского реагирования

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Научная статья посвящена исследованию вопросов юридической техники при составлении правоприменительных актов в процессе осуществления органами прокуратуры Российской Федерации надзорной и иных функций. Подчеркивается и аргументируется актуальность обозначенной тематики. Отмечается отсутствие на законодательном уровне возможности регламентации каждого правоприменительного акта с позиции юридической техники.

Автор указывает, что в научном пространстве не сформировано единообразного понимания и восприятия особенностей юридической техники в области прокурорской деятельности (преимущественно надзора).

Юридическая техника на современном этапе развития правовой науки Российской Федерации – явление динамичное, преодолевшее на пути своего становления множество изменений. Особенности исторического развития, богатый правовой опыт прошлых эпох безусловно повлияли на современную юридическую технику. Несмотря на это, нельзя утверждать, что она приобрела окончательную форму, скорее наоборот, учитывая масштабные реформы последних лет и наличие специфических особенностей (к примеру, несовершенство понятийного аппарата), юридическая техника в Российской Федерации находится на стадии активного развития и нуждается в совершенствовании всеми органами правоприменительной деятельности.

В статье сформулирован вывод о том, что обозначение стилистических особенностей актов прокурорского реагирования (даже на теоретическом уровне) сможет повысить уровень владения юридической техникой молодыми сотрудниками органов прокуратуры, которые только начинают свою практическую деятельность, что максимально позитивно повлияет на эффективность работы прокуратуры РФ.

Ключевые слова: органы прокуратуры; юридическая техника; акты прокурорского реагирования; специфика правоприменительных актов.

Актуальность тематики не вызывает сомнений; вопросы юридической техники вызывают интерес не только со стороны исследователей прокуратуры, но и у правовой науки в целом.

С одной стороны, на законодательном уровне не представляется возможным подвергнуть регламентации каждый правоприменительный акт с позиции юридической техники по множеству причин, с другой, – научные концепции не сформировали единообразного восприятия особенностей юридической техники в области прокурорской деятельности (преимущественно надзора).

Уровень юридической техники подготовки документов выступает определенным показателем развития правовой культуры общества в целом, более того, степень цивилизованности государства во многом обусловлена уровнем развития юридической техники в нем.

Специфика максимально яркое проявление имеет через несовершенство понятийного аппарата. Зачастую в текстах правовых актов термины либо не сформулированы, либо их смысловые объемы раскрыты недостаточно, либо наблюдаются нарушения законов логики.

Эти обстоятельства влекут за собой сложности по установлению смысла, который вложил в понятийные единицы законодатель и, безусловно, складываются проблемы в правоприменительной практике. Нарушением юридической техники выступает также формулирование понятия в области права через оценочные категории, которые нельзя понимать единообразно.

В целях унификации документации правоприменителей представляется немаловажным усиление внимания составителей к использованию основных принципов юридической техники, поскольку в настоящее время их все чаще игнорируют.

Развитие юридической техники в различные исторические эпохи отличалось особенностями, которые были обусловлены состоянием развития государства и общества на определенном временном отрезке, что вполне закономерно. При этом трансформация юридической техники от архаичного права к общегосударственному воплощалась в жизнь медленно, постепенно, преобразуя преимущественно устные источники права и их регуляцию в обществе в полностью письменный формат.

Генезис характеризуется переходом от полного отсутствия систематизации и структуризации письменных источников права, появившихся в поздний период становления архаичного права, к четкой структуре и системе; появлению отдельных отраслей права, кодифицированных правовых актов; сменой казуса на абстракцию норм права.

Как отмечает В.В. Кожевников, наиболее распространенной позицией относительно понимания юридической техники выступает определение, согласно которому «юридическая техника» – это совокупность правил, приёмов и методов, при помощи которых осуществляется оформление и систематизация правовых актов, а также процесс их создания, толкования и применения[1].

С.С. Алексеев провозглашал юридическую технику неким показателем уровня правовой культуры общества в целом[2].

Э. Аннерс также справедливо указывал на данное свойство, утверждая, что уровень цивилизованности государства во многом зависит от уровня развития юридической техники в нем[3]. Что, безусловно, бесспорно.

Большое значение юридической техники заключено в рационализации процесса подготовки правовых актов и юридических документов.

Юридическая техника на современном этапе развития правовой науки Российской Федерации – явление динамичное, претерпевшее на пути своего становления множество изменений. Особенности исторического развития, богатый правовой опыт прошлых эпох, безусловно, повлияли на современную юридическую технику.

Несмотря на это, нельзя утверждать, что она приобрела окончательную форму, скорее наоборот, учитывая масштабные реформы последних лет и наличие специфических особенностей (к примеру, несовершенство понятийного аппарата), юридическая техника в Российской Федерации находится на стадии активного роста и нуждается в совершенствовании, путем приложения усилий со стороны всех субъектов правоприменительной деятельности.

Юридическая техника актов прокурорского реагирования – есть совокупность правил, приемов и методов, при помощи которых прокурорские работники осуществляют оформление и систематизацию актов прокурорского реагирования в целях для эффективной реализации функций прокуратуры, повышения эффективности отдельно взятого акта прокурорского реагирования.

Наличие особенностей юридической техники актов прокурорского реагирования обусловлено, в частности, их структурой и требованиями, к ним предъявляемыми.

Так, структура актов прокурорского реагирования индивидуальна для каждого из них. Например, предостережение и надзорное представление прокурора, обозначенные в тексте Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», [4] имеют разные цели воздействия (применения).

В первом случае прокурор посредством акта реагирования должен доказать поднадзорному объекту наличие фактов подготовки к противоправному деянию. Цель – предотвратить нарушение закона, следовательно, при его составлении упор необходимо делать на правовую квалификацию возможного нарушения закона, а также на указание четких правовых последствий, которые наступят

для поднадзорного объекта в случае невыполнения законных требований, описанных прокурором в предостережении, то есть юридическая техника данного акта прокурорского реагирования для наибольшей результативности его применения в деятельности прокуратуры должна исходить из требований обоснованности и убедительности.

В надзорном представлении прокурор должен как можно скорее остановить (прекратить) нарушение закона. Стилистические особенности надзорного представления предполагают формирование психологического воздействия на поднадзорный объект для побуждения его к скорейшему прекращению правонарушения. Это объясняет наличие требовательного, карательного и распорядительного компонентов, необходимость указывать на количество правонарушений, степень тяжести причинённого вреда, степень общественной опасности, конкретные негативные правовые последствия для поднадзорного объекта.

Каждый обозначенный стилистический компонент надзорного представления прокурора предназначен для достижения одной цели – скорейшее восстановление законности, социальной справедливости.

Таким образом, акты прокурорского реагирования – это специфические юридические акты правоприменения, полномочиями по изданию которых наделены определенные должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации.

Классификация актов прокурорского реагирования на побуждающие и анализирующие позволяет установить их стилистические и речевые нюансы.

Побуждающие акты прокурорского реагирования – представление и протест прокурора, например, направлены, прежде всего, на устранение выявленных нарушений закона. Для выполнения этой цели, прокурорский работник при составлении акта реагирования данного вида, должен выполнить ряд речевых действий, таких как, презентация документа; описание выявленных фактов (нарушений); обоснование утверждения о том, что выявленные факты являются нарушениями; предложение об устранении выявленных нарушений. Эти действия решают следующие задачи актов прокурорского реагирования:

- своевременное обращение к адресату;
- аргументированная демонстрация адресату существующего противоречия между его действиями и законодательством РФ с конкретными ссылками на нормативно-правовые акты;
- предложение правовых способов восстановления нарушенной законности;
- требование о привлечении виновных лиц к установленной ответственности.

Представляется, что обозначение стилистических тонкостей актов прокурорского реагирования (даже на теоретическом уровне) сможет несколько повысить уровень владения юридической техникой молодыми сотрудниками органов прокуратуры, которые только начинают свою практическую

деятельность, что должно оказать крайне положительное влияние на эффективность работы прокуратуры Российской Федерации в целом.

Литература

1. Кожевников В.В., Сенин И.Н., Красман А.И. \ \ Юридическая техника. Омск: Издательство АНО ВПО «Омский экономический институт». 2013. С. 15.
2. Алексеев С.С. \ \ Общая теория права: в 2 томах. Т 2. М. 1987. С. 270.
3. Шафиров В.М. \ \ Правопонимание и юридическая техника // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 325.
4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N2202–1 от 17.01.1992 № 2202–1 //РГ, № 39, 18.02.1992.

TO THE QUESTION OF SOME FEATURES OF LEGAL TECHNIQUE ON THE EXAMPLE OF ACTS OF PROSECUTORIAL RESPONSE

Potapova L.V.

Ural State Law University

The scientific article examines the issues of legal technique in the preparation of law enforcement acts by the Prosecutor's Office of the Russian Federation, particularly in the exercise of supervisory and other functions. The relevance of this topic is emphasized and supported. It is noted that there is currently no legislative provision

for regulating each law enforcement act from the perspective of legal technique.

The author highlights the lack of a uniform understanding and perception of legal technique in prosecutorial activity, especially in supervision, within the scientific community.

Legal technique in the field of legal science in Russia is a dynamic phenomenon that has undergone significant changes throughout its development. Historical influences and past legal experiences have certainly shaped modern legal technique. However, it cannot be claimed that it has reached a final form. Given the recent large-scale reforms and specific features (such as the imperfect conceptual framework), legal technique in Russia is still in an active development stage and needs improvement across all law enforcement agencies.

The article concludes that defining the stylistic features of prosecutorial response acts (even at a theoretical level) will enhance the proficiency in legal technique among young employees of the prosecutor's office who are starting their practical activities. This will have a positive impact on the efficiency of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor's office, legal technique, acts of prosecutorial response, specificity of law enforcement acts.

References

1. Kozhevnikov V.V., Senin I.N., Krasman A.I. \ \ Legal technique. Omsk: Publishing house ANO VPO "Omsk Economic Institute", 2013, p. 15.
2. Alekseev S.S. \ \ General theory of law: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, 1987, p. 270.
3. Shafirov V.M. \ \ Legal understanding and legal technique. Legal technique, 2016, No. 10, p. 325.
4. Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" dated January 17, 1992 No. 2202–1. \ \ RG, No. 39, February 18, 1992.

Актуальные вопросы возмещения вреда пациентам в условиях цифровизации медицины

Джиоева Елена Георгиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
E-mail: dzhioevaeg@rsuj.ru

Пискунова Наталия Игоревна,

Старший преподаватель кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
E-mail: piskunovani@rsuj.ru

Сазонова Тамара Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
E-mail: t.sazonova@rsuj.ru

В настоящее время в России термин «телемедицина» используется достаточно часто, хотя на законодательном уровне отсутствует его легальное определение. Нормативно закреплена дефиниция «телемедицинские технологии», которая включает в себя лишь возможность дистанционного консультирования, без установления диагноза и назначения лечения, что в свою очередь тормозит развитие телемедицины. В то же время, внедрение телемедицинских технологий порождает ряд вопросов, связанных с применением ответственности за вред, причиненный в процессе их использования. Одной из таких проблем является установление субъектного состава возникающих отношений в целом и субъектов ответственности, в частности. Кроме того, определенные сложности представляют собой условия ответственности, в их числе наличие или отсутствие вины и другие. В статье предложены варианты решения некоторых их названных проблем.

Ключевые слова: ВОЗ, телемедицина, телемедицинские технологии, цифровое здравоохранение, телемедицинские консультации, лицензирование, информационная безопасность, возмещение вреда, вина.

Пандемия COVID-19 послужила катализатором развития отдельных сфер общественной жизни и одновременно выявила существующие недостатки их правового регулирования. Именно пандемия COVID-19 показала востребованность дистанционных способов оказания различных услуг, в том числе и такого нового правового института как «телемедицина», который в настоящее время находится в стадии становления и развития.

Всемирная организация здравоохранения предлагает рассматривать цифровое здравоохранение как совокупность электронного здравоохранения, мобильного здравоохранения, телемедицины [11], а электронное здравоохранение как «использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для здравоохранения» [11].

В современном мире телемедицина выполняет достаточно значимую роль. Именно она экономит время как пациента, так и врача при оказании консультационных медицинских услуг, а также дает возможность получить квалифицированные медицинские консультации дистанционно вне зависимости от местонахождения пациента и врача.

В России основой телемедицины послужила Концепция развития телемедицинских технологий в Российской Федерации [4], утвержденная в 2001 году Министерством здравоохранения Российской Федерации и Российской академией медицинских наук. Согласно указанной Концепции, телемедицина рассматривалась как «медицина на расстоянии», включающая в себя, в том числе консультации различного рода.

В действующем российском законодательстве отсутствует определение термина «телемедицина». В 2017 году Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) [2] был дополнен статьей 36.2, которая определила возможность оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, то есть по сути впервые легально закрепила телемедицину в России. Министерство здравоохранения Российской Федерации согласно указанной норме утвердило Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий [5].

ФЗ № 323 содержит следующее определение телемедицинских технологий: «информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между со-

бой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента».

Статья 36.2 ФЗ № 323 закрепляет исчерпывающий перечень случаев проведения телемедицинских консультаций: профилактика, сбор, анализ жалоб пациента и данных анамнеза, оценка эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинское наблюдение за состоянием здоровья пациента; принятие решения о необходимости проведения очного приема (осмотра, консультации).

То есть существующий законодательный подход к телемедицинским технологиям можно квалифицировать лишь как информационный, так как врач не может установить диагноз в рамках телемедицинской консультации, а назначить лечение – может лишь после очного осмотра. Данная позиция законодателя представляется дискуссионной и нуждающейся в корректировке в связи с тем, что Россия включает в себя достаточно большую территорию, часть которой является труднодоступной, где нет профильных медицинских работников, способных установить диагноз и назначить лечение. Поэтому обоснованной представляется необходимость внесения изменений в действующее законодательство в части расширения возможностей врача относительно постановки диагноза и назначения лечения без очного осмотра в рамках телемедицинских консультаций по тем медицинским направлениям, где это возможно.

Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июля 2023 г. № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» [3], является первым шагом на пути повышения доступности для граждан медицинской помощи. С 1 августа 2023 года на территории России вводится экспериментальный правовой режим, который даёт возможность врачам дистанционно взаимодействовать с пациентом в рамках консультации, корректировать или назначать лечение, выписывать рецепты, используя телемедицинские технологии. Данный эксперимент можно оценить как положительный с точки зрения расширения полномочий врачей, а так же прав пациентов в дистанционном формате. В настоящее время в этом эксперименте принимает участие 15 медицинских организаций, срок эксперимента 3 года.

Телемедицину следует рассматривать в узком и широких значениях. В узком смысле телемедицина – это взаимодействие врач-пациент и врач-врач. В широком смысле телемедицина – это весь

спектр правоотношений с применением цифровых технологий, связанных со здоровьем человека.

Во взаимоотношениях врач – пациент большинство врачей выделяют следующие проблемы: 1) отсутствие конкретно сформированного перечня услуг, оказываемых дистанционно; 2) нет законодательно закреплённого определения телемедицины, что влечёт неопределённость в процессе ее применения; 3) немногие пациенты знают о возможности применения телемедицинских технологий [8].

Так же можно определить и иные проблемы, например, наличие ошибок при корректировке лечения при использовании телемедицинских технологий из-за искажения видеоданных, а также необходимость технических средств и возможностей для идентификации и аутентификации врачей [7].

Несовершенства телемедицины как правового явления являются следствием ее новизны и того, что в настоящее время телемедицина находится в стадии становления и формирования. Недостатки телемедицины можно определить комплексным характером ее содержания, которое включает в себя не только медицинское, но лицензионное и другое.

Следует подчеркнуть, что телемедицина является лишь дополнительной услугой, а не видом медицинской помощи.

Московский законодатель пошел по пути расширения возможностей использования телемедицинских технологий в период пандемии COVID-19. Согласно Приказу департамента здравоохранения города Москвы от 6 апреля 2020 г. № 356 «О применении телемедицинских технологий при организации оказания консультаций по вопросам коронавирусной инфекции COVID-19 и подборе персонала в медицинские организации города Москвы» [6] в Москве открыли Телемедицинский центр, в котором врачи консультировали пациентов с коронавирусной инфекцией в дистанционном формате. В рамках данного Приказа врачу не предоставляется право дистанционно устанавливать диагноз, но одновременно с этим создается возможность дистанционного централизованного консультирования для отдельной категории пациентов.

В мировой медицинской практике цифровые технологии используются для диагностики заболеваний, назначения лечения, проведения операций с использованием роботов-хирургов. Отдельное направление развития медицинских технологий – использование искусственного интеллекта. Развитие технологий и глобальное ускорение жизненного ритма неизбежно приводит нас к поиску путей оптимизации многих процессов и делегирования работы, не требующей непосредственного человеческого участия. Оптимизация медицинской, в том числе, врачебной деятельности не является исключением. Игнорирование достижений технического и информационного прогресса будет означать задержку в развитии всего общества. Однако внедрение технологий требует от участников процесса высокой степени осторожности, особен-

но в вопросах, связанных с жизнью и здоровьем человека. Не даром Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (далее – Концепция), утвержденная Правительством РФ в 2020 году (Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»//СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593) указывает на то, что «наиболее значимыми вопросами применения систем искусственного интеллекта и робототехники в контексте гражданско-правовых отношений являются вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта и робототехники», хотя и не предполагает кардинальных изменений в правовом регулировании института ответственности.

Мировая практика уже обладает целым рядом примеров причинения подобного вреда. Никитенко С.В. приводит в своей работе интересный пример: в 2018 году программа Watson for Oncology назначила онкологическим больным некорректные лекарства. В числе возможных причин были названы плохое обучение алгоритма [9].

Интересная статистика приведена в работе «Юридическая концепция роботизации» [10]: В США в период с 2000 по 2013 г. было зафиксировано 144 случая смерти, 1391 травма пациента и 8061 случай неисправности устройств, связанных с роботизированными системами, инструментами, используемыми в малоинвазивной хирургии.

Приведенные данные очевидно свидетельствуют о необходимости аккуратно подходить к внедрению цифровых систем при оказании медицинской помощи. Определенной проработки требуют и вопросы правового регулирования.

Как было указано в Концепции в части гражданско-правовой ответственности, действительно, нет необходимости глобального или даже мало-мальски частичного изменения правового регулирования. Однако представляется все же необходимым «вписать» потенциально возможную ответственность за причинение вреда в результате использования телемедицинских технологий в «матрицу» гражданско-правовой ответственности, особенно в сфере посягательства на жизнь и здоровье человека.

Вопросы, требующие решения уже сейчас, на наш взгляд следующие:

- определение правовой природы отношений, возникающих в сфере оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий;
- определение круга участников соответствующих правоотношений, в том числе, субъектов ответственности;
- установление условий ответственности за причинение вреда при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Первая из обозначенных проблем давно является предметом внимания со стороны юристов. Главным образом, квалификация отношений по оказанию медицинской помощи строится вокруг существа таких понятий как «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Подобное деление проистекает и непосредственно из нормы Закона № 323: медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг (п. 3, ч. 1 ст. 2). Проблема во многом лежит в сложности установления воли пациента в целом ряде случаев получения медицинской помощи (неотложной, экстренной и т.д.). Данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи. Для поставленных перед нами целей констатируем, что оказание медицинской помощи возможно как в договорном, так и во внедоговорном порядке. Указанные формы оказания медицинской помощи не влияют на правовую квалификацию ответственности за причиненный вред как ответственности деликтной (см.п. 1 ст. 1095 ГК РФ [1]).

Вопросы субъектного состава возникающих при оказании медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий являются весьма дискуссионными. Помимо собственно врача (медицинской организации) и пациента в них так или иначе могут участвовать агрегаторы информации о медицинских услугах, владельцы (эксплуатанты) программного обеспечения, привлеченные специалисты для оказания консультационных услуг. Существует также и мнение о том, что системы искусственного интеллекта могут обладать той или иной степенью правоспособности, а значит, могут нести ответственность за последствия «своих» действий. Сразу отметим, что авторами данной статьи подобная позиция не разделяется. В отношении вреда, причиненного программой для ЭВМ (в том числе, системой искусственного интеллекта), также как и медицинским роботом, ответственность за причиненный вред должна возлагаться на лицо, использующее в своей деятельности соответствующее программное обеспечение. Что же касается агрегаторов, их ответственность за причинение вреда жизни и здоровью возможна при наличии необходимых условий, в том числе, при наличии причинно-следственной связи между поведением собственно агрегатора и причиненным вредом (о чем будет сказано ниже). Зачастую же, агрегаторы отвечают лишь за убытки, причиненные ненадлежащей информацией.

Среди условий привлечения к ответственности за причиненный вред особого внимания заслуживает вина.

По общему правилу, вина является необходимым условием деликтной ответственности. В то же время известны специальные деликты, при наличии которых ответственность наступает и без вины. В их числе – ответственность за деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих (ст. 1079 ГК РФ). В цивилистической доктрине

выработано несколько теорий, обосновывающих безвиновную ответственность. Одна из них – теория риска: риск как допущение потенциальных вредоносных последствий, а, значит, презюмирование за субъектом повышенной степени заботливости и осмотрительности при осуществлении соответствующей деятельности, а также принятие на себя любых ее последствий. Действительно, в отношении медицинских роботов, а также систем искусственного интеллекта, осуществляющих диагностику и назначение лечения (в настоящий момент использование подобных систем в России не допускается. Однако мировой опыт, а также тенденции развития технологий искусственного интеллекта в медицине, позволяют сделать вывод о потенциальной возможности скорого внедрения подобных технологий в отечественную медицинскую практику), можно сделать вывод о наличии при их использовании таких признаков источников повышенной опасности как потенциальная вредоносность и не полная подконтрольность человеку. Следовательно, в отношении вреда, причиненного в результате использования медицинских роботов или систем искусственного интеллекта, возложение на их владельца безвиновной ответственности представляется более оправданным.

Что касается других видов медицинской помощи, реализуемой посредством телемедицинских технологий, таких как онлайн консультирование и т.п., оснований для возложения на исполнителя безвиновной ответственности за причиненный вред, на наш взгляд, не имеется. Возмещение причиненного вреда должно осуществляться на общих основаниях.

Таким образом, телемедицина в России представляет собой сложный комплексный правовой институт, в котором необходимо достигнуть баланс между конституционной гарантией граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а с другой стороны-использованием цифровых технологий, обеспечивающих информационную и личную безопасность.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ//СЗ РФ, 1996. № 5. Ст. 410;
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// СЗ РФ, 2011. № 48. Ст. 6724;
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июля 2023 г. № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки

сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан»//СПС Консультант Плюс;

4. Приказ Минздрава РФ № 344, РАМН № 76 от 27.08.2001 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации»// СПС Консультант Плюс;
5. Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»// СПС Консультант Плюс).
6. Приказ департамента здравоохранения города Москвы от 6 апреля 2020 г. № 356 «О применении телемедицинских технологий при организации оказания консультаций по вопросам коронавирусной инфекции COVID-19 и подборе персонала в медицинские организации города Москвы»//СПС Консультант Плюс;
7. Дмитриева А.А. Эксперты: телемедицина требует развития инфраструктуры в сельской местности и внедрения мобильного приложения для взаимодействия между врачами и пациентами // СПС Гарант.
8. Зингерман Б. В., Шкловский-Корди Н.Е., Воробьев А.И. О телемедицине «пациент-врач»// Врач и информационные технологии. 2017. № 1. С. 61–79.
9. Никитенко С.В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта//Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156–174.
10. Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019.240с.
11. Официальный сайт «Международного союза электросвязи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-all.aspx> (Дата обращения 02.08.2023)

ACTUAL ISSUES OF COMPENSATION FOR HARM TO PATIENTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF MEDICINE

Dzhioeva E.G., Piskunova N.I., Sazonova T.V.
Russian State University of Justice

At present, the term «telemedicine» is used quite often in Russia, although there is no legal definition of it at the legislative level. The definition of «telemedicine technologies» is normatively fixed, which includes only the possibility of remote consultation, without establishing a diagnosis and prescribing treatment, which in turn hinders the development of telemedicine. At the same time, the introduction of telemedicine technologies raises a number of issues related to the application of liability for harm caused in the process of their use. One of these problems is the establishment of the subject composition of emerging relations in general and the subjects of responsibility, in particular. In addition, certain difficulties are the conditions of liability, including the presence or absence of guilt and others. The article proposes solutions to some of their problems.

Keywords: WHO, telemedicine, telemedicine technologies, digital healthcare, telemedicine consultations, licensing, information security, compensation for harm, guilt.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 № 14-FZ//Collection of Legislation RF, 1996. № 5. Art. 410;
2. Federal Law of November 21, 2011 № 323-FZ «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation RF, 2011. № 48. Art. 6724;
3. Decree of the Government of the Russian Federation of July 18, 2023 № 1164 «On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and the approval of the Program of the experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activity, including the use of telemedicine technologies and technologies for collecting and processing information about the state of health and diagnoses of citizens»//RLS Consultant Plus;
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 344, RAMS № 76 of August 27, 2001 «On Approval of the Concept for the Development of Telemedicine Technologies in the Russian Federation and its Implementation Plan»// RLS Consultant Plus;
5. Order of the Ministry of Health of Russia dated November 30, 2017 № 965n «On approval of the procedure for organizing and providing medical care using telemedicine technologies»// RLS Consultant Plus.
6. Order of the Department of Health of the City of Moscow dated April 6, 2020 No. 356 «On the use of telemedicine technologies in organizing the provision of consultations on coronavirus infection COVID-19 and recruiting personnel for medical organizations in the city of Moscow»// RLS Consultant Plus;
7. Dmitrieva A.A. Experts: telemedicine requires the development of infrastructure in rural areas and the introduction of a mobile application for interaction between doctors and patients // RLS Garant;
8. Zingerman B. V., Shklovsky-Kordi N. E., Vorobyov A.I. About telemedicine «patient-doctor» // Doctor and information technologies. 2017. № 1. P. 61–79.
9. Nikitenko S.V. Concepts of tort liability for harm caused by artificial intelligence systems // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2023. № 1. P. 156–174.
10. Legal concept of robotization: monograph / N.V. Antonova, S.B. Balkhaeva, Zh.A. Gaunova and others; resp. ed. Yu.A. Tikhomirov, S.B. Nanba. M.: Prospekt, 2019. 240s.
11. Official website of the International Telecommunication Union: [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-all.aspx> (Date of the application 02.08.2023).

Доктрины «substantial performance» и «material breach» в англо-американском праве, сравнительно-правовой анализ

Дружков Никита Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: nikitadruzhkov97@mail.ru

Статья посвящена анализу доктрин англо-американского права, касающихся исполнения договорных обязательств, а именно доктрины «существенного исполнения» («substantial performance») и «существенного нарушения» («material breach») и их применения в судебной практике.

Проблемы, связанные с надлежащим исполнением договорных обязательств, являются ключевыми для различных правовых систем. Особенно это актуально для современного мира в условиях глобальных тенденций цифровизации и автоматизации. Настоящая статья посвящена представлению универсальных критериев надлежащего исполнения обязательств. Такие критерии автор формулирует на основе анализа судебной практики с использованием в качестве основных методов исследования индуктивного и сравнительного методов.

Автор делает вывод о том, что применение доктрин «существенного исполнения» и «существенного нарушения» требует глубокого анализа экономической природы договорных отношений, что обеспечивает комплексный и новаторский подход к гражданско-правовым обязательствам.

Ключевые слова: обязательство; надлежащее исполнение обязательства; существенное исполнение; существенное нарушение; прецедент, общее право.

В английском и американском праве в рамках учения об обязательстве вопрос о надлежащем исполнении и критериях такого исполнения подвергся значительной разработке, итогом которой стала так называемая доктрина «существенного исполнения» (substantial performance).

Впервые в качестве нормы прецедентного права данная доктрина была закреплена в решении английского суда в деле Дэйкин против Ли ещё в 1916 году. В данном судебном акте было сформулировано правило, согласно которому исполнение всех положений договора не является обязательным условием, предшествующим оплате. Однако в английском праве существует и противоположный принцип, согласно которому лицо, исполнившее обязательство не имеет права на встречное предоставление до тех пор, пока лицо не исполнило обязательство в полном соответствии с условиями заключенного договора и требованиями, обычно предъявляемыми к исполнению обязательства на соответствующем рынке. Данный принцип «идеального предоставления» (perfect tender), получивший закрепление во многих законодательных актах, к примеру, в Едином торговом кодексе США имеет под собой ещё более долгую историю, в частности он сформулирован в деле Каттер против Паувелла 1795 года и зиждется на идее свободы договора. Однако свобод договора как таковая не может быть безграничной, сколько бы полна она ни была. Она имеет тщательно выверенные пределы (carefully calibrated limits) и цивилизованные ограничения [5, С. 86].

В деле 1952 года Хениг против Исаака суду пришлось осуществить выбор между вышеуказанными разнонаправленными принципами. Фабула дела состояла в том, что истец согласился осуществить разработку дизайна и последующую мебельровку квартиры ответчика. После исполнения обязательств истец потребовал осуществить оплату, однако ответчик отказался осуществить оплату т.к. обнаружил дефекты дверцы шкафа и книжной полки. По мнению ответчика, истец не смог исполнить договор, а значит у него не возникло обязательства по оплате. Судья Деннинг указал на то, что суды противодействуют созданию договоров, которые лишали бы лицо всего просто из-за того, что существуют какие-то дефекты или огрехи (дело Хениг против Исаака, Апелляционный суд Англии и Уэльса, 1952). Суд посчитал, что надлежащим способом защиты интересов ответчика является возможность взыскать убытки, понесенные в связи с допущенными исполнителем огрехами, а не отказ от полной оплаты. В связи с обозначенной вы-

ше несоразмерностью средства защиты и законного интереса ответчика суд разрешил дело в пользу истца.

Данное дело крайне важно в том числе и с политико-правовой точки зрения, так как отказ от осуществления встречного предоставления подрывает правовую определенность и ведет к замедлению экономического развития. Представители американского правоведения пишут об этом следующее: «Идеальное предоставление – это иллюзия, от которой уже давно отказались как от реального стандарта исполнения, требуемого договорным правом. Этот стандарт, как абсолютный, если он прямо не включен в контракт, не соответствует ожиданиям сторон в современных сделках» [3, С. 459].

Обозначенная общая тенденция породила в англо-саксонской системе права, так называемую «обязанность смягчать неблагоприятные последствия». Дело Кларк против Марсиглии является одним из наиболее наглядных примеров из прецедентного права, который чаще всего используют в американской учебной и научной литературе. Именно с помощью него мы проиллюстрируем содержание «обязательства смягчать неблагоприятные последствия».

Так согласно факту дела: «Ответчик доставил картины истцу для чистки и ремонта. После того, как истец начал работу, ответчик велел ему остановиться. Истец завершил работу и предъявил иск о взыскании ранее согласованной стоимости работ. Позиция истца по делу, которую принял суд первой инстанции, заключалась в том, что, как только картины оказались в его распоряжении, ответчик не имел права забирать их обратно. Истец имел право завершить работу и получить обещанную оплату. В кратком решении суда, отменяющем решение суда первой инстанции, подчеркивается желательность поощрения лица, находящегося в положении ответчика, требующего прекращения заказанной им работы, когда он больше не хочет выполнения работы, и несправедливость требования от ответчика платить за выполненную работу после уведомления об утрате у заказчика интереса в выполнении работ» [2, С. 1405].

Точно из такой же идеи исходит и доктрина «существенного исполнения», а именно из идеи невозможности одностороннего создания крайне неблагоприятных последствий для другой стороны обязательства. Обязательство по своей природе предполагает равенство, не только на стадии переговорного процесса, но и на стадии исполнения обязательства. Еще Габриэль Феликсович Шершеневич указал, что за каждым субъективным гражданским правом стоит «интерес» [6, С. 603]. Значит необходимым является определение, а являются ли интересы сторон в исполнении обязательства соизмеримыми. Если таковой вывод сделать нельзя, то суд должен встать на сторону того лица, чей интерес более существенен с экономической точки зрения.

Важно заметить, что «существенность» определяется английскими судами на основе результатов

изучения характера отношений между сторонами обязательства, фактическими обстоятельствами, в частности ситуации на рынке. Однако можно выделить ряд универсальных абстрактных критериев, которые могут использовать суды: «Основным элементом такой проверки должна быть степень, в которой нарушение лишило кредитора выгоды, которую он обоснованно ожидал от контракта. Вторым критерий – это степень, в которой кредитор может получить адекватную компенсацию стоимости блага, которое он обоснованно ожидал получить. Этот второй элемент, по сути, является развитием первого, поскольку кредитор не будет лишен выгоды, которую он обоснованно ожидал получить, если он сможет легко устранить нарушение должника, заключив контракт с лицом способным заменить должника. Оба этих элемента сосредоточены на последствиях нарушения для кредитора. Однако следует также уделить некоторое внимание последствиям для должника при определении произошло ли «существенное исполнение». Соответственно, третьим элементом критерия существенного исполнения должна быть степень, в которой должник понесет потери, если он сможет подать иск только о возмещении ущерба» [1, С. 698].

Возникновение ситуации, когда исполнение невозможно квалифицировать в качестве существенного порождает несколько возможных юридических ответов. В их число входят: правомочие приостановить исполнение, правомочие отказаться от договора и заключить замещающее соглашение, правомочие требовать возмещения стоимости неисполненного [4, С. 301]. При выборе надлежащего способа защиты прав кредитора согласно американскому праву следует учитывать различие между ситуациями, когда нарушение исправимо (надлежащим способом защиты будет являться либо приостановление встречного исполнения либо требование о уменьшении стоимости) и где исправление допущенных нарушений невозможно, что полностью лишает ненарушившую сторону договора блага, на которое она рассчитывала (в такой ситуации единственным способом защиты должен быть признан отказ от договора с правом полной реституции и взысканием убытков).

Также немаловажным является и то обстоятельство, что некоторые законные интересы, вытекающие из обязательственных правоотношений, по своей природе не могут быть удовлетворены без идеального соответствия действий должника, изначально оговоренным требованиям. В ходе изучения иностранных научных источников и судебной практики было обнаружено несколько таких примеров. В частности, следует привести известное дело Паркер против Кинокомпании Двадцатый век Фокс (Дело Паркер против Кинокомпании Двадцатый век Фокс, Верховный суд штата Калифорния, 1970), где суд рассматривал иск Ширли Маклейн к киностудии по истребованию гонорара за исполнение роли в фильме. Факты дела заключались в том, что после согласования условий контракта между актрисой и киностудией, студия од-

носторонне изменила сценарий фильма (попросту заменила один сценарий другим). Как результат, Ширли Маклейн должна была сыграть абсолютно не ту роль, на которую рассчитывала, что вынудило её отказаться от исполнения договора. Считая односторонний пересмотр условий договора несправедливым, она обратилась с иском к киностудии о взыскании гонорара за роль, которую не исполнила. Суд в свою очередь указал: «Если бы Маклейн исполнила предложенную ей роль, ей было бы отказано в возмещении ущерба за ее художественные, политические или репутационные потери, поскольку любая оценка потерь была бы спекулятивной. Единственным способом, которым Маклейн могла избежать репутационных потерь, было то, что она и сделала, а именно отказалась от роли в фильме и потребовала возмещения убытков в размере цены контракта» [2, С. 1044].

Несмотря на то, что в названии статьи звучит как «Доктрины существенного исполнения и значительного нарушения», нигде выше не было сказано ни слова о существовании доктрины «значительного нарушения». Почему так произошло? Все дело в том, что стихийное развитие обязательственного права на уровне прецедентного права породило различные названия по своему существу единого, однородного явления. Американские авторы пишут об этом следующее: «Доктрина существенного исполнения имеет очевидную связь с доктриной существенного нарушения. Обе доктрины отражают идею о том, что, хотя все нарушения приводят к ущербу, некоторые нарушения могут иметь и другие последствия. И обе доктрины обычно проводят различие между тем, что в просторечии можно было бы назвать крупными или очень важными нарушениями, с одной стороны, и незначительными или неважными нарушениями, с другой. Эти две доктрины являются двумя сторонами одной медали: если сторона по существу исполнила обязательство (то есть произвела так называемое «существенное исполнение»), то любое нарушение, которое она могла совершить не является существенным («material breach»); если сторона совершила существенное нарушение, то ее действия не могут быть существенными» [1, С. 702]. В связи с этим терминологическим умножением сущностей, памятуя о бритве Оккама, мной было принято решение использовать в тексте статьи более распространенное название – доктрина «существенного исполнения» дабы не вносить путаницу в структуру данной главы.

Вывод, который был сделан на основании иностранных источников можно свести к следующему: во – первых, в английской и американской правовых системах достаточно давно используется доктрина «существенного исполнения» (она же доктрина значительного нарушения). Во-вторых, несмотря на то, что иностранными правоведками выработаны универсальные критерии для оценки существенности исполнения, существует ряд обязательственных отношений, связанных, как правило, с неимущественными благами, одним из ко-

торых может быть названа деловая репутация, где доктрина существенного исполнения не может применяться. Иным примером, когда данная доктрина не применяется является ситуация, когда договаривающиеся заключили договор, прямо указав в договоре на особую значимость для их интересов идеального исполнения или же где таковое идеальное исполнение проистекает из содержания обязательства. В качестве примера последнего можно привести ситуацию, когда лицо соглашается уплатить цену значительно выше рыночной, рассчитывая, что это избавит её от проблем, связанных с не идеальностью исполнения.

Доктрины «substantial performance» и «material breach» являются важным механизмом, используемым в правовых системах общего права. Эти доктрины способствуют реализации общеправового принципа справедливости и предотвращают возникновение ситуаций, когда незначительные огрехи исполнения приводят к заведомо несоразмерным неблагоприятным правовым последствиям. Путем применения доктрины «substantial performance» и «material breach» суды обеспечивают реализацию действительного экономического интереса и равноправия сторон обязательства, что способствует развитию системы рыночных отношений.

Литература

1. Eisenberg M. A., *Foundational Principles of Contract Law: Oxford Commentaries on American Law* / Eisenberg M.A. // Oxford University Press., 2018. – 904 p.
2. Gergen M. P., *A Theory of Self-Help Remedies in Contract* / M.P. Gergen // Boston University Law Review: 2009., Vol. 89. – P. 1397–1449.
3. Parkins L. M., *Comment: Substantial Performance: The Real Alternative to Perfect Tender Under the U.C.C.* / L.M. Parkins // 12 HOUS. L. REV., 1975., – P. 437–459.
4. Stoljar S. J., *Substantial Performance in Building and Work Contracts* / S.J. Stoljar // University of Western Australia Annual Law Review: 1995., Vol. 3, No. 2, P. 293–308.
5. Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. – М.: Норма, 2006. № 7. – С. 84–93.
6. Шершеневич Г.Ф. *Философия права. Том 1: Часть теоретическая. Выпуск 3: Общая теория права* / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1912. – VII, 513–698 с.

DOCTRINES “SUBSTANTIAL PERFORMANCE” AND “MATERIAL BREACH” IN COMMON LAW, COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Druzhkov N.A.
St. Petersburg State University of Economics

The focus of this article lies in examining Anglo-American legal doctrines concerning the satisfactory execution of contractual responsibilities. Specifically, it delves into the principles of «substantial performance» and «material breach» and their practical implications within the realm of jurisprudence.

Issues pertaining to the proper discharge of contractual obligations hold paramount significance across diverse legal frameworks. This significance is particularly accentuated in the contemporary global landscape characterized by the pervasive trends of digitalization and automation. Within this article, the aim is to establish universally applicable criteria for gauging the adequate fulfillment of commitments. These criteria are formulated through an investigation of judicial precedents, utilizing primarily inductive and comparative methodologies as the fundamental research approaches.

The author's ultimate deduction is that the effective utilization of the «substantial performance» and «material breach» doctrines necessitates a thorough scrutiny of the economic underpinnings of contractual relationships. This approach, in turn, facilitates an encompassing and inventive perspective on the realm of civil law obligations.

Keywords: obligation; proper fulfillment of the obligation; material performance; material breach, precedent, common law.

References

1. Eisenberg M. A., *Foundational Principles of Contract Law: Oxford Commentaries on American Law* / Eisenberg M.A. // Oxford University Press., 2018. – 904 p.
2. Gergen M. P., *A Theory of Self-Help Remedies in Contract* / M.P. Gergen // *Boston University Law Review*: 2009., Vol. 89. – P. 1397–1449.
3. Parkins L. M., *Comment: Substantial Performance: The Real Alternative to Perfect Tender Under the U.C.C.* / L.M. Parkins // *12 HOUS. L. REV.*, 1975., – P. 437–459.
4. Stoljar S. J., *Substantial Performance in Building and Work Contracts* / S.J. Stoljar // *University of Western Australia Annual Law Review*: 1995., Vol. 3, No. 2, P. 293–308.
5. Osakwe C. *Freedom of Contract in Anglo-American Law: Concept, Essence and Limits* // *Journal of Russian Law*. – Moscow.: 2006. No. 7. – P. 84–93.
6. Shershenevich G.F. *Philosophy of Law. Vol. 1: The theoretical part. No. 3: General Theory of Law* / G.F. Shershenevich. – Moscow.:, 1912. – VII, 513–698 P.

Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с нарушением антимонопольного законодательства в арбитражном процессе

Кузнецов Дмитрий Алексеевич,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: 798181033125@yandex.ru

В статье рассматривается проблематика, связанная с рассмотрением дел, о нарушении антимонопольного законодательства арбитражными судами, выявляется наиболее часто возникающая проблематика, отдельные наиболее важные процессуальные особенности, знание и понимание которых позволяет более эффективно, быстро и с минимальным числом ошибок разрешать споры в сфере антимонопольного законодательства. Выявляется отсутствие исследований по данной тематике в российской правовой доктрине. Дается классификация дел, в которых принимает участие Федеральная Антимонопольная служба, а также приводится категоризация дел с участием ФАС России. Путем исследования кандидатских диссертаций выявляются наиболее часто возникающие процессуальные особенности производства по отдельным категориям дел, определяется, какие процессуальные особенности производства по делам о нарушении антимонопольного законодательства наиболее часто встречаются, делается вывод о перспективах исследования и изучения данной проблематики.

Ключевые слова. Арбитражный процесс, конкурентное право, экономические споры, процессуальные особенности производства по отдельным категориям дел, цивилистический процесс.

В условиях сложной международной повестки дня, масштабных изменений в российской экономике, ухода западных компаний из страны, или перехода активов данных участников товарного рынка к российскому менеджменту, обостряется проблематика, связанная с падением уровня конкуренции на отдельных товарных рынках, что ведет к появлению новых олигополий и монополий, а число товарных рынков с высоким уровнем конкуренции сокращается. Подобные изменения, а также уход с рынка западных монополистов, приводят к повышению актуальности рассматриваемой проблематики, как для арбитражных судов, так и для Федеральной Антимонопольной службы (далее – ФАС России), так как первые рассматривают данные споры, а вторые являются лицом, участвующим в деле или третьим лицом, по большому числу дел в данной сфере. В данной работе мы попробуем осветить наиболее важные процессуально особенности производства по данным категориям дел.

Вопросы взаимосвязи материального и процессуального права нельзя отнести к числу стабильно популярных тем исследований, интерес к проблемам влияния материального права на процесс, в целом, имеет волнообразный характер. Надо заметить, что одними из первых постсоветских работ, посвященных изучению взаимосвязи норм материального и процессуального права, были работы Грось Людмилы Алексеевны [5, с. 62], с трудов которой началось активное изучение влияния норм материального права на цивилистический процесс, что и порождает в свою очередь процессуальные особенности. Выявление данной проблематики, выдвигание и обоснование тезисов о влиянии материального права на процесс, позволило в последствии ученым-процессуалистам развить активную исследовательскую деятельность в данном направлении.

В отечественной литературе отсутствуют исследования по проблематике, описываемой в настоящей работе: есть исследования и диссертации, посвященные семейному [3, с. 192], налоговому [4, с. 23], земельному [6, с. 12], энергетическому праву [7, с. 20], и еще целому ряду отраслей права и процессуальных особенностей производства по отдельным категориям дел. Масса работ была написана в 2000-ных годах, когда вопросы процессуальных особенностей производства стали чуть ли не одной из самых популярных тем для кандидатских диссертаций и создания отдельных учебных курсов, подготавливались так же учебники [11] и учебные

пособия. Однако, до настоящего времени существует только пособие Фетисова К.А. [12], которое является единственным исследованием в сфере процессуальных особенностей, вытекающих из нарушения антимонопольного законодательства. При всем этом, четкого перечня процессуальных особенностей, методологии выявления, понятия процессуальных особенностей, в литературе не обнаруживается: юридическая наука не сформировала данных категорий, в формате обще признанных и устойчивых понятий, что не мешает ей активно использовать данные категории в терминологическом аппарате.

Федеральная Антимонопольная служба, как орган государственной власти, преемник МАП РФ (Министерства по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, упраздненное в 2004 году), выполняет огромное количество функций, относящихся не только к традиционному антитрасту. Так, к компетенции ФАС России относятся споры, вытекающие из рекламного, тарифного законодательства, законодательства о государственном оборонном заказе, регулировании иностранных инвестиций, контролю естественных монополий, регулирования тарифов, государственных закупок, дел связанных с нарушениями антимонопольного законодательства требований к организациям в сфере торговли. однако, надо понимать, что наибольшее количество из них – это дела, вытекающие из нарушения Федерального закона от 27.06.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2]. Мы выделили следующую классификацию дел: 1.дела о монопольно высоких или низких ценах (ст. 6 и 7 ЗоЗК); 2.дела о злоупотреблении доминирующим положением. (ст. 10 ЗоЗК); 3.дела о соглашениях и согласованных действиях (картели ст. 11, вертикальные и горизонтальные соглашения или согласованные действия 11.1); 4. антимонопольные действия органов государственной власти. (ст. 15, 16 ЗоЗК); 5.дела о недобросовестной конкуренции (ст. 14.1–14.8). Данная категории дел отличается большим количеством составов нарушений, вместе с тем процедуры рассмотрения данных составов отличаются главным образом по предмету доказывания; 6.дела о нарушении требований к торгам (ст. 17 и 17.1 ЗоЗК); 7.дела о нарушения ЗоЗК финансовыми организациями (ст. 18 ЗоЗК); 8.дела о нарушении порядка предоставления государственных преференций (ст. 21 ЗоЗК); 9.государственный контроль за экономической концентрацией и согласование сделок по слиянию субъектов, обладающих доминирующим положением. (гл. 7 ЗоЗК); 10. оспаривание нормативных правовых актов, нарушающих АМЗ в порядке гл. 23 АПК РФ и гл. 21 КАС РФ (не входит в предмет исследования). Итого можно выявить порядка 16 самостоятельных категорий дел (если учитывать законодательство о госзакупках, как самостоятельную категорию, то 17), часть из данных категорий может разделяться на подкатегории.

Если говорить о классификации в контексте процессуального права, то как правило, данные

категории дел классифицируются в соответствии с главами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее –АПК РФ) [1], который содержит ряд глав (23–25 гл. АПК РФ) (гл. 23 не входит в предмет исследования) регулирующих дела, с участием ФАС России. Так же имеют место дела искового производства и споры между самими хозяйствующими субъектами в сфере антимонопольного законодательства (они изучены намного лучше, но в большей степени в контексте взыскания убытков) [8]. Далее, перейдем к процессуальным особенностям непосредственно.

Путем анализа целого ряда кандидатских диссертаций, монографий и иной литературы, нами было обнаружено, что как правило выделяется ряд процессуальных особенностей: субъективно состав, подсудность и подведомственность, порядок досудебного урегулирования и альтернативные способы разрешения споров в исследуемой сфере (крайне редко), доказательства и доказывание, оспаривание актов органов государственной власти (исследуется заметно реже), подготовка дела к производству и производство в первой инстанции, судебное решение. Иногда можно встретить производство в проверочных инстанциях (явление крайне редкое, однако, в одной из монографий по изучению процессуальных особенностей деятельности таможенных органов изучалось) [10, с. 166], и еще более редко поднимается проблематика применения принципов процессуального права по отдельным категориям дел и в проверочных инстанциях (на уровне статей) [13]. Данные наблюдения будут более подробно аргументированы и описаны в рамках кандидатской диссертации, пока же обратим внимание на сами процессуальные особенности.

Прежде всего, к процессуальным особенностям можно отнести субъективный состав участников спора: это ФАС России (в качестве истца, ответчика, третьих лиц или заявителя), хозяйствующие субъекты (как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели) (в различном процессуальном статусе), иные органы государственной власти (как правило, Генеральная прокуратура, в защиту публичных интересов пытается выступать совместно или на стороне истца или в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования).

Что касается подсудности здесь она общая и охватывается положениями ст. 34–36 АПК РФ, процессуальных особенностей не обнаружено.

В вопросах, связанных с применением альтернативных методов урегулирования споров, на наш взгляд, ситуация обстоит менее очевидно: мы соглашаемся с рядом авторов, которые указывают на возможность разрешения антимонопольных споров посредством применения альтернативных методов урегулирования споров (особенно с учетом опыта зарубежных правовых порядков, где споры по данной категории дел вполне арбитрабельны) [9, с.25–36] в изучаемой сфере, однако, это требует самостоятельных масштабных изысканий в вопросе об арбитрабельности и разрешении публич-

ных сопров с применением альтернативных методов урегулирования споров, что не препятствует утверждению о возможности учета данного вопроса в качестве процессуальной особенности.

Наиболее часто изучаемая процессуальная особенность – доказательства и доказывание. В данном вопросе, (так же, как и в части частно-правовых исков и взыскания убытков) отмечается глубокий перевес исследований в частно-правовых спорах, достаточно давно выявлена проблематика, описана тактика доказывания и наиболее оптимальные варианты поведения ответчика, в случае споров с антимонопольным органом [14, с. 197]. Что же касается участия в арбитражном процессе ФАС России, то проведенные нами изыскания позволяют достоверно утверждать, что основная специфика доказывания находится на «досудебной стадии производства», в самом антимонопольном деле и, при условии достаточности доказательств и недопущении процессуальных нарушений, при рассмотрении дел в суде не «всплывают». Вопросы об исследовании доказательств в судебных решения попадают по данной категории в судебные решения не часто. Впрочем, проблемы с достаточностью доказательств, а также нарушениями при доказывании, встречаются довольно часто, что подтверждается и отчетами самого ведомства: так за 2021 год было оспорено 1111 отменены судами 139 решений, по внутриведомственной апелляции 15, постановлений по делам об административных правонарушениях оспорено 888 отменено судами 260, а основной причиной отмены, как и ранее является нехватка доказательств и процессуальные нарушения. [15, с. 166]. Это так же позволяет утверждать, что доказательства и доказывание в целом так же относятся к процессуальным особенностям, но с оговоркой в части их наибольшего проявления в рамках производства по антимонопольному делу, а не на стадии рассмотрения дел в арбитражном суде.

В результате изучения судебной практики, нами было установлено, что подготовка дела к судебному заседанию, производство в суде первой инстанции (за исключением влияния материального права и экономической специфики), а также вынесение судебного решения, в целом нельзя признать в качестве процессуальных особенностей производства по данной категории дел. Производство в проверочных инстанциях так же изучалось нами. Однако, для обоснованных выводов необходимо изучение большего объема судебной практики. На данный момент мы полагаем, что процессуальные особенности в проверочных инстанциях практически не оказывают никакого влияния на производство по делу. Справедливости ради, важно заметить, что именно те положения, которые могли бы являться явными процессуальными особенностями (те же доказательства и доказывание, пределы рассмотрения дела апелляция), являются дискуссионными вопросами сами по себе, что приводит к проблематичности исследования данного вопроса.

В то же самое время, принципы процессуального права, как основа цивилистического процесса, а также конфликт ценностей в цивилистическом процессе, вызывают некоторые вопросы, в части влияния на отдельные категории споров, этому будет посвящена отдельная самостоятельная статья.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: к процессуальным особенностям, при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства достоверно можно отнести: влияние норм материального права и категоризацию дел, субъективный состав, подсудность, доказательства и доказывание, особенности оспаривания актов антимонопольных органов. Условно относимыми можно признать применение принципов процессуального права, применение АРС.

Выше изложенная позиция не претендует на истину, с развитием процессуального права и разрешением ряда теоретических вопросов, перечень процессуальных особенностей может меняться. Вместе с тем, представленный перечень позволяет выдвигать предположения о том, с какими сложностями можно столкнуться при разрешении данной категории споров.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – № 30. – 2002. – ст. 3012.
2. Федеральный закон от 27.06.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 01.04.2022) // СЗ РФ. – № 31. – 2006. – ст. 3434.
3. Абрамова С.А. Судебное разбирательство гражданских дел об усыновлении российских детей иностранными гражданами. // Благовещенск. – 2005 г. – С. 192.
4. Артемьева Ю.А. Рассмотрение арбитражными судами РФ споров, вытекающих из налоговых правоотношений. // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2003 г. С. 23.
5. Грось Л.А. Влияние норм материального права на гражданско-процессуальное право (научно-практические аспекты) // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 1999 г. С. 62.
6. Емальинов А.Р. Процессуальные особенности рассмотрения земельных споров. / Автореф... дис. на соискание степени к.ю.н., Екатеринбург., 2012 г.С.25.
7. Желаев М.А. Процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом споров в сфере энергетики. // Автореф... дисс. на соиск. степени к.ю.н. Саратов, 2020 г. С. 20.
8. Коллектив авторов. Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства. -М.: Проспект, 2019. – 285с.
9. Коломиец А.И. Григорьев Т.Ю. Арбитрабельность споров, возникающих из нарушения антимонопольного законодательства. //Вестник арбитражной практики. –№ 5.–2016. – С. 25–36.
10. Недосека Е.С., Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Специализация судебной детальности: споры с уча-

ствием федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации и механизм формирования судебной практики. // М.: Граница. –2022 г. С. 168.

11. Пискарев И.К. Особенности разрешения и рассмотрения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / М.: Городец, 2005. – С.
12. Фетисов К.А. Разрешение споров в арбитражных судах, связанных с применением антимонопольного законодательства. – Учебник УРГЮА, серия «Библиотека Магистра». – документ предоставлен КонсультантПлюс. (Дата обращения: 03.02.2021).
13. Фокина М.А. О новых доказательствах в апелляционном производстве в гражданском и арбитражном процессах // Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 17 июня 2021 г.) / Сост. И ред. Л.В. Войтович. – СПб.: Астерион, 2021–344 с. – Текст: электронный. – Системные требования: PC; Windows 98/NT/2000/XP/7/8/10; Adobe Reader; 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – DOI: 10.53115/9785001880783
14. Юзэфович В.Б., Савельев А.А., Ишчук И.Н., Циб А.В. Выводы судебных юристов –2. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе. Анализ правоприменительной практики. М.: Инфоотропик Медиа, 2013. – С. 197.
15. Доклад об антимонопольном комплаенсе в ФАС России за 2021 год // [электронный ресурс]. – официальный сайт ФАС России. – <https://fas.gov.ru/documents/688451> (Дата обращения: 28.02.2023 г.).

PROCEDURAL FEATURES OF THE CONSIDERATION OF DISPUTES RELATED TO THE VIOLATION OF ANTIMONOPOLY LEGISLATION IN THE ARBITRATION PROCESS.

Kuznetsov D.A.

St. Petersburg State University of Economics

This article examines the problems associated with the consideration of cases of violation of antimonopoly legislation by arbitration courts, identifies the most frequently arising problems, some of the most important procedural features, knowledge and understanding of which allows more efficiently, quickly and with a minimum number of errors to resolve disputes in the field of antimonopoly legislation. The lack of research on this topic in the Russian legal doctrine is revealed. The classification of cases in which the Federal Antimonopoly Service participates is given, as well as the categorization of cas-

es involving the FAS of Russia is given. Through the study of candidate's dissertations, the most frequently occurring procedural features of proceedings in certain categories of cases are identified, it is determined which procedural features of proceedings in cases of violation of antimonopoly legislation are most common, a conclusion is made about the prospects for research and study of this issue.

Keywords. Arbitration process, competition law, economic disputes, procedural features of proceedings in certain categories of cases, civil process.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (as amended on December 30, 2021) // SZ RF. -No. 30. –2002. – Art. 3012.
2. Federal Law of June 27, 2006 No. 135 FZ “On Protection of Competition” (as amended on April 1, 2022) // SZ RF. – No. 31. – 2006. – Art. 3434.
3. Abramova S.A. Litigation of civil cases on the adoption of Russian children by foreign citizens. // Blagoveshchensk. – 2005 – P. 192.
4. Artemieva Yu.A. Consideration by arbitration courts of the Russian Federation of disputes arising from tax legal relations. // autoref. dis. ... cand. legal Sciences. M.: 2003, p.23.
5. Gros L.A. Influence of norms of substantive law on civil procedural law (scientific and practical aspects) // Abstract of the thesis. dis. ... cand. legal Sciences. M.: 1999, p.62.
6. Emalinov A.R. Procedural features of consideration of land disputes. / Abstract ... dis. for the degree of Candidate of Law, Yekaterinburg, 2012, p.25.
7. Zhelaev M.A. Procedural features of consideration by the arbitration court of disputes in the energy sector. // Author's abstract ... diss. for the competition Ph.D. Saratov, 2020. P. 20.
8. Team of authors. Recovery of damages caused by violation of antimonopoly legislation. -M.: Prospect, 2019. – 285p.
9. Kolomiets A.I. Grigoriev T. Yu. Arbitrability of disputes arising from violations of antitrust laws. //Bulletin of Arbitration Practice. – No. 5. – 2016. – P. 25–36.
10. Nedoseka E.S., Tuganov Yu.N., Aulov V.K. Specialization of judicial detail: disputes involving federal executive bodies of the Russian Federation and the mechanism for the formation of judicial practice. // M.: Border. –2022, p.168.
11. Piskarev I.K. Features of the resolution and consideration of certain categories of civil cases (claim proceedings) / M.: Gorodets, 2005. – P.
12. Fetisov K.A. Resolution of disputes in arbitration courts related to the application of antitrust laws. – Textbook USLA, series “Library of the Master”. – document provided by ConsultantPlus. (Accessed: 03.02.2021).
13. Fokina M.A. On new evidence in appeal proceedings in civil and arbitration proceedings // Revision of judicial acts in civil and administrative cases: problems of regulatory regulation, official interpretation and law enforcement: a collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, North-Western Branch FGBOUVO “Russian State University of Justice”, June 17, 2021) / Comp. And ed. L.V. Voitovich. – St. Petersburg: Asterion, 2021–344 p. – Text: electronic. – System requirements: PC; Windows 98/NT/2000/XP/7/8/10; Adobe Reader; 1 electron. opt. disk (CD-ROM); 12 cm. – DOI: 10.53115/9785001880783
14. Yuzefovich V.B., Saveliev A.A., Ishchuk I.N., Tsib A.V. Judicial lawyers' conclusions –2. Evidence and evidence in the arbitration process. Analysis of law enforcement practice. M.: Infootroptic Media, 2013. – P. 197.
15. Report on antimonopoly compliance in the FAS Russia for 2021 // [electronic resource]. – official website of the FAS Russia. – <https://fas.gov.ru/documents/688451> (Accessed: February 28, 2023).

Миროнова Лариса Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Российский новый университет (Тамбовский филиал)
E-mail: larushka.m@mail.ru

Статья посвящена правовому анализу института самозащиты в гражданском праве, который до сих пор полностью не изучен и вызывает споры среди правоведов. В статье рассматриваются различные подходы к определению термина «самозащита гражданских прав»; представлены взгляды исследователей на классификацию самозащиты; дается характеристика основных способов самозащиты; определены ее границы и условия применения; выявлены недостатки правового регулирования и предложены пути их устранения, что будет способствовать повышению эффективности применения самозащиты в гражданском праве. Автор уделяет внимание вопросу соразмерности причиненного вреда способу самозащиты, а также рассматривает возможность компенсации вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости.

Ключевые слова: самозащита, гражданские права, форма защиты, способ защиты, пределы защиты.

Правонарушения, к сожалению, встречаются в любой сфере человеческой жизни, поэтому эффективная система защиты прав гарантирует лицу уверенность в завтрашнем дне и стабильность хозяйственного оборота.

Конституция Российской Федерации содержит положение о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1].

Применение самозащиты в гражданском праве является актуальной темой исследования, порождающей вопросы и различные толкования среди правоведов. Институт самозащиты до сих пор не имеет надлежащей законодательной регламентации, а судебная практика по данному вопросу немногочисленна и не унифицирована.

Желание защитить свой интерес заложено в каждом человеке от природы. Преимущество же внесудебной защиты определяется высокой степенью оперативности и эффективности, простотой мер защиты, экономичностью и т.д.

Самозащита существует с древних времен, но в гражданском законодательстве это относительно новое понятие, ведь официально оно было введено только 1 января 1995 г. в связи с вступлением в действие первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Правила, касающиеся самостоятельной защиты прав, применимы во всех правовых отраслях и закреплены в различных нормативных правовых актах, например, в главе 59 Трудового Кодекса Российской Федерации, в статье 2.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, в статьях 37 и 39 Уголовного кодекса Российской Федерации и др.

Таким образом, самозащита является комплексным институтом права, носящим межотраслевой характер. В данной статье мы проанализируем актуальные вопросы института самозащиты в частном праве.

Неопределенность правового статуса данной категории проявляется в квалификации самозащиты. Статья 12 ГК РФ содержит открытый перечень способов защиты гражданских прав, среди которых присутствует и самозащита. Ряд правоведов поддерживает позицию законодателя [2], но большинство исследователей считает, что самозащита является не способом, а формой защиты права, не связанной с обращением в суды или административные органы. Так, например, Г.А. Свердлык Г.А. и Э.Л. Страунинг приходят к выводу о том, что «учитывая, что статья 14 Гражданского кодекса РФ допускает защиту нарушенных гражданских прав самостоятельно управомоченным лицом, которое, защищая принадлежащее ему право, уста-

навливает фактические обстоятельства, применяет нормы материального права, определяет способ защиты от посягательства и принимает конкретное решение, которое само и воплощает, вполне логично представить самозащиту как форму защиты гражданских прав» [3, с.168].

Рассуждая о форме защиты прав, Сергеев А.П. и Толстой Ю.К. выделяют юрисдикционную (судебный и административный порядок) и неюрисдикционную (самостоятельные действия лица без обращения к компетентным органам) форму защиты права [4, с. 337]. Румянцев С.А. также считает, что «необходимо самозащиту в ГК РФ отнести не к способам, а к формам защиты» [5, с. 197].

Мы согласны с большинством исследователей и считаем целесообразным исключить упоминание самозащиты из числа способов защиты прав, то есть из статьи 12 ГК РФ, но при этом в статью 14 ГК РФ должно быть включено определение термина «самозащита».

На современном этапе легального определения самозащиты не существует, поэтому каждый исследователь предлагает свое толкование данного понятия. В нормативно-правовых актах термин «самозащита» часто используется, но суть его до конца не раскрыта. Так, Грибанов В.П. определяет самозащиту гражданских прав как «совершение управомоченным лицом действий фактического порядка, соответствующих закону и направленных на охрану материальных и нематериальных благ» [6]. Сушкова И.А. предлагает рассматривать самозащиту как «правовое средство охранительного характера, основой которого является субъективное охранное право» [7].

На основании анализа предложенных рядом авторов дефиниций термина «самозащита», мы приходим к выводу о том, что самозащита – это межотраслевой правовой институт, одна из форм защиты нарушенного права, возможность управомоченного лица самостоятельно защищать свои права, не нарушая при этом закон.

Любой субъект права может прибегнуть и к судебной, и к внесудебной защите. Безусловно, судебная защита является основной формой защиты, а способы самозащиты, которые не предполагают обращения в суд или иной властный орган, представляют собой дополнительные меры охраны субъективных прав.

Самозащита должна иметь пределы, превышение которых недопустимо. Статья 14 ГК РФ содержит условия, при соблюдении которых применение самостоятельной защиты будет правомерным и не будет квалифицировано как самоуправство. Так, выбранный способ самозащиты должен быть сопоставим с нарушением и не должен выходить за пределы, необходимые для его применения. Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 Постановления № 25 от 23.06.2015 г. указывал на то, что «... самозащита должна соответствовать способу и характеру нарушения» [8].

Судебная практика, касающаяся самостоятельной защиты гражданских прав, немногочисленна

по сравнению с другими категориями дел. Как правило, это дела о соразмерности или несоразмерности способа самозащиты.

Так, например, в Архангельский областной суд обратился истец с требованием наказать ответчика за незаконное удержание имущества. Суд установил, что истец и ответчик заключили договор аренды, но обязательства по внесению арендной платы арендатор (истец) не выполнял. Тогда ответчик (арендодатель) закрыл помещение, в котором было размещено имущество истца, тем самым лишив последнего возможности пользоваться своими вещами. Рассмотрев материалы дела и выслушав доводы сторон, суд принял решение об отказе в иске, признав действия ответчика соразмерной самозащитой, и не усмотрев в них состав административного правонарушения [9].

Заметим, что самозащита не должна становиться самоуправством. Если бы вещи, доступ к которым был невозможен, являлись для истца жизненно необходимыми (например, истец не смог вовремя принять лекарство и попал в больницу с приступом астмы), тогда удержание вещи ответчиком нарушало бы права истца в большей степени, чем вред, причиненный неуплатой арендных платежей. В этом случае суд должен был принять сторону истца и удовлетворить иск.

В Московском суде г. Нижний Новгород рассматривался иск о понуждении к проведению ремонта входной двери. Суд установил, что квартира находилась в долевой собственности истца и ответчика. Истец неоднократно обращался к собственнику (ответчику) с требованием предоставить ключи от квартиры и не чинить препятствия в ее использовании. Ответчик отказывался, не реагировал на телефонные звонки, не открывал дверь. Тогда истец пригласил специалиста и с его помощью вскрыл дверь квартиры. Оказалось, что ответчик проживает в другом месте, жилым помещением не пользуется, его вещей в квартире не было.

Истец посчитал, что ответчик должен возместить стоимость ремонта входной двери, так как уклонялся от предоставления доступа в квартиру. В этой ситуации суд в иске отказал. Апелляционная инстанция оставила решение Московского районного суда г. Нижний Новгород без изменений, указав на то, что между сторонами не был установлен порядок пользования совместной недвижимостью, и истец имел право обратиться в суд с иском о нечинении препятствий в пользовании имуществом. Вместо этого истец самостоятельно демонтировал входную дверь. По мнению судебной инстанции, истец выбрал ненадлежащий способ защиты прав. Таким образом, суд не усмотрел оснований для возложения на ответчика обязанности по ремонту входной двери [10].

Анализ судебной практики, складывающейся по поводу самозащиты, показал, что судебные органы в каждом случае оценивают допустимость и соразмерность конкретных действий участников процесса. Нам представляется целесообразным на законодательном уровне обозначить пределы

самозащиты, превышение которых следует квалифицировать как самоуправство (ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, сутью самозащиты является совершение правомерных действий, имеющих целью соблюсти неприкосновенность субъективных прав. Перечислим основные способы самозащиты:

1. *Отказ от исполнения договора в одностороннем порядке.* Согласно ст. 310 ГК РФ односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом. Таким образом, в нормативных актах либо в тексте договора могут быть предусмотрены ситуации, когда такой отказ возможен во внесудебном порядке. Так, например, согласно ст. 523 ГК РФ сторона имеет право отказаться от исполнения договора поставки, если другая сторона существенно нарушает ее условия. Отказ, как правило, носит уведомительный характер. В соответствии со ст. 782 ГК РФ заказчик имеет право прекратить исполнение договора по оказанию услуг в любое время, если возместит исполнителю понесенные расходы.
2. *Приостановление встречного исполнения обязательства.* В соответствии со ст. 716 ГК РФ подрядчик должен письменно уведомить заказчика о приостановлении работ, если обнаружит не зависящие от него обстоятельства, которые не дают завершить работы в срок.
3. *Удержание вещи* – способ обеспечения исполнения обязательств, при котором кредитор удерживает во владении вещь, принадлежащую должнику (ст. 359 ГК РФ). Обращение взыскания на такую вещь производится по правилам залога (ст. 334 ГК РФ).
4. *Обеспечительный платеж* (ст. 381.1 ГК РФ) вносится одной стороной в пользу другой стороны. Если условия сделки будут нарушены стороной, внесившей обеспечительный платеж, другая сторона имеет право на его удержание.
5. *Досрочное исполнение обязательства* (ст. 315 ГК РФ). Примером является право арендодателя в случае существенного нарушения арендатором сроков внесения арендной платы требовать досрочного внесения арендной платы (п. 5 ст. 614 ГК РФ).

В ГК РФ отдельные статьи посвящены компенсации вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны (ст. 1066) и в ситуации крайней необходимости (ст. 1067). Действия, совершенные гражданином в состоянии необходимой обороны и в ситуации крайней необходимости, осуществляются в рамках самозащиты. Остановимся на них подробнее.

Необходимая оборона – это комплексный институт, который регулируется и гражданским, и уголовным правом. Статья 1066 ГК РФ гласит, что вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не подлежит возмещению, если при этом не были превышены ее пределы. То есть действия,

которые совершает лицо в состоянии необходимой обороны, являются правонарушением, причиняют вред нарушителю, но юридической ответственности не влекут.

Примером может служить ситуация с нападением собаки, которая сорвалась с поводка и убежала от хозяина. Если собака набросится на случайного прохожего, конечно, тот будет обороняться подручными средствами (камень, палка, нож). В такой ситуации животному и его хозяину может быть причинен вред, но обороняющийся не будет привлечен к ответственности.

Анализируя ситуации с действиями, совершенными лицом в состоянии необходимой обороны, следует учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 г. № 1, где сказано, что если вред причинен в состоянии необходимой обороны, то он компенсируется на общих основаниях только при превышении ее пределов, а «размер возмещения определяется судом в зависимости от степени вины как причинителя вреда, так и потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда» [12], то есть если пределы обороты не превышались, но и вред не возмещается.

Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что в законодательных актах нет указаний на обстоятельства или условия, когда применение обороны будет правомерным, а когда нет. Мы полагаем, что текст статьи 1066 следует расширить, обозначив в ней условия, при которых возможно применение необходимой обороны, например, реальность угрозы, направленность непосредственно на посягающего (в нашем примере – на собаку, а не на ее хозяина), выбор способа реагирования на нападение с учетом степени и характера опасности.

Когда деяние ошибочно воспримется защищающимся лицом в качестве опасного, оборона будет являться мнимой. Если в такой ситуации обороняющийся причинил вред, то он обязан его компенсировать. Превышение допустимых пределов возникает в случае несоответствия характера средств защиты и опасности нападения. Важно учитывать степень опасности и возможности того, кто защищает себя и свои права [13, с. 5].

Согласно статье 1067 ГК РФ «вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, должен быть возмещен лицом, причинившим вред» [14].

Таким образом, действия в состоянии крайней необходимости являются способами устранения угрожающей опасности. К действиям, предпринимаемым в состоянии крайней необходимости, относится, например, разбор строения при природном катаклизме, или ситуация, когда человек оказался запертым в помещении и единственным способом освободиться от заточения будет взлом двери. Суд будет изучать обстоятельства причинения вреда. Так, если в помещении был другой

открытый выход, или у человека, закрытого в помещении, был телефон для связи, но он предпочел взломать дверь, то действия причинителя вреда не будут квалифицированы как совершенные в состоянии крайней необходимости. Если же в помещении начался пожар, то человек не должен искать запасной выход, он может разбить стекло, сломать дверь, ведь он действует в состоянии смертельной опасности.

Причиной возникновения крайней необходимости может быть столкновение двух интересов или двух обязанностей, например: врачу необходимо в одно время осмотреть двух больных. Первым делом он идет в палату к тому пациенту, чье самочувствие более тяжелое. Опоздание врача ко второму больному обусловлено, в данном случае, крайней необходимостью. В перечисленных случаях действия причинителя вреда скорее всего будут признаны правомерными.

Итак, применение необходимой обороны или крайней необходимости не влечет за собой юридической ответственности при условии не пересечения тонкой грани превышения обороны и крайней необходимости.

Таким образом, институт самозащиты гражданских прав на современном этапе еще не достаточно изучен и продолжает вызывать бурные споры среди правоведов. В гражданском законодательстве содержится всеобъемлющая норма, которая посвящена самозащите гражданских прав. Она применяется в любой ситуации, связанной с нарушением прав. Защита своих личных прав и интересов является естественным желанием, заложенным в каждом человеке природой. Желание самостоятельно защищать права, порядок исполнения которых не установлен правовыми актами, опасно и влечет за собой ответственность, поэтому право на самостоятельную защиту должно быть на законодательном уровне ограничено пределами и порядком исполнения.

Институт самозащиты является формой, а не способом защиты права. В соответствии с этим целесообразно исключить упоминание самозащиты из числа способов защиты прав, то есть из статьи 12 ГК РФ, при этом в статью 14 ГК РФ должно быть включено определение термина «самозащита». Также в статью 14 ГК РФ следует включить открытый перечень способов самозащиты. Кроме того следует установить критерии, позволяющие соотнести соразмерность причиненного вреда и примененного способа самостоятельной защиты прав. Также необходимо больше внимание уделять правовому воспитанию граждан, точно определяя допустимые границы самозащиты. Предложенные меры смогут повысить эффективность применения института самозащиты в гражданском праве.

Литература

1. Ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием

12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. Витрянский В.В. Судебная защита гражданских прав: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., – 1996.
3. Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав. – М., 2002.
4. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др.; Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: Проспект, 2003.
5. Румянцев С.А. Самозащита в гражданском праве: некоторые дефекты правового регулирования // Право и практика, 2018, № 1, с. 192–197.
6. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Теис, 2000. – С. 76.
7. Сушкова, И.А. Общие и специальные способы защиты нарушенных гражданских прав / И.А. Сушкова // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6. с. 220.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 (ред. от 25.12.2018) «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. С. 2–16.
9. Решение Архангельского областного суда от 23.04.2020 по делу № 7П-368/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.07.2023)
10. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 01.11.20 по делу № 33–13331/2016 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.07.2023)
11. Обобщение судебной практики на тему «Правовые проблемы избрания способов защиты и самозащиты гражданских прав» // Арбитражный суд Поволжского округа – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://faspo.arbitr.ru/node/15833> (дата обращения: 31.07.2023).
12. П. 12 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.07.2023).
13. Казакова, Е.Б. Самозащита прав – новый институт в российском праве / Е.Б. Казакова // Нотариус. – 2010. – № 3. – С. 37–39.
14. Ст. 1067 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SELF-DEFENSE IN CIVIL LAW

Mironova L. Yu.

Tambov branch of Russian new University

The article is devoted to the legal analysis of the institution of self-defense in civil law, which has not yet been fully studied and causes controversy among legal scholars. The article discusses various approaches to the definition of the term “self-defense of civil rights”; presents the views of researchers on the classification of self-defense; describes the main methods of self-defense; defines its boundaries and conditions of application; identifies shortcomings of legal regulation and suggests ways to eliminate them, which will contribute to improving the effectiveness of self-defense in civil law. The author pays attention to the question of the proportionality of the harm caused to the method of self-defense, and also considers the possibility of compensation for damage caused in a state of necessary defense and extreme necessity.

Keywords: self-defense, civil rights, form of protection, method of protection, limits of protection.

References

1. Part 2 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.08.2014, No. 31, article 4398.
2. Vitryansky V.V. Judicial protection of civil rights: Abstract. dis. ... doct. jurid. Sciences. – M., – 1996.
3. Sverdlyk G.A., Strauning E.L. Protection and self-defense of civil rights. – M., 2002.
4. Civil law: Textbook: In 3 vols. Vol. 1. 6th ed., reprint. and additional / N.D. Egorov, I.V. Eliseev, etc.; Ed. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. – M.: Prospect, 2003.
5. Rumyantsev S.A. Self-defense in civil law: some defects of legal regulation // Law and Practice, 2018, No. 1, pp. 192–197. 6.
6. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. – M.: Teis, 2000. – p.76.
7. Sushkova, I.A. General and special ways of protecting violated civil rights / I.A. Sushkova // Theory and practice of social development. 2020. No. 6. p. 220.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of 23.06.2015 (ed. of 25.12.2018) “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No.8. p.2–16.
9. The decision of the Arkhangelsk Regional Court of 23.04.2020 in case No. 7P-368/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/> (date of application: 20.07.2023)
10. The appeal ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 01.11.20 in case No. 33–13331/2016 – [Electronic resource]. – Access mode <https://www.consultant.ru/> (date of application: 31.07.2023)
11. Generalization of judicial practice on the topic “Legal problems of choosing methods of protection and self-defense of civil rights” // Arbitration Court of the Volga district – [Electronic resource] – Access mode: <http://faspo.arbitr.ru/node/15833> (date of application: 31.07.2023).
12. Item 12 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 26.01.2010 “On the application by courts of civil Legislation Regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen” – [Electronic resource] – Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of application: 29.07.2023)
13. Kazakova, E.B. Self-defense of rights – a new institution in Russian law / E.B. Kazakova // Notary. – 2010. – No. 3. – pp. 37–39.
14. Art. 1067 of the Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51–FZ (ed. of 14.04.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, article 3301.

Взыскание неустойки и компенсации при несоблюдении условий корпоративного договора

Нагдалян Давид Артурович,

магистр права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: david.nagdalyan.99.99@mail.ru

Работа посвящена таким последствиям несоблюдения условий корпоративного договора как неустойка и компенсация. Неустойка и компенсация представляют собой два разных механизма ответственности, имеющих общие черты. Автором были проанализированы негативные составляющие указанных мер ответственности, а также история появления компенсации и ее природа. Для проведения исследования было использовано большое количество доктринальных источников, а также актуальная судебная практика российских и иностранных судов. В конечном итоге, автор пришел к выводу об особой природе компенсации, а также к выводу о том, что компенсация не должна подлежать снижению со ссылкой на статью 333 Гражданского кодекса Российской Федерации. Более того, на основании имеющейся судебной практики автором работы был сделан вывод об ограниченном действии компенсации, так как ее применение невозможно участниками общества с ограниченной ответственностью.

Ключевые слова: неустойка, компенсация, корпоративный договор, ответственность, средства защиты.

Большинство современных развитых государств имеют рыночную экономику, которая построена на принципах свободного рыночного ценообразования, предпринимательства, минимального экономического вмешательства государства в хозяйственную деятельность ее субъектов и договорных отношений между такими субъектами. Договорные отношения между субъектами частной деятельности имеют основополагающее значение для построения бизнеса и осуществления успешной экономической деятельности. Договоренности между участниками хозяйственной деятельности оформляются посредством различных договоров. В число таких соглашений также входит и корпоративный договор, функция которого заключается в оформлении прав и обязанностей участников хозяйственного общества. Иными словами, посредством корпоративного договора стороны формально закрепляют те действия, которые им необходимо предпринять для того, чтобы достигнуть совместной хозяйственной цели и обеспечить взаимное воздействие на деятельность компании.

Одной из наиболее важных составляющих корпоративного договора являются последствия его несоблюдения, закрепляемые сторонами в целях обеспечения установленных договоренностей. Более разработанные, а также новые и эффективные последствия несоблюдения условий корпоративного договора содействуют благоприятному развитию предпринимательства, созданию устойчивой и стабильной экономики, ее росту и укреплению. По этой причине проблема последствий несоблюдения условий корпоративного договора имеет не только теоретический характер, но и напрямую влияет на жизнь общества, то есть имеет прикладное значение.

В Российской Федерации существует большое количество последствий несоблюдения условий корпоративного договора, которые могут быть использованы его сторонами для защиты своих прав и интересов. К таким последствиям относятся взыскание убытков; признание недействительным решения общества и сделки, заключенной стороной договора, при нарушении условий корпоративного договора; понуждение к исполнению в натуре; иные непредусмотренные законом последствия несоблюдения корпоративного договора (потеря права голоса, утрата права на участие в распределении прибыли и т.д.).

Однако в настоящей работе мы хотели бы проанализировать представляющие собой особый интерес последствия несоблюдения условий корпоративного договора – неустойку и компенсацию.

В соответствии со статьей 330 ГК РФ под неустойкой понимается определенная законом либо договором сумма денежных средств, которая должна быть уплачена кредитору должником в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения последним возложенного на него обязательства. Неустойка является наиболее применяемой и работающей мерой ответственности за нарушение условий корпоративного договора. Об этом свидетельствует многочисленная судебная практика. Взаимосвязанной с данной мерой ответственности является компенсация, которая предусмотрена пунктом 7 статьи 32.1 Закона об АО и под которой понимается твердая денежная сумма или сумма, подлежащая определению в порядке, указанном в акционерном соглашении. Компенсация – новый и не совсем понятный инструмент ответственности, который необходимо отличать от неустойки. Указанные меры ответственности необходимо анализировать совместно в силу их схожего характера, а также для проведения различия между ними. При этом каждая из приведенных мер ответственности связана с рядом проблем, которые также будут обозначены в работе.

Если говорить про неустойку, то она является более удобной мерой ответственности для потерпевшей стороны по сравнению с убытками, так как для взыскания неустойки подлежит доказыванию только факт правонарушения. Единственный факт нарушения будет являться основанием для привлечения виновной стороны к ответственности. При этом основным недостатком, на который указывает значительное большинство авторов научных работ, является возможность ее снижения по решению суда. Как в законе, так и в разъяснениях высших судов Российской Федерации есть пояснения по вопросу снижения неустойки. Так, в статье 333 ГК РФ сказано, что суды имеют право снизить размер неустойки, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения договорного обязательства. При нарушении обязательства осуществляющим предпринимательскую деятельность лицом суд может уменьшить ее размер при соблюдении двух основных условий: заявление нарушителем требования об ее уменьшении, а также исключительность ситуации, когда взыскание в первоначальном размере приведет к получению кредитором необоснованной выгоды. В пункте 73 ПП ВС РФ от 24.03.2016 № 7 сказано, что несоразмерность выгоды кредитора в числе прочего может выражаться в том, что потенциальный размер убытков кредитора значительно ниже начисленной неустойки. Таким образом, в судебной практике складывается ситуация, при которой суды на основании приведенных норм и разъяснений в значительном большинстве случаев снижают размер неустойки [9]. Это влечет неэффективность использования данной меры ответственности применительно к корпоративному договору.

Для решения указанной проблемы в научной литературе также предлагалось использовать правила, установленные в немецком гражданском зако-

нодательстве. Так, М.И. Иноземцев для разрешения указанной проблемы по аналогии с немецким правом предлагал установить запрет на снижение судом неустойки, взыскиваемой с лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность [9, с. 108]. Но с учетом сложившейся судебной практики, разъяснений судов высших инстанций, а также определений Конституционного суда РФ (определение от 21.12.2000 № 263-О, от 14.03.2001 № 80-О) представить принятия такого изменения в целях защиты прав и интересов потерпевшей стороны не представляется возможным. Более того, ранее данный вопрос уже поднимался на обсуждение – предлагалось введение запрета на снижение судом неустойки, предусматриваемой за нарушение акционерного соглашения [4]. Данная инициатива была подвергнута жесткой критикой со стороны Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. По словам противников указанного предложения, введение в правовое поле «неснижаемой неустойки» 1) размывает логику законодательства; 2) влечет взыскание всех неустоек; 3) подрывает стабильность гражданского оборота, так как создает возможность для «перелива» значительных денежных средств из одних рук в другие без какого-либо контроля со стороны суда [5].

Как предполагалось, наиболее действенным и рабочим механизмом должна была стать компенсация. Как очень точно отмечал Ю.С. Поваров, убытки и неустойка имеют слабые места, поэтому предпринимательское сообщество возлагало надежды на новый работоспособный инструмент влияния на контрагента-нарушителя, которым должна была стать компенсация. Такой механизм должен был стать более эффективным по двум основным причинам: 1) при компенсации будет более простой режим доказывания; 2) недопустимость произвольного снижения ее размера [15, с. 55–56]. Как отмечали И. Корнев и В. Арутюнян, «компенсация при условии, что ее размер не будет уменьшаться судами в произвольном порядке, сможет стать существенной гарантией исполнения акционерного соглашения его сторонами» [12].

Основным наиболее важным вопросом, касающимся компенсации, является ее природа, которая определяет применимые к ней законодательные нормы. Как правило, все позиции относительно данного вопроса сводятся к четырем: компенсация – аналог заранее оцененных убытков (*liquidated damages*), существующих в англосаксонской правовой семье; подобие компенсации, предусмотренной за нарушение исключительного права правообладателя (пункт 3 статья 1252 ГК РФ); отсутствие специфики по сравнению с неустойкой; самостоятельная мера гражданско-правовой ответственности.

Заранее оцененные убытки являются распространенным инструментом в английском прецедентном праве и представляют собой предварительно установленную сторонами сумму на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения

обязательства. При этом для понимания природы заранее оцененных убытков необходимо сравнивать их с неустойкой, которая не признается английским правом. Так, в случае, если суд квалифицирует условия договора о взыскании суммы денежных средств, которая в контракте обозначена в качестве заранее оцененных убытков, как неустойки, такое условие не будет обеспечено судебной защитой. Если же суд установит, что уплачиваемая сумма выполняет компенсаторную функцию, то он признает такое условие в качестве заранее оцененных убытков и взыскивает установленную в договоре сумму сторон.

Прецедентным делом по вопросу разграничения неустойки и заранее оцененных убытков является дело *Dunlop Pneumatic Tyre Co Ltd v. New Garage & Motor Co Ltd (1915) AC79*, в котором суд указал, что, во-первых, название «неустойка» и «заранее оцененные убытки» не влияют на оценку судом правовой природы условия договора, во-вторых, цель неустойки – устрашение потенциального нарушителя, в то время как заранее оцененные убытки направлены на оценку убытков и носят компенсаторный характер. По мнению А.В. Сятчихина, аналогичной компенсаторной природой также обладает и компенсация, которая помимо этого имеет и иные общие с заранее оцененными убытками признаки [18, с. 136–141].

В судебной практике есть примеры как факта существования, так и факта отрицания заранее оцененных убытков в отечественном праве. Например, позитивной судебной практикой, подтверждающей существование заранее оцененных убытков в российском праве, является Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений», в котором был снят вопрос об отождествлении неустойки и заранее оцененных убытков, а также определены критерии действительности условия о заранее оцененных убытках. На уровне нижестоящих судов также есть примеры, свидетельствующие о признании условия о заранее оцененных убытках. Так, в постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2015 г. № 08АП-12937/2015 по делу № А70–6015/2015 была указана возможность применения заранее оцененных убытков, так как подобного рода договоренности полностью соответствуют принципу свободы договора.

При этом существует, как минимум, две негативные позиции судов по вопросу определения заранее оцененных убытков. Первая – суды признают условие о заранее оцененных убытках недействительным, так как российское законодательство исходит из принципа доказываемости юридического состава убытков и возложения бремени доказывания на истца (постановление ФАС Московского округа от 21 января 2015 года по делу № А40–42680/2014). Второй известный подход

судов заключается в том, что заранее оцененные убытки представляют собой неустойку, которая неправильно была названа сторонами в договоре (постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 31 января 2014 года по делу № А53–27651/2012 и постановление ФАС Уральского округа от 06.02.2013 № Ф09–13685/12 по делу № А50–11086/2012).

Как следует из представленных судебных решений, нет однозначной позиции в отношении заранее оцененных убытков в российском праве, поэтому компенсации, которая напрямую установлена законом, не является заранее оцененными убытками. Более того, исходя из законодательной формулировки пункта 7 статьи 32.1 Закона об АО, касающегося компенсации, следует, что стороны не должны заранее оценивать размер взыскиваемой компенсации. Соответственно, правовая природа заранее оцененных убытков и компенсации разная, что означает невозможность применения по аналогии с заранее оцененными убытками правил о снижении взыскиваемой суммы в случае чрезмерного размера компенсации наступившим последствиям.

Следующая позиция заключается в том, что компенсация за нарушение акционерного соглашения схоже с компенсацией за нарушение исключительного права по пункту 3 статьи 1252 ГК РФ. Основной интерес заключается в том, что судебная практика идет по пути невозможности применения статьи 333 ГК РФ к компенсации за нарушение исключительного права. Например, в деле № А51–22505/2012 было указано, что применение правил статьи 333 ГК РФ по аналогии к компенсации за нарушение исключительного права недопустимо, так как компенсация, уплачиваемая по статье 1252 ГК РФ за нарушение обязательств, не является неустойкой (постановлении Президиума ВАС РФ от 04.02.2014 г. № 9189/13 по делу № А51–22505/2012). Если же приравнивать природу данного вида компенсации к компенсации по статье 32.1 Закона об АО, то компенсация за нарушение акционерного соглашения также не подлежит уменьшению. Данный вывод не может считаться обоснованным в силу того, что оба вида компенсации сильно различаются между собой.

Во-первых, компенсация по статье 1252 ГК РФ определяется судом в пределах, установленных законом, в то время как размер компенсации за нарушение акционерного соглашения устанавливается сторонами договора. Во-вторых, отношения сторон акционерного соглашения и отношения сторон в связи с использованием исключительных прав сильно отличаются по своему существу и в целом по правовой природе. Как следует из представленной информации, два вида компенсации не являются однородными. В силу этого нельзя сделать однозначный вывод о том, что к компенсации за нарушение акционерного соглашения не подлежит применению статья 333 ГК РФ и, соответственно, такая компенсация не может быть уменьшена судом.

Следующая позиция заключается в том, что компенсация не обладает какой-либо спецификой по сравнению с неустойкой. Такой позиции, в частности, придерживается Е.А. Суханов, который утверждает, что компенсация является оценочной неустойкой, что порождает возможность применения положений о снижении неустойки к ней. Более того, автор считает, что введение в законодательство «неснижаемой неустойки» является неправильным [11, с. 108]. Более того, подобные рассуждения также поддерживает В.Г. Бородин, который утверждает, что «компенсацию за нарушение акционерного соглашения невозможно выделить в качестве самостоятельного вида гражданско-правовой ответственности, так как указанная мера ответственности по своей природе представляет собой разновидность договорной неустойки, даже несмотря на то, что формально-юридически данные меры разграничены друг от друга» [10, с. 216].

Нельзя согласиться с такими выводами, так как законодатель указал на компенсацию как на отдельный вид ответственности наряду со взысканием убытков и неустойки. Не имеет никакого смысла указывать в законе компенсацию отдельно от неустойки, а после рассматривать ее в качестве договорной неустойки, то есть ее вида.

Последняя и, на наш взгляд, наиболее правильная позиция заключается в том, что компенсация, предусмотренная законом об АО, не является неустойкой, а обладает особой, самостоятельной природой. Такое мнение широко поддерживается в научной литературе. Например, С.П. Степкин считает, что отдельное выделение права требовать прописанной в соглашении или определяемой в соответствии с ним компенсации можно расценить как специальное регулирование мер ответственности по акционерным соглашениям, а упоминание компенсации наряду с неустойкой означает, что их необходимо отличать друг от друга [17, с. 131]. Более того, И.С. Шиткина утверждает, что компенсация не является неустойкой в связи с чем к ней не применяются правила статьи 330 ГК РФ [19, с. 45]. Такой подход следует из буквального толкования пункта 7 статьи 32.1 Закона об АО, в которой компенсация обозначена в качестве отдельного вида ответственности за нарушение условий акционерного соглашения. Более того, ранее упомянутая история с отказом от внедрения «неснижаемой неустойки» и появление компенсации в качестве отдельного вида ответственности означает особую природу компенсации.

Как видно из представленной информации, единого мнения относительно природы компенсации, применяемых к ней норм и возможности ее снижения по статье 333 ГК РФ в научных источниках так и не сложилось. Для получения ответа на указанные вопросы следует обратиться к существующей немногочисленной судебной практике.

Стоит отметить, что судебная практика достаточно неоднозначная. Так, из дела № А51–14370/2022 напрямую следует, что стороны в своем соглашении установили «неснижаемую ком-

пенсацию» в размере 10 миллионов рублей (постановления Пятого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2023 № 05АП-7532/2022 по делу № А51–14370/2022). Более того, из содержания дела следует, что нарушитель корпоративного договора заплатил полную сумму, что может свидетельствовать о признании требований о выплате компенсации обоснованным. Тем не менее, это не помешало суду снизить размер компенсации в два раза на основании статьи 333 ГК РФ. Суд считал, что истец не понес каких-либо потерь в результате неисполнения соглашения в связи с чем сумма компенсации несоразмерна последствиям нарушения обязательств. Очень важным в данном решении является следующее суждение суда: «Соразмерность гражданско-правовой ответственности как основополагающий принцип гражданского права не должен позволять обогатиться кредитора, а должен быть направлен на компенсацию возможных убытков и восстановление нарушенных прав. Действующее законодательство не содержит механизма применения данного принципа к компенсации за нарушение условий акционерного соглашения, что, однако, не свидетельствует о недопустимости судебного контроля над определением ее размера с приведением разумной и сбалансированной величины, исходя из соответствия последней неблагоприятным последствиям, вызванным нарушением акционерного соглашения, установленного судом с учетом обстоятельств конкретно дела». Иными словами, было сказано, что при взыскании компенсации суд имеет право на контроль за определением ее размера в каждом конкретном случае.

Еще в одном деле, в котором истцом выступало АО «Роснано», было сказано о взыскании «денежной компенсации» (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 по делу № А11–3028/2016). По всей видимости, из текста судебного решения следует, что стороны оговорили такую меру ответственности как компенсацию. Однако ответчиком было заявлено требование о снижении размера компенсации на основании статьи 333 ГК РФ. Суд отказался уменьшать компенсацию, так как не нашел оснований для снижения, но очень подробно прокомментировал правила, касающиеся снижения неустойки. Можно предположить, что в случае, если суд нашел бы основания для снижения, то уменьшил бы размер компенсации со ссылкой на статью 333 ГК РФ.

При этом хотелось бы также обратить внимание на дело № А40–56423/14. В данном постановлении и решениях нижестоящих судов идет речь о взыскании неустойки за нарушение корпоративного договора. Тем не менее, по мнению К.О. Осипенко, «решения указанных судов могут быть применимы к компенсации как меры гражданско-правовой ответственности, поскольку, исходя из обстоятельств дела, данным договором прямо регламентировался порядок определения суммы, подлежащей выплате в случае нарушения условий данного договора» [15, с. 117]. В приведенном деле сторо-

ны договорились, что в случае нарушения условий корпоративного договора, они обязуются уплатить неустойку в размере 50% стоимости недвижимого имущества, принадлежащего обществу, что в настоящем деле составило более 720 миллионов рублей. Суд в своем решении указал, что правила статьи 333 ГК РФ не должны применяться в данном случае, так как превалирует принцип свободы договора. Если применять данное правило к компенсации по аналогии, то в таком случае ее размер не должен быть уменьшен судом. Подобный вывод также представлен, в частности в делах А45–12277/2015, А56–4130/2021, в которых суды отказались уменьшать неустойку в размере 5 и 50 миллионов рублей соответственно. Каких-либо иных дел по вопросу компенсации за нарушение акционерного соглашения, из которых можно сделать практически значимые выводы, нет.

Как видно из изложенной информации, судебная практика является немногочисленной, но при этом противоречивой. Очевидно, суды, посчитав размер компенсации чрезмерным, могут воспользоваться статьей 333 ГК РФ и снизить ее размер. Однако из судебной практики, а также из истории создания нормы следует, что законодатель не имел намерения подчинить компенсацию напрямую судебному контролю по правилам статьи 333 ГК РФ. С другой стороны, законодатель открыл вопрос о пределах применения указанной нормы для судебной проверки адекватности размера спорных компенсаций в порядке аналогии [14, с. 16].

Как следует из всей приведенной информации, по всей видимости, компенсация подлежит снижению, но важно понимать, каковы пределы применения статьи 333 ГК РФ относительно компенсации. Судебное вмешательство должно быть в исключительных случаях, но без ссылки на статью 333 ГК РФ. Необходимо использовать ссылку на иные нормы. На наш взгляд, наиболее рациональным и правильным является подход В.А. Микрюкова. По мнению автора, необходимо установить в законе об АО запрет на уменьшение судом размера компенсации, предусмотренного соглашением сторон. Однако предлагается добавить возможность по уменьшению размера компенсации со ссылкой на статью 10 и пункт 2 статьи 406.1 ГК РФ при соблюдении следующих условий: 1) в исключительных случаях; 2) доказано очевидное несоответствие величины денежной суммы неблагоприятным последствиям вследствие нарушения акционерного соглашения; 3) установлено заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в установленном размере [14, с. 17].

Еще одной проблемой, плавно вытекающей из анализа неустойки и компенсации, является возможность применения компенсации к обществам с ограниченной ответственностью. Иными словами, возможность взыскания компенсации предусмотрена законом об АО, но не предусмотрена законом об ООО. В этой связи возникает справедливый вопрос относительно возможности

применения компенсации участниками обществ с ограниченной ответственностью. В научной литературе нет единого мнения по данному вопросу. Есть позиция, что взыскание компенсации с участника общества с ограниченной ответственностью возможно по аналогии в связи с недостаточной практической целесообразностью применения таких мер ответственности, как возмещение убытков и взыскание неустойки [13, с. 24]. Противоположно данному мнению есть позиция, в соответствии с которой невозможно установление ответственности в виде компенсации применительно к участникам общества с ограниченной ответственностью, так как отсутствует прямая законодательная регламентация такой возможности, что влечет недопустимость применения правил по аналогии. На наш взгляд, более правильной является вторая позиция, так как в силу отсутствия регламентации данного вопроса в законе об ООО и в случае нарушения соглашения применению будут подлежать общие правила ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств. Иными словами, правила об ответственности как бы перекрывают возможность применения аналогии закона. Данный вывод также находит свое отражение в доктринальных источниках [15, с. 114–115]. При этом ответ на поставленный вопрос также стоит искать в судебной практике.

Изучив судебную практику по настоящему вопросу, мы можем отметить, что в некоторых судебных делах в отношении обществ с ограниченной ответственностью в качестве меры ответственности в судебном решении указана «компенсация». Например, в деле № А51–11121/2020 было сказано про взыскание компенсации за нарушение условий корпоративного договора. При этом из анализа решения следует, что стороны в договоре обозначили меру гражданско-правовой ответственности как компенсацию, но по существу имели в виду неустойку. Это также подтверждается тем, что истец в исковых требованиях просил взыскать «штраф в размере 50 миллионов рублей за нарушение условий корпоративного договора». Более того, в судебном решении сказано, что истец утверждал, что «несоблюдение правил голосования на собраниях общества должно считаться основанием для взыскания неустойки». Из данного решения нельзя сделать вывод, что участники обществ с ограниченной ответственностью используют компенсацию в качестве меры ответственности. В иных решениях отсутствуют сведения, подтверждающие возможность участников общества с ограниченной ответственностью предусматривать в соглашении такую меру ответственности как компенсацию. Из этого можно сделать вывод, что стороны договора об осуществлении прав участников не рискуют применять положения Закона об акционерных обществах по аналогии и включать в свои соглашения условия о компенсации в случае нарушения договора об осуществлении прав участников.

Таким образом, неустойка и компенсация являются одними из возможных последствий несоблю-

дения условий корпоративного договора. При этом неустойка не является эффективным механизмом защиты прав участника хозяйственного общества, так как российские суды в большинстве случаев необоснованно и несправедливо снижают ее размер. В этой связи законодатель дал возможность акционерам использовать компенсацию, которая, как предполагалась, разрешит существующие проблемы и позволит защитить интересы пострадавшей стороны. Тем не менее, институт компенсации существует только для участников акционерных обществ и не может применяться участниками обществ с ограниченной ответственностью. Более того, как следует из многочисленной судебной практики, размер компенсации подлежит снижению судами со ссылкой на статью 333 ГК РФ. Такой подход является неверным, так как размер компенсации может быть уменьшен в исключительных случаях и только со ссылкой на статью 10 ГК РФ при явном несоответствии величины взыскиваемой суммы неблагоприятным последствиям в результате нарушения акционерного соглашения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301;
2. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации от 01 января 1996 г. № 1. Ст. 1;
3. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. № 7. Ст. 785;
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об акционерных обществах» (в части регулирования акционерных соглашений)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.10.2007);
5. Из практики Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2008. № 1; СПС «КонсультантПлюс»;
6. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»;
7. Определение Конституционного Суда РФ от 14.03.2001 № 80-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бухтиярова Александра Ивановича, Бухтиярова Ивана Дмитриевича и Бухтияровой Стеллы Ивановны на нарушение их конституционных прав статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»;
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»;
9. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»;
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений»;
11. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2017;
12. Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: Монография / МГИМО МИД России. Москва: Статут, 2020;
13. Корнев И., Арутюнян В. Акционерное соглашение: заключение, содержание и исполнение // Корпоративный юрист. 2010. № 1;
14. Костина И., Петров Л., Политко, Д. Акционерные соглашения и соглашения участников в российской и английской практике // Слияние и поглощения. 2011. № 3;
15. Микрюков В.А. Пределы аналогии в механизме ответственности за нарушение акционерного соглашения // Гражданское право. 2018. № 1;
16. Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 176;
17. Поваров Ю.С. Последствия нарушения акционерного соглашения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5;
18. Степкин С.П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений: монография. М.: Петроруш, 2011;
19. Сятчихин А.В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: Дис. канд. юрид. наук. // А.В. Сятчихин;
20. Шиткина И.С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2.

COLLECTION OF FORFEIT AND COMPENSATION IN CASE OF NON-COMPLIANCE WITH THE TERMS OF THE CORPORATE AGREEMENT

Nagdalyan D.A.
National Research University Higher School of Economics

This article focuses on the consequences of non-compliance with the terms of a corporate contract, such as penalty and compensation. Penalty and compensation are two different liability mechanisms that have common features. The author analyzed the negative components of these liability measures, as well as the history of the emergence of compensation and its nature. A large number of doctrinal sources, as well as current judicial practice of Russian and foreign courts were used for the study. Ultimately, the author came to the conclusion about the special nature of compensation, as well as to the conclusion that compensation should not be subject to reduction with reference to Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation. Moreover, based on the available court practice, the author of the article concluded that the effect of compensation is limited, as its application is not possible by the participants of a limited liability company.

Keywords: penalty, compensation, corporate contract, liability, remedies.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ (Part One) // *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* of December 05, 1994, No. 32. Art. 3301;
2. Federal Law of December 26, 1995 № 208-FZ "On Joint Stock Companies" // *Collected Legislation of the Russian Federation* of January 01, 1996 № 1. Art. 1;
3. Federal Law of February 08, 1998 № 14-FZ "On Limited Liability Companies" // *Collected Legislation of the Russian Federation* of February 16, 1998 № 7. Art. 785; 2. Art. 785;
4. Draft Federal Law "On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Joint-Stock Companies" (in terms of regulation of shareholder agreements)" (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia) (not submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 29.10.2007);
5. From the practice of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation // *Vestnik of Civil Law*. 2008. No. 1; ConsultantPlus;
6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 21.12.2000 № 263-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nagovitsyn Yuri Alexandrovich on violation of his constitutional rights by part one of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation";
7. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.03.2001 № 80-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Bukhtiyarov Alexander Ivanovich, Bukhtiyarov Ivan Dmitrievich and Bukhtiyarova Stella Ivanovna about violation of their constitutional rights by Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation";
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 24.03.2016 № 7 (ed. from 22.06.2021) "On the application by the courts of some provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations";
9. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 14, 1997 № 17 "Review of the practice of application by arbitration courts of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation";
10. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 26.02.2013 No. 156 "Review of the practice of arbitration courts considering cases on the application of a public policy clause as grounds for refusal to recognize and enforce foreign judicial and arbitration decisions";
11. Borodkin V.G. Civil-law regulation of the corporate agreement in the Russian law: monograph. Moscow: Justitsinform, 2017;
12. Inozemtsev M.I. Joint-stock agreement: responsibility for violation under the law of Russia and foreign countries: Monograph / MGIMO MFA of Russia. Moscow: Statut, 2020;
13. Kornev I., Arutyunyan V. Shareholder agreement: conclusion, content and execution // *Corporate Lawyer*. 2010. № 1;
14. Kostina I., Petrov L., Politko, D. Shareholder agreements and agreements of participants in Russian and English practice // *Mergers and Acquisitions*. 2011. № 3;
15. Mikryukov, V.A. Limits of analogy in the mechanism of liability for violation of the shareholder agreement // *Civil Law*. 2018. № 1;
16. Osipenko K.O. Contract on the exercise of rights of participants of business companies in Russian and English law. Moscow: Infotropic Media, 2016. C. 176;
17. Povarov Y.S. Consequences of violation of the shareholders' agreement // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2011. № 5;
18. Stepkin S.P. Civil-law institute of shareholder agreements: a monograph. Moscow: Petrorush, 2011;
19. Syatchikhin A.V. Pre-estimated losses in the Russian civil law: Cand. jurid. sciences. // A.V. Syatchikhin;
20. Shitkina, I.S. Shareholders' agreements (agreements on the exercise of the rights of participants) as a source of regulation of corporate relations // *Khozyaistvo i pravo*. 2011. № 2.

Реализация института конкурсной способности в банкротном законодательстве

Пирсаидов Саид Низамиевич,

магистр, Московский государственный юридический университет им. Кутафина
E-mail: saidpirsaidov@mail.ru

Статья посвящена изучению института конкурсной способности, а также возможности его применения в рамках современного банкротного законодательства. На сегодняшний день данная тема достаточно редко затрагивается в доктрине, однако, ее подробное изучение может позволить сузить круг субъектов, которые в соответствии с нынешним Гражданским Кодексом могут быть признаны банкротами. Также, интерес представляет смешанная природа конкурсной способности, которая включает в себя как материально-правовые, так и процессуально-правовые элементы. В статье разбирается прежде всего процессуально-правовые элементы с учетом немецкой, а также российской доктрины. Кроме того, была предложена новая концепция определения конкурсной способности, которая включает в себя как активную, так и пассивную процессуальную правоспособность должника при возбуждении дела о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), несостоятельный должник, банкротство граждан, конкурсная способность, банкрот.

Основным вопросом, возникающим при возбуждении дела о банкротстве, является вопрос о возможности лица быть признанным по решению суда банкротом. На сегодняшний день в статье 65 ГК РФ указаны категории субъектов, которые не могут быть признаны несостоятельными: 1) казенные предприятия, учреждения, 2) политические партии, 3) религиозные организации и 4) публичные компании. Кроме того, указываются категории субъектов, в отношении которых банкротство может быть инициировано в случае прямого указания закона. Например, государственная корпорация или компания, а также фонд могут быть признаны несостоятельными, если это указано в ФЗ, предусматривающим их создание и деятельность.

Именно понятие «конкурсная способность» определяет возможность конкретного лица являться должником с точки зрения банкротной процедуры. Кроме того, следует отметить, что в доктрине часто обсуждалось каким образом, соотносятся понятия «правоспособность», «дееспособность» и «конкурсная способность». По мнению Шишмаревой Т.П. понятие «конкурсная способность» не является элементом исключительно материального гражданского права, поэтому оно не совпадает в полной мере с вышеуказанными понятиями. [4, с. 22].

Действительно, конкурсная способность физических лиц не ограничивается, например, понятием дееспособности, поскольку процедура банкротства может быть инициирована в том числе в отношении недееспособного лица. Например, в Постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2020 N10АП-17555/2020 по делу N А41-51448/2020 было определено следующее: «... при признании гражданина банкротом и введении реализации имущества арбитражный суд привлекает к участию в рассмотрении дела о банкротстве гражданина орган опеки и попечительства в случае, если в рамках рассматриваемого дела затрагиваются права несовершеннолетнего лица либо права лица, признанного судом недееспособным».

Также по мнению Васильковского отсутствие правоспособности субъекта не может являться основанием для отказа в возбуждении дела о банкротстве, поскольку несостоятельность представляет собой состояние имущества, а не личности [3, с. 501]. Данная позиция определяет возможность признания гражданина банкротом в случае его смерти, прежде чем наследство будет передано наследникам. Она находит свое отражение в рамках законодательства Российской Империи, например, в п. 3 статье 405 Устава торгового судопроизводства. На сегодняшний день нельзя сделать однозначный вывод о том, является ли указанная

позиция верной, поскольку при смерти гражданина банкротство осуществляется в отношении имущественной массы, а масса не может обладать ни материальной, ни процессуальной правоспособностью.

Может ли имущественная масса обладать конкурсообразностью? При ответе на данный вопрос необходимо обратиться к немецкому опыту. Согласно немецкой доктрине конкурсообразными могут быть только лица, а не имущество, следовательно, необходимо определить иную правовую категорию, которая будет дополнять критерий конкурсообразности в случае смерти гражданина банкрота. По аналогии с исполнительным производством, в котором существует объект производства, в рамках процедуры несостоятельности также существует объект – имущественная масса, которая может подразделяться на наследственную массу, а также совместное имущество супругов [10, с. 62]. Однако, объект является важной, но не единственной составляющей процедуры несостоятельности.

Г.Ф. Шершеневич в своей работе, посвященной конкурсному праву, также пытался рассмотреть вопрос несостоятельности лиц, которые находятся под опекой (недееспособных), а также умерших. Отмечая, что несостоятельность прежде всего является состоянием имущества, а не непосредственно субъекта, он не соглашается с аргументом о том, что совершение сделок – это действия опекуна, а не его подопечного. Кроме того, Г.Ф. Шершеневич высказывает позицию, согласно которой при возникновении ситуации, когда имущество должника после его смерти еще не было принято наследниками или было признано выморочным, приобретает статус юридического лица [13, с. 134–135].

Все же следует согласиться с авторами позиции, согласно которой должниками в рамках процедуры банкротства могут быть признаны любые правоспособные субъекты физические лица, в том числе недееспособные или ограниченно дееспособные [2]. Данный вывод следует, также из судебной практики, указанной выше.

Необходимо также произвести разграничения между понятиями «конкурсоспособность» и «конкурсная правосубъектность». Алферова Л.М. определяет понятие «конкурсная правосубъектность» как особую межотраслевую правосубъектность в конкурсном праве, которая включает в себя комплекс прав и обязанностей гражданина должника, которая:

- 1) Возникает в пассивной форме в момент возбуждения дела о банкротстве.
- 2) Переходит в активную форму с момента введения процедуры банкротства.
- 3) Прекращается завершением дела о банкротстве.
- 4) Реализуется самим должником [1, с. 223].

Прежде всего необходимо обратить внимание на первый пункт. Пассивная форма конкурсной правосубъектности имеет место в момент рассмотрения заявления о возбуждении дела о банкрот-

стве на предмет его обоснованности, т.е. проверяются признаки банкротства. Однако, результатом может быть как принятие решения о введении процедуры банкротства, так и отказ суда о введении соответствующей процедуры. Конкурсоспособность в свою очередь определяет возможность суда принять соответствующее заявление, при этом не приступая к выявлению признаков банкротства. Если кредитор подает заявление о признании банкротом политическую партию, то в таком случае данное заявление не может быть принято к рассмотрению, следовательно, по мнению автора данной работы, необходимо дополнить 43 статью ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» положением, суть которого заключается в том, что суд будет отказывать в принятии заявления о возбуждении дела о банкротстве, если оно инициировано в отношении субъектов, которые не обладают в соответствии со статьей 65 ГК РФ конкурсообразностью.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что конкурсообразность является предпосылкой появления у должника конкурсной правосубъектности.

Также, необходимо упомянуть, что в доктрине существует позиция, согласно которой правовая природа понятия конкурсоспособность определяется через «специальную правоспособность» [14, с. 298]. Раскрытие данного термина мы видим в работах Сахновой Т.В., которая отмечает наличие специальной правоспособности у эксперта. Целью данной диссертации не является рассмотрение обоснованности вышеуказанной теории, целью является сопоставление специальной правоспособности должника в банкротном процессе и эксперта в гражданском процессе для определения природы конкурсообразности.

По мнению Сахновой Т.В. элементами специальной правоспособности эксперта является его незаинтересованность в разрешении материально правового спора, а также компетентность [9, с. 149]. Согласно позиции Шишмаревой Т.П., содержанием конкурсоспособности, которая раскрывается с помощью понятия «специальная правоспособность», является наличие у должника процессуальной правоспособности, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание [14, с. 298].

В первую очередь следует обратить внимание на положение данных лиц в рамках судебного процесса. Эксперт, согласно процессуальной доктрине, является лицом, содействующим осуществлению правосудия. Это означает отсутствие у данного лица заинтересованности в исходе процесса, а целью его привлечения является обеспечение полного и всестороннего рассмотрения дела в суде. Под компетенцией понимается наличие у эксперта специальных знаний для дачи заключения. Оба этих критерия позволяют определить не только специальное положение эксперта, но также специальное положение его заключения по отношению к другим доказательствам. Должник в соответствии со статьей 34 ФЗ о банкрот-

стве является лицом, участвующим в деле, что позволяет сделать вывод о его материальной заинтересованности, а также об осуществлении процессуальных функций, которые отличаются от тех, что предусмотрены для лиц, содействующих в осуществлении правосудия. Кроме того, в рамках российской правовой системы отсутствие у должника имущества не свидетельствует об отсутствии у него конкурсной способности. Это проявляется в том, что при отсутствии имущества, на которое может быть обращено взыскание суд не возвращает, а также не отказывает в принятии заявления о признании должника банкротом (возбуждении дела о банкротстве). Суд принимает заявление, затем после выявления соответствующих признаков банкротства и возбуждении дела суд согласно статье 57 ФЗ о банкротстве прекращает производство. По нашему мнению, это не свидетельствует об отсутствии конкурсной способности у лица, это свидетельствует об отсутствии возможности ее полноценной реализации в рамках процедуры банкротства. На сегодняшний день прекращение производства по делу о банкротстве не препятствует кредиторам воспользоваться, например, механизмами привлечения к субсидиарной ответственности, которые предусмотрены ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в отношении лиц, которые были признаны банкротами.

Следовательно, в рамках дела о банкротстве понятие «специальная правоспособность», которая по мнению Шишмаревой Т.П. присуща должнику, не тождественна специальной правоспособности, которая ранее являлась предметом изучения в процессуальной науке. Речь идет про абсолютно новое понятие, которое требует своего особого обоснования.

Заслуживает внимания также точка зрения, согласно которой нет необходимости выделять дополнительное понятие «конкурсная способность», а использовать уже имеющиеся, такие как материальная и процессуальная правоспособность [11, с. 14].

Действительно, для возбуждения дела о банкротстве, как было отмечено ранее, имущество должно быть персонифицировано, у него должен быть собственник, который будет выступать в качестве должника в процедуре банкротства. Однако, отождествление процессуальной правоспособности и конкурсной способности не может считаться оправданным. В первую очередь необходимо отметить, что процессуальная правоспособность включает в себя активную, а также пассивную процессуальную правоспособность [8, с. 81–85]. Данное разделение, которое имеет место в доктрине, позволяет определить статус сторон в рамках обычного процесса, например, когда лицо в соответствии с нормами АПК подает исковое заявление в отношении ответчика. Таким образом истец приобретает активный статус в то время, как ответчик приобретает пассивный. Подобное разделение также свойственно и немецкой доктрине [7, с. 51], однако, в отличие от российской доктрины в Германии пас-

сивная процессуальная правоспособность используется также для определения конкурсной способности, в качестве разновидности пассивной процессуальной правоспособности, либо тесно связанного с ней понятия [11, с. 125].

При определении соотношения указанных понятий можно сделать вывод о том, что в процедуре банкротства мы не видим классическую пассивную процессуальную правоспособность, которую можем видеть в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает возможность подачи заявления о возбуждении дела о банкротстве как со стороны кредиторов, так и со стороны самого должника. Кроме того, закон также разграничивает обстоятельства, при которых у должника имеется право на подачу соответствующего заявления, а также, когда у него возникает такая обязанность, за неисполнение которой он может быть привлечен к субсидиарной ответственности. Именно данный фактор, который позволяет должнику совмещать как активную процессуальную правоспособность, так и пассивную, выделяет понятие «конкурсная способность» по отношению к процессуальной правоспособности.

Стоит также ответить на возможные контраргументы, которые имеются на сегодняшний день. Можно справедливо отметить тот факт, что независимо от того, кто подает заявление о возбуждении дела о банкротстве, лицо, в отношении которого это заявление подается, приобретает статус должника в банкротной процедуре. Именно это по мнению ученых является основанием для квалификации конкурсной способности, как пассивной процессуальной правоспособности. Как было описано выше в рамках данной работы, реализация конкурсной способности начинается непосредственно с момента подачи заявления о возбуждении дела о банкротстве, следовательно, возникает вопрос каков характер процессуальной правоспособности должника, который подал заявление, но суд при его рассмотрении не нашел признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества? В таком случае он не приобретает процессуальный статус должника в рамках банкротного процесса, однако также у него возникла конкурсная способность. Необходимо прежде всего обращать внимание на фактические действия, которые предпринимаются лицами, которые имеют право на подачу заявления о возбуждении дела о банкротстве.

Важным вопросом является наличие конкурсной способности у иностранного гражданина. Исходя из анализа действующего законодательства, а также изучения системы ограничений правового регулирования несостоятельности гражданина, можно сделать вывод, что Закон о банкротстве не связывает понятие должника с наличием у лица гражданства Российской Федерации [5, с. 5–14]. Таким образом, положения, которые применяют составляют понятие конкурсной способности в равной мере должны применяться по отношению не только к физическим лицам, имеющим гражданство РФ,

но также к иностранным гражданам, физическим лицам, которые имеют помимо российского гражданства гражданство иного государства, а также лица, не имеющие никакого гражданства [6, с. 38–42].

Соответствующий вывод можно сделать и из анализа судебной практики. Согласно п. 7 Информационного письма ВАС от 25.04.1995 N С1–7/ОП–237 дело о банкротстве должно рассматриваться арбитражным судом РФ и в том случае, если заявителем является иностранная компания, организация с иностранными инвестициями, а также физическим лицом, в том числе иностранным гражданином. Однако, это разъяснение не дает точного ответа на вопрос может ли иностранный гражданин являться должником в рамках дела о банкротстве. В практике Верховного суда имеются подтверждения позиции, согласно которой иностранные граждане несут равные с гражданами Российской Федерации обязанности, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами. Подобная позиция также нашла свое отражение и в рамках практики нижестоящих судов.

Необходимо отметить также процессуальные особенности, которые применяются в отношении иностранных граждан в рамках процедуры банкротства. Их можно разделить на общие, предусмотренные частью 1 статьи 247 Арбитражного процессуального кодекса, и на специальные, предусмотренные в рамках ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Помимо специальных требований определения подсудности дел о банкротстве, возбужденных по заявлению в отношении иностранного гражданина, которые будут рассмотрены далее в параграфе 2, судебная практика выделяет также иные критерии, которые позволят создать максимально комфортные условия для кредиторов с целью защиты своих прав в ходе дела о банкротстве.

В постановлении Арбитражного Суда Уральского округа от 3 февраля 2020 г. № Ф09–368/20 по делу № А47–17010/2018 указано, что при банкротстве иностранного гражданина нужно обращать внимание на следующие факты:

- 1) На преимущественное место жительства иностранного гражданина на территории РФ.
- 2) На наличие имущества и его место положение, место осуществление трудовой и иной хозяйственной деятельности.
- 3) Является ли иностранный гражданин налоговым резидентом Российской Федерации.

Кроме того, суд может рассмотреть вопрос касательно обоснованности применения обеспечительных мер в виде запрета иностранному гражданину на выезд с территории Российской Федерации.

В доктрине также существует мнение, согласно которому конкурсная способность рассматривается в качестве субинститута. В данной концепции полноценным институтом является банкротство, а конкурсная способность выступает в качестве его составляющего элемента [12, с. 313]. Институцио-

нальная модель несостоятельности граждан, выделяющая конкурсная способность в качестве субинститута рассматривается прежде всего с точки зрения материально-правовой правоспособности, упуская при этом процессуальные аспекты вышеуказанного понятия. Конкурсная способность – это прежде всего особое понятие, которое свойственно только институту несостоятельности и которое не может сводиться к материально-правовой правоспособности или процессуально-правовой правоспособности. Необходимо определять его как комплексный институт, учитывающий оба данных аспекта.

Таким образом при изучении данного понятия можно прийти к следующим выводам:

- 1) Понятие конкурсная способность нельзя описать, используя ныне определенные термины в рамках гражданского судопроизводства, включая понятия «специальная правоспособность».
- 2) Нельзя отказываться от института конкурсная способность в пользу процессуальной и материально-правовой правоспособности, поскольку они не могут отразить в полной мере его особенности.
- 3) Считается обоснованным закрепление на законодательном уровне статуса лица, который будет исполнять обязательства умершего должника в рамках процедуры банкротства.
- 4) Также необходимо закрепить в ФЗ о банкротстве основание для отказа в принятии заявления о признании должника банкротом, в отношении субъектов, которые не могут быть признаны несостоятельными согласно статье 65 Гражданского кодекса РФ.

Литература

1. Алфёрова Л.М. Конкурсная правосубъектность должников – физических лиц: особенности реализации отдельными категориями граждан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Алфёрова Лилиана Марковна; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2017.
2. Арутюнян Н.Г., Одинцов С.В. Концепция приоритета прав кредиторов: анализ законодательства о несостоятельности ФРГ в сравнении с российским конкурсным правом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. №6.
3. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Краснодар, 2003. С. 501. (Классика российской процессуальной науки.)
4. Институт несостоятельности в России и Германии [Текст] / Т.П. Шишмарева. – Москва: Статут, 2015.
5. Карелина С.А. Система ограничений прав кредиторов как элемент механизма правового регулирования несостоятельности (банкротства) гражданина. Часть 1 // Право и экономика. 2020. № 11.
6. Нехорошков А.Д., Блынских И.М. Дискуссионные вопросы международной компетенции

по делам о несостоятельности физических лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 9.

7. Николюкин С.В. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: Учебник («Юстиция», 2017).
8. Самсонов Н.В. К вопросу о понятии и видах гражданской процессуальной правоспособности // Современное право. 2018. N1.
9. Судебная экспертиза / Т.В. Сахнова. – Москва: Городец: Формула права, 1999.
10. Трушников, С.С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в Федеративной Республике Германия: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2003.
11. Файзуллин Р.В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Файзуллин Руслан Вагизович; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»]. – Красноярск, 2022.
12. Фролов И.В. Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: диссертация ... доктора юридических наук: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»; Диссовет МГУ.051.1]. – Москва, 2023.
13. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – Москва: Статут, 2021. – 477 с. – (Классика российской цивилистики.).
14. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Шишмарева Татьяна Петровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»]. – Москва, 2021.

IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF COMPETITIVENESS IN BANKRUPTCY LAW

Pirsaidov S.N.

Moscow state law university Named after Kutafin

The article is devoted to the study of the institution of recognition of a person as a shareholder in a bankruptcy case, as well as the possibility of its application in the framework of modern bankruptcy

legislation. To date, this topic is rarely touched upon in the doctrine, however, its detailed study may allow narrowing the circle of entities that, in accordance with the current Civil Code, can be declared bankrupt. In addition, the mixed nature of recognition of a person as a shareholder in a bankruptcy case is of interest, which includes both substantive and procedural elements. The article deals primarily with the procedural and legal elements, taking into account the German, as well as the Russian doctrine. Also, a new concept for determining the recognition of a person as a shareholder in a bankruptcy case was proposed, which includes both active and passive procedural legal capacity of the debtor when initiating insolvency (bankruptcy) proceedings.

Keywords: insolvency (bankruptcy), insolvent debtor, bankruptcy of citizens, recognition of a person as a shareholder in a bankruptcy case, bankrupt.

References

1. Alferova L.M. Competitive legal personality of debtors – individuals: features of implementation by certain categories of citizens: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Alferova Liliana Markovna; – Moscow, 2017.
2. Arutyunyan N.G., Odintsov S.V. The concept of the priority of creditors' rights: an analysis of the insolvency legislation of Germany in comparison with Russian bankruptcy law // Property relations in the Russian Federation. 2017. No. 6.
3. Vaskovskiy E.V. Textbook of civil procedure. Krasnodar, 2003. (Classics of Russian procedural science.)
4. Institute of insolvency in Russia and Germany [Text] / T.P. Shishmareva. – Moscow: Statute, 2015.
5. Karelina S.A. The system of restrictions on the rights of creditors as an element of the mechanism of legal regulation of insolvency (bankruptcy) of a citizen. Part 1 // Law and Economics. 2020. No. 11.
6. Nekhoroshkov A.D., Blynskikh I.M. Debating issues of international competence in cases of insolvency of individuals // Arbitration and civil process. 2019. No. 9.
7. Nikolyukin S.V. International Civil Procedure and International Commercial Arbitration: Textbook (“Justice”, 2017).
8. Samsonov N.V. To the question of the concept and types of civil procedural legal capacity // Modern law. 2018. No. 1.
9. Forensic examination / T.V. Sakhnova. – Moscow: Gorodets: Formula of Law, 1999.
10. Trushnikov, S.S. Initiation of insolvency proceedings in the Federal Republic of Germany: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.15 / Ur. state legal acad. – Yekaterinburg, 2003.
11. Fayzullin R.V. Category of the debtor under the law of insolvency (bankruptcy) of Russia and Germany: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Fayzullin Ruslan Vagizovich; – Krasnoyarsk, 2022.
12. Frolov I.V. Institutional theory of legal regulation of insolvency and bankruptcy of citizens: dissertation ... Doctor of Law: Moscow State University named after M.V. Lomonosov”; Discussion Council of Moscow State University.051.1]. – Moscow, 2023.
13. Shershenevich G.F. Competitive process. – 3rd ed. – Moscow: Statute, 2021. – 477 p. – (Classics of Russian civil law.).
14. Shishmareva T.P. Legal means to ensure the effectiveness of insolvency procedures in Russia and Germany: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.03 / Shishmareva Tatyana Petrovna; – Moscow, 2021.

Федоров Артем Михайлович,

магистр права, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва,
E-mail: fedorov_artem_99@mail.ru

Цель настоящей работы состоит в разработке концепции правового режима аккаунта в социальной сети. Предметом исследования выступают положения нормативных правовых актов Российской Федерации, доктринальных позиций и правоприменительной практики. Методологическую основу исследования составляют диалектический, формально-логический, системно-структурный и герменевтический методы.

В статье анализируется правовая природа аккаунта в социальной сети и существующие в доктрине по этому поводу точки зрения. Автор приходит к выводу, что аккаунт следует рассматривать в качестве составного произведения («творческой» базы данных). Автором выделяются юридически значимые признаки аккаунта в социальной сети и формулируется его определение: это динамичное интерактивное составное произведение, представляющее собой совокупность самостоятельных материалов (контент-единиц), функционирующее посредством программы для ЭВМ в виртуальном интернет-пространстве социальной сети.

Ключевые слова: аккаунт, социальная сеть, база данных, интеллектуальная собственность, авторское право, объекты гражданских прав.

Социальные сети уже прочно вошли в нашу повседневную жизнь и превратились из обычных средств коммуникации в незаменимые атрибуты при построении личного бренда и бизнеса. При этом юридические аспекты функционирования социальных сетей, в частности правовая природа аккаунта, незаслуженно обходятся исследователями стороной.

Сегодня аккаунт является «универсальным средством идентификации пользователя» [6, с. 132]. Определение аккаунта отсутствует в российском законодательстве, однако его можно встретить в ряде научных публикаций.

По определению Е.Е. Кирсановой аккаунт представляет собой «учетную запись пользователя в информационной системе, содержащую идентифицирующую и (или) контактную информацию о нем, а также дополнительные данные, в зависимости от свойств информационной системы и целей обработки данных (например, историю покупок, информацию об активности в интернет-сети и т.д.)» [8, с. 12].

Стоит отметить, что это определение относится ко всем без исключения аккаунтам (в том числе почтовым, банковским и т.д.). Представляется, что оно не в полной мере отражает гражданско-правовую составляющую аккаунта в социальной сети, его имущественную ценность. Аккаунт в социальной сети представляет собой более сложное явление, поскольку предоставляет зарегистрировавшемуся пользователю значительно больше функционала, чем доступ к некой информационной системе. В связи с этим для целей правоприменения и доктрины важно выработать такое определение аккаунта в социальной сети, которое бы учитывало его специфику.

В доктрине сложилось несколько точек зрения по поводу юридической природы аккаунта в социальной сети. Существующие позиции глобально можно разделить на две группы: часть исследователей рассматривают аккаунт с точки зрения информационного законодательства и полагают, что он не является объектом гражданских правоотношений (объектом гражданских прав) [для целей настоящей статьи данные понятия используются как синонимы], другие же считают, что при определенных обстоятельствах аккаунт в социальной сети может быть объектом гражданских прав – «иным имуществом» в разрезе ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) или даже самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности.

Так, Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна полагают, что «аккаунты представляют собой совокупность данных о пользователе (информация, кото-

рая содержится в учетной записи о конкретном пользователе) либо элемент сетевой инфраструктуры, который служит для обмена информацией и данными» [12].

Данный подход кажется довольно ограничительным, поскольку аккаунты в социальных сетях используются не только как средство для обмена информацией и данными, а также для того, чтобы создавать контент, размещать его на своей странице и делиться им с другими пользователями. Тем не менее, такой подход гипотетически может применяться к только что созданным, «пустым» аккаунтам, в которых отсутствуют посты и подписчики (аккаунты, не обладающие коммерческой ценностью), а также к аккаунтам в мессенджерах, интернет-магазинах, банковских приложениях, играх и пр.

На наш взгляд, аккаунт в социальной сети все же следует признавать объектом гражданских правоотношений. Это необходимо для «установления в отношении аккаунтов адекватного гражданско-правового режима, то есть возможности или невозможности совершения с ними определенных действий, влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат» [10], а также определения допустимых способов защиты.

В целом, в науке гражданского права нет единого мнения по поводу того, что является объектом гражданских правоотношений. В.А. Лапач, например, выделяет четыре признака таковых: способность удовлетворять потребности субъектов, дискретность, юридическая привязка, системность [10]. Если то или иное явление подпадает под все эти признаки, значит, оно является объектом гражданских правоотношений.

Аккаунт в социальной сети как раз отвечает всем указанным признакам. Так, аккаунт способен удовлетворять потребности субъектов: как экономические (поскольку позволяет зарабатывать на просмотрах контента и размещении рекламы), так и духовные и социальные – потребности в общении, познании новой информации, самовыражении, развлечении и т.д.

Дискретность объекта гражданских правоотношений означает его определимость, измеримость, возможность идентификации среди других объектов [10]. Отдельный аккаунт возможно отличить среди других в рамках той или иной социальной сети по его отличительным признакам (название, аватар, особенности оформления). Технически данный признак проявляется в том, что аккаунт существует в поддоменной зоне социальной сети, у каждого есть свой «адрес» – ссылка, при переходе на которую пользователь сети «Интернет» может ознакомиться с его содержанием.

Наличие юридической привязки означает, что существует лицо, которому принадлежит субъективное гражданское право на такой объект. В отношении аккаунта таким субъектом выступает зарегистрировавшийся в социальной сети пользователь. Между пользователем и социальной сетью складываются правоотношения по поводу исполь-

зования аккаунта ввиду заключения пользовательского соглашения.

Признак системности означает интеграцию объекта в систему гражданского права [10]. Так, права на аккаунт возникают в результате юридического факта – заключения пользовательского соглашения с администрацией социальной сети. Далее аккаунт может включаться в гражданский оборот, по поводу него могут заключаться различные соглашения, например, договор оказания услуг по настройке таргетированной рекламы, SMM-услуг, приобретаться дополнительный функционал социальной сети, доступный за плату (например, просмотр контента без рекламы). Также аккаунты активно продаются и покупаются, несмотря на имеющиеся запреты со стороны социальных сетей (существуют даже специализированные «биржи» аккаунтов).

Никем из ученых не отрицается коммерческая ценность аккаунтов и их фактическое участие в гражданском обороте. А.Ф. Ахмадуллина отмечает, что «их коммерческая ценность определяется особыми параметрами, такими как количество подписчиков, уникальный контент, длительное существование и т.д.» [6, с. 134]. Следовательно, аккаунт следует признавать объектом гражданских правоотношений и относить к «иному имуществу» в разрезе ст. 128 ГК РФ.

Некоторые исследователи склоняются к тому, что аккаунт в социальной сети может являться объектом интеллектуальных прав в случае, если соответствует критериям охраноспособности, установленным законом. При этом аккаунт предлагается квалифицировать в качестве различных объектов интеллектуальных прав: сложного объекта (мультимедийного продукта), составного произведения (базы данных, интернет-сайта) [7; 11].

Аккаунт в социальной сети действительно обладает рядом признаков, характерных для мультимедийного продукта (сложной структурой, виртуальностью и интерактивностью), однако не проходит проверку по признаку единства, характерного для сложного объекта. Он действительно состоит из разнородных объектов (как относящихся к объектам интеллектуальных прав, так и нет – персональных данных, информации, не защищаемой нормами четвертой части ГК РФ и т.д.), однако эти объекты не образуют единого целого, которое могло бы рассматриваться как самостоятельное явление.

Сложный объект представляет собой «единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта, в результате чего нарушится целостность результата интеллектуальной деятельности и его дальнейшее применение станет невозможным» [3]. Аккаунт в социальной сети, напротив, не является по своему замыслу завершенным произведением, а ориентирован на постоянное изменение контента. Удаление или добавление нового элемента (например,

поста) не приведет к утрате авторского замысла, не нарушит целостности аккаунта и не приведет к невозможности его дальнейшего использования.

В научной литературе также довольно популярна точка зрения о том, что аккаунт в социальной сети является составным произведением (базой данных или интернет-сайтом). Такая позиция представляется наиболее обоснованной ввиду следующих обстоятельств.

Согласно п. 2 ст. 1259 ГК РФ составными признаются произведения, которые представляют собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда. Авторские права распространяются не на само составное произведение в целом, а именно на составительство. Авторские права на составные произведения охраняются как права на самостоятельные объекты независимо от охраны прав авторов оригинальных произведений. Их создание не препятствует иным лицам переводить или перерабатывать то же оригинальное произведение, а также создавать свои составные произведения путем иного подбора или расположения тех же материалов (п.п. 4, 6 ст. 1260 ГК РФ).

Во-первых, аккаунт может наполняться различными материалами, являющимися объектами авторских и смежных прав – фотографиями, аудиовизуальными произведениями, литературными произведениями, исполнениями, фонограммами и т.д. Вместе с тем для целей выявления правовой природы аккаунта не так важно, кем именно были созданы эти материалы, – самостоятельно пользователем (автором аккаунта) или же права на них были приобретены от правообладателей.

Во-вторых, исходя из положений ГК РФ, авторы произведений, включенных в составное произведение, вправе использовать свои произведения независимо от их включения в составное произведение. Это будет актуально и в отношении страниц пользователей социальных сетей. Так, например, при наличии согласия правообладателя одна и та же фотография может быть размещена как в аккаунте фотографа, так и в аккаунте позировавшей ему модели.

В-третьих, владельцы аккаунтов самостоятельно определяют тематику своих блогов, стилистику их оформления, последовательность расположения постов и их содержание. В этом проявляется творческий характер деятельности автора блога (составительство). Можно провести параллель между работой составителя сборника (например, русских народных сказок или материалов научной конференции) и автора аккаунта.

Позиция о том, что аккаунт представляет собой интернет-сайт, представляется довольно дискуссионной. Технически, заходя на чью-либо страницу, пользователь действительно попадает на сайт в домене этой социальной сети. Как правило, после домена через слеш отображается совокупность символов, определенных самим пользователем и зачастую тождественная названию аккаунта (персональной страницы, канала, группы).

Тем не менее, аккаунт не является самостоятельным сайтом, а лишь отдельной интернет-страницей в рамках сайта – целой социальной сети. Признание аккаунта страницей сайта (то есть частью произведения), а не самостоятельным произведением будет препятствовать признанию аккаунта в качестве обособленного правового явления, а также затруднит пользователю его защиту, поскольку все права на сам аккаунт и его содержимое будут принадлежать администратору такой социальной сети. Представляется, что исключительное право администратора социальной сети не должно распространяться на информацию и материалы, содержащиеся в аккаунтах пользователей.

На наш взгляд, целесообразнее всего квалифицировать аккаунт в социальной сети в качестве базы данных как объекта авторских прав. Легальное определение базы данных содержится в абз. 2 п. 2 ст. 1260 ГК РФ.

Во-первых, база данных (как и аккаунт) представляет собой сборник, в котором материалы (посты) систематизированы таким образом, чтобы они могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ. Инструментарий всех социальных сетей и лежащие в основе их функционирования программы для ЭВМ помогают искать материалы как в рамках отдельно взятой страницы (аккаунта), так и социальной сети в целом. Поиск может осуществляться как по тексту постов, так и по тематическим тегам (хештегам), предоставляемым пользователями при создании контента.

Во-вторых, понятие «материалы» может охватывать самые разнообразные объекты – как охраняемые правом интеллектуальной собственности, так и иные (например, фольклор, судебные акты и т.д.). Данный признак позволяет относить к базам данных новостные и иные аккаунты, состоящие из материалов, не относящихся к объектам интеллектуальных прав. При этом сам аккаунт остается охраноспособным объектом авторских прав, поскольку закон не содержит обязательного требования о составе материалов.

В-третьих, автору базы данных принадлежат авторские права именно на составительство, то есть на творческую деятельность по подбору и расположению материалов, а не на результаты интеллектуальной деятельности, которые входят в состав базы данных. Авторские права составителя охраняются как права на самостоятельный объект авторских прав независимо от охраны прав авторов произведений, на которых основано составное произведение. Именно поэтому в законе содержится правило о том, что при ином подборе или взаимном расположении тех же самых материалов (например, судебных актов) другим лицом, у такого лица возникнет самостоятельное авторское право на свое составное произведение, не зависящее от авторских прав первого составителя (п. 6 ст. 1260 ГК РФ).

В-четвертых, указание в тексте закона на самостоятельность материалов означает, что они будут

иметь коммерческую ценность и в отрыве от базы данных. По общему правилу, каждый пост представляет собой законченную мысль и самостоятельное произведение (материал), имеющее ценность и вне данной социальной сети.

На наш взгляд, аккаунт в социальной сети не может рассматриваться в качестве базы данных как объекта смежных прав. В российском законодательстве особенности правового режима предусмотрены для базы данных, создание которой требует существенных затрат, – только в этом случае изготовителю базы данных принадлежит смежное право извлекать из нее материалы и осуществлять их последующее использование. При этом в судебной практике сформировался подход: смежное право на содержание базы данных возникает только в тех случаях, когда для подбора данных (именно для их подбора, а не создания) потребовались значительные инвестиции [5]. Причем соответствующие инвестиции могут быть любыми: финансовыми, техническими, трудовыми и т.д.

В самом деле, больше всего затрат производится именно на создание контента (организация съемок, оборудование, услуги фотографа, сценариста, монтажера и т.д.). Сам процесс создания аккаунта – это процесс прохождения простых, заранее известных и, как правило, бесплатных шагов. В связи с этим затраты на создание и ведение страницы не будут признаны существенными. Это подтверждается и соответствующей судебной практикой [4].

Таким образом, на основе проведенного исследования можно выделить следующие сущностные признаки аккаунта в социальной сети:

1) Аккаунт является составным произведением. Его автору принадлежат авторские права на осуществленный им подбор или расположение материалов (составительство).

2) По своей правовой природе аккаунт является «творческой» базой данных. Стоит отметить, что «пустые» аккаунты не могут относиться к объектам интеллектуальных прав. Если нет составляющих материалов (контента) – не существует и самой базы данных. Такие аккаунты являются лишь учетной записью, предоставляющей право доступа к содержимому определенной электронной системы. Тем не менее, они потенциально могут оставаться объектами гражданских прав («иным имуществом» в разрезе ст. 128 ГК РФ) в случае, если сохраняют экономическую ценность за счет привлеченной аудитории (клиенты, гудвилла) или каких-либо иных характеристик (например, предоплаченной подписки).

3) Аккаунт состоит из совокупности самостоятельных материалов (контент-единиц), которые могут как являться охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, так и не являться таковыми.

4) Аккаунт является динамичным произведением, он нацелен на постоянное пополнение и изменение контента. С правовой точки зрения это означает его постоянную переработку (модифика-

цию). Для баз данных и программ для ЭВМ сформулировано особое определение переработки (модификации), отличное от переработки других произведений. Исходя из пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения. Переработка ведет к созданию нового, производного произведения. Представляется, что каждый раз при добавлении нового поста в аккаунт автор создает производное произведение, но при этом исходное произведение автоматически прекращает свое существование, оно заменяется новым производным произведением [9, с. 129–130].

5) Аккаунт является интерактивным произведением: он функционирует в процессе взаимодействия с пользователями социальной сети. Пользователь является не пассивным зрителем, а активным участником процесса взаимодействия с автором аккаунта и другими пользователями: может оставлять лайки и комментарии, делиться контентом, сохранять его в различные подборки, участвовать в опросах, подписываться на каналы и иным образом влиять на содержание аккаунта в пределах предоставленного ему функционала.

6) Аккаунт существует и может быть использован только в виртуальном интернет-пространстве социальной сети: в отрыве от социальной сети, а также без доступа к сети «Интернет» аккаунт будет бесполезен.

7) Аккаунт функционирует посредством программы для ЭВМ. Доступ к аккаунту осуществляется посредством технических устройств, имеющих доступ к сети «Интернет» (смартфона, планшета, компьютера).

Исходя из выделенных признаков предлагается сформулировать следующее определение аккаунта в социальной сети: это динамичное интерактивное составное произведение (база данных), представляющее собой совокупность самостоятельных материалов (контент-единиц), функционирующее посредством программы для ЭВМ в виртуальном интернет-пространстве социальной сети.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301;
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496;
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2012 № 45-В12–1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=72C-16CBC7C68533A9243CD5C971D9AF8&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=AR->

V&n=277022#I5S5qnTu8Uqulcmi (дата обращения: 24.08.2023);

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.03.2014 № С01–114/2013 по делу № А56–58781/2012 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=AABBE6FA7435BF50769B05A93E31AA60&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=SIP&n=3272#RPb6qnTSIMVCubh12> (дата обращения: 24.08.2023);
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.04.2015 по делу № А45–595/2014 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=86A79BB8743C616707E190CF146C3BB2&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=SIP&n=12718#3ou6qnTOZoojjGAX> (дата обращения: 24.08.2023);
6. Ахмадуллина А.Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 12. С. 130–144;
7. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 2. С. 128–134;
8. Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 27 с.;
9. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав: дис. ... канд. юр. Наук: 12.00.03. – МГУ им. В.М. Ломоносова, Москва, 2010. 215 с.;
10. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2002. 544 с.;
11. Митягин К.С. Правовая природа страницы социальной сети // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2014. № 5. С. 74–77;
12. Санникова Л. В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF A SOCIAL NETWORK ACCOUNT

Fedorov A.M.

Kutafin Moscow State Law University

The purpose of this work is to develop the concept of the legal regime of a social network account. The subject of the study are pieces of legislation of the Russian Federation, doctrinal positions and law enforcement practice. The methodological basis of the research is dialectical, formal-logical, system-structural and hermeneutical methods.

The legal nature of a social network account and the points of view existing in the doctrine on this matter are analyzed in the article. The author comes to the conclusion that the account should be considered as a composite work (“creative” database). The author identifies legally significant features of a social network account and formulates its definition: it is a dynamic interactive composite work, which is a collection of independent materials (content units), functioning through a computer program in the virtual Internet space of a social network.

Keywords: account, social network, database, intellectual property, copyright, objects of civil rights.

References

1. “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, December 05, 1994, No. 32, art. 3301;
2. “Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on June 13, 2023) // “Collected Legislation of the Russian Federation”, December 25, 2006, No. 52 (part 1), art. 5496;
3. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 24, 2012 No. 45-B12–1 // *ConsultantPlus SPS*. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=72C16CBC7C68533A9243CD5C971D9AF8&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=ARB&n=277022#I5S5qnTu8Uqulcmi> (date of access: 24.08.2023);
4. Ruling of the Court for Intellectual Property Rights dated March 7, 2014 No. C01–114/2013 in case No. А56–58781/2012 // *ConsultantPlus SPS*. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=AABBE6FA7435BF50769B05A93E31AA60&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=SIP&n=3272#RPb6qnTSIMVCubh12> (date of access: 24.08.2023);
5. Ruling of the Court for Intellectual Property Rights dated April 6, 2015 in case No. А45–595/2014 // *Consultant-Plus SPS*. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=86A79BB8743C616707E190CF146C3BB2&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=SIP&n=12718#3ou6qnTOZoojjGAX> (date of access: 24.08.2023);
6. Akhmadullina A.F. Civil legal significance of accounts in social networks // *Lex russica*. 2022. V. 75. No. 12. S. 130–144;
7. Grin E.S. Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience // *Actual problems of Russian law*. 2022. V. 17. No. 2. S. 128–134;
8. Kirsanova E.E. Legal regulation of the circulation of rights to the results of intellectual activity in the digital economy: author. dis. ... cand. legal Sciences. M., 2021. 27 p.;
9. Korneev V.A. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual property: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.03. – Moscow State University. V.M. Lomonosov, Moscow, 2010. 215 p.;
10. Lapach V.A. The system of objects of civil rights: theory and judicial practice. SPb.: Legal Center-Press, 2002. 544 p.;
11. Mityagin K.S. Legal nature of the social network page // *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2014. No. 5. pp. 74–77;
12. Sannikova L. V., Kharitonova Yu.S. Digital assets: legal analysis: monograph. M.: 4 Print, 2020. 304 p.

Адаменко Алла Петровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: a_alla@rambler.ru

Пискунова Наталия Игоревна,

старший преподаватель кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: Npiskunova1982@yandex.ru

Целовальникова Ирина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: youlaw@rambler.ru

В статье выявлены проблемы, связанные с применением положений об электронной форме сделок и договоров. Обращается внимание на отсутствие единообразного правоприменения в данной сфере. Рассмотрены основные подходы относительно правовой природы данного понятия. Авторы приходят к выводу, что отсутствие единообразного правоприменения препятствует обеспечению защиты законных прав и интересов сторон. В связи с этим, видится необходимым приведение практики к единообразию путем издания соответствующих документов высшими судебными органами. Такое действие будет способствовать улучшению правовой системы в целом и обеспечению более качественной защиты прав и интересов участников гражданских правоотношений. Необходимо отметить, что на сегодняшний день остаются в не сферах правового регулирования такие проблемы как создание системы хранения информации, обеспечивающей их автономную работу и защиту участников электронного документооборота, а так же проблемы, связанные с применением мер гражданско-правовой ответственности, а именно: вопросы доказывания с учетом особенностей функционирования информационных систем, распределения бремени доказывания между различными участниками процесса электронного документооборота, в том числе информационных посредников, разработчиков (операционных систем, агрегаторов и пр.) и лиц, осуществляющих бета-тестирование (beta testing), а также не обеспечена полноценная защита работы автономной системы от внешних угроз и защиты целостности мета данных и, прежде всего, целостности метки доверенного времени. Решение этих вопросов и создание нормативной базы, обеспечивающей их адекватное регулирование обеспечит полноценную защиту прав участников электронного документооборота.

Ключевые слова: защита прав, электронный оборот, смарт-контракт, автоматическое исполнение обязательства, информационная система.

Развитие техники и технологий, а также программного обеспечения значительно упрощает нашу повседневную жизнь. При этом, классические формы взаимоотношений субъектов права утрачивают свою актуальность, а им на смену приходят электронные формы взаимодействия. Еще недавно в нашем быту и праве сложно было представить альтернативу письменным документам, а сегодня все большую актуальность приобретает электронные формы договоров. Сфера правового регулирования внедрения электронных соглашений оказывается в центре внимания законодателей различных стран. Они стремятся развить надежную базу для этого нового вида заключения договоров и при этом уделяют особое внимание определению правовых возможностей его сторон. [2] Необходимо отметить, что в Российском законодательстве трансформация нормативного определения понятия электронный договор осуществлялась в течение последнего десятилетия и связана с различными периодами кодификации гражданского и реформирования действующего законодательства. На сегодняшний день широкий спектр нормативно-правовых актов обеспечивает регулирование общественных отношений, связанных с использованием договоров в электронной форме: это Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 06.04.2011 N63-ФЗ «Об электронной подписи», Федеральный закон от 05.04.2013 N44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Федеральный закон от 18.07.2011 N223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (Закон N223-ФЗ) и другие.

Указанные изменения в законодательстве реализуются на основе «Паспорта национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N7), в соответствии с которым были «созданы правовые условия для формирования сферы электронного гражданского оборота, в части: определения совершаемых в письменной (электронной) форме сделок, автоматизированных («самоисполняемых») договоров и процедур хранения электронных документов, создания, хранения и использования электронных дубликатов (электронных образов) бумажных документов».

В развитие национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» была разработана «Концепция развития электронного до-

кументооборота в хозяйственной деятельности» (утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 25.12.2020 N34) основные положения которой направлены на разработку и внедрение систем, в том числе и в рамках нормативно-правового обеспечения, способствующих цифровизации документооборота финансово-хозяйственной деятельности, а именно перевода документов, их оборота и хранения в электронную форму с целью сокращения издержек и временных затрат, связанных с бумажным документооборотом.

В целом необходимо отметить, что пути решения этих вопросов уже определены в рамках задач государственного регулирования цифровой экономики, закрепленных в Концепции развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности и в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 N8028п-П13).

Вместе с тем, в настоящее время, в гражданском законодательстве отсутствует понятие электронный документ, которое содержалось в статье 434 ГК РФ вплоть до 01 октября 2019 г. Согласно пункту 2 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации, электронная форма сделки рассматривается как одна из разновидностей письменной формы, при условии, что она удовлетворяет требованиям, изложенным в статье 160 Гражданского кодекса Российской Федерации, то есть является документом, способным воспроизвести содержание сделки на материальном носителе в неизменном виде и достоверно определить лицо, выразившее свою волю. В связи с этим законодатель приходит к выводу, что понятие электронной формы сделки не является необходимым, поскольку оно представляет собой лишь альтернативу письменной формы сделки, которая подробно определена в законодательстве

В действующем законодательстве категория электронный документ раскрывается в Федеральном законе от 27.07.2006 N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в соответствии с пунктом 11.1 которого электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. При этом информация должна быть документирована с использованием определенных реквизитов, которые обеспечат возможность ее идентификации.

Вместе с тем, в научной литературе идут споры о правовой природе сферы электронного гражданского оборота и критика действующего законодательства относительно возможности обеспечения

защиты от рисков, с которыми могут столкнуться участники электронного документооборота. Прежде всего, это отсутствие единообразия правового регулирования, отсутствие правовой определенности некоторых категорий электронного документооборота, например, смарт-контракт и другие специальные правовые категории. Отсутствие государственных мер, направленных на компенсацию издержек, связанных с внедрением электронного документооборота. Необходимость разработки и распространения бесплатных программных решений для хозяйствующих субъектов в целях расширения сферы электронного документооборота и привлечения большего количества участников.

Так, Ефимова Л.Г. считает, что электронная форма сделки должна рассматриваться как самостоятельная форма, отличающаяся от традиционной письменной формы. Она обращает внимание именно на особенности электронного документа, который является средством фиксации волеизъявления сторон и содержит информацию в виде цифрового кода. [3]

Артамонникова С.В., напротив, считает, что электронный договор – это соглашение, заключённое онлайн. Несмотря на то что электронный договор представляет собой цифровое соглашение, он также остаётся договором который заключается в соответствии с гражданским законодательством. Таким образом соглашение заключается между физическими и юридическими лицами о создании взаимных обязательств в соответствии с юридическими требованиями. Это означает что электронное соглашение отличается от обычного договора только тем, что оно заключается с использованием средств электронной связи (дистанционно). [1]

Филатов И.А. подчеркивает, что электронная форма сделок не исключает основных форм их совершения – простых и письменных. Однако она дополняет их новым цифровым форматом, который является допустимым согласно нормам гражданского законодательства. [5]

С учётом этого в 2019 году в законодательство были внесены существенные изменения, которые признали цифровую форму заключения сделок в качестве приемлемого способа заключения сделок и соответственно входящего в комплекс норм гражданского законодательства.

Костикова Г.В. на примере государственных и муниципальных контрактов, отмечает, что до принятия новой редакции ГК РФ письменная форма электронной сделки, закрепленной на одном документе, также допускалась.

Так, заключение электронных сделок в письменной форме с использованием усиленной электронной подписи допускалось и ранее. Внесение изменений в пункт 2 статьи 434 Гражданского кодекса РФ объясняется необходимостью привести данный пункт в согласование с положениями статьи 160 Гражданского кодекса, что позволяет теперь заключать электронные сделки в письменной форме любым законодательно предусмотренным способом, включая составление одного докумен-

та, обмен документами и акцепт оферты путем конклюдентных действий совершением конклюдентных действий. [4]

Необходимо обратить внимание на различную судебную практику по заключению соглашений в электронном формате.

В приведенных ниже позициях суды разошлись во мнениях по поводу признания переписки в мессенджерах как способа обмена сообщениями, который приводит к заключению, изменению или исполнению договора.

Например, Позиция Арбитражного Суда Московского округа, в своем Постановлении от 14.10.2020 по делу № А40–93872/2019 признает коммуникации в мессенджерах при заключении и исполнении договоров гражданско-правовым обычаем, переписка сторон спора в мессенджере может быть надлежащим доказательством как заключения договора, так и его исполнения (даже когда в письменных соглашениях тех же сторон такой способ коммуникации не упоминается (но не исключается)).

Противоположной позиции придерживается Тринадцатый арбитражный апелляционный суд от 29.11.2021 N13АП-28197/2021 по делу N А56–30631/2020 в своем постановлении: переписка в Интернет-мессенджере WhatsApp, не заверенная надлежащим образом, не может быть признана судом в качестве допустимого письменного доказательства, кроме того, АО в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции отрицало ведение указанной ООО переписки, сославшись на то, что предъявленные адреса не предусмотрены спорным договором, сторонами не согласовывались, лица истцу не известны.

Рассмотрим еще судебную практику по заключению электронной сделки. В ходе судебного разбирательства по делу о взыскании задолженности по договору аренды транспортных средств и спецтехники, неустойки, требование удовлетворено, поскольку представленный в виде электронного документа договор, содержащий существенные условия и отсутствие оригинала договора не исключает его достоверность, наличие задолженности подтверждено (Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2021 N309-ЭС21–14031 по делу N А60–28828/2020).

И противоположное судебное решение Верховного Суда РФ (Определение от 25.04.2023 N308-ЭС23–4827 по делу N А53–5098/2022) по делу о взыскании штрафа по договору купли-продажи сельскохозяйственной продукции, в удовлетворении требования было отказано, поскольку поступивший ответчику по электронной почте проект договора купли-продажи правопреемником истца не подписан, следовательно, не может быть признан офертой.

Отсутствие единообразного правоприменения препятствует обеспечению защиты законных прав и интересов сторон. В связи с этим, видится необходимым приведение практики к единообразию путем издания соответствующих документов

высшими судебными органами. Такое действие будет способствовать улучшению правовой системы в целом и обеспечению более качественной защиты прав и интересов участников гражданских правоотношений.

Так же важно отметить, что помимо этого на сегодняшний день остаются вне сферы правового регулирования и вне рамок Концепции развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности такие проблемы как создание системы хранения информации, обеспечивающей их автономную работу и защиту участников электронного документооборота, а так же проблемы, связанные с применением мер гражданско-правовой ответственности, а именно: вопросы доказывания с учетом особенностей функционирования информационных систем, распределения бремени доказывания между различными участниками процесса электронного документооборота, в том числе информационных посредников, разработчиков (операционных систем, агрегаторов и пр.) и лиц, осуществляющих бета-тестирование (beta testing). Кроме того, на сегодняшний день не обеспечена полноценная защита работы автономной системы от внешних угроз и защиты целостности метаданных и, прежде всего, целостности метки доверенного времени. Решение этих вопросов и создание нормативной базы, обеспечивающей их адекватное регулирование обеспечит полноценную защиту прав участников электронного документооборота.

Литература

1. Артамонникова С.В. Правовое регулирование статуса субъектов сделок, совершаемых в электронной форме // *Гражданское право*. 2023. N1. С. 24–26.
2. Батрова Т.А. Правовое регулирование электронной торговли: зарубежный опыт // *Коммерческое право*. Научно-практический журнал. 2019. N4 (35). С. 4–10.
3. Ефимова Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки // *Lex russica*. 2019. N8. С. 129–137.
4. Костикова Г.В. Электронные сделки: новеллы законодательства // *Хозяйство и право*. 2022. N2. С. 49–59.
5. Филатов И.А. Правовой статус участников электронной торговли // *Научное образование*. 2020. N3 (8). С. 608–610.
6. Целовальникова И.Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей // *Современный юрист*. 2020. № 3 (32). С. 121–130.

ELECTRONIC FORM OF THE TRANSACTION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Adamenko A.P., Piskunova N.I., Tselovalnikova I. Yu.
Russian State University of Justice

The article identifies problems related to the application of provisions on the electronic form of transactions and contracts. Attention

is drawn to the lack of uniform law enforcement in this area. The main approaches regarding the legal nature of this concept are considered. The authors conclude that the lack of uniform law enforcement hinders the protection of the legitimate rights and interests of the parties. In this regard, it seems necessary to bring the practice to uniformity by issuing relevant documents by the highest judicial authorities. Such an action will contribute to improving the legal system as a whole and ensuring better protection of the rights and interests of participants in civil legal relations. It should be noted that today such problems as the creation of an information storage system that ensures their autonomous operation and protection of participants in electronic document management, as well as problems related to the application of civil liability measures, namely: issues of proof, taking into account the specifics of the functioning of information systems, the distribution of the burden of proof between various participants in the electronic document management process, including information intermediaries, developers (operating systems, aggregators, etc.) and persons engaged in beta testing, as well as the full protection of the autonomous system from external threats and protection of the integrity of meta data and, above all, the integrity of the trusted timestamp is not provided. The solution of these issues and the creation of a regulatory framework that ensures their adequate

regulation will ensure full protection of the rights of participants in the electronic document management.

Keywords: protection of rights, electronic turnover, smart contract, automatic fulfillment of obligations, information system.

References

1. Artamonnikova S.V. Legal regulation of the status of subjects of transactions made in electronic form // *Civil law*. 2023. N1. pp. 24–26.
2. Batrova T.A. Legal regulation of electronic commerce: foreign experience // *Commercial law*. Scientific and practical journal. 2019. N4 (35). pp. 4–10.
3. Efimova L.G. Once again about the concept and legal nature of the electronic form of the transaction // *Lex russica*. 2019. N8. pp. 129–137.
4. Kostikova G.V. Electronic transactions: novelties of legislation // *Economy and law*. 2022. N2. pp. 49–59.
5. Filatov I.A. The legal status of e-commerce participants // *Scientific education*. 2020. N3 (8). pp. 608–610.
6. Tselovalnikova I. Yu. Legal regulation of the provision of services using investment platforms and consumer protection // *Modern Lawyer*. 2020. No. 3 (32). pp. 121–130.

Соотношение значения устава и корпоративного договора в гражданском праве

Эшпулатов Тимур Авазович,

магистр факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail eshpulatov99@mail.ru

В статье рассматривается правовое соотношение такого учредительного документа как устав и корпоративного договора. Автор анализирует понятие и содержание этих конструкций, их отличительные черты и особенности (в частности, цели их принятия, содержание этих актов и ответственность за нарушение обязанностей, установленных ими). Отдельное внимание в статье уделено содержанию пункта 7 статьи 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, фактически устанавливающего большую юридическую силу положений корпоративного договора по отношению к уставу. Автор приходит к выводу о том, что современное корпоративное законодательство может гарантировать приоритет устава исключительно для тех положений, которые не могут быть содержанием корпоративного договора, и для императивных положений законодательства, по сути, лишь продублированных в уставе.

Ключевые слова: устав, корпоративный договор, соотношение устава и корпоративного договора, учредительные документы, корпоративное соглашение.

С момента введения в российское корпоративное право института корпоративного договора этот механизм продолжает набирать популярность среди участников хозяйственных обществ. Кроме того, в доктрине все чаще и чаще звучит тезис «корпоративный договор – второй устав», поднимаются вопросы о конкуренции этих документов. В свете этого, актуальным представляется определить соотношение устава и корпоративного договора, разграничить их положение в системе корпоративного права.

Прежде всего стоит дать определения уставу и корпоративному договору. В соответствии со статьей 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации корпоративным договором признается соглашение, в соответствии с которым участники хозяйственного общества обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления. Определение устава же в законодательстве не содержится, статья 52 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет лишь то, что устав является учредительным документом юридического лица и императивные требования к содержанию этого документа. Наиболее точным, по мнению автора, является определение устава, данное Козловой Н.В.: «в уставе как декларации (хартии) содержится собственное волеизъявление юридического лица, закрепляющее принятые им на себя обязанности» [4]. Соответственно, уже из определений корпоративного договора и устава становятся очевидными их довольно фундаментальные отличия: это и их правовая природа в целом, и цели принятия этих актов, и их содержание. Так почему же «корпоративный договор – второй устав»?

Рассматривая подобное соотношение, в первую очередь, стоит отметить различность целей этих документов. Как уже было верно отмечено Козловой Н.М., устав имеет публичный характер. В соответствии с пунктом 4 статьи 52 Гражданского кодекса РФ устав должен содержать целый перечень «маркеров» юридического лица: это и сведения о наименовании, и организационно-правовая форма, и место нахождения юридического лица. Также устав приобретает юридическую силу для третьих лиц лишь с момента государственной регистрации. Таким образом, это своего рода официальная визитная карточка хозяйственного общества. В свою очередь, содержание корпоративного договора чаще всего вообще не раскрывается сторонами и известно только им самим, это «тайный» документ (такое определение корпоративного договора было дано Сухановым Е.А. [5]). Соответственно, цель

устава – утвердить наиболее важные принципы функционирования хозяйственного общества, гарантировать эти принципы для третьих лиц (например, своих контрагентов). Цель же корпоративного договора более «частная» – она заключается лишь в стремлении сторон договориться о том или ином порядке реализации корпоративных прав.

Во вторую очередь, различие между уставом и корпоративным договором состоит в потенциальном содержании этих документов. В пункте 2 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ императивно закреплено, что корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию – это прерогатива устава. Кроме того, сфера содержания корпоративного договора в принципе ограничивается исключительно реализацией корпоративных прав участников. Содержание же устава намного шире.

Еще одним существенным различием является ответственность за нарушение обязанностей, предусмотренных уставом и корпоративным договором. В соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» за нарушение обязанностей, предусмотренных уставом хозяйственного общества, участник может быть исключен из него [2]. По мнению автора, во многом такая кардинальная санкция предусмотрена по той причине, что обязанности участников, определенные в уставе, напрямую связаны с деятельностью хозяйственного общества, их неисполнение ставит под удар сам факт существования хозяйственного общества. В отношении же нарушения корпоративного договора Гражданский кодекс РФ не называет специальной ответственности. По мнению автора, в качестве возможных последствий нарушения корпоративного договора могут рассматриваться классические гражданско-правовые меры ответственности – выплата неустойки, возмещение убытков или потерь. Стороны корпоративного договора свободны в установлении санкций за нарушение предусмотренных соглашением обязанностей.

Так почему же, при всех этих различиях, корпоративный договор все чаще и чаще называют «вторым уставом»? На взгляд автора, все дело в содержании пункта 7 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ, в котором прямо закреплено, что стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. Как дополнительно разъяснено в пункте 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 даже в случае противоречия положения корпоративного договора уставу, сторона корпоративного договора не утрачивает право на предъявление к другой стороне требований, основанных на таком договоре [6]. Аналогичный вывод содержится и, например, в Определении Верховного Суда РФ от 04.08.2021 № 310-ЭС21–12171 по делу № А54–8476/2019. Также, как

подчеркивается в одном из Определений Верховного Суда РФ, свобода усмотрения условий корпоративного договора ограничена исключительно императивными положениями Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7].

Изложенная выше позиция законодательства и правоприменительной практики создает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, после перечисления характеристик устава, кажется очевидным, что данный документ должен иметь большую юридическую силу по сравнению с другими корпоративными актами. С другой стороны, норма пункта 7 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ говорит об обратном. Мнение о том, что данная норма противоречит правовой природе устава, высказывает и А.В. Асташкина. Так, автор указывает: «корпоративный договор не должен содержать положения, противоречащие уставу хозяйственного общества. Однако возникновение таких противоречий не влечет недействительность данного договора, что снижает значение устава как учредительного документа» [3]. Действительно, современное положение законодательства фактически позволяет обходить некоторые положения устава (гораздо более «неповоротливого» в отношении изменений) корпоративным договором. Особенно, когда корпоративный договор заключается между всеми участниками общества. В этих условиях значение устава как юридического документа уменьшается, «первенство» за уставом остается исключительно в императивных положениях, содержание которых в уставе дублирует положения законодательства.

Проанализировав определения устава и корпоративного договора, их ключевые различия и современное положение законодательства, автор считает нужным сформулировать несколько выводов. Во-первых, данные правовые конструкции имеют довольно много различий. В частности, различаются они по целям их принятия, по возможному содержанию и по потенциальной ответственности за нарушение предусмотренных обязанностей. Несмотря на то, что после анализа их правовой природы и особенностей, казался логичным вывод о высшей юридической силе устава, на сегодняшний день автор не может сформулировать подобный вывод. В первую очередь, это обусловлено нормой пункта 7 статьи 67.2 Гражданского кодекса РФ, фактически провозглашающей верховенство содержания корпоративного договора над уставом. Таким образом, современное корпоративное законодательство может гарантировать высшую юридическую силу устава исключительно для положений, которые не могут быть содержанием корпоративного договора, и для императивных положений законодательства, лишь продублированных в уставе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. в ред.

от 03 августа 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 года в ред. от 23 апреля 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Асташкина А.В. Особенности корпоративного договора // Юрист. 2015. № 9.
4. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Устав как форма существования юридического лица // Представительная власть. 2017. № 4. С. 12–17
5. Суханов Е.А. Речь на конференции Объединения корпоративных юристов России (ОКЮР) на тему «Перезагрузка» корпоративных отношений в контексте реформы ГК» URL: https://www.rcca.com.ru/press/pravo_ru_30-09-2014.shtml [дата обращения: 15.08.2023]
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
7. Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2022 № 301-ЭС22-12909 по делу № А31-17894/2020

CORRELATION BETWEEN THE MEANING OF THE CHARTER AND THE CORPORATE AGREEMENT IN CIVIL LAW

Eshpulatov T.A.

National Research University "Higher School of Economics"

The article examines the legal relationship of such a constituent document as the charter and the corporate contract. The author analyz-

es the concept and content of these constructions, their distinctive features and features (in particular, the purpose of their adoption, the content of these acts and responsibility for violating the obligations established by them). Special attention in the article is paid to the content of paragraph 7 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation, which actually establishes the greater legal force of the provisions of the corporate agreement in relation to the charter. The author comes to the conclusion that modern corporate legislation can guarantee the priority of the charter exclusively for those provisions that cannot be the content of a corporate contract, and for mandatory provisions of legislation, in fact, only duplicated in the charter.

Keywords: articles of association, corporate agreement, correlation of articles of association and corporate agreement, constituent documents, corporate agreement.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, as amended. dated August 03, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. St. 3301.
2. Federal Law "On Limited Liability Companies" dated February 08, 1998 as amended. dated April 23, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. St. 785.
3. Astashkina A.V. Features of the corporate contract // Lawyer. 2015. № 9.
4. Kozlova N.V., Filippova S. Yu. Charter as a form of existence of a legal entity // Representative power. 2017. № 4. pp. 12–17
5. Sukhanov E.A. Speech at the conference of the Association of Corporate Lawyers of Russia (OKUR) on the topic "Reset" of corporate relations in the context of the reform of the Civil Code" URL: https://www.rcca.com.ru/press/pravo_ru_30-09-2014.shtml [date of application: 15.08.2023]
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 № 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"
7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.08.2022 No. 301-ES22-12909 in case № А31-17894/2020

Уступка права требования по денежным обязательствам, возникшим при осуществлении государственных (муниципальных) закупок

Пожидаева Елена Сергеевна,

аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»
E-mail: pojidaewaes@yandex.ru

Статья посвящена исследованию вопроса о допустимости уступки права требования поставщиком (подрядчиком, исполнителем) третьему лицу об исполнении денежного обязательства заказчику по государственному (муниципальному) контракту. В статье раскрываются проблемы различного применения и толкования новой редакции пункта 7 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также ее противоречие нормам специального законодательства, регулирующим уступку денежных обязательств, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов. Автор анализирует позиции, сформировавшиеся по данному вопросу, и их практическое применение в правоприменительной практике. В заключение автор приходит к выводам, о необходимости устранения существующих противоречий между гражданским законодательством, бюджетным законодательством и законодательством о контрактной системе путем внести соответствующих изменений в нормы специального законодательства.

Ключевые слова: уступка денежного обязательства, перемена поставщика, передача права требования, бюджетные средства, контракт.

В рамках данной статьи исследована новая редакция пункта 7 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ее взаимодействие с нормами специального законодательства, а именно с Бюджетным кодексом Российской Федерации (далее – БК РФ) и Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) [1].

В рамках проведенной реформы ГК РФ в нормы об уступке права требования [2], был внесен ряд изменений, расширивших возможности цессии по денежным обязательствам. Так, положения, содержащиеся в пункте 7 статьи 448 ГК РФ, были дополнены следующим: «победитель торгов вправе уступить требования по денежному обязательству третьему лицу». Данные изменения вступили в силу 1 июня 2018 года. Полагаем, что данная новелла вступает в противоречие с нормами специального законодательства, регулирующими уступку денежных обязательств, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов.

Как справедливо отмечает Андреева Л.В.: «Сфера публичных закупок занимает особое место, так как является инструментом поддержки хозяйствующих субъектов» [3, с. 11]. Для обеспечения публичных нужд существует государственный (муниципальный) контракт, который требует особого регулирования в силу своего уникального состава, специфического источника финансирования. Это регулирование отличается от общих положений ГК РФ и включает в себя особые требования, направленные на улучшение эффективности закупок товаров, работ, услуг, обеспечение прозрачности и предотвращение коррупции и злоупотреблений. Закон о контрактной системе регулирует особенности исполнения таких контрактов.

В соответствии с частью 2 статьи 34 Закона о контрактной системе запрещается вносить изменения в условия контракта при его заключении и исполнении, за исключением случаев, которые явно предусмотрены законом. Такие основания содержатся в статье 95 Закона о контрактной системе, которая содержит ограниченный перечень таких случаев.

Принципы прозрачности и подотчетности являются неизменными в бюджетном законодательстве и применяются как на этапе заключения, так и на этапе исполнения государственного (муниципального) контракта.

Оплата государственного (муниципального) контракта является частью бюджетных расходов

и регулируется БК РФ. Согласно пункту 5 статьи 219 БК РФ, при возникновении бюджетного обязательства на основании государственного (муниципального) контракта, необходимо осуществлять дополнительный контроль над соответствием информации о контракте в реестре контрактов, установленном Законом о контрактной системе, и информации о зарегистрированном бюджетном обязательстве, возникшем на основании этого контракта. Этот контроль является важным механизмом обеспечения прозрачности и эффективности исполнения государственных (муниципальных) контрактов. Реестр контрактов содержит информацию обо всех заключенных контрактах и их основных параметрах, таких как стоимость, сроки выполнения, стороны контракта. Зарегистрированное бюджетное обязательство, в свою очередь, подтверждает факт возникновения финансового обязательства со стороны государственного (муниципального) заказчика. Контроль над соответствием информации в реестре контрактов и информации о зарегистрированных бюджетных обязательствах позволяет избежать возможных нарушений при исполнении контрактов, таких как неправомерное увеличение стоимости работ или сроков выполнения, неправомерное изменение условий контракта и других форм коррупционных действий. Благодаря такому контролю гарантируется прозрачность и эффективность расходования бюджетных средств, а также соблюдение принципов конкурентности и равных возможностей для всех участников контрактной системы. Это способствует более эффективному использованию государственных (муниципальных) ресурсов и повышению доверия к системе государственных закупок. Важно отметить, что контроль над соответствием информации в реестре контрактов и информации о зарегистрированных бюджетных обязательствах может осуществляться не только государственными органами, но и общественными контрольными структурами, что способствует дополнительной проверке и прозрачности процедур государственных закупок.

В бюджетном законодательстве отсутствуют правила, которые бы регулировали возможность передачи прав на требования по денежным обязательствам публично-правовых организаций. Также не определен порядок внесения изменений в ранее предоставленные данные о контрагенте, а также санкционирования оплаты денежных обязательств, возникающих из государственных (муниципальных) контрактов, в пользу третьих лиц, не являющихся поставщиками, подрядчиками или исполнителями по таким контрактам. В свете этого, можно считать разумным, учитывать как специальное законодательство, так и гражданское законодательство при рассмотрении вопроса об уступке денежных обязательств, возникающих из государственных (муниципальных) контрактов, чтобы достичь справедливого и сбалансированного решения, учитывающего интересы всех сторон.

На данный момент возникают сомнения относительно применения положений БК РФ и Закона о контрактной системе в случае уступки финансовых обязательств, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов. Одной из причин таких сомнений является требование, введенное пунктом 7 статьи 448 ГК РФ, о необходимости выполнения определенных условий для осуществления уступки. Победивший в торгах имеет право передать требование о денежном обязательстве третьей стороне. Существуют два взгляда на этот вопрос, рассмотрим их в деталях.

Позиция Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации заключается в том, что «уступка поставщиком (подрядчиком, исполнителем) третьему лицу права требования к заказчику об исполнении денежного обязательства не противоречит гражданскому законодательству Российской Федерации». Коллегия полагает, что если обязательства по государственному (муниципальному) контракту исполнены поставщиком (подрядчиком, исполнителем), то исходя из буквального толкования пункта 7 статьи 448 ГК РФ и части 5 статьи 95 Закона о контрактной системе, нет никаких законных препятствий для передачи денежного требования другому лицу. Подписание договора цессии не приводит к замене поставщика (подрядчика, исполнителя), а только переводит право требования на оплату задолженности. Заказчик сохраняет право на возражения в соответствии со статьей 386 ГК РФ. Необходимость внесения изменений в документацию для расчетных операций не является доказательством значимости кредитора для должника. Ограничение не может быть применено к соглашению о выплате денежных средств победителю торгов, так как личность кредитора не является важной для должника, когда заказчик выполняет свои обязательства по оплате [4. с. 13].

Позиция, высказанная Министерством Финансов Российской Федерации, заключается в том, что «уступка права требования по денежному обязательству по государственному (муниципальному) контракту третьему лицу, не являющемуся поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по такому контракту невозможна». Министерство обосновывает свою позицию следующим образом: не допускается изменение существенного условия о порядке оплаты товара, работы или услуги, включая указанные в государственном (муниципальном) контракте платежные реквизиты. Государственный (муниципальный) контракт, хотя и представляет собой форму двухстороннего соглашения, все же подчиняется не только гражданскому законодательству, но и нормам бюджетного законодательства, а также Закону о контрактной системе. Порядок санкционирования оплаты денежных обязательств, возникающих из государственных (муниципальных) контрактов, третьему лицу, не являющемуся поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по такому контракту, не определен бюджетным законодательством. Оплату по госу-

дарственному (муниципальному) контракту можно производить только тому поставщику (подрядчику, исполнителю), чьи платежные реквизиты указаны в условиях данного контракта [5].

При анализе выше указанных позиций в отношении толкования вопроса об уступке денежных обязательств, возникших из государственных (муниципальных) контрактов важно отметить, что позиция Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации применяет исключительно гражданское законодательство и ссылается на то, что если поставщик (подрядчик, исполнитель) исполнил обязательство по контракту, то запрет на уступку денежного требования не может быть применен, а также, что личность кредитора не имеет существенного значения для должника при исполнении заказчиком обязанностей по оплате.

Полагаем, что с данной позицией нельзя в полной мере согласиться. Обязанность личного исполнения государственного (муниципального) контракта обусловлена не только исполнением обязательств, но и необходимостью обеспечения открытости, прозрачности и сохранения конкуренции при проведении закупок. Это требование соответствует части 5 статьи 95 Закона о контрактной системе, которая запрещает изменение поставщика (подрядчика, исполнителя) при исполнении контракта. Такой запрет направлен на обеспечение надлежащего исполнения основного обязательства, которое является предметом государственного (муниципального) контракта, и защиты интересов заказчика от возможной уступки прав и обязанностей по контракту в части поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг. Контрактная система требует от сторон контракта сохранять постоянство поставщика (подрядчика, исполнителя) на всем протяжении его исполнения. Это правило устанавливается с целью гарантировать, что поставщик (подрядчик, исполнитель) будет выполнять свои обязательства должным образом в соответствии с предметом контракта. Когда возникают противоречия между нормами гражданского законодательства и нормами специального законодательства, полагаем, что приоритет следует отдать нормам специального законодательства. Это позволит обеспечить соблюдение основных принципов государственных закупок и защиту интересов всех сторон.

Позиция же Министерства Финансов Российской Федерации, что условия оплаты товара, работы или услуги, а также платежные реквизиты, указываемые при заключении государственных (муниципальных) контрактов, не могут быть изменены, так как они являются существенными в силу Закона о контрактной системе, также не является позицией, с которой можно в полной мере согласиться. Довод Министерства о том, что реквизиты поставщика (подрядчика, исполнителя), а по сути информация о получателе платежа представляют собой существенное условие довольно дискуссионный, так как при буквальном толковании

это исключает возможность изменения платежных реквизитов в случае смены обслуживающего или корреспондентского банка, даже для текущего поставщика (подрядчика, исполнителя). В случае если счет подрядчика или исполнителя будет заблокирован или в контексте будут обнаружены ошибки в указанных реквизитах, это может повлечь за собой негативные последствия для поставщика (подрядчика, исполнителя).

Тем не менее, на наш взгляд, позиция Министерства Финансов Российской Федерации в большей степени соответствует целям и задачам бюджетного законодательства, включая правильное использование бюджетных средств с учетом их сохранности, а также прозрачности, открытости и эффективности расходования. В связи с этим, можно сделать вывод, что передача права требования по государственному (муниципальному) контракту, противоречит положениям бюджетного законодательства, в том числе части 2 статьи 34 Закона о контрактной системе, и представляет определенные риски для бюджетной системы, такие как нецелевое использование бюджетных средств.

В заключении хотелось бы отметить, что внесенные в ГК РФ изменения и соответствующие разъяснения судов касаются исключительно гражданского законодательства и не затронули нормы специального законодательства, регулирующие уступку денежных обязательств, вытекающие из государственных (муниципальных) контрактов. Разрешить уступки денежных требований по контрактным обязательствам правоприменительная практика не может, так как данные контракты, это все-таки бюджетные расходы, соответственно, они не возможны без учета требований бюджетного законодательства. Таким образом, без внесения соответствующих изменений в нормы специального законодательства применение положений новой редакции статьи пункта 7 статьи 448 ГК РФ будет затруднительно. Полагаем, что необходимо внести изменения в БК РФ, проработать механизм замены получателя бюджетных средств при уступке денежных требований, а также доработать возможность включения в специальные реестры контрактов информацию об уступке права требования и о цессии, которая в настоящее время отсутствует в государственных (муниципальных) контрактах, чтобы уменьшить риски для бюджетной системы.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
2. Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание зако-

нодательства РФ», 31.07.2017, № 31 (Часть I), ст. 4761.

3. Андреева Л.В. Государственные закупки в России. М., 2019. С. 11.
4. «Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 12, декабрь, 2017.
5. Письмо Минфина России от 18.03.2020 № 24–03–08/20995 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]; Письмо Минфина России от 24.03.2020 № 24–03–07/22843 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт].

ASSIGNMENT OF THE RIGHT TO CLAIM FOR MONETARY OBLIGATIONS ARISING FROM THE IMPLEMENTATION OF STATE (MUNICIPAL) PURCHASES

Pozhidaeva E.S.

Russian State University of Justice

This article is devoted to the study of the question of the admissibility of the assignment of the right of demand by the supplier (contractor, performer) to a third party for the fulfillment of a monetary obligation to the customer under a state (municipal) contract. The article reveals the problems of different application and interpretation of the new edition of paragraph 7 of Article 448 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as its contradiction with the norms

of special legislation governing the assignment of monetary obligations arising from state (municipal) contracts. The author analyzes the positions formed on this issue and their practical application in law enforcement practice. In conclusion, the author comes to conclusions about the need to eliminate the existing contradictions between civil legislation, budget legislation and legislation on the contract system by making appropriate changes to the norms of special legislation.

Keywords: assignment of a monetary obligation, change of supplier, transfer of the right of claim, budget funds, contract.

References

1. Federal Law of 05.04.2013 № 44-FZ (ed. of 04.08.2023) «On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 08.04.2013, № 14, Art. 1652.
2. Federal Law of 26.07.2017 No. 212-FZ «On Amending Parts One and Two of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 31.07.2017, № 31 (Part I), Art. 4761.
3. Andreeva L.V. Gosudarstvennye prokupki v Rossii Public procurement in Russia. M., 2019. С. 11.
4. «Review of judicial practice of application of the legislation of the Russian Federation on the contractual system in the sphere of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 28.06.2017) // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation», № 12, December, 2017.
5. Letter of the Ministry of Finance of Russia from 18.03.2020 № 24–03–08/20995 // ConsultantPlus: legal reference system [Official website]; Letter of the Ministry of Finance of Russia from 24.03.2020 № 24–03–07/22843 // ConsultantPlus: legal reference system [Official website].

Развитие института применения астрента в гражданском праве: на примере обособленных споров в делах о банкротстве

Прошляков Олег Александрович,

магистр программы «корпоративное право» МГЮА им. О.Е. Кутафина; Адвокат коллегии адвокатов «Юридическая помощь бизнесу»
E-mail: oleg.proshlyakov@mail.ru

В статье рассматривается актуальный практико-ориентированный вопрос на стыке законодательства о банкротстве и института доказывания в арбитражном процессе: существует ли возможность присудить судебную неустойку (астрент) за неисполнение судебного акта третьему лицу, либо каким-либо иным образом расширить действие института астрента на лиц, не являющихся ответчиком в споре? В рамках данной статьи вопрос будет рассмотрен на примере обособленных споров в делах о банкротстве.

Для ответа на вопрос предлагается рассмотреть существующее правовое регулирование института астрента в Российской Федерации, выявить ключевые, сущностные различия института по сравнению с его аналогом в иностранных юрисдикциях, проанализировать судебную практику присуждения судебной неустойки третьим лицам в обособленных спорах в делах о банкротстве, а также рассмотреть варианты совершенствования законодательства с целью увеличения процента исполнения судебных актов.

Ключевые слова: судебная неустойка; астрент; судебный акт; обособленные споры в делах о банкротстве; истребование доказательств; арбитражный процесс.

Проблема истребования дополнительных доказательств у лиц, участвующих в деле – это притча во языцех для любого юриста, который специализируется на судебном представительстве.

Предыдущий Министр юстиции Российской Федерации Коновалов А.В. еще в 2017 году назвал «катастрофическим» процент исполнения судебных решений, указав, что: «*процент исполнения судебных решений колеблется между 18–22%*». Относится это, разумеется, и к определениям суда об истребовании доказательств.

Омрачает и так не самую радужную картину ситуация, при которой ключевые доказательства находятся у третьих лиц (как заявляющих, так и не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора).

Не добавляет оптимизма и фактически не работающий институт судебного штрафа, так как выгоднее его заплатить, нежели добросовестно вести себя в процессе, представить невыгодные для стороны доказательства и получить отрицательный для себя судебный акт.

Дополнительные трудности привносят и особенности, свойственные обособленным спорам в делах о банкротстве. Обосновывается это тем, что лица, участвующие в деле о банкротстве, поименованные в ст. 34 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», зачастую не являются стороной спорных правоотношений: например, не были стороной сделки или не знают, какие были связи у должника, его контролирующих лиц, с конечными выгодополучателями и аффилированными лицами, что привносит объективную сложность получения арбитражным управляющим, конкурсными кредиторами и другими лицами отсутствующих у них прямых доказательств.

В настоящее время, следуя практике развитых зарубежных правовых порядков, в законодательстве и арбитражной практике для целей поддержания стабильности договорного оборота и недопустимости утаивания сведений, имеющих отношение к предмету рассмотрения спора, существует такой институт как **судебная неустойка** или с **французского «L'astreinte»** (здесь и далее термины «Астрент» и «Судебная неустойка» будут использоваться как синонимы).

Астрент (судебная неустойка) – это штраф, который уплачивается должником в пользу кредитора за неисполнение судебного акта в натуре. Впервые на уровне высших судов эта конструкция появилась в Постановлении Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах при-

суждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта», а нормативно закреплена в ст. 308.3 ГК РФ, которая была добавлена Федеральным законом «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 № 42-ФЗ.

В настоящей статье предлагается не углубляться в описание и изучение правовой природы астрента, поскольку на этот счет и так написаны прекрасные статьи Ероховой М.А. [Ерохова М.А. О судебной неустойке в российском праве. Анализ практики 2015–2017 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2017, N7, с. 97–111; Ерохова М.А. О снижении судебной неустойки. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.06.2018 N305-ЭС15–9591 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018, N12, с. 4–13], Фиошина А.В. [Фиошин А.В. О правовой природе астрента // Вестник гражданского процесса, 2021, N3, с. 29–49], а лишь отметить следующие основные проблемные моменты, которые являются предметом исследования в рамках настоящей статьи.

Согласно положениям ст. 308.3 ГК РФ, при упоминании астрента речь идет о неустойке за неисполнение **должником** обязательства, установленного судебным актом. Статья 308.3 ГК РФ сконструирована таким образом, что **присудить астрент третьим лицам невозможно**.

Такая жесткая юридическая конструкция статьи влечет за собой существенное ограничение института доказывания и доказательства в арбитражном и гражданском процессах, ведь если применять судебную неустойку (в том числе за неисполнение судебного акта об истребовании доказательств) **исключительно** к ответчикам, а не ко всем лицам, непосредственно задействованным в спорных правоотношениях, то у сторон фактически отсутствует работающий механизм истребования у таких лиц дополнительных доказательств, что свидетельствует об очевидной правовой лакуне.

Российское право знает сходную с судебной неустойкой (астрентом) правовую категорию: это судебный штраф.

Статьей 119 АПК РФ установлено, что судебные штрафы налагаются арбитражным судом в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом.

Размер судебного штрафа, налагаемого на граждан, не может превышать *пять тысяч рублей*, на должностных лиц – *тридцать тысяч рублей*, на организации – *сто тысяч рублей*, если иное не предусмотрено настоящей статьей и взыскиваются в доход федерального бюджета, а не в пользу стороны.

К сожалению, как показывает судебная практика, судебный штраф не справляется со своей главной функцией – побудить лицо, участвующее в деле, исполнять определение/решение суда.

Главным образом, вызвано это весьма скромными негативными последствиями и уплатой этой

суммы в доход федерального бюджета, а не непосредственно заявителю/истцу.

Необходимо отметить, что в иностранных правопорядках, откуда Российская Федерация рецепировала институт астрента, он применяется значительно шире, поскольку имеет иную, более глубокую и выработанную годами успешного применения практику применения.

В правопорядке Франции, стране-основоположнике института астрента, используется доктрина т.н. «широкого астрента», что подразумевает применение судебной неустойки как к денежным, так и к неденежным обязательствам, а также ко всем лицам, участвующим в деле и являющимися участниками таких правоотношений.

Заявитель, имеющий исполнительный лист, по которому иному лицу был присужден астрент, получит максимально полную протекцию в ходе принудительного исполнения со стороны органов государственной власти (например, аналог ФССП РФ), тем не менее, астрент изначально не будет присужден, если дальнейшее его исполнение может причинить угрозу безопасности и общественному порядку Французской Республики, что было установлено еще в 1920-е годы XX века [CE30 novembre 1923, arrêt Couiteas, Rec. P. 789, DP 1923, 3. 59].

Впоследствии это было нормативно закреплено в специальном законе, посвященном присуждению астрента [Закон от 16.07.1980 г. «об астрентах в административной сфере и при исполнении решений в отношении юридических лиц публичного права»].

Исходя из описанного выше, можно сделать вывод о том, что в судебной системе Франции, по сути, единственным ограничением в присуждении астрента является лишь недобросовестное поведение лиц, участвующих в деле, а также действие в разрез с интересами гражданского общества и посягательства на его основы и безопасность.

Процессуальная активность французских судей, воплощением которой является возможность присуждения астрента третьим лицам, особенно сильно раскрывается при разрешении IP & IT-споров, в частности, с использованием криптоактивов. В связи с этим, необходимо рассмотреть, как это действует на практике и как суды мотивируют возможность принудить «неответчика» исполнять судебный акт, в частности, о предоставлении дополнительных доказательств. Данный опыт весьма был бы полезен в российских обособленных спорах в делах о банкротстве, поскольку вывело бы институт доказывания и доказательства на принципиально новый уровень.

Очевидно, что поскольку вопрос присуждения астрента касается исполнения судебного акта, то он идет рука об руку с исполнительным производством и при описании придется немного затронуть и этот аспект для лучшего понимания работы института астрента.

Как писала в своих трудах Натали Фрисеро, профессор Университета Ниццы (Франция), член Ученого совета UIHJ, в своей статье, вольный перевод

которой звучит примерно как «*Судебный пристав и арест криптоактивов*»: «судья, присуждающий должника к выплате, может установить астрент, если должник не предоставит судебному исполнителю доступ к своему криптокошельку» [Fricero N. *Huissier de justice et saisie des cryptoactifs: rêve ou réalité? // Cyberjustice, de nouvelles opportunités pour l'huisier de justice. Sous la direction de David Walker. XXIV Congrès de l'Union Internationale des Huissiers de Justice. Dubai. 22–25.11.2021, p. 166*].

Если должник использует услуги провайдера, чтобы хранить или управлять своими криптоактивами, то судебный пристав должен иметь возможность получить криптоактивы, которые находятся во владении третьего лица (в данном случае им будет являться криптопровайдер). Неисполнение воли государства в лице своих органов в рамках исполнительного производства о предоставлении **необходимой информации может повлечь за собой угрозу применения астрента**, либо обяжет такое лицо выплачивать всю сумму долга должника, взыскиваемую в рамках исполнительного производства.

Как видно из приведенного выше примера, юридическая природа и «дух» астрента гораздо шире его «буквы» и, несмотря на то, что работать он должен был лишь в отношении ответчиков – суды, по мнению автора статьи, справедливо и разумно выходят за пределы писаного закона в интересах лиц, участвующих в деле и состязательного процесса в целом.

К сожалению, в российской правовой системе данная правовая конструкция (речь идет о доктрине французского «широкого астрента») пока не прижилась, хотя и были безуспешные попытки ее применения.

В тех немногих спорах, касающихся присуждения судебной неустойки третьим лицам, суды, разумеется, исходя из юридической природы астрента и руководствуются буквальным толкованием положений ст. 308.3 ГК РФ. Это приводит к закономерному отказу в удовлетворении таких заявлений.

В большинстве судебных споров, ярким примером которому служит постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2022 по делу № А70–18630/2020, суд отказывает в присуждении астрента и применяет вместо него уже упомянутый судебный штраф.

В других случаях, когда в качестве лица, которому предполагается присудить астрент, выступают ответчики и третьи лица – суды удовлетворяют лишь в части, касающейся именно ответчиков, что видно, например, в решении Арбитражного суда города Москвы от 27.10.2022 по делу № А40–132217/2022.

Тем не менее, в рамках обособленного спора в рамках дела о банкротстве ПАО «ОФК Банк» (№ А40–86520/2018) (далее – «**Должник**»), суд апелляционной инстанции присудил астрент третьим лицам.

Фабула спора: в схеме факторинговых операций, АО «ГИЛК» и ООО «Граффити» выступа-

ли звеньями в цепочке транзитных операций, где денежные средства первоначально были выданы Банком-банкротом своей аффилированной компании – ООО «БИД Инком».

Впоследствии, через ряд подконтрольных компаний, среди которых были, в том числе, ООО «Граффити» и АО «ГИЛК», была погашена кредитная задолженность подконтрольных Банку-банкроту компаний.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с ходатайством об истребовании доказательств с АО «ГИЛК» и с ООО «Граффити», которые ранее были привлечены в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора (далее – «**Третьи лица**»).

Определением Арбитражного суда г. Москвы от 01.06.2021 суд удовлетворил требования. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 13.07.2021 суд повторно истребовал документы у третьих лиц.

В связи с неисполнением указанных определений суда, конкурсный управляющий обратился с заявлением о присуждении судебной неустойки (астрента) третьим лицам.

- Определением Арбитражного суда г. Москвы от 22.03.2022 суд отказал в удовлетворении заявления Конкурсного управляющего.
- **Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2022 по делу № А40–86520/2018** суд отменил указанное выше определение и постановил взыскать с АО «ГИЛК» и ООО «Граффити» Банка 1 000 руб. в качестве неустойки за каждый день просрочки исполнения определений об истребовании.

Коротко охарактеризовать вывод апелляционного суда можно следующим образом: **недобросовестность стороны в споре превышает ее роли в процессе**. Как указал суд в мотивировочной части определения, АО «ГИЛК» и ООО «Граффити» ввели в заблуждение арбитражный суд, указав на то, что документы уничтожены в связи с большими сроками хранения» и истребовал присудил судебную неустойку.

- Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2022 было отменено Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2022 и оставлено в силе Определение Арбитражного суда г. Москвы от 22.03.2022 по делу № А40–86520/2018.

Несмотря на то, что постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2022 по делу № А40–86520/2018 было впоследствии отменено, необходимо детально изучить выводы суда, поскольку подход, избранный судом апелляционной инстанции, представляется автору очень удачным способом обязать лиц, участвующих в деле (включая, разумеется, и третьих лиц) добросовестно вести себя в процессе, что соответствует описанному в предыдущей части статьи французской правовой доктрине присуждения астрента.

Как определила Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 19.10.2018 по делу № А51–10729/2017, заявление о взыскании судебной неустойки подлежит исполнению в рамках рассмотрения того же дела, где вынесено решение по существу спора. Аналогичная правовая логика применяется и к обособленным спорам в рамках дела о банкротстве.

Обращаясь к вышеупомянутому делу о банкротстве ПАО «ОФК Банк», в рамках обособленного спора Конкурсный управляющий подал заявление о присуждении астрента **третьим лицам**, но впоследствии, поскольку заявитель не согласился с определением суда первой инстанции, фактически возник новый спор, отделившийся от основного об оспаривании сделки. И вот в этом, новом, вновь образованном споре, эти **третьи лица**, фактически стали уже **ответчиками**, о чем и писал суд апелляционной инстанции у себя в определении.

Поскольку судебная неустойка должна побудить именно ответчика исполнить определение суда, то предлагается, в случае рассмотрения нового обособленного спора, в котором решается вопрос о присуждении астрента, всех лиц, в отношении которых подано такое заявление, рассматривать в качестве **«ответчиков»**, либо же вводить изменения в процессуальный статус с момента обжалования судебного акта в суде вышестоящей инстанции.

Такой «мягкий» подход позволит не вносить дополнительные изменения в положения ГК РФ, а также, по мнению автора, сможет мотивировать третьих лиц на более добросовестное поведение в ходе судебного разбирательства.

Если же говорить о более «жестком» и концептуальном подходе к совершенствованию законодательства, в том числе и выходя за рамки специфики банкротных споров, то автору, с учетом рецепции института астрента из Франции, о чем прямо сказано, например, в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.07.2022 по делу № А50–32717/2019, представляется разумным и обоснованным пойти дальше в заимствовании и использовать тот же уровень свободы, применяемый при его присуждении, не ограничиваясь лишь ответчиками.

В условиях объективно неработающих институтов судебного штрафа и исполнительского сбора, астрент, как показывает практика, является действенным способом побуждения к исполнению актов суда и возможность применения доктрины французского «широкого астрента» существенно снизила бы возможность злоупотребления лицами, участвующими в деле, которые могут выражаться, например, в сокрытии юридически значимых доказательств, имеющих ключевое значение для рассмотрения спора.

Литература

1. Ерохова М.А. О судебной неустойке в российском праве. Анализ практики 2015–2017 //

Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2017, N7, с. 97–111;

- Ерохова М.А. О снижении судебной неустойки. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.06.2018 N305-ЭС15–9591 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018, N12, с. 4–13;
- Фиошин А.В. О правовой природе астрента // Вестник гражданского процесса, 2021, N3, с. 29–49;
- Fricero N. Huissier de justice et saisie des crypto-actifs: rêve ou réalité? // Cyberjustice, de nouvelles opportunités pour l'huissier de justice. Sous la direction de David Walker. XXIV Congrès de l'Union Internationale des Huissiers de Justice. Dubai. 22–25.11.2021, p. 166;
- Статья 308.3 Гражданского кодекса Российской Федерации;
- Статья 34 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»;
- Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 08.03.2015 № 42-ФЗ;
- Закон от 16.07.1980 г. «об астрентах в административной сфере и при исполнении решений в отношении юридических лиц публичного права» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL://<https://www.legifrance.fr> (дата обращения 10.08.2023);
- Постановлении Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»;
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.10.2018 по делу № А51–10729/2017;
- Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2022 по делу № А70–18630/2020;
- Решение Арбитражного суда города Москвы от 27.10.2022 по делу № А40–132217/2022;
- Определение Арбитражного суда г. Москвы от 01.06.2021, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 13.07.2021, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 22.03.2022, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2022 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.09.2022 по делу № А40–86520/2018;
- Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.07.2022 по делу № А50–32717/2019;
- CE30 novembre 1923, arrêt Couiteas, Rec. P. 789, DP 1923, 3. 59.

EVOLVEMENT OF THE INSTITUTION OF APPLICATION OF ASTRENTE IN CIVIL LAW: EXEMPLIFIED BY SEPARATE DISPUTES IN BANKRUPTCY CASES

Proshlyakov O.A.
MSAL

The article deals with a topical practice-oriented issue at the intersection of insolvency law and evidence institution in the arbitration proceedings: is it possible to award a judicial penalty (Astreinte) for non-execution of a court ruling to a third party, or in any other way to expand the effect of the institute of astreinte to persons who are not defendants in dispute? Within the framework of this article, the issue will be considered on the example of separate disputes in bankruptcy cases.

To answer the question, it is proposed to consider the existing legal regulation of the institution of astreinte in the Russian Federation, to identify the key, essential differences between the institution in comparison with its counterpart in foreign jurisdictions, to analyze the judicial practice of awarding a judicial penalty to third parties in separate disputes in bankruptcy cases, and to consider options to improve our legislation in order to increase the percentage of execution of court rulings.

Keywords: astreinte, court ruling, separate disputes in bankruptcy cases, discovery of documents, proving and evidence, arbitration proceedings.

References

1. Erokhova M.A. Judicial Penalty in Russian Law. Practice Analysis 2015–2017. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 7. P. 97–111;
2. Erokhova M.A. On Reduction of Court Penalties. Case Comment on the Judgment of RF SC No. 305-ЭС15–9591, 5 June 2018. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2018, No. 12, p. 4–13;
3. Fioshin A.V. On the Legal Nature of Astreinte. Herald of Civil Procedure, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 250–264;
4. Fricero N. Bailiff and seizure of cryptoassets: dream or reality? // Cyberjustice, new opportunities for the judicial officer. Edited by David Walker. XXIV Congress of the International Union of Judicial Officers. Dubai. 22–25.11.2021, p. 166;
5. Article 308.3 Civil Code of the Russian Federation;
6. Article 34 Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 “On Insolvency (Bankruptcy)”;
7. Federal Law No. 42-FZ of March 8, 2015 “On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation”;
8. Law of July 16, 1980 “On astrenets in the administrative sphere and in the execution of decisions in relation to legal entities of public law” [Electronic source] – available at: URL://<https://www.legifrance.fr> (date of the application August 10, 2023);
9. Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 04.04.2014 No. 22 “On some issues of awarding money to a recoverer for non-execution of a judicial act”;
10. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of October 19, 2018 in case No. A51–10729/2017;
11. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal of September 5, 2022 in case No. A70–18630/2020;
12. Decision of the Moscow City Arbitration Court of October 27, 2022 in case No. A40–132217/2022;
13. Ruling of the Moscow Arbitration Court of June 01, 2021, Ruling of the Moscow Arbitration Court of July 13, 2021, Ruling of the Moscow Arbitration Court of March 22, 2022, Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of July 07, 2022, Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District in case No № A40–86520/2018;
14. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated July 21, 2022 in case No. A50–32717/2019;
15. CE November 30, 1923, Counites judgment, Rec. P. 789, DP 1923, 3.59.

Договорные формы распоряжения исключительным правом на аккаунт в социальной сети

Федоров Артем Михайлович,

магистр права, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: fedorov_artem_99@mail.ru

Цель настоящей статьи заключается в анализе принципиальной возможности распоряжения исключительным правом на аккаунт в социальной сети и поиске договорных конструкций, которыми может опосредоваться эта деятельность. В результате проведенной работы автор приходит к выводу о том, что аккаунт в социальной сети, будучи составным произведением (базой данных), представляет собой оборотоспособный результат интеллектуальной деятельности, права на который могут передаваться по договору об отчуждении исключительного права либо по договору продажи предприятия как имущественного комплекса (в случае продажи всего бизнеса в целом). Заключение лицензионного договора видится нецелесообразным ввиду невозможности воспроизведения аккаунта, технических особенностей передачи доступа к нему и вероятностью злоупотребления правом как со стороны лицензиара, так и лицензиата. Анализируя возможность «раздела» аккаунта в социальной сети между соавторами (правообладателями), автор статьи приходит к выводу о том, что аккаунт не подлежит разделу и выделу долей в праве на него. Единственным вариантом решения проблемы видится заключение между соправообладателями соглашения о порядке реализации принадлежащего им исключительного права.

Ключевые слова: аккаунт, социальная сеть, распоряжение, авторское право, исключительное право, соавторство, семейный аккаунт, раздел аккаунта.

В настоящее время довольно распространена практика «купли-продажи» аккаунтов в социальных сетях, существуют даже специализированные «биржи» аккаунтов. Экономический интерес к такому рода активам можно понять: покупатель хочет приобрести уже известный блог с лояльной аудиторией для дальнейшего заработка на рекламе либо продвижения собственных товаров и услуг, привлечения новых клиентов и т.д. Иными словами, конечной целью сделки является приобретение не аккаунта как такового, а клиентелы (гудвилла).

В связи с этим довольно остро встает вопрос об оборотоспособности аккаунтов в принципе, возможности распоряжения правами на них, а также характере правоотношений, возникающих между покупателем и продавцом. Не менее актуальным на практике является вопрос о том, посредством каких договорных конструкций может осуществляться распоряжение правами на аккаунт.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что распоряжение правами на аккаунт в принципе возможно. Продажа аккаунтов прямо не предусмотрена законом, но и не противоречит ему [9]. Об этом свидетельствует и имеющаяся (правда, пока немногочисленная) судебная практика. Так, например, в одном деле суд квалифицировал в качестве договора купли-продажи передачу продавцом покупателю имущества онлайн-школы иностранных языков, включающего в себя, помимо прочего, две страницы в социальной сети «ВКонтакте», один аккаунт в социальной сети «Instagram» [деятельность *Meta Platforms Inc.* запрещена на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности], два интернет-сайта, «аккаунты с настроенной контекстной рекламой в директе и гугле» [7]. Суд никак не выделил аккаунты среди других активов онлайн-школы и не указал на запрет распоряжения ими или обязанность продавца заключить с покупателем какие-либо особые договоры в отношении аккаунтов.

В самом деле, если рассматривать аккаунт в социальной сети в качестве объекта интеллектуальных прав (составного произведения, «творческой» базы данных), то можно сделать закономерное заключение о том, что он оборотоспособен. Каких-либо запретов или ограничений на распоряжение исключительным правом на объекты авторских прав Гражданским кодексом РФ (далее – «ГК РФ») не установлено. Установление запрета на распоряжение аккаунтом не согласуется с самой идеей существования интеллектуальных прав. Категория исключительных (имущественных) прав

специально введена законодателем с целью установления наиболее адекватного правового режима для нематериальных по своей природе объектов, возможности их коммерциализации, введения в гражданский оборот и защиты интересов авторов и правообладателей.

Тем не менее, сами социальные сети в пользовательских соглашениях устанавливают прямой запрет на распоряжение аккаунтами под угрозой их блокировки или удаления. Так, например, условия использования социальной сети «Instagram» [деятельность *Meta Platforms Inc.* запрещена на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности] содержат следующие положения: «Вы не имеете права продавать, передавать по лицензии или покупать какие-либо аккаунты или данные, полученные от нас или из нашего Сервиса» [15].

Правомерность установления подобных ограничений в пользовательских соглашениях социальных сетей вызывает сомнения. Согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения. Статья 1229 ГК РФ, закрепляющая содержание исключительного права, является по своему содержанию императивной. Данная норма закрепляет, что ограничения на распоряжение исключительным правом могут быть установлены только ГК РФ, но не договором. Следовательно, условия пользовательских соглашений с социальными сетями, запрещающие распоряжаться исключительным правом на аккаунт, в силу п. 3 ст. 22 ГК РФ должны рассматриваться как ничтожные, так как ограничивают правоспособность правообладателей.

При помощи каких же договорных конструкций возможно «продать» аккаунт? Заранее следует отметить, что такая сделка не может осуществляться путем заключения договора купли-продажи ввиду нематериальной природы аккаунта. В связи с этим невозможно использовать конструкции, которые опосредуют переход вещного права – права собственности.

Тем не менее, на практике при заключении договоров по поводу аккаунтов (а также в текстах пользовательских соглашений при установлении запрета на распоряжение аккаунтами) широко используется терминология, применяющаяся в договорах купли-продажи – «продажа аккаунта», «продавец», «покупатель» и т.д. Сделано это, представляется, для простоты и удобства понимания, поскольку категории купли-продажи зачастую воспринимаются гражданами легче, чем категории исключительных прав. Кроме того, это может быть вызвано недостаточной изученностью правовой природы аккаунтов и непониманием юридических аспектов распоряжения правами на них. Далее по тексту настоящей статьи термины «продажа», «продавец» и «покупатель» также используются для упрощения изложения и означают передачу

исключительного права на аккаунт в социальной сети.

Прежде всего, проанализируем структуру складывающихся правоотношений. По поводу продаваемого аккаунта складываются три группы обязательственных отношений: а) между продавцом и социальной сетью; б) между покупателем и социальной сетью; в) между покупателем и продавцом.

При регистрации нового аккаунта любой пользователь заключает договор с администрацией социальной сети (принимает оферту, пользовательское соглашение, лицензионный договор – в зависимости от той или иной социальной сети документ может именоваться по-разному, но существо договора от этого не меняется). В связи с продажей аккаунта необходимо прекратить действие такого договора в отношении продавца и распространить его на покупателя. Сделать это можно при помощи конструкции передачи договора, предусмотренной ст. 392.3 ГК РФ, заключив соглашение о замене стороны в договоре.

Заключение такого соглашения в письменной форме позволит соблюсти требования законодательства, защитит от возможных претензий в будущем со стороны третьих лиц, а также позволит избежать риска признания договора «купи-продажи» аккаунта недействительным.

Что касается взаимоотношений продавца и покупателя, технически процедура продажи аккаунта выглядит следующим образом: при получении оплаты от покупателя продавец «отвязывает» аккаунт от своего номера телефона и(или) электронной почты, затем передает логин и пароль от аккаунта покупателю. Далее покупатель заходит в аккаунт со своего устройства, устанавливает новые логин и пароль, а также «привязывает» к аккаунту свой номер телефона и(или) электронную почту. То есть фактически отношения продавца и покупателя представляют собой передачу доступа к аккаунту.

Представляется, что правоотношения между продавцом и покупателем по поводу передачи прав на аккаунт могут опосредоваться двумя договорами: отчуждения исключительного права и продажи предприятия (в случае если аккаунт входит в состав продаваемого бизнеса как имущественного комплекса). Заключение лицензионного договора в данном случае видится невозможным (как минимум нерациональным и неэффективным) ввиду невозможности воспроизведения аккаунта, технических особенностей передачи доступа к нему и вероятностью злоупотребления правом как со стороны лицензиара, так и лицензиата.

Согласно п. 1 ст. 1235 ГК РФ, заключая лицензионный договор, лицензиар предоставляет или обязуется предоставить лицензиату право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в предусмотренных договором пределах.

С технической точки зрения при заключении лицензионного договора одновременно будет существовать два и более субъекта, имеющих доступ

к одному и тому же аккаунту. Экономическая цель сделки же совершенно другая – получить аудиторию (клиентелу) аккаунта в единоличное пользование для дальнейшего заработка от монетизации (просмотра) контента и рекламы. Реализовать данную цель не получится даже путем выдачи исключительной лицензии.

Кроме того, заключению лицензионного договора препятствует невозможность воспроизведения аккаунта. Можно скопировать и разместить в другом аккаунте отдельные посты, но не сам аккаунт как совокупность данных о пользователе, контента и подписчиков (т.е. клиентелы, гудвилла). Аккаунт уникален и невозпроизводим, в этом проявляется его схожесть с NFT. Без правомочия на воспроизведение аккаунта теряется смысл заключения лицензионного договора.

Также наличие одновременно двух и более управомоченных субъектов, имеющих доступ к одному и тому же аккаунту, неизбежно создаст трудности для обеих сторон договора и возможность злоупотребления правом как со стороны продавца, так и со стороны покупателя. Об этом свидетельствует и имеющаяся судебная практика. Так, например, в 2018 году Чертановским районным судом г. Москвы рассматривалось дело об обязанности передать исключительные права на сообщество (группу в социальной сети «ВКонтакте») [8].

Обстоятельства дела заключались в том, что сообщество было передано ответчиком истцу путем назначения последнего администратором сообщества. Спустя некоторое время ответчик, воспользовавшись программно-техническими особенностями социальной сети «ВКонтакте», в одностороннем порядке прекратил для истца доступ к управлению сообществом (исключил его из числа администраторов). Хоть данное дело и не было разрешено по существу из-за того, что суд отказался признавать сообщество ВКонтакте базой данных и защищать исключительные права истца, данное дело иллюстрирует возможность злоупотребления правом со стороны продавца при отсутствии закрепленных механизмов оборота аккаунтов.

Заключение договора об отчуждении исключительного права на аккаунт как базу данных видится наиболее предпочтительным. В таком случае исключительное право на аккаунт передается правообладателем в полном объеме приобретателю, без ограничения по срокам, территории, способам использования и т.д. (ст. 1234 ГК РФ). При заключении договора об отчуждении исключительного права наиболее полно реализуется экономическая цель приобретения аккаунта, а он сам получает должную правовую защиту в случае нарушения прав приобретателя: последний сможет обратиться в суд за защитой принадлежащего ему исключительного права в случае, если отчуждающая сторона или третьи лица будут использовать технические средства и тем самым создавать препятствия в использовании аккаунта.

Как упоминалось ранее, представляется, что исключительное право на аккаунт может также

передаваться по договору продажи предприятия (ст. 559 ГК РФ). Заключение таких договоров довольно распространено при продаже бизнеса, когда покупателю передается в собственность целый имущественный комплекс. В состав предприятия, как указано в абз. 2 п. 2 ст. 132 ГК РФ, могут входить все виды имущества, предназначенные для его деятельности, в том числе, исключительные права на коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания и «другие исключительные права».

Учитывая, что аккаунты в социальных сетях являются мощным инструментом продвижения бизнеса, рекламы и повышения лояльности потребителей к бренду, представляется, что они являются имуществом, предназначенным для деятельности предприятия, и подпадают под категорию «других исключительных прав».

В уже приводимом ранее в пример деле [7] сторонами был заключен именно договор продажи предприятия (онлайн-школы иностранных языков) как имущественного комплекса. Не останавливаясь на выводах суда, не имеющих отношения к исследуемым вопросам, следует отметить, что суд (как первой инстанции, так и апелляционной) не смутило наличие в составе передаваемого имущества трех аккаунтов в различных социальных сетях. Это косвенно говорит о допустимости передачи прав на аккаунт по договору продажи предприятия как имущественного комплекса.

Более глубокого исследования в рамках настоящей статьи заслуживают **аккаунты, созданные в соавторстве** (например, семейные аккаунты). В отношении них возникает множество правовых вопросов, связанных, в частности, с их совместным использованием и распоряжением, а также «разделом». Так, например, в 2020–2021 году в прессе и научном сообществе активно обсуждалось дело разводящейся семьи блогеров, которые хотели поделить общий Instagram-аккаунт [14]. Учитывая распространенность семейных аккаунтов и количество разводов, подобный пример не является единичным.

Итак, в создании аккаунта и наполнении его материалами может принимать участие несколько человек. В таком случае речь идет о соавторстве (п. 1 ст. 1258 ГК РФ). Законом установлено два критерия для отнесения лиц к соавторам: совместность труда и творческий характер такого труда. При невыполнении хотя бы одного из указанных критериев граждане не могут признаваться соавторами.

Важно, чтобы каждый из соавторов вносил в создание аккаунта свой личный вклад, который заключался бы в соавторстве. Совместность труда не означает, что соавторы должны заниматься соавторством в одно время и в одном месте, например вместе разрабатывать контент-план или подбирать фотографии по тематике блога. Организация творческого процесса – личное дело соавторов, которое лежит за пределами права интеллектуальной собственности.

Совместный характер труда означает, что между соавторами достигнуто соглашение о соавторстве, направленное на достижение общего конечного результата. Такое согласие может быть достигнуто не только до начала работы, но и на любом другом этапе.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 1258 ГК РФ произведение, созданное в соавторстве, используется соавторами совместно, если соглашением между ними не предусмотрено иное. Это означает, что использовать такое произведение может каждый из соавторов, распоряжение исключительным правом осуществляется соавторами совместно, а доходы распределяются между соавторами в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Также абзацем 1 п. 2 ст. 1258 ГК РФ установлены дополнительные правила: в случае нераздельного соавторства на произведение ни один из соавторов не вправе без достаточных оснований запретить использование такого произведения, поскольку такой запрет препятствует осуществлению прав других соавторов. При раздельном же соавторстве допускается использование частей произведения их авторами по своему усмотрению, если соглашением между соавторами не предусмотрено иное.

В силу создания произведения соавторами в объективной форме, доступной для восприятия третьими лицами, у соавторов возникает исключительное право на такое произведение. При этом каждому из соавторов принадлежит «целое» исключительное право в полном объеме, доли соавторов в исключительном праве не выделяются [13]. В.О. Калятин отмечает: «Объем прав соавтора не зависит от величины его вклада в созданный результат интеллектуальной деятельности: даже самый маленький вклад полностью уравнивает соавтора с остальными» [10].

Распоряжение правами на результаты интеллектуальной деятельности, соавторами которых являются супруги, ничем не отличается от распоряжения правами на результаты, созданными соавторами вне брачных отношений. На супругов-соавторов не будут распространяться положения Семейного кодекса РФ (далее – «СК РФ») в силу позиции Конституционного суда РФ, изложенной в Определении от 24.04.2018 г. № 994-О [5]. Конституционный суд прямо указал, что нормы СК РФ в подобных спорах не применяются. Любые споры между супругами о совместном распоряжении исключительными правами должны решаться по общим правилам о соавторстве, установленным ст. 1258 и п. 3 ст. 1229 ГК РФ.

Кроме этого, регистрация аккаунта в период брака и позиционирование его как совместного (например, публикация фото и видео о совместной жизни, путешествиях и иного контента с участием обоих супругов), не означает автоматического признания супругов соавторами и распространения на них соответствующего правового режима. Для того, чтобы признаваться соавторами, необходи-

мо наличие совместного творческого труда супругов, выражающегося в подборе и составительстве материалов, составляющих содержание аккаунта.

Таким образом, съемка и монтаж конкретных аудиовизуальных произведений, размещенных в блоге, дают основания для признания авторства (или соавторства) только на конкретное аудиовизуальное произведение, но не на блог в целом. В связи с этим судам при рассмотрении подобных дел рекомендуется внимательно изучать, на что конкретно были направлены творческие усилия каждого из супругов. Представляется, что о совместном обладании авторскими правами на аккаунт может идти речь, например, при доказанности совместного администрирования аккаунта, разработки концепции блога и контент-плана, деятельности по подборке постов по определенной тематике и их взаимному расположению в соответствии с контент-планом и т.д.

При недоказанности соавторства на семейный аккаунт не будет распространяться и режим общего имущества супругов. Исходя из п. 2 ст. 256 ГК РФ и п. 3 ст. 36 СК РФ, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный одним из супругов, принадлежит только автору такого результата.

В связи с тем, что блогерская деятельность может рассматриваться в качестве предпринимательской, при отсутствии соавторства между супругами «разделу» будет подлежать не сам аккаунт, а только доходы, полученные от него в период брака (например, от рекламных интеграций или от монетизации за просмотры контента). Такие доходы будут признаваться совместной собственностью супругов – по аналогии с доходами, полученными супругами от ведения бизнеса [6]. При разводе они будут подлежать разделу по общим правилам, установленным ст. 254 ГК РФ и ст. 38 СК РФ.

Говоря же о «разделе» самого аккаунта при разводе, некоторые исследователи [12] предлагают определять его дальнейшую судьбу по аналогии с правилами, установленными гражданским законодательством для неделимой вещи (абз. 2 п. 3 ст. 252 ГК РФ), – путем выдела доли в праве собственности и дальнейшего ее выкупа другими собственниками. Такое правило применимо к неделимым вещам (например, квартира, автомобиль), но не может использоваться при разделе нематериальных активов (в частности, аккаунтов в социальных сетях) ввиду их особой правовой природы.

Согласно устоявшейся в доктрине позиции исключительное право рассматривается как единое и неделимое [11, с. 67]. При нераздельном соавторстве каждый из соавторов обладает полным исключительным правом на все произведение в целом. Подтверждение тому содержится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], где в абз. 1 п. 35 указано, что совместное обладание исключительным правом на результат интеллектуальной

деятельности или на средство индивидуализации «не означает наличия у данных лиц права на раздел принадлежащего им исключительного права и выдел из него долей».

Законодательством прямо не предусмотрен механизм выдела доли в исключительном праве (как нет и прямого запрета на это). Представляется, что такое упущение сделано намеренно. В отличие от объектов вещных прав (как делимых, так и неделимых), где правила о выделе доли в праве собственности направлены на компенсацию имущественных потерь сособственников при разделе (предполагается, что за счет денежной компенсации бывший сособственник сможет приобрести себе другое аналогичное имущество), эта цель будет недостижима при разделе исключительных прав.

Лишаясь исключительного права на произведение, невозможно заменить его на аналогичное в силу уникальности и принципиальной неповторимости объектов авторских прав. Отсутствует возможность и в судебном порядке лишить лицо исключительного права не иначе, кроме как путем оспаривания авторства или действительности договора, по которому это исключительное право было получено.

Некоторые ученые склоняются к необходимости внесения изменений в законодательство и признания возможности деления исключительного права на доли по аналогии с общей долевой собственностью. Так, В.О. Калятин, несмотря на отсутствие прямого разрешения на выделение долей в праве на результат интеллектуальной деятельности, не видит существенных препятствий к этому на уровне договора. Ученый отмечает: «Возможность выделения доли в исключительном праве не только не противоречит российскому законодательству, но вытекает из его базовых положений и соответствует потребностям современной экономики» [10].

Косвенно на принципиальную делимость принадлежащего совместно нескольким лицам исключительного права на доли указывают и положения п. 2 ст. 1283 ГК РФ. Законодатель говорит о том, что при нераздельном соавторстве доля умершего соавтора в исключительном праве переходит ко всем пережившим соавторам в равных долях. Следовательно, можно предположить, что перед таким переходом следует выделить соответствующие доли. По общему правилу такие доли должны быть равными (по аналогии с абз. 3 п. 3 ст. 1229 ГК РФ), однако соглашением между правообладателями может быть предусмотрено иное.

Тем не менее, представляется, что пока в законодательстве (или как минимум на уровне разъяснений Верховного Суда РФ или Суда по интеллектуальным правам) прямо не указано на возможность выделения долей в исключительном праве и распоряжения такими долями, заключение соглашений о выделе доли в исключительном праве, а также дальнейшее распоряжение такой долей видится рискованным. Подобные сделки могут быть признаны судом недействительными.

В настоящее время законодательство располагает только одним механизмом решения анализируемой проблемы «раздела» аккаунтов – это заключение специального соглашения между правообладателями о порядке реализации принадлежащего им исключительного права (п. 3 ст. 1229 ГК РФ). Таким соглашением может быть предусмотрено распределение доходов от использования результата интеллектуальной деятельности в неравных долях (но не выдел доли в исключительном праве!), закреплены особые правила использования и распоряжения исключительным правом и т.д.

Таким образом, придерживаясь концепции о том, что аккаунт является самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности (совственным производением, «творческой» базой данных), не совсем верно говорить о «разделе» аккаунта в том смысле, в котором этот термин используется в семейном праве, поскольку в силу своей нематериальной природы результаты интеллектуальной деятельности не подлежат разделу и выделу из них долей. Более корректно говорить о разделе доходов, полученных от ведения аккаунта, а также об определении порядка дальнейшего использования такого аккаунта с учетом того, что после расторжения брака режим совместного обладания исключительным правом на аккаунт не прекращается. Положения же ст. 254 ГК РФ и ст. 38 СК РФ о разделе имущества, находящегося в совместной собственности, не могут применяться по аналогии ввиду различной правовой природы объектов вещных и интеллектуальных прав.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301;
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496;
3. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 16;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 96, 06.05.2019;
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.04.2018 № 994-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Артемова Сергея Алексеевича и Артемовой Ирины Витальевны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1240, пунктом 1 статьи 1258, пунктом 7 статьи 1260, статьей 1285 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=DD4EE96D56FB0FADD63EC7B417551DBD&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=ARB&n=540381#Q3IPqnTa87Q4OfXq> (дата обращения: 24.08.2023);

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.03.2019 № 81-КГ19–2 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=8BC8BD4C2AFEF3ED90DBD4472F29083F&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=ARB&n=577272#eg1QqnTyuHk7IXp1> (дата обращения: 24.08.2023);
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21–6695/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=E038E71E834E472ECD112C009C9518&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=RAPS013&n=238109#UMFQqnTuzN97Wjzy> (дата обращения: 24.08.2023);
8. Решение Чертановского районного суда г. Москвы от 22.01.2018 по делу № 2–5346/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=pTVQqnTQTsdknWqk1&cacheid=E16268E1568A9722E437429318F2C-C61&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=AOC-N&n=7658586#RoWQqnTCdkHY0fy71> (дата обращения: 24.08.2023);
9. Бычков А.И. Механизм условного депонирования (эскроу) в гражданском обороте // Экономико-правовой бюллетень. 2018. № 11. 160 с.;
10. Калятин В.О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 8. С. 35–48;
11. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. 283 с.;
12. Тюльканов А. Раздел Инстаграм-аккаунта, нажитого в период брака. – ООО «Издательская группа «Закон»: zakon.ru. – 2012–2023. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/18/razdel_instagram-akkaunta_nazhitogo_v_period_braka (дата обращения: 24.08.2023);
13. Щербак Н.В. Идеальная доля в исключительном авторском праве: утопия или реальность? // Вестник гражданского права. 2021. № 5. С. 166–192;
14. Разводящаяся семья блогеров через суд намерена поделить свой аккаунт в Instagram. – Информационное агентство ТАСС: tass.ru. – 2023 – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10169613> (дата обращения: 24.08.2023);
15. Условия использования «Instagram». – Instagram. – 2023 – URL: https://help.instagram.com/581066165581870/?helpref=uf_share (дата обращения: 24.08.2023).

com/581066165581870/?helpref=uf_share (дата обращения: 24.08.2023).

CONTRACTUAL FORMS OF DISPOSAL OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO AN ACCOUNT IN A SOCIAL NETWORK

Fedorov A.M.

Kutafin Moscow State Law University

The purpose of this article is to analyze the possibility of disposition of the exclusive right to a social network account and to search for contractual structures that can mediate this activity. As a result of the work done, the author comes to the conclusion that a social network account, being a composite work (database), is a transferable result of intellectual activity, the rights to which can be transferred under an agreement on the alienation of an exclusive right or under an enterprise sale agreement (in case of the sale of the entire business as a whole). Signing a license agreement seems inappropriate due to the impossibility of reproducing the account, the technical features of transferring access to it, and the possibility of abuse of the right by both the licensor and the licensee. Analyzing the possibility of “partition” of a social network account between its co-authors (right holders), the author of the article comes to the conclusion that an account is not subject to partition and allocation of shares in the right to it. The only solution to the problem is the conclusion of an agreement between the co-owners on the procedure for the implementation of their exclusive right.

Keywords: account, social network, disposition, copyright, exclusive right, co-authorship, family account, partition of the account.

References

1. “Civil Code of the Russian Federation (part one)” dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 05, 1994, No. 32, art. 3301;
2. “Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on June 13, 2023) // “Collected Legislation of the Russian Federation”, December 25, 2006, No. 52 (1 part), art. 5496;
3. “Family Code of the Russian Federation” dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023) // “Collected Legislation of the Russian Federation”, 01.01.1996, No. 1, art. 16;
4. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 “On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, No. 96, 06.05.2019;
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 24, 2018 No. 994-О “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Artemov Sergey Alekseevich and Artemova Irina Vitalievna about the violation of their constitutional rights by paragraph 1 of Article 1240, paragraph 1 of Article 1258, paragraph 7 of Article 1260, Article 1285 of the Civil Code of the Russian Federation and Clause 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation” // ATP “ConsultantPlus”. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=DD4EE96D56FB0FADD63EC7B417551DBD&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=ARB&n=540381#Q3IPqnTa87Q4OfXq> (date of access: 24.08.2023);
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 26, 2019 No. 81-KG19–2 // SPS ConsultantPlus. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=8BC8BD4C2AFEF3ED90DBD4472F29083F&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=ARB&n=577272#eg1QqnTyuHk7IXp1> (date of access: 24.08.2023);
7. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated January 17, 2018 No. 13AP-30540/2017 in case No. А21–6695/2017 // ConsultantPlus ATP. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=q6K5qnTQyNBJ1OgD1&cacheid=E038E71E834E472ECD112C009C9518&mode=splus&rnd=2jNdVA&base=RAPS013&n=238109#UMFQqnTuzN97Wjzy> (date of access: 08/24/2023);

8. Decision of the Chertanovsky District Court of Moscow dated January 22, 2018 in case No. 2–5346/2017 // SPS ConsultantPlus. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=pTVQqnTQTsdknWqk1&cacheid=E16268E-1568A9722E437429318F2CC61&mode=splus&rnd=2jNd-VA&base=AOCN&n=7658586#RoWQqnTCdkHY0fy71> (date of access: 08/24/2023);
9. Bychkov A.I. Escrow mechanism in civil circulation // Economic and legal bulletin. 2018. No. 11. 160 p.;
10. Kalyatin V.O. Problems of determining the system of copyright holders of the results of intellectual activity // IS. Copyright and related rights. 2020. No. 8. P. 35–48;
11. Serebrovsky V.I. Issues of Soviet copyright. M., 1956. 283 p.;
12. Tyulkanov A. Section of the Instagram account acquired during the marriage. – LLC “Publishing Group “Zakon”: zakon.ru. – 2012–2023. -URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/18/razdel_instagram-akkaunta_nazhitogo_v_period_braka (date of access: 24.08.2023);
13. Shcherbak N.V. An ideal share in exclusive copyright: utopia or reality? // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 5. P. 166–192;
14. Divorcing family of bloggers through the court intends to share their Instagram account. – TASS news agency: tass.ru. – 2023 – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10169613> (date of access: 24.08.2023);
15. Terms of use of “Instagram”. – Instagram. – 2023 – URL: https://help.instagram.com/581066165581870/?helpref=uf_share (accessed 08/24/2023).

Антимонопольное регулирование координации экономической деятельности в государствах СНГ: сравнительно-правовой анализ

Швец Лев Викторович,

младший научный сотрудник, лаборатория социально-правовых исследований Юридического института Томского государственного университета
E-mail: levshvetc@gmail.com

В статье проводится анализ действующего правового регулирования такого антимонопольного действия, как координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов в государствах-членах Содружества Независимых Государств. Автор оценивает достоинства и недостатки зарубежного антимонопольного законодательства, в частности, с критической точки зрения рассматривается расширение перечня последствий незаконной координации, приводящей к ограничению конкуренции на товарном рынке. В ряде зарубежных стран, например, в Азербайджане или Украине отсутствует законодательный запрет на координацию экономической деятельности, в связи с чем в статье анализируются институты конкурентного права, отвечающие признакам незаконной координации по аналогии. Автор приводит новую классификацию на три модели государств-членов Содружества Независимых Государств по основанию соотношения регулирования антимонопольных отношений между национальным правом и российским.

Ключевые слова: координация экономической деятельности, антиконкурентные действия, ограничение конкуренции, страны СНГ.

В связи с экономической сущностью незаконной координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов наибольшая регламентация для стран Содружества Независимых Государств содержится в актах Евразийского экономического союза. Государства-члены Евразийского экономического союза более конкретно, в сравнении с Европейским Союзом, определяют понятие координации экономической деятельности в п. 10 ст. 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе) [2]. Указанное определение совпадает с ч. 5 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ [12].

Данное определение содержится во всех нормативных актах в сфере антимонопольного регулирования стран-участниц Евразийского экономического союза (Таблица 1).

Таблица 1. Сведения о содержании легального определения координации экономической деятельности в странах ЕАЭС

Страна ЕАЭС	Норма-понятие координации экономической деятельности
Армения	Статья 6 Закона от 05.12.2000 № ЗР-112 «О защите экономической конкуренции» (введена в 2021 году)
Казахстан	Пункт 5 ст. 169 Предпринимательского кодекса от 29.10.2015 № 375-V ЗРК
Киргизия	Пункт 2–2 ст. 7 Закона от 22.07.2011 № 116 «О конкуренции»
Беларусь	Пункт 4 ст. 20 Закона от 12.12.2013 № 94-3 «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»

С 2018 года по настоящее время ст. 20 «Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов» Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-3 «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [7] полностью идентична ст. 11 Закона о защите конкуренции. В первоначальной редакции белорусского закона в ст. 20 содержались иные негативные последствия заключения антиконкурентных соглашений и незаконной координации хозяйствующими субъектами. Например, ограничение или прекращение производства товара связывались с экономическими и технологическими обстоятельствами. Безусловно, подобные формулировки основывались на положениях Модельного закона «О конкуренции» [1], утвержденного Решением Высшего Евразийского эконо-

мического совета за два месяца до принятия указанного выше белорусского закона. Позже наметилась тенденция на развитие Союзного государства России и Беларуси, что повлекло за собой, в том числе, сближение правового регулирования. Важным итогом в сфере антимонопольного законодательства можно признать Соглашение о единых правилах конкуренции. На основании ст. 21 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» Совет Министров Республики Беларусь 19 января 2023 года утвердил [14] Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о единых правилах конкуренции, подписанное в г. Москве 9 ноября 2022 года. Документ разработан с целью реализации союзной программы о единых правилах конкуренции Союзного государства и направлен на ещё большее сближение антимонопольного законодательства, например, в сфере взаимодействия антимонопольных органов при расследовании совершенных нарушений [15].

В качестве особенности регулирования координации экономической деятельности в странах СНГ можно также выделить законодательство Киргизии, в котором расширен перечень последствий от антиконкурентных действий хозяйствующих субъектов. Так, статья 7 Закона Республики Киргизия от 22.07.2011 № 116 «О конкуренции» [3] указывает следующие последствия, которые не упоминаются в других правовых актах, в том числе, и в российском:

- а) согласование объемов производства с целью искусственного изменения объема предложений;
- б) установление ценовой дискриминации;
- в) необоснованное сокращение или прекращение поставки товаров по необъективным причинам;
- г) установление типовых условий договоров, которые ставят потребителей в невыгодное положение либо ограничивают свободу выбора товаров и хозяйствующих субъектов, производящих эти товары, или предусматривают положения, не относящиеся к предмету договора;
- д) запрещение реализации товаров, производимых конкурентами.

Подобное расширение перечня последствий антиконкурентных действий излишне. Такие последствия являются частными случаями более широких понятий, которые используют в своем законодательстве другие страны-участницы ЕАЭС, в том числе, и Киргизия. Например, запрещение реализации товаров, производимых конкурентами, является одним из способов отказа от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями.

В целом, несмотря на то, что странами-участницами Евразийского экономического союза являются только 5 стран из 10 стран-участниц Содружества Независимых Государств, оставшиеся страны в своем законодательстве используют либо определение координации экономической дея-

тельности из упомянутого ранее п. 10 ст. 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, либо совершенно иной термин (Таблица 2).

Таблица 2. Сведения о понятии координации экономической деятельности и его особенностях в странах СНГ

Страны СНГ, не входящие в ЕАЭС	Норма-понятие координации экономической деятельности	Особенность
Узбекистан	ч. 4 ст. 11 Закона от 6 января 2012 года № ЗРУ-319 «О конкуренции»	Не является координацией, если совокупная доля хозяйствующих субъектов на товарных рынках не превышает тридцати пяти процентов
Азербайджан	Отсутствует	Наиболее близким по признакам понятием является «Недобросовестная предпринимательская деятельность» (ст. 7 Закона «о недобросовестной конкуренции» от 2 июня 1995 года № 1049)
Молдова	ст. 5 Закона «О конкуренции» от 11 июля 2012 года № 183	Координацией признаются согласованные действия, как одна из её форм
Таджикистан	ч. 7 ст. 7 Закона «О защите конкуренции» от 30 мая 2017 года № 1417	Координируемый субъект – только юридическое лицо, координатор может быть ликвидирован по иску антимонопольного органа
Украина	Отсутствует	Наиболее близким понятием являются согласованные действия (ст. 5 Закона «О защите экономической конкуренции» от 11 января 2001 года № 2210-III)

Рассмотрим более подробно те страны СНГ, в которых правовое регулирование координации экономической деятельности отсутствует. В Республике Азербайджан антимонопольное регулирование осуществляется тремя законами:

- а) Закон от 2 июня 1995 года № 1049 «О недобросовестной конкуренции» [4],
- б) Закон от 4 марта 1993 года № 526 «Об антимонопольной деятельности» [5],
- в) Закон от 15 декабря 1998 года № 590-IQ «О естественных монополиях» [6].

Последний закон регулирует только организационные и правовые основы предупреждения, ограничения и пресечения естественных монополий (статья 1 Закона № 590-IQ). К ответственности привлекаются субъекты, которые занимают доминирующее положение на рынке, в связи чем основной акцент будет сделан на Закон № 1049 «О недобросовестной конкуренции» и Закон № 526

«Об антимонопольной деятельности». Ни в одном из указанных законов не выделяют такое антиконкурентное действие, как координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов. В статье 3 Закона № 1049 указывают следующие формы недобросовестной конкуренции в предпринимательской деятельности:

- а) копирование хозяйственной деятельности конкурента;
- б) дискредитация хозяйственной деятельности конкурента;
- в) вмешательство в хозяйственную деятельность конкурента;
- г) недобросовестная предпринимательская деятельность;
- д) недобросовестное деловое поведение;
- е) введение потребителей в заблуждение.

За исключением вмешательства в хозяйственную деятельность и недобросовестной предпринимательской деятельности другие формы антиконкурентного поведения дублируют положения главы 2.1 Закона о защите конкуренции. Под вмешательством в хозяйственную деятельность Закон № 1049 понимает преднамеренное нарушение, срыв и прекращение незаконными средствами деловых отношений конкурента или воздействие незаконными средствами на работников конкурента с целью склонения их к невыполнению своих служебных обязанностей.

Наиболее схожей с понятием координации экономической деятельности является недобросовестная предпринимательская деятельность, так как указанные в статье 7 Закона № 1049 способы ее ведения действительно влекут для контрагента последствия в виде вынужденного ограничения своей автономии в принятии хозяйственных решений. Например, недобросовестная предпринимательская деятельность проявляется в оказании воздействия незаконными средствами на принятие и исполнение хозяйственных решений конкурента с целью получения необоснованного превосходства над ним, в продаже товаров с принудительным дополнительным ассортиментом, в указании в договорах необоснованных односторонних преимуществ, в изъятии товаров из хозяйственного оборота или недопущение их в оборот до даты запланированного повышения цен, или с целью, чтобы вызвать это повышение.

В Законе № 526 азербайджанский законодатель искусственно обозначил, что антиконкурентными соглашениями (в том числе, устными или в форме координации) не будут признаваться действия хозяйствующих субъектов, которые обладают долей на рынке товаров менее 35% (статья 10 «Монополизм, возникающий в результате горизонтальных и вертикальных соглашений субъектов рынка» Закона № 526). Рассмотрение статьи 10 Закона № 526 вызвано тем, что одним из видов соглашений является координация экономической деятельности, исходя из п. 10 ст. 2 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции [2]. Считаем, что указанное основание для освобождения от от-

ветственности излишнее, не обеспечивающее действительно эффективного реагирования государства на антиконкурентные действия хозяйствующих субъектов, доля которых на рынке ниже 35%. То есть лицо, обладающее даже ¼ рынка, может координировать действия других хозяйствующих субъектов без риска быть привлеченным к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Украинское антимонопольное законодательство находится в активной стадии реформирования с 2019 года, с момента подписания Соглашения об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны [13]. Действующее антиконкурентное регулирование в Украине осуществляется Законом от 11 января 2001 года № 2210-III «О защите экономической конкуренции» [8], Законом от 18 февраля 1992 года № 2132-XII «Об ограничении недобросовестной конкуренции в предпринимательской деятельности» [9], Законом от 26 сентября 1993 года № 3659-XII «Об Антимонопольной комитете Украины» [10]. При этом, ни в одном из указанных законов не содержится определения координации экономической деятельности, более того, Закон Украины № 2210-III вовсе не выделяет понятие соглашений, а описывает только категорию согласованных действий. Понятие «согласованных действий» содержится как в Законе № 2210-III, так и в разъяснениях Антимонопольного комитета Украины (например, Распоряжение № 27-р от 12.02.2002 [11]). В соответствии со статьей 5 Закона № 2210-III согласованными действиями являются заключение субъектами хозяйствования сделок в любой форме, принятие объединенных решений в любой форме, а также любое другое согласованное конкурентное поведение (деятельность, бездействие). Исходя из указанного определения можно сделать вывод, что в понятие согласованных действий входят соглашения, односторонние действия, молчаливое согласование и т.д. Таким образом, в украинском законодательстве координация экономической деятельности является согласованным действием, которое является антиконкурентным, если приводит или может привести к следующим последствиям¹ (открытый перечень):

- а) искажение результатов торгов, аукционов, конкурсов, тендеров;
- б) устранение с рынка или ограничение доступа на рынок, выход с рынка других субъектов хозяйствования, покупателей, продавцов;
- в) заключение сделок при условии принятия другими субъектами хозяйствования дополнительных обязательств, которые по своему содержанию или в соответствии с торговыми и другими честными обычаями в предпринимательской деятельности не касаются предмета этих соглашений;

¹ Указаны только последствия, иные, чем в статье 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»

г) существенное ограничение конкурентоспособности других субъектов хозяйствования на рынке без объективно оправданных на то причин.

Безусловно, расширение перечня последствий антиконкурентных согласованных действий связано с отсутствием выделения отдельных видов антиконкурентных нарушений, поэтому украинский законодатель попытался максимально подробно указать случаи ограничения конкуренции. В статье 5 Закона № 2210-III также косвенно упоминается антиконкурентный характер координации экономической деятельности в случае создания путем объединения активов нового хозяйственного субъекта.

В заключении необходимо сделать вывод, что страны СНГ можно классифицировать на три модели правового регулирования незаконной координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов:

а) точное дублирование положений наднациональных актов или положений российского антимонопольного права в национальном законодательстве (Армения, Казахстан, Киргизия, Беларусь);

б) дублирование положение наднациональных актов или положений российского антимонопольного права с добавлением особенностей национального регулирования (Таджикистан, Молдова, Узбекистан);

в) отсутствие специального регулирования координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов в национальном законодательстве (Азербайджан, Украина).

Литература

1. О Модельном законе «О конкуренции» / Решение Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 г. – № 50 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499059053> (Дата обращения: 15.03.2023)
2. Протокол об общих принципах и правилах конкуренции [приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе, ратифицированному Федеральным законом от 03.10.2014 № 279-ФЗ] // СЗ РФ. 06.10.2014. – № 40 (часть I). – Ст. 5310.
3. Закон Республики Киргизия от 22.07.2011 № 116 «О конкуренции» // Портал Министерства юстиции Республики Киргизия. [Электронный доступ]. – URL: <https://clck.ru/33KXZu> (Дата обращения: 05.04.2023)
4. Закон Азербайджанской Республики от 2 июня 1995 года № 1049 «О недобросовестной конкуренции» // [Электронный доступ]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30592530 (Дата обращения: 05.04.2023)
5. Закон Азербайджанской Республики от 4 марта 1993 года № 526 «Об антимонопольной деятельности» // [Электронный доступ]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30592460 (Дата обращения: 05.04.2023)
6. Закон Азербайджанской Республики от 15 декабря 1998 года № 590-IQ «О естественных монополиях» // [Электронный доступ]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2743 (Дата обращения: 05.04.2023)
7. Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300094> (Дата обращения: 15.03.2023)
8. Закон Украины от 11 января 2001 года № 2210-III «О защите экономической конкуренции» // [Электронный доступ]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=10253 (Дата обращения: 23.03.2023)
9. Закон Украины от 18 февраля 1992 года № 2132-XII «Об ограничении недобросовестной конкуренции в предпринимательской деятельности» // [Электронный доступ]. – URL: <http://consultant.parus.ua/?doc=001TICFC06> (Дата обращения: 23.03.2023)
10. Закон Украины от 26 сентября 1993 № 3659-XII «Об Антимонопольной комитете Украины» // [Электронный доступ]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=10601. (Дата обращения: 23.03.2023)
11. Об утверждении Положения о порядке предоставления заявлений в органы Антимонопольного комитета Украины о предоставлении разрешения на согласованные действия субъектов хозяйствования на согласованные действия субъектов хозяйствования: распоряжение Антимонопольного комитета Украины от 12.02.2022 № 27-р // [Электронный доступ]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=10419 (Дата обращения: 20.03.2023)
12. О защите конкуренции: федер. закон от 2 июля 2006 г. № 135-ФЗ: (ред. от 29 дек. 2022 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2023. – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
13. Горбатенко А. Новые правила антимонопольного регулирования // Правовой Альянс. – 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legalalliance.com.ua/rus/novosti/novye-pravila-antimonopolnogo-regulirovania/> (Дата обращения: 14.04.2023)
14. Сизов Ю.В. Минск утверждено соглашение с Россией о единых правилах конкуренции // ФГБУ «Редакция «Российской газеты». – 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/01/19/v-minske-utverzhdeno-soglashenie-s-rossiej-o-edinyh-pravilah-konkurencii.html> (Дата обращения: 10.03.2023)
15. Утверждено соглашение между правительствами Беларуси и России о единых правилах конкуренции // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный доступ]. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti->

ANTIMONOPOLY REGULATION OF THE COORDINATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE CIS COUNTRIES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Shvets L.V.

Tomsk State University

The article analyzes the current legal regulation of such antimonopoly actions as coordination of economic activities of economic entities in the member states of the Commonwealth of Independent States. The author assesses the advantages and disadvantages of foreign antimonopoly legislation, in particular, from a critical point of view, an expansion of the list of consequences of illegal coordination leading to a restriction of competition in the commodity market is being considered. In a number of foreign countries, for example, in Azerbaijan or Ukraine there is no legislative ban on the coordination of economic activities, in connection with which the article analyzes the institutions of competition law that meet the signs of illegal coordination by analogy. The author cites a new classification into three models of member states of the Commonwealth of Independent States on the basis of the relationship between the regulation of antitrust relations between national law and Russian.

Keywords: coordination of economic activity, anticompetitive actions, restriction of competition, CIS countries.

References

1. On the Model Law "On Competition" / Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated October 24, 2013 – No. 50 [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499059053> (Date of access: 03/15/2023)
2. Protocol on General Principles and Rules of Competition [Appendix No. 19 to the Treaty on the Eurasian Economic Union, ratified by Federal Law No. 279-FZ of 03.10.2014] // SZ RF. 10/06/2014. – No. 40 (part I). – Art. 5310.
3. Law of the Republic of Kyrgyzstan dated July 22, 2011 No. 116 "On Competition" // Portal of the Ministry of Justice of the Republic of Kyrgyzstan. [Electronic access]. – URL: <https://clck.ru/33KXZu> (Date of access: 04/05/2023)
4. Law of the Republic of Azerbaijan dated June 2, 1995 No. 1049 "On unfair competition" // [Electronic access]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30592530 (Date of access: 04/05/2023)
5. Law of the Republic of Azerbaijan dated March 4, 1993 No. 526 "On antimonopoly activity" // [Electronic access]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30592460 (Date of access: 04/05/2023)
6. Law of the Republic of Azerbaijan dated December 15, 1998 No. 590-IQ "On natural monopolies" // [Electronic access]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2743 (Date of access: 04/05/2023)
7. Law of the Republic of Belarus dated December 12, 2013 No. 94-3 "On counteracting monopolistic activity and the development of competition" // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300094> (Date of access: 03/15/2023)
8. Law of Ukraine dated January 11, 2001 No. 2210-III "On the protection of economic competition" // [Electronic access]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=10253 (Accessed: 23:03.2023)
9. Law of Ukraine dated February 18, 1992 No. 2132-XII "On the restriction of unfair competition in entrepreneurial activity" // [Electronic access]. – URL: <http://consultant.parus.ua/?doc=001TICFC06> (Accessed: 23:03.2023)
10. Law of Ukraine dated September 26, 1993 No. 3659-XII "On the Antimonopoly Committee of Ukraine" // [Electronic access]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=10601. (Accessed: 23:03.2023)
11. On approval of the Regulations on the procedure for submitting applications to the bodies of the Antimonopoly Committee of Ukraine on granting permission for concerted actions of business entities: Order of the Antimonopoly Committee of Ukraine dated February 12, 2022 No. 27-r // [Electronic access]. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=10419 (Date of access: 03/20/2023)
12. On the protection of competition: Feder. Law of July 2, 2006 No. 135-FZ: (as amended on December 29, 2022) // ConsultantPlus: Ref. legal system. – Prof. version. – M., 2023. – Access mode: local network Nauch. b-ki Tom. state university
13. Gorbatenko A. New rules of antimonopoly regulation // Legal Alliance. – 2019. [Electronic resource]. – URL: <https://www.legalalliance.com.ua/rus/novosti/novye-pravila-antimonopolnogo-regulirovania/> (Date of access: 14.04.2023)
14. Sizov Yu.V. Minsk approved an agreement with Russia on uniform rules of competition // FGBU "Editorial office of Rossiyskaya Gazeta". – 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2023/01/19/v-minske-utverzhdeno-soglashenie-s-rossiej-o-edyinyh-pravilah-konkurencii.html> (Date of access: 03/10/2023)
15. An agreement between the governments of Belarus and Russia on uniform competition rules was approved // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. [Electronic access]. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/january/72872/> (Accessed 02.02.2023)

Правовая природа и особенности корпоративного договора с участием третьего лица

Эшпулатов Тимур Авазович,

магистр факультета права, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: eshpulatov99@mail.ru

В статье поднимаются вопросы о правовой природе корпоративного договора с участием третьего лица, допустимости наименования такого договора корпоративным. Автор приходит к выводу о тождественности содержания корпоративного договора между участниками хозяйственного общества и корпоративного договора между участниками и третьими лицами, что, по мнению автора, позволяет именовать подобное соглашение с участием третьих лиц корпоративным договором. Также автором анализируются правовые характеристики подобного соглашения, выделяются три ключевых признака: субъектный состав, который состоит, как минимум, из одного участника хозяйственного общества и одного третьего лица, цель участия в подобном договоре третьего лица – обеспечение своих законных интересов, и влияние через подобный договор третьего лица на формирование воли участника общества.

Ключевые слова: корпоративный договор, корпоративный договор с участием третьего лица, корпоративное соглашение, участники хозяйственного общества.

Не так давно в российском корпоративном праве появилась правовая конструкция, позволяющая третьим лицам быть участниками корпоративного договора. Законодательно это закреплено в пункте 9 статьи 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ). Однако с введением этой нормы в доктрине корпоративного права распространены дискуссии: является ли подобный договор корпоративным? Какие особенности конструкции корпоративного договора с «не-участниками» имеет по отношению к корпоративному договору между исключительно участниками хозяйственных обществ? В рамках этой статьи автором будет исследован вопрос о правовой природе корпоративного договора, стороной которого является третье лицо, а также будут выработаны правовые характеристики подобного договора.

Анализируя поставленные вопросы, прежде всего стоит обратиться к содержанию нормы пункта 9 статьи 67.2 ГК РФ. Данная статья называет следующие характеристики корпоративного договора с участием третьих лиц. Во-первых, «третьи лица могут заключать договор с участниками хозяйственного общества», то есть одной из сторон такого договора в обязательном порядке должен быть участник хозяйственного общества. Во-вторых, «последние в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких третьих лиц обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления», иными словами – предметом подобного соглашения является реализация некоторых из корпоративных прав определенным образом. В-третьих, «к этому договору соответственно применяются правила о корпоративном договоре». Соответственно, в законодательстве подобное соглашение участника хозяйственного общества и третьего лица не называется корпоративным, а лишь приравнивается к нему. Насколько это оправдано, и действительно ли соглашение между участником общества и, например, кредитором относительно корпоративных прав участника не может именоваться корпоративным договором?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к легальному понятию корпоративного договора. Согласно пункту 3 статьи 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» корпоративный договор – это договор об осуществлении прав участников общества, по которому они обязуются осуществлять определенным образом свои права и (или) воздерживаться (отказываться) от осуществления указанных прав, в том числе голосо-

вать определенным образом на общем собрании участников общества, согласовывать вариант голосования с другими участниками, продавать долю или часть доли по определенной данным договором цене и (или) при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться (отказываться) от отчуждения доли или части доли до наступления определенных обстоятельств, а также осуществлять согласованно иные действия, связанные с управлением обществом, с созданием, деятельностью, реорганизацией и ликвидацией общества. В доктрине выработано более лаконичное определение корпоративного договора. Так, по мнению Ситдиковой Л.Б. и Стародумовой С.Ю. под корпоративным договором следует понимать «договор, заключаемый участниками (или некоторыми участниками между собой) хозяйственного общества об осуществлении корпоративных прав определенным образом» [6]. Иными словами, предметом классического корпоративного договора является реализация определенных корпоративных прав определенным образом, а субъектный состав включает в себя участников хозяйственного общества.

Соответственно, по мнению автора, правовая природа и содержание классического корпоративного договора и аналогичного договора, но с третьим лицом абсолютно идентичны. Подход некоторых ученых, с точки зрения которых эти соглашения не допустимо отождествлять общим названием «корпоративный», а также подход, в рамках которого корпоративный договор с участием третьих лиц «квазикорпоративным» (такой подход отражен, например, в работе Кокорева С.В. [3]), по мнению автора, не имеет какого-либо серьезного правового обоснования.

Еще раз обращая внимания на законодательное и доктринальное определение корпоративного договора, можно сформулировать существо такого соглашения – это прежде всего определение посредством него порядка реализации прав участников хозяйственного общества, что в полной мере соответствует и предмету корпоративного договора, стороной которого является третье лицо. Соответственно, не имеет какого-либо обоснования разделение данных конструкций лишь по субъектному признаку. Подобную точку зрения поддерживает, например, Осипенко О.В. [5, с. 452]. Суханов Е.А. также называет подобный договор корпоративным (в то же время критикуя российскую правовую конструкцию корпоративного договора в целом) [7].

Итак, по мнению автора, договор с участием третьего лица, предметом которого выступает реализация корпоративных прав определенным образом можно именовать корпоративным договором, поскольку правовая природа, а главное предмет и содержание подобных договоров едины.

Схожий подход прослеживается и в правоприменительной практике. Так, в Обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020, указано: «заключен-

ный банком и мажоритарным акционером должника по правилам п. 9 ст. 67.2 ГК РФ корпоративный договор» [8], в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.03.2022 № Ф04–7656/2021 по делу № А27–43/2021 также указано: «банк (кредитор) и общество «Сибуголь» (владелец доли) заключили договор об осуществлении прав участника общества «Сибэнергоуголь» на основании пунктов 1, 9 статьи 67.2 ГК РФ (далее – корпоративный договор)» [9]. Таким образом, в правоприменительной практике также не разделяются данные правовые конструкции, суды не видят каких-либо предпосылок или причин для этого, поскольку для обоих соглашений применяется единое регулирование, содержание также совпадает.

Далее обратимся уже к правовым особенностям корпоративного договора с участием третьих лиц по отношению к конструкции корпоративного договора в целом.

Прежде всего, в качестве такой особенности необходимо указать субъектный состав соглашения – стороной подобного договора является третье лицо. При чем, российское законодательство не содержит каких-либо ограничений относительно принадлежности данного третьего лица к хозяйственному обществу. Это может быть как кредитор компании, так и в целом любое иное лицо, имеющее законный интерес (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ). Как отмечает Осипенко О.В., на практике стороной-третьим лицом подобного договора чаще всего оказываются кредитные организации, заинтересованные в высоком уровне гарантий обеспечения своих финансовых интересов [5, с. 453]. Во многом, такой подход допуска к управлению хозяйственным обществом фактически любых лиц критикуется учеными. В частности, высказывались идеи об ограничении круга субъектов: кредиторами, исключительно «мажоритарными» кредиторами, резидентами. По мнению автора, данный дискуссионный вопрос тесно связан с одним из ключевых вопросов корпоративного права – баланса частного и публичного. Представляется, что с учетом распространения на подобное соглашение нормы об обязательности сообщения о факте существования корпоративного договора другим участникам общества, императивно сужать круг третьих лиц не требуется. Участники вправе самостоятельно определять риски таких соглашений для своего общества.

Также в качестве особенности корпоративного договора с участием третьих лиц стоит назвать цель участия в подобном соглашении третьего лица – обеспечение охраняемого законом интереса таких третьих лиц. Иными словами, мотив участия третьего лица в таком соглашении должен быть законным. По существу, данная формулировка является «дублиром» статьи 10 Гражданского кодекса РФ, устанавливающий запрет на действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Данная характеристика не в полной

мере является отличительной чертой этого соглашения по сравнению с классическим корпоративным договором, где обе стороны также имеют интерес в обеспечении своих интересов. Отличительной же чертой в данном случае является возможность защиты интересов третьего лица путем влияния «изнутри».

В качестве еще одной отличительной характеристики подобного соглашения стоит признать влияние третьего лица на формирование воли участника общества. Участник хозяйственного общества свободен в реализации своих корпоративных прав, за исключением двух изъятий: в части обязанности участника не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда обществу и в части обязанности участника не совершать действия, которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создано общество (п. 4 ст. 65 ГК РФ). Как указывает Маркелова А.А., «если участник не нарушает перечисленные обязанности, то участник свободен в отношении мотивов формирования своей воли на принятие того или иного решения – голосует ли он по указанию своей жены, друга, кредитора либо кого-то еще» [4]. По нашему мнению, с этой точки зрения стоит согласиться. Любое решение субъекта права и, в частности, участника хозяйственного общества всегда субъективно. На его принятие влияет множество факторов: от личных взаимоотношений с другими участниками до финансового положения в момент принятия решения. В связи с этим, не имеет существенного значения, какие именно факторы, его личные или третьего лица, будут влиять на формирование воли.

Итак, проанализировав существо и отличительные признаки корпоративного договора с участием третьих лиц, можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, по мнению автора, определение соглашения третьего лица с участником хозяйственного общества, содержанием которого является осуществление корпоративных прав определенным образом, в качестве корпоративного договора является корректным. В подтверждение этого тезиса автором был проведен анализ существа корпоративного договора, а также приведены позиция Осипенко О.В. и Суханова Е.А. и правоприменительные подходы. Во-вторых, можно выделить три ключевые характеристики корпоративного договора с участием третьего лица: субъектный состав соглашения, цель участия в подобном соглашении третьего лица – обеспечение охраняемого законом интереса таких третьих лиц, а также влияние третьего лица на формирование воли участника общества.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. в ред. от 03 августа 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 года в ред. от 23 апреля 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Кокорев С.В. Квазикорпоративный договор как правовой инструмент регулирования корпоративных правоотношений // Право и экономика. 2018. № 7.
4. Маркелова А.А. Проблемы участия третьих лиц в корпоративном договоре // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4 (94).
5. Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: монография. Москва: Статут, 2022. 758 с.
6. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. О месте корпоративного договора в системе гражданско-правовых договоров // Конкурентное право. 2022. № 2. С. 27–32.
7. Суханов Е.А. Речь на конференции Объединения корпоративных юристов России (ОКЮР) на тему «Перезагрузка» корпоративных отношений в контексте реформы ГК» URL: https://www.rcca.com.ru/press/pravo_ru_30-09-2014.shtml [дата обращения: 15.08.2023]
8. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020)
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.03.2022 № Ф04-7656/2021 по делу № А27-43/2021

LEGAL NATURE AND FEATURES OF A CORPORATE AGREEMENT WITH THE PARTICIPATION OF A THIRD PARTY

Eshpulatov T.A.

National Research University "Higher School of Economics"

The article raises questions about the legal nature of a corporate contract with the participation of a third party, the admissibility of naming such a contract corporate. The author comes to the conclusion about the identity of the content of the corporate agreement between the participants of the business company and the corporate agreement between the participants and third parties, which, in the author's opinion, allows us to call such an agreement with the participation of third parties a corporate agreement. The author also analyzes the legal characteristics of such an agreement, identifies three key features: the subject composition, which consists of at least one participant in a business company and one third party, the purpose of participation in such a contract of a third party is to ensure their legitimate interests, and the influence through such a contract of a third party on the formation of the will of a participant in the company.

Keywords: corporate agreement, corporate agreement with the participation of a third party, corporate agreement, members of a business company

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, as amended. dated August 03, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. St. 3301.
2. Federal Law "On Limited Liability Companies" dated February 08, 1998 as amended. dated April 23, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. St. 785.

3. Kokorev S.V. Quasi-corporate contract as a legal instrument for regulating corporate legal relations // Law and Economics. 2018. № 7.
4. Markelova A.A. Problems of participation of third parties in a corporate contract // Russian law: education, practice, science. 2016. № 4 (94).
5. Osipenko O.V. Corporate conflictology: monograph. Moscow: Statute, 2022. 758 p.
6. Sitdikova L.B., Starodumova S. Yu. On the place of a corporate contract in the system of civil contracts // Competition law. 2022. № 2. pp.27–32.
7. Sukhanov E.A. Speech at the conference of the Association of Corporate Lawyers of Russia (OKUR) on the topic “Reset” of corporate relations in the context of the reform of the Civil Code” URL: https://www.rcca.com.ru/press/pravo_ru_30-09-2014.shtml [date of application: 15.08.2023]
8. Review of judicial practice of dispute resolution related to the establishment in bankruptcy proceedings of the claims of controlling debtor and affiliated persons (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.01.2020)
9. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 09.03.2022 № F04–7656/2021 in case № A27–43/2021

Критерии отнесения косметических услуг к лицензируемым видам деятельности

Юхтанова Анастасия Сергеевна,

магистрант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: yuhtanova25@mail.ru

В настоящее время косметологические процедуры, относящиеся к лицензируемым видам медицинской деятельности, не разграничены как от отдельных видов медицинских услуг, относящихся к иным профилям, так и от косметических услуг, являющихся бытовыми и неподлежащими лицензированию. В связи с указанным возникает практическая проблема нарушения предпринимателями требований законодательства в отношении лицензируемых видов косметологических услуг, в частности, несоблюдение лицензионных требований применительно к образованию специалиста, организации помещения и т.п.

Цель состоит в аргументировании предложений по усовершенствованию регулирования порядка лицензирования медицинской деятельности в сфере косметологии, выработке критериев разграничения косметологических и иных видов услуг. В результате проведенного исследования выявлены критерии косметологической услуги, предложено закрепить их в приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 18.04.2012 № 381н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология», а также изменить определение медицинской услуги в ст. 2 Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: косметологическая услуга, лицензирование, медицинская деятельность, медицинские изделия, косметическая услуга, охрана здоровья граждан, инъекционная косметология, медицинская услуга.

Лицензирование медицинской деятельности является механизмом контроля со стороны государства за деятельностью организаций, осуществляющих предоставление косметологических услуг.

Косметологические услуги – это такие услуги, которые непосредственно связаны с медициной и требуют проведения мероприятий лечебной, диагностической и реабилитационной направленности с целью сохранить и восстановить кожные покровы, мышцы, а также иные ткани. Кроме того, представляется необходимым отметить следующее: такие услуги требуют наличия соответствующей лицензии, что подтверждается анализом постановления Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 года № 852 [3].

В ходе анализа Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323 приходим к следующим выводам [13]. Услуга, сопряженная с предоставлением медицинской помощи, включает в себя как единичное медицинское вмешательство, так и совокупность таких вмешательств, которые направлены на реализацию следующих задач: диагностировать заболевание, вылечить его, провести профилактические мероприятия или же организовать медицинскую реабилитацию. Кроме того, такие услуги обладают самостоятельным законченным значением. Анализируя указанное, сложно представить, что косметологические процедуры относятся к медицинским, поскольку лишь немногие из них направлены на профилактику лечения отдельных видов заболеваний кожи. Лечение заболеваний кожи занимаются дерматологи, а профиль лицензируемого вида деятельности определяется как «дерматовенерология».

Данный вопрос является дискуссионным и среди ученых, которые придерживаются двух противоположных точек зрения. Например, А.А. Сироткина высказывает точку зрения, согласно которой деятельность, предполагающая предоставления услуг медицинской направленности, исключает из себя косметологическую сферу при условии, что здоровье клиента не улучшается после предоставления услуги [12, с. 39]. Другой исследователь, Д.Г. Набиджанова, полагает, что если в ходе косметологической процедуры нарушается целостный характер организма человека, или же косметолог вмешивается в биологические процессы, сопряженные с функционированием организма, то такие услуги являются медицинскими [1, с. 45].

Вместе с тем многие подзаконные акты относят косметологию к медицинской деятельности, и закрепляют отдельные положения, регулирующие порядок, в соответствии с которым косметолог оказывается лицензируемые услуги.

Так, например, «косметология» объединена с дерматовенерологией под номером «008», что указано в пункте 5.2 первого раздела приказа Минздрава РФ от 13 октября 2017 года № 804н [9].

Несмотря на объединение дерматовенерологии и косметологии по признаку воздействия оказываемых медицинских услуг на кожный покров пациента, они представляют собой разные медицинские профили с отличающимися степенью и механизмом воздействия, что подтверждается анализом приказа Минздрава РФ от 18 апреля 2012 года № 381н [8].

Примечательно, что на правоприменительном уровне предоставление косметологических услуг не связано с оказанием медицинских услуг, так как указанная дефиниция отсутствует в нормативно-правовых актах. Иначе говоря, остается не вполне ясным, нужно ли индивидуальным предпринимателям или юридическим лицам получать лицензию на предоставление услуг, связанных с косметологической сферой.

Анализ судебной практики позволяет утверждать, что при предоставлении косметологических услуг необходимо получение соответствующей лицензии. Такое мнение основано на формальном критерии, а именно: суды, принимая то или иное решение, обращают внимание на номенклатуру медицинских услуг, содержащуюся в положениях приказа Минздрава РФ от 13 октября 2017 года № 804н. Номенклатура – совокупность кодов и названий медицинских услуг, которая была систематизирована соответствующим образом. Примечательно, что услуги, имеющие непосредственное отношение к косметологии, не определены в номенклатуре в качестве таковых.

В положениях приказа Минздрава РФ от 13 октября 2017 года № 804н указано, что дарсонвализация, массаж, конкурная пластика лица, а также лечение, предполагающее лучевое воздействие, представляют собой медицинские услуги, имеющие непосредственное отношение к косметологической сфере. Иначе говоря, косметологическими являются следующие виды услуг: воздействие на органы и ткани пациента с помощью электромагнитного излучения, лечение с применением простых воздействий физической направленности.

С одной стороны, данные типы медицинских услуг определяют возможные процедуры в общем виде, поскольку, например, мануальная терапия относится к профилю с аналогичным названием, а отдельные виды массажа к профилю медицинский массаж, тогда к какому профилю относить массаж лица к медицинскому массажу или косметологии. На этот вопрос не могут ответить и суды, давая общие формулировки: массаж лица, шеи, рук, волосистой части головы относится к простым медицинским услугам и медицинским услугам класса «А», и относится к типу услуг: медицинский массаж, косметология [5].

С другой стороны, данные типы медицинских услуг конкретизированы, поскольку определяют отдельную процедуру, а не ее признаки или ха-

рактеристики. В случаях, когда отнесение той или иной услуги к медицинской исходя из прямого указания закона очевидно, как у правоприменителя, так и у предпринимателей недопонимание не возникает. Однако если такое закрепление отсутствует или из нормы законодательства прямо не следует отнесение косметологической процедуры к медицинской услуге возникает закономерный вопрос, как определить подлежит ли такая деятельность лицензированию. Сложность с определением профиля медицинских услуг, относящихся к смежным, также затрудняет их регулирование, поскольку для каждого профиля предусмотрены индивидуальные требования, регулирующие оказание медицинских услуг.

В связи с наличием указанной проблемы выявим признаки косметологических услуг, содержащиеся в нормативно-правовых актах, и подходы судов к выявлению видов косметологических услуг, подлежащих лицензированию.

Характеризуя предпринимательскую деятельность в индустрии красоты, необходимо отметить, что различают косметические и косметологические процедуры. Их основное различие состоит в том, что косметические процедуры носят бытовой характер, а косметологические – медицинский. Однако в большинстве случаев разграничить их сложно, в связи с чем нередки случаи нарушения требований закона, связанные с отсутствием лицензии. В ряде случаев действительно наличествует вина в форме неосторожности, поскольку лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность и оказывающие услуги эстетического характера, не предполагали отнесение их к лицензируемым медицинским услугам.

Легальное определение косметических и косметологических услуг отсутствует, их разграничение осуществляется по общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2) ОК 034–2014 (КПЕС 2008) и приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 13.10.2017 № 804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» соответственно. Указанные акты посредством перечисления отдельных видов услуг позволяли определить подлежит ли предпринимательская деятельность по предоставлению «услуг красоты» лицензированию.

Так, в соответствии с ОКПД2: 96.02.1 к косметическим услугам относятся: услуги, связанные с уходом за лицом и за внешностью, включая косметические услуги; услуги по гигиеническому массажу лица и шеи, включая эстетический, стимулирующий, дренажный, аппаратный массаж, СПА-массаж; услуги по косметическому комплексному уходу за кожей лица и шеи; услуги, связанные с личной гигиеной, уходом за телом, удалением волос (депиляцией); услуги, связанные с применением ультрафиолетовых и инфракрасных лучей и т.д. [2].

Вышеуказанные косметические услуги в большей степени пересекаются с косметологическими процедурами, это вызывает затруднения у вла-

дельцев салонов красоты в части их разграничения и влечет многочисленные нарушения, связанные с тем, что косметическая услуга при наличии определенных факторов может стать косметологической.

Можно выделить следующие признаки косметической услуги: отсутствие лекарственных средств и медицинских изделий, используемых при оказании услуги, отсутствие повреждения кожных покровов.

Следовательно, косметологическая услуга, напротив, обладает указанными признаками, что подтверждается релевантной судебной практикой.

1. Использование специализированного аппарата и медицинского изделия в процессе предоставления косметологической услуги.

Факт использования специализированных аппаратов анализируется судами в большинстве случаев не только с точки зрения их формального отношения к медицинским изделиям, но и функционального назначения. Именно функциональное назначение аппарата в отсутствие подтверждающих сертификатов позволяет сделать вывод о его медицинском назначении и оказании медицинской услуги.

Так, при рассмотрении кассационной жалобы индивидуального предпринимателя о нарушении его прав в результате привлечения к административной ответственности за оказание услуг лазерной эпиляции без лицензии судами было установлено следующее [4]. Услуги лазерной эпиляции предоставлялись клиентам с использованием аппарата лазерной эпиляции. Указанный аппарат, как утверждал предприниматель, не являлся медицинским изделием, поэтому и не зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения. Однако в добровольном сертификате соответствия было указан код ОК 26.11.22.130 [2], что подтверждает принадлежность спорного аппарата к диодным лазерным (полупроводниковым лазерным) аппаратам.

Именно данное обстоятельство стало основным доказательством необходимости получения лицензии на оказание услуги по лазерной эпиляции. Несмотря на закрепление в ОКПД2: 96.02.1 права без лицензии осуществлять бытовые услуги, связанные с применением ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, использование аппаратов, являющихся по своему функциональному назначению медицинским изделием, приводит к тому, что такая услуга квалифицируется как косметологическая. В номенклатуре медицинских услуг содержится такой тип медицинской услуги как «проведение эпиляции», код А14.01.013. При этом данный вид работ (услуг) находится в разделе 14 – уход за больными или отдельными анатомо-физиологическими элементами организма, что не соответствует назначению услуг по проведению эпиляции, представляющей собой косметологическую процедуру по удалению волос, основанное на разрушении волосяных фолликулов.

Схожие доводы были учтены судом в рамках постановления Арбитражного суда Западно-

Сибирского округа от 01.02.2022 по делу № А03–9499/2021: использование лазерного оборудования, наличие в перечне номенклатуры медицинских услуг проведение эпиляции (код А14.01.013) без подразделения по методам, наличие ГОСТа 31581–2012, содержащего специальные требования к предоставлению услуг с использованием лазерных аппаратов [6]. Индивидуальный предприниматель в свою очередь считал, что указанная услуга относится к услугам по СПА-уходу и не подлежит лицензированию.

Следовательно, для квалификации услуг, предоставляемых салонами красоты, как косметологических требуется наличие типа указанной услуги в номенклатуре медицинских услуг, а также использование аппарата, которое по своему функциональному назначению является медицинским изделием или специальные требования по его эксплуатации содержатся в государственных стандартах. Регулирование на основании ГОСТов, определяющих порядок обращения со специализированной техникой, также указывает на необходимость наличия соответствующих навыков у лиц, оказывающих услуги с их помощью. Услуги по профилю «косметология» вправе оказывать лица, имеющие высшее медицинское образование.

2. Использование лекарственных средств при оказании косметологической услуги.

Указанный критерий отмечен Верховным Судом РФ в дела о недействительности некоторых медицинских услуг. В организациях без лицензии можно оказывать услуги по восковой и механической коррекции волосяного покрова, шугарингу немедицинским персоналом. В медицинских организациях могут оказываться услуги по эпиляции с лекарственными средствами и медицинскими изделиями медработниками [11].

Наиболее очевидной процедурой, для осуществления которой требуется лицензия, является инъекционная косметология. Инъекционная косметология включает различные виды косметологических процедур, и заключается в введении препаратов, в том числе лекарственных, с различным ингредиентным составом в кожный покров человека. Основными признаками медицинского характера данной услуги является нарушение целостности кожного покрова, профилактика, диагностика и лечение заболеваний.

При оказании услуг инъекционной косметологии используются препараты, являющиеся по своему назначению лекарственными. Данный критерий также учитывается судами при отнесении предпринимательской деятельности по оказанию косметологических услуг к лицензируемой. В Постановлении Тринадцатого ААС от 10.04.2018 № 13АП-1151/2018 по делу № А56–67892/2017 отмечено, что использование лекарственно препарата «Ботокс», являющегося медицинским иммунобиологическим препаратом, свидетельствует о принадлежности инъекционных косметологических процедур к лицензируемым видам деятельности [7].

Суды отмечают, что подобные услуги по введению лекарственных препаратов в различные части лица также можно отнести к «Контурной пластике лица» (код 16.07.022) [10]. При этом даже изменение формы губ посредством введения лекарственного препарата подпадает под указанный тип медицинской услуги и относится к косметологическим [10].

При анализе судебной практики также выявлено, что суды вместо термина лекарственный препарат в ряде случаев приводят понятие «токсичный препарат», к которым относится и гиалуроновая кислота.

Итак, в организациях, не имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности, могут оказываться косметические услуги, не нарушающие целостность кожного покрова, с использованием парфюмерно-косметических средств немедицинским персоналом, а в медицинских организациях могут оказываться инвазивные процедуры, в том числе эпиляция, конкурная пластика лица, с использованием лекарственных средств и медицинских изделий медицинскими работниками.

С учетом вышеизложенного необходимо изменить определение медицинской услуги, содержащееся в ст. 2 Закона об охране здоровья граждан на следующее: медицинская услуга – это медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, восстановление или качественное изменение структурной целостности и функциональной активности покровных тканей человеческого организма, в том числе в эстетических целях, и имеющих самостоятельное законченное значение. Внесение указанных изменений позволит напрямую отнести косметологические процедуры к медицинским услугам.

Также предлагается закрепить в приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 18.04.2012 № 381н критерии отнесения отдельных видов услуг к профилю «косметология». Такие положения необходимы, поскольку в Номенклатуре медицинских услуг виды процедур, потенциально относящиеся к косметологическому профилю, находятся в разных разделах, что не позволяет с точностью отнести их к косметологическим услугам. Более того, с учетом развития индустрии красоты и появлению новых видов процедур указание лишь на прямо закрепленные в нормативно-правовых актах типы медицинских услуг лишь усугубит сложную ситуацию с разграничением косметических и косметологических процедур.

В связи с данными обстоятельствами предлагается указать следующее: «Косметологические процедуры относятся к медицинским услугам, подлежащим лицензированию по профилю «косметология» при наличии одного или нескольких из указанных обстоятельств:

1. При оказании услуги повреждается кожный покров человеческого организма.

2. При оказании услуги восстанавливается или качественно изменяется структура или функционирование покровных тканей человеческого организма.

3. При оказании услуги используются специализированные аппараты или медицинские изделия.

4. При оказании услуги используются лекарственные средства».

Непосредственное закрепление в нормативно-правовых актах указания на то, что несмотря на отсутствие явно выраженных лечебных функций косметология также является медицинской деятельностью, поскольку методы, аппараты и препараты, используемые для оказания косметологических услуг, влияют на здоровье человека и отражаются на его внешнем виде.

Литература

1. Набиджанова З.К. Правовое регулирование медицинской деятельности на рынке медицинских услуг: дисс. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2014. С. 45.
2. Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2) ОК 034–2014 (КПЕС 2008) (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31.01.2014 № 14-ст).
3. Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»// СЗ РФ. 07.06.2021. № 23. Ст. 4091.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.12.2019 № Ф08–11814/19 по делу № А32–31799/2019.
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.01.2020 № Ф03–6209/2019 по делу № 73–11117/2019
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.02.2022 № Ф04–7852/21 по делу № А03–9499/2021// СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2018 № 13АП-1151/2018 по делу № А56–67892/2017.
8. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 18.04.2012 № 381н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»//Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 17.09.2012. № 38.
9. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 13.10.2017 № 804н

«Об утверждении номенклатуры медицинских услуг»// Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.11.2017. № 0001201711080036.

10. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 31.05.2018 по делу № А82–5945/2018.
11. Решение Верховного Суда РФ от 10.10.2019 № АКПИ19–639 Об отказе в признании частично недействующей номенклатуры медицинских услуг, утв. приказом Министерства здравоохранения РФ от 13.10.2017 № 804н.
12. Сироткина А.А. Договор оказания медицинских услуг: особенности гражданско-правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук:12.00.03. М., 2004. С. 39.
13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

CRITERIA FOR ATTRIBUTING COSMETIC SERVICES TO LICENSED ACTIVITIES

Yukhtanova A.S.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)

At present cosmetology procedures related to the licensed types of medical activities are not distinguished both from certain types of medical services related to other profiles and from cosmetic services, which are household and not subject to licensing. In connection with the abovementioned there is a practical problem of violation by entrepreneurs of the requirements of the legislation in relation to the licensed types of cosmetology services, in particular, non-compliance with licensing requirements in relation to the education of a specialist, organization of premises, etc.

The purpose is to argue proposals to improve the regulation of licensing procedures for medical activities in the field of cosmetology, the development of criteria for distinguishing cosmetology and other types of services.

As a result of the conducted research the criteria of cosmetology service are revealed, it is proposed to fix them in the order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation from 18.04.2012 № 381н “On approval of the Order of medical assistance to the population on the profile of “cosmetology”, as well as to change the concept of medical service in article 2 of the Law from “On the basis of health protection of citizens in the Russian Federation”.

Keywords: cosmetology service, licensing, medical activity, medical service, medical devices, cosmetic services, health protection of citizens, injectable cosmetology.

References

1. Nabidjanova Z.K. Legal regulation of medical activity on the market of medical services: diss. ... Cand. of juridical sciences. Dushanbe, 2014. С. 45.
2. All-Russian Classifier of Products by Types of Economic Activities (OKPD2) ОК 034–2014 (KPES2008) (adopted and put into effect by the order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology from 31.01.2014 № 14-st).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation from 01.06.2021 № 852 “On licensing medical activities (except for these activities carried out by medical organizations and other organizations that are part of the private health care system, on the territory of the innovation center “Skolkovo”) and the invalidation of some acts of the Government of the Russian Federation”// CL RF. 07.06.2021. № 23. Art. 4091.
4. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District from 26.12.2019 № F08–11814/19 on the case № А32–31799/2019.
5. Ruling of the Arbitration Court of the Far Eastern District from 22.01.2020 № F03–6209/2019 on the case № 73–11117/2019.
6. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District from 01.02.2022 № F04–7852/21 on the case № А03–9499/2021.
7. Resolution of the Thirteenth Arbitration Appeal Court from 10.04.2018 № 13AP-1151/2018 on the case № А56–67892/2017.
8. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation from 18.04.2012 № 381н “On Approval of the Procedure for the provision of medical care to the population in the profile of “cosmetology”// Bulletin of normative acts of federal executive authorities. 17.09.2012. № 38.
9. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation from 13.10.2017 № 804н “On approval of the nomenclature of medical services”// Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 08.11.2017. № 0001201711080036.
10. Decision of the Arbitration Court of the Yaroslavl region from 31.05.2018 in case No. А82–5945/2018.
11. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation from 10.10.2019 № АКПИ19–639 On refusal to recognize partially invalid nomenclature of medical services, approved by the order of the Ministry of Health of the Russian Federation from 13.10.2017 № 804н.
12. Sirotkina A.A. Contract of rendering medical services: peculiarities of civil-law regulation: dissertation ... Cand. jurid. sciences:12.00.03. М., 2004. С. 39.
13. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ “On the basis of health protection of citizens in the Russian Federation”// RF NW. 28.11.2011. № 48. Art. 6724.

Ошибка – признак субъективной стороны состава преступлений?

Алекян Жора Сейранович,

руководитель следственного отдела по Автозаводскому району города Тольятти следственного управления следственного комитета Российской Федерации по Самарской области
E-mail: alekyan.g@bk.ru

Субъективная сторона состава преступления издавна является объектом пристального внимания ученых-исследователей, так как одним из ее компонентов является вина, определяемая внутренними психическими процессами в личности деятеля. Однако, традиционно определяя состав признаков субъективной стороны, включая туда такие компоненты, как вина, мотив, цель, эмоции, без внимания остается такой важный психический компонент, как сознание, остается он без оценки, как это ни странно, и при правоприменительной деятельности, между тем, именно сознание продуцирует форму вины и участвует в манипулятивных действиях с элементами объективной стороны состава преступления, и именно в сознании, как в отражательной субстанции преломляются и генерируются факторы реальности, которые определяют его реальное или мнимое положение по отношению к деянию и его результату, а мнимое положение влечет ошибку в различных аспектах события, к совершению которого стремится деятель, такая ошибка отражается на формировании реальности, в том числе уголовно-правовой реальности, влекущей соответствующие юридические последствия. Между тем, до настоящего времени не определены место и роль ошибки в совершении того или иного деяния, в структуре уголовного права и уголовного законодательства, влияние ошибки на формирование состава преступления. Поэтому целью данной статьи является выяснение связи ошибки с субъективной стороной состава преступления, так как включение ошибки в эту конструкцию позволит адекватно оценивать деяние и намерения лица, будет способствовать достижению целей правосудия, восстановлению социальной справедливости, дефрагментации социальной реальности, восстановлению ее целостности, позволит глубже проникнуть во внутренний мир человека, чтобы выявить деформации в нем в нравственной – психической сфере, определить функциональную связь ошибки с другими компонентами субъективной стороны, а также гармонизировать уголовное законодательство на этой основе.

Ключевые слова: субъективная сторона, вина, ошибка, сознание, деятель, отражательная субстанция, внутренний мир.

Поспешность – это подлинный источник ошибок.

Ханс Георг Гадамер, немецкий философ, основатель философской герменевтики

Ход истории определяют мельчайшие, часто нераспознанные ошибки.

Джон Ирвинг, американско-канадский писатель

Уголовное право как наука и как отрасль права (законодательства) сталкивается с вопросами различного порядка и сложности в процессе решения своих задач, то есть при разработке тех или иных теоретических положений, которые впоследствии находят свое воплощение в действующем законодательстве и участвуют в формировании системы уголовного права (Общей и Особенной частей). В частности, когда речь идет об основаниях и отдельных аспектах уголовной ответственности, оценки различных элементов (признаков) состава преступления и каждой и его стороны в отдельности.

Английский мыслитель, философ, педагог, представитель эмпиризма и либерализма Джон Локк утверждал, что «действия людей, лучшие переводчики их мыслей» [14]. С точки зрения принципов материалистической диалектики данное утверждение вполне правомерно, однако проблема всегда заключается в возможностях, пределах и средствах познания той идеальной субъективной реальности, которая возникает в процессе психической отражательной деятельности человека и совокупности иных процессов и которые затем, преломляясь через различные аспекты мировоззрения человека, воплощаются в его поступках в реальность (как утверждал немецкий мыслитель, философ Г. Гегель: «**Все действительное разумно, все разумное действительно**»), то есть «эта универсальная формула Гегеля означает, что, изучив с помощью разума свойства и природу ряда сходных явлений, можно предсказать наличие («действительность») и характер еще неизвестных явлений той же природы» [13].

Речь идет в данном случае не только о психофизиологических процессах, но и личности и взаимодействии ее структурных элементов. Как правильно подчеркивается в литературе: «Многообразие связей личности с обществом в целом с различными социальными группами и институтами определяет индивидуальную структуру личности, организацию личностных свойств и ее внутренний

мир. В свою очередь сформировавшиеся и ставшие устойчивыми образованиями комплексы личностных свойств регулируют объем и меру активности социальных контактов личности, оказывают влияние на образование собственной среды развития» [7, с. 66].

Таким образом, во главе угла при изучении, скажем так, «*regretum mobile*» любого преступления, каковым является субъективная реальность, находится внутренний мир человека, который проявляется через субъективную сторону состава преступления, куда традиционно включают такие элементы, как вина, мотив, цель, эмоции. Ведь именно субъективная сторона в методологическом плане наиболее тесно связана с дискуссией о т.н. личности преступника: «Есть ли хотя бы какое-то рациональное криминологическое зерно в рассуждениях сторонников «личности преступника»? Да, есть. Но оно состоит, по моему мнению, не в поиске свойств и признаков (либо совокупности таковых), характеризующих «личность преступника», а в понимании того, что различные поведенческие формы (в том числе «негативные», отрицательно оцениваемые обществом) по-разному проявляются в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств» [5, с. 90].

Однако исчерпывается ли этими элементами содержание субъективной стороны, если она также является неким гиперболоидом (по аналогии с произведением А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина») таких структурных элементов личности, как сознание и ее внутренний мир?

Сознание в материалистической философии предстает, как отражательная субстанция, в которой происходит трансформация продуктов психической деятельности в соответствующие образы и рационализированные мыслительные идейные конструкции.

Если мы обратимся к одному из существующих понятий внутреннего мира человека, то мы увидим следующее определение: «внутренний мир-сфера индивидуальной жизни человека, включающая в себя эмоции, чувства, аффекты, верования, устремления и содержащая в себе результаты внутреннего и внешнего опыта человека, не подлежащего полной и адекватной передаче другому».[15]

Мы видим, что отдельные компоненты внутреннего мира деятеля входят в субъективную сторону состава преступления, при этом все компоненты внутреннего мира находятся в сложном взаимодействии (иногда не столько в диалектическом, сколько в амбивалентном) и в той или иной степени участвуют в формировании перспективного проекта преступления, носит ли он структурированный и подготовленный или же импульсивный характер.

Причем, в таком же сложном взаимодействии внутренний мир человека (деятеля) находится с отражательной субстанцией, а поскольку такая деятельность связана с оценкой множества факторов, то при формировании избирательной стратегии действий могут быть допущены ошибки,

которые повлияют на окончательный результат интеллектуально-волевого процесса принятия решения и его адекватность (соответствие) действительности.

То, что этот процесс не свободен от ошибок (ошибка является предметом научного и практического интереса автора данной статьи), видно даже на примере речевой (вербальной и письменной, а также суб- и мета-) коммуникации: так, З. Фрейд в одном из своих фундаментальных произведений отмечает, что такие ошибки выражаются в забывании собственных имен, забывании иностранных слов, забывании имен и словосочетаний, в воспоминаниях детства и воспоминаниях, служащих прикрытием, обмолвках, очитках и описках, забывании впечатлений и намерений, забывании впечатлений и знаний, забывании намерений, действиях, совершаемых по ошибке, симптоматических и случайных действиях, ошибках, комбинированных дефектных действиях (З. Фрейд. «Психопатология обыденной жизни») [8].

Как видно из сказанного выше, диапазон различных дефектов психической деятельности весьма широк, и все указанные психолого-психические явления связаны работой компонентов внутреннего мира человека, которые одновременно становятся атрибутивными свойствами мировоззрения личности. Таким образом, ошибка и действие представляют собой единый процессуальный (в плане сочетания рациональной и психической душевной деятельности) комплекс, проецирующий заблуждение личности на результат события.

Концепция З. Фрейда и до настоящего времени подвергается критике. В то же время, она послужила толчком к обширным исследованиям глубин человеческой психики, выдвигению на ее основе других концепций, возникновению различных психотерапевтических школ, в том числе а такой смежной науке для уголовного права, как криминология, им был накоплен богатейший эмпирический материал, в том числе и результаты самонаблюдений. Он формулирует, в частности: «Известные недостатки наших психических функций... и известные непреднамеренные на вид отправления оказываются, будучи подвергнуты психоаналитическому исследованию, вполне мотивированными и детерминированными, причем мотивы их скрыты от сознания» [8, с. 122].

На наш взгляд, исходя из современных представлений, это не означает, сознание отчуждено от причинного комплекса поступка, это означает, оно находится во взаимодействии с тонкими структурами душевной организации на соответствующих стадиях, где оно выполняет многочисленные когнитивные функции (в целом можно определить их, как самопознание). Это подтверждается также следующим тезисом: «Под психической структурой я понимаю порядок, согласно которому в развитой душевной жизни психические факты разного рода закономерно связываются друг с другом посредством внутренне переживаемого отношения. Это отношение может связывать друг с другом части

одного состояния сознания, а также переживания, которые отстоят друг от друга по времени, или же различные виды действия, содержащегося в этих переживаниях» [4, с. 56].

Таким образом, мы видим, что субъективная сторона преступления может быть расширена за счет такого феномена, каковым является ошибка (ранее в одной из наших статей мы предложили новый типологический термин-критерий «ошибка в вине»). Ошибка, как признак субъективной стороны состава преступления, на наш взгляд, является дефектной репродукцией устойчивого мотивационно-юридического комплекса, который структурно (для целей уголовного права) взаимосвязан внутренними связями: мотив-вина-цель (именно в такой последовательности). Дело в том, что именно побудительный динамический фактор формирует все остальные элементы и, как мы писали в указанной статье, ошибка выступает в этом случае мотиватором действия (события, результата), вина выступает связующим элементом между мотивом и целью, хотя и оценивается в правоприменительной практике самостоятельно.

Таким образом, субъективная сторона выступает как некая фрагментарная копия внутреннего мира человека, и эта копия содержит в себе весь значимый контент (как подчеркивается в литературе: «Ошибка лица при совершении им преступления влияет на содержание, форму, степень и объём вины» [10, с. 3] – от авт.-мы считаем, что не только). Для характеристики этой мысли можно привести следующую классификацию мотивов (автор излагает имеющуюся в литературе классификацию), которые отражают взаимосвязанные элементы внутреннего мира, в том числе, сформированные под влиянием соответствующего заблуждения (ошибки):

1. идейные мотивы, связанные с мировоззрением;
2. политические, связанные с позицией личности по отношению к политике как внешней, так и внутренней;
3. нравственные, основанные на нравственных нормах и примерах;
4. эстетические, отражающие потребность в прекрасном (и т.д.).

По источнику возникновения и обусловленности:

1. патриотические;
2. коллективистские;
3. деятельностьные;
4. поощрительные и т.д. [11, с. 38].

Существуют и иные классификации мотивов, в которых анализируются и учитываются различные аспекты их формирования, однако, мы хотим обратить внимание на метафизический смысл ошибки при формировании мотива, так как в формировании мотива участвует мировоззрение, а ни одно мировоззрение не избавлено от неких слабых мест, а философский камень, которые искали средневековые философы-схоласты и алхимики, до сих пор не найден.

Таким образом, не зря законодатель, например в ст. 73 УПК РФ указывает, что обстоятельством, подлежащим доказыванию, является мотив преступления, подчеркивая тем самым, что он имеет первостепенное значение для выяснения содержания субъективной стороны в целом [2], если обратить внимание на диспозиционные конструкции в УК РФ, то можно обнаружить мотив (и его лексические разновидности и эквиваленты) в качестве конструктивных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, и это свидетельствует не только о диалектической связи указанных выше законодательных актов, но и об ориентированности на субъективную сторону состава преступления, чье содержание подлежит выяснению и оценке[1].

То есть и здесь просматривается методологический дискурс законодателя, призванный всесторонне оценить и учесть идеальную субъективную реальность **носителя ошибки и преступления**. Мы находим это методологическое единство и в учебной литературе – так, в пятитомном издании «Полный курс уголовного права» § 8 главы XI «Субъективная сторона преступления» озаглавлен «Субъективная ошибка и ее значение» [6, т. 1, с. 498], тем самым авторы учебного издания сближают в методологическом плане указанные понятия, хотя и не встраивают ошибку в программу субъективной стороны, обозначая лишь интенцию этого.

Следует также согласиться со следующей научной точкой зрения, в которой мы находим подтверждение ранее высказанным нами тезисам: «Всё, что входит в сферу личного сознания, вступает в соотношение с нашим «я», и так как всё в личном сознании благодаря отношению к «я» находится в строгом соответствии и координации, служащей выражением единства личности, то очевидно, что всё входящее в сферу личного сознания должно подвергаться соответствующей критике и переработке, приводящей к убеждению. Но, несомненно также, что кроме убеждения, действующего на другое лицо силой логики и непреложными доказательствами и возникающего при посредстве личного сознания, следует различать внушение, действующее на психическую сферу «путем непосредственного прививания психических состояний, т.е. идей, чувствований, ощущений», не требуя участия сознания и логики» [3, с. 63–64]. Как мы данный дискурс совпадает в значительной степени с дискурсом З. Фрейда.

Такого рода «идеи» в такой же степени являются источниками ошибки, как и чувственные рационализации, идущие от триады «ощущение-восприятие-представление».

Один из персонажей известного произведения «Угрюм-река», отбывший наказание каторжник, сквозь призму своего ошибочного мировоззрения пришел к выводу и сформулировал на этом свою жизненную позицию, в которой нашли свое отражение и искаженные религиозные идеи и негативное влияние деформированных социальных институтов и институций, которая заключается в том,

что убийство по своему произволу является грехом, а вот по заданию начальства является долгом и благом» [17]; надо сказать, что это глубинная деформирующая личностная ошибка, результат отрицательной социально-нравственной селекции, сформированная под влиянием отягощенного несправедливостью архива личности (память, – мнестический компонент внутреннего мира).

В связи с этим хочется привести изречение английского писателя, политика Джорджа Савила, маркиза Галифакса: «Знай мы, что человеку свойственно помнить, мы бы знали, что ему свойственно делать» [9, с. 38].

В литературе подчеркивается: «...на пределы субъективного вменения в звене объект правоприменения влияет множество факторов, в том числе и ошибка лица, совершившего общественно опасное деяние. Это ошибка как в отношении социальных свойств деяния в целом, отдельных его сторон, так и в отношении его правовой значимости» [12, с. 242].

Если ошибка – это один из указанных значимых факторов, то мы с полным основанием можем полагать, что она является вариативным (в зависимости от конкретных обстоятельств) признаком субъективной стороны состава преступления. Ошибка влияет на формирование мотива, цели, формы вины, коррелирует с эмоциональной составляющей преступления, она есть фактор стабильности заблуждения и опасного состояния личности. Представляется, что устоявшаяся конституция (или конструкция) субъективной стороны в виде указанных выше признаков есть плод определенной формализации юридической терминологии, не учитывающей реальную характеристику внутреннего мира человека. А ведь еще древние пришли к выводу, что одной из отличительных черт человеческой личности является то, что человеку свойственно ошибаться (*Humanum errare est*). Мы ранее писали о том, что активность человека формируется под влиянием доминанты, учение о которой разработал отечественный психиатр Ухтомский А.А. Если ошибка-мотиватор и есть тот решающий фактор поведения, та доминанта, то почему она не может являться признаком субъективной стороны состава преступления?

Представляется, что в результате объективирования ошибки в субъективной стороне преступления мы обретаем возможность институциональной реформации в системе уголовного права и уголовного закона путем насыщения Общей части комбинацией институционально закрепленных норм, тем самым ошибка обретает свой самостоятельный юридический и познавательный дискурс и начинает влиять на конструктивно-функциональную связь Общей и особенной частей уголовного закона. Возможно, это потребует не только новеллизации уголовного закона, но и его полной реконструкции, однако давно назревшая проблема должна быть наконец разрешена.

Тогда мы сможем уточнить наши представления об истоках преступного поведения личности, по-

скольку по итогу проведенного исследования можно прийти к выводу, что поведение, а тем более преступное поведение, это не только динамическая сторона нашего сознания, но и одна из формул великой криминологической и уголовно-правовой «теоремы Ферма», которую следует разгадать и доказать, ибо, как говорил великий гуманист и создатель негибаемого борца с преступностью Шерлока Холмса – английский писатель(и врач по своей основной профессии) Артур – «нет ничего более неясного, чем очевидный факт» [16].

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 13.06.2023)
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 28.04.2023)
3. Бехтерев В.М. Феномены мозга. Издательство АСТ, Москва, 2020, С. 63–64
4. Вильгельм Дильтей. Собрание сочинений. Том III. М., Три квадрата, 2004, С. 56
5. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Санкт-Петербург., Издательство Р. Асланова, «Юридический центр Пресс», 2009, С. 90
6. Полный курс уголовного права в 5 томах, под ред. д.ю.н. А.И. Коробеева, Санкт-Петербург, Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008, т. 1, С. 498
7. Юридическая психология. Хрестоматия. Автор-составитель В.В. Романов. М., Юрайт, 2010, С. 66
8. Фрейд З. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург, Азбука, 2011
9. Энциклопедия английского афоризма. Издательство Астрель, М., 2010, С. 38
10. Якушин В.А., Назаров В.В. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения (теоретические аспекты) Ульяновский государственный университет, 1997, С. 3.
11. Якушин В.А. Мотивы и цели преступления, Тольятти, 2016, С. 38
12. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, Издательство Толпи, 1992, С. 242
13. <http://www.prosvetlenie.org/razum/19/28.html#:~:text=%22Все%20действительное%20разумно%2C%20все%20разумное, неизвестных%20явлений%20той%20же%20природы>
14. <https://www.inpearls.ru/author/dzhon+lokk?ysclid=lj5aimqmmz647967529>
15. https://thematic_philosophical.academic.ru/56/ВНУТРЕННИЙ_МИР_ЧЕЛОВЕКА?ysclid=lj5cl96ny735024028
16. <https://citaty.info/quote/34820>
17. https://sharlib.com/read_248812-1?ysclid=lj5p39iipw594461622

ERROR – A SIGN OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CORPUS DELICTI?

Alekyan Zh.S.

Avtozavodsky district of Togliatti of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Samara Region

The subjective side of the corpus delicti has long been the object of close attention of scientists and researchers, since one of its components is guilt, determined by internal mental processes in the personality of the figure. However, traditionally determining the composition of the signs of the subjective side, including such components as guilt, motive, purpose, emotions, such an important mental component as consciousness remains without attention, it remains without evaluation, oddly enough, and in law enforcement, meanwhile, it is consciousness that produces a form of guilt and participates in manipulative actions with elements of the objective side of the corpus delicti, and it is in consciousness, as in a reflective substance, that reality factors are refracted and generated, which determine his real or imaginary position in relation to the act and its result, and the imaginary position entails an error in various aspects of the event to which the actor aspires, such an error is reflected in the formation of reality, including criminal reality, entailing the corresponding legal consequences. Meanwhile, the place and role of an error in the commission of an act, in the structure of criminal law and criminal legislation, the impact of an error on the formation of the corpus delicti have not been determined to date. Therefore, the purpose of this article is to clarify the connection of the error with the subjective side of the corpus delicti, since the inclusion of an error in this construction will allow an adequate assessment of the act and intentions of a person, will contribute to achieving the goals of justice, restoring social justice, defragmentation of social reality, restoring its integrity, will allow deeper penetration into the inner world of a person to identify deformations in it in the moral – to determine the functional relationship of the error with other components of the subjective side, as well as to harmonize criminal legislation on this basis.

Keywords: subjective side, guilt, error, consciousness, actor, reflective substance, inner world

References

1. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N63-FZ (as amended on 13.06.2023)
2. “Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated 18.12.2001 N174-FZ (ed. dated 28.04.2023)
3. Bekhterev V.M. Brain phenomena. AST Publishing House, Moscow, 2020, pp.63–64
4. Wilhelm Dilthey. Collected works. Volume III. M., Three Squares, 2004, p.56
5. Gilinsky Ya.I. Criminology. Theory, history, empirical base, social control. St. Petersburg., R. Aslanov Publishing House, “Law Center Press”, 2009, P. 90
6. The complete course of criminal law in 5 volumes, edited by D.yu.n. A.I. Korobeev, St. Petersburg, R. Aslanov Publishing House “Law Center Press”, 2008, vol. 1, p.498
7. Legal psychology. A textbook. Author-compiler V.V. Romanov. M., Yurayt, 2010, p.66
8. Freud Z. A small collection of works. St. Petersburg, ABC, 2011
9. Encyclopedia of English aphorism. Astrel Publishing House, M., 2010, p.38
10. Yakushin V.A., Nazarov V.V. Error in criminal Law and its impact on the limits of subjective imputation (Theoretical aspects) Ulyanovsk State University, 1997, p.3.
11. Yakushin V.A. Motives and goals of the crime, Togliatti, 2016, p. 38
12. Yakushin V.A. Subjective imputation and its significance in criminal law. Tolyatti, Tolpi Publishing House, 1992, p.242
13. <http://www.prosvetlenie.org/razum/19/28.html#:~:text=%22Все%20действительное%20разумно%2C%20все%20разумное,%20неизвестных%20явлений%20той%20же%20природы>
14. <https://www.inpearls.ru/author/dzhon+lokk?ysclid=lj5aimqmmz647967529>
15. https://thematic_philosophical.academic.ru/56/ВНУТРЕННИЙ_ТВОРЧЕСТВО_ЧЕЛОВЕКА_И_ЕГО_МЕСТО_В_МИРЕ?ysclid=lj5cl96ny735024028
16. <https://citaty.info/quote/34820>
17. https://sharlib.com/read_248812-1?ysclid=lj5p39iipw594461622

Нормы уголовного права, определяющие справедливость как итог правосудия

Александрова Людмила Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ)
E-mail: ml1970@yandex.ru

Предметом исследования стали нормы уголовного и уголовно-процессуального закона, определяющие справедливость как итог правосудия. Целью работы является выявление несоответствия подходов законодателя и правоприменителя к этому понятию. Для её достижения использовались общенаучные методы: логический и системно-структурный; частнонаучные методы: социологический и аксиологический; специальные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический. В результате исследования были выявлены логические противоречия между профессиональным и обыденным восприятием справедливости, а также во взаимосвязи определения её содержания в рамках позитивного подхода, как свойства приговора, и негативного – как основания к его отмене. Изложенные изыскания и выводы могут быть применены в ходе оценки окончательного решения суда, вынесенного, в том числе, и на основании вердикта присяжных заседателей. Как новизну следует отметить сравнительно-правовой анализ систем свойств приговора и оснований к его отмене. Это позволило прийти к выводу, что приговор не будет справедливым при наличии любого из этих оснований, поэтому из их перечня логично было бы убрать несправедливость приговора.

Ключевые слова: справедливость приговора, свойства приговора, вердикт, усмотрение, профессиональное правосознание, основания к отмене приговора.

Справедливость и правосудие – явления тесно связанные, которые могут толковаться как с позиции обыденного, так и профессионального правосознания, определяемого как способность принимать решения, не выходящие за «границы правовой действительности» [11, с. 86], понимать обусловленность действующих норм закона [7, с. 212]. В связи с этим правосудие должно восприниматься как более узкое, чем справедливость, понятие государственной деятельности, связанной с рассмотрением уголовного дела по существу и законностью окончательного решения, определяющего виновность (невиновность) лица, обвиняемого в совершении преступления [17, с. 12; 9, с. 14].

Справедливость как термин применяется законодателем в тесной связи с законностью приговора. При его вынесении судья должен применять нормы Уголовного кодекса (ст.ст.61,62 УК РФ), обязывающие учитывать смягчающие вину обстоятельства. Тот же подход законодателя обнаруживается и в уголовном процессе: это основное свойство приговора (ч. 2 ст. 297 УПК РФ) по своему содержанию не выходит за рамки законности решения, принятого как итог рассмотрения уголовного дела по существу (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

При этом справедливость дублирует такое необходимое для приговора свойство, как законность, или подменяется им. Известно, что основания апелляции обжалования судебного решения не совпадают с кассационными и надзорными основаниями. Если первые даны закрытым перечнем, включающим как недопустимые нарушения законодательства, так и оценочно-содержательные ошибки судьи при постановлении приговора (ст. 389.15 УПК РФ), то последние касаются только таких нарушений норм, которые повлияли на исход дела (ст.ст.401.15 и 412.9 УПК РФ). Формально несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и несправедливость приговора (п.п.1 и 4 ст. 389.15 УПК РФ) не являются кассационными и надзорными основаниями для его отмены или изменения. В перечне апелляционных оснований неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора отделены друг от друга (п.п.3 и 4 ст. 389.15 УПК РФ), однако раскрываются они в одной статье, хоть и в разных её частях (ст. 389.18 УПК РФ). Если сравнить содержание этих частей, то можно найти смысловое совпадение: несправедливость приговора, выражающаяся в несоответствии наказания личности или ею содеянному (ч. 2 ст. 389.15 УПК РФ),

по сути раскрывается описанием другого основания – нарушение требований Общей части УК РФ и назначение более строгого наказания, чем предусмотрено Особенной частью УК РФ (п.п.1и 3 ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Это нашло отражение в некоторых теоретических исследованиях [14]. Кассационные и надзорные основания также предполагают взаимосвязь нарушения уголовного закона и несправедливости приговора, поскольку первое влечёт второе и влияет на исход дела. Этого смещения невозможно избежать, поскольку смысл этих двух оснований совпадает, что подтверждается практикой обжалования вынесенных приговоров и формулировками решений судов по итогам рассмотрения жалоб и представлений. Рассмотрим несколько различных нарушений закона, которые во всех случаях привели к несправедливости приговора.

Классическим для узкопрофессионального понимания справедливости приговора является кассационное определение, которым отменено решение апелляционной инстанции, поскольку судья учёл в качестве смягчающих наказание обстоятельств наличие у осуждённого малолетних детей, оставив без внимания тот факт, что он был лишён родительских прав. Этот результат полностью соответствует буквальному толкованию ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ, однако обжаловалось решение в суд кассационной инстанции, который нашёл «нарушение уголовного закона, повлиявшее на справедливость приговора» [2]. Таким образом, справедливость судебного решения также выступает кассационным основанием при прочной взаимосвязи смысла ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ с ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

Справедливость как неотъемлемое свойство приговора не может не страдать в любом случае неправильного применения уголовного закона. Нельзя назвать справедливым решение, вынесенное на основе неверной квалификации деяния. По этой причине было отменено решение по уголовному делу И., осуждённой по ст. 116 УК РФ, в то время как побои ею были причинены потерпевшей в связи с личными неприязненными отношениями, и должны были квалифицироваться по соответствующей части ст. 116.1 УК РФ. Непосредственным основанием для отмены в этом случае является существенное нарушение уголовного закона (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ), однако осуждение И. является несправедливым, если учитывать обязательную административную преюдицию, без которой описываемое в ст. 116.1 УК РФ деяние не является преступным [3].

О несправедливости итогового решения по уголовному делу можно говорить и при нарушении уголовно-процессуального законодательства. Так, кассационным судом было отменено апелляционное определение по уголовному делу в связи с тем, что при рассмотрении жалобы отсутствовал защитник осуждённого, заключившего с ним соглашение. Несмотря на наличие копии листка нетрудоспособности этого адвоката, судебное заседание было проведено с участием защитника по назна-

чению суда без выяснения согласия осуждённого и предоставления ему возможности заключить соглашение с другим адвокатом. В результате – тот, с которым было заключено соглашение, не смог довести до суда свою позицию, обосновать просьбу о назначении подзащитному наказания, не связанного с лишением свободы, что, в свою очередь, говорит о возможной несправедливости апелляционного определения [4].

Справедливость как свойство приговора ставится под сомнение любым нарушением закона, а потому её отрицательное значение не может быть одним из оснований отмены решения. Она не является частью системы оснований к отмене или изменению приговора, но страдает при наличии хотя бы одного из них. То же можно сказать и про другие свойства приговора – законность и обоснованность (ст. 297 УПК РФ). Таким образом, выделять несправедливость приговора как отдельное основание для его отмены логически ошибочно и не имеет смысла.

Если отойти от узкопрофессионального подхода, справедливость предстаёт как понятие философское, выходящее за рамки вопроса правосудия, но, тем не менее, не чуждое ему. В исследованиях И.П. Поповой прослеживается восприятие справедливости как баланса частных и публичных интересов, хотя сомнительна сама возможность достижения равновесия между частью и целым [15, с. 81]. Однако с её подходом соглашается А.О. Машовец, связывая его с природой отношений «власть-индивидуум» [12, с. 149]. Рациональность этих мнений обнаруживается с позиции В.М. Бозрова, подчёркивающего, в первую очередь, социальную природу понятия «справедливость» [8, с. 72]. Рассматривая справедливость с юридической и моральной сторон, В.В. Рудич определяет её как «общую посылку» при обосновании мнений сторон и решения по уголовному делу [16, с. 9]. В то же время, сложно представить моральный аспект в качестве обоснования процессуального документа: применяемое судом принуждение, осуждение подсудимого или его оправдание должно основываться на конкретных нормах закона.

Таким образом, для правоприменителя подобный подход является если не чуждым, то явно затрудняющим процесс вынесения выверенного итогового решения. Справедливость как философская категория не находится в одной плоскости с юриспруденцией, но она может быть воспринята как итог, кульминация развития общественных отношений. Изначально это понятие рассматривалось философами с позиции распределения блага, позже – с позиции права на него, то есть всегда имело социальный контекст [10, с. 245]. Сложно ожидать такого отношения к справедливости от профессионального судьи, обязанного, в первую очередь, правильно применить уголовный и уголовно-процессуальный закон.

Социально-философский подход не чужд присяжным, при вынесении вердикта освобождённым от необходимости письменно формулировать его

обоснование (ч. 7 ст. 343 УПК РФ). Кроме того, их ощущение справедливости может быть описано, как библейское – то, что ниже христианской любви; или кармическое – то, что может вернуться бумерангом. Их усмотрение – итог всего пути постижения жизни, личного опыта. При этом оно – далеко не идеальный критерий справедливости как свойства приговора. Не случайно законодатель ограничил оглашение характеристик, обстоятельств жизни подсудимого, которые не имеют прямой связи с совершённым преступлением и могут вызвать предвзятое отношение к нему со стороны присяжных заседателей (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). К слову сказать, подобного правила, касающегося потерпевшего, законодатель не предложил, хотя на практике суды применяют его достаточно широко, «компенсируя» эту несправедливость. Так, защитник Н., осуждённого за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, указал в кассационной жалобе на запрет со стороны председательствующего оценивать личность и поведение погибшего. Суд кассационной инстанции, изучив протокол судебного заседания, пришёл к выводу о правомерности оспариваемых действий [5]. В то же время, стоит согласиться с С.А. Насоновым в том, что такая информация может иметь значение для квалификации преступления в случаях провокации со стороны потерпевшего [13, с. 34].

Действия судей понятны: полагая личное мнение как меру справедливости, присяжные могут оправдать подсудимого. Необходимое настроение могут создать опытные адвокаты-защитники. В то же время, практике известны случаи, когда оправданные присяжными лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, продолжали их совершать, будучи уверенными в своей безнаказанности или даже правоте [6, с. 25]. К этому может привести отсутствие профессионального подхода, необходимого при оценке некоторых доказательств. А.В. Трощанович и А.Е. Соломатина описывают случай вынесения оправдательного вердикта присяжными заседателями, которые отвергли все показания свидетелей, поскольку они были защищены псевдонимами, по делу о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [18, с. 5].

Согласно п.п. 40 и 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвящённого судопроизводству с участием присяжных заседателей, приговор может быть обоснован только их вердиктом [1]. В отличие от оправдательного, обвинительный приговор должен содержать также мотивировку квалификации, тем не менее, с содержательной стороны и то, ни другое решение нельзя назвать обоснованным, поскольку, исходя из его текста, нельзя определить, справедливо ли оно. Интересно, что Пленум возлагает на суды вышестоящих инстанций обязанность установления причин, по которым присяжные могли вынести предвзятое решение, вплоть до их вызова и опроса [1]. Такой шаг носит формальный характер и не решает вопроса объективности приговора. К справедливости в данном случае можно относиться только как

к мере, определяемой состоянием общества. Оставаясь в рамках профессионального правосознания это качество можно определить как законность и рассматривать через призму соответствующих оснований к отмене или изменению приговора (ч. 1 ст. 389.25, ст. 389.27 УПК РФ), поскольку любое нарушение требований уголовного или уголовно-процессуального кодексов влечёт вынесение несправедливого (неправосудного) приговора.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 N23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Российская газета. 2005. 02 декабря.
2. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77–2693/2021 от 2 декабря 2021 года // Официальный сайт Третьего кассационного суда общей юрисдикции. [Интернет-источник] – URL: http://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6253351&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения – 25.07.2023 г.).
3. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77–4164/2021 от 14 декабря 2021 года // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. [Интернет-источник] – URL: http://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2267877&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения – 25.07.2023 г.).
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77–805/2021 от 16 марта 2021 года // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции. [Интернет-источник] – URL: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8763983&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения – 25.07.2023 г.).
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08 апреля 2021 года № 77–1035/2021 // Уголовный процесс. 2023. № 3. Электронный журнал. [Интернет-источник] – URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=76954410> (дата обращения – 03.08.2023 г.).
6. Александрова Л.А., Меженина Е.В. Принцип безответственности суда присяжных // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика. Материалы III межрегиональной научно-практической конференции, ч. 2, г. Волжский, 28 мая 2009 г., С. 25–28.
7. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II–М.: Юрид. лит. 1982. 360 с.
8. Бозров В.М. Справедливость как критерий оценки качества судебной деятельности // Уголовный процесс. 2013. № 2 (98). С. 70–77.

9. Камардина А.А. О понятии и сущности правосудия в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2014. № 3 (164) С. 14–17.
10. Карнаш Г. Справедливость // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 244–262.
11. Махрова Е.И. Правовая природа профессионального правосознания // Общество: политика, экономика, право. № 1 (90). 2021. С. 86–90.
12. Машовец А.О. Справедливость как критерий подлинной эффективности уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 148–151.
13. Насонов С.А. Как доказывать версию о необходимой обороне в процессе с участием присяжных заседателей // Уголовный процесс. 2023. № 3 (219). С. 32–39.
14. Панюкин А.М. Основания отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Том 12 № 1 [Интернет-источник]: 1: 52–72. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.104> (дата обращения 25.07.2023 г.).
15. Попова И.П. Справедливость приговора в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2017. № 5 (133). С. 79–84.
16. Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф., дис. кан. юрид. наук. М.: 2013. 34 с.
17. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России: монография / Е.В. Рябцева. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. 397 с.
18. Трошчанович А.В. Причины вынесения оправдательных приговоров судами с участием присяжных заседателей / А.В. Трошчанович, Е.А. Соломатина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 95 с.

NORMS OF CRIMINAL LAW DEFINING JUSTICE AS THE OUTCOME OF JUSTICE

Alexandrova L.A.

Ural State Law University

The subject of the study was the norms of the criminal and criminal procedure law, which define justice as the property of the sentence. The purpose of the work is to identify the discrepancy between the approaches of the legislator and the law enforcement officer to this concept. To achieve it, general scientific methods were used: logical and system-structural; private scientific methods: sociological and axiological; special methods: comparative legal and formal legal. As a result of the study, logical contradictions were revealed between the professional and everyday perception of justice, as well as in the relationship of determining its content within the framework of a positive approach, as a property of a sentence, and a negative one – as a basis for its cancellation. The stated research and conclusions can be applied during the evaluation of the final court decision, made, among other things, on the basis of the verdict of the jury. As a novelty, a comparative legal analysis of the systems of the properties of the sentence and the grounds for its cancellation should be noted. This allowed us to come to the conclusion that the sentence would not be fair if there were any of these grounds, so it would be logical to remove the injustice of the sentence from their list.

Keywords: justice of the sentence, properties of the sentence, verdict, discretion, professional legal awareness, grounds for the cancellation of the sentence.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.11.2005 N23 “On the application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating judicial proceedings with the participation of jurors” // Rossiyskaya Gazeta. 2005. December 02.
2. Determination of the Third Cassation Court of General Jurisdiction in case No. 77–2693/2021 of December 2, 2021 // Official website of the Third Cassation Court of General Jurisdiction. [Online source] – URL: http://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6253351&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (accessed 25.07.2023).
3. Determination of the Second Cassation Court of General jurisdiction in case No. 77–4164/2021 of December 14, 2021 // Official website of the Second Cassation Court of General Jurisdiction. [Online source] – URL: http://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2267877&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (accessed 25.07.2023).
4. Determination of the First Cassation Court of General jurisdiction in case No. 77–805/2021 of March 16, 2021 // Official website of the First Cassation Court of General Jurisdiction. [Online source] – URL: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8763983&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (accessed 25.07.2023).
5. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated April 08, 2021 No. 77–1035/2021 // Criminal trial. 2023. No. 3. Electronic journal. [Online source] – URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=76954410> (accessed 03.08.2023).
6. Alexandrova L.A., Mezhenina E.V. The principle of irresponsibility of the jury trial // Problems of legal understanding and law enforcement: theory and practice. Materials of the III Interregional Scientific and Practical Conference, part 2, Volzhsky, May 28, 2009, pp. 25–28.
7. Alekseev S.S. General theory of law. In two volumes. Vol. II–M.: Legal lit. 1982. 360 p.
8. Bozrov V.M. Justice as a criterion for assessing the quality of judicial activity // Criminal process. 2013. No. 2 (98). pp.70–77.
9. Kamardina A.A. On the concept and essence of justice in criminal proceedings // Bulletin of OSU. 2014. No. 3 (164) pp.14–17.
10. Karnash G. Justice // Philosophical Anthropology. 2018. Vol.4. No. 1. pp.244–262.
11. Makhrova E.I. The legal nature of professional legal awareness // Society: politics, economics, law. No. 1 (90). 2021. pp. 86–90.
12. Mashovets A.O. Justice as a criterion of genuine effectiveness of criminal proceedings // Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. 2014. No.2 (2). pp.148–151.
13. Nasonov S.A. How to prove the version of the necessary defense in the process with the participation of jurors // Criminal trial. 2023. No.3 (219). pp.32–39.
14. Panokin A.M. Grounds for the cancellation or modification of judicial decisions in criminal cases on appeal // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. Volume 12 No. 1 [Online source]: 1:52–72. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.104> (accessed 25.07.2023).
15. Popova I.P. The justice of the sentence in criminal proceedings // Russian justice. 2017. No.5 (133). pp.79–84.
16. Rudich V.V. Justice in criminal proceedings: theoretical and applied aspects: abstract, dissertation. cand. jurid. sci. M.: 2013. 34 p.
17. Ryabtseva E.V. Justice in the criminal process of Russia: monograph / E.V. Ryabtseva. – M.: Publishing house “Yurilitinform”, 2010. 397 p.
18. Troshchanovich A.V. The reasons for the acquittal by courts with the participation of jurors / A.V. Troshchanovich, E.A. Solomatina. – M.: UNITY-DANA, 2017. 95 p.

Отражение института позитивной (проспективной) ответственности в уголовном законе

Горбунов Тимофей Дмитриевич,

студент, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: t.gorbunov@g.nsu.ru

В статье автор рассматривает проблемные вопросы института позитивной уголовно-правовой ответственности. Предлагается понятие позитивной юридической ответственности. Рассматривается вопрос существования позитивной ответственности как правовой категории, которая имеет отражение в уголовном законе и влечет за собой последствия, имеющие юридическое значение. Проводится анализ таких институтов уголовного права как институт добровольного отказа от совершения преступления, институт освобождения лица от уголовной ответственности, а также институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, как форм проявления позитивной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации. Также рассматриваются нормы особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, которые содержат особые случаи освобождения лица от уголовной ответственности в связи с прекращением им преступной деятельности и возвращением лица к правомерному поведению.

Ключевые слова: позитивная ответственность, негативная ответственность, добровольный отказ, освобождение от уголовной ответственности, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

На сегодняшний день в научном сообществе принято рассматривать юридическую ответственность в качестве негативной (ретроспективной) ответственности, то есть как ответственность за совершенное противоправное деяние. В свою очередь, проспективную ответственность за частую рассматривают исключительно в качестве морально-нравственной категории, которая не влечет за собой правовых последствий. Однако данная позиция представляется не однозначной. Так, говоря о позитивной ответственности в значении юридической ответственности, её принято рассматривать как обеспеченную государственным поощрением, убеждением обязанность субъекта права по соблюдению правовых норм, реализующуюся в правомерном поведении, которое влечет за собой благоприятные меры со стороны государства. В таком случае тяжело говорить о том, что позитивная ответственность имеет только морально-нравственное значение. Ведь ключевой задачей права выступает регулирование общественных отношений и их охрана. Что, в свою очередь, в наибольшей степени обеспечивается тем, когда закон добивается того что субъекты права не нарушают нормативные предписания, тем самым сохраняется правовой порядок и не наносится вред общественным отношениям охраняемым и регулируемым правом. И именно проспективная ответственность начинает свое действие с момента установление нормы и выражается в правомерном, социально активном поведении субъектов права. В то время как ретроспективная ответственность начинает свое действие лишь после нарушения нормы права, когда общественным отношениям уже нанесен вред и правовой порядок уже нарушен.

Институт позитивной ответственности имеет реальное выражение в уголовном законе. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации закреплены нормы, поощряющие правомерное поведение до окончания совершения противоправного деяния во время его совершения, так и нормы, поощряющие социально полезное, постпреступное поведение лица, совершившего противоправное деяние. Например, по общему правилу лицо которое хоть и не окончило преступление несет ответственность за покушение к преступлению и за приготовление к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации предполагает, что в случае добровольного отказа лица от совершения преступления оно не будет нести юридической ответственности, несмотря на то, что такой отказ произошёл на стадии приготовления или покушения к преступлению. То есть в любом другом случае лицо несет

ответственность за приготовление или покушение, однако при осознании лицом противоправности своего поведения и его общественной опасности лицо, вернувшись в русло правомерного поведения, не порицается, а, наоборот, поощряется государством.

Также примером проявления позитивной ответственности в уголовном законе выступает институт освобождения лица от уголовной предусмотренной главой 11 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная глава предусматривает случаи, когда лицо ведет себя социально полезно после совершения преступления и в связи с этим освобождается от уголовной ответственности. Так, лицо может быть освобождено в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ). То есть лицо конкретными действиями показывает, что раскаивается в совершенном деянии, предпринимает меры, чтобы оно перестало быть общественно опасным вследствие чего данный субъект заслуживает освобождение от ответственности в связи с его возвращением к правомерному поведению. Также лицо освобождается от ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Так в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 подчеркивается, что освобождение от уголовной ответственности по данному основанию возможно при двух условиях, а именно при примирении с потерпевшим и при заглаживании причиненного ему вреда. То есть лицо в данной ситуации также предпринимает конкретные действия по устранению общественной опасности своего преступного поведения. Уголовный закон, в том числе предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ). То есть лицо устранило те неблагоприятные экономические последствия, которые он причинил потерпевшему своим противоправным деянием. Также лица, которые возместили ущерб или иным образом загладили причиненный преступлением вред, при определенных условиях освобождаются от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (который не выступает уголовным наказанием). Говоря об освобождении лица в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), стоит отметить, что течение сроков давности приостанавливается, когда виновное лицо уклоняется от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа. То есть в данном случае те лица, которые намеренно избегают вышеназванными действиями уголовной ответственности, не могут рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности, несмотря на то, что прошёл длительный срок с момента совершения преступления. В данном случае государство также пытается таким способом стимулировать лиц, совершивших преступление не скрываться от правоохранительных органов.

То есть в данном случае государство предусматривает конкретные механизмы, которые стимулируют виновное лицо к активному социально полезному постпреступному поведению, и формиру-

ет для этого меру поощрения в виде освобождения от уголовной ответственности.

Также в ряде норм особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации содержатся нормы, устанавливающие основания освобождения от уголовной ответственности в случае добровольного прекращения преступного поведения. Так, от уголовной ответственности освобождаются лица, добровольно освободившие похищенного (ст. 126 УК РФ), добровольно прекратившие участие в террористическом сообществе (ст. 205.4 УК РФ), добровольно прекратившие участие в незаконном вооруженном формировании (ст. 208 УК РФ), добровольно прекратившие участие в преступном сообществе (ст. 210 УК РФ), добровольно сдавшие «незаконное» огнестрельное оружие, его основные части и боеприпасы к нему (ст. 222 УК РФ) и так далее. То есть особенная часть уголовного закона предусматривает случаи, когда лицо уже совершает преступление (оно окончено), но это лицо добровольно прекращает его совершение, отказавшись от преступной деятельности и вернувшись к правомерному поведению, то такое лицо также поощряется государством и не привлекается к уголовной ответственности.

При этом Уголовный кодекс Российской Федерации, в том числе предусматривает случаи, когда закон не выдвигает требований к тому чтобы прекращение противоправного поведения со стороны виновного лица было добровольным. Так от уголовной ответственности освобождается лицо, уплатившее суммы недоимки, пеней, штрафов по неуплаченным налогам (ст. 199 УК РФ) – закон не указывает что такая выплата должна быть добровольной. Также от уголовной ответственности освобождается лицо добровольно или по требованию властей освободившее заложника (ст. 206 УК РФ). В указанных случаях важно, что лицо прекратило свое преступную деятельность тем самым устранив последствия своего противоправного поведения. То есть в данных преступлениях первостепенен сам факт возвращения лица к правомерному поведению, и для того чтобы простимулировать лицо совершающее преступление совершить такой возврат государство и предусматривает вышеназванные основания освобождения от уголовной ответственности (освобождение от ответственности как мера поощрения за исполнение лицом обязанности вести себя правомерно).

Стоит отметить институт обстоятельств, исключающих преступность деяний, как пример действия позитивной уголовной ответственности. Так, уголовный закон намеренно предусматривает обстоятельства, при которых деяние, которое причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям, не является преступлением ввиду того, что такое деяние (поведение) является желательным со стороны государства. Например, государство намеренно стимулирует субъектов права к необходимой обороне (даже в случаях, когда у такого лица есть возможность избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью

к другим лицам или органам власти), так как уголовный закон сам по себе, как нормативный правовой акт не может защитить общественные отношения, ввиду чего необходимы конкретные физические действия субъектов права по защите общественных интересов, которые допускаются самим Уголовным кодексом Российской Федерации.

Таким образом, мы можем увидеть, что на сегодняшний день в уголовном законе существуют конкретные формы проявления позитивной уголовно-правовой ответственности. Исходя из этого, считаем необходимым придерживаться предложенного варианта позитивной ответственности в доктрине, а также следовать по пути дальнейшего теоретического исследования данного института в целях его совершенствования.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 09.08.2023).
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: РАП, 2008. 304 с. URL: [https://dl.booksee.org/genesis/709000/bef71dab73d6e8fd86fb655f4ab55c9b/_as/\[Vitruk_N.V.\]_Obshaya_teoriya_yuridicheskoi_otvets\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/709000/bef71dab73d6e8fd86fb655f4ab55c9b/_as/[Vitruk_N.V.]_Obshaya_teoriya_yuridicheskoi_otvets(BookSee.org).pdf) (дата обращения 09.08.2023).
3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // Российская газета. 2013. № 145. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=207951&d->

st=100024#MhrjPmTc8VL26nGq (дата обращения 09.08.2023).

REFLECTION OF THE INSTITUTE OF POSITIVE (PROSPECTIVE) RESPONSIBILITY IN THE CRIMINAL LAW

Gorbunov T.D.
Novosibirsk State University

In the article, the author examines the problematic issues of the institution of positive criminal liability. The concept of positive legal responsibility is proposed. The question of the existence of positive liability as a legal category is considered, which is reflected in the criminal law and entails consequences of legal significance. The analysis of such institutions of criminal law as the institute of voluntary refusal to commit a crime, the institute of exemption of a person from criminal liability, as well as the institute of circumstances precluding criminality of an act as forms of manifestation of positive responsibility in the Criminal Code of the Russian Federation is carried out. The norms of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation are also considered, which contain special cases of exemption of a person from criminal liability in connection with the termination of criminal activity and the return of a person to lawful behavior.

Keywords: positive responsibility, negative responsibility, voluntary refusal, exemption from criminal liability, circumstances precluding criminality of the act.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Article 2954. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 09.08.2023).
2. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility. Moscow: RAP, 2008. 304 p. URL: [https://dl.booksee.org/genesis/709000/bef71dab73d6e8fd86fb655f4ab55c9b/_as/\[Vitruk_N.V.\]_Obshaya_teoriya_yuridicheskoi_otvets\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/709000/bef71dab73d6e8fd86fb655f4ab55c9b/_as/[Vitruk_N.V.]_Obshaya_teoriya_yuridicheskoi_otvets(BookSee.org).pdf) (accessed date 09.08.2023).
3. On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27.06.2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. № 145. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=207951&dst=100024#MhrjPmTc8VL26nGq> (accessed 09.08.2023).

Применение категорий «усмотрение», «совесть» и «профессиональное правосознание» при принятии решений судьями по уголовным делам

Меженина Елизавета Владимировна,

преподаватель кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева
E-mail: mandragorium@mail.ru

В статье рассматриваются категории «усмотрение судьи», «совесть» и «профессиональное правосознание» как ключевые моменты при принятии решений судьей по делу. Анализируя судебную практику, автор приходит к выводу о том, что использовать категорию «совесть» применительно к профессиональной деятельности судьи в современных реалиях невозможно. Кроме того, в статье изучается эффективность применения внутреннего усмотрения судьи с опорой на сложившийся обвинительный уклон в судебной практике. Автор рассматривает различные подходы к пониманию профессионального правосознания, выработанные в теории уголовного процесса, предлагает альтернативы категориям «совесть» и «внутреннее усмотрение». Предлагается ввести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации категорию «профессиональное правосознание» как критерий принятия решений судьями и дать ему определение на законодательном уровне.

Ключевые слова: совесть, усмотрение судьи, профессиональное правосознание, уголовный процесс, юриспруденция.

Введение

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году судами Российской Федерации было рассмотрено 616788 дел. Из всех постановленных приговоров 2062 – оправдательных, что составляет 0,34% от общего количества. В 2022 году доля оправдательных приговоров составляла 0,36%, а в 2020 году – 0,3%. Таким образом, можно констатировать, что в среднем доля оправдательных приговоров ежегодно составляет не более 0,3% от их общего количества. Около 20% от общего количества обвинительных приговоров составляют приговоры по уголовным делам о преступлениях в сфере оборота наркотических средств (предусмотренным ст. 228.1 УК РФ, еще часть из них – по ч. 1 ст. 30 и ст. 228.1 УК РФ) [9]. Подобным преступлениям характерно отсутствие потерпевшего, так как деяние направлено против здоровья населения и общественной нравственности, согласно родовому объекту, установленному главой 25 УК РФ. Кроме того, в случае покушения на сбыт наркотических средств и психотропных веществ должна быть доказана связь действий с преступной целью, поскольку преступление не окончено. Различные подходы правоприменителя во всех случаях, связанных с оценкой обстоятельств преступления, обусловлены динамикой взаимодействия таких явлений как совесть судьи, его внутреннее усмотрение с учётом требований уголовно-процессуального закона.

I. Противоречия, возникающие при разрешении судьёй уголовного дела по существу

Очевидно, что при этом доказательственная база не может быть изначально чётко представляемой. Достаточность доказательств как пределы доказывания определяется с учётом особенностей устанавливаемых в ходе производства по уголовному делу обстоятельств. При покушении может сложиться обстановка, когда совершены не все действия, входящие в объективную сторону формального состава, однако должна быть доказана их связь с преступной целью, на которую они направлены [20, с. 96]. При приготовлении к совершению преступления пределы доказывания сужаются, а обстоятельства, подтверждающие направленность умысла, имеют решающее значение для квалификации [18, с. 210]. В то же время, по правилам ст. 66 УК РФ размер наказания за приготовление и покушение на преступление может существенно различаться. Это повышает значение профессионального уровня судьи, что позволяет разрешить возможное противоречие

между возникшим его усмотрением и требованием закона. Как известно, на практике по итогам рассмотрения уголовных дел о совершении преступления со схожими обстоятельствами принимаются различные решения.

В 2020 году судом Железнодорожного района Екатеринбурга было рассмотрено уголовное дело М., которого обвиняли в покушении на сбыт наркотического вещества в крупном размере. Дома у М. в шкафу был найден контейнер с наркотическим веществом массой 200 гр. В этот же промежуток времени к нему приезжала П., сбывавшая наркотики. Позже ее задержали, нашли у нее ключи от квартиры М., где оперативная группа и обнаружила контейнер. Было установлено, что М. – наркоман, а П. оставалась у него дома в его отсутствие. В то же время, в материалах дела не было данных об идентификации вещества, найденного непосредственно при М. и в шкафу его квартиры. Не было данных об отпечатках пальцев с контейнера с 200 граммами наркотического вещества, отсутствовала переписка М. с третьими лицами о сбыте. Пленум Верховного Суда РФ в своём постановлении определил совокупность фактических данных, подтверждающих умысел на сбыт наркотических средств – это их объём, удобная для сбыта расфасовка наряду с их неупотреблением обвиняемым и другими фактическими данными [12]. Тем не менее, исследовав материалы уголовного дела, судья вынес обвинительный приговор в отношении М, признав его виновным в покушении на сбыт наркотических средств [4].

К иным выводам при подобных обстоятельствах пришёл судья Шекснинского районного суда Вологодской области. Приговором Ф. был признан виновным в приготовлении к сбыту наркотических средств и психотропных веществ. Ранее Ф. был задержан в состоянии наркотического опьянения, при нем были найдены 2 стеклянные банки, массами вещества 15,62 г и 13,88 г, 16 полимерных свертков с различными объёмами наркотика, полимерный контейнер из-под драже «Тик Так» массой вещества 1,94 г, а также 2 полимерных шприца. Кроме того, в жилище Ф. было найдено несколько свёртков с разными наркотическими веществами, упаковочные материалы и электронные весы. Приговор суд мотивировал тем, что на умысел, направленный на сбыт наркотических средств, несмотря на личное употребление Ф. наркотиков указывают количество видов наркотических средств изъятых у подсудимого, их объём, удобная для передачи расфасовка и упаковка, а также наличие по месту жительства Ф. электронных весов и упаковочных пакетов с застёжками. Однако из-за того, что не установлено совершение Ф. активных действий, направленных на сбыт наркотических средств, суд переqualificировал его действия с покушения на сбыт наркотических средств на приготовление к совершению данного преступления [14].

Если сравнивать материалы этих уголовных дел, то очевидно, что для обвинения Ф. в покушении гораздо больше оснований, чем для обвинения

М., тем не менее, судья пришёл к выводу о его приготовлении к преступлению. Вследствие свободного усмотрения судей получилось два абсолютно разных приговора при схожих обстоятельствах, и можно констатировать наличие противоречивой практики правоприменения.

В подобных случаях решающее значение для надлежащего производства по уголовному делу и его разрешения имеют совесть и внутреннее усмотрение судей и должностных лиц органов предварительного расследования. Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 17), а также общим частям кодифицированных отраслевых актов, судьи при принятии решений должны руководствоваться законом – принципами, на которых строится конкретная отрасль права. К сфере уголовного судопроизводства относят принципы состязательности и равноправия сторон, презумпции невиновности, верховенства закона и т.д. При наличии противоречий между применяемыми нормами права, при их конкуренции, а также в случае возникновения сомнений у правоприменителя, он должен обращаться к этим основополагающим правилам. Понимание функциональности правовых принципов доступно любому судье, в его основе лежит профессиональное правосознание, позволяющее сочетать универсальность принципов уголовного судопроизводства с конкретикой установленных по уголовному делу обстоятельств. В то же время, глава 2 УПК РФ практически не содержит норм, отражающих публичный характер уголовного судопроизводства, направленных на защиту общества и государства, принципы представляют собой бессистемный перечень, не подчинённый единой цели. Это противоречие может повлечь возникновение когнитивного диссонанса судьи в ходе разрешения уголовного дела по существу, поскольку он остаётся человеком, с одной стороны, и представителем государственной власти – с другой.

II. Правовая природа статуса судьи и профессиональное правосознание

Согласно ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» [19], судьям предоставляется за счет государства материальное и социально-бытовое обеспечение, соответствующее их высокому статусу (ст. 11). Судья несменяем (ст. 15), неприкосновенен (ст. 16), беспристрастен (ст. 3). Судья должен быть независимым, но избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти (ст. 3). При входе судей все присутствующие в зале судебного заседания встают, все участники заседания обращаются к суду стоя, обращаются к суду со словами «Уважаемый суд», «Ваша честь». Мантия судьи является символом его беспристрастного отношения к подсудимому, судьбу которого он решает, а также к остальным участникам процесса. По сути, она является символом того, что судья при отправлении правосудия отрешён от простых человеческих чувств. И наконец, вершиной идеального образа судьи служат нормы, согласно которым судья прини-

мает решения, руководствуясь законом, внутренним усмотрением и совестью. Если руководство законом еще можно понять и отследить, то совесть и внутреннее усмотрение понятия не только оценочные, но для сферы права, где субъекты должны вести себя по строгим правилам, а именно – нормам закона, абсолютно иррациональны.

Думается, что данная ситуация складывается вследствие того, что законодатель пытается регламентировать такие категории человеческого мышления как совесть и порядок принятия решений (внутреннее усмотрение) в рамках закона, обходя особенности работы человеческой психики. Предполагается, что судьи изначально честны, не заинтересованы в исходе дела и в последствиях, к которым может привести принятие того или иного решения. На основе такого изначального подхода судья руководит процессом, определяющим судьбу его участников, принимая окончательные решения, презюмирующиеся как законные. Приговор, вынесенный судом от имени Российской Федерации, предполагается истинным, пока в установленном законом порядке не доказано иное. То есть считается, что факты, установленные в приговоре, имели место быть на самом деле, а, значит, сама возможность установления истины по делу лежит в основе презумпции истинности приговора, поскольку последний должен быть законным, обоснованным и справедливым. Согласно О.Н. Сычевой презумпция истинности приговора – это признанное на уровне закона положение о том, что вступивший в законную силу приговор отражает объективную истину и является обязательным для всех субъектов, чьи права, обязанности и законные интересы он затрагивает [16, с. 4].

На основе этой общеправовой презумпции и статуса судья пользуется существенной защитой от привлечения к ответственности за решения, принятые в рамках осуществления своих полномочий, в виде должностного иммунитета и дополнительных условий применения ст. 305 УК РФ. Фактически мы получаем презумпцию «непогрешимости» судьи, чему способствуют формальные требования соответствия статусу и процессуальный ритуал.

В основе каждой отрасли права лежат идеальные построения – принципы и презумпции. Подобной по характеру категорией является совесть судьи, лежащая в основе его внутреннего усмотрения, поэтому нельзя игнорировать субъективную составляющую, психологию процесса принятия судьёй определённого решения. При этом нельзя не учитывать необходимость взаимосвязи решения с целью уголовного судопроизводства. Примечательно, что в УПК РСФСР судье была предписана обязанность установить истину по уголовному делу (ст. 243 УПК РСФСР) на основе закона и социалистического правосознания (ст. 71 УПК РСФСР) [17, ст. 592]. Современный законодатель отказался от категории истины, заменив её категорией «совесть». Если первое понятие напрямую связано с установлением всех обстоятельств

преступления, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), то второе – эфемерно для уголовного судопроизводства. Для того, чтобы уйти от неопределённости в праве, необходимо отказаться от этой категории в пользу «профессионального правосознания», которое является сформировавшимся у юристов-профессионалов пониманием о праве, основанном на полученных теоретических и практических юридических знаниях [2, с. 212]. Е.И. Махрова среди признаков профессионального правосознания выделяет следующие:

- определяет правосознание людей, для которых юриспруденция, законы, подзаконные акты являются «инструментами» в профессии;
- основывается на углубленном изучении норм права для конкретного вида юридической деятельности;
- знаменуется переходом от уровня правовых представлений и чувств к уровню правовых принципов и установок [7].

Таким образом, используя категорию «профессиональное правосознание» вместо категории «совесть», можно получить гораздо более четкие критерии ориентиров судьи в процессе принятия им решения по делу.

III. Внутреннее усмотрение судьи как основа компромисса между совестью, требованиями закона и сложившейся судебной практикой

Стоит разобраться в субъективных причинах различного применения судьями закона по уголовным делам о преступлениях, совершённых при сходных обстоятельствах. Если существуют такие разные понятия, как совесть и требования закона, то внутреннее усмотрение может означать их приспособление друг к другу, возможность их совмещения, поэтому важна мотивация судьи при оценке установленных обстоятельств преступления и выработке решения.

О том, что такой компромисс необходим, свидетельствует не только субъективный характер выбора позиции при вынесении решения по уголовному делу, но и объективные законы деятельности головного мозга. Определённому результату предшествует последовательность действий и оценочных выводов по материалам уголовного дела – обоснованная позиция сторонников концепции полезности альтернативы [6, с. 85]. При современной нагрузке судьи, с учётом уровня напряжения и тревоги, влияющих на формирование его усмотрения, определённое значение при выборе модели поведения имеет профессиональный опыт. Если деятельность, которую осуществляет судья, для него привычна, повседневна, то решение, принятое им, будет соответствовать всем предыдущим решениям, которые он принимал в схожих ситуациях. Если же ситуация новая, либо у судьи нет опыта действий в соответствующих условиях, он будет искать либо иные модели поведения, известные судебной практике, либо попытаться прийти к новому для него решению, что повлечет за собой более тщательный анализ исходной ситуации и стресс,

вызванный опасением совершить ошибку. В большинстве случаев судьи обращаются к анализу практики, что является одним из признаков профессионального правосознания. Совесть судьи будет успокоена тем, что подобные решения принимаются как верные. основополагающие принципы права при этом вторичны, поскольку в определённой форме, выработанной той же практикой, отражаются в описательно-мотивировочной части предыдущих решений.

Уверенность в себе способствует скорости обработки информации и принятия решения. Положительный опыт воспринимается судьёй как способ разрешения противоречий, что экономит силы и повышает самооценку. Соответственно, сложившаяся практика делает решения судьи по уголовному делу предсказуемыми. В новой, рискованной для себя ситуации правоприменитель обратится к более опытному, к руководителю за советом. Таким образом, доминантой для судьи при разрешении уголовного дела по существу будет положительный опыт правоприменения [3, с. 15]. В этом случае под вопросом остаётся его независимость.

Таким образом, можно говорить о типичных, то есть наиболее часто принимаемых, предсказуемых решениях судьи, которые соответствуют устоявшейся судебной практике (не важно, справедлива она или нет). Начиная судья ориентируется на судебную практику коллег из-за боязни ошибиться, а затем постепенно, с опытом, деятельность судей становится для них обычной, повседневной. Потребность обучения, поиска новых подходов к оценке материалов уголовного дела постепенно исчезает, новых нейронных связей и поведенческих программ при осуществлении правосудия не возникает. Главными на этом этапе становятся продолжительность судебного заседания и соответствие решения судебной практике, которая сложилась в сфере профессиональной деятельности судьи. Так работает мозг человека, это нормальное его функционирование. Настоящий образ судьи слишком далек от образа, созданного законом, вследствие чего добиться решения, которое было бы принято, в первую очередь – в соответствии с законом, а не со сложившейся судебной практикой, иногда сложно.

В подобной ситуации может оказаться не только судья, но и любой другой правоприменитель, участвующий в производстве по уголовному делу. Л.А. Александрова и Е.Ю. Никифорова описывают случай обращения прокурора с иском в порядке гражданского судопроизводства о признании взятки ничтожной сделкой и о взыскании в связи с этим незаконно полученных денежных средств. Положительное решение, принятое судом первой инстанции, пересматривалось и отменялось вышестоящими судами. Дело в том, что судьи руководствовались практикой, сложившейся за время отсутствия в УК РФ норм о конфискации имущества, официально поддержанной Верховным Судом РФ в 2003 году [13]. Тем не менее, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство

с тех пор изменилось, в настоящее время действует требование ст. 104.1 УК РФ об обязательной конфискации средств, полученных в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В уголовно-процессуальное законодательство был введён запрет ухудшения положения осуждённого по истечении 1 года с момента вступления приговора в законную силу (ст. 401.6 УПК РФ). В приведённом случае вопрос о конфискации в порядке уголовного судопроизводства рассмотрен не был, а практика признания взятки незаконной сделкой позволила прокурору обойти эти нормы закона [1, с. 26].

Что касается работы судьи, мы получаем постоянное следование уже сложившейся обвинительной практике.

Кроме этого, свой вклад вносит и то обстоятельство, что перед судом не стоит задача установить объективную истину по делу, это также способствует одностороннему рассмотрению уголовного дела. «Отсутствии в УПК РФ истины как цели доказывания указывает на изначально обвинительный уклон законодательства» [10, с. 290]. Нет необходимости углубляться в вопрос исчерпанности пределов доказывания по уголовному делу, нужно лишь принять решение, исходя из внутреннего убеждения с учетом доминирующей потребности.

Исследователи, как и законодатель, прочно связывают внутреннее убеждение с итогами доказывания. Согласно мнению А.В. Победкина это метод оценки доказательств и одновременно ее результат, предстающий в виде убежденности следователя или судьи в доказанности обстоятельства [11, с. 211]. Согласно мнению З.З. Зинатуллина, Т.З. Егорова и Т.З. Зинатуллина, это метод оценки доказательств по реально присущим им свойствам, метод подхода к определению их характера и значения по делу [5, с. 130]. Смирнов А.В. и Калиновский К.В., напротив, рассматривают внутреннее убеждение не как процесс, а как конечную точку – полная уверенность субъекта оценки доказательств относительно достоверности полученных выводов [15]. Каким бы образом ни определялось внутреннее убеждение – как процесс или как его итог – это явление по своей природе шире, охватывает не только ход и итоги доказывания по уголовному делу. Субъективного во внутреннем усмотрении куда больше, чем объективного вследствие того, что начало всякого решения лежит не в той части головного мозга, которая отвечает за критическое мышление, а в части формирования мотивации.

Категория совести еще более сложна. Если попытки дать дефиницию внутреннему убеждению хоть как-то предпринимаются в правовом поле, то совесть – явление абстрактное, восходящее корнями к религиозным и обрядовым догматам. Согласно толковому словарю русского языка, совесть – это чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом [8, с. 741]. Таким образом, совесть вообще невозможно определить в рамках правового поля.

Вывод

Применять категорию совести к деятельности судьи в системе современного законодательства невозможно. Что же касается его внутреннего усмотрения, то оно должно служить не для примирения решения судьи с его собственными моральными установками, а для грамотного соединения практики с действующим законодательством, то есть основываться на профессиональном правосознании. Нелишним было бы внести изменения в ч. 1 ст. 17 УПК РФ, которые бы предполагали подход к оцениванию правоприменителем материалов уголовного дела, основанный на законе и профессиональном правосознании.

Литература

1. Александрова Л.А., Никифорова Е.Ю. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу // Российский следователь. 2022. № 3. С. 24–28.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. М., 1982. Т. 2. 360 с.
3. Грачев В.И., Маринкин И.О., Суслонова Н.В. Механизмы болевого ощущения центральной нервной системы // Norwegian journal of development of the international Science. 2019. № 30. С. 10–32.
4. Дело № 1–391/2019 // Архив Железнодорожного районного суда города Екатеринбурга.
5. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы: монография. Ижевск: Детектив-информ. 2002. 228 с.
6. Малышева А.Н. Аддитивные полезности в теории выбора альтернатив // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 12 (113). С. 83–88.
7. Махрова Е.И. Правовая природа профессионального правосознания: понятие, структура и функции // Общество: политика, экономика, право. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-professionalnogo-pravosoznaniya-ponyatie-struktura-i-funktsii>. Дата последнего посещения – 11.07.2023.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ». 1992 г. 960 с.
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Электронный ресурс: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>. Дата последнего обращения – 27.07.23 г.
10. Панько Н.К. Категория совести в российском уголовном судопроизводстве и ее соотношение с проблемой установления истины по уголовному делу // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 282–291.
11. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года

№ 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета / Электронный ресурс: <https://rg.ru/documents/2006/06/28/verhovny-sud.html>. Дата последнего посещения – 27.07.2023 г.

13. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 февраля 2003 г. N850-П02 // Текст официально опубликован не был. СПС Гарант. Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/1782035/>. Дата обращения – 20 июля 2023 г.
14. Приговор Шекснинского районного суда Вологодской области по делу № 1–68/2019 от 18.07.2019 // Электронный журнал «Уголовный процесс». Электронный ресурс: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?nprmid=98&npid=80937202>. Дата последнего обращения – 11.07.23 г.
15. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. Под общ. ред. А.В. Смирнова. 6-е издание. Электронный ресурс: <https://docs.cntd.ru/document/420368775/titles/7EE0KI>. Дата последнего посещения 05.07.2023.
16. Сычева О.Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 182 с.
17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.
18. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. 410 с.
19. Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 года № 3132–1 // Российская газета. 1992. 29 июля.
20. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление // Вестник Кузбасского института № 3 (28). 2016. С. 95–102.

APPLICATION OF THE CATEGORIES OF “DISCRETION”, “CONSCIENCE” AND “PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS” WHEN MAKING DECISIONS BY JUDGES IN CRIMINAL CASES

Mezhenina E.V.

Ural state law university named after V.F. Yakovlev

The article considers some categories like «judicial discretion», «conscience» and «professional consciousness» as a key point in the decision-making by the judge in the case. Analysing judicial practice, the author comes to the conclusion that it is impossible to use the category of «conscience» in relation to the professional activities of a judge in modern realities. In addition, the article examines the effectiveness of the judge's internal discretion based on the prevailing accusatory bias in judicial practice. The author considers various approaches to the understanding of professional legal consciousness, developed in the theory of criminal procedure, offers alternatives to the categories of «conscience» and «internal discretion». It is proposed to introduce the category of «professional consciousness» into the Criminal Procedure Code of Russian Fed-

eration as a criterion for making decisions by judges and give it a definition at the legislative level.

Keywords: conscience, the discretion of a judge, professional consciousness, criminal procedure, jurisprudence.

References

1. Aleksandrova L.A., Nikiforova E.U. Recognition of a bribe as a deal and issues of intersectoral regulation in criminal proceedings // Russian investigator. 2022. № 3. P. 24–28.
2. Alekseev S.S. General law theory. In 2 vol. M., 1982. Vol. 2. 360 p.
3. Grachev V.I., Marinkin I.O., Suslonova N.V. Pain mechanisms of the central nervous system // Norwegian journal of development of the international Science. 2019. № 30. P. 10–32.
4. Case № 1–391/2019 // Archive of the Zheleznodorozhny district court of Yekaterinburg.
5. Zinnatullin Z.Z., Egorova T.Z., Zinnatullin T.Z. Criminal procedural evidence: conceptual foundations: monography. Izhevsk: Detective-inform. 2002. 228 p.
6. Malisheva A.N. Additive utilities in the theory of choice of alternatives // UFU news. Technical science. 2010. № 12 (113). P. 83–88.
7. Mahrova E.I. Legal nature of professional legal awareness: concept, structure and functions // Society: politics, economics, law. Electronic resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-professionalnogo-pravosoznaniya-ponyatie-struktura-i-funktsii>. Date of last visit – 11.07.2023.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.U. Explanatory dictionary of the Russian language. Publishing house «Az». 1992. 960 p.
9. Official website of the Judicial department under the Supreme Court of the Russian Federation // Electronic resource: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>. Date of last visit – 27.07.23 г.
10. Panko N.K. The category of conscience in Russian criminal proceedings and its correlation with the problem of establishing the truth in a criminal case // Bulletin of VGU. Series: Law. 2019. № 3. P. 282–291.
11. Pobedkin A.V. Criminal procedural evidence. M., 2009. 416 p.
12. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 «On judicial practice in cases of crimes related to drugs, psychotropic, potent and poisonous substances» // Russian newspaper / Electronic resource: <https://rg.ru/documents/2006/06/28/verhovny-sud.html>. Date of last visit – 27.07.2023.
13. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of February 5, 2003 N850-Π02 // The text has not been officially published. SPS Garant. Electronic resource: <https://base.garant.ru/1782035/>. Date of last visit – 20.07.2023.
14. Verdict of the Sheksninsky district court of the Vologda region in case № 1–68/2019 dated by 18.07.2019 // Electronic journal «Criminal process». Electronic resource: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=80937202>. Date of last visit – 11.07.23.
15. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Commentary on the Code of Criminal procedure of the Russian Federation. Article by article. Under total ed. by A.V. Smirnov 6th edition. Electronic resource: <https://docs.cntd.ru/document/420368775/titles/7EE0KI>. Date of last visit – 05.07.2023.
16. Sicheva O.N. The presumption of the truth of the sentence in the modern criminal process: the dissertation of the candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2008. 182p.
17. Criminal procedure code of the RSFSR of October 27, 1960. Gazette of the Supreme Council of the RSFSR. 1960. № 40.
18. Criminal law in 2 volumes. Volume 1. General part: a textbook for universities / A.V. Naumov (and others); executive editors A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. – 5th ed., revised and additional – Moscow: Yurayt publishing house, 2023. 410 p.
19. Federal law «On the status of judges in the Russian Federation» dated June 26, 1992 № 3132–1 // Russian newspaper. 1992. July 29.
20. Chernenko T.G. Some issues of qualification of preparation for a crime and attempted crime // Bulletin of the Kuzbass institute. № 3 (28). 2016. P. 95–102.

Проблемные вопросы доказывания обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Чулков Игорь Александрович,

аспирант кафедры уголовно-процессуального права
им. Н.В. Радутной ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
E-mail: cia_92@mail.ru

Мера пресечения в виде заключения под стражу ограничивает право человека на свободу, право на личную неприкосновенность, гарантированные Конституцией РФ и нормами международного права, что, безусловно, требует повышенного внимания к основаниям применения самой строгой меры пресечения.

При подготовке к судебному заседанию, а также в ходе рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу у суда отсутствует возможность проверки достоверности сведений, содержащихся в материалах, прилагаемых к ходатайству.

Не совсем ясным, с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, является использование материалов, полученных следователем на этапе проверки сообщения о преступлении, в качестве доказательств обоснованности заключения лица под стражу. Ограниченные сроки подготовки соответствующего ходатайства зачастую не позволяют следователю в достаточной и полной мере выяснить все обстоятельства совершённого преступления, а суду – правильно оценить необходимость применения указанной меры пресечения.

В статье рассматриваются вопросы объективности и обоснованности вынесения судом решений о заключении лица под стражу, исследуются проблемы доказывания условий и оснований заключения под стражу, предлагаются варианты разрешения этих проблем.

Ключевые слова: полномочия суда, следователь, мера пресечения, заключение под стражу, допустимость доказательств, обоснованность.

Как известно, заключение под стражу является самой строгой из мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве, так как ограничивает право человека на свободу передвижения, право на личную неприкосновенность, предусмотренные как рядом нормативных правовых актов международного характера, так и нормами отечественного законодательства (ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации). Именно поэтому основания применения данной меры пресечения, порядок её избрания, в том числе действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, в целом подробно регламентированы уголовно-процессуальным законом.

При направлении в суд ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу на следователя возлагается обязанность не только *изложения* условий и оснований избрания данной меры пресечения, но и *подтверждения* обоснованности заявленного ходатайства (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Фактически следователь, прилагая к ходатайству соответствующие материалы, доказывает обоснованность и необходимость заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу.

Уже сам факт необходимости подтверждения обоснованности избрания данной меры пресечения одновременно ставит перед следователем несколько задач. С одной стороны, обеспечить интересы предварительного следствия, а именно: исключить возможность подозреваемого, обвиняемого скрыться от органов предварительного следствия и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, не допустить какого-либо воспрепятствования производству по уголовному делу. С другой стороны, обосновать перед судом возможную причастность данного лица к совершённому преступлению, тем самым, доказать необходимость применения ограничения свободы.

В свою очередь суд является главным гарантом соблюдения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого. Именно суд должен исключить необоснованное и незаконное применение соответствующей меры пресечения. Однако, несмотря на установление оснований избрания меры пресечения и постоянной проверки этих оснований при дальнейшем продлении срока содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей, по мнению практических работников юридической сферы – должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, нередко возбуждают данные ходатайства безосновательно и как следствие – суды принимают соответствующую

щие решения не всегда законно и обоснованно [1, с. 14]. Следователями неверно квалифицируются деяния, вменяемые подозреваемым, обвиняемым, несвоевременно проводятся необходимые следственные действия, допускаются различные нарушения, препятствующие расследованию [2, с. 11].

Однако справедливости ради необходимо отметить, что не всегда на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе с учётом уже проведённых следственных и иных процессуальных действий, можно окончательно и в полной мере объективно квалифицировать деяния или даже ряд деяний, совершённых лицом, привлекаемым к ответственности. Тем не менее, следователь фактически обязан предоставить суду доказательства причастности лица к совершённому преступлению, доказательства его намерения скрыться или препятствовать производству по уголовному делу.

Нередко такие «доказательства» добываются органами предварительного расследования, оперативными службами до возбуждения уголовного дела. Среди ученых в настоящий момент не существует единого мнения относительно возможности и законности использования в качестве доказательств сведений, полученных на этапе проверки сообщения о преступлении. Одни специалисты считают, что такие сведения не должны признаваться доказательствами, так как способы и методы их получения в рассматриваемой стадии не всегда соответствуют условиям допустимости, кроме того, содержащиеся в них сведения порою не в полной мере являются достоверными [3, с. 162]. По мнению других – материалы, полученные при проверке сообщения о преступлении, всё равно считаются полученными в ходе процессуальной деятельности, а значит – должны признаваться доказательствами в равной степени [4, с. 11], [5, с. 47–54]. К тому же, не будем забывать, что статья 74 УПК РФ признаёт доказательствами сведения, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Так верно или нет, с точки зрения уголовно-процессуального законодательства поступает следователь, ссылаясь на рассматриваемые данные в представленных материалах при обосновании избрания меры пресечения? В полной ли мере правомерно поступает суд, заключая лицо под стражу, основываясь на указанных данных, которые не в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам?

При решении вопроса об аресте подозреваемого, обвиняемого следователь должен в соответствии с ч. 1 ст. 100 УПК РФ или предъявить так называемое «дежурное» обвинение, фактически меняя статус подозреваемого, или же обязан предъявить обвинение в течении 10 суток. Таким образом, следователь, даже не имея в определённых случаях достаточной совокупности доказательств причастности лица к совершённому преступлению вынужден подготовить и предъявить подозреваемому обвинение. При этом сделать это ему необходимо исключительно в целях недопу-

щения возможности подозреваемого скрыться или препятствовать расследованию. Как процессуальное должностное лицо следователь одновременно несёт ответственность за обоснованность предъявленного обвинения. Он обязан установить все обстоятельства произошедшего, собрать, проверить, оценить все доказательства совершения им преступного деяния. И хотя УПК РФ определяет общий двухмесячный срок предварительного следствия и предоставляет возможность продления данного срока, фактически следователь при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу оказывается строго ограничен временными рамками.

Вместе с тем, как указывает Конституционный Суд РФ – именно должностное лицо органа предварительного расследования обязано (в кратчайший срок) предоставить совокупность доказательств, обосновывающих допустимость и необходимость избрания рассматриваемой меры пресечения, в последующем – продления срока содержания под стражей. Должны быть, пусть и предварительно, но доказано: наличие события преступления, его квалификация, причастность подозреваемого или уже обвиняемого к данному преступлению, перечень сведений о личности привлекаемого к ответственности лица, информация о судимости, об отношении преступления к сфере предпринимательской деятельности, наличие или отсутствие тяжёлого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, и другие сведения, подтверждающие подозрение, имеющие значение для решения вопроса об избрании меры пресечения [6, с. 8]. При этом суд, согласно того же постановления Конституционного Суда РФ, рассматривает эти сведения, не входя в обсуждение вопроса о виновности. Возникает вопрос: а не торопит ли законодатель следователя к рассмотрению вопроса уже о возможной виновности лица, заставляя в кратчайшие сроки поменять статус с «подозреваемого» на «обвиняемого»?

Опять же нельзя не вспомнить про презумпцию невиновности. Неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). К примеру, при вынесении приговора знания, основанные на вероятности, не могут быть использованы для обоснования обвинительного приговора. Внутреннее убеждение судьи основывается на совокупности имеющихся доказательств, которые должны быть объективными, то есть относимыми, допустимыми, достоверными и достаточными. А разве при вынесении такого решения как заключение лица под стражу суд не должен основываться на объективности, исключая любую вероятность? Получается, что нет. По нашему мнению, очевидно, что при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд не имеет полноценной возможности объективно проверить обоснованность предъявленного обвинения. То есть суд, фактически проверяет обоснованность подозрения лица, возможную причастность этого ли-

ца к инкриминируемому деянию. И вновь возникает вопрос: зачем тогда «процессуально торопить» следователя с предъявлением обвинения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу?

Кроме того, можно предположить, что зачастую, даже при наличии доказательств, содержащихся в прилагаемых к ходатайству материалов, мнение суда о вероятной причастности лица к совершённом преступлении всё равно остаётся предположительным. Рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд лишён возможности проверить в первую очередь достоверность показаний свидетелей или потерпевших, объективность сведений, изложенных в протоколах следственных действий, законность получения иных сведений, подтверждающих необходимость заключения лица под стражу. При этом согласно УПК РФ обстоятельства, на которые ссылается следователь как на доказательство обоснованности подозрения и заключения под стражу, не могут являться данными, не проверенными в ходе судебного заседания (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд хотя и не затрагивает вопросов виновности или невиновности, но, должен обладать всей процессуальной информацией, подтверждающей возможную причастность лица к расследуемому преступлению. Законодательно не установлены какие-либо процессуальные рамки или перечень сведений, которые должны содержаться в материалах прилагаемых к заявленному ходатайству. В связи с этим, на практике подобный перечень фактически устанавливается каждым судом по своему разумению, порой, затрудняя полноценное взаимодействие между судами и органами предварительного расследования. Следовательно нередко вынуждены предоставлять какие-либо дополнительные материалы непосредственно в судебное заседание.

С другой стороны, неопределённость в таких случаях порождает злоупотребления и со стороны самих следователей. Анализируя обоснованность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, суду также требуется уяснить, верно ли осуществлена уголовно-правовая оценка действий подозреваемого, обвиняемого, иначе говоря – правильно ли квалифицированы противоправные деяния. Нельзя отрицать тот факт, что при отсутствии у суда возможности полной, объективной проверки доказательств, имеющих в материалах, прилагаемых к ходатайству, вполне допустима изначально завышенная квалификация совершённого преступления, что даёт лишний аргумент следствию при обосновании необходимости заключения лица под стражу. Это, в свою очередь, способствует тому, что суд своим решением фактически утверждает незаконное и необоснованное ограничение конституционного права лица на свободу.

Таким образом, вполне закономерно возникновение двояких ситуаций: когда в предоставленных

суду материалах имеются доказательства, подтверждающие обоснованность предъявленного обвинения, но нет возможности проверки этих доказательств, есть доказательства, свидетельствующие о совершении преступления именно подозреваемым или обвиняемым, но отсутствует возможность проверить допустимость этих доказательств. Кроме того, при наличии в материалах уголовного дела данных об обстоятельствах, вызывающих сомнения в правильности квалификации действий привлекаемого к ответственности лица, при невозможности устранения указанных сомнений при производстве первоначальных следственных действий, следователь вряд ли будет предоставлять такие сведения суду или же защитнику, что, безусловно, также является нарушением, в первую очередь, принципа презумпции невиновности.

Всё изложенное, в совокупности, можно расценивать как нарушение не только прав подозреваемого, обвиняемого, но и как противоречие существу самого правосудия, порядка принятия судом процессуального решения о заключении лица под стражу. Решение суда, содержащее правовой вывод при отсутствии для него фактических оснований, само по себе не является правовым, и, следовательно, законным и обоснованным. Нередко подобное происходит вследствие невыполнения представителями стороны обвинения своих обязанностей по предоставлению суду доказательств, подтверждающих наличие оснований для принятия решения об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу [7, с. 139].

УПК РФ не закрепляет прямого указания на необходимость подтверждения доказательствами фактических оснований избрания рассматриваемой меры пресечения. Тем не менее, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что данные основания должны подтверждаться «достоверными сведениями и доказательствами» [8]. Следовательно, совокупность фактических обстоятельств, являющихся основаниями заключения лица под стражу, всё-таки должны подтверждаться сведениями, проверенными судом и сведениями, отвечающими требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством к доказательствам? Ответ на этот вопрос не совсем ясен.

Судебный контроль за действиями следователя в рассмотренных ситуациях также теряет свою значимость, становится фактически формальностью, направленной исключительно на проверку соблюдения процедуры избрания меры пресечения, но не на установление обстоятельств, подтверждающих необходимость применения такой особой меры пресечения. Суд не исследует с точки зрения доказательств сведения, указанные в ходатайстве, материалы, прилагаемые к ходатайству, не убеждается в законности их получения, допустимости и реальности, не имеет возможности в спорных ситуациях проверить правильность квалификации действий подозреваемого, обвиняемого, при этом, ссылаясь на тяжесть совершённого престу-

пления, как на одно из основных причин желая лица скрыться от органов следствия, попытаться избежать ответственности.

Проблема обоснованности и доказывания фактических оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по-прежнему активно обсуждается в научной литературе. Установление и подтверждение таких обстоятельств играет важную роль ещё и потому, что зачастую при продлении срока содержания под стражей суды ссылаются на то, что «обстоятельства, послужившие основанием для избрания лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, не отпали и не изменились [9, с. 139]».

Отсутствие детальной регламентации перечня и характера документов, предоставляемых следователем суду и содержащих доказательства обоснования избрания самой строгой из мер пресечения, невозможность суда объективно оценить законность получения доказательств, указываемых стороной обвинения, проверить их допустимость – всё это способствует вынесению судом нередко немотивированных и необоснованных решений, нарушающих одно из основных прав, гарантированных международными правовыми актами и Конституцией РФ, а именно – права на свободу.

По нашему мнению, частично решить указанные проблемы может процессуальное закрепление обязанности прокурора не только проверить обоснованность заявленного следователем ходатайства, но также обеспечить проверку законности и допустимости, предоставляемых следователем доказательств, достоверности сведений, содержащихся в материалах, прилагаемых к ходатайству.

Литература

1. Гордейчик С.А., Егорова Н.А. Судебный контроль при продлении срока содержания под стражей. // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 11–20;
2. Венев Д.А. Критерии неэффективной организации расследования при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого. // Российский следователь. 2020. № 3. С. 10–19;
3. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. – М.: ТК Велби, 2004. – Ч. I. – 220 с.
4. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК. – М.: Таглитат, 2006. 256 с.
5. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10. С. 47–54
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П // Российская газета. – 2018, 04 апр. – № 70(7533);
7. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография. Отв. ред. Л.Н. Масленникова. Норма, ИНФРА-М, 2022. 368 с.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»
9. Рудич В.В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе. – М., 2018. С. 264

PROBLEMATIC ISSUES OF PROVING THE VALIDITY OF CHOOSING A MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF DETENTION.

Chulkov I.A.

Russian State University of Justice

A measure of restraint in the form of detention restricts a person's right to freedom, the right to personal integrity, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation and international law, which, of course, requires increased attention to the grounds for applying the most severe measure of restraint.

When preparing for a court session, as well as during the consideration of a petition for choosing a measure of restraint in the form of detention, the court does not have the opportunity to verify the accuracy of the information contained in the materials attached to the petition.

It is not entirely clear, from the point of view of the criminal procedural legislation, is the use of materials obtained by the investigator at the stage of checking the report of a crime as evidence of the validity of the detention of a person. The limited time for preparing the relevant petition often does not allow the investigator to sufficiently and fully clarify all the circumstances of the crime committed, and the court to correctly assess the need to apply the specified measure of restraint.

The article discusses the issues of objectivity and validity of the court's decision to place a person in custody, explores the problems of proving the conditions and grounds for detention, suggests options for resolving these problems.

Keywords: powers of the court, investigator, measure of restraint, detention, admissibility of evidence, validity.

References

1. Gordeychik S.A., Egorova N.A. Judicial control when extending the period of detention. // Advocate practice. 2022. No. 3. S. 11–20;
2. Venev D.A. Criteria for ineffective organization of the investigation when considering a petition to extend the period of detention of the accused. // Russian investigator. 2020. No. 3. P. 10–19;
3. Petrukhin I.L. Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia. – M.: TK Velby, 2004. – Part I. – 220 p.
4. Bykov V.M., Berezina L.V. Evidence at the stage of initiating a criminal case under the Code of Criminal Procedure. Kazan: Taglimat, 2006. 256 p.
5. Sheifer S.A. Problems of the admissibility of evidence require further development // State and Law. 2001. No. 10. S. 47–54
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2018 No. 12-P // Rossiyskaya Gazeta. – 2018, 04 Apr. – No. 70(7533);
7. Evidence and decision-making in adversarial criminal proceedings: monograph. Responsible editor L.N. Maslennikov. Norma, INFRA-M, 2022. 368 p.
8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41 (as amended on June 11, 2020) «On the practice of application by courts of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions»
9. Rudich V.V. Organizational and legal mechanism for the application of preventive measures in criminal proceedings. – M., 2018. S. 264

Проблемы сбора криминалистически значимой информации при производстве судебно-медицинской экспертизы скелетированных и мумифицированных трупов

Шкрабак Владислава Андреевна,

магистрант, кафедра уголовного права и уголовного процесса в криминалистике Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: vshcrabak@yandex.ru

В статье анализируются актуальные проблемы, которые возникают в процессе проведения судебно-медицинской экспертизы скелетированных и мумифицированных трупов. Автор обращает внимание на ограниченные возможности такой экспертизы, а также на неполное использование всех ее возможностей. Выявленные проблемы подтверждаются примерами из судебной практики. Также в статье отмечаются недостатки правового регулирования судебно-медицинской экспертизы трупа. На основе анализа автор формулирует рекомендации, которые направлены на решение выявленных проблем.

Представляется необходимым обеспечить более детальное регулирование вопросов проведения СМЭ трупов, в том числе находящихся в скелетированном и мумифицированном состоянии. Данная задача может быть решена путём дополнения упомянутого приказа соответствующими нормами, которые бы детализировали нюансы производства СМЭ. Думается, что предлагаемая мера будет способствовать повышению качества проводимых экспертиз, а также обеспечит определенную стандартизацию в части применяемых подходов и методик.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация, мумифицированный труп, скелетированный труп, судебно-медицинская экспертиза, экспертиза, экспертиза трупа.

Проблематика организации и производства судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ) отличается актуальностью в контексте установления обстоятельств смерти (причины, момента и пр.), особенно в случаях, когда причины смерти носят криминальный характер. Указанная проблематика становится еще более актуальной в случаях производства СМЭ скелетированного или мумифицированного трупа, когда по объективным причинам круг доступных для собирания криминалистически значимых сведений о смерти и возможном преступлении, обусловившем ее наступление, существенно сужается. Это, в свою очередь, затрудняет и работу следственных органов, нацеленную на установление всех обстоятельств случившегося и раскрытие преступления (если таковое имело место).

СМЭ трупа, призванная обеспечить сбор криминалистически значимой информации об обстоятельствах, предвалявших наступление смерти и сопутствовавших ей, зачастую оказывается не вполне эффективным инструментом по самым разным причинам. В этой связи наиболее сложные случаи СМЭ, в том числе, случаи СМЭ мумифицированных и скелетированных трупов представляют особый научный и практический интерес, что и обусловило выбор данной темы.

В первую очередь следует уточнить содержание ключевых терминов, а именно скелетирования и мумификации. Под скелетированием понимается разрушение мягких тканей трупа, в результате чего кости оказываются обнажены [4, с. 194]. Мумификацией признается высушивание тканей трупа, достигшее крайней степени [4, с. 123].

Как скелетирование, так и мумификация, могут быть рассмотрены в двух аспектах: с одной стороны, это определённые процессы, происходящие в трупе; с другой – это результаты изменений трупа. Однако для данного исследования указанные нюансы особого значения не имеют: и скелетирование, и мумификация являются процессами и (или) результатами взаимодействия организма умершего человека в окружающей среде, причем такое взаимодействие, как указывают А.А. Теньков, А.А. Кривохатко и А.С. Хозиков, носит пассивный характер и затрагивает макроскопические и микроскопические структуры [8, с. 201].

Действующие уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, которые бы в достаточной степени детализировали вопросы производства СМЭ в отношении трупов, в том числе и в отношении скелетированных и мумифицированных трупов. Ключевым нормативным докумен-

том, обеспечивающим регламентацию такого рода вопросов, является Приказ Минздравсоцразвития № 346н [1].

В указанном документе, помимо организационного, также выделяются три основных этапа СМЭ трупа:

1. Этап наружных исследований трупа.
2. Этап внутренних исследований трупа.
3. Этап лабораторных и инструментальных исследований объектов, изъятых из трупа.

Каждый этап указанной экспертизы, применительно к скелетированному или модифицированному трупу, имеет свою специфику, требующую пристального рассмотрения.

Однако прежде чем рассматривать каждый из указанных нюансов, следует отметить, что вопросы, ставящиеся перед экспертом, которому поручено производство СМЭ в отношении скелетированного или мумифицированного трупа, в целом аналогичным вопросам, ставящимся перед экспертом в случае исследования трупа на более ранних стадиях, и касаются:

1. Обстоятельств наступления смерти (время, причина, механизм причинения повреждения).
2. Личности умершего человека (раса, пол, возраст, телосложение, особенности) [6, с. 145].

Безусловно, определённые вопросы могут касаться и личности возможного преступника, а также следов иных лиц, которые, возможно, присутствовали на месте, где был найден скелетированный или мумифицированный труп. Однако, как правило, сведения такого рода либо отсутствуют вовсе, либо минимальны.

Основное внимание, безусловно, следует уделить рассмотрению тех особенностей скелетированных и мумифицированных трупов, ввиду наличия которых затрудняется или даже становится невозможным получение той или иной криминалистически значимой информации. Одна из таких особенностей состоит в отсутствии возможности изъятия образцов крови. В таком случае руководствуются подпунктом 74.3 Приказа Минздравсоцразвития № 346н, предусматривающего взятие сохранившихся объектов, а именно ногтей, волос, фрагментов костей, также при наличии – фрагментов мягких тканей. При этом особую ценность в плане получения криминалистически значимой информации представляют те фрагменты костной ткани, на которых сохранилось губчатое мозговое вещество.

Имея в своем распоряжении указанные объекты, эксперт может, как правило, установить некоторые основные сведения об умершем, а именно его расовую и половую принадлежность, приблизительный возраст, длину тела. Также имеется и возможность установления давности наступления смерти, врожденных и (или) приобретенных особенностей развития и строения костей [7, с 51].

Посредством генетической экспертизы (ДНК-экспертизы) возможно решение достаточно широкого спектра криминалистических задач диагностической и идентификационной направленности. В этом случае возможности кардинально рас-

ширяются, если имеются лица, с которыми у умершего могли быть родственные связи. В случае отсутствия таковых возможности указанной экспертизы существенно снижаются.

В случае отсутствия возможности идентифицировать личность умершего гражданина, труп которого находится в скелетированном состоянии, практически единственной возможностью получить хотя бы какие-то сведения становится реконструкция лица по черепу, если таковой сохранился в приемлемом для реконструкции состоянии. На широкие возможности реконструкции указывает, в частности, Е.А. Едомский [5, с. 22].

Недоступность или ограниченность возможностей решение определённых криминалистических задач при проведении СМЭ скелетированного или мумифицированного трупа становится ещё более очевидной, если обратиться к материалам судебной практики. Так, давая заключение по итогам СМЭ трупа в рамках дела № 2–5/2023, рассмотренного Ярославский областным судом, эксперт отметил невозможность установления причины смерти гражданина именно ввиду скелетирования, указав при этом на «практически полное отсутствие мягких тканей, полное отсутствие всех внутренних органов, отсутствие части костей» [2].

Момент наступления смерти в указанном деле эксперт смог определить тоже весьма неточно, указав на период времени от нескольких месяцев до нескольких лет, предшествовавший дню производства экспертизы и сославшись при этом на недостаточность объективных данных.

В то же время, экспертиза позволила установить наличие тупой травмы головы и ряда других тяжелых повреждений в области головы, поскольку все повреждения имелись на костной ткани черепа. В то же время эксперт не смог ответить на вопрос о том, являлись ли выявленные повреждения прижизненными или же были нанесены уже после наступления смерти, поскольку ни мягких тканей, в том числе, головного мозга, не сохранилось.

В экспертном заключении также отмечалась невозможность достоверно установить наличие или отсутствие состояния алкогольного опьянения, также следов волочения и изменения положения тела после наступления смерти. Соответственно, значительная часть криминалистически значимой информации оказалась утраченной по объективным причинам, обусловленным именно скелетированием.

Нельзя отрицать и то, что при экспертизе мумифицированного или скелетированного трупа одна информация устанавливается сравнительно точно, другую же установить крайне сложно или даже невозможно. Так, примерный возраст и половая принадлежность устанавливаются практически всегда при наличии в распоряжении эксперта полного скелета [6, с. 146]. А выявить, например, повреждения и оценить их характер часто оказывается невозможно. Хотя в случае повреждения костных тканей данная проблем решена может быть. Так, в результате СМЭ скелетированного трупа,

назначенной по делу № 2–5/2023, которое упоминалось выше, эксперт установил наличие, в частности, тупой травмы головы [2].

Отмечая относительно малые возможности получения криминалистически значимой информации при производстве СМЭ скелетированных и мумифицированных трупов, нельзя не отметить и то, что даже имеющиеся возможности нередко используются не в полной мере [6, с. 145]. Хотя сделать точный вывод о том, все ли возможности использованы, тоже не всегда представляется возможным.

В подтверждение изложенного уместно привести пример из судебной практики. Так, Макаровским районным судом (Сахалинская область) был вынесен приговор по делу № 1–59/2018 [3], в котором в числе доказательств упоминаются результаты экспертизы реконструкции прижизненного облика лица (по черепу). В то же время в указанном приговоре ничего не говорится о, каким именно образом удалось использовать полученное изображение или же не удалось. И подобных примеров немало, хотя в данной работе и все их рассматривать не представляется возможным.

Современная практика криминалистической деятельности в целом, и в том числе в части производства СМЭ в отношении мумифицированных и скелетированных трупов, находится на достаточно высоком уровне, что даёт возможность получать много криминалистически значимой информации как о причинах смерти, так и об обстоятельствах, предшествовавших и сопутствовавших ее наступлению. В то же время объём такой информации оказывается существенно меньшим, чем в случаях, когда труп не достиг указанных состояний и сохранил мягкие ткани, внутренние органы, кожу.

Утрата трупом многих криминалистически значимых признаков обуславливает необходимость максимально полно использовать имеющуюся информацию, в связи с чем её сбор должен быть организован максимально рационально, эффективно, без каких-либо упущений. В этой связи нормативная основа СМЭ представляет особую важность, как условие для обеспечения надлежащего качества СМЭ. Однако нормативное регулирование вопросов производства СМЭ, в том числе СМЭ в отношении скелетированных и мумифицированных трупов, представляется недостаточно детальным.

Признавая большое значение Приказа Минздрава № 346н, следует подчеркнуть его недостаточность для регламентации криминалистической практики в части СМЭ трупа. В указанном документе упоминается лишь об отдельных нюансах экспертизы такого рода трупов, в то время как требующих внимания проблем много.

Учитывая изложенное, представляется необходимым обеспечить более детальное регулирование вопросов проведения СМЭ трупов, в том числе находящихся в скелетированном и мумифицированном состоянии. Данная задача может быть решена путём дополнения упомянутого приказа соответствующими нормами, которые бы детализи-

зировали нюансы производства СМЭ. Думается, что предлагаемая мера будет способствовать повышению качества проводимых экспертиз, а также обеспечит определенную стандартизацию в части применяемых подходов и методик.

Литература

1. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – № 186.
2. Приговор Ярославского областного суда от 20.02.2023 по делу № 2–5/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/BQjYyPsiWUV1/> (дата обращения: 17.08.2023).
3. Приговор Макаровского районного суда (Сахалинская область) от 22.11.2018 по делу № 1–59/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/CpYzU4bFfHd1/> (дата обращения: 17.08.2023).
4. Буромский, И.В. Судебно-медицинская экспертиза: Термины и понятия: словарь для юристов и судебно-медицинских экспертов / И.В. Буромский, В.А. Клевно, Г.А. Пашинян. – М.: Норма, 2006. – 256 с.
5. Едомский, Е.А. Реконструкция внешнего облика как один из видов медико-криминалистической идентификации неопознанного трупа / Е.А. Едомский // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики: сб. науч. тр. / Пред. редколлегии Я.М. Мазунин. Вып. 11. – Омск, 2021. – С. 22–26.
6. Натура, Д.А. Судебно-медицинская экспертиза скелетированных и мумифицированных трупов как источник криминалистически значимой информации в процессе доказывания по уголовному делу / Д.А. Натура // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 4(359). – С. 145–148.
7. Семенов, В.В. К вопросу об определении половой принадлежности скелетированных костей / В.В. Семенов // Судебная экспертиза Беларуси. – 2016. – № 2(3). – С. 51–56.
8. Теньков, А.А. Криминалистическое значение внешнего облика трупа, обнаруженного на месте происшествия / А.А. Теньков, А.А. Кривохатко, А.С. Хозиков // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15, № 6. – С. 201–203.

PROBLEMS OF COLLECTING CRIMINALISTIC SIGNIFICANT INFORMATION IN THE PRODUCTION OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION OF SKELETONIZED AND MUMMIFIED CORPSES

Shkrabak V.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article analyzes the relevant problems that arise in the process of conducting a forensic medical examination of skeletonized and mummified corpses. The author draws attention to the limited possibilities of such an examination, as well as to the incomplete use of all its possibilities. The identified problems are confirmed by examples from judicial practice. The article also notes the shortcomings of the legal regulation of the forensic medical examination of the corpse. Based on the analysis, the author formulates recommendations that are aimed at solving the identified problems.

It seems necessary to provide a more detailed regulation of the issues of carrying out SEM of corpses, including those in a skeletonized and mummified state. This task can be solved by supplementing the mentioned order with the relevant norms that would detail the nuances of the production of the SME. It seems that the proposed measure will help improve the quality of the examinations carried out, as well as provide a certain standardization in terms of the approaches and methods used.

Keywords: criminalistic significant information, mummified corpse, skeletonized corpse, forensic medical examination, examination, examination of a corpse.

References

1. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 346n dated 12.05.2010 «On approval of the Procedure for the organization and production of forensic medical examinations in state forensic institutions of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – № 186.
2. The verdict of the Yaroslavl Regional Court of 20.02.2023 in case No. 2–5/2023 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/BQjYyPsiWUV1> / (accessed: 08/17/2023).
3. The verdict of the Makarovskiy District Court (Sakhalin region) of 22.11.2018 in case no. 1–59/2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. – Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/CpYzU4bFfHd1> / (accessed: 08/17/2023).
4. Buromsky, I.V. Forensic medical examination: Terms and concepts: dictionary for lawyers and forensic medical experts / I.V. Buromsky, V.A. Klevno, G.A. Pashinyan. – M.: Norm, 2006. – 256 p.
5. Edomsky, E.A. Reconstruction of the external appearance as one of the types of medical and forensic identification of an unidentified corpse / E.A. Edomsky // Problems of forensic science, investigative and expert practice: collection of scientific papers / Chairman of the Editorial Board Ya.M. Mazunin. Issue 11. – Omsk, 2021. – pp. 22–26.
6. Natura, D.A. A Forensic medical examination of the skeletal and mummified corpses, as a source criminalistic significant information in the course of proof on criminal case / D.A. Natura // Bulletin of Chelyabinsk state university. – 2015. – No 4(359). – pp. 145–148.
7. Semyonov, V.V. Revisiting the definition of the gender identity of the skeletal bones / V.V. Semyonov // Forensic examination of Belarus. – 2016. – No 2(3). – pp. 51–56.
8. Tenkov, A.A. Forensic significance of the appearance of the corpse found at the scene / A.A. Tenkov, A.A. Krivokhatko, A.S. Khozikov // Problems of economics and legal practice. – 2019. – Vol. 15, No 6. – pp. 201–203.

Сравнительное исследование законодательства о юрисдикции по гражданским процессам, связанным с иностранными делами, между Китаем и Россией

Мэн Гаочжэн,

магистр права, Юридический факультет, Российский университет дружбы народов
E-mail: 1032228531@rudn.ru

Ермакова Елена Петровна,

кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН)
E-mail: ermakova-ep@rudn.ru

В статье проводится сравнение и анализ соответствующего законодательства Китая и России, а также выявление некоторых проблем в соответствующих нормативных актах Китая. Россия является относительно зрелой с точки зрения территориальной юрисдикции, исключительной юрисдикции, юрисдикции по соглашению, а также признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, что соответствует международным законодательным тенденциям, и у Китая есть чему поучиться. В этой статье в основном используются такие методы исследования, как исторический анализ, сравнительный анализ и индукция. Статья разделена на три части: в первой разбирается понятие юрисдикции по гражданским делам, связанным с иностранными делами; во второй части рассматривается эволюция соответствующих законов в Китае и России. Во-вторых, конкретное содержание действующего законодательства в Китае и России сравнивается и анализируется с точки зрения региональной юрисдикции, признания и исполнения решений иностранных судов и т.д., а также обобщены сходства и различия между нормативными актами двух стран; третья часть – сравнение в предыдущей части.[7] На основе анализа выявляются некоторые лазейки в соответствующем законодательстве Китая, и, наконец, в сочетании с международными достижениями и передовым законодательством соответствующих стран выдвигаются предложения по совершенствованию соответствующего законодательства Китая.

Ключевые слова: законодательство юрисдикции, иностранное гражданское судопроизводство, сравнительное исследование.

Введение

Под влиянием волны экономической глобализации участились межнациональные обмены между странами, возникло больше гражданско-правовых отношений, а также с каждым днем увеличиваются споры, связанные с иностранными делами.[12] Лучший способ разрешить гражданские и коммерческие споры, связанные с иностранными гражданами, – это процедуры гражданского судопроизводства, связанные с иностранными гражданами. Когда гражданский спор, связанный с иностранными гражданами, рассматривается в судебном порядке, установление юрисдикции является проблемой, которую необходимо решить в первую очередь. Это обязательное условие для того, чтобы страна принимала и рассматривала дела, связанные с иностранными делами. Рациональное осуществление юрисдикции различными странами имеет большое значение для защиты законных прав и интересов сторон и поддержания нормального международного экономического обмена. Однако в настоящее время международное сообщество не имеет единой всеобъемлющей конвенции о международной гражданско-процессуальной юрисдикции, и страны осуществляют юрисдикцию только на основе суверенитета. В силу различных исторических условий и культурных традиций существуют большие различия в системе и содержании законодательства о подсудности иностранных дел в разных странах. Россия является соседом Китая. По мере углубления экономических реформ и открытости Китая китайско-российские экономические и торговые обмены становятся все более активными. В настоящее время Китай и Россия имеют обширное сотрудничество в области экономики, технологий и культуры. В конце 2011 года Россия успешно вступила во Всемирную торговую организацию, что открыло новые возможности для внешнеэкономического и торгового развития России. Считается, что гражданские и торговые обмены между Китаем и Россией также получат более глубокое развитие в будущем.[13]

Значение юрисдикции по гражданским делам, связанным с иностранными делами

Во второй половине 20 века международные гражданские и торговые обмены получили беспрецедент-

ное развитие, сопровождавшееся быстрым ростом международных гражданских споров, что привело к большому количеству международных гражданских исков (по сравнению с определенной страной, также известной как зарубежная гражданские иски). Юрисдикция в гражданских судебных процессах, связанных с иностранными делами, относится к юрисдикции судов страны или других судебных органов, обладающих судебными полномочиями, чтобы принимать и рассматривать гражданские дела с факторами, связанными с иностранными. Он основан на государственной власти и разделяет юрисдикцию внутри всего международного сообщества, что является воплощением национального суверенитета. В судебном разбирательстве конкретных гражданских дел, связанных с иностранными делами, определение юрисдикции является предварительным вопросом. Только после определения подведомственности дела могут быть осуществлены последующие судебные действия. Некоторые ученые используют термин «подсудность в международном гражданском судопроизводстве», но автор считает, что нет существенной разницы между «подсудностью в иностранном». Слово «международный» выражается в международном. положения о подсудности гражданского судопроизводства в Китае; понятие «иностраный» используется также в переводе китайских ученых положения о российском гражданском судопроизводстве, поэтому автор использует выражение «подведомственность в гражданском процессе зарубежного производства» статья. (Пункт 2 статьи 404 ГПК РФ)

Общие принципы установления юрисдикции в гражданском процессе, связанном с иностранными делами

В настоящее время единого международного гражданского процессуального права в области международного частного права не существует, и каждая страна проводит границы юрисдикции в соответствии со своим пониманием основного назначения юрисдикции. Юрисдикционное законодательство постепенно влияет, проникает и даже в некоторых аспектах сливается в процессе правового обмена. Некоторые важные принципы определения юрисдикции были накоплены, усвоены и приняты большинством стран (Это отражено в статье 236 Гражданского процессуального закона Китая (в первую очередь применяются международные договоры); Статья 406 ГПК РФ (одно дело, один иск на основании международных договоров).

Принцип национального суверенитета и принцип согласованной юрисдикции

Принцип национального суверенитета изначально выдвигался как основной принцип международного публичного права, а теперь стал основным критерием регулирования гражданских и торговых отношений, связанных с иностранными государствами. Суверенитет – это неотъемлемая высшая власть страны по самостоятельному ведению своих

внутренних и внешних дел, а суверенитет – это основной принцип регулирования национального публичного права и международного частного права. В гражданском процессе, связанном с иностранными делами, принцип национального суверенитета проходит через всю судебную деятельность.[8]

Принцип согласованной юрисдикции является принципом, соответствующим принципу национального суверенитета. Этот принцип означает, что страны мира должны учитывать соответствующую законодательную и судебную практику других стран, а также международного сообщества при проведении законотворческой и судебной деятельности по подведомственности иностранных гражданских дел. Общей практикой является попытка избежать и устранить конфликты юрисдикции в гражданских судебных процессах, связанных с иностранными делами. В настоящее время этот принцип также широко принят странами во всем мире. Ни одна страна не может полностью блокировать контакты с другими странами.

Принцип территориальной юрисдикции и принцип персональной юрисдикции

Территориальная юрисдикция и персональная юрисдикция являются проявлениями принципа национального суверенитета в вопросах гражданской и коммерческой юрисдикции, связанных с иностранными государствами. Территориальная юрисдикция, также известная как территориальная юрисдикция, означает, что страна обладает юрисдикцией в отношении всех лиц, объектов, юридических событий и юридических действий на своей территории в соответствии с принципом территориального суверенитета; место жительства или обычное место жительства, или место, где находятся вещи или где совершаются юридические события и действия, находятся на территории этой страны (Подсудность по соглашению предусмотрена статьей 242 Гражданского процессуального закона Китая и статьей 404 Гражданского процессуального закона России).

Персональная юрисдикция подчеркивает национальность сторон и означает, что суды страны имеют право принимать и рассматривать все судебные дела с участием ее собственных граждан; основанием его юрисдикции является то, что один из участников процесса является гражданином страны, которой принадлежит суд. Французское право и другие правовые системы, последовавшие его примеру, уделяют больше внимания принципу правосубъектности и рассматривают национальность как основное звено при выборе юрисдикции суда. Этот принцип уделяет пристальное внимание интересам собственных граждан. Неохотное применение этого принципа заставляет страну. Суды приобретают юрисдикцию, а вынесенные решения не будут признаваться и исполняться иностранными судами. Поэтому, когда страны устанавливают юрисдикцию, использование принципа правосубъектности имеет тенденцию к ослаблению.[6]

Принцип учета волеизъявления сторон

Свобода договора и автономия частного права являются основными принципами, признанными сегодня международным сообществом. Учитывается воля сторон, то есть стороны определяют по соглашению до или после возникновения спора, какая страна будет осуществлять над ним юрисдикцию. Если суд, выбранный сторонами, не нарушает императивные правовые положения (такие как иерархическая юрисдикция и исключительная юрисдикция), большинство стран разрешают сторонам выбирать суд юрисдикции по соглашению. Будь то страна с системой общего права или страна с системой гражданского права, эффективная юрисдикция по соглашению может иметь существенные последствия, и в этих двух странах действуют примерно одинаковые правила в отношении элементов, позволяющих судить о действительности соглашения. Единственное отличие состоит в том, что даже если соглашение о юрисдикции действует, судьи в странах общего права по-прежнему имеют право решать, осуществлять ли юрисдикцию; судьи в системах гражданского права не обладают такой свободой действий.[14]

Сравнение законодательства юрисдикции Китая и России в гражданском процессе, связанном с иностранными делами

Основа юрисдикции для гражданского судопроизводства, связанного с иностранными делами, относится к условиям, стандартам или причинам, по которым страна может осуществлять юрисдикцию в отношении определенного гражданского и коммерческого спора, связанного с иностранными делами. Из-за различных национальных условий и политических, экономических и культурных особенностей разных стран также существуют большие различия в юрисдикционной основе дел, связанных с иностранными делами, в разных странах. В следующей статье будет проведено сравнение соответствующего законодательства двух стран. Кроме того, в последней части данной части будет проведено сравнение и анализ косвенной общей юрисдикции Китая и России, то есть законодательства о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов. Взяв историю как зеркало, мы можем знать взлеты и падения. Продолжный исторический анализ очень полезен для понимания предыстории, развития и действующего законодательства иностранной юрисдикции в Китае и России.[10]

Сравнительный анализ региональной юрисдикции

Территориальная юрисдикция, также известная как территориальная юрисдикция, означает, что страна обладает юрисдикцией в отношении всех лиц, объектов, юридических событий и юридических действий на своей территории в соответствии с принципом территориального суверенитета. Исходя из различного содержания, территориальная

юрисдикция может быть далее разделена на общую территориальную юрисдикцию и специальную территориальную юрисдикцию. Система, основанная на постоянном или обычном местожительстве ответчика в стране, к которой принадлежит суд, называется «принципом истца-ответчика», также известным как обычная территориальная юрисдикция.

(1) Основной вопрос: определение «домицилирования» в Китае и России. В соответствии с положениями соответствующих китайских законов под местом жительства гражданина понимается «место регистрации домохозяйства гражданина». Если место жительства гражданина не соответствует его обычному месту жительства, оно подсудно народному суду по месту обычного жительства, то есть гражданин проживал непрерывно более одного года после оставления места жительства и подачи иска. Место. Под местожительством юридического лица или иной организации понимается основное место деятельности или местонахождение головного офиса юридического лица или иной организации. Если сторона имеет два или более коммерческих офиса, то коммерческий офис, который имеет самую тесную связь с гражданскими отношениями в споре, имеет преимущественную силу; если сторона не имеет коммерческого офиса, ее местожительство или постоянное местонахождение имеют преимущественную силу. Видно, что место жительства юридического лица в Китае определяется «местонахождением центра управления».[5]

Местом жительства граждан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации является место, где обычно проживают или преимущественно проживают граждане; местом жительства несовершеннолетних в возрасте до 14 лет и граждан, находящихся под опекой, является место жительства их законных представителей: родителей, усыновителей или попечителей, земельный участок. В настоящее время некоторые граждане России имеют несколько домов и несколько мест жительства. В судебной практике обычным методом является определение постоянного или основного места жительства гражданина по статусу регистрации гражданина, а не по номеру прописки в свидетельстве о гражданстве. То есть граждане должны обращаться в суд по месту регистрации по месту жительства. Россия устанавливает место жительства юридических лиц в качестве места государственной регистрации и требует, чтобы юридические лица регистрировались в государстве по месту нахождения их постоянно действующих исполнительных органов. Место зарегистрировано в штате. Такая доктрина называется теорией регистрации или теорией учреждения. Тогда могут быть следующие ситуации: юридическое лицо, созданное гражданином России, зарегистрировано в других странах, но осуществляет предпринимательскую деятельность только в России. Поскольку это юридическое лицо не зарегистрировано в России, считается, что оно не имеет постоянного места жительства в России.[4]

(2) Сходства между Китаем и Россией с точки зрения территориальной юрисдикции. Первое сходство заключается в том, что и в Китае, и в России существует система общей юрисдикции «истец против ответчика». Страны гражданского права считают эту систему доминирующим принципом юрисдикции, а также одним из связующих факторов для установления юрисдикции в системах общего права. Система «истец против ответчика» имеет давнюю историю, восходящую к древнеримской эпохе, и имеет свою рациональность. Например, помогает удержать стороны от злоупотребления своим правом на предъявление иска и защитить законные права ответчика; это может облегчить судебный процесс и облегчить вызов подсудимого, расследование и сбор доказательств и т.д. Конечно, эта система также нерациональна. Некоторые ученые отмечают, что юрисдикция суда, в котором находится ответчик, не отвечает требованиям равенства процессуальной справедливости и, вероятно, увеличивает стоимость защиты законных интересов сторон. Таким образом, видно, что законодательством Китая и России предусмотрено большое количество норм специальной региональной юрисдикции при сохранении принципа «истец – ответчик».[9]

Второе сходство заключается в том, что «ответчик имеет собственность в стране» как основание для определения юрисдикции. Статья 241 Гражданского процессуального кодекса Китая предусматривает несколько условий юрисдикции суда, в котором находится имущество: ответчик не имеет постоянного места жительства в Китае; он применяется к контрактным спорам и спорам об имущественных интересах, за исключением споров о личной юрисдикции; и подчеркивает, что это имущество может быть конфисковано. Пункт 2 статьи 402 ГПК РФ и пункт 1 статьи 247 АПК РФ также предусматривают, что местонахождение имущества может быть использовано в качестве основания для подсудности, но не содержат ограничительных положений, подобных китайскому законодательству. Это означает, что если у ответчика есть имущество в России, истец может подать иск в местный российский суд, обладающий соответствующей юрисдикцией. Преимущество использования места нахождения объекта в качестве юрисдикционного суда много: это способствует защите интересов правообладателей в стране, удобно для исполнения судебных решений. Однако чрезмерный упор на подсудность суда по месту нахождения имущества вне зависимости от таких факторов, как его стоимость и отношение к делу, склонен к явлению «подведомственности зубной щетки». Поэтому более рационально налагать разумные ограничения на юрисдикцию суда, в котором находится имущество ответчика, что также является тенденцией законодательства различных стран (Статья 1 Разъяснений Верховного народного суда по вопросам, применимым к законодательству при рассмотрении дел о спорах о нарушении авторских прав на сетевые ресурсы, предусматривает, что дела

о спорах о нарушении авторских прав на сетевые ресурсы подведомственны суду по месту совершения нарушения или местонахождению ответчика.).

Третье сходство основано на «месте исполнения договора» как на юрисдикционном основании. В спорах о договорах и других имущественных правах и интересах договорные споры регулируются Гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации и Законом об арбитражном разбирательстве, оба из которых предусматривают, что часть или весь договор исполняется в России, и российские суды обладают юрисдикцией. Китайский гражданско-процессуальный закон также предусматривает, что место исполнения контракта может быть использовано в качестве основания для юрисдикции, но следует отметить, что в Китае место исполнения контракта является лишь одним из видов основания юрисдикции. Кроме того, место заключения договора также может регулировать договорные дела. Что касается развития современной электронной коммерции, то все больше контрактов часто подписывается через компьютерные сети, поэтому место, где заключаются контракты, во многом случайно или неопределенно. Географический диапазон, связанный с договором, относительно сложен, включая место, где договор обсуждается, подписывается, исполняется, находится предмет договора, местожительство или место жительства сторон, гражданство сторон и т.д., и только место исполнения договора может лучше отражать договор. характеристики и стоимость.[11]

Сравнительный анализ нормативных актов о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов

Страна решает, признавать ли и приводить в исполнение решения иностранных судов, проверяя, подходит ли юрисдикция, также известная как непрямая общая юрисдикция. Признание решений иностранных судов означает, что страна признает, что права и обязанности между сторонами и другие вопросы, подтвержденные решениями иностранных судов, имеют одинаковую юридическую силу на ее территории. Исполнение решений иностранных судов означает, что страна на основании признания решений иностранных судов приводит в исполнение иностранные решения в соответствии со своими правовыми процедурами, так же как и исполнение внутренних решений.[2]

Если оставить в стороне двусторонние и многосторонние международные договоры о судебной помощи, которые Китай и Россия подписали или в которых участвовали с другими странами, если мы просто сравним внутренние законы Китая и России о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, законодательство Китая выглядит расплывчатым: Гражданско-процессуальный закон Китая чрезмерно обобщает условия отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов. Китайский гражданско-процессуальный закон только предусматривает, что «нарушения основных принципов

китайского законодательства или национально-го суверенитета, безопасности, социальных и общественных интересов» не должны признаваться и применяться. Соответствующее российское законодательство сначала делит заявление о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов на две категории, одна требует признания и приведения в исполнение, а другая требует только признания. Однако основания для отклонения обоих видов заявлений одинаковы: иностранный суд не обладает юрисдикцией; проигравшей стороне предоставлена недостаточная помощь; решение не вступило в законную силу в соответствии с законодательством страны происхождения; общественный интерес и общественный порядок. Правила Китая слишком широки и игнорируют многие вопросы. Юрисдикция является обязательным условием для всех судебных решений. Ключевым фактором является наличие у иностранного суда юрисдикции и признание его решений. В законодательстве и договорах о судебной помощи различных стран юрисдикция иностранных судов рассматривается как первичное условие признания и исполнения их решений. Однако в Китае нет четких требований к юрисдикции иностранных судов. Кроме того, в Китае нет правил проверки легитимности судебных разбирательств в иностранных судах, и нет требований к иностранным судам предоставлять проигравшей стороне достаточные возможности явиться в суд для ответа и возражений.[3]

Заключение

Как упоминалось выше, каждая страна придает большое значение законодательству иностранной юрисдикции по гражданским делам. Совершенствование соответствующего законодательства в области юрисдикции по гражданским делам, связанным с иностранными делами, имеет большое значение для защиты законных интересов сторон и здорового развития международного экономического порядка. Российское законодательство о подведомственности иностранных дел в гражданском судопроизводстве в определенной степени развито и соответствует тенденциям международного законодательства. Некоторые из его зрелых практик имеют определенное справочное значение для соответствующего законодательства Китая. В будущем всем странам мира предстоит пройти долгий путь в разрешении юрисдикционных конфликтов в гражданском процессе, связанном с иностранными делами. Соблюдение общепринятой практики международного сообщества является этапом разрешения юрисдикционных конфликтов в гражданском процессе, связанном с иностранными делами. Китайские законодатели должны исходить из собственных национальных условий, ссылаться на международные достижения и учиться на зрелом опыте России и других стран для совершенствования соответствующего законодательства Китая.[1]

Литература

1. Дай Сяодун. Исследование системы согласованной юрисдикции в гражданских судебных процессах, связанных с иностранными делами [D]. Хунань: Хунаньский педагогический университет, 2006 г., стр. 57.
2. Ермакова Е.П., Вильданова М.М. (2022). ESG-банкинг: фундаментальная составляющая устойчивого развития, или Развитие без ущерба для будущего России. В: Попкова, Е.Г., Серги, Б.С. (ред.) Геоэкономика будущего. Спрингер, Чам. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_58
3. Ли Сяньбо. Координация международной гражданской юрисдикции [J]. Юридические исследования, 2000, 2:121.
4. Лю Ли. Исследование международной юрисдикции гражданского судопроизводства [D]. Пекин: Китайский университет политических наук и права, 2003 г., стр. 37.
5. Сунь Банцин. Исследование системы юрисдикции по гражданским делам [M]. Пекин: Китайский университет политических наук и права, 2008 г., стр. 121.
6. Сюй Дунген. Тенденции международного частного права [M]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005, 124.
7. Фролова Е.Е., Ермакова Е.П. (2022) Использование искусственного интеллекта в юридической практике. В кн.: Иншакова А.О., Фролова Е.Е. (ред.) Умные технологии цифровизации промышленности: предпринимательская среда. Умные инновации, системы и технологии, том 254. Страницы 17–27. Спрингер, Сингапур. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_2
8. Фролова, Е.Е. Защита прав потребителей цифровых финансовых услуг / Е.Е. Фролова, Е.П. Ермакова // Успехи исследований российского бизнеса и менеджмента. – 2022. – Вып. 2022. – С. 157–168.
9. Хо Чжэнсинь. Вопросы международного частного права неосновательного обогащения [D]. Хубэй: Издательство Уханьского университета, 2005, 28.
10. Цюй Гуанцин. Введение в международное частное право (второе издание) [M]. Пекин: Law Press, 2005, 30.
11. Четвертый гражданский трибунал Высшего народного суда провинции Хубэй. Исследование юрисдикции гражданских судебных процессов, связанных с иностранными гражданами [M]. Ухань: Издательство Уханьского университета, 2008, 499.
12. Э.П. Русакова, Е.Е. Фролова, А.И. Горбачева, Достижения в области интеллектуальных систем и вычислений 1100, 665 (2020)
13. Ю М. Разрешение споров о трансграничной электронной коммерции глазами китайских судов// China Justice Observer. 25 сентября 2022 г. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/>

cross-border-e-commerce-dispute-resolution-in-the-eyes-of-chinese-courts.

14. Li Shuangyuan, Xie Shisong. Introduction to International Civil Procedure Law [M]. Wuhan: Wuhan University Press, 2001, 180.

COMPARATIVE STUDY OF THE LEGISLATION ON JURISDICTION IN CIVIL PROCEEDINGS RELATED TO FOREIGN AFFAIRS BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Meng Gaozheng, Ermakova E.P.

Peoples' Friendship University of Russia

This article compares and analyzes the relevant legislation of China and Russia, as well as identifying some problems in the relevant regulations of China. Russia is relatively mature in terms of territorial jurisdiction, exclusive jurisdiction, jurisdiction by agreement, as well as recognition and enforcement of foreign court decisions, which is in line with international legislative trends, and China has a lot to learn. This article mainly uses such research methods as historical analysis, comparative analysis and induction. The article is divided into three parts: the first examines the concept of jurisdiction in civil cases related to foreign affairs; the second part examines the evolution of relevant laws in China and Russia. Secondly, the specific content of the current legislation in China and Russia is compared and analyzed from the point of view of regional jurisdiction, recognition and enforcement of foreign court decisions, etc. the similarities and differences between the normative acts of the two countries are summarized; the third part is a comparison in the previous part. Based on the analysis, some loopholes in the relevant legislation of China are identified, and finally, in combination with international achievements and advanced legislation of the relevant countries, proposals are put forward to improve the relevant legislation of China.

Keywords: legislation of jurisdiction, foreign civil proceedings, comparative research.

References

1. Dai Xiaodong. A Study of the System of Consensus Jurisdiction in Civil Litigation Related to Foreign Affairs [D]. Hunan: Hunan Normal University, 2006, p. 57.

2. Ermakova E.P., Vildanova M.M. (2022). ESG banking: a fundamental component of sustainable development, or development without prejudice to the future of Russia. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (ed.) Geoeconomics of the future. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_58
3. Li Xianbo. Coordination of International Civil Jurisdiction [J]. Legal Research, 2000, 2:121.
4. Liu Li. Study of the international jurisdiction of civil proceedings [D]. Beijing: China University of Political Science and Law, 2003, p. 37.
5. Sun Banqing. Study of the system of jurisdiction in civil cases [M]. Beijing: China University of Political Science and Law, 2008, p. 121.
6. Xu Donggen. Trends in International Private Law [M]. Beijing: Peking University Press, 2005, 124.
7. Frolova E.E., Ermakova E.P. (2022) The use of artificial intelligence in legal practice. In: Inshakova A.O., Frolova E.E. (ed.) Smart technologies for the digitalization of industry: an entrepreneurial environment. Smart Innovations, Systems and Technologies, Volume 254. Pages 17–27. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_2
8. Frolova, E.E. Protection of the rights of consumers of digital financial services / E.E. Frolova, E.P. Ermakova // Successes in research of Russian business and management. – 2022. – Issue. 2022. – S. 157–168.
9. Huo Zhengxin. Issues of international private law of unjust enrichment [D]. Hubei: Wuhan University Press, 2005, 28.
10. Qu Guangqing. Introduction to Private International Law (second edition) [M]. Beijing: Law Press, 2005, 30.
11. Fourth Civil Tribunal of the Hubei Provincial Higher People's Court. Investigation of the jurisdiction of civil litigation involving foreign nationals [M]. Wuhan: Wuhan University Press, 2008, 499.
12. E.P. Rusakova, E.E. Frolova, A.I. Gorbacheva, Advances in Intelligent Systems and Computing 1100, 665 (2020)
13. Yu M. Dispute resolution on cross-border e-commerce through the eyes of Chinese courts// China Justice Observer. September 25, 2022 URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/cross-border-e-commerce-dispute-resolution-in-the-eyes-of-chinese-courts>.
14. Li Shuangyuan, Xie Shisong. Introduction to International Civil Procedure Law [M]. Wuhan: Wuhan University Press, 2001, 180.

Сравнительный анализ международных коммерческих арбитражей государств-участников ЕАЭС

Киченина Виктория Сергеевна,

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой
международно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского
имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной
академии
E-mail: vskichenina@yandex.ru

В статье исследуется законодательная основа функционирования международных коммерческих арбитражей в государствах-участниках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также процедуры создания, компетенцию и сроки арбитражных разбирательств. В частности, рассматриваются регламенты ведущих постоянно действующих арбитражных учреждений Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Киргизской Республики.

Анализ законодательной основы в каждой из этих стран позволяет определить правовые нормы, регулирующие международные коммерческие арбитражи и обеспечивающие их правильное функционирование. Регламенты этих учреждений являются важными инструментами, определяющими правила и процедуры проведения арбитражных разбирательств, включая выбор арбитров, подачу и рассмотрение исковых заявлений, доказательств и вынесение решений.

Анализ деятельности арбитражных учреждений позволил определить и выявить различия в правовых нормах и процедурах проведения арбитражных разбирательств в каждой из исследуемых стран, а также общие подходы к законодательному регулированию в этой сфере.

На основе такого анализа делается вывод о необходимости создания Арбитражного суда ЕАЭС в качестве направления развития сотрудничества государств-участников ЕАЭС.

Ключевые слова. ЕАЭС, суд, арбитраж, закон, арбитражное разбирательство, регламент, Арбитражный суд ЕАЭС.

Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года включают в себя различные меры и инициативы, направленные на обеспечение устойчивого экономического роста и развития в рамках ЕАЭС. Одно из таких направлений может быть создание международного коммерческого арбитража для рассмотрения споров между хозяйствующими субъектами.

Такое стратегическое направление может способствовать развитию и совершенствованию системы правового регулирования и защиты интересов хозяйствующих субъектов внутри ЕАЭС, а также укреплению институциональной основы интеграционного процесса. Развитие международного коммерческого арбитража для рассмотрения споров хозяйствующих субъектов является важным аспектом стратегического развития евразийской экономической интеграции. В настоящий момент уже работает Суд ЕАЭС, но его компетенция ограничена лишь спорами между государствами-участниками.

Международный коммерческий арбитраж – это альтернативный способ разрешения споров, в котором стороны обращаются к независимому третьему лицу (арбитру или арбитражному суду) для принятия решения, которое является обязательным для этих сторон. Он используется для разрешения споров между различными хозяйствующими субъектами, включая предприятия, компании и другие коммерческие организации.

Создание международного коммерческого арбитража в рамках ЕАЭС особенно в текущей неустойчивой геополитической ситуации, может способствовать развитию единого рынка и привлечению инвестиций, поскольку инвесторы и предприниматели будут знать, что в случае возникновения споров у них будет доступ к эффективному механизму их разрешения. Это может повысить уровень доверия участников экономической интеграции, так как они будут знать, что споры между ними могут быть разрешены объективно и справедливо.

Однако создание международного коммерческого арбитража требует согласования и сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС. Необходимо разработать и принять соответствующие правовые акты и процедуры, определить правила и порядок разрешения споров, а также обеспечить надлежащее функционирование арбитражного суда или органа.

В связи с этим, актуальным представляется анализ арбитражного (третейского) законодательства государств-участников ЕАЭС. Поэтому в рам-

ках настоящего исследования рассматриваются законодательная база и особенности функционирования арбитражных центров Республики Беларусь (далее – РБ, Беларусь), Республики Казахстан (далее – РК), Республики Армении (далее – РА) и Киргизской Республики (далее – КР).

Закон БР «О международном арбитражном (третейском) суде» от 09.07.1999 г. определяет правовой режим международных арбитражных судов в Беларуси, а также их компетенцию и процедуру разрешения спора.

В соответствии с законом, международные арбитражные суды могут быть созданы как постоянные действующие учреждения, так и создаваться временно для рассмотрения конкретного спора.

Закон также устанавливает требования к форме и содержанию арбитражного соглашения, процедуре назначения арбитров и их компетенции, правилах арбитражного разбирательства и оспариванию решений арбитража.

Решения международного арбитражного суда в Беларуси являются обязательными для сторон спора и могут быть исполнены на территории РБ судебными органами. Также стоит отметить, что с 2011 года действует Закон РБ «О третейских судах».

Согласно белорусскому законодательству, в международный арбитражный суд по соглашению сторон могут передаваться гражданско-правовые споры между любыми субъектами права, возникающие при осуществлении внешнеэкономических и иных видов международных экономических связей, если местонахождение или место жительства хотя бы одного из них находится за границей Республики Беларусь, а также иные споры экономического характера, если соглашением сторон предусмотрена передача спора на разрешение международного арбитражного суда и если это не запрещено законодательством Республики Беларусь [1].

В Беларуси споры, связанные с признанием лица банкротом, относятся к исключительной компетенции экономических судов в соответствии со статьей 51 ХПК Республики Беларусь.

Отдельные категории споров, такие как налоговые, таможенные, административные и другие публично-правовые споры, также являются неарбитрабельными в Беларуси.

В белорусском законодательстве нет ограничений для передачи в арбитраж корпоративных споров [2] Но споры, связанные с топологиями интегральных микросхем, сортами растений, товарными знаками и изобретениями, полезными моделями и промышленными образцами исключены из сферы арбитражных споров [3].

Согласно ст. 7 Закона «О международном арбитражном (третейском) суде» постоянно действующий международный арбитражный суд создается некоммерческой организацией, главной целью деятельности которой является содействие осуществлению внешнеэкономических связей с иностранными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Такое учреждение имеет свой устав и подлежит государственной регистрации в порядке, определяемом законодательством Республики Беларусь.

В Республике Беларусь функционируют такие постоянно действующие международные арбитражные суды, созданных в качестве некоммерческих организаций, как Международный арбитражный суд при БелТПП (далее – МАС при БелТПП) и Международный арбитражный (третейский) суд «Палата арбитров при Союзе юристов». А также существует ряд постоянно действующих третейских судов, созданных в качестве обособленных подразделений юридических лиц.

Созданный в 1994 году МАС при БелТПП является постоянно действующим международным арбитражным судом. В п. 3 ст. 5 Регламента МАС при БелТПП указывает, что стороны имеют право выбирать арбитров из Рекомендательного списка арбитров МАС при БелТПП или выбирать арбитров, которые не значатся в этом списке.

Согласно ст. 27 Регламента МАС при БелТПП, если стороны не договорились об ином, арбитражное разбирательства проводится, как правило, в помещении МАС при БелТПП.

Если соглашение не достигнуто, дело рассматривается на белорусском или русском языке.

Согласно ст. 14 Регламента состав суда обязан рассмотреть дело и вынести решение не позднее 6 месяцев с момента его формирования и он может рассматривать:

- 1) споры между любыми субъектами права, возникающие из осуществления внешнеэкономических и иных международных экономических связей, если местонахождение или место жительства хотя бы одного из этих субъектов находится за границей Республики Беларусь;
- 2) споры между предприятиями с иностранными инвестициями, международными объединениями и организациями, созданными на территории Республики Беларусь; споры между участниками упомянутых юридических лиц, споры этих юридических лиц с другими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями Республики Беларусь;
- 3) споры между иностранными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, расположенными за пределами Беларуси;
- 4) иные споры экономического характера, если соглашением сторон предусмотрена передача спора на разрешение международного арбитражного суда и если это не запрещено законодательством Республики Беларусь.

Арбитражный сбор зависит от цены иска.

Деятельность арбитражных судов в Республике Казахстан регулируется Законом РК «Об арбитраже» от 08.04.2016 г. Реестр арбитров ведет Арбитражная палата, которая является некоммерческой организацией, объединяющей постоянно действующих арбитров и существующие арбитражные центры. Основная цель Арбитражной палаты состоит в создании благоприятных условий для раз-

вития, стимулирования и поддержки деятельности арбитражных судов в Республике Казахстан.

Включение в реестр арбитров Арбитражной палаты позволяет арбитрам участвовать в разрешении третейских споров и заниматься арбитражной деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Согласно данным сайта Министерства юстиции Казахстана на текущий момент (август 2023 года) существует 21 постоянно действующий арбитраж [4], в свою очередь на сайте Арбитражной палаты приведен перечень из 17 постоянно действующих арбитражей и арбитров [5].

Согласно ст. 1 Законом РК «Об арбитраже арбитражная процедура может применяться в отношении споров, возникших из гражданско-правовых отношений с участием физических и (или) юридических лиц, независимо от места жительства или места нахождения субъектов спора внутри государства или за его пределами, разрешаемых арбитражем, если иное не установлено законодательными актами Республики Казахстан.

Согласно ст. 8 того же закона арбитражу не подведомственны споры, по которым затрагиваются интересы несовершеннолетних лиц, лиц, признанных в порядке, установленном законом, недееспособными или ограниченно дееспособными, о реабилитации и банкротстве, между субъектами естественных монополий и их потребителями, между государственными органами, субъектами квазигосударственного сектора, а также споры, возникающие из личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными и некоторые корпоративные споры.

Создаются арбитражи физическими и юридическими лицами в соответствии с законодательством в виде постоянно действующих или арбитражей для разрешения конкретного спора.

Постоянно действующий арбитраж утверждает регламент арбитража, реестр арбитров, которые будут осуществлять деятельность в данном арбитраже.

Арбитраж для рассмотрения конкретного спора создается сторонами для разрешения спора и действует до разрешения данного спора или до принятия сторонами решения о передаче спора в суд.

Особенных процедур и документов, необходимых для получения статуса постоянно действующего арбитража закон не предусматривает. Законодательство предъявляет к постоянно действующим арбитражам требование о ведении реестра своих арбитров. Информация о постоянно действующем арбитраже, включая его юридический адрес и регламент, а также реестр арбитров размещаются в средствах массовой информации, в том числе и на интернет-ресурсах, для свободного ознакомления физических и юридических лиц. Информация об арбитражных решениях размещается при наличии согласия сторон спора.

Например, Арбитражный центр Атамекен был создан в 2014 году в форме некоммерческой организации – частного учреждения. Центр рас-

сматривает споры, возникающие из гражданско-правовых отношений, между юридическими и физическими лицами, независимо от их гражданства или местонахождения.

Арбитражные расходы состоят из регистрационного и арбитражного сборов, а также издержек, связанных с разрешением спора. Арбитры могут быть назначены как из реестра, который ведет центр, так и по предложению сторон. Сроки арбитражного разбирательства и вынесения решения должны быть не более 60 календарных дней с момента формирования состава арбитража.

Если стороны не согласовали место арбитража, этот вопрос решается составом арбитража, а язык разбирательства определяется сторонами или арбитражем, если стороны не достигли соглашения. Арбитражный сбор зависит от цены иска [6].

В республике Армения действует Закон «О коммерческом арбитраже», в соответствии с которым в соответствии с этим законом понятие «коммерческий» включает все отношения коммерческого характера, как договорные, так и недоговорные. Он охватывает различные сделки, такие как заключенные между банками или другими финансовыми организациями и их клиентами, по снабжению товарами и оказанию услуг, по коммерческому представительству или агентированию, факторингу, аренде, выполнению работ, консультированию, проектированию, лицензированию, инвестиционным сделкам, сделкам по финансированию, страхованию, эксплуатации или концессионным сделкам, совместным предпринимательским или промышленным сделкам и другим видам предпринимательского сотрудничества. Также он распространяется на сделки по морским, воздушным, железнодорожным и автомобильным перевозкам.

В соответствии с законодательством Республики Армения, все коммерческие споры, за исключением коммерческих и семейных споров, касающихся общественной собственности, могут рассматриваться в арбитражных судах [7].

Специальных требований к созданию постоянно действующих арбитражных учреждений закон не предъявляет. На текущий момент самым известным является постоянно действующее арбитражное учреждение при Торгово-промышленной палате Республики Армения. Также постоянно действующими арбитражными учреждениями являются Союз Банков Армении, оказывающий услуги по финансовому арбитражу для арбитражных споров, связанных с финансами, Оптимус Лекс Арбитражный суд и Партнеры ADR, которые предлагают услуги частным предприятиям и частным лицам, которые хотят решить свои споры, прибегая к посредничеству и арбитражу [8].

Если говорить о постоянно действующем арбитражном учреждении при Торгово-промышленной палате Республики Армения, то можно обозначить следующие положения Регламента. Место осуществления арбитража является Ереван, если стороны не определили иное место. Дело рассматривается на армянском языке, если стороны

не выбрали другой язык. Арбитраж должен быть завершен, а решение должно быть вынесено в течение девяти месяцев со дня направления ответа или формирования арбитражного трибунала, в зависимости от того, что наступит позже. Отсутствует прямой запрет на сторонних арбитров, но если в течение срока, установленного Регламентом, истец или ответчик не предлагают кандидатуры арбитров, то их назначение осуществляет Арбитражное учреждение из своего списка арбитров.

Размер арбитражных сборов зависит от размера исковых требований.

Закон КР «О третейских арбитражах в Кыргызской Республике» был принят 30.07.2022 г. и изменен в 2003 году на Закон КР «О третейских судах в Кыргызской Республике».

Этот закон применяется при разрешении споров, возникающих из гражданских правоотношений, включая инвестиционные споры, на рассмотрение третейского суда. Он также может касаться налоговых споров, за исключением тех, которые урегулированы другими законами.

Согласно вышеуказанному закону, постоянно действующий третейский суд является юридическим лицом и осуществляет свою деятельность в виде некоммерческой организации.

Подробнее хотелось бы остановиться на Международном третейском суде при Торгово-промышленной палате Кыргызской Республики (далее-МТС ТПП), который был зарегистрирован Министерством Юстиции Кыргызской Республики в сентябре 2002 года и является постоянно действующим институциональным арбитражем. Он предоставляет оперативное и качественное разрешение экономических споров в бизнес-среде с помощью независимых профессиональных арбитров.

Цель создания МТС ТПП заключается в содействии юридическим лицам и гражданам в разрешении споров, возникающих из гражданских правоотношений.

В МТС ТПП могут передаваться споры по приглашению сторон, возникающие из договорных и иных гражданских правоотношений, включая международные экономические связи и инвестиционные споры. Однако существуют определенные исключения, когда споры не могут рассматриваться МТС ТПП:

1. Жалобы на постановления и действия (бездействие, отказ в совершении действия) судебного исполнителя.
2. Споры об установлении фактов, имеющих юридическое значение (юридических фактов).
3. Споры о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам.
4. Споры о банкротстве (несостоятельности).
5. Споры о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина.
6. Споры о защите чести, достоинства и деловой репутации.
7. Споры, возникающие из наследственных правоотношений.

8. Споры, касающиеся порядка и условий вступления в брак и прекращения брака.

9. Споры, касающиеся личных и неимущественных отношений в семье между супругами, родителями и детьми, другими членами семьи.

10. Споры, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание.

11. Споры, возникающие при регистрации актов гражданского состояния.

12. Споры, которые не могут быть переданы на разрешение третейского суда в соответствии с законом.

Местом арбитража является г. Бишкек, если стороны не договорились об ином. Язык также определяется по договоренности сторон, срок разрешения спора составляет три месяца с момента формирования арбитража

Арбитром МТС ТПП может быть дееспособное физическое лицо, включенное в Список арбитров МТС ТПП, обладающее необходимыми знаниями и соответствующей квалификацией для разрешения споров, подведомственных МТС ТПП[9].

Регистрационный сбор согласно положению о гонорарах и сборах зависит от цены иска, также как и арбитражный сбор.

Таким образом, анализирую законодательства о международном коммерческом арбитраже и третейском законодательстве в Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики можно сделать следующие выводы:

1. Присутствие одного или двух законов, регулирующих такие правоотношения:

- Республика Беларусь: Закон РБ «О международном арбитражном (третейском) суде» от 09.07. 1999, Закон РФ «О третейских судах» от 18.07.2011 г.
- Республика Казахстан: Законом РК «Об арбитраже» от 08.04.2016 г.
- Республика Армения: Закон РА «О коммерческом арбитраже» от 25.12.2006 г.
- Кыргызская Республика: Закон КР «О третейских судах в Кыргызской Республике» от 30.07.2002 г.

2. Стоит также отметить, что если в законодательстве РФ представлена сложная процедура получения статуса постоянно действующего арбитражного учреждения (далее – ПДАУ) (ст. 44 ФЗ РФ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ), в свою очередь в других государствах-участниках ЕАЭС она гораздо проще, и с учетом достаточно успешной деятельности арбитражей в этих государствах, встает вопрос о необходимости существования усложненной процедуры создания ПДАУ.

3. Если делать вывод о категориях споров, которые могут рассматриваться в международных коммерческих арбитражах государств-членов ЕАЭС, то это гражданско-правовые споры возникающие между юридическими и физическими лицами при осуществлении внешнеэкономической деятельно-

сти. Неарбитрабельными спорами во всех юрисдикциях являются споры из публично-правовых отношений и споры о банкротстве.

Таким образом, можно сделать вывод как и о наличии общих основ в правовом регулировании арбитражных процедур, так и о присутствии различий, но с учетом того что законодательство об арбитраже государств-участников ЕАЭС строится по модели Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, они не столь значительны.

Стоит отметить, что данный анализ, а также следующие дополнительные исследования в данной сфере, имеют важное значение для создания арбитражного суда ЕАЭС и его эффективного функционирования. Они помогут определить правовую основу, выявить различия и противоречия, использовать лучшие практики, установить общие стандарты, необходимые для эффективного и надежного функционирования арбитражного суда. Это является важным шагом на пути к созданию арбитражного суда ЕАЭС, деятельность которого будет способствовать развитию экономического сотрудничества и урегулированию споров внутри евразийского региона.

Литература

1. Котел О.Н. Особенности рассмотрения споров согласно новому арбитражному регламенту Палаты арбитров при Союзе Юристов URL <https://arbitr.chamber.by/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8>
2. Козыревская Л.А. Арбитрабельность корпоративных споров в системе законодательства Республики Беларусь. // Право.by. 6(50). 2017. С. 47.
3. Андриевская И.Г. Арбитрабельность трансграничных споров в области интеллектуальной собственности // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 22 / сост. С.В. Анцух; под общ. ред. В.Г. Шадурского. Минск: Четыре четверти. 2019. С. 93.
4. Реестр постоянно действующих арбитражей – членов Арбитражной палаты Казахстана URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/press/article/details/748?lang=ru>
5. Реестр постоянно действующих арбитражей и арбитров, членов АПК URL: <https://palata.org/registry/>
6. Регламент частного учреждения Арбитражный центр национальной палаты предпринимателей республики Казахстан «АТАМЕКЕН» с дополнениями от 26.02.2020 URL: <https://aca.kz/pages/view/reglament>
7. <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/arbitration-in-armenia/>

8. Арбитраж в Армении URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/arbitration-in-armenia/>
9. Регламент МТС при ТПП КР с изменениями от 12.02.2021 URL: http://www.arbitr.kg/web/index.php?act=view_material&id=226

COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATIONS OF THE EAEU MEMBER STATES

Kichenina V.S.

St. Petersburg branch of the Russian B. Bobkov Russian Academy of Customs

The article examines the legislative basis for the functioning of international commercial arbitration in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU), as well as the procedures for the establishment, competence and timing of arbitration proceedings. In particular, the regulations of the leading permanent arbitration institutions of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic are considered.

An analysis of the legislative framework in each of these countries makes it possible to determine the legal norms governing international commercial arbitrations and ensuring their proper functioning. The regulations of these institutions are important tools that determine the rules and procedures for conducting arbitration proceedings, including the selection of arbitrators, filing and consideration of statements of claim, evidence and making decisions.

The analysis of the activities of arbitration institutions made it possible to identify and identify differences in the legal norms and procedures for conducting arbitration proceedings in each of the countries studied, as well as common approaches to legislative regulation in this area.

Based on this analysis, it is concluded that it is necessary to create an Arbitration Court of the EAEU as a direction for the development of cooperation between the EAEU member states.

Keywords. EAEU, court, arbitration, law, arbitration proceedings, regulations, Arbitration Court of the EAEU.

References

1. Kotel O.N. Features of dispute resolution according to the new arbitration rules of the Chamber of Arbitrators at the Union of Lawyers URL <https://arbitr.chamber.by/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8>
2. Kozhyrevskaya L.A. Arbitrability of corporate disputes in the system of legislation of the Republic of Belarus. // Право.by. 6(50). 2017. p.47.
3. Andrievskaya I.G. Arbitrability of cross-border disputes in the field of intellectual property // Collection of scientific articles of students, undergraduates, postgraduates. Issue 22 / comp. S.V. Antsukh; under the general editorship of V.G. Shadursky. Minsk: Four quarters. 2019. p.93.
4. Register of permanent member arbitrations of the Arbitration Chamber of Kazakhstan URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/press/article/details/748?lang=ru>
5. Register of permanent arbitrations and arbitrators, members of the APK URL: <https://palata.org/registry/>
6. Regulations of the private institution Arbitration Center of the National Chamber of Entrepreneurs of the Republic of Kazakhstan «ATAMEKEN» with amendments dated 02/26/2020 URL: <https://aca.kz/pages/view/reglament>
7. <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/arbitration-in-armenia/>
8. Arbitration in Armenia URL: <https://www.international-arbitration-attorney.com/ru/arbitration-in-armenia/>
9. MTS Regulations at the CCI of the Kyrgyz Republic as amended on 12.02.2021 URL: http://www.arbitr.kg/web/index.php?act=view_material&id=226

Цифровое гражданское право: к вопросу о смене парадигмы

Архипов Игорь Валентинович,

доктор юридических наук, доцент Российский государственный университет правосудия,
e-mail: aiv495@mail.ru

Перевод информации в цифровую форму к настоящему времени привел к существенным изменениям в гражданском обороте. Основные изменения можно свести к двум главным тенденциям: 1) развитие цифровой коммуникации между субъектами гражданского права; 2) появление объектов гражданских прав, имеющих цифровую форму выражения.

Методологическое обоснование необходимых изменений гражданского права может дать зарождающаяся функциональная теория права, базирующаяся на признании возможности описать действия субъектов права в системе координат «право-неправо» как взаимозависимость переменных, по аналогии с математической функцией и представлением действий субъектов права как алгоритма.

Новая парадигма гражданского права должна базироваться на пересмотре его содержания в целях устранения препятствий для перевода в машиночитаемую форму, устранении логических противоречий, неопределяемых понятий, представлений оцениваемых действий в качестве алгоритма.

Проблему оценочных понятий предлагается разрешить на основе анализа казусов искусственным интеллектом и выработкой квалифицирующих признаков таких понятий как добросовестность и т.п. «Казусное», прецедентное гражданское право на новом технологическом уровне способно устранить проблему не только оценочных понятий, но единообразия судебной практики под контролем законодателя.

Отмечается невозможность корректно описать отношения в цифровой среде с помощью традиционных базовых понятий гражданского права, таких как право собственности и др. Одним из возможных вариантов описания абсолютного права на цифровые эквиваленты имущества предлагается сведение его к праву распоряжения.

Обосновывается необходимость введения в гражданское законодательство понятия эквивалентов имущества для цифровых объектов в связи с тем, что они не обладают всеми признаками имущества.

Статья подготовлена при поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: функциональная теория права, цифровое гражданское право, алгоритм в праве, абсолютное право на цифровые объекты, объекты гражданских прав, имущество, эквиваленты имущества, цифровые права, цифровые объекты гражданских прав, цифровые эквиваленты имущества, цифровые деньги.

Цифровизация гражданского оборота ставит перед цивилистической наукой множество вопросов, разрешение которых должно определить тенденции развития гражданского права на ближайшие десятилетия. В условиях быстро развивающихся цифровых технологий для современников велик соблазн описать происходящие изменения как эпохальные и революционные. Подпитку для такого соблазна футурологических оценок цивилистами, конечно же, дают социологические и политологические теории модерна, постмодерна и метамодерна, а также их интерпретации теоретиками права. [9.]

Если В.Д. Зорькин ставит вопрос о возможности оценок современного права как права метамодерна, то футурологи от частного права остановились пока на характеристике гражданского права как права постмодерна.

Д.Е. Богданов, например, полагает, что современное гражданское право, по существу, это право постмодерна, а соответствие требованиям постмодерна достигается за счет использования «в современных кодификациях абстрактных (оценочных) понятий» [4, с. 118.]. Свидетельством создания новой парадигмы гражданского права он считает «усиление начал справедливости и добросовестности» [4, с. 118.].

Не хотелось бы вступать в спор с футурологами по поводу оценок современного гражданского права как права постмодерна, но заметим, что добросовестность и справедливость как основные начала права вообще и права частного заявлялись как минимум со времен римского права. Получается, что римское частное право – это право постмодерна? В чем же тогда новизна парадигмы гражданского права? В усилении начал справедливости и добросовестности? Но в чем, в каких единицах и по каким критериям измерить эти абстрактные, «оценочные» понятия. Вопрос об усилении или ослаблении указанных начал вряд ли доказуем, а активное использование категорий справедливости и добросовестности скорее свидетельствуют о фиско современного законодателя в формализации справедливости, а никак не о переходе на новую ступень развития гражданского права.

Основные направления развития гражданского права, на наш взгляд, никак не зависят от политологических оценок этапа развития общества, а имеют в своей основе имущественные потребности и интересы современного гражданского общества, как его отдельных представителей, так

и общества в целом. Гражданское право должно отвечать не каким-то абстрактным требованиям модерна, постмодерна или метамодерна, оно призвано нормировать конкретные интересы граждан, вытекающие из их современных потребностей, исходя из осознания и сопоставления этих интересов с интересами всего общества.

Представляется, что наиболее значимыми в постановке задач для развития гражданского права должны являться исследования по теории права, как методологической науки для права гражданского.

Если говорить об освещении проблем цифровизации, то следует указать, что имеется огромное количество публикаций, в которых исследователи пытаются осмыслить указанный феномен. Но до построения внятной теоретической концепции права в период цифровизации, представляется, еще очень далеко.

Позитивизм, либертариизм, коммуникативизм, интегративизм и другие теории правопонимания оставили в стороне социальное предназначение права как такового, как государственного инструмента, воздействующего на общественные отношения, и прежде всего, отношения экономические. Для права метамодерна проблемы цифровых эквивалентов имущества, смарт-контрактов, цифровых валют, идентификации субъектов и фиксации их волеизъявления в цифровой среде – это очень мелко и несущественно.

Как правило, исследователи в области теории права останавливаются на указании проблем цифровизации, которые предстоит разрешить законодателю, однако, методология их решения теоретиками права пока не предлагается [16.].

В.Д. Зорькин, а вслед за ним и еще и ряд других авторов пошли дальше констатации фактов и проблем, сформулировав некоторые задачи права в период цифровизации общества и правоприменительной деятельности [6.]. Тем не менее, В.Д. Зорькин рассматривает цифровизацию лишь как вспомогательное средство в праве, позволяющее упростить обработку больших массивов данных, но не как побудительный мотив для создания новой парадигмы права, тогда как цифровая парадигма управления им поддерживается [10.]. Такие же задачи цифровизации, в целом, ставятся Указом Президента РФ от 07.05.2018 N204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и рядом других законодательных актов [14.].

По мнению других авторов цифровизация затронет преимущественно формальные аспекты права, включающие расширение направлений регулирующего воздействия и создания новых форм воздействия на общественные отношения [18, с.6].

Представляется, что постановка задач «цифровизации в праве» – это первый этап модернизации права, поэтому логично было бы предположить, что следующий этап – это «цифровизация самого права» в направлении использования математиче-

ских методов описания действий. Вполне очевидно, что теоретические выкладки доцифрового права о нормах и принципах, об оценочных понятиях, о том, что только человек сможет оценивать вину и добросовестность действий и т.п. подвергнутся серьезной корректировке.

Новое поколение исследователей достаточно чутко улавливает возможности использования математических методов в праве. Так А.В. Ефимов, рассматривая регулятивную природу норм права, предлагает формулировать гражданско-правовую норму по образу математической функции, устанавливающей зависимости между определенными обстоятельствами, зафиксированными в гипотезе, и правовыми последствиями, закрепленными в диспозиции или санкции. В качестве примера им приводится функциональная зависимость размера компенсации морального вреда от определенных обстоятельств. Оценочные понятия им предлагается использовать как коэффициенты при описании функциональных зависимостей, которые подлежат оценке правоприменителем. Как представляется, функциональный подход к конструированию норм права существенно повлияет на правоприменительную практику. Прогнозируется, что формулы функциональных зависимостей могут быть использованы в компьютерных программах, предлагающих правоприменителю для правовой оценки перечень релевантных переменных, и связанных с ними правовых последствий [7.].

Полностью поддерживая необходимость развития подобных подходов, заметим лишь, что магистральное направление развития гражданского права, да и права вообще, требует отказа от традиционного понимания предназначения права как регулятора общественных отношений. Само по себе право лишь инструмент для участников правоприменительного процесса. Для участников гражданского оборота право – ориентир для координации своих действий, для правоприменителя – мера правомерного поведения и инструмент воздействия на участников гражданских отношений. Таким образом, «инструментальная» теория права наиболее точно, по сравнению с концепциями регулятора, описывает предназначение гражданского права [15.].

Соединение функционального и инструментального подхода к выявлению сущности права, как представляется, позволяет утверждать, что норма права, представляет собой функциональную зависимость между действиями субъектов и последствиями этих действий. Поскольку те и другие являются переменными, то норма – это и есть функция, устанавливающая закономерные зависимости, описывающие поведение субъектов. Разумеется, что это лишь первые наброски для будущей парадигмы права.

Возможность использования функций при описании действий участников гражданского оборота видится в том, что эти действия описываются фактически в двоичной системе координат: право-неправо, правомерное действие-неправомерное

действие. Две противоположности – право-неправо, вероятно, можно представить как двоичную систему исчисления, а любые сложные действия – описать с помощью алгоритма как систему простых действий. Представляется, что цель теории права на современном этапе должна состоять в том, чтобы выработать механизмы определения правил поведения функцией и алгоритмом. Сущность права состоит не в норме как таковой, а в содержании этой нормы, то есть функции, описывающей действия субъектов в системе координат право – неправо. На наш взгляд, этот тезис может представлять собой краеугольный камень зарождающейся функциональной теории права.

Вполне очевидно, что если рассматривать цифровизацию лишь как вспомогательное средство, то ни о какой новой парадигме гражданского права речи идти не может. Цифровые инструменты, конечно же, способны в известной степени автоматизировать правовое обеспечение гражданского оборота, но сами по себе ни смарт-контракты, ни технологии блок-чейн, без изменения самого содержания гражданского права не могут претендовать на революционные изменения [1.].

Развернувшаяся в последние годы гипертрофированная реклама смарт-контрактов как революционного изменения договорного права практически сошла на нет и получила вполне адекватные оценки как в зарубежной, так и в российской цивилистической науке [3.].

Вполне можно согласиться с Д.Е. Богдановым в оценке смарт-контракта как «технологического приема исполнения договорного обязательства» [3, 35.]. При этом сразу напрашивается аналогия с такой формой расчетов как аккредитив, только реализованный на цифровой платформе.

Ограничением для оцифровки институтов договорного права Д.Е. Богданов считает невозможность перевода юридического текста «в точный юридический код по причинам семантики» в результате существования многочисленных оценочных понятий [3, с. 35.]. На наш взгляд, проблема, так называемых, «оценочных понятий» действительно существует. Однако «оцифровка» обязательственного права, как и гражданского права вообще, представляется вовсе не утопичной при некоторых уточнениях в постановке задачи этой самой «оцифровки». Вполне очевидно, что действующее гражданское законодательство оцифровывать нет никаких резонов в силу его противоречивости, системных ошибок и т.п. Сначала его необходимо приспособить к этой самой оцифровке. У нас нет готовых рецептов как это сделать. Но некоторые вопросы, стимулирующие постановку проблемы, можно попытаться поставить, исходя из твердого убеждения, что юридический текст в силу того, что он **описывает действия в определенной системе координат и может быть представлен как алгоритм, имеющий в своей основе функциональную зависимость.**

Незыблемость существования в законодательстве и науке «оценочных» понятий представляет-

ся явно преувеличенной. Хотелось бы верить, что содержание оценочных понятий может быть формализовано с помощью математического анализа больших массивов данных (в нашем случае казусов), которое не подвластно человеческому мозгу, в силу большого количества исходных данных, но, с большой долей вероятности, может быть подвластно искусственному интеллекту, то есть специализированным программам ЭВМ.

Зададимся вопросом: право на основе казусов действительно ли изжило себя? Если до появления ЭВМ кодифицированное законодательство действительно было шагом вперед в развитии правовой системы, то появление искусственного интеллекта (далее – ИИ) способно сместить приоритеты в этой области. Ведь количество правил поведения не является для ИИ таким ограничивающим фактором, как для мозга человека. Соответственно, множество синтетических, сложных правил поведения можно разделить на простые, количественно увеличив эти правила поведения. Тот же принцип добросовестности (оценочное понятие) первоначально формировался на основе анализа казусов, соответственно на новом цифровом уровне он может быть представлен как значительное количество казусов, анализ и подбор которых вполне способен осуществлять ИИ.

В свое время мы уже высказывали мысль, что значительное количество принципов гражданского права так или иначе связано с содержанием конкретных гражданско-правовых норм. Например, принцип свободы договора – представляет собой лишь общее название нескольких правил поведения ст. 421 ГК, а неприкосновенность собственности представляет собой лишь часть диспозиции нормы – обязанность не посягать на чужое имущество. В связке к каждому пункту ст. 421 ГК может идти неопределенное количество казусов, подтверждающих или опровергающих правомерность поведения. Соответственно при рассмотрении дел о нарушении принципа свободы договора ИИ может выполнить всю техническую работу за судью.

Вопрос о контрольной функции за применением, как минимум, норм с оценочными понятиями, желательно внести в компетенцию законодателя или специального судебного органа. Анализ казусов с применением правил о добросовестности вполне может формализовать данное понятие. Тот факт, что возможно огромное количество ситуаций, подтверждающих или опровергающих наличие добросовестности в действиях субъектов, не может рассматриваться как ограничение для подобного подхода формализации, так как ИИ способен обрабатывать значительно большие массивы информации по сравнению с человеческим мозгом. Строго говоря, представляется возможным вернуться на ином информационном уровне к прецедентному праву, но с возложением миссии утверждения прецедента на законодателя или специального судебного органа, не связанного с системой общих и арбитражных судов.

Возможно уже сейчас надо начать более широкое обсуждение систематики обязательств и договоров в плане ее упрощения и уточнения критериев разделения на отдельные виды, выявления общих норм, применимых к отдельным группам обязательств и договоров [17, с. 133–138.].

Оцифровка гражданского оборота ставит вопрос о новых подходах к определению базовых понятий гражданского права, таких как, например, право собственности. Это обусловлено как появлением новых видов объектов, так и новых цифровых форм коммуникации по поводу этих объектов. Длительная дискуссия о сущности безналичных денежных средств привела к не самому удачному решению – объявлению их «иным имуществом». Но при этом допущена как минимум логическая ошибка, когда два подвида одного и того же вида (деньги) отнесены к разным видам имущества. Каковы же признаки денег, независимо от их формы, которые позволяют их выделить как особый вид имущества, не совпадающий с вещами?

В экономической науке эти признаки давно выделены, но в гражданском законодательстве они не нашли четкого отражения. Из всех признаков денег выделим два конститутивных: всеобщий эквивалент и средство обращения. Автор первого диссертационного исследования юридической сущности денег, Т.Б. Замотаева, выделила основную функцию денег – средство платежа [8, с. 6.]. Однако, функция платежа появляется только после признания денег средством обращения, а средством обращения они становятся в результате наличия у них признака меры стоимости и всеобщего эквивалента. Если сформулировать эту мысль в цивилистических терминах, то следует признать, что деньги являются эквивалентом имущества, а не самим имуществом. У денег отсутствует такой важный признак имущества как способность удовлетворять потребности человека за счет своих собственных свойств. Отсюда следующий вывод: независимо от формы (наличные, безналичные, цифровые) деньги являются эквивалентом имущества. Являясь мерой стоимости, деньги обеспечивают гражданский оборот, то есть являются эквивалентом любого вида имущества в процессе товарно-денежного обмена.

Важное последствие эквивалентного характера денег – невозможность адекватного описания их присвоения в категориях вещного права. Вполне можно согласиться с Е.В. Богдановым, который считает, что парадигма права собственности как исключительно вещного права изжила себя. Однако, его идея о «цифровой собственности» на «электронные цифровые символы», которые отражают безналичные денежные средства и цифровые деньги, не может быть полностью поддержана [5].

Здесь возникает вопрос: а корректно ли говорить о праве собственности применительно к указанным объектам? Если рассуждать в традиционных категориях гражданского права, то, разумеется, фактического владения цифровыми объектами у собственника нет, а правомочие пользования со-

впадает с правомочием распоряжения. Но распоряжение осуществляется не самостоятельно, а через поручения другому субъекту, что позволяет говорить лишь о праве требования определенных действия от банка. Таким образом, абсолютность права на указанные объекты теряется, как и смысл теории присвоения.

Вопрос о корректном описании абсолютного права на деньги и на другие цифровые сущности остается. В литературе относительно объектов интеллектуальной собственности абсолютное исключительное право предлагается рассматривать с позиций правомочий запрета и разрешения на совершение определенных действий с объектом [19, с. 113–130.].

Возможно, абсолютное право на объекты, не являющиеся вещами, можно свести к праву распоряжения. К такому выводу подталкивает, в том числе, уголовно-правовая трактовка нарушения права собственности в виде хищения [2; 12; 13.].

Термин «изъятие», используемый для описания хищения, является производным от права владения, то есть потерпевший устраняется от владения, а посягающий фактически осуществляет владение. Но если речь идет о безналичных денежных средствах и ряде других эквивалентов имущества, в том числе цифровых, то собственник фактически не осуществляет владения. Право владения сконструировано для таких объектов как вещи и не может быть распространено на другие виды имущества и эквиваленты имущества без определенных допущений. Пользование и распоряжение денежными средствами – это вообще совпадающие понятия, поскольку пользоваться деньгами можно только распорядившись. Поэтому представляется, что при хищении посягательство направлено на право распоряжения, лишение возможности (права) распоряжения.

Таким образом, уголовно-правовая концепция хищения, как нарушения права собственности позволяет подтвердить принципиальную возможность определения абсолютного права на эквиваленты имущества, в том числе в цифровой форме, как права распоряжения.

Появление цифровых объектов гражданских прав еще раз подтвердило необходимость введения в гражданское законодательство понятия эквивалентов имущества для устранения несоответствий не только в концепции абсолютных прав на такие объекты, но и логических противоречий в построении системы объектов гражданских прав. Показательным является одно из недавних Определений Верховного Суда, которым цифровые средства платежа признаны в качестве допустимых объектов при уступке права требования [11.].

Суд первой инстанции по спору о возмездной уступке имущественных прав в общем объеме 5000 WMZ с оплатой в общем размере долларов США посчитал, что титульный знак WMZ является условной виртуальной учетной единицей и не может выступать объектом гражданско-правового договора.

Однако Верховный Суд согласился с доводами истца о том, что WMZ представляет собой не только титульный знак системы «WebMoney Transfer», но и является эквивалентом доллара США.

Фактически Верховный Суд признал возможность существования цифровых эквивалентов имущества как легальных объектов гражданских прав даже без формального признания их таковыми законодателем.

Появление в законодательстве нового объекта – «цифровых прав» не только не опирается на какое-либо приемлемое теоретическое обоснование, но и находится в прямом противоречии с формальной логикой. Представляется, что невозможно теоретически обосновать абсолютное субъективное право на такие якобы объекты как «цифровое право», «имущественное право». Субъективное право не может одновременно являться объектом и содержанием правоотношения. Подобные противоречия становятся существенным препятствием для цифрового гражданского права и требуют корректировки.

Алгоритмизация управления потребует алгоритмизации права. Действия субъектов (права и обязанности) в перспективе право должно описывать с помощью алгоритма. Добиться этого можно только одним путем: устранением логических противоречий и описанием сложно составных действий как упорядоченную совокупность простых.

Необходимость определения основных направлений развития цифрового гражданского права фактически созрела, сами же направления развития требуют более пристального рассмотрения, теоретического обоснования и конкретизации в постановке задач.

Литература

1. Адельшин Р.Н. Смарт-обязательства в цифровой среде // Российское правосудие. – 2022. – № S1. – С. 32–45.
2. Архипов А.В. Момент окончания хищения // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 20–24.
3. Богданов Д.Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 3. – С. 21–40.
4. Богданов Д.Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex russica. – 2021. – № 11. – С. 102–123.
5. Богданов Е.В. Проблема собственности в финансовых сделках в условиях цифровизации экономики // Современное право. – 2019. – № 3. – С. 47–52.
6. Ершов В.В., Кулаков В.В. Цифровые правоотношения – современная реальность // Российское правосудие. – 2022. – № S1. – С. 8–15.
7. Ефимов А.В. Функциональный подход к конструированию норм гражданского и предпринимательского права // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 89–96.
8. Замотаева Т.Б. Деньги как объект гражданских прав: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 24 с.
9. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Журнал Конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 1–8.
10. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. (дата обращения: 22.07.2023)
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 48-КГ21–3-К7. URL: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=2004696 (дата обращения: 22.07.2023).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.11.2001 N15, Пленума ВАС РФ от 15.11.2001 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс, 2023.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс, 2023.
14. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2023)
15. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. – М.: Статут, 2013. – 350 с.
16. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.
17. Хохлов В.А. Систематика договоров гражданского права // Систематика договоров в гражданском праве: Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. Редактор Т.Б. Замотаева. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. – 188 с.
18. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – 234 с.
19. Черничкина Г.Н. Интеллектуальные права в гражданском праве: в законодательстве и науке // Актуальные проблемы науки гражданского права на современном этапе / Под общ. ред. В.В. Кулакова, М.В. Ульяновой. – М.: Проспект. – 336 с.

DIGITAL CIVIL LAW: ON THE ISSUE OF PARADIGM SHIFT

Arkhipov I.V.

Russian State University of Justice

The transfer of information into digital form has now led to significant changes in civil turnover. The main changes can be reduced to two main trends: 1) the development of digital communication between subjects of civil law; 2) the appearance of objects of civil rights having a digital form of expression.

The methodological justification of the necessary changes in civil law can be given by the emerging functional theory of law, based on the recognition of the possibility of describing the actions of legal entities in the "right-wrong" coordinate system as an interdependence of variables, by analogy with the mathematical function and representation of the actions of legal entities as an algorithm.

The new paradigm of civil law should be based on the revision of its content in order to eliminate obstacles to translation into machine-readable form, eliminate logical contradictions, indefinable concepts, and the presentation of evaluated actions as an algorithm.

The problem of evaluative concepts is proposed to be solved on the basis of the analysis of incidents by artificial intelligence in the development of qualifying features of concepts such as integrity, etc. "Casual", case-law civil law at a new technological level is able to eliminate the problem not only of evaluative concepts, but the uniformity of judicial practice under the control of the legislator.

It is noted that it is impossible to correctly describe relations in the digital environment using traditional basic concepts of civil law, such as property rights, etc. One of the possible options for describing the absolute right to digital equivalents of property is to reduce it to the right of disposal.

The necessity of introducing the concept of property equivalents for digital objects into civil legislation is justified due to the fact that they do not have all the characteristics of property.

The article was prepared with the support of the SPS "Consultant-Plus".

Keywords: functional theory of law, digital civil law, algorithm in law, absolute right to digital objects, objects of civil rights, property, property equivalents, digital rights, digital objects of civil rights, digital equivalents of property, digital money.

References

1. Adelshin R.N. Smart obligations in the digital environment // Russian justice. – 2022. – No. S1. – pp. 32–45.
2. Arkhipov A.V. The moment of the end of the theft // Criminal law. – 2018. – No. 4. – pp. 20–24.
3. Bogdanov D.E. The failed technological revolution in contract law: apologetics of the traditionalist interpretation of the contract // Lex russica. – 2023. – Vol. 76. – No. 3. – pp. 21–40.
4. Bogdanov D.E. Postmodernism in Russian private law: interaction of legal and judicial doctrine // Lex russica. – 2021. – No. 11. – pp.102–123.
5. Bogdanov E.V. The problem of ownership in financial transactions in the conditions of digitalization of the economy // Modern law. – 2019. – No. 3. – pp. 47–52.
6. Ershov V.V., Kulakov V.V. Digital legal relations – modern reality // Russian Justice. – 2022. – No.S1. – pp.8–15.
7. Efimov A.V. Functional approach to the construction of norms of civil and business law // State and Law. – 2022. – No. 6. – pp. 89–96.
8. Zamotaeva T.B. Money as an object of civil rights: Abstract diss. ... cand. jurid. sciences'. – Saratov, 2003. – 24 p.
9. Zorkin V.D. Metamodern law: problem statement. Journal of Constitutional Justice. – 2019. – No. 4. – pp. 1–8.
10. Zorkin V.D. Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. (date of appeal: 07/22/2023)
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48-KG21–3-K7. URL: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=2004696 (accessed: 07/22/2023).
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.11.2001 No. 15, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2001 No. 18 "On some issues related to the application of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on the limitation period" // SPS "ConsultantPlus, 2023.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2015 No. 43 (ed. of 22.06.2021) "On some issues related to the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the limitation period" // SPS "ConsultantPlus, 2023.
14. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204 (ed. dated 21.07.2020) "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of address: 07/22/2023)
15. Filippova S.Y. Instrumental approach in the science of private law. – Moscow: Statute, 2013. – 350 p.
16. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 9. – pp. 5–16.
17. Khokhlov V.A. Systematics of civil law contracts // Taxonomy of contracts in civil law: Collection of abstracts of the All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. Editor T.B. Zamotaeva. – Samara: Samara Humanitarian Academy, 2016. – 188 p.
18. Digitalization of law-making: search for new solutions: monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovin; under the general ed. of Dr. Yurid. D.A. Pashentseva. – M: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2019. – 234 p.
19. Chernichkina G.N. Intellectual rights in civil law: in legislation and science // Actual problems of the science of civil law at the present stage / Under the general editorship of V.V. Kulakov, M.V. Ulyanova. – M.: Prospect. – 336 p.

Международное сотрудничество в сфере противодействия химико-биологическому терроризму как средство охраны окружающей среды

Зеленова Дарья Александровна,

ст. преподаватель, кафедра государственно-правовые дисциплины, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: acop@list.ru

Русс Матвей Дмитриевич,

студент, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: acop@list.ru

Бородина Виктория Алексеевна,

студент, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: acop@list.ru

В статье рассматриваются международные правовые основы в сфере противодействия международному терроризму и запрещению химических веществ, анализируются понятия «терроризм», «экологический терроризм». «Экологический терроризм» рассматривается как современная угроза человечеству. Авторами предпринята попытка рассмотреть хронологию начала использования химического и биологического оружия в военных целях, потом террористическими организациями, показать, к каким последствиям для окружающей среды и человеческого организма это приводило и может привести в дальнейшем, если международное сотрудничество по противодействию глобальным угрозам данного характера будет неэффективным.

Рассматриваются меры, направленные на предотвращение террористических актов, направленных на ухудшение экологической обстановки, а также деятельность государств, которая может способствовать уменьшению использования химического и биологического оружия. Проблема предупреждения химического, биологического (а в целом экологического терроризма) должна решаться при активном сотрудничестве, взаимодействии всех структур общества как внутри отдельно взятого государства, так и при активном сотрудничестве, обмене опыта с другими государствами.

Ключевые слова: окружающая среда, международный терроризм, химическое оружие, биологическое оружие, бактериологическое оружие, глобальные угрозы, международная безопасность.

В условиях современных реалий без каких-либо изменений продолжает сохранять свою актуальность вопрос о сотрудничестве между государствами в области содействия сохранению международного мира и безопасности, а также эффективной и скоординированной работы по предотвращению и устранению угроз, которые препятствуют дружественным отношениям между странами, их взаимовыгодному партнерству, взаимодействию в важных сферах и отраслях науки, экономики, промышленности и т.д. Также важность этого вопроса заключается в том, что эти угрозы носят глобальный характер.

За свою многовековую историю человечество прошло через множество войн и локальных вооруженных конфликтов, некоторые из которых могли катастрофически закончиться, что привело бы к последствиям глобального характера. Необходимо отметить, что вооруженные конфликты оказывают негативное воздействие на экологическую обстановку и окружающую среду. Применение в ходе ведения боевых действий запрещенных видов вооружения, к которым относятся химическое и биологическое оружие массового поражения, имеет только отрицательное влияние: способствует ухудшению человеческого здоровья, образованию новых видов болезней и заболеваний, с которыми медицина раньше не сталкивалась. Проблема применения химического оружия в настоящее время является насущной проблемой, т.к. международные террористические организации заинтересованы в его применении для создания всеобщего хаоса и паники.

Одним из первых случаев использования химического оружия принято считать применение в годы русско-японской войны японскими войсками в ходе осады Порт-Артура снарядов, содержащих пикриновую кислоту, а также распыление ядовитого газа против защитников крепости. Активное использование удушающих газов пришлось на годы Первой мировой войны, когда германские войска неоднократно применяли газ иприт, получивший свое название от места, где он впервые был применен – бельгийский город Ипр. Последствия применения иприта были ужасающими: газ вызывал тяжелые ожоги слизистого покрова глаз и дыхательных путей, на коже образовывались нарывы. В зависимости от тяжести полученных увечий смерть могла наступить на второй или третий день, или же через несколько месяцев. Пары иприта в 5,4 раза тяжелее воздуха, поэтому он длительное время может сохраняться в объектах окружающей среды, тем самым происходит заражение

живых организмов, почв, грунта. Небольшое попадание иприта в водные объекты приводит к гибели их обитателей, вызывает изменения в клетках микроорганизмов, увеличивает проницаемость их клеточных оболочек, в негативном ключе воздействует на генетический аппарат [12, с. 72].

Женевский Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г. являлся второй попыткой мировых держав запретить использование химического и биологического оружия в военных конфликтах в целях сохранения международной безопасности. Эффективность действия Протокола в международном правовом поле снижал тот факт, что в нем не были прописаны нормы, касающиеся способов контроля за его соблюдением, а также не были указаны меры ответственности для нарушителей.

Обычной нормой становится использование химико-биологического оружия в годы Второй мировой войны, особенно на людях. В качестве «материала для исследований» нацисты использовали жителей захваченных территорий и военнопленных, над которыми они ставили различного рода опыты. Под руководством доктора Динг-Шулера в концентрационном лагере Бухенвальд заключенных специально заражали сыпным тифом. Другим ярким примером служит деятельность японских карательных «отрядов № 731», которые создавали бактериологическое оружие и испытывали его на военнопленных [13]. Антигуманная и античеловеческая деятельность по проведению опытов над людьми с использованием удушающих газов и биологического оружия уже тогда представляла собой угрозу для международной безопасности и являла собой акты химико-биологического терроризма, который спонсировался и только приветствовался государствами-агрессорами. Еще одним примером химического терроризма ради достижения военно-политических целей может служить применение американскими войсками в период Вьетнамской войны дефолиантов и гербицидов «Агент Оранж» (англ. «Agent Orange»), который предназначался для уничтожения растительности джунглей и обнаружения вьетнамских повстанцев [11, с. 100]. Использование в крупных объемах этого химического вещества привело к тяжелейшим последствиям:

- 1) было уничтожено 500 тыс. га мангровых лесов, около 1 млн га джунглей и более 100 тыс. га равнинных лесов были поражены химикатом;
- 2) урожайность каучуковых плантаций снизилась на 75%, было уничтожено от 40 до 100% посевов бананов, риса, помидоров, кокосов;
- 3) в пораженных районах практически полностью произошло исчезновение земноводных и насекомых, количество рыб в водоемах очень сильно сократилось, а из 150 видов птиц сохранилось только 18;
- 4) микробиологический состав почв подвергся губительным изменениям, растения были отравлены.

Входящая в состав оружия примесь 2,4,7,8-тетрахлордифенилоксида приводила к поражению людей. Незаметно поступая в организм и постепенно в нем накапливаясь, диоксин способствовал появлению и развитию кожных заболеваний, самопроизвольных аборт, способствовал появлению злокачественных образований [11, с. 102], вызывал нарушения обменных процессов, снижал иммунитет, в негативном ключе сказывался на наследственности. Жертвам химических атак было отказано в компенсации за ущерб, причиненный их жизни и здоровью, а использование диоксида не было признано военным преступлением.

Для того, чтобы перейти к рассмотрению международного сотрудничества по противодействию химико-биологическому терроризму, необходимо понять, что он представляет, какие составные части включает в себя. Для начала определимся с тем, что понимается под терроризмом. В современной правовой практике это понятие дается в различных источниках национального законодательства государств-участников конвенций Организации Объединенных Наций о борьбе с терроризмом. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. дает следующее определение: «незаконное и преднамеренное доставление, помещение и приведение в действие или взрыв взрывного или иного смертоносного устройства в пределах мест общественного пользования, государственного, правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта и инфраструктуры» [2].

В Арабской конвенции о борьбе с терроризмом 1998 г. приводится следующее понятие: «любой акт или угроза насилия, невзирая на мотивы или цели, которые совершаются в угоду одного лица или преступной группы, наводят ужас среди населения, наносят вред этому населению, подвергают опасности жизнь, свободу и безопасность людей, направлены на нанесение вреда окружающей среде, общественным и частным зданиям или имуществу, а также захват этих зданий или нанесение вреда всей нации» [4].

В федеральном законе Российской Федерации № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [5].

Применение химического оружия началось в начале XX в. По мнению авторов, именно испытания различного оружия данного вида на людях можно считать началом возникновения химико-биологического терроризма. По своей сути этот вид терроризма является составной частью экологического терроризма, под которым следует понимать [8, с. 5]:

- 1) умышленные действия, направленные на загрязнение окружающей среды с целью нанесения наибольшего экологического ущерба;
- 2) факты насильственного воздействия на окружающую среду, изменение физических, химических и электрических свойств морей, океанов.

Д.И. Тисленко под экологическим терроризмом понимает идеологию и практику насилия, которые имеют повышенную общественную опасность и ставят своей целью устрашение населения путем загрязнения объектов окружающей среды.

Предпосылками для возникновения экологического терроризма послужил ряд различных по своему смыслу и содержанию причин [8, с. 8]:

- 1) промышленные революции;
- 2) загрязнение окружающей среды;
- 3) нехватка продовольствия и водных ресурсов.

Основными проявлениями экологического терроризма, по мнению С.А. Боголюбова, являются [9, с. 85]:

- 1) распространение боевых отравляющих химических веществ;
- 2) использование радиоактивных материалов;
- 3) заражение людей новыми вирусами и болезнями.

Являясь составной частью экологического терроризма, химико-биологический терроризм подразделяется на два вида: химический и биологический.

Биологический терроризм представляет собой применение с прямым умыслом биологических средств и компонентов для поражения людей, растений, живых организмов с целью нанесения максимального ущерба, который несет отрицательные негативные последствия [15, с. 15]:

- 1) медицинские – массовые заболевания людей, большинство из которых имеет летальный исход; психические расстройства; инвалидность; нарушение работы медицинских организаций и лечебных учреждений;
- 2) экономические – уничтожение различных видов растений и культур, включая сельскохозяйственные; массовая гибель животных и скота; массовый голод; рост финансовых затрат на проведение противоэпидемических и карантинных мероприятий;
- 3) демографические – акты биологического терроризма уничтожают население, способствуют образованию «демографических ям».

В современной практике известны случаи применения террористами биологического оружия [15, с. 20]:

- 1) 1984 г. – члены религиозной секты «Раджниши», преследуя политическую цель, заразили бактериями сальмонеллы пищу в ресторане, из-за чего пострадало 753 человека;
- 2) 1991 г. – американская группа экстремистов «Патриотический совет» планировала использование биологического вещества «рицин», произведенного ими из касторовых бобов, против сотрудников правоохранительных органов;

- 3) 2003 г. – в Великобритании группа террористов планировала устроить теракты с использованием рицина.

Необходимо отметить, что террористические организации отдают свое предпочтение использованию биологического и бактериологического оружия, потому что [14, с. 28]:

- 1) биологическое оружие является стратегическим;
- 2) биологическое оружие можно создавать в подпольных условиях;
- 3) последствия применения биологического оружия могут проявляться достаточно длительное время, что может привести к гораздо большему числу жертв.

Биотерроризм является одной из главных угроз как для международной безопасности, так и для национальной безопасности государств, а возможность его скрытого осуществления создает опасность лишения населения источников существования, дестабилизации порядка управления, запугивания населения [10, с. 496].

Одной из внешних угроз для экологической безопасности Российской Федерации является преднамеренное перемещение на территорию государства зараженных организмов, способных вызывать эпидемии, эпизоотии, эпифитотии различного масштаба с целью сокращения человеческого и промышленного потенциала. В этой связи улучшение международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и природопользования с учетом защиты национальных интересов – это приоритетная задача [6].

Химический терроризм – это совершение, либо подготовка к совершению террористических атак с применением ядовитых продуктов, высокотоксичных веществ, которые приводят к гибели людей. Основными признаками данного вида терроризма являются: использование природных токсинов и ядов; хищение отравляющих веществ; незаконное приобретение путем купли-продажи химических веществ, представляющих высокую опасность [8, с. 10]:

Среди известных террористических актов с применением химического оружия можно назвать следующие инциденты:

- 1) 1978 г. – террористы из Палестины заразили ртутью партию апельсинов, поставляемых в страны европейского континента;
- 2) угроза отравления источников водоснабжения г. Владимира цианистым калием в 1994 г.;
- 3) химические теракты в метрополитене г. Токио в 1994 и 1995 гг.;
- 4) 1998 г. – заражение цианидом партии винограда, также поставлявшегося в страны европейского континента;

Таким образом, химико-биологический терроризм представляет собой террористический акт или угрозу его совершения путем одновременно использования с прямым умыслом биологического, бактериологического, химического оружия, опасных химических и биологических средств,

компонентов, высокотоксичных веществ с целью дестабилизации общественного порядка и общественной безопасности, устрашения и запугивания людей, максимального заражения и уничтожения объектов растительного мира, живых организмов и людей.

Применение химических и биологических веществ возможно благодаря диверсионным способам [16, с. 46]:

- 1) отравление водоемов, систем водоснабжения химически опасными веществами;
- 2) заражение партий продуктов химическими и биологическими веществами;
- 3) использование переносчиков инфекционных заболеваний;
- 4) оставление в местах массового пребывания людей зараженных предметов.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г. выработала основные правовые меры для государств-участников по противодействию распространения химико-биологического оружия [1]:

- 1) запрет на разработку, производство, накопление и приобретение микробиологических, биологических агентов и токсинов, которые не предназначены для мирных целей;
- 2) запрет на разработку, производство, накопление и приобретение оружия, оборудования или средств доставки, предназначенных для использования агентов или токсинов в вооруженных целях;
- 3) консультирование и сотрудничество между государствами-участниками Конвенции;
- 4) сотрудничество между государствами-участниками в проведении любых исследований;
- 5) предоставление международной помощи любому государству-участнику Конвенции.

Глобальная контртеррористическая стратегия ООН 2006 г. призвала государства-участники принять незамедлительные меры по борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях путем [3]:

- 1) борьбы с контрабандной перевозкой химических и биологических материалов;
- 2) совершенствования пограничного и таможенного контроля в целях предотвращения и выявления незаконного оборота химического, биологического оружия и материалов;
- 3) улучшения координации при планировании мер реагирования на террористическое нападение с использованием химического, биологического оружия и материалов.

Таким образом, терроризм с использованием химического и биологического оружия относится к международным преступлениям. Начиная с 1899 г., государства во всем мире озабочены использованием в боевых действиях оружия, которое загрязняет окружающую среду, наносит существенный вред экологии и человеческому здоровью. За это время были приняты документы меж-

дународного характера, но это несколько не оставило некоторые государства в использовании данного вида оружия, а еще создало проблему террористических атак с его использованием.

Являясь составной частью экологического терроризма, терроризм с использованием химического и биологического оружия может преследовать как политические, так и неполитические цели, но его результат всегда один – нанесение крупного ущерба экологии. Одним из главных условий борьбы с ним может являться межгосударственное взаимодействие, несмотря на политические противоречия, которые в последнее время только мешают совместной работе по противодействию угрозам глобального характера. Предотвращение этих террористических актов, направленных на ухудшение экологической обстановки возможно благодаря следующим мерам [7]:

- 1) предотвращение диверсий и техногенных аварий с негативными последствиями для окружающей среды;
- 2) предотвращение преднамеренного применения химических веществ, вызывающих деградацию природной среды;
- 3) предотвращение умышленных пожаров, вызывающих уничтожение природных и аграрных экосистем;
- 4) предотвращение ввоза и распространения с террористическими целями видов живых организмов, вызывающих нарушения в экосистемах.

Литература

1. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10.04.1972 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. – 1977. – Вып. XXXI. – Ст. 2295.
2. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15.12.1997 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 35. – Ст. 3513.
3. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций № 60/288 от 08.09.2006 г. // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов «Кодекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902114207?section=text> (дата обращения 25.05.2023).
4. Арабская конвенция о борьбе с терроризмом от 22.04.1998 г. // Официальный сайт электронного фонда правовых и нормативно-технических документов «Кодекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902038141?section=text> (дата обращения 15.05.2023).
5. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) //

Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.; 2023. – N29, ст. 5305.

6. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ 19.04.2017 г. № 176 // Собрание законодательства РФ. – 2017. № 17. – Ст. 2546.
7. Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.
8. Алексанин С.С. Экологический терроризм – феноменология, виды, факторы, превенция / С.С. Алексанин, М.М. Богословский, В.Ю. Рыбников, К.К. Роголев, Ю.В. Гудзь, Л.Б. Дрыгина, С.Г. Шаповалов // Экология человека. – 2018. – № 12. – С. 4–11.
9. Алексеева А. П. О понятии и классификации видов экологического терроризма / А.П. Алексеева, А.П. Анисимов // Власть закона. – 2017. – № 2 (30). – С. 84–98.
10. Брейтенбюхер А.В. Биологический терроризм – миф или угроза современности? / А.В. Брейтенбюхер, И.А. Хващевская, Н.Л. Аширбагина // Труды Международной научно-практической конференции «Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации», проводимой в рамках III международного конгресса молодых ученых по проблемам устойчивого развития, регионального форума предпринимательства «Свое дело – твой успех» Омского филиала Финансового института при Правительстве РФ (г. Омск, 18 мая 2017 г.). – Омск. – С. 496–499.
11. Журавлева И.М. Химическое оружие и последствия его применения в истории военных конфликтов / И.М. Журавлева, С.В. Кустодов, В.В. Масляков, А.В. Михневич, А.В. Савченко, Ф.О. Усмаева // Труды XXII Международной научно-практической конференции «Экология и безопасность жизнедеятельности» Пензенского государственного аграрного университета (г. Пенза, 13–14 декабря 2022 г.). – Пенза, 2022. – С. 98–103.
12. Зайцева Т.Б. Влияние продуктов гидролиза иприта на развитие массовых видов цианобактерий / Т.Б. Зайцева, Н.Г. Медведева // Принципы экологии. – 2017. – № 1 (22). – С. 70–80.
13. Отряд № 731. Инкубатор смерти [Электронный ресурс]: Официальный сайт исторического журнала «Дилетант». – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/30388332/> (дата обращения 19.05.2023).
14. Потанина М.В. Биологический терроризм и его опасность / М.В. Потанина, П.Л. Колесниченко, С.В. Базанов // Бревитер: коротко о главном. – 2008. – № 1. – С. 28–29.
15. Саранкина Ю.А. Биологический терроризм: понятие, сущность и основные направления противодействия / Ю.А. Саранкина // Крымский

научный вестник. – 2016. – № 4 (10). – С. 10–23.

16. Шихов А.Л. Классификация видов терроризма / А.Л. Шихов // Отечественная юриспруденция. – 2019. – № 4 (36). – С. 45–49.

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COMBATING CHEMICAL AND BIOLOGICAL TERRORISM AS A MEANS OF PROTECTING THE ENVIRONMENT

Zelenova D.A., Russ M.D., Borodina V.A.
Pacific National University

The article discusses the international legal framework in the field of countering international terrorism and the prohibition of chemicals, analyzes the concepts of “terrorism”, “ecological terrorism”. “Environmental terrorism” is seen as a modern threat to humanity. The authors attempted to consider the chronology of the beginning of the use of chemical and biological weapons for military purposes, then by terrorist organizations, to show what consequences for the environment and the human body this led and may lead in the future if international cooperation to counter global threats of this nature is ineffective.

Measures aimed at preventing terrorist acts aimed at worsening the environmental situation, as well as the activities of states that can help reduce the use of chemical and biological weapons are considered. The problem of preventing chemical, biological (and, in general, ecological terrorism) should be solved with active cooperation, interaction of all structures of society both within a single state, and with active cooperation, exchange of experience with other states.

Keywords: environment, international terrorism, chemical weapons, biological weapons, bacteriological weapons, global threats, international security

References

1. Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction dated April 10, 1972 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR. – 1977. – Issue. XXXI. – Art. 2295.
2. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombing dated 12/15/1997 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 35. – Art. 3513.
3. Global Counter-Terrorism Strategy of the United Nations No. 60/288 of 09/08/2006 // Official site of the electronic fund of legal and regulatory documents “Code” [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/902114207?section=text> (accessed 25.05.2023).
4. Arab Convention on the Suppression of Terrorism dated April 22, 1998 // Official website of the electronic fund of legal and regulatory documents “Code” [Electronic resource]. – Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/902038141?section=text> (accessed 05/15/2023).
5. On countering terrorism: Feder. Law of March 6, 2006 No. 35-FZ (as amended on July 10, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 11. – Art. 1146.; 2023. – N29, art. 5305.
6. On the Strategy for Environmental Security of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation on April 19, 2017 No. 176 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. No. 17. – Art. 2546.
7. On the approval of the Environmental Doctrine of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of August 31, 2002 No. 1225-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 36. – Art. 3510.
8. Aleksanin S.S. Ecological terrorism – phenomenology, types, factors, prevention / S.S. Aleksanin, M.M. Bogoslovsky, V. Yu. Rybnikov, K.K. Rogalev, Yu.V. Gudz, L.B. Drygina, S.G. Shapovalov // Human Ecology. – 2018. – No. 12. – P. 4–11.
9. Alekseeva A.P. On the concept and classification of types of environmental terrorism / A.P. Alekseeva, A.P. Anisimov // Power of Law. – 2017. – No. 2 (30). – P. 84–98.

10. Breitenbyukher A.V. Biological terrorism – a myth or a threat to our time? / A.V. Breitenbyukher, I.A. Khvashchevskaya, N.L. Ashirbagina // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “The Potential of the Russian Economy and Innovative Ways to Realize It”, held within the framework of the III International Congress of Young Scientists on the Problems of Sustainable Development, Regional Entrepreneurship Forum “Your business is your success” of the Omsk branch of the Financial Institute under the Government of the Russian Federation (Omsk, May 18, 2017). – Omsk. – P. 496–499.
11. Zhuravleva I.M. Chemical weapons and the consequences of its use in the history of military conflicts / I.M. Zhuravleva, S.V. Kustodov, V.V. Maslyakov, A.V. Mikhnevich, A.V. Savchenko, F.O. Usmaeva // Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference “Ecology and Life Safety” of the Penza State Agrarian University (Penza, December 13–14, 2022). – Penza, 2022. – P. 98–103.
12. Zaitseva T. B., Medvedeva N.G. Influence of mustard gas hydrolysis products on the development of mass species of cyanobacteria // Principles of Ecology. – 2017. – No. 1 (22). – P. 70–80.
13. Detachment No. 731. Incubator of death [Electronic resource]: Official site of the historical magazine “Amateur”. – Access mode: <https://diletant.media/articles/30388332/> (accessed 05/19/2023).
14. Potanina M.V. Biological terrorism and its danger / M.V. Potanina, P.L. Kolesnichenko, S.V. Bazanov // Breviter: briefly about the main thing. – 2008. – No. 1. – P. 28–29.
15. Sarankina Yu.A. Biological terrorism: concept, essence and main directions of counteraction / Yu.A. Sarankina // Crimean Scientific Bulletin. – 2016. – No. 4 (10). – P. 10–23.
16. Shikhov A.L. Classification of types of terrorism / A.L. Shikhov // Domestic jurisprudence. – 2019. – No. 4 (36). – P. 45–49.

Вопросы привлечения к ответственности директора ООО за премиальные выплаты

Сафин Талгат Ильнарвич,

Аспирант кафедры гражданского и корпоративного права
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

В данной статье (на примере конкретного судебного дела, включенного в Обзор Верховного Суда России) рассмотрена проблема правильной правовой квалификации казуса, когда единоличный исполнительный орган юридического лица получает премиальные и надбавки на основании своего собственного приказа. В отсутствие решения общего собрания участников общества (или соответствующего условия в договоре, заключенном с директором общества) Верховный Суд РФ признал такие выплаты незаконными, квалифицировав их по статье 53.1 Гражданского кодекса РФ. При этом не учтена специфика случая, когда с директора взыскивается сама присвоенная им сумма (и не идет речь об ответственности как «дополнительных негативных последствиях», возлагаемых на правонарушителя). Были проанализированы четыре возможных варианта квалификации правоотношений сторон (трудовые правоотношения, деликт, «особая корпоративная ответственность» и кондикция). Последний вариант признается автором наиболее правильным, как соответствующим букве закона и политико-правовым целям законодательного регулирования.

Ключевые слова: премиальные выплаты, компетенция единоличного исполнительного органа, ответственность руководителя юридического лица, неосновательное обогащение, неразумность и недобросовестность директора, вина единоличного исполнительного органа.

В настоящей статье изучена проблема юридической квалификации правового положения сторон правоотношения в случаях, когда полученные единоличным исполнительным органом премиальные выплаты признаны судом незаконными, поскольку они не были предусмотрены его договором с «Обществом» (на примере, рассмотренном в пункте 12 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023)»).

Фабула дела состоит в следующем. В «Обществе» (здесь и далее под «Обществом» понимается общество с ограниченной ответственностью, зарегистрированное в соответствии с законодательством Российской Федерации) были утверждены локальные нормативные акты о надбавках и премировании сотрудников. В соответствии с данными актами генеральный директор (наряду с другими работниками) получал соответствующие выплаты. Определением от 16.12.2022 Верховный Суд РФ признал такие выплаты руководителю «Общества» незаконными, поскольку они не были одобрены общим собранием участников «Общества» и не были предусмотрены трудовым договором, который «Общество» заключило с генеральными директором.

Приняв как данность юридический факт, согласно которому выплата является необоснованной, необходимо дать верную правовую квалификацию сложившимся правоотношениям сторон. Теоретически можно помыслить четыре возможных варианта.

1. Кондикция (неосновательное обогащение).
2. Трудовые правоотношения (работник получил то, что ему по трудовому договору не причиталось).
3. Особая корпоративная ответственность.
4. Деликтная ответственность.

Далее по тексту все вышеуказанные варианты будут рассмотрены детально.

Неосновательное обогащение. В рассматриваемом Обзоре Верховный Суд России высказался весьма категорично – никаких правовых оснований для получения директором премиальных и «надбавочных» выплат нет (поскольку общее собрание участников «Общества» решений о таких платежах директору не принимало, и трудовой договор подобных выплат не устанавливает). Верховный Суд РФ справедливо сослался на «конфликт интересов» в ситуации, когда директор премирует самого себя (на недопустимость «конфликта интересов» указывает и Высший Арбитражный Суд РФ в подпункте 1 пункта 2 Постановления Пленума № 62 от 30.07.2013 «О некоторых вопросах возме-

щения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»). Такая правовая позиция вытекает и из пункта 4 статьи 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», не позволяющего единоличному исполнительному органу принимать любые решения, а прямо ограничивающего его полномочия текстом заключенного с «Обществом» договора (см. абзац 4 пункта 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», устанавливающий презумпцию неограниченности полномочий указанного в ЕГРЮЛ единоличного исполнительного органа, здесь неприменим, поскольку Пленум распространяет данную презумпцию только на «третьих лиц», к которым сам директор, очевидно, не относится).

Если правовое основание для выплаты отсутствует, а платеж фактически совершен, возникает справедливый вопрос о применении пункта 1 статьи 1102 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»), согласно которому *«Лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело... имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное... имущество (неосновательное обогащение)»*.

С политико-правовой точки зрения такое регулирование представляется абсолютно справедливым и правильным. Признанный Верховным Судом РФ незаконным *«приказ о собственном премировании»* является ни чем иным, как единоличным (и неправомерным) волеизъявлением директора, на основании которого он завладел денежными средствами «Общества». Это ничем не отличается, например, от случая, когда единоличный исполнительный орган присваивает наличные из кассы «Общества». Конечно же, в рамках возникающих в таких ситуациях «охранительных правоотношений» директор должен нести всю полноту ответственности за совершенные им незаконные действия. В терминологии профессора Муромцева С.А. (на дореволюционных трудах которого современная отечественная доктрина строит концепцию разделения правоотношений на «регулятивные» и «охранительные») это «защищающие отношения» (связанные с принудительной реализацией прав), которые следует отличать от отношений «защищаемых» (связанных с осуществлением прав) [1] [2].

В связи с вышеизложенным, в данном юридическом казусе следует выделять два принципиально разных правовых аспекта. Во-первых, директор должен вернуть незаконно полученные денежные средства. Это не ответственность, такая как, например, штрафы, пени или «охранительные» проценты (в отличие от «регулятивных» (процентов за пользование денежными средствами), «охранительные» проценты взыскиваются при просрочке исполнения обязательства). Такой возврат не яв-

ляется для директора санкцией за нарушение закона. Право лишь приводит стороны в то положение, которое существовало до правонарушения. Кроме того (во-вторых), директор должен понести собственно «ответственность» (в полном смысле этого слова) за свои незаконные действия, и именно здесь можно говорить о возложении на директора «дополнительных» негативных последствий за совершенное им деяние.

При этом очевидно, что незаконно полученное директор должен возвращать всегда, а неблагоприятные «дополнительные» последствия возлагаются на директора только при наличии установленного законом «юридического состава» (наличие вины, неразумности, недобросовестности директора или др.)

В своем Обзоре Верховный Суд РФ разрешил только вопрос о возврате денежных средств, не рассматривая никакие формы «дополнительного наказания» директора. При этом свою позицию высшая судебная инстанция основывает не на положениях статьи 1102 ГК РФ, а на нормах статьи 53.1 того же кодекса. Такое правовое решение представляется спорным. В подобных ситуациях нет никаких политико-правовых причин возлагать на «Общество» бремя доказывания «недобросовестности» или «неразумности» директора, как того требует пункт 1 статьи 53.1 ГК РФ. Также здесь нет необходимости обсуждать вопрос наличия вины директора, как это предусмотрено в деликтах (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ) и в пункте 2 статьи 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (которая предусматривает ответственность единоличного исполнительного органа «за убытки, причиненные обществу его виновными действиями»). Аналогичная норма закреплена в пункте 2 статьи 71 Федерального закона «Об акционерных обществах». Важно отметить, что здесь отсутствует и специфика регулирования, присущая трудовым отношениям (директор получил недолжное и просто обязан всё вернуть, поскольку из позиции Верховного Суда РФ прямо следует, что директор вправе претендовать только на вознаграждение, предусмотренное заключенным с ним договором). Соответственно, всё остальное (премиальные и надбавки) выплатами, осуществленными в рамках трудового законодательства, признаны быть не могут.

При таких фактических обстоятельствах считаем правильным применение правил статьи 1102 ГК РФ, устанавливающих для «Общества» минимальные требования для доказывания обоснованности возврата незаконных премиальных. Для выполнения бремени доказывания «Обществу» достаточно представить свидетельства фактического проведения платежа, который признан Верховным Судом РФ неправомерным. Совершенно излишними здесь являются требования статьи 53.1 ГК РФ о необходимости доказывания истцом «недобросовестности» или «неразумности» действий директора. Его действия могут быть вполне добросовестными. Например, приказ о премировании подписан

заместителем директора во время нахождения руководителя в отпуске и при этом премировались все сотрудники «Общества» за выполнение годовых показателей (в полном соответствии с локальными нормативными актами «Общества»). Здесь о недобросовестности директора речь не идет (нет, здесь, конечно же и неразумности (директор трудился со всем коллективом, благодаря чему планы и были выполнены)), но премия должна быть им возвращена (в силу правовой позиции Верховного Суда РФ, который отнес вопрос премирования директора к исключительной компетенции общего собрания участников «Общества»).

Если рассматривать англосаксонские аналоги «добросовестности» и «разумности», предусмотренных статьей 53.1 ГК РФ («Duty of care» – «Обязательство директора по приложению максимальных усилий» и «Duty of loyalty» – «Обязательство директора избегать конфликта интересов»), то и в данной трактовке мы видим, что обязанность директора вернуть недолжно полученное никак не связана ни «лояльностью» директора «Обществу» (в Германии – «хранение верности «Обществу»»), ни с его обязанностью прилагать все усилия для достижения целей создания «Общества» (получение прибыли). Для предъявления к директору кондикционного иска ничего этого доказывать не нужно.

Также отметим, что не является препятствием для предъявления кондикционного иска и наличие договора между директором и «Обществом» (поскольку этот договор, очевидно, никак не регламентирует незаконные выплаты директора самому себе).

Наша точка зрения о необходимости применения института неосновательного обогащения не опровергается и некоторыми исключениями, которые установлены нашим правом порядком для предъявления кондикционного иска.

Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 1109 ГК РФ не возвращается как неосновательное обогащение «заработная плата и приравненные к ней платежи». Здесь закон и судебная практика имеют в виду, например, «денежное довольствие военнослужащих» (пункт 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 26.03.2021 N8-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Носаева»), «социальные выплаты молодым специалистам на строительство жилья в сельской местности» (см., например, пункт 8 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N3 (2022)») и т.п. Незаконно полученные премии, очевидно, к таким платежам не относятся.

Кроме вышеуказанной ссылки на смысловое содержание статьи 1009 ГК РФ, здесь мы также приведем известный доктринальный довод, согласно которому «исключение» не может толковаться расширительно или применяться по аналогии закона (Карпетов А.Г. [3]) А пункт 3 статьи 1109 ГК РФ законодателем «исключением» прямо назван (данный термин использован при указании в пункте 1

статьи 1102 ГК РФ общего правила о необходимости вернуть неосновательное обогащение).

Не создает проблем для применения норм о неосновательном обогащении и правило о «факультативном» («субсидиарном») их действии. В пункте 1 «Обзора судебной практики № 1 (2023)» Верховный Суд РФ разрешил давний спор представителей доктрины, истолковав статью 1103 ГК РФ в пользу позиции, которую занимает, в частности, Новак Д.В. [4] Верховный Суд РФ указал, что «положения главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации о неосновательном обогащении в таком случае могут применяться лишь субсидиарно в соответствии со статьей 1103 этого кодекса» (пункт 1 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023)», утвержденного 26.04.2023 Президиумом Верховного Суда РФ.) Таким образом, высшей судебной инстанцией не была поддержана противоположная точка зрения, которой придерживался, например, Гербутов В.С. (он полагает, что в статье 1103 ГК РФ установлена не субсидиарность применения норм о неосновательном обогащении, а аналогия закона) [4].

Признанная Верховным Судом России субсидиарность применения норм о неосновательном обогащении не препятствует квалификации по статье 1102 ГК РФ обязательств директора по возврату незаконно полученных премий и надбавок. Причина тому понятна – статья 53.1 ГК РФ напрямую эти отношения не регулирует (а, значит, нет препятствий для применения статьи 1102 ГК РФ). Ее действие направлено против «недобросовестных» и «неразумных» действий директора. Как мы показали ранее, в рассматриваемом примере могут отсутствовать оба эти признака, а полученная единоличным исполнительным органом премия, тем не менее, должна быть возвращена.

Квалификация правоотношений сторон как «трудовых» была справедливо отвергнута Верховным Судом РФ в рассматриваемом здесь пункте 12 Обзора. Высшая судебная инстанция квалифицировала обязательства директора по возврату денег по статье 53.1 ГК РФ. При этом Верховный Суд России отменил все акты судов нижестоящих инстанций, которые отказали в иске, применив нормы трудового законодательства. Против квалификации данных споров как трудовых свидетельствует и позиция Пленума ВАС РФ из пункта 9 Постановления № 62 от 30.07.2013 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (где подобные споры были названы «корпоративными» и отнесены к подсудности арбитражных судов). Считаю правовую позицию Верховного Суда РФ правильной. В ситуации, когда выплата признана незаконной, она является ни чем иным, как не основанным на законе присвоением чужого имущества. Арбитражный суд Московского округа в своем кассационном постановлении от 05.04.2022 по данному делу совершенно верно подчеркнул следующее: «Истец считает, что своими действиями ответчик, по сути, допустил уменьшение де-

нежной массы общества без законных к тому оснований на сумму 14 843 056 руб.» Очевидно, что такое присвоение чужого имущества не является реализацией прав и обязанностей в рамках трудовых правоотношений. Понятно, что в отношениях с руководителем (работником) «Общество» выступает работодателем (статус директора как наемного работника, прямо подтвержден, например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 02.06.2015) в пункте 2. Но с юридической точки зрения мы здесь имеем дело с хрестоматийным примером неосновательного обогащения ответчика, которое ничего общего с выполнением трудовой функции не имеет.

Наиболее интересным и спорным в рассматриваемом примере является обсуждение квалификации рассматриваемых в настоящей работе правоотношений как «особой корпоративной ответственности». Данный термин используется Егоровым А.В., который указывает, что эта ответственность возникает в силу того, что лицо занимает определенный важный пост в компании и существенно влияет на ее деятельность [6]. Примечательным здесь является следующее обстоятельство. Обзор ссылается на Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС22–11727, однако при его цитировании исключает всякое упоминание на корпоративный характер ответственности директора. Так, Президиумом ВС РФ были исключены следующие фразы: *«По смыслу приведенных положений, установленная статьей 53.1 ГК РФ ответственность органов управления хозяйственным обществом является средством внутрикорпоративного регулирования...», «настоящий спор об ответственности единоличного исполнительного органа перед обществом и его участниками за ненадлежащее управление вверенным ему обществом в части осуществления себе выплат, несогласованных (неодобренных) вышестоящим органом управления общества, является корпоративным...»*

Если такое исключение цитат является так называемым «квалифицированным умолчанием», то здесь можно говорить о том, что Верховный Суд РФ пока не готов занять однозначную позицию по квалификации правоотношения как «особого корпоративного» и, возможно, в будущем будет проведена четкая дифференциация двух разных по своей правовой природе последствий допущенного директором правонарушения:

1. Когда директор, действительно, своими неразумными (или недобросовестными) действиями причинил «Обществу» убытки. Классическими примерами этого являются заключение невыгодной сделки, неосуществление директором своих полномочий должным образом, игнорирование внутрикорпоративных процедур согласования сделки, причинившей ущерб «Обществу» и т.п. Здесь мы не имеем в виду случаи, когда директор лично (незаконным образом) получил принадлежащий «Обществу» актив.

2. Когда единоличный исполнительный орган просто присвоил имущество, которое «Обще-

ство» требует вернуть. В подобных случаях нет никакой необходимости доказывать ни неразумность, ни недобросовестность директора. Применение норм о неосновательном обогащении позволяет здесь защитить интересы «Общества» посредством выполнения им простого и необременительного бремени доказывания факта передачи имущества и отсутствия правового основания для такой передачи. Установление такого общего правила позволит получить инструментарий для решения и более сложных правовых казусов (где имеет место не просто присвоение денежных средств «Общества»). Рассмотрим следующий случай. Директор (будучи слаб здоровьем) не смог заключить важный для «Общества» контракт. Без согласования с участниками «Общества» он оплачивает со счета «Общества» свою путевку в санаторий, и, вернувшись с лечения здоровым, заключает эту сделку (тем самым приносит «Обществу» значительную прибыль). Применение статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ в данном случае столкнется с контрдоводами директора об отсутствии с его действиях «неразумности» и «недобросовестности». Понятно, что статья 53,1 ГК РФ включает в себя фразу *«если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску»*, однако стоящие перед этой фразой слова «в том числе» свидетельствуют о том, что данная фраза поглощена ранее указанными в данной статье терминами «недобросовестность» и «неразумность». Но даже если толковать вышеуказанную фразу обособленно, то и в этом случае она не будет являться основанием для привлечения директора к ответственности (в Российской Федерации оплата компанией санаторного лечения руководителя – далеко не редкость). Прибыль (как главная цель деятельности «Общества») выросла. А если в данном случае будет применен институт неосновательного обогащения, то заявления директора о его «добросовестности» и «разумности» никакого юридического значения иметь не будут. Указанный в пункте 1 статьи 1102 ГК РФ факт «сбережения имущества за счет другого лица» очевиден. Следовательно, стоимость путевки «Общество» с директора взыскать вправе. Такое регулирование, очевидно, является более справедливым, поскольку защищает «Общество» от несанкционированных трат, совершаемых директором с превышением своих полномочий.

Что касается возможной квалификации правоотношений сторон как *деликтных*, то здесь следует отметить три важных обстоятельства:

1. В ситуации *«премирования директором самого себя»* (терминология из Обзора Верховного Суда России) по пункту 12 вышеуказанного Обзора включать в юридический состав вину директора представляется совершенно необоснованным и даже абсурдным. Добросовестное заблуждение директора (относительно его прав на поощрительные выплаты) не должно позволять ему оставить незаконно полученные премиальные за собой.

Никаких политико-правовых предпосылок для этого нет. А квалификация правоотношения в качестве деликтного могла бы это позволять (согласно пункту 2 статьи 1064 ГК РФ «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине»). Рассмотренный Верховным Судом РФ в своем Обзоре пример наглядно это подтверждает: руководитель признан работником, выполняющим «трудовую функцию» (ВС РФ сослался на этот довод из пункта 2 Постановления Пленума № 21). Локальные нормативные акты «Общества» прямо предусматривали поощрительные выплаты работникам, и в договоре «Общества» с директором имеется ссылка на эти акты – всё это может служить доказательством отсутствия вины директора (если суды всех трех нижестоящих инстанций (семь (!) федеральных судей) посчитали премиальные выплаты законными, есть все основания полагать, что директор добросовестно исходил из того же, и поэтому не виноват). Это наглядно показывает, что Верховный Суд РФ совершенно правильно не стал квалифицировать правоотношения как деликт.

2. Следует согласиться с таким специалистами по деликтному праву, как Ягельницкий А.А. и Петроль О.Д., которые полагают, что нормы о деликтах не применяются к лицам, связанным договором [5]. А между директором и «Обществом» такой договор заключается в силу прямого указания статьи 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

3. В пункте 2 Информационного письма № 49 от 11.01.2000 («Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении») Президиум ВАС РФ сделал следующий вывод: «Требование из неосновательного обогащения может быть заявлено и в случае причинения вреда». Это подтверждает, что даже при наличии признаков деликта квалификация правоотношений в качестве кондикционных вполне допустима. Тем более в случаях, когда она позволяет истцу применять упрощенный стандарт доказывания, не возлагая на него чрезмерных требований по доказательственной базе (в частности, в отношении наличия вины ответчика).

Выводы: в случаях, когда единоличный исполнительный орган общества с ограниченной ответственностью получает активы данного общества (и такое присвоение признается судом незаконным), к отношениям по возврату такого имущества следует применять нормы о неосновательном обогащении. Такая правовая позиция приводит к установлению справедливых требований по определению предмета доказывания, не противоречит законодательным положениям и целям соответствующего правового регулирования.

Литературы

1. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев; отв. ред. А.Д. Рудок; науч. ред.: В.С. Ем. – М.: Статут, 2003. – 685 с.

2. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 590–592.
3. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А.В. Асосков, В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1469 с.
4. Научный круглый стол Юридического института «М-Логос» по теме «Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения», 03.04.2013. URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po_teme_kluchevye_problemy_obyazatelstv__iz_neosnovatelnogo_obogasheniya_03_aprelya_2013_g/ (дата обращения: 28.08.2023).
5. Корпоративная ответственность директоров и участников юридических лиц – 2019 (Лекториум). URL: <https://lextorium.com/programmy-obucheniya/korporativnaya-otvetstvennost-direktorov-i-uchastnikov-yuridicheskikh-lits.html> (дата обращения: 28.08.2023).
6. Корпоративная ответственность директоров и участников юридических лиц – 2020 (Лекториум). Егоров А.В. URL: <https://lextorium.com/programmy-obucheniya/kursy-v-zapisi/korporativnaya-otvetstvennost-direktorov-i-uchastnikov-yuridicheskikh-lits.html> (дата обращения: 28.08.2023).

ISSUES OF BRINGING TO RESPONSIBILITY DIRECTOR OF LLC FOR BONUS PAYMENTS

Safin T.I.

St. Petersburg State University of Economics

This article (using the example of a specific court case included in the review of the Supreme Court of Russia) examines the problem of the correct legal qualification of an incident when the sole executive body of a legal entity receives award fees and bonuses on the basis of its own order. In the absence of a resolution of the general meeting of the company's participants (or a corresponding condition in the contract concluded with the company's director) The Supreme Court of the Russian Federation declared such payments illegal, qualifying them under Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation. This does not take into account the specifics of the case when the amount assigned to them is recovered from the director (and we are not talking about liability in the form of «additional negative consequences» imposed on the violator). Four possible variants of the qualification of the legal relations of the parties were analyzed (labor relations, tort, «special corporate responsibility» and conditionality). The latter option is recognized by the author as the most correct, as corresponding to the letter of the law and the political and legal goals of legislative regulation.

Keywords: bonuses payable, competence of the chief executive, responsibility of the head of a legal entity, unreasonable gains, unreasonableness and bad faith of the director, fault of the sole executive body.

References

1. Muromtsev S.A. Civil law of Ancient Rome / S.A. Muromtsev; ed. by A.D. Rudok; scientific ed.: V.S. Em. – M.: Statute, 2003. – 685 p.
2. Muromtsev S.A. Definition and basic division of law // Selected Works on Roman and Civil Law. M., 2004. pp. 590–592.

3. Basic provisions of Civil law: article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / A.V. Asoskov, V.V. Baibak, R.S. Bevzenko [et al.]; ed. by A.G. Karapetov. – Moscow: M–Logos, 2020. – 1469 p.
4. Scientific round table of the Law Institute “M–Logos” on the topic “Key problems of obligations from unjustified enrichment”, 03.04.2013. URL: https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchnyi_kruglyi_stol_uridicheskogo_instituta_m-logos_po teme_kluhevye_problemy_obyazatelstv_iz_neosnovatel'nogo_obogasheniya_03_aprelya_2013_g/ (accessed: 08/28/2023).
5. Corporate responsibility of directors and participants of legal entities – 2019 (Lexarium). URL: <https://lexorium.com/programmy-obucheniya/korporativnaya-otvetstvennost-direktorov-i-uchastnikov-yuridicheskikh-lits.html> (date of application: 28.08.2023).
6. Corporate responsibility of directors and participants of legal entities – 2020 (Lexarium). Egorov A.V. URL: <https://lexorium.com/programmy-obucheniya/kursy-v-zapisi/korporativnaya-otvetstvennost-direktorov-i-uchastnikov-yuridicheskikh-lits.html> (accessed: 08/28/2023).

К вопросу об участии в налоговом мониторинге при соглашении и поощрении капиталовложений

Давлетбаев Айнура Айратович,
аспирант, ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия»
E-mail: davlet-a.94@mail.ru

В статье рассматриваются особенности участия в налоговом мониторинге участника соглашения о защите и поощрении капиталовложений. Автор предполагает, что обязательство участия в налоговом мониторинге может негативно повлиять на привлекательность отечественной налоговой системы. Предоставление налоговых льгот участнику соглашения о защите и поощрении капиталовложений со стороны государства корреспондирует с обязательством налогоплательщика в участии в налоговом мониторинге. В свою очередь, налоговым мониторинг в контексте изменений рассматривается исключительно как технологический инструмент доступа к сведениям налогоплательщика. Добровольность участия в налоговом мониторинге является одним из основных принципов «горизонтального» выстраивания взаимоотношений между налогоплательщиком и налоговым органом. При этом, законодатель должен придерживаться стратегии последовательного создания привлекательности налогового мониторинга подчеркивая его преимущества, используя методы «мягкой силы». Использование налогового мониторинга исключительно в контрольных целях противоречит идеи и концепции налогового мониторинга. Налоговый мониторинг представляет собой более многогранное и глубокое налоговое явление, который может являться прообразом будущего доверительного гармоничного взаимодействия налогового органа и налогоплательщика преследующие общие интересы в вопросе снижения административной нагрузки и временных затрат.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, горизонтальный мониторинг, мониторинг, налоговый контроль, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, налоговая проверка, налоговая льгота.

Федеральным законом от 28.06.2022 № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [2] Налоговый кодекс Российской Федерации [1] (далее – НК РФ) дополнен положениями регулирующие особенности налогообложения при реализации соглашений о защите и поощрении капиталовложений.

Изменения предусматривают выделение новой разновидности налогоплательщиков-организаций – налогоплательщики – участники соглашения о защите и поощрении капиталовложений (далее – участники СЗПК) и обозначение их статуса.

Так, в статье 25.17 НК РФ [1] под налогоплательщиком – участником соглашения о защите и поощрении капиталовложений для целей НК РФ признается организация, заключившая в соответствии с Федеральным законом «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» [3] соглашение о защите и поощрении капиталовложений, сведения о заключении которого включены в предусмотренный статьей 5 указанного Федерального закона реестр соглашений и поощрении капиталовложений.

Согласно части 1 статьи 6 Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (далее – Закон о ЗПК) соглашение о защите и поощрении капиталовложений заключается с организацией, реализующий проект, при условии, что такое соглашение предусматривает реализацию нового инвестиционного проекта в одной из сфер российской экономики.

Основные поправки в НК РФ затрагивают общие вопросы применения налоговых вычетов и направлены на экономическую поддержку участников СЗПК.

При этом, изменения также затронули раздел V2 Налоговый контроль в форме налогового мониторинга, и участники СЗПК получили отличный от иных участников налогового мониторинга статус с присущим им спецификой.

Статьей 105.26 НК РФ [1] установлено, что предметом налогового мониторинга являются правильность исчисления (удержания), полнота и своевременность уплаты (перечисления) налогов, обязанность по уплате которых возложена на налогоплательщика.

В части налогового мониторинга для участников СЗПК законодатель расширил его предмет, куда также включена проверка фактических затрат, по которым Законом о ЗПК предусмотрено предоставление мер государственной поддержки.

Расширение предмета налогового мониторинга было известно и ранее, так Федеральным за-

коном от 03.07.2016 № 240-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» расширен предмет налогового мониторинга в отношении участника консолидированной группы, где предметом также является правильность определения полученных им доходов и осуществленных расходов для целей исчисления и уплаты налога на прибыль.

Учитывая то обстоятельство, что участник СЗПК обязан вести отдельный учет (часть 5 и 6 статьи 9 Закона о ЗПК, подпункт 2 пункта 2 статьи 25.18 НК РФ, пункт 1 статьи 288.4 НК РФ, пункт 8 статьи 382.1 НК РФ, пункт 8 статьи 396.1 НК РФ) интересным является то обстоятельство, что при проведении налогового мониторинга в отношении подобного лица исследуется в том числе деятельность, не связанная с СЗПК.

В отношении участников СЗПК условия для возникновения права обращения в налоговый орган о проведении налогового мониторинга, предусмотренные пунктом 3 статьи 105.26 НК РФ [1] отсутствуют. Достаточным основанием для участия в налоговом мониторинге является наличие статуса участника СЗПК.

Отсутствие условий для участия в налоговом мониторинге корреспондирует с обязанностью участника СЗПК перейти на контроль в форме налогового мониторинга, что следует из содержания пункта 7.1 статьи 10 Закона о ЗПК.

Законодатель в этой части пересмотрел позицию ФНС России по планомерному созданию привлекательности налогового мониторинга с целью добровольного участия и ограничился обязыванием участников СЗПК, что свидетельствует о смене метода правового регулирования.

Положения, регулирующие проведение налогового мониторинга участников СЗПК, были дополнены только ко второму чтению (07.06.2022) в первоначальном тексте законопроекта подобные условия отсутствовали.

В общей концепции изменений, обязательство участия в налоговом мониторинге продиктовано исключительно созданием беспрепятственного доступа к первичным документам налогоплательщика для выявления фактов искажения финансово-хозяйственных операций. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что законодатель рассматривает налоговый мониторинг как исключительно технический инструмент налогового контроля, игнорируя его правовую природу и глубину самой идеи налогового мониторинга.

Автор предполагает, что вышеуказанные изменения в том числе связаны с переадресованием контрольных функций в части мер государственной поддержки инвестиционных проектов, осуществляемых в рамках СЗПК на налоговые органы по принципу «наличия технологического контрольного инструмента» увеличивая их нагрузку и ответственность.

Так, частью 4 статьи 4 Закона о ЗПК предусмотрено что налоговый орган передает информацию об участнике СЗПК, а согласно пункту 7.1 части 9

статьи 15 Закона о ЗПК выявление налоговым органом искажений финансово-хозяйственной деятельности является основанием для отказа в возмещении затрат в соответствии с бюджетным законодательством и предоставления налогового вычета в соответствии с налоговым законодательством.

Предоставление онлайн-доступа к базам данных, примером которого является налоговый мониторинг получает свою поддержку в правоохранительных и контрольных органах. Так согласно проекту федерального закона N121564–8 Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» служба заказа легкового такси обязана предоставить органам федеральной службы безопасности автоматизированный удаленный доступ к информационным системам и базам данных.

Однако, природа налогового мониторинга заключается в создании благоприятных доверительных отношений между налогоплательщиком и налоговым органом, а не в организации тотального цифрового контроля. В связи с чем, подобные изменения могут негативно повлиять на восприятие налогового мониторинга, что является недопустимым.

Оправдывает ли использование бюджетных средств организацией для «расширенного» цифрового контроля, требует дальнейшего исследования и изучения.

Литература

1. Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 01 мая 2022 г. ФЗ-№ 120) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2019. № 39. Ст. 537.
2. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4626.
3. Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 28 июня 2022 г. № 226-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 1999.
4. I.A. Tsindeliani, K.T. Anisina, A.S. Burova, A.A. Kopina, E.V. Migacheva, V.E. Rodygina. Main elements of taxation in the conditions of the development of digital economy // UTOPIA Y PRAXIS LATINOAMERICANA. 2019. Vol. 24. P. 129–137.
5. Демин А.В., Ефремова Е.С. Нормативное регулирование цифровизации налогового администрирования как условие достижения налогового комплаенса // Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 ноября 2019 г. Бюджетная система государства в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты. С. 281–288.

TO THE QUESTION OF PARTICIPATION IN TAX MONITORING UNDER THE AGREEMENT AND ENCOURAGEMENT OF INVESTMENTS

Davletbaev A.A.

Russian State University of Justice

The article discusses the features of participation in tax monitoring of a participant in the agreement on the protection and promotion of investments. The author suggests that the obligation to participate in tax monitoring may negatively affect the attractiveness of the domestic tax system. The provision of tax benefits to the participant of the agreement on the protection and promotion of investments by the state corresponds to the taxpayer's obligation to participate in tax monitoring. In turn, tax monitoring in the context of changes is considered exclusively as a technological tool for accessing taxpayer information. Voluntary participation in tax monitoring is one of the basic principles of the "horizontal" building of relationships between the taxpayer and the tax authority. At the same time, the legislator should adhere to the strategy of consistently creating the attractiveness of tax monitoring, emphasizing its advantages using the methods of "soft power". The use of tax monitoring exclusively for control purposes contradicts the idea and concept of tax monitoring. Tax monitoring is a more multifaceted and profound tax phenomenon, which can be a prototype of the future trustful harmonious interaction of the tax authority and the taxpayer pursuing common interests in reducing the administrative burden.

Keywords: tax monitoring, horizontal monitoring, monitoring, tax control, agreement on protection and promotion of investments, tax audit, tax benefit.

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ (with amendments and additions. Federal Law No. 120 dated May 01, 2022) // Federal Law of the Russian Federation. 1998. No. 31. Article 3824; 2019. No. 39. Article 537.
2. Federal Law No. 225-FZ dated June 28, 2022 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation. 2022. No. 27. Article 4626.
3. Federal Law No. 69-FZ of April 01, 2020 "On the Protection and Promotion of Capital Investments in the Russian Federation" (with amendments and additions. dated June 28, 2022, No. 226-FZ) // Federal Law of the Russian Federation. 2020. No. 14. St. 1999.
4. I.A. Tsindeliani, K.T. Anisina, A.S. Burova, A.A. Kopina, E.V. Migacheva, V.E. Rodygina. Main elements of taxation in the conditions of the development of digital economy // UTOPIA Y PRAKSI LATINOAMERICANA. 2019. Vol. 24. P. 129–137.
5. Demin A.V., Efremova E.S. Regulatory regulation of digitalization of tax administration as a condition for achieving tax compliance // Materials of the international scientific and practical conference. Moscow, November 29–30, 2019. The state budget system in the context of the development of the digital economy: legal and economic aspects. pp. 281–288.

Криминалистическая характеристика и классификация преступников при совершении серийных квартирных краж

Долинин Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
E-mail: dvn1952@gmail.com

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
E-mail: pmv0929@yandex.ru

Рачева Нелли Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета
E-mail: ekaterinburg@mail.ru

Серийные преступления, в том числе и квартирные кражи, относятся к тяжким и опасным преступлениям, так как посягают на личное имущество граждан, причиняют значительный ущерб потерпевшим, происходят в условиях неочевидности. Это обстоятельство создает большую проблему для следователей по установлению и изобличению личности преступников. В данной статье рассматривается криминалистическая характеристика личности преступников в общем, а также личности воров по различным признакам. Авторы приводят классификации преступников, описанных различными учеными-юристами. Кроме этого, авторы приводят свою классификацию личности преступников в зависимости от содержания способа совершения кражи и характера обстановки места происшествия. Предложенная классификация имеет наибольшую практическую значимость.

Авторы убеждены, что криминалистическое значение предложенной классификации преступников, совершавших серийные квартирные кражи, позволит следователю на основе исследования места происшествия и анализа содержания способа совершения кражи, выдвигать наиболее вероятные версии, определять оптимальное направление по установлению и изобличению преступников.

Ключевые слова: серийные преступления, квартирные кражи, криминалистическая характеристика, классификация, личность преступника

В процессе расследования серийный преступлений, в том числе и квартирных краж, следователь должен выявлять не только признаки серийности (однотипности места, аналогичности совершения кражи), но главное установить и изобличить личность преступника.

Личность преступника является одним из основных элементов криминалистической характеристики совершения краж, связанных с незаконным проникновением в жилище. Исследование типологических черт характеристики личности вора помогают собрать необходимые сведения о преступнике, которые необходимы для успешного, эффективного изобличения лица, совершившего квартирную кражу, также своевременного выявления, раскрытия и расследования преступления.

Криминалистическая характеристика личности преступника, по мнению Р.Л. Ахмедшина, представляет собой совокупность сведений о лице, которые совершил противоправное деяние, направленные на поиск и изобличение виновного [Ахмедшин 2005: 82]. Ю.М. Антонян определяет личность преступника как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [Антонян 2004: 16].

Сведения о личности преступника присущи следующие криминалистические черты:

1. Индивидуальность (не повторяемость) сведений. Это дает возможность идентифицировать определенного преступника или группу лиц только по тем характерным признакам, которые относятся исключительно к нему (к ним), к примеру, по форме головы, ушей, носа, сетчатки глаза, отпечатков пальцев рук, ДНК);

2. Устойчивость. Психические черты должны быть стабильны и неизменны при развитии человека как его основные личные характеристики. Поскольку психика отдельно взятого человека двойственна и в условиях изменчивости внешней среды в процессе эволюции людей тот же самый характер, направленность, привычки, поведение могут меняться;

3. Некорректируемость, то есть независимость. В сознании, деятельности человека заложены такие процессы, как определенные установки (к примеру, религиозные), модель поведения, как необходимо действовать правильно и должным обра-

зом, и они не предполагают наличие постоянного волевого контроля в жизни в рамках психической, также преступной деятельности, поэтому человек должен автоматизировать, контролировать свое поведение и сознание в жизнедеятельности на фоне устойчивой психики;

4. Фиксируемость и измеряемость. Это своего рода измерение, сохранение данных о личности преступника, поиск взаимосвязей между данными о личности человека, на основе психологических тестов, математических моделей;

5. Удобство классификации характерно для исследования всех признаков личности человека в криминалистической характеристике личности преступника [Ахмедшин 2005: 83–86].

По мнению А.А. Бессонова личность преступника раскрывается на основании определенных данных:

1. Биографические сведения (фамилия, имя, отчество человека, его дата и место рождения, место работы, место жительства, семейное положение, образование);

2. Социальные сведения (взаимодействие с людьми, общение, поведение в обществе, потребности, интересы);

3. Биологические и психофизиологические сведения (рост, вес, пол, возраст, телосложение, подвижность, раздражимость, склонность к употреблению алкогольной и табачной продукции, иных продуктов и веществ, физическое и психическое состояние организма человека, эмоциональность, тревожность, внимательность);

4. Сведения о состоянии здоровья (медицинские справки, выписки, заключения, группа крови, инвалидность);

5. Сведения о материальном положении (наличие, отсутствие заработной платы, пенсии, пособия, иные доходы, их размер, наличие имущества в собственности, уровень обеспечения, бедность) [Бессонов 2017: 171].

Л.Ю. Аксенова и А.Ю. Танков приводят классификацию категории лиц, которыми были совершены квартирные кражи: 1) По половому признаку: мужчины (88%), женщины (12%); 2) По возрасту: несовершеннолетние лица от 14 до 17 лет (3%), от 18 до 25 лет (34%), от 26 до 30 лет (32%), от 31 до 39 лет (22%), от 40 до 49 лет (7%), старше 50 лет (2%); 3) По уровню образования: основное общее (23%), среднее общее (38%), среднее профессиональное (34%), высшее (5%); 4) Судимые за имущественные преступления (68%), не судимые (32%); 5) По материальному положению: лицами, не имеющими постоянного источника доходов (67%), остальные (33%); 6) По месту проживания: местные жители (83%), проживающих в пределах района (34%); 7) Лица, совершившие преступления, в состоянии алкогольного опьянения (27%), лица, употребляющие наркотические средства и психотропные вещества (24%); 8) По количеству лиц: группа лиц (11%); 9) По социальному статусу: учащиеся, студенты (6%) [Аксенова, Танков 2018: 141].

По данной классификации можно сказать, что в основном совершают квартирные кражи лица, мужского пола, возрастом от 18 до 34 лет, имеющим среднее образование, проживающие в тех местах населенных пунктов, где совершили преступное деяние, судимые, то есть имеющие опыт совершения преступления (особенно имущественных преступлений), безработные, не имеющие постоянного источника дохода, употребляющие алкоголь, наркотические средства и психотропные вещества, действовавших в одиночку или в составе преступной группы.

По гендерным признакам женщины совершают по количеству на много меньше квартирных краж, нежели чем мужчины. Женщины обладают более низким уровнем агрессии, в физическом плане они слабее мужчин, к примеру, если мужчина при проникновении в квартиру сможет выбить ногой или плечом, использовать по максимальной силе молоток, гвоздодер, лом, иные инструменты и орудия взлома, также выбить окно голыми руками, вынести из помещения чужое имущество в большом количестве с учетом веса, то женщине это будет намного сложнее реализовать. Они, как правило, нежны, физически слабее, чем мужчины, более эмоциональнее и боязливее.

Женщины чаще совершают квартирные кражи свободным доступом, где не нужно прикладывать огромных усилий для преодоления преград. Для этого они действуют в группе с мужчинами, особенно на этапе подготовки преступления и для последующей реализации похищенного имущества [Иващенко, Алексеева 2012: 77]. Например, гражданка Е., зная, что в частном доме отсутствует собственник (гражданин А.), осмотрела окно жилья, через который имеется свободный доступ во внутрь. Проникла в дом через отсутствовавшее остекление в рамке окна сеней и похитила имущество потерпевшего А. [Богдановичский городской суд Свердловской области 2022].

Возникновение преступного умысла и совершение несовершеннолетними лицами преступлений зависит от личных психологических черт и социальных условий. К несовершеннолетним преступникам относятся лица, которые выросли в неблагополучных семьях, их влияние зависит от образа жизни, образования, воспитания, поведения, влияния и общения с родственниками, другими окружающими их лицами, отношений с друзьями, в том числе в школе [Перина 2013: 673]. Для несовершеннолетних характерно совершение квартирных краж в группе. Значительная часть людей, младше восемнадцати летнего возраста, подпадают под влияние взрослых лиц (преступных групп), также, которые были ранее судимы, и они приобретают от взрослых преступников антисоциальные наклонности. В смешанных группах (взрослые и несовершеннолетние), функции несовершеннолетних носят вспомогательный характер и непосредственного участия в преступлении [Загребельная 2014: 84–85].

В качестве предметов совершения квартирных краж несовершеннолетними выступают деньги,

электронные устройства (смартфоны, телевизоры, игровые приставки, компьютеры, иные гаджеты), еда, питье, алкогольная продукция, табачные изделия (электронные устройства, содержащие никотин), одежда, сувениры и другие вещи, которые их привлекают. Похищенные вещи они, в основном, используют для личного потребления, удовлетворения своих потребностей, вкусов и желаний. Желание заполучить данные предметы (вещи) преступного посягательства у несовершеннолетних намного выше, чем у взрослых. В следствие этого преступное поведение подростков проявляется на основе, по мнению Е.А. Загребельной, «неокрепшего или искаженного сознания, небольшого жизненного опыта, легкомысленного отношения к проступкам и их последствиям, бытующего мнения о всеобщей безнаказанности» [Загребельная 2014: 85].

Несовершеннолетние действуют по ситуации, которая направлена на наличие облегченных обстоятельств (свободный доступ в помещение, то есть открытые входные двери, ключ под ковриком или оставленный в дверной замке, доверчивое отношение, внезапные знакомства и пребывание в гостях у малознакомых людей, особенно подростков). Они совершают кражу недалеко от места своего проживания, учебы, отдыха. Для сокрытия преступления, в основном, несовершеннолетние не принимают никаких действий. После совершения деяния преступники стараются быстрее скрыться с места совершения кражи. Если они приступили к сокрытию следов преступления, то делают это маскировано или уничтожают улики, стараются как можно скорее покинуть место совершения кражи (к примеру, оставленные в квартире следы обуви, грязи, песка, накрывают ковром, бумагой, иными вещами, которые находятся у них по близости) [Исляев 2020: 200].

А.И. Бельский и Р.С. Ягодин к особенностям совершения краж несовершеннолетними относят следующее:

- подростки совершают кражи собственности, которая находится под охраной и изымают чужое имущество небольшим объемом реже, чем преступники по возрасту старше восемнадцати лет;
- непосредственным исполнителем краж (несовершеннолетний) является уже знакомый с потерпевшим лицо;
- несовершеннолетние проникают в жилые помещения по наиболее доступному способу (к примеру, с помощью специально похищенных ключей от дверных замков) [Бельский, Ягодин 2015: 50].

Уровень образования характеризует личность преступника в зависимости от его интеллекта, способностей, характера поведения, сознания и активных действий вора, направленных на достижение поставленных перед ним преступных целей. В основном, лица, совершившие квартирные кражи, имеют общее или среднее образование: основное общее – 9 классов, среднее общее – 11 классов

учебы в школе и среднее профессиональное, которое можно получить после 9 классов основного или 11 классов среднего общего обязательного образования. Среднее профессиональное образование получают учащиеся колледжей, техникумов, лицеев. Преступники с высшим и средним образованием, при совершении преступлений, планируют свои действия по подготовке к совершению деяния, преодолению преград, продумывают способы проникновения в жилое помещение, сокрытия следов преступления и быстрой реализации похищенного имущества. Эти лица, действуя не в одиночку, могут быть организаторами преступных групп. Лица, в основном, с основным общим образованием используют способы проникновения в жилье с обычным уровнем познания, например, вместо отмычек, специально подобранного ключа используют физическую силу или бытовые инструменты. Такие преступники в составе группы лиц выполняют роль обычных исполнителей, для них не характерны роли организатора группы (за исключением, если они были уже судимы). У воров с общим образованием формируется преступное поведение в зависимости от их уровня жизни, воспитания и общения со сверстниками, ведь они являются несовершеннолетними в примерном возрасте от 15 до 16 лет, у которых нет общего представления о жизни, о правовых последствиях и личного опыта, все ещё проживающие с родителями, иными родственниками [Иващенко, Алексеева 2012: 77].

Наличие судимости имеет немаловажное значение для определения криминалистической характеристики лиц, совершивших преступления. Она влияет на психику человека, его поведение, отношение к предмету квартирной кражи и к потерпевшему.

С.Б. Стукалин отмечает некоторые особенности судимых и не судимых лиц: 1. Ранее судимые: используют аналогичные орудия и способы совершения преступления, которые уже применяли в прошлом; у них уже есть опыт оставления отпечатков пальцев рук, поэтому они, в основном не оставляют следы рук; по сбыту похищенного у них есть проверенный человек или место реализации имущества; при совершении краж действуют продуманно, хладнокровно, разумно. 2. Ранее не судимые: способы совершения краж различны (спрашивают у тех, кто совершал кражи, изучают в СМИ, Интернете, по судебной практике, сведения из материалов ОВД, также придумывают свои способы); стараются не оставлять следы преступления (к примеру, пальцев рук), однако не всегда это делают; сбыт похищенного осуществляют через ломбарды, магазины, киоски и иные торговые организации; при совершении деяния присутствует страх, волнения, переживания, могут что-то упустить, не до конца сделать, также оставить больше следов преступления; лица могут действовать спонтанно, нелогично, о них не знают органы полиции как о преступниках, поэтому раскрываемость квартирных краж данных личностей будет затруднено [Стукалин 2004: 45–46].

Большинство людей, которые совершают квартирные кражи, не имеют постоянной работы, систематических источников дохода. У этих лиц вырабатывается преступная цель завладеть чужим имуществом, продать его, тем самым получить доход, который является временным для преступников.

По месту своего проживания местные жители совершают квартирные кражи намного чаще, чем лица, проживающие за пределами населенного пункта совершения кражи или в пределах района. Местным преступникам легче совершать квартирные кражи, поскольку они живут, хорошо знают город, места, где планируют совершить и совершают преступления, имеют знакомых, связи с людьми, которые могут указать место планируемого деяния.

Граждан, проживающих за пределами города, иного населенного пункта можно отнести к таким преступникам как «гастролеры», по мнению М.Ю. Воронина и В.А. Казюлина, которые представляют собой преступников, совершающих преступления в тех населенных пунктах, где они не проживают. Данные авторы разделяют «гастролеров» по признаку территориальности на следующие виды:

1. «Традиционные» – к ним относятся те преступники, которые проживают в одних городах, а похищают чужое имущество из квартир в других, там, где их никто не знает.

2. «Условные» – это преступники, которые проживают в пределах одного района города (региона), а совершают квартирные кражи в другом районе, также лица, которые находятся в населенных пунктах, граничащие с крупными городами (мегаполисами), где в последних и совершают преступные деяния [Воронин, Казюлин 2009: 83].

Лица, совершившие преступления, в состоянии алкогольного опьянения, также употребляющие наркотические средства и психотропные вещества совершают квартирные кражи, также, для получения материальных ценных вещей, с целью продажи последних для приобретения алкогольной продукции, наркотических средств и психотропных веществ.

Например, гражданин М., в состоянии алкогольного опьянения, проник в квартиру через входную дверь, замок которого взломал с помощью металлического прута. Похитил аудиотехнику с целью продажи данной вещи для покупки спиртных напитков [Серовский районный суд Свердловской области 2016].

По мнению Л.Ю. Аксеновой и А.Ю. Танкова к особенностям поведения вора до, вовремя и после совершения преступного деяния относятся следующее:

- лица принимают решение совершить квартирную кражу во время подготовки к преступлению, то есть задолго до кражи;
- лица принимают решение о совершении кражи из жилища до начала преступления, где подготовка к деянию практически отсутствует, она

малозначительна, где удачно сложились обстоятельства для совершения кражи;

- у преступников подготовка полностью отсутствует [Аксенова, Танков 2018: 141].

В некоторых случаях, когда совершить квартирную кражу в одиночку не представляется возможным, создаются преступные группы.

А.И. Расстригин выделяет следующие виды преступных групп лиц:

1. Специально созданные преступные группы. Данные группировки составляют около 38%, преследующие цель заниматься преступной деятельностью по совершению квартирных краж. Обычно они формируются из числа судимых лиц, также для лиц, состоящих в таких группах, преступная деятельность является основным источником дохода. Участникам присущи роли исполнителей, организаторов, пособников, подстрекателей. Формирование данных групп происходит в небольшой промежуток времени, участники групп знают друг друга в достаточной степени (характер лиц, их поведения, возможности, интересы, преступный опыт, отношения к жизнедеятельности, преступлениям);

2. Антиобщественные группировки. Данные группировки составляют около 58% от общего количество преступных групп. Участники антиобщественных группировок уже известны органам полиции, иным соответствующим правоохранительным органам, поскольку их данные содержатся в базе данных органов полиции за совершения иных преступлений и правонарушений (то есть привлекались к административной или к уголовной ответственности). Участники подразделяются на роли организаторов, исполнителей, пособников, подстрекателей;

3. Ситуативные группы лиц. Они составляют 4% из числа преступных группировок. Данные группы состоят из лиц, которые по удачно сложившейся ситуации объединились для реализации преступного умысла и у них нет четкой структуры, четких ролей, все решения принимаются совместно. Ситуативные преступные группы характерны для несовершеннолетних преступников, поскольку четкое разделение ролей, подготовка, подбор орудий преступления и другие действия по планированию преступного деяния в зависимости от возраста, уровня познания, образования и малого жизненного опыта несовершеннолетние не смогут осуществить должным образом [Расстригин 2018: 149–150].

Преступные группы лиц, созданные для систематического совершения квартирных краж, преступная деятельность которых является основным источником дохода, обладают признаком устойчивости. А.С. Королев включает в понятие устойчивости руководителя группы, заранее подготовленного плана совершения преступления, распределение ролей и функции между участниками преступных групп, предварительные подготовительные действия членов групп и стабильность группировок [Королев 2011: 227].

Исходя из следственной практики в небольших городах, чаще всего, преступники совершают кра-

жи из жилищ в составе группы лиц по предварительному сговору.

Например, гражданин Н. и С. при распитии алкогольных напитков, вступили в предварительный сговор на хищение у гражданина П. сварочного аппарата, по предложению Н. Они вдвоем знали о наличии данной вещи у П. в его доме. По прибытии к указанному дому, собственника в помещении не было. Действуя по ролям, гражданин Н., открыл окно дома с помощью линейки, которое было в состоянии проветривания, а гражданин С. проник внутрь дома и похитил сварочный аппарат и, на вызванном ранее такси, скрылись [Богдановичский городской суд Свердловской области 2020].

На основе обобщения судебно-следственной практики в зависимости от содержания способов совершения квартирных краж и характера обстановки места происшествия преступников, по нашему мнению, целесообразно классифицировать на следующие группы:

1. Ситуативный тип. Это группа преступников, как правило, не судимы; совершают кражи без предварительной подготовки. Кражу совершают исходя из сложившейся ситуации, на основе внезапно возникшего преступного умысла. Способы проникновения некавалифицированный, без использования орудий преступления. Эти лица, как правило, выбирают свободный доступ, например, через открытую дверь квартиры (комнаты). Действия по сокрытию кражи не предпринимают, каналов сбыта не имеют. Кражи, в основном, совершают в общежитиях, гостиницах, пансионатах, частном жилом секторе или в жилых домах малой этажности. Преступления совершают в одиночку.

2. Профессиональный тип. Это группа лиц были ранее судимые за имущественные преступления, имеют преступный опыт. К преступлению тщательно готовятся: выбирают место, изготавливают орудия преступления и т.д. При совершении квартирной кражи специализируются на конкретном отработанном способе, например, подбор ключей и отмычек или взлом дверей, в том числе и металлических с применением специальных инструментов. При этом демонстрируют приобретенные умения и навыки, и оставляют минимум следов преступления. Эта группа имеет криминальные каналы сбыта похищенного имущества. Кражи, в основном серийные, совершают в домах-новостройках или в многоквартирных жилых домах повышенной этажности. Преступления совершают в одиночку, реже в составе малых преступных групп (2–3 человека).

3. Универсальный тип. Эта группа преступников ранее судимые за корыстно-насильственные преступления (кражи, грабежи, разбои), имеют большой преступный опыт. К преступлению тщательно готовятся и могут иметь наводчиков. При подготовке кражи готовят не только орудия преступления, но и составляют план совершения преступления. Используя опыт и «преступную разведку», могут изучить образ жизни потерпевшего и даже

получить план квартиры с указанием расположения дорогостоящих вещей и предметов. Учитывая характер обстановки и расположения квартиры, они могут использовать разнообразные способы проникновения. Кражи совершают, в основном, в составе организованных преступных групп, где имеется не только иерархия и строгая дисциплина, но и «узкая специализация». Например: А. «Форточники» совершают кражи путем проникновения через форточку, окно нижних этажей многоквартирного жилого дома; Б. «Альпинисты» проникают в квартиру с крыши на балкон квартиры верхних этажей, используя специально альпинистское снаряжение; В. «Взломщики» применяют для проникновения в квартиру специально изготовленные орудия преступления или инструменты. Эта группа имеет надежные каналы сбыта имущества, которые реализуют через свои преступные связи. Иногда похищенное имущество реализуется пассажиром поездов дальнего следования, что затрудняет их розыск и, тем самым, составляет проблему раскрытия квартирной кражи.

Кражи совершают не только в домах-новостройках и многоквартирных жилых домах, но и на дачах, в коттеджах, в элитных поселках, где проживают состоятельные, богатые потерпевшие. Эта группа может гастролировать по другим регионам и совершать серийные квартирные кражи.

Криминалистическое значение этой классификации состоит в том, что следственно-оперативная группа, исследуя обстановку места происшествия и содержание способа совершения кражи, может построить наиболее вероятные версии о личности преступников, составить подробный план расследования и определить оптимальное направление поиска, установления и изобличения квартирных воров.

Литература

1. Аксенова Л.Ю. Личность преступника по делам о кражах из квартир / Л.Ю. Аксенова, А.Ю. Танков // Закон и право. 2018. № 6. – С. 141.
2. Антонян Ю.М. Личность преступника. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. – С. 16.
3. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. – Томск. 2005. – С. 82.
4. Бельский А.И. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / А.И. Бельский, Р.С. Ягодин // Российский следователь. 2015. № 15. – С. 50.
5. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений. – Элиста. 2017. – С. 171.
6. Воронин М. Ю., Казюлин В.А. Некоторые меры борьбы с квартирными кражами // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. 2009. № 2. – С. 83.

7. Загребельная Е.А. Характеристика личности квартирных воров, совершающих кражи из квартир в приграничных регионах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2 (14). – С. 84–85.
8. Иващенко А.В., Алексеева Е.А. Личностные особенности квартирных воров // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2(49). – С. 77.
9. Исляев Р.С. Способ совершения кражи несовершеннолетними как элемент криминалистической характеристики / Р.С. Исляев // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: Сборник статей VII Международной научно-практической конференции, 15 декабря 2020 года. – Пенза. 2020. – С. 200.
10. Королев А.С. Понятие устойчивости, как основного признака организованной группы. Предложения по совершенствованию законодательства / А.С. Королев // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 5. – С. 227.
11. Перина Е.И. Криминалистическая характеристика лиц, совершающих кражи / Е.И. Перина // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). – С. 673.
12. Расстригин А.И. Оперативно значимые особенности субъектов, совершающих кражи из жилища // Закон и право. 2018. № 11. – С. 149–150.
13. Стукалин В.Б. Характеристика личности квартирного вора, как необходимый элемент криминалистической характеристики квартирных краж / В.Б. Стукалин // Российский следователь. 2004. № 3. – С. 45–46.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION OF CRIMINALS IN THE COMMISSION OF SERIAL BURGLARIES

Dolinin V.N., Permyakov M.V., Racheva N.V.
V.F. Yakovlev Ural State Law University

Serial crimes, including apartment thefts, belong to serious and dangerous crimes, as they encroach on the personal property of citizens, cause significant damage to victims, occur in conditions of non-obviousness. This circumstance creates a big problem for investigators to identify and expose the identity of criminals. This article examines the criminalistic characteristics of the personality

of criminals in general, as well as the identity of thieves on various grounds. The authors cite classifications of criminals described by various legal scholars. In addition, the authors give their classification of the identity of criminals depending on the content of the method of theft and the nature of the situation at the scene. The proposed classification has the greatest practical significance.

The authors are convinced that the criminalistic significance of the proposed classification of criminals who committed serial apartment thefts will allow the investigator, based on the investigation of the scene and analysis of the content of the method of theft, to put forward the most likely versions, to determine the optimal direction for the identification and exposure of criminals.

Keywords: serial crimes, apartment thefts, criminalistic characteristics, classification, criminal identity.

References

1. Aksenova L. Yu. The identity of the offender in cases of theft from apartments / L. Yu. Aksenova, A. Yu. Tankov // Law and Law. 2018. No. 6. – S. 141.
2. Antonyan Yu.M. The identity of the perpetrator. – St. Petersburg: Publishing house "Legal Center Press". 2004. – S. 16.
3. Akhmedshin R.L. Forensic characterization of the offender's personality. – Tomsk. 2005. – S. 82.
4. Belsky A.I. Criminological characteristics of the personality of a juvenile offender / A.I. Belsky, R.S. Yagodin // Russian investigator. 2015. No. 15. – P. 50.
5. Bessonov A.A. Private theory of forensic characteristics of crimes. – Elista. 2017. – S. 171.
6. Voronin M. Yu., Kazyulin V.A. Some measures to combat burglaries // Actual problems of operational-search and administrative activities of internal affairs bodies. 2009. No. 2. – S. 83.
7. Zagrebelaya E.A. Characteristics of the personality of apartment thieves who steal from apartments in border regions // Problems of Law Enforcement. 2014. No. 2 (14). – S. 84–85.
8. Ivashchenko A.V., Alekseeva E.A. Personal characteristics of apartment thieves // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2012. No. 2(49). – S. 77.
9. Islyayev R. S. A method of committing theft by minors as an element of forensic characteristics / R.S. Islyayev // Jurisprudence in theory and practice: current issues and modern aspects: Collection of articles of the VII International scientific and practical conference, December 15, 2020. – Penza. 2020. – S. 200.
10. Korolev AS The concept of stability as the main feature of an organized group. Proposals for improving legislation / A.S. Korolev // Legality and the rule of law in modern society. 2011. No. 5. – S. 227.
11. Perina E.I. Forensic characteristics of persons committing theft / E.I. Perina // Young scientist. 2013. No. 12 (59). – S. 673.
12. Rasstrigin A.I. Operatively significant features of subjects committing theft from home // Law and Law. 2018. No. 11. – S. 149–150.
13. Stukalin V.B. Characteristics of the personality of an apartment thief, as a necessary element of the forensic characteristics of apartment burglaries / V.B. Stukalin // Russian investigator. 2004. No. 3. – S. 45–46.

Малько Александр Васильевич,

профессор Тольяттинского государственного университета,
доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: alex25-58@mail.ru

В статье дается общетеоретический анализ такого относительно нового явления в правовой жизни общества, как юридическая аномия. Обосновывается, что в условиях разбалансированности правовых систем, необходимо детально исследовать юридическую аномия, выявлять ее причины и истоки, виды и формы проявления. Это нужно не только для того, чтобы создать теорию юридической аномии, но и для более эффективного противодействия ей на практике. Учитывая тот факт, что ученые-юристы по сути только начинают наиболее полно и масштабно изучать данный феномен, важно базироваться при этом на философских и социологических разработках, посвященных рассмотрению социальной аномии. Поэтому использованы общеправовые и социологические подходы, а также исторический, системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Ключевые слова: аномия как междисциплинарная категория, понятие и признаки юридической аномии, правовая система.

В условиях формирования нового мирового порядка особенностью современного общества выступает постоянная неопределенность и турбулентность в реальной социально-правовой жизнедеятельности, ведущей к увеличению кризисов и конфликтов, а в конечном счете и к юридической (правовой) аномии. В таких обстоятельствах необходимо более основательно исследовать проблемы подобной аномии, выявить ее признаки, определить сущность и содержание, сформулировать основы понимания для того, чтобы ей более эффективно противодействовать.

При анализе юридической аномии следует базироваться на работах социологов и философов, во многом выступающими методологическими для юридических исследований. К тому же в современной литературе аномией, в том числе и юридической, сначала озаботились социологи. Это связано с тем, что объяснение аномии (и юридической, в частности) возможно только через определение отношений между индивидом и обществом. Социологи не могли не отреагировать на те процессы, которые стали все активнее проявляться в социальных системах и различных сферах жизнедеятельности. Именно им и принадлежит основная заслуга в изучении рассматриваемого феномена. Так, С.Г. Кара-Мурза подчеркивает: «Аномия – важная категория общей теории девиантного поведения»¹. В принципе с этим можно согласиться. Юридическая же аномия – есть важная категория общей теории не только правонарушений, но и правовой жизни общества в целом.

Здесь также важно иметь в виду следующее. Во-первых, юридическая аномия – есть особая форма реализации аномии социальной. Учитывая это, нужно признать, что социальная и юридическая аномии соотносятся между собой как «род» и «вид», и что ряд основных параметров у них совпадает. Во-вторых, юридическая аномия обладает и своими собственными характерными чертами, сопряженными с правовой сферой, в рамках которой она и осуществляется. Другими словами, юридическая аномия имеет как общие признаки с аномией социальной, так и свои, сугубо специфические. Разумеется, подобное разделение признаков весьма условно.

Аномия – понятие, введенное французским социологом Э. Дюркгеймом и обозначающее любые виды «нарушений» в ценностно-нормативной системе общества. Среди них выделяют «вакуум», или отсутствие пробных норм, неэффективность их влияния как средства воздействия на социальное поведение, их расплывчатость, а также про-

¹ Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., Научный эксперт, 2013. С. 4.

тиворечивость между нормами, определяющими цели деятельности, и нормами, позволяющими обладать средствами достижения этих целей¹.

Наиболее общий и бесспорный признак как социальной, так и юридической аномии заключается в том, что данные процессы значительно усиливаются в эпоху кризиса, связанного с войной, революцией и иными подобными ситуациями, о чем однозначно писал еще Э. Дюркгейм². Действительно, понятие аномии весьма тесно связано с различными кризисными (переходными) состояниями общества (периодами революций, государственных переворотов, реформ, перестроек и т.д.). Вполне можно согласиться с тем, что аномия в той или иной степени существует всегда. Однако состояние аномии неизбежно усиливается, когда происходят быстрые, интенсивные и существенные изменения, затрагивающие социальную структуру и нормы, причем характер трансформаций не так важен: революция или реформа, перестройка или майдан, которые создают благоприятные условия для ослабления интегрирующих сил и усиления дезинтегрирующих³.

Следующим общим признаком выступает то, что, будучи дестабилизирующим (патологическим) фактором, аномичные процессы «подвигают к хаосу» социально-правовую жизнь. Верно подмечено, что аномия есть «фактор, оказывающий влияние на дезорганизацию социальной жизни, приводит к широкому распространению девиантного поведения...», что «аномия ведет от заведенного и привычного порядка – к непредсказуемому беспорядку, хаосу, анархии»⁴.

Другим признаком можно считать то, что и социальная и юридическая аномия – такие отклонения от норм, которые имеют массовидный характер. Следовательно, отклонение отклонению рознь. Это уже иного уровня отклонения – массовые. В литературе верно подмечено, что важнейший «признак аномичных проявлений – массовость, выраженная в статистических параметрах...»⁵, что аномия используется для обозначения состояния социума, в котором отсутствие (полное или частичное) норм, в конечном счете, приводит к тому, что большинство населения оказывается «вне общества», вступая в конфронтацию с ним⁶.

В подобной ситуации естественным образом теряется доверие к государственно-правовым институтам и юридическим нормам. Как справедливо оценивает К.О. Малинина, при аномии «проявляется социальная напряженность в росте недовольства, недоверия к властям...»⁷.

Если же говорить о специфических признаках юридической аномии, то при всей их условности к ним относится ее «прописка» в соответствующей сфере социального бытия – в правовой системе и в социально-правовой жизни. Поскольку изначальная природа всякой аномии связана с безнормием, то юридическая аномия сопряжена с полным или частичным отсутствием именно правовых норм, содержащихся в системе права. Подобная ситуация, несомненно, коррелируется с состоянием соответствующего вида сознания – правового сознания, с отрицательным (нигилистическим) отношением к имеющимся нормам, а также с поведением субъектов, выражающемся в их соответствующей правореализационной деятельности. Следовательно, все три компонента правовой системы: право, правосознание и правореализация, «заражаются» аномичными процессами и приводят их в нерабочее состояние. Все вышеперечисленное сказывается на правовой системе общества и ведет к нарушению ее функций и баланса компонентов в ее структуре.

Таким образом, сочетая общие и специфические признаки, **юридическую аномию** можно определить как **разновидность социальной аномии, протекающую в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам, представляющую собой негативную (дестабилизирующую) составляющую социально-правовой жизни общества и характеризующуюся дисфункциональностью и рассогласованностью компонентов правовой системы, что наиболее ярко выражено: во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (новых) правовых норм, во-вторых, в отрицательном отношении населения к имеющимся при очевидной их неэффективности, и, в-третьих, в массовой отклоняющейся правореализационной деятельности субъектов**⁸.

Для большей наглядности проанализировать признаки, содержащиеся в данном определении, можно на примере современной Украины, которая находится в состоянии глубочайшей (в том числе и юридической) аномии.

1) Это специфическая разновидность социальной аномии, протекающая в правовой сфере в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам. Действи-

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс, 1994. С. 22.

² См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 234.

³ См.: Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 721.

⁴ Ревочкин Н.Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 116.

⁵ Баранова Ю.Ю. Методологические исследования аномии и социальная реальность: польское и российское измерение // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 144.

⁶ См.: Всемирная энциклопедия: Философия XX век. / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицанов. М., 2002. С. 35.

⁷ Малинина К.О. Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2015. С. 4.

⁸ См.: Малько А.В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12.

тельно, быстрые изменения после майдана (кровавого государственного переворота), который произошел в Киеве в феврале 2014 года при активной поддержке США и иных западных стран, привели к потере доверия к государственно-правовым институтам Украины со стороны немалой части ее населения. Практически сразу высказались против такого поворота событий граждане, проживающие в Крыму, Одессе, на Донбассе и в других во многом русскоязычных регионах страны.

2) Представляет собой негативную (патологическую) составляющую социально-правовой жизни общества, ее теневую часть, ведущую к хаосу. Так, майдан повлек за собой хаотизацию украинского общества, дестабилизировал существующую там государственно-правовую жизнь, привел к беспорядкам и смертям обычных граждан. В связи с неприятием государственного переворота люди пытались в ряде областей провести мирные акции против разрушения их общества. В частности, в Одессе движение «Куликово поле» выступало именно за это. Однако неонацисты актом насилия им быстро что называется «демократически закрыли рты»: подожгли 2 мая 2014 года Дом профсоюзов, в котором заживо сожгли десятки граждан, мыслящих иначе, чем «майданутые».

3) Это процесс, характеризующийся разбалансированностью компонентов правовой системы. В частности, юридическая аномия приводит к нарушению равновесия в правовой системе, создает условия для дезинтеграции основных ее компонентов. При подобных обстоятельствах она теряет свою организующую роль, приобретая все более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер, в рамках которой внутренние связи и взаимодействия минимизируются. Все перечисленное вполне характеризует современную украинскую правовую систему, которая после государственного переворота приобрела именно такие свойства.

4) Сопряжена с полным или частичным отсутствием необходимых (новых) правовых норм. В принципе любая аномия – это такое состояние социума, когда прежние (старые) нормы уже не действуют для регуляции общественных отношений, а новые еще не институализированы. На Украине все так и произошло: прежние (украинские) юридические нормы перестали действовать на внушительных территориях, не признавших прозападный майдан, а новые нормы права находятся и сейчас еще на этапе интеграции с правовой системой Российской Федерации, поскольку данные территории стали в результате известных референдумов ее новыми субъектами (если Крым и Севастополь вошли в состав РФ еще в 2014 году, то Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области – в 2022 году).

5) Связана с отрицательным отношением народа к имеющимся правовым нормам при очевидной их нелегитимности и неэффективности (неопределенности, противоречивости, незаконности и т.п.). По мнению Э. Дюркгейма, аномия – ре-

зультат не только нормативного, но и ценностного вакуума¹, который «содержится» именно в правосознании. Так, в результате майдана немалая часть населения Украины проявила свое несогласие с кровавым государственным переворотом, по итогам которого к власти в ней пришли радикальные националисты-бандеровцы, поддержанные финансово-материальными и иными средствами (включая «нуландские печенки») Западом. Большинство русскоязычных граждан не приняли навязанной извне власти, что выразилось в негативном отношении к ее, по сути, неолиберально-фашистской идеологии. Подобные «ценности» привели к тому, что украинская «незалежная» власть стала, с одной стороны, разрешать однополые браки и иные европейские ЛГБТ-идеи, а с другой – подвергать гонениям и насилию (вплоть до убийства) оппозиционные силы и лидеров общественного мнения (в том числе и в России). Достаточно вспомнить Олеся Бузину, Анастасию Дугину, Владлена Татарского и многих других. В силу того, что подобная идеология стала внедряться в законы, к ним соответственно тоже сформировалось отрицательное отношение значительной части украинских граждан. Речь идет о законах, связанных с оголтелой антироссийской десоветизацией и одновременно с утверждением лживой историей о так называемых «древних украх», с запретом оппозиции и ее средств массовой информации, с русским языком, с расколом православной церкви, с возрождением бандеровщины – доморощенного, беспредельно агрессивного и подлого украинского национализма.

6) Проявляется в массово отклоняющейся от имеющихся норм правореализационной деятельности субъектов. Применительно к современной Украине массовость выразилась в том, что немалая часть ее граждан выразила свою волю и отторгла искусственно привнесенный в их сообщество националистический режим, посягающий на их права и свободы, на суверенитет украинского государства. О массовом отклоняющемся поведении можно говорить и применительно к огромным потокам миграции украинцев (десятки миллионов людей уехали в Россию, в европейские и иные страны), и применительно к небывалому росту преступности (прежде всего, коррупции, военных преступлений и т.п.), и применительно к многочисленным уклонистам от военной мобилизации. В частности, только по официальным данным офиса генерального прокурора Украины, за год специальной военной операции количество производств по фактам уклонения от призыва и незаконной переправки лиц через государственную границу увеличилось почти в 4 раза.

Во многом тоталитарный и террористический режим Зеленского, цинично заявляя о том, что Украина якобы защищает весь «цивилизованный, демократический и свободный мир» (под которым понимается, естественно, их коллективный «хозяин» – США и другие западные страны), на самом

¹ См.: Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 234.

деле ему «продался» и перешел под его внешнее управление в целях войти в европейскую семью за счет антироссийской политики. Хитрые слова украинских пропагандистов сильно расходятся с реальной деятельностью власти, которая давно уже освоила антидемократические и репрессивные методы управления обществом, пытаясь под формальной нормативностью (а на самом деле противоправной и аморальной) сохранить статус-кво. Поэтому применительно к современной Украине, считаю, вполне можно говорить уже не просто об юридической аномии, а об ее особой агрессивной форме – дисномии. Как верно подчеркивается в литературе, «наиболее опасной формой юридической аномии является дисномия, предусматривающая отказ от всех видов нормативности (юридической, нравственной и др.), сопровождаемая антидемократической трансформацией институтов публичной власти, опирающихся в целях поддержания порядка и целостности национально-правового пространства на репрессивные методы и принципы негативного права»¹. Дисномия – это угроза не просто законности и правопорядку, это угроза для государственности в целом, влекущая за собой, как правило, ее развал, что сейчас и происходит на наших глазах на Украине.

Юридическая аномия – сложное явление и соответственно понятие. Его нельзя упрощать и обозначать каким-либо одним из его элементов: только отсутствием правовых норм (для чего уже есть понятия «пробел» и «вакуум»), или только наличием большого роста преступности, или слабым доверием к институтам власти и т.д. Юридическая аномия – комплекс многих составляющих.

В современной литературе есть и другие определения юридической аномии. В частности, социолог С.Т. Кавецкий отмечает, что «правовая аномия – это проявление системных и индивидуальных установок на внутреннее неприятие закона, что в итоге при массовом проявлении может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, общую дезорганизацию и угрозу национальной безопасности»². Здесь весьма однозначно нашел свое выражение сугубо социологический подход, что само по себе для социологии является вполне приемлемым. Следует также признать верным положение о том, что юридическая аномия «в итоге при массовом проявлении может повлечь дестабилизацию социальных процессов в обществе, развитие беспорядков, общую дезорганизацию и угрозу национальной безопасности».

Однако в этом определении упор сделан лишь на установки внутреннего неприятия закона

¹ Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 9.

² Кавецкий С.Т. Современная аномия: структура, уровни, категории, измерение // Вестник Брестского университета. Серия 1. Философия. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 136; он же. Аномия в современном обществе: социологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Минск, 2020. С. 14.

и на последствия подобной аномии. Между тем для объяснения именно юридической аномии этого явно недостаточно. Важно, кроме чисто субъективного (установки), иметь в виду и еще целый ряд объективных факторов, которые «сопровожают» юридическую аномию. К ним можно отнести то, что она: во-первых, протекает в правовой сфере; во-вторых, в результате быстрых изменений в кризисный (переходный) период и потери доверия к государственно-правовым институтам; в-третьих, представляет собой негативную составляющую социально-правовой жизни общества; в-четвертых, характеризуется дисфункциональностью и рассогласованностью всех компонентов правовой системы (норм права, правосознания и право-реализации). К тому же, исходя из этой дефиниции, субъективные, внутренние факторы (установки) как бы «выпячиваются» на первый план, делаются по сути главными, хотя не они, а факторы объективные, внешние (изменения в социально-правовой жизни общества, а затем и разбалансированность правовой системы) выступают во многом определяющими.

Кроме того, С.Т. Кавецкий, наряду с правовой (юридической), выделяет еще и криминальную аномию, которая, по его мнению, выступает как «преступность, вызываемая социальными патологиями»³. На наш взгляд, последняя – лишь особая разновидность первой и не более того. Другими словами, ее нужно рассматривать лишь в рамках юридической, как ее составную часть и не придавать ей самостоятельного значения, ибо криминализация – крайнее выражение юридических аномичных процессов.

Еще один социолог посвятил правовой аномии целую диссертацию. Им «конкретизировано понятие правовой аномии как состояния российской общественной жизни, характеризующееся рассогласованностью правовых норм и формированием и реализацией жизненных стратегий населения, что определяет формирование методологического конструкта исследования правовой аномии в российском обществе, включающего в качестве критериев верифицируемости толерантность/интолерантность населения к отклонению от правовых норм, степень доверия населения к институту права и деятельности конкретных правоохранительных структур, что позволяет выявить корреляционные связи между социальными настроениями и восприятием, оценкой и актуализацией норм права в массовых социальных практиках»⁴.

В этих положениях уже значительно больше юридического, чем в предыдущих. В них обоснованно говорится и «о рассогласованности правовых норм», и «об отклонениях от них», и «о степени

³ Кавецкий С.Т. Аномия в современном обществе: социологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Минск, 2020. С. 14.

⁴ Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 11.

доверия населения к институту права и деятельности конкретных правоохранительных структур». Кроме того, упор верно сделан не на субъективный фактор (установки), а на объективные начала (состояние общественной жизни).

Вместе с тем правовая аномия рассмотрена не системно, то есть не в привязке к правовой системе, а достаточно отстраненно от нее, что и привело к определенной непоследовательности, дублированию и ненужным повторам (сравним для примера следующие положения, чтобы убедиться в этом: «характеризующееся рассогласованностью правовых норм и формированием и реализацией жизненных стратегий населения» и «корреляционные связи между социальными настроениями и восприятием, оценкой и актуализацией норм права в массовых социальных практиках»). К тому же в определении не присутствуют такие существенные признаки правовой аномии (собственно, как и всякой иной разновидности аномии), как, во-первых, то, что она возникает в условиях кризисных (переходных) состояний общества (реформ, революций, государственных переворотов и т.п.), и, во-вторых, то, к каким патологическим юридическим последствиям приводит (к нарушению прав и свобод человека и гражданина, к беззаконию и беспорядку, к пагубным воздействиям на правосознание личности и другим).

Среди юристов хотелось бы выделить определение, которое дает М.С. Бороздина. По ее мнению, «юридическая аномия – это источник возрастания степени конфликтогенности, связанный с деструктивной деятельностью различных субъектов правоотношений, наличием институциональных искажений в правовой, политической и социально-экономической сферах жизнедеятельности, вызванных отказом от реализации установленных юридических норм и иных социальных норм, деформациями законности и правового порядка, нигилистическим отношением к правовой действительности»¹.

И хотя в данном определении говорится и о нормах права, и о правосознании, и о правореализации (то есть об основных компонентах правовой системы), и о правовой действительности (жизни), не подчеркнута тесная связь юридической аномии с аномией социальной, выступающей во многом для нее основополагающей междисциплинарной категорией. Другими словами, проигнорирована методологическая составляющая, показывающая «истоки» самой юридической аномии. В приведенной дефиниции общие (общесоциальные) и специфические (сугубо юридические) признаки «перемешаны» и четко не обозначены. Исходя из того, что юридическая аномия – лишь разновидность аномии социальной, нужно было это подчеркнуть и тем самым показать соотношение рода (последней) и вида (первой). Только указав данное обстоя-

тельство, мы имеем «методологическое право» базировать юридическую аномию на аномии социальной и использовать имеющиеся наработки в социологии и философии для анализа рассматриваемого явления уже в юриспруденции.

Таким образом, аномия, выступая междисциплинарной категорией, исследуется с позиций разных наук: философии, социологии, политологии, этики, экономики, юриспруденции и т.д. Каждая из наук по-своему изучает данный феномен, уделяя внимание как общим признакам аномии, так и собственным, специфическим. Если же говорить о юридической науке, то ее представители только еще «подбираются» к наиболее полному и масштабному исследованию аномичных процессов в обществе, пытаются скорректировать их понятийные границы применительно к своей сфере. Поэтому в условиях роста подобных процессов, в силу усугубляющейся социальной дестабилизации важно знать и понимать природу юридической аномии, ее причины и истоки, уровни, виды и формы проявления, активнее создавать ее теорию, формируя соответствующий категориальный аппарат. Это, бесспорно, будет содействовать как развитию юридической науки, вынужденной отвечать на многие востребованные жизнью вопросы, так и юридической практики, в рамках которой будет осуществляться противодействие распространению вышеназванных процессов, негативно влияющих на правовую систему общества и в целом на социально-правовую жизнедеятельность.

Литература

1. Баранова Ю.Ю. Методологические исследования аномии и социальная реальность: польское и российское измерение // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 144.
2. Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 7.
3. Всемирная энциклопедия: Философия XX век. / Главный научный редактор и составитель А.А. Грицанов. М., 2002. С. 35.
4. Геращенко Д.Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 33.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 234.
6. Кавецкий С.Т. Аномия в современном обществе: социологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Минск, 2020. С. 14.
7. Кавецкий С.Т. Современная аномия: структура, уровни, категории, измерение // Вестник Брестского университета. Серия 1. Фило-

¹ Бороздина М.С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 7.

софия. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 136.

8. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М., Научный эксперт, 2013. С. 4.
9. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 721.
10. Краткая философская энциклопедия. М., Прогресс, 1994. С. 22.
11. Малинина К.О. Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2015. С. 4.
12. Малько А.В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 12.
13. Ревочкин Н.Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 116.

LEGAL ANOMIE: GENERAL THEORETICAL ANALYSIS

Malko A.V.

Togliatti State University

The present paper gives general theoretical analysis of so relatively new phenomenon in public legal life as a legal anomie. The author grounds that the conditions of imbalance in legal systems cause the need to study legal anomie, indicate its sources, types and forms of manifestation. This is necessary and not only in order to create a theory of legal anomie, but also to more effectively counteract it in practice. Because the fact that scholars just start to investigate this phenomenon, the author believes that it is important to base on philosophical, sociological works dedicated to social anomie. Therefore,

the author applies general philosophical and sociological approaches, as well as historical, systemic, formal legal and comparative legal research methods.

Keywords: anomie as interdisciplinary category, notion and features of legal anomie, legal system.

References

1. Baranova Yu. Yu. Methodological studies of anomie and social reality: Polish and Russian dimension // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2011. Issue. 12. S. 144.
2. Borozdina M.S. Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2009. S. 7.
3. World Encyclopedia: Philosophy of the XX century. / Chief scientific editor and compiler A.A. Gritsanov. M., 2002. S. 35.
4. Gerashchenko D.G. Legal anomie in Russian society: structural and activity dimension. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don, 2011, p. 33.
5. Durkheim E. Suicide. Sociological study. M., 1994. S. 234.
6. Kavetsky S.T. Anomie in modern society: a sociological aspect. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. Minsk, 2020. P. 14.
7. Kavetsky S.T. Modern anomie: structure, levels, categories, measurement // Bulletin of the Brest University. Series 1. Philosophy. Political science. Sociology. 2020. No. 2. P. 136.
8. Kara-Murza S.G. Anomie in Russia: causes and manifestations. M., Scientific expert, 2013. P. 4.
9. Kostina E. Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O. The state of the value system as a factor of anomie in modern Russian society // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2018. V. 18. No. 4. S. 721.
10. Brief philosophical encyclopedia. M., Progress, 1994. S. 22.
11. Malinina K.O. Social anomie in modern Russian society: causes, manifestations, indicators. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. M., 2015. S. 4.
12. Malko A.V. Legal life of society, anomie and problems of the unity of the legal space in modern Russia // State and Law. 2023. No. 3. P. 12.
13. Revochkin N.N. Anomie as a global factor in the disorganization of modern society: a philosophical aspect // Bulletin of the Kazan State University. ON THE. Nekrasov. 2014. No. 2. P. 116.

Иванов Андрей Викторович,

аспирант ФГНИУ «Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации» (ИЗиСП)
E-mail: zagorye@mail.ru

В статье автор раскрывает недостатки уголовно-правовых норм о легализации преступных активов, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, которые выражены в указаниях на цель в описании составов. Автором выявлен правовой вакуум, который не позволяет привлекать лиц к ответственности за финансирование преступлений за исключением преступлений террористической направленности. Для устранения возникшего вакуума автором предлагается ввести понятие обратной легализации денежных активов. В статье отражены последствия от обратной легализации денежных активов, приводятся отличительные признаки от традиционной легализации денежных средств, описываются меры предотвращения обратной легализации с целью изучения возможностей реализации данного преступления в национальном законодательстве. В статье автором приводятся обоснованные доводы криминализации такого деяния как финансирование преступлений и предлагается ввести административную и уголовную ответственность за обратную легализацию денежных активов, если она направлена на финансирование преступной деятельности. Одной из основных целей новой нормы является превентивная мера в отношении особо тяжких преступлений, таких как терроризм, коррупция, преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также целого ряда экономических преступлений.

Ключевые слова: коррупция, «теневая» экономика, терроризм, «обналичивание», Конвенция Совета Европы против отмывания, легализация (отмывание) преступных доходов, обратная легализация денежных активов, ФАТФ (FATF, Financial Action Task Force).

Согласно официальным оценкам Росфинмониторинга размер «теневой экономики» России составляет порядка 20% ВВП, при обороте порядка 20 триллионов рублей в год [1]. Она включает в себя как законное производство, направленное на уход от налогообложения, так и незаконную деятельность – такую, например, как торговля оружием, наркотиками, осуществление банковской деятельности без получения специальных разрешений и т.д.

Основным фактором, определяющим масштаб «теневой» экономики в России, является коррупция, а также избыточное государственное регулирование и высокие налоги, от которых бизнес стремится уйти в «тень» и выплачивать зарплаты в конвертах. Одним из связующих элементов при переходе от легальной к «теневой» экономике является легализация незаконных доходов. Из федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее ФЗ № 115-ФЗ) под легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, понимается придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления [2]. Исходя из названия указанного закона, с легализацией денежных средств принято связывать еще одно тяжкое преступление, а именно финансирование терроризма. Причем, учитывая, что легализация незаконных активов является прикосновенным преступлением, то, очевидно, что совершение террористических действий является предикатным. Но остаётся открытым вопрос о средствах, с помощью которых совершаются предикатные преступления, т.е. что является источником финансирования терроризма. Источником могут выступать как законно полученные денежные средства, так и денежные средства, полученные от предыдущего, ранее совершенного преступления.

За легализацию незаконных доходов предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Согласно ст. 174 (174.1) УК РФ уголовной ответственности подлежат лица, которые совершили сделки с имуществом, полученным преступным путем, в целях придания этому имуществу правомерного вида. Однако указание на цель в статьях является спорной. Цели у лица совершающего легализацию могут быть различные, либо вложение полученного имущества в дальнейшую экономическую деятельность, либо укрывательство их от правоохранительных или налоговых органов, либо использование их в виде финансирования совершения других преступлений таких

как терроризм, коррупция, уклонения от уплаты налогов, для организации сети сбыта наркотических веществ, совершения убийства по найму и других. По логике законодателя, если целью легализации было получение денежных средств для финансирования совершения новых преступлений или продолжения начатых, то в действиях лица будет отсутствовать состав преступлений, предусмотренных ст. 174 (174.1) УК РФ. Получается правовой пробел. Другим пробелом является отсутствие в уголовном праве понятия финансирование преступлений. В УК РФ установлена уголовная ответственность лишь за финансирование отдельных категорий преступлений, связанных с террористической деятельностью (205.1, 205.2, 205.4, 282.3 УК РФ) или с преступлениями против мира и безопасности человечества (359, 361 УК РФ). По этой причине легализацию преступных денег и финансирование терроризма часто отождествляют. Однако это не совсем правильно. Дефиниция «отмывание денег» в своем семантическом смысле означает преобразование «грязных» денег в «чистые», т.е. это процесс перевода средств от незаконной деятельности к законной, чтобы скрыть их источник. Но финансирование терроризма, а также использование денежных средств для совершения преступлений или продолжения уже начатых не всегда происходит за счет средств полученных именно таким образом, они могут быть получены и законным путем. Характерным примером использования денежных средств для финансирования терроризма, полученных легальным путем, может служить примеры из судебной практики. Так, гр. У.Ж.Х. Чегемским районным судом Кабардино-Балкарской Республики был признан виновным в совершении содействия террористической деятельности путем финансирования, т.е. в совершении преступления предусмотренного ст. 205.1 ч. 1.1 УК РФ. Действия У.Ж.Х. заключались в предоставлении активному участнику незаконного вооруженного формирования «Объединенный Вилайят Кабарды, Балкарии и Карачая» денежных средств в наличной форме в сумме 750 000 руб. на приобретение огнестрельного оружия и компонентов для изготовления самодельных взрывных устройств для последующего совершения террористических актов. Как следует из приговора, денежные средства в сумме 750 000 руб. гр. У.Ж.Х. являлись его личными сбережениями, заработанными им законным путем в ходе производства строительных работ [3]. Таким образом, отличие финансирование терроризма от легализации денежных средств заключается в том, что вовлеченные средства на финансирование терроризма могут поступать как из законных источников, так и от преступной деятельности, а при легализации используются лишь денежные средства, полученные от преступной деятельности. Другой отличительной особенностью финансирования преступлений является отсутствие какой-либо ответственности в отличие от легализации преступных активов, за исключением некоторых составов преступлений, перечисленных выше.

Изменить ситуацию возможно путем пересмотра соответствующих статей УК РФ. Первый вариант реформации статей УК заключается в расширении перечисления в диспозициях ст. ст. 174 (174.1) УК РФ всех возможных целей легализации незаконных активов, что явно не будет способствовать унификации законодательства. Другим вариантом является исключение вообще какого-либо указания на цель из описания составов, но тогда данные составы преступлений, во-первых, потеряют главное отличие их от схожего по своим родовым признакам состава такого как приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), во-вторых, указанные уголовные нормы будут лишены смысловой определенности, необходимой для правильного применения закона. Состав преступления должен быть описан в законе достаточно точно [4].

Для решения, возникшего правового вакуума, автором представляется уместным ввести понятие «обратной легализации денежных активов», под которой следует понимать изъятие денежных активов из регулярного оборота для осуществления финансирования преступной деятельности. Обратная легализация денег предполагает маскировку денежных активов, полученных именно законным способом, в отличие от традиционной легализации, которая состоит в маскировке заведомо незаконного характера источника и самих незаконных активов, и фокусируется на незаконном финансировании преступлений с помощью законных средств. Таким образом цель состоит в том, чтобы скрыть, для чего они используют средства. Говоря простым языком, обратная легализация денежных активов это перевод «чистых» денег в «грязные».

Для предотвращения обратной легализации денег необходим комплексный подход, который состоит из: соблюдения правил, установленных действующим законодательством для идентификации лиц, совершающих финансовые операции или иные сделки с активами (данная процедура известна как «Знай своего клиента», далее KYC сокращенный перевод от know your customer); сокращения использования наличных денежных средств при совершении сделок или финансовых операций и наличие нормативно-правовой базы для предотвращения обратной легализации денег и срыва деятельности по финансированию преступлений, которая включает в себя соблюдение строгих требований к деловой финансовой отчетности и введение жестких наказаний и санкций для тех, кто нарушает законы о противодействии легализации денежных средств и финансированию терроризму. Рассмотрим подробнее каждое указанное требование.

KYC – это процесс, который финансовые учреждения используют для проверки личности своих клиентов и обеспечения того, чтобы они не финансировали какую-либо незаконную деятельность. Эти действия могут включать в себя операции по проверке переводов средств через несколько счетов или конвертирование валюты.

Чтобы соответствовать этим требованиям КУС, многие банки и другие финансовые учреждения будут собирать информацию о своих клиентах такую как их имена, адреса и другие документы, удостоверяющие личность. Кроме того, они могут отслеживать операции по легализации денег на предмет подозрительной деятельности или просматривать историю транзакций для поиска необычных закономерностей. Внедряя надежные процессы КУС, предприятия могут помочь предотвратить обратную деятельность по отмыванию денег, а также помочь выявить отдельных лиц или группы, причастных к финансированию терроризма или иных преступлений. В России правовая база принципов КУС заложена в национальном законодательстве, которая полностью соответствует требованиям ФАТФ (FATF, Financial Action Task Force) [5]. Следующим этапом превентивных мер по предотвращению обратной легализации денег является сокращение использования наличных денежных средств с установлением ограничений максимальных размеров платежей. Наличные денежные средства или цифровые финансовые активы (ЦФА) являются наиболее привлекательным способом финансирования преступной деятельности, поскольку их использование не требует авторизации, что позволяет оставаться операциям с их использованием вне поля зрения контрольно-финансовых и правоохранительных органов. Таким образом, наличные денежные средства выступают одним из главных факторов процветания «теневой» экономики.

Страны с высокоразвитой экономикой давно отказались от платежей наличными в целях сокращения уровня преступности и перешли на безналичные расчеты. Переход на полный безналичный расчёт создаст большие проблемы для преступного мира. Вполне вероятно, что если бы операции с наличными были признаны незаконными, то тем, кто работает за пределами правового поля экономических отношений, было бы проблематично осуществлять свою деятельность. Конечно преступность не исчезнет полностью, есть вероятность роста таких преступлений как мошенничество с финансовыми активами, но это создаст еще большие затруднения и необходимость еще больших усилий со стороны преступного элемента, поскольку в век технологического прогресса постоянно совершенствуется уровень банковской безопасности и, как следствие, безопасности финансовых и банковских операций. Не все мошенники обладают высокими интеллектуальными способностями. В случае принятия такой нормы можно обоснованно ожидать сокращения количества преступлений с посягательством на жизнь и здоровье граждан (особенно среди такой уязвимой категории как пенсионеры) по мотивам завладения личным имуществом.

Очевидно, что для финансирования преступлений таких как уклонения от уплаты налогов, коммерческого подкупа, взятки, для оплаты услуг совершения убийства по найму и др., требуется круп-

ные денежные суммы, которые можно получить путем обналичивания денежных средств, т.е. путем перевода денежных средств на счета юридических или физических лиц, которые в дальнейшем снимают их со своих счетов и за определённый процент от суммы передают наличные деньги заказчику. На сегодняшний день известно множество схем по обналичиванию денежных средств. Опишем некоторые из них. Наиболее популярной является «теневая инкассация», когда заказчик делает банковский перевод на счёт по фиктивным основаниям (договорам) на счета розничных предприятий в обмен на наличные денежные средства вместо инкассирования их выручки в банк. Другим способом является обналичивание с использованием счетов физических лиц. Юридические лица делают перевод денежных средств на счет физического лица под фиктивному основанию, например, начисления заработной платы, который снимает их в банкомате. Еще одним из наиболее распространенных способов получения наличных денежных средств со счетов юридических лиц является использование корпоративной карты. Основанием для перечисления и снятия наличных денежных средств по корпоративной карте является использование для хозяйственных нужд. Это далеко не полный список схем по обналичиванию денежных средств.

Указанием Банка России в России сегодня четко регламентированы основания для снятия наличных денег со счетов юридических лиц и индивидуальных предприятий. Владельцы банковских счетов вправе снимать и расходовать наличные денежные средства на следующие цели: для оплаты товаров, работ, услуг; для выдачи наличных денег работникам под отчет или на личные (потребительские) нужды индивидуального предпринимателя; для выдачи и возврата займов; для выдачи работникам заработной платы и т.д. [6]. Однако, на наш взгляд, правовые основания, содержащиеся в Указании Банка России, слишком расширены, что предоставляет возможность лицам пользоваться ими для обналичивания денежных средств, которые в дальнейшем могут использоваться для финансирования преступлений. Безусловно, пока невозможно полностью отказаться от использования наличных денежных средств, не во всех еще регионах РФ развита инфраструктура для безналичных расчетов, но проводимая государством финансовая политика в виде цифровизации в любых сферах деятельности рано или поздно приведёт к этому. О развитии тенденции к безналичным платежам и электронным деньгам говорит, например, выдача пенсий пенсионерам через платежные карты, которые даже в газетных киосках принимаются для оплаты товаров малой стоимости, оплата услуг такси или покупок возможна с использованием различных программ, установленных в мобильном приложении, оплата парковки возможно путем отправки СМС на определенный номер, после чего со счета будет списана сумма, указанная в смс, появление мобильного банкинга и др.

Переход от наличных к безналичным платежным системам был принят в качестве одного из направлений политики предотвращения преступности во многих развитых странах. В докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), например, говорится, что чем быстрее мир перейдет к безналичной экономике, тем лучше будет обеспечена общественная и национальная безопасность [7].

Рассматривая установление предельного размера наличных операций, следует отметить, что подобная практика в той или иной форме (жесткое нормативное ограничение, представление дополнительной информации в контролирующие органы, отмена налоговых льгот и т.п.), в последнее время получила распространение во многих западных странах. Так, в Бельгии предельная сумма наличных платежей для физических лиц на операцию составляет 5 тыс. евро, Франции – 3 тыс. евро, Греции – 1,5 тыс. евро, Италии и Испании – 1 тыс. евро [8]. Дальше всех продвинулись США, законодательством которого установлена уголовная ответственность за использование наличных средств за транспортировку или передачу средств, которые, как известно лицу, были получены не только в результате совершения уголовного преступления, но и были предназначены для использования в целях совершения или поддержки противоправной деятельности [9].

В РФ статьей 6 ФЗ № 115-ФЗ также установлен контроль за операциями, как по безналичному расчету, так и с наличными денежными средствами, если сумма операции составляет 1 миллион рублей или выше.

Очевидно, что снижение денежной массы и ограничение максимальных размеров платежей не способно одномоментно привести к сокращению финансирования преступной деятельности и снижению уровня теневой экономики. Однако еще раз повторимся, что это один из методов комплексного подхода превентивных мер по предотвращению обратной легализации денег.

Третьим действием на пути противодействия обратной легализации активов является формирование нормативно-правовой базы на уровне введенной административной и уголовной ответственности, которая будет являться крайним заслоном в списке перечисленных мер по противодействию обратной легализации имущества и срыву финансирования преступлений. Сформированная нормативная база должна содержать жесткие наказания и санкции.

Несмотря на то обстоятельство, что Россия вышла из состава Совета Европы, примером международного законодательства за преступление обратной легализации денежных активов служит Конвенция Совета Европы 1990 года «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», в которой странам-участникам предоставлено право устанавливать в своих национальных законодательствах уголовную ответственность за действия, связанные с от-

мыванием преступных доходов когда они совершены лицом в целях продолжения преступной деятельности (ст. 6 (п. 3 «с»)) [10].

Ранее в литературе авторами вносились предложения о введении уголовной ответственности за обналичивание денежных средств. Так, М.И. Мамаевым предложено квалифицировать действия лиц, которые совершают незаконное обналичивание, как действия по уклонению лица (физического или юридического) от уплаты налогов или страховых взносов, т.е. преступлений, предусмотренных ст.ст. 198 и 199 УК РФ. При этом действия лиц, которые способствовали этому процессу и которые не являются служащими организации-налогоплательщика, квалифицировать через институт соучастия указанных составов преступлений [11]. К такому выводу автор пришел на основании того, что действия по незаконному обналичиванию направлены на уменьшение налоговых обязательств лица.

В.И. Третьяков же, напротив, предложил установить уголовную ответственность за совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо преступным путем в целях совершения новых преступлений или продолжения начатых самим лицом либо другими лицами, включая как раз составы налоговых преступлений [12].

Противодействие обратной легализации исключительно воздействием уголовной нормы по уклонению уплаты налогов и сборов является частичным решением проблемы, сужающим масштаб правовой лакуны до уровня налогообложения хозяйствующего субъекта. Суть обратной легализации в том, что она совершается с целью финансирования любых преступлений, а не только налоговых, где такое финансирование необходимо и может совершаться и на законных основаниях, чем маскирует свои истинные назначения, в чем и заключается сложность обнаружения такого явления, т.е. обратная легализация является высоко латентным деянием. Именно из-за трудностей с выявлением и предотвращением обратной легализации денег она стала одним из популярных методов финансирования терроризма и другой незаконной деятельности. Террористы, в частности, полагаясь на обратную легализацию денег для финансирования своих операций, часто используют законные активы для совершения незаконных действий. Очевидным примером является совершение террористами аль-Каиды терактов 11 сентября 2001 года. Финансирование терактов осуществлялось за счет средств, поступающих на счета как наличными, так и электронными переводами из-за рубежа. В одном случае деньги с обменного пункта в ОАЭ прошли через корреспондентский счет в нью-йоркском банке, а затем были перечислены на счета угонщиков в другом банке во Флориде. В других случаях угонщики или их сторонники просто ввозили в страну пачки наличных денег. Деньги могли иметь законное происхождение – из личного

состояния, из средств, собранных для оказания гуманитарной помощи, или из любого другого источника, – но их цель была смертельно опасной [13].

Деяния обратной легализации не охватываются составами преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 174 и 174.1 УК РФ. Между тем подобные деяния представляют не меньшую опасность, поскольку в качестве объектов данного преступления, кроме экономических отношений и экономической деятельности, могут также выступать общественная безопасность и общественный порядок, интересы государственной службы, жизнь и здоровье граждан и др. С целью предотвращения совершения указанных составов и недопущения наступления тяжких последствий, необходима выработка механизма превентивного действия. В качестве такого механизма нами предлагается принятие отдельной уголовной нормы по противодействию финансированию преступлений. Автор предлагает вести в уголовное право дефиницию «обратная легализация», которой будет отведена роль превентивной меры противодействию составам преступлений с большей общественной опасностью и тяжкими последствиями – таким как терроризм, коррупция, налоговые преступления и др., дополнив УК РФ ст. 174.2 «Обратная легализация денежных активов», изложенной в следующей редакции: «Совершение лжесделок по выводу денежных активов из легального оборота с целью совершения или финансирования преступлений наказывается ...»

Предвещая критику об излишней репрессивности, путем дополнительной криминализации УК РФ, сразу оговоримся, что целью введения уголовной ответственности за обратную легализацию денежных активов является не только установления наказания за данное действие, но и предотвращение более тяжкого преступления, например, терроризма или др.. Предупреждение преступлений, согласно ст. 3 УК РФ, является одной из задач УК РФ [14]. Преступление обратной легализации денежных активов высоко латентное, но даже небольшой процент раскрываемости данного преступления поможет сохранить жизни людей, которые могут стать жертвами терроризма, финансируемого путем обратной легализации денежных активов.

Литература

1. Солопов М., Старостина Ю., Ткачёв И. Финансовая разведка оценила в €20 трлн объем теневой экономики в России // РБК. Экономика от 22.02.2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee>.
2. Федеральный закон РФ от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.
3. Приговор Чегемского районного суда Кабардино-Балкарской Республики по делу

№ 1–79/2014 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VM2FjobpZQT/>.

4. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика // СПб. Юридический центр Пресс. 2004. С. 182.
5. Федеральный закон РФ от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418; Положение Банка России от 15.10.2015 № 499-П (ред. от 04.04.2023) «Об идентификации кредитными организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» «Вестнике Банка России» от 16 декабря 2015 г. № 115. URL: <https://base.garant.ru/71277312/>.
6. Указание Банка России от 09.12.2019 № 5348-У (ред. от 31.03.2022) «О правилах наличных расчетов». URL: <https://www.cbr.ru/Queries/UnidbQuery/File/90134/1020>.
7. «The future of money». Organisation for Economic Co-Operation and Development. Paris. 2002. P.7. URL: <https://www.oecd.org/sti/futures/35391062.pdf>.
8. Бердышев А.В. Зарубежный и Российский опыт сокращения наличных платежей в экономике // Вестник ГУУ. 2019. № 4. С. 146–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt-sokrascheniya-nalichnyh-platezhey-v-ekonomike>.
9. Уголовный и уголовно-процессуальный кодекс Свода законов США (Crimes and criminal procedure), § 1960, (официальный текст). URL: <https://uscode.house.gov>.
10. Конвенция Совета Европы от 08.11.1990 г. № 141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 3.
11. Петросян О.Ш., Трунцевский Ю.В. и др. Экономические и финансовые преступления: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» // М. Юнити-Дана. 2011. С. 287–288.
12. Третьяков В.И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009 г. С. 201.
13. Отчёт комиссии 9/11. Газета «Коммерсант» от 09.09.2011.
14. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

REVERSE MONEY LAUNDERING

Ivanov A.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (IZISp)

In the article the author reveals the shortcomings of the criminal-legal norms on legalization of criminal assets provided by art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are expressed in the indication of the purpose in the description of the corpus delicti. The author has revealed a legal vacuum, which does not allow to hold persons liable for financing of crimes except for crimes of terrorist orientation. To eliminate the vacuum, the author proposes to introduce the concept of reverse legalization of monetary assets. The article reflects the consequences of the reverse legalization of monetary assets, provides distinguishing features from the traditional legalization of monetary assets, describes measures to prevent reverse legalization in order to study the possibilities of implementation of this crime in the national legislation. In the article the author gives reasonable arguments for criminalization of such act as financing of crimes and proposes to introduce administrative and criminal liability for reverse legalization of monetary assets if it is aimed at financing criminal activity. One of the main purposes of the new norm is a preventive measure for committing crimes with more dangerous social danger, such as terrorism, corruption, tax evasion and others.

Keywords: corruption, “shadow” economy, terrorism, “cashing in”, Council of Europe Convention against Money Laundering, legalization (laundering) of criminal proceeds, reverse legalization of monetary assets, FATF (Financial Action Task Force).

References

1. Solopov M., Starostina Y., Tkachev I. Financial intelligence estimated the volume of shadow economy in Russia at €20 trillion // RBC. Economy of 22.02.2019 URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee>.
2. Federal Law of the Russian Federation from 07.08.2001 № 115-FZ (ed. from 19.12.2022) “On counteraction to legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism” // NW RF. 2001. № 33. Art. 3418.
3. Verdict of the Chegemsky District Court of the Kabardino-Balkar Republic in case No. 1–79/2014 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VM2FjobpZQT/>.
4. Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal-legal impact: criminal law, criminal law, criminal-legal policy // SPb. Legal Center Press. 2004. C. 182.
5. Federal Law of the Russian Federation from 07.08.2001 № 115-FZ (ed. from 19.12.2022) “On counteraction to legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism” // NW RF. 2001. № 33. Art. 3418; Regulation of the Bank of Russia dated 15.10.2015 No. 499-P (ed. 04.04.2023) “On Identification by Credit Institutions of Customers, Customer Representatives, Beneficiaries and Beneficial Owners for the Purpose of Countering Legalization (Laundering) of Proceeds of Crime and Financing of Terrorism” “Bulletin of the Bank of Russia” dated December 16, 2015 No. 115. URL: <https://base.garant.ru/71277312/>.
6. Decree of the Bank of Russia from 09.12.2019 № 5348-U (ed. from 31.03.2022) “On the rules of cash settlements”. URL: <https://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90134/1020>.
7. “The future of money”. Organization for Economic Co-Operation and Development. Paris. 2002. R.7. URL: <https://www.oecd.org/sti/futures/35391062.pdf>.
8. Berdyshev A.V. Foreign and Russian experience in reducing cash payments in the economy // Vestnik GUU. 2019. № 4. C. 146–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt-sokrascheniya-nalichnyh-platezhey-v-ekonomike>.
9. U.S. Code of Crimes and Criminal Procedure, § 1960, (official text). URL: <https://uscode.house.gov>.
10. Council of Europe Convention No. 141 of 08.11.1990 “On Laundering, Detection, Seizure and Confiscation of Proceeds of Crime” // NW RF. 2003. № 3.
11. Petrosyan O. Sh., Truntsevsky Y.V. et al. Economic and financial crimes: textbook for students of universities, studying on specialty “jurisprudence” // M. Unity-Dana. 2011. C. 287–288.
12. Tretyakov V.I. Organized crime and legalization of criminal proceeds: Cand. Cand. jurid. nauk. Rostov-on-Don. 2009 г. C. 201.
13. Report of the 9/11 Commission. Kommersant newspaper from 09.09.2011.
14. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation from June 13, 1996 № 63-FZ // C3 RF. 1996. № 25. St. 2954.